

История Наполеона Бонапарта

Дж. Дж. Локхарт

The History of Napoleon Buonaparte

J. G. Lockhart

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Наполеона Бонапарта

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Наполеона Бонапарта

Автор: Дж. Дж. Локхарт

Дата выхода: 23 января 2006 [Электронная книга №17579]

Язык: Английский

Кредиты: производится Джульетта Сазерленд, Таави Калью и онлайн распределенные корректоры Европы по <http://dp.rastko.net>.

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА "

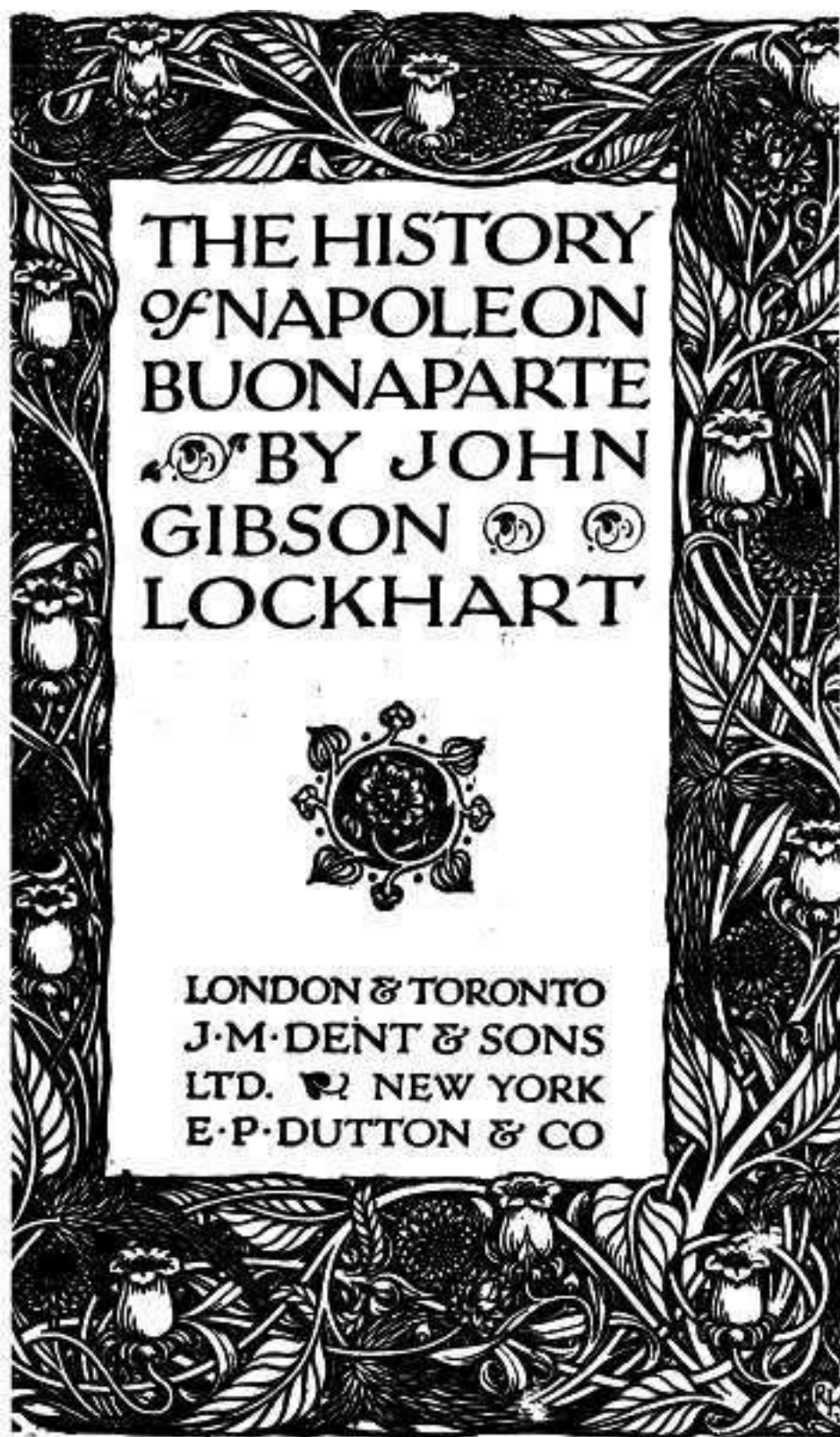

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

АВТОР ДЖОНА ГИБСОНА ЛОКХАРТА

ЛОНДОН И ТОРОНТО J.M. DENT & SONS LTD.

НЬЮ-ЙОРК E.P. DUTTON & CO

Первый выпуск этого издания: февраль 1906 г.

Переиздано: апрель 1906 г.; май 1907 г.;

июль 1909 г.; ноябрь 1910 г.;
ноябрь 1912 г.; март 1915 г.

Введение

[Локхарт, 1794-1854]

"Грядущие народы будут оглядываться на его историю как на некий великий и сверхъестественный роман. Пламенная энергия его юношеской карьеры и великолепный прогресс его непреодолимого честолюбия придали его характеру таинственное величие некоего небесного явления; и когда все меньшие потрясения и ничтожные люди нашего века канут во тьму забвения, история все равно впишет одну могущественную эпоху с величественным именем Наполеона".

Эти восторженные слова тоже принадлежат Локхарту, хотя они взяты не из этой истории, а из некоторых "Замечаний к периодической критике Англии", которые он опубликовал в журнале *Блэквуда*. Они служат, если рассматривать их в сочетании с его книгой, для обозначения его места в длинном списке историков, биографов и критиков, которые писали на английском языке и с английской или британской точки зрения о "Наполеоне Великом". Иными словами, Локхарт не был ни идолопоклонником, подобно Хэзлитту, ни порицателями и богохульниками.

Сразу вспоминается, что он сказал о "высоком беспристрастии", с которым сэр Вальтер Скотт писал о Наполеоне до него и с которым он, по-видимому, справился со своей меньшей задачей. Как биографию, как историческое произведение, как образец исторического стиля, сравнительно скромное эссе Локхарта следует назвать лучшим исполнением, чем у Скотта. Но "настоящий Наполеон" еще не написан.

Лорд Роузбери в своей книге о *Наполеоне: последняя фаза* спрашивает, появится ли когда-нибудь адекватный портрет? Еще предстоит написать "Жизнь", в которой будут использованы все новые материалы, появившиеся на свет с тех пор, как Скотт написал свои девять томов в 1827 году, а Локхарт опубликовал свой в 1829 году. Но книга Локхарта по-прежнему имеет ценность как книга, написанная настоящим литератором, который был прирожденным биографом, и написанная в то время, когда мировая суматоха Наполеона была предметом личного отчета. Несомненно, она окрашена некоторыми современными иллюзиями; но по своему описанию она более четкая, чем у Скотта, и, хотя менее живописная, более прямая.

Его сравнительная краткость является преимуществом, поскольку он должен рассказать, как за короткое время "худой, голодный завоеватель раздувается", как говорит лорд Роузбери, "в суверена, а затем и в повелителя суверенов".

Ввиду влияния одной книги на другую и одного автора на другого, стоит отметить, что Локхарт испытал приступ энтузиазма по поводу *Наполеона* Скотта, когда тот впервые появился, или, скорее, когда он впервые прочитал первые шесть томов этого труда, прежде чем они "вышли" в свет в 1827 году. Он думал, что этот роман произведет на Скотта такой же эффект, как и любые два его романа. Это оказалось ошибочным прогнозом, но Скотту заплатили огромную цену —

около восемнадцати тысяч фунтов. Когда Джон Мюррей, который уже кооптировал Локхарта в качестве своего *Ежеквартального* редактора, задумался об открытии "Семейной библиотеки" и предложил своему редактору эту другую книгу о Наполеоне, это, должно быть, показалось во многих отношениях очень привлекательным произведением. Но отчасти из-за отношений Локхарта со Скоттом, а отчасти из-за необходимости избегать любых литературных сравнений, эти маленькие толстые двенадцатиперстные кишки появились анонимно. Это было, как уже упоминалось, в 1829 году, через два года после выхода книги Скотта.

Сегодня это отличная отправная точка для долгого приключения Наполеона, конец которого, поскольку он продлевается свежими литературными догадками, кажется таким же отдаленным, как и прежде.

Именно с французской стороны можно было бы в основном почерпнуть те яркие, а иногда и сомнительные сведения из первых рук, которые наилучшим образом дополняют изложение Локхарта. Нужно сравнить его отступление из России с рассказами Раппа и других летописцев, и Рапп напомнил ему перейти к *"Военной борьбе"* Жомини и даже обратиться за единственным личным воспоминанием к такому вопиющему поклоннику героев, как Дюма, в его быстрой военной биографии.

"Только дважды в своей жизни, - сказал Дюма, - пишущий эти строки видел Наполеона. Первый раз по дороге в Линьи; второй - когда он возвращался из Ватерлоо. Первый раз при свете лампы; первый раз под одобрительные возгласы толпы; второй раз - среди молчания толпы. Каждый раз Наполеон сидел в одной и той же карете, на одном и том же сиденье, одетый в один и тот же наряд; каждый раз это был один и тот же взгляд, потерянный и рассеянный; каждый раз одна и та же голова, спокойная и бесстрастная, только его лоб был немного больше склонен к груди, когда он возвращался, чем когда уходил. От усталости ли он не мог уснуть или от горя из-за того, что потерял весь мир?"

Это французский постскрипtum ко многим английским книгам о победителях и проигравших мира.

Ниже приведен список работ Джона Гибсона Локхарта (1794-1854):—

"Письма Питера к своим родственникам", Питер Моррис, одонтист (псевдоним), 1819; Валериус, римская история, 1821; Некоторые отрывки из жизни мистера Адама Блэра, 1822; Реджинальд Далтон, история жизни английского университета, 1823; Древние испанские баллады (пер.), 1823; Мэтью Уолд, роман, 1824; Жизнь Роберта Бернса, 1828; История Наполеона Бонапарта, 1829; История последней войны с набросками Нельсона, Веллингтона и Наполеона, 1832; Воспоминания о жизни сэра Вальтера Скотта, 7 томов. 1836-8; Теодор Хук, очерк, 1852.

Локхарт был сотрудником журнала "Блэквуд" и редактором "Ежеквартального обзора" с 1825 по 1853 год.

Содержание

ГЛАВА I

Рождение и происхождение Наполеона Бонапарта—Его образование в Бриенне и Париже—Его характер в этот период—Его политические пристрастия—Он поступает в армию младшим лейтенантом артиллерии—Его первая военная служба на Корсике в 1793 году. 1

ГЛАВА II

Бонапарт командует артиллерией в Тулоне—Падение Тулона—Представители народа—Жюно. 9

ГЛАВА III

Бонапарт, командир батальона в Ницце—Падение Робеспьера—Его смещают—Бонапарт в Париже в 1795 году—День Разделов —Командует Внутренней армией—Женится на Жозефине де Богарнуа—Назначен командующим итальянской армией. 15

ГЛАВА IV

Армия Италии—Тактика Буонапарте—Битва при Монте—Нотте—Битва при Миллезимо—Битва при Мондови—Перемирие при Чераско—Завершение кампании в Пьемонте—Мир, дарованный Сардинии. 24

ГЛАВА V

Французы переходят По у Пласенцы—Битва при Фомбио—Мост Лоди—Наполеон занимает Милан—Уходит в отставку и возобновляет свое командование—Восстание в Павии—Военные казни—Французы переходят Минчо у Боргетто—Болье отступает за осажденные Адидже и Мантуя — Мир с королем Обеих Сицилий —Папа покупает Отсрочку. 30

ГЛАВА VI

Вурмзер сменяет Болье—Журдан и Моро вторгаются в Германию и снова вынуждены отступить—Австрийцы наступают из Тироля—Битва при Лонато—Бегство Наполеона—Битва близ Кастильоне—Вурмзер отступает к Тренту и завербован—Битва при Ровередо—Битва при Примолано—Битва при Бассано—Битва при Сент—Джордж—Вурмзер заперт в Мантуе. 42

ГЛАВА VII

Дела Корсики—Альвинци принимает командование австрийцами на итальянской границе—Три битвы при Арколе—Отступление Альвинци—Битва при Риволи—Битва при Ла Фаворите—Капитуляция Мантуи—Поход Виктора на Анкону—Отчаяние папы—Толлентинский мирный договор. 50

ГЛАВА VIII

Нейтралитет Венеции—Эрцгерцог Карл—Битва при Тальяменто—Отступление эрцгерцога— Леобенский мирный договор—Война с Венецией—Венеция завоевана. 64

ГЛАВА IX

Пишегрю—Обращение Директории к Бонапарту—18 Фруктидора—Двор Монтебелло—Жозефина—Кампо-Формийский мирный договор—Бонапарт покидает Италию. 70

ГЛАВА X

Наполеон в Раштадте—Он прибывает в Париж—Его прием Директорией—Его поведение и манеры—Его назначают командовать армией для вторжения в Англию—Он рекомендует 78

экспедицию в Египет—Достигает Тулона—Отправляется в путь.

ГЛАВА XI

Путешествие в Египет—Мальта сдана—Французы спасаются от Нельсона и берут Александрию—Поход вверх по Нилу—Битва при пирамидах—Каир сдается—Битва при Абукире.

88

ГЛАВА XII

Администрация Бонапарта в Египте—Вооружение Порты—Бонапарт при Суэце—При Эль-Арише—Газа, Яффо, Акко—Отступление в Египет—Поражение турок при Абукире—Наполеон отправляется во Францию.

96

ГЛАВА XIII

Ретроспектива—Бонапарт прибытие во Францию—Революция 18 Брюмера—Временное консульство.

111

ГЛАВА XIV

Временное консульство—Реформы во Франции—Усмирение шуанов—Конституция VIII года.—Главный консул Буонапарте.

125

ГЛАВА XV

Главный консул пишет королю Англии—Ответ лорда Гренвилла—Наполеон проходит Великий Сен—Бернар—Взятие Сен—Барда—Осада Генуи—Битва при Монтебелло—Битва при Маренго—Наполеон возвращается в Париж—Адская машина-Битва при Гогенлиндене-Люневильский мирный договор.

135

ГЛАВА XVI

Дела Неаполя и папы Римского—Император Павел в России—Северная конфедерация против Англии—Битва при Копенгагене—Победа Нельсона—Смерть Павла—Экспедиция в Египет под командованием сэра Ральфа Аберкромби—Битва при Александрии—Завоевание Египта—Булонская флотилия—Переговоры с Англией—Амьенский мир.

161

ГЛАВА XVII

Амьенский мир—Конкордат—Орден Почетного легиона—Президент Цизальпинской республики Буонапарте—Первый пожизненный консул—Великий посредник Гельветической конфедерации—Сан—Доминго—Туссен Лувертюр—Недовольство Англии—Суд над Пельтье—Лорд Уитворт—Разрыв Амьенского мира-Задержание английских путешественников во Франции.

168

ГЛАВА XVIII

Возобновление войны—Французы захватывают Ганновер и Неаполь—англичане захватывают различные французские колонии—Возобновлен план вторжения в Англию—Моро—Пишегрю—Жорж Кадудаль—Капитан Райт—Убийство герцога д'Энгиена—Наполеон, император Франции—Король Италии—Генуя присоединена к империи.

189

ГЛАВА XIX

Новая коалиция против Франции—Швеция—Россия—Австрия присоединяется к Альянсу—Наполеон возглавляет армию в Германии—Ульм сдан Маком—Вена взята—Военно—морские операции—Трафальгарская битва—Битва при Аустерлиц—Пресбургский мирный договор—Жозеф Бонапарт, король Неаполя—Луи Бонапарт, король

210

Голландии—Рейнская конфедерация-Новое дворянство во Франции.

ГЛАВА XX

Недовольство Пруссии—Смерть Питта—Переговоры лордов Ярмута и Лодердейла прерваны—Убийство книготорговца Пальма—Пруссия объявляет войну—Бонапарт возглавляет армию—Наумбург взят—Битва при Йене—Наполеон входит в Берлин—Падение Магдебурга и т. Д.—Унижение Пруссии—Жестокость Бонапарта по отношению к герцогу Брауншвейгскому—его жадность и угнетение в Пруссии.

228

ГЛАВА XXI

Указы Берлина—Наполеон возобновляет кампанию—Варшава взята—Энтузиазм Пруссии поляки—Отступление русских—Битва при Пултуске—Французы переходят на зимние квартиры—Битва при Пройсс-Эйлау—Взятие Данцига—Битва при Фридланде—Перемирие—Экспедиции англичан в Калабрию, Константинополь, Египет и Буэнос-Айрес-Тильзитский мир.

240

ГЛАВА XXII

Британская экспедиция в Копенгаген—Коалиция Франции, Австрии, Пруссии и России против английской торговли—Внутренние дела Франции—Администрация Наполеона—его Государственный совет—Судебный кодекс—Общественные работы—Мануфактуры—Налоги—Военная организация—Воинская повинность.

258

ГЛАВА XXIII

Отношения Наполеона с Испанией—Фонтенблосский мирный договор—Марш Жюно в Португалию—Бегство Браганса в Бразилию—Французские войска вступают в Испанию—Разногласия при Дворе—Обе стороны апеллируют к Наполеону—Мюрат занимает Мадрид—Карл и Фердинанд отрекаются от престола в Байонне—Жозеф Буонапарте коронован королем Испании.

265

ГЛАВА XXIV

Восстание испанцев и португальцев—Их союз с Англией—Битва при Риосекко—Жозеф вступает в Мадрид—Первая осада Сарагосы—Поход Дюпона в Андалусию—Битва при Байлене—Дюпон сдается—Жозеф покидает Мадрид—Ситуация при Жюно—Прибытие сэра Артура Уэлсли—Битва при Рорисе—Битва при Вимиере—Съезд в Цинтре.

275

ГЛАВА XXV

Наполеон в Эрфурте—В Париже—Прибывает в Витторию—Расположение французской и испанской армий—Успехи Сульта—Переход Сомосьерры—Капитуляция Мадрида—Кампания сэра Джона Мура—его отступление—Битва при Корунье—Смерть Мура—Наполеон покидает Испанию.

286

ГЛАВА XXVI

Австрия объявляет войну—Наполеон возглавляет свою армию в Германии—Битвы при Ландсхуте и Экмюле—Взятие Ратисбона—Наполеон в Вене—Военные действия в Италии, Венгрии, Польше, на Севере Германии и в Тироле — Битва при Раабе—Битва при Ваграме — Перемирие с Австрией.... Ход войны на полуострове, битва при Талавейре-Битва при Оканья-Английская экспедиция в Вальхерен.... Захват Рима и арест папы римского.... Шенбруннский мирный договор.

296

ГЛАВА XXVII

Наполеон разводится с Жозефиной—Женится на эрцгерцогине Марии Луизе—Низлагает Луи Бонапарта—Присоединяет Голландию и все побережье Германии к Франции—Революция в Швеции—Бернадотт избран наследным принцем Швеции—Ход войны на полуострове—Битва при Бусако—Лорд Веллингтон отступает к позициям Торрес—Ведрас. 309

ГЛАВА XXVIII

События 1811 года—Рождение римского короля—Немилость Фуше—Недовольство во Франции—Отношения с Россией—Лицензионная система—Наполеон готовится к войне с Россией—Кампания на полуострове—Отступление Массены—Битва при Фуэнтес д'Онор—Лорд Веллингтон блокирует Сьюдад—Родриго—Отступления—Жозеф желает отречься от престола. 320

ГЛАВА XXIX

Захват Сьюдад—Родриго—и Бадахоса—Битва при Саламанке—Состояние международных отношений Наполеона—Его военные ресурсы—Наполеон под Дрезденом—Разрыв с Россией—Поведение Наполеона по отношению к полякам—Распределение армий—Переход Немана—Наполеон в Вильне. 329

ГЛАВА XXX

Россия заключает мир с Англией, Швецией и Турцией—Внутренние приготовления—Наполеон покидает Вильну—Двина—Передвижения Багратиона—Смоленская битва—Бородинская битва—Наполеон вступает в Москву—Постоянство и энтузиазм Наполеона Русские—Поведение Ростопчина—Сожжение Москвы—Кутузов отказывается лечить. 343

ГЛАВА XXXI

Наполеон покидает Москву—Сражения при Виньково и Мало—Ярославце—Отступление на Веррею—и Смоленско—Неоднократные поражения и страдания французов—Смоленско—Красный—Переход Березины—Сморгонь—Наполеон покидает армию—его прибытие в Варшаву—в Дрезден—в Париж. 354

ГЛАВА XXXII

Заговор Малле—Прием Наполеона в Париже—его военные приготовления—Пруссия объявляет войну—Австрия ведет переговоры с Наполеоном—Бернадетта появляется в Германии—Русские наступают в Силезию—Наполеон возглавляет свою армию в Саксонии—Битва при Лютцене—Битва при Бауцене. 371

ГЛАВА XXXIII

Интервью Наполеона с Меттернихом—Советы его министров и генералов—Разведданные из Испании—Битва при Виттории—Пражский конгресс распущен—Австрия объявляет войну—Битва при Дрездене—Смерть Моро—Битва при Кульме—Капитуляция Вандама—Битвы при Гроссбир, Вальштадте и Денневице—Наполеон уходит в отставку с Эльбы—Битва при Лейпциге—Битва при Ханау—Союзники на Рейне. 381

ГЛАВА XXXIV

Декларация союзников во Франкфурте—Революция в Голландии—Освобождение папы Римского и Фердинанда VII.—Упрямство Наполеона—Его военные приготовления—Роспуск Законодательного сената. 395

ГЛАВА XXXV

Кампания Франции—Битвы при Бриенне и Ла—Ротьере—Экспедиция на Марну—Битвы 406

при Нанжи и Монтеро—Шварценберг отступает—Наполеон снова выступает против Блюхера—Атакуют Суассон и отбит—Битвы при Краонне и Лаоне—Наполеон при Реймсе—Его затруднения—Он идет к Сен—Дизье.

ГЛАВА XXXVI

Союзники приближаются к Парижу—Мария Луиза отступает в Блуа—Мармон и Мортье занимают высоты Монмартра—Они побеждены—Король Жозеф сбегает—Мармон капитулирует—союзники входят в Париж—Наполеон в Фонтенбло - Его отречение.

420

ГЛАВА XXXVII

Путешествие Наполеона во Фрежюс—Путешествие на Эльбу—его поведение и занятия там—Недовольство во Франции—Возвращение военнопленных—Ревность армии—Союз якобинцев и бонапартистов—Их интриги—Наполеон сбегает с Эльбы.

438

ГЛАВА XXXVIII

Наполеон высаживается в Каннах—его продвижение к Греноблю—Лиону—Фонтенбло—Измена Лабедуайера и Нея—Людовик XVIII. отступает в Гент, а Наполеон прибывает в Париж.

447

ГЛАВА XXXIX

"Сто дней"—Декларация Венского конгресса—Наполеон готовится к войне—Капитуляция герцога Ангулемского—Восстание в Вандее—Мюрат выступает из Неаполя—Терпит поражение—И укрывается во Франции—Майское поле-Недовольство конституционалистов.

456

ГЛАВА XL

Наполеон ведет свою армию к бельгийской границе-Переходит Самбр у Шарлеруа—Побеждает Блюхера при Линьи—Битва при Катр—Бра —Англичане отступают на позицию, ранее выбранную Веллингтоном-Битва при Ватерлоо—Наполеон возвращается в Париж.

466

ГЛАВА XLI

Наполеон тщетно обращается к Палатам — Отрекается во второй раз — Отправляется в Мальмезон, А затем в Рошфор — Ведет переговоры с капитаном . Мейтленд—Садится на "Беллерофонт"—Прибывает в Торбей—Решение английского правительства—Интервью с лордом Китом и др.—Наполеон на борту "Нортумберленда"— Отплывает на остров Святой Елены.

478

ГЛАВА XLII

Наполеон на острове Святой Елены—Брайарз—Лонгвуд—Обвинения против английского правительства в отношении его проживания и обращения на острове Святой Елены—Обвинения против губернатора сэра Хадсона Лоу—Образ жизни Наполеона в Лонгвуде—Его здоровье ухудшается—Его смерть и похороны—Заключение.

491

ИНДЕКС

507

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I

Рождение и происхождение Наполеона Бонапарта —Его образование в Бриенне и Париже—Его характер в этот период—Его политические пристрастия—Он поступает в армию младшим лейтенантом артиллерии—Его первая военная служба на Корсике в 1793 году.

Наполеон Бонапарт родился в Аяччо 15 августа 1769 года. Семья эта была довольно знатной в средние века в Италии, откуда его ветвь перебралась на Корсику в смутные времена гвельфов и Гибеллинов. Они всегда считались принадлежащими к знати острова. Шарль, отец Наполеона, адвокат с большой репутацией, женился на своей матери, Летиции Рамолини, молодой женщине, выдающейся красотой и силой духа, во время гражданской войны, когда корсиканцы под предводительством Паоли изо всех сил пытались избежать господства французов. Адвокат выступал на стороне народа в этом соревновании, и его милая и энергичная жена обычно сопровождала его в трудных и опасных походах в горах. По окончании войны он хотел сослаться вместе с Паоли; но родственники отговорили его от этого шага, и впоследствии он примирился с партией победителей, а также был защищен и покровительствовал французскому губернатору Корсики графу де Марбеффу.

Говорят, что Летиция присутствовала на мессе утром 15 августа; и, когда по возвращении ее внезапно схватили, она родила будущего героя своего времени на временном ложе, покрытом гобеленом, изображающим героев "Илиады". Он был ее вторым ребенком. Иосиф, впоследствии король Испании, был старше его: у него было три младших брата, Люсьен, Людовик и Жером; и три сестры, Элиза, Каролина и Полина. Они выросли. Пятеро других, должно быть, умерли в младенчестве; поскольку нам говорят, что Летиция родила тринадцать детей, когда в возрасте тридцати лет овдовела.

Впоследствии, когда Наполеон пришел к суверенной власти, многие льстецы были готовы приписать ему высокую родословную. Императору Австрии, который охотно проследил бы за тем, чтобы его нежеланный зять произошел от каких-нибудь мелких князьков Тревизо, он ответил: "Я Родольф своей расы",^[1] и заставил замолчать по аналогичному поводу профессионального специалиста по генеалогии словами: "Друг, мой патент датируется Монте-Нотте".^[2]

Шарль Бонапарт, благодаря доброте французского губернатора, получил официальное назначение на Корсику — *королевским прокурором* (чуть ли не генеральным прокурором); и в скандалах часто говорилось, что Марбуфф был любовником его жены. В Аяччо этой истории не поверили.

О детстве Наполеона мы ничего не знаем, кроме того, что он всегда с самой горячей благодарностью принимал обязательства, возложенные на него на пороге жизни проникательностью и мудростью Летиции. Он всегда признавал свою веру в то, что своим последующим возвышением обязан главным образом ее ранним урокам; и действительно, сформулировал это как принцип, гласящий, что "будущее хорошее или плохое поведение ребенка полностью зависит от матери". Даже о его мальчишеских годах на Корсике сохранилось мало анекдотов. Говорят, его любимой игрушкой была маленькая медная пушка, а когда он бывал дома на школьных каникулах, его любимым убежищем был уединенный летний домик среди скал на берегу моря, примерно в миле от Аяччо, где у брата его матери (впоследствии кардинала Феша) была вилла. Сейчас это место находится в руинах и заросло

кустарником, и люди называют его "Грот Наполеона". Он сам говорил, что отличался только упрямством и любопытством; другие добавляют, что он был вспыльчив, сварлив, властен; любил одиночество; неряшливо одевался. Будучи уличенным в краже инжира в фруктовом саду, владелец пригрозил рассказать обо всем его матери, и мальчик так красноречиво защищался, что мужчина позволил ему сбежать. Его небрежный наряд и пристрастие к хорошенькой маленькой девочке по соседству были высмеяны в песенке, которую его товарищи по играм выкрикивали ему вслед на улицах Аяччо:

"Napoleone di mezza calzetta
Fa l'amore a Giacominetta." [3]

Превосходство его характера проявилось рано. Престарелый родственник, Люсьен Буонапарте, архидьякон Аяччо, созвал молодых людей у своего смертного одра, чтобы попрощаться и благословить их: "Ты, Жозеф, - сказал умирающий, - старший; но Наполеон - глава своей семьи. Постарайся запомнить мои слова". Наполеон прекрасно позаботился о том, чтобы они не были забыты. Он начал с того, что подчинил себе своего старшего брата.

С самой ранней юности он выбрал оружие своей профессией. Когда ему было около семи лет (1776), его отец был по протекции Марбеффа отправлен во Францию в составе делегации от корсиканской *знати* к королю Людовику XVI.; и Наполеон, для которого граф также добился поступления в военную школу Бриенна, сопровождал его. Увидев часть Италии и пересекши Францию, они добрались до Парижа; и мальчик вскоре устроился в свою школу, где поначалу все приводило его в восторг, хотя сорок лет спустя он сказал, что никогда не забудет горького расставания с матерью, прежде чем отправиться в путешествие. Приехав в Бриенну, он говорил только по-итальянски, но вскоре овладел французским. Его успехи в латыни и в литературе вообще не вызывали особых похвал; но во всех предметах, которые могли сослужить службу будущему солдату, он превосходил своих современников. Соответственно, из преподавателей математики он был большим любимцем. Один из других учителей осудил его за какой-то проступок или пренебрежение надеть в определенный день обычное шерстяное платье и обедать на коленях у дверей трапезной, и надменный дух мальчика воспрянул от этого бесчестия, вызвав внезапную рвоту и сильный приступ истерики. Проходивший мимо учитель математики сказал, что они не понимают, с чем имеют дело, и отпустил его. Его мало заботили обычные развлечения; но его любовь к тому, что имитировало войну, была чрезвычайной; и мастерство его укреплений, возведенных из дерна или снега, в зависимости от времени года, а также ловкость и упорство, с которыми он вел их защиту, вызывали восхищение всех наблюдателей. Наполеон был беден и почти иностранец [4] среди французской молодежи и претерпел множество унижений по обоим причинам. Характер у него был сдержанный и гордый; у него было мало друзей - ни одного закадычного товарища; он жил сам по себе, среди своих книг и карт. Господин Бурьен, чья дружба с ним началась так рано, говорит — "Буонапарте был замечен в Бриенне своим итальянским цветом лица, пронизательностью взгляда и тоном разговора как с хозяевами, так и с товарищами. В том, что он говорил, почти всегда была нотка горечи. У него было очень мало склонности к привязанностям, которую я могу отнести только к несчастьям, постигавшим его семью с момента его рождения, и впечатлению, которое завоевание его страны произвело на него в ранние годы". Однажды за ужином директор школы случайно пренебрежительно отозвался о Паоли. "Он был великим человеком, - воскликнул молодой Бонапарт, - он любил свою страну, и я никогда не прощу моего отца, который был его

адъютантом, за то, что он согласился на союз Корсики с Францией. Ему следовало бы последовать примеру Паоли.

Есть основания полагать, что легкомыслие и надменность, с которыми некоторые молодые французские джентльмены в этой семинарии вели себя по отношению к этому бедному, одинокому иностранцу, оказали сильное влияние на первые политические чувства будущего императора Франции. Особенно его возмущали их шутки по поводу его иностранного имени *Наполеон*. Бурьен говорит, что он часто говорил ему: "Отныне я причину французам столько вреда, сколько смогу; что касается тебя, ты никогда не шутишь надо мной — ты любишь меня".

С самого начала революционной борьбы, мальчиком и юностью, он поддерживал и поддерживал тех, кто желал полной смены правительства. Довольно странный факт, что Пишегрю, впоследствии такой выдающийся и в конечном итоге такой неудачливый, некоторое время был его наставником в бриенской школе. Известно, что когда много лет спустя его спросили о возможности привлечь Бонапарта на сторону изгнанных бурбонов, этот человек ответил: "Будет упущено время, если попытаться сделать это — я знал его в молодости — он принял его сторону и не изменит ее".

В 1783 году Бонапарт по рекомендации своих хозяев был отправлен из Бриенна в Королевскую военную школу в Париже; это было выдающимся комплиментом таланту и мастерству пятнадцатилетнего мальчика.^[5] Здесь он провел почти два года, посвятив их учебе. Мы можем судить о том, что он усердно трудился как в Бриенне, так и в Париже; ибо его последующая жизнь оставила мало места для работы с книгами, и из огромного количества информации, которую его сильная память когда-либо предоставляла в его распоряжение, гораздо большая часть, должно быть, была накоплена сейчас. Он стал первоклассным математиком; он поглощен историей — его избранными авторами были Плутарх и Тацит; первый - самый простой художник героических характеров, которые оставила нам античность, второй - глубочайший мастер политической мудрости. Поэмы Оссиана были тогда в новинку для Европы и обычно воспринимались как подлинные остатки другой эпохи и стиля героизма. Мрачный и возвышенный гений, который они демонстрируют, их расплывчатые, но торжественные картины героических страстей, любви, битвы, победы и смерти были подходящей пищей для юного воображения Наполеона; и, поскольку его вкус был не слишком щепетлив в отношении второстепенных деталей, Оссиан на всю жизнь остался его любимым поэтом. Находясь в Париже, он привлек большое внимание тех, кто имел возможность сравнивать его с другими братьями; его достижения, помимо прочих преимуществ, ввели его в дружеское общество знаменитого аббата Рейналя. Наполеон, вскоре после поступления в парижскую школу, составил памятный знак, который он лично вручил руководителям учебного заведения. Он жаловался, что образ жизни был слишком дорогим и деликатным для "бедных джентльменов" и не мог подготовить их ни к возвращению в их "скромные дома", ни к тяготам лагеря. Он предложил, чтобы вместо обычного обеда из двух блюд в день студенты получали хлеб для амуниции и солдатский паек, а также чтобы их заставляли штопать и чистить свои собственные чулки и обувь. Говорят, что этот мемориал не сослужил ему никакой службы в военном училище.

Ему только что исполнилось шестнадцать, когда (в августе 1785 года) после экзамена у великого Лапласа он получил свое первое звание второго лейтенанта в артиллерийском полку *Ла Фер*. Его корпус находился в Валансе, когда он присоединился к нему; и он смешался с культурным

обществом этого места в большей степени, чем можно было ожидать, исходя из его прежних привычек. Его личные достоинства были значительны: очертания лица классически красивы; глаза глубоко посажены и ослепительно блестят; фигура невысокая, но стройная, подвижная и идеально сложенная. Придворной грации и утонченности манер он никогда не достигал и, возможно, не желал; но он рано овладел искусством, которое, вероятно, нетрудно для любого человека, обладающего таким гением и такимидостижениями, быть в высшей степени приятным везде, где это соответствовало его цели или склонности быть таким.

27 февраля этого года его отец умер от рака желудка в возрасте сорока пяти лет; той же болезни, которой было суждено в несколько более поздний период жизни оказаться фатальной для него самого.

Находясь в Валансе, Буонапарте анонимно боролся за приз, предложенный Лионской академией, за лучший ответ на вопрос Рейналя: "Каковы принципы и институты, применение которых может привести человечество к высшему счастью?" Он получил приз: каково было содержание его эссе, мы не знаем. Талейран много лет спустя получил рукопись и, думая угодить своему государю, принес ее ему. Он пробежал глазами две или три страницы и бросил их в огонь. Трактат лейтенанта, вероятно, изобилдовал мнениями, которые император счел удобным забыть.

Даже в Бриенне его политические взгляды были определяющими. В Валансе он обнаружил, что офицеры его полка разделились, как и весь мир в то время, на две партии: сторонников французской монархии и тех, кто желал ее свержения. Он открыто встал на сторону последних. "Будь я генералом, - сказал Наполеон на закате своей жизни, - я, возможно, остался бы верен королю: будучи младшим офицером, я присоединился к патриотам".

В начале 1792 года он стал капитаном артиллерии (*не привязан;*) и, случайно оказавшись в Париже, стал свидетелем прискорбных сцен 20 июня, когда революционная толпа штурмовала Тюильри, а король и его семья, претерпев бесчисленные оскорбления и унижения, с величайшим трудом сохранили свои жизни. Он последовал за толпой в сад перед дворцом и, когда Людовик XVI появился на балконе с красной шапочкой на голове, больше не мог сдерживать своего презрения и негодования. "Бедный бродяга!" - сказал Наполеон достаточно громко, чтобы его услышали те, кто был рядом с ним. "как он мог допустить, чтобы этот сброд вошел? Если бы он уничтожил пятьсот или шестьсот человек из своей пушки, остальные бы еще бежали. Он был также свидетелем еще более ужасных событий 10 августа, когда дворец был вновь захвачен, Национальная гвардия, назначенная для его защиты, приняла участие в нападении; королевская семья была вынуждена укрыться в Национальном собрании, а храбрые швейцарские гвардейцы были перебиты почти до одного человека во дворах Тюильри. Бонапарт был твердым другом Собрания, в вину партии, к которой, по крайней мере, следует отнести эти эксцессы; но зрелище вызывало у него отвращение. Вопли, визг и пики с окровавленными головами на них образовали сцену, которую он впоследствии описал как "отвратительную". В то время Наполеон был безработным и очень бедным; и де Бурьен описывает его как праздно бродящего по Парижу, живущего, главным образом, за свой (г-на де Б.) счет, в магазинах рестораторов и, среди других достаточно безумных планов, предлагающего ему и его школьному товарищу взять в аренду несколько домов и попытаться заработать немного денег, сдавая их в субаренду в виде квартир. Таковы были взгляды и занятия Бонапарта — в тот момент, когда национальная трагедия превращалась в катастрофу. До сих

пор он был всего лишь зрителем Революции, которому суждено было проложить свой собственный путь к суверенной власти; вскоре обстоятельства призвали его сыграть свою роль.

Генерал Паоли, живший в Англии с тех пор, как закончилась гражданская война, в которой Шарль Бонапарт служил под его знаменами, был обрадован, когда впервые вспыхнула великая французская революция, надеждой на то, что свобода на Корсике вот-вот будет восстановлена. Он приехал в Париж, был встречен аплодисментами как испытанный друг свободы и назначен губернатором своего родного острова, которым некоторое время правил мудро и счастливо. Но по мере развития революции Паоли, как и большинство других мудрых людей, убедился, что ее лидеры с большей вероятностью установят вседозволенность, чем закон и рациональную свободу; и, признав свое отвращение к растущим принципам якобинства, и сценам беспорядков и кровопролития, к которым они привели, он был осужден Национальным собранием как враг Франции. Чтобы лишить его власти, была отправлена экспедиция под командованием Ла Комба, Мишеля и Саличетти, одного из корсиканских депутатов Конвента; и Паоли призвал своих соотечественников взяться за оружие в его защиту и в их собственную.

Случилось так, что в то время (1793 г.) Буонапарте получил отпуск в своем полку и находился на Корсике в гостях у своей матери. Он оборудовал маленький читальный зал на верхнем этаже дома, как самую тихую его часть, и проводил утро за учебой, а вечера в кругу семьи и старых знакомых, когда прибытие экспедиции повергло остров в потрясение. Паоли, который хорошо знал его, сделал все возможное, чтобы привлечь его на свою сторону; он использовал, помимо прочей лести, хлопанье его по спине и слова о том, что он "один из людей Плутарха". Но Наполеон убедился, что Корсика слишком маленькая страна, чтобы сохранять независимость, что она должна попасть под власть либо Франции, либо Англии; и что ее интересам лучше всего послужит присоединение к первой. Поэтому он отклонил все предложения Паоли и отдал свой меч на службу Саличетти. Он был временно назначен командовать батальоном национальной гвардии; и первой военной службой, на которой он был нанят, было взятие небольшой крепости под названием Торре-ди-Капителло, недалеко от Аяччо. Он взял ее, но вскоре был осажден, и он и его гарнизон, после доблестной обороны и некоторого времени питаясь лошадьми, были рады покинуть башню и спастись бегством к морю. Теперь английское правительство начало усиливать Паоли, и дело французской партии на данный момент казалось безнадежным. Бонапарты были изгнаны с Корсики, а их мать и сестры нашли убежище сначала в Ницце, а затем в Марселе, где в течение некоторого времени они терпели все неудобства изгнания и бедности. Наполеон присоединился к своему полку. Он выбрал Францию для своей страны; и, по правде говоря, похоже, что сохранил мало или вообще не испытывал привязанности к своей родной земле.

Придя к верховной власти, он подарил Аяччо один маленький фонтан, а после смерти родственника унаследовал небольшой оливковый сад неподалеку от этого города. В дальнейшем его истории название Корсики вряд ли будет повторяться.

ГЛАВА II

Бонапарт командует артиллерией в Тулоне—Падение Тулона—Представители народа—Жюно.

Первая военная служба Бонапарта состоялась, как мы видели, летом 1793 года. Король Франции был казнен 21 января того же года, и менее чем через месяц после этого конвент объявил войну Англии. Убийство короля, столь же неосмотрительное, сколь и зверское, фактически объединило князей Европы против революционного дела; и внутри самой Франции произошла сильная реакция. Жители Тулона, великого порта и арсенала Франции на Средиземном море, разделяли эти чувства и пригласили английский и испанский флоты у их берегов прийти к ним на помощь и разместить гарнизон в их городе. Соответственно, союзные адмиралы овладели Тулоном, и разношерстные силы, состоявшие из англичан, испанцев и неаполитанцев, приготовились защищать это место. В гавани и на рейдах стояло двадцать пять линейных кораблей, а в городе имелись огромные военно-морские запасы всех видов, так что отступление Тулона было расценено революционным правительством как катастрофа первого порядка.

Это событие произошло в разгар того периода, который получил название *царства террора*. Улицы Парижа были залиты невинной кровью; Робеспьер пресыщался убийствами; страх и ярость были страстями, разделявшими человечество, и их борьба создавала с обеих сторон подобие какого-то эпидемического безумия. Чего бы еще ни хотело правительство, энергия для отражения агрессии извне проявлялась в изобилии. Две армии немедленно двинулись на Тулон; и после ряда сражений, в ходе которых были форсированы проходы в холмах позади города, город был наконец окружен, и началась памятная осада.

Это было сделано без особого мастерства, сначала Карто, тщеславным хвастуном, который был художником, а затем Доппетом, бывшим врачом и трусом. Чтобы наблюдать за действиями этих вождей и сообщать о них, в лагере присутствовали несколько представителей народа, как их называли, — лиц, не имевших военного характера или звания, но действовавших как почетные шпионы правительства в Париже. Вмешательство этих лиц в этом, как и во многих других случаях, приводило к задержкам, грубым промахам и несчастьям; но ужас, который внушал им беспрепятственный доступ к деспотическому правительству, часто, с другой стороны, был полезен для стимулирования усилий вооруженных сил. Младший Робеспьер был одним из депутатов в Тулоне, и его имени было достаточно, чтобы сделать его присутствие внушительным.

Карто еще не был заменен, когда Наполеон Бонапарт появился в ставке с поручением принять командование артиллерией. Говорили, что своим назначением он был обязан личному уважению Саличетти; но высокие отзывы, которые он получил в Военной академии, скорее всего, сослужили ему службу; невозможно также предположить, что он так долго служил в полку Ла Фер и не был оценен некоторыми из своих начальников. Кроме того, незадолго до этого он привлек к себе внимание брошюрой под названием "*Ужин Бокера*", в которой горячо поддерживалась политика якобинской партии; и которой он впоследствии так устыдился, что приложил немало усилий, чтобы скрыть ее. Как бы то ни было, Карто принял его почти с дерзостью, который, расхаживая в униформе, отделанной золотым галуном, сказал ему, что в его помощи не нуждаются, но он может приобщиться к его славе.

Комендант артиллерии, изучив положение дел, обнаружил, что есть на что жаловаться. Они все еще спорили, какая оконечность города должна стать главным объектом нападения, хотя на одной были два сильных и правильных укрепления, а на другой - только небольшой и несовершенный форт под названием Мальбоске. Осмотрев их батареи, он обнаружил, что орудия были расположены примерно в двух ружейных выстрелах от стен; и что существовал обычай нагревать ядра на расстоянии от места, где они должны были быть выпущены; другими словами, нагревать их без всякой цели. Выбрав себе в подчинение знакомых офицеров и приложив все усилия, чтобы собрать орудия со всех сторон, Бонапарте вскоре устранил эти беспорядки и оказался хозяином боееспособного обоза из 200 орудий; затем он убедил генерала принять совершенно новый план действий при дальнейшем ведении осады.

План Бонапарта кажется *сейчас* самым простым и очевидным, что только можно было предложить; однако ему не без труда удалось получить одобрение врача, который к этому времени заменил художника. "Ваша цель, - сказал он, - заставить англичан эвакуироваться из Тулона. Вместо того чтобы атаковать их в городе, что должно включать в себя длительную серию операций, постарайтесь установить батареи таким образом, чтобы прочесать гавань и рейд. Если вы сможете это сделать — английские корабли должны отчалить, и английские войска, конечно же, не останутся за ними. "Он указал на мыс почти напротив города, получив командование которым, он был уверен, должен быть достигнут желаемый эффект. "Захватите *Ла-Грасс*, - сказал он, - и через два дня падет Тулон". В конце концов его доводы убедили, и ему разрешили следовать своему собственному плану.

Месяц назад ничего не могло быть проще; но за это время противник осознал важность мыса, господствующего над узким проходом между портом и Средиземным морем, и укрепил его так сильно, что он получил название Малого Гибралтара. Поэтому было необходимо сформировать обширные батареи в тылу Ла-Грасса, прежде чем появилась бы перспектива его захвата. Бонапарт усердно трудился весь день и каждую ночь спал в своем плаще у орудий, пока его работы не достигли совершенства. Он также сформировал большую батарею позади Мальбоске, но это он тщательно скрывал от противника. Она была покрыта оливковой плантацией, и он намеревался отвлечь их внимание, открыв огонь в первый раз, когда он должен был предпринять свои великие усилия против Маленького Гибралтара. Но представители народа чуть было все не испортили. Эти джентльмены, совершая обход, обнаружили батарею за оливками и, спросив, как долго она была готова, получили ответ, что восемь дней. Не догадываясь, с какой целью столько орудий так долго оставалось без дела, они приказали немедленно начать канонаду. Англичане предприняли энергичную вылазку и укрепили орудия прежде, чем Бонапарте успел добраться до места. Поднявшись на возвышенность позади, он увидел длинный глубокий ров, окаймленный ежевикой и ивами, который, как он подумал, можно было бы использовать с выгодой. Он приказал пешему полку красться вдоль рва, что они и делали, оставаясь незамеченными, пока не оказались вплотную к врагу. Английский командующий генерал О'Хара принял их за своих союзников и, выбежав, чтобы дать им какое-то направление, был ранен и взят в плен. Англичане были подавлены, потеряв своего генерала; они отступили, и французы получили свободу заняться ремонтом своей батареи. В этом деле было пролито много крови. Сам Наполеон получил удар штыком в бедро и упал на руки Мюрона, который унес его с поля боя. Таково было начало их братской дружбы. Однако его рана не помешала ему продолжить свои труды за Малым Гибралтаром.

Этот форт был почти взят в результате какой-то случайности, незадолго до завершения его приготовлений; случайное оскорбление вызвало внезапную ссору между людьми в окопах Бонапарта и испанцами в Маленьком Гибралтаре. Французские солдаты, не дожидаясь приказа, схватились за оружие и с яростью бросились на штурм. Подошедший Наполеон понял, что момент благоприятен, и убедил Дюппета поддержать войска дополнительными полками; но доктор, шедший во главе своей колонны, был охвачен паникой, увидев убитого рядом с ним человека, и приказал отступить, прежде чем что-либо могло быть предпринято.

Через несколько дней этого труса, в свою очередь, сменил храбрый ветеран, генерал Дюгомье, и Наполеон наконец мог рассчитывать на поддержку своих усилий. Но во второй раз представители сделали все возможное, чтобы сорвать его начинание. Осада длилась уже четыре месяца, в лагере не хватало провизии, и эти гражданские лица, так и не сумевшие понять, что подразумевалось под такой заботой о таком отдаленном от города месте, как Малый Гибралтар, написали в Париж, что они не видят шансов на успех и надеются, что правительство согласится с ними в том, что осаду следует прекратить. За два дня до того, как это письмо достигло Парижа, Тулон пал, и представители заявили, что депеша была подделкой.

Наконец настал момент, когда Бонапарт счел нужным предпринять свою грандиозную попытку. В ночь на 17 декабря он сбросил 8000 бомб и снарядов на Малый Гибралтар, и, когда укрепления были таким образом разрушены, в дневной перерыв Дюгомье командовал штурмом. Французы, возглавляемые храбрым Мюироном, с безудержной отвагой бросились через амбразуры и предали мечу весь гарнизон. День был потрачен на то, чтобы расставить батареи, чтобы управлять судоходством; а на следующее утро — так сбылось пророчество Бонапарта, — когда французы заняли свои посты, обнаружилось, что английский флот уже захвачен.

Затем последовала ужасающая сцена. Англичане не оставили бы Тулон, не уничтожив французские корабли и арсеналы, попавшие в их распоряжение; они также не могли отказаться взять с собой жителей-антиякобинцев, которые знали, что их жизни будут немедленно принесены в жертву, если они попадут в руки победоносных республиканцев, и которые теперь скопились на берегу в количестве 14 000 человек, молясь о средствах спасения. Горящие корабли, взрыв складов, грохот артиллерии и крики этих беглецов заняли много часов. Наконец за военными кораблями последовала флотилия с этими несчастными изгнанниками; стены были оставлены, и Дюгомье вступил во владение этим местом.

Республиканцы обнаружили, что все видные люди, участвовавшие против них, сбежали; и их ярость была удовлетворена более ничтожными жертвами. После того как день или два прошли в тишине, прокламация, по-видимому, дружественная, призывала рабочих, которые были наняты на батареях осажденного города, собраться в штабе. Сто пятьдесят бедняков, которые ожидали, что их снова наймут на ремонт тех же укреплений, подчинились этому призыву — были немедленно выведены в поле — и хладнокровно расстреляны; не менее тысячи человек были убиты при обстоятельствах столь же ужасных. Сам Бонапарт с негодованием отверг обвинение в том, что он приложил руку к этой бойне. Даже если бы он это сделал, он не был главнокомандующим и не осмелился бы ослушаться приказа, кроме как пожертвовав собственной жизнью. Все стороны признают, что семья роялистов, потерпевшая кораблекрушение на побережье близ Тулона несколько дней спустя, была спасена из рук свирепых республиканцев исключительно благодаря его вмешательству и обращению. Встав во главе нескольких своих артиллеристов, он завладел несчастными пленниками; успокоил толпу,

заверив их, что все они будут публично казнены на следующее утро; а тем временем ночью отправил их в артиллерийских повозках, которые, как предполагалось, перевозили припасы.

Восстановление Тулона было услугой первостепенной важности для правительства. Это подавило всякий повстанческий дух на юге Франции и предоставило в их распоряжение целую армию в других местах. Но он, чьему гению был обязан успех, поначалу не получил признания за свое важное достижение в Париже. В то богатое событиями утро в Малом Гибралтаре представители народа появились только через три часа после того, как войска овладели большей частью укреплений. Тогда, действительно, их видели с мечами в руках в окопах, буйствующих и чванливых в безопасности. И все же эти люди не постеснялись заявить, что возглавляли штурм, в то время как в их описании конфликта даже имени Бонапарте не нашлось места. Однако скрыть правду не удалось, и его назначили осмотреть и расположить всю линию укреплений на средиземноморском побережье Франции.

Это было во время осады Тулона, когда Наполеон, соорудив батарею под огнем противника, имел возможность подготовить депешу и позвал кого-нибудь, кто умел обращаться с пером. Молодой сержант по имени Жюно выпрыгнул из машины и, облокотившись на бруствер, писал под его диктовку. Когда он закончил, пуля ударила в землю рядом с ним, обильно осыпав его и все вокруг пылью. "Хорошо, - сказал солдат, смеясь, - на этот раз мы обойдемся без песка". Холодная веселость этого понравилась Бонапарту; он не спускал с него глаз, и Жюно впоследствии стал маршалом Франции и герцогом Абрантесским.

ГЛАВА III

Буонапарт, начальник батальона в Ницце—Падение Робеспьера—Его смещают—Буонапарт в Париже в 1795 году—День Разделов —Командует Внутренней армией—Женится на Жозефине де Богарнуа—Назначен командующим армией Италии.

С этого времени Наполеон быстрыми шагами продвигался к величию. Его замечательное мастерство еще больше проявилось при обследовании вышеупомянутых укреплений; и по окончании этой службы он был назначен в итальянскую армию, дислоцировавшуюся тогда в Ницце, в звании командира батальона.

Здесь его совет предложил план, по которому сардинцы были изгнаны с Коль ди Тенде 7 марта 1794 года; Саорджио со всеми его припасами сдался; и французы овладели приморскими Альпами, так что трудности продвижения в Италию значительно уменьшились. Однако в этих движениях его старшие офицеры пока пожинали плоды чести. Он был даже смещен (6 августа 1794 г.) вскоре после их успеха. Но это, что в тот момент казалось тяжелым несчастьем, на самом деле было одним из самых счастливых обстоятельств, которые когда-либо выпадали на его долю.

Неправда, что он был арестован вследствие падения Робеспьера; хотя нет никаких сомнений в том, что предполагалось, что он принадлежал к партии, которую это чудовище сделало орудием своих преступлений, и, как известно, жил в дружеских отношениях со своим младшим братом. Он навлек на себя подозрение Лапорта и других "Представителей", прикрепленных к

"итальянской армии", вследствие поездки в Генуэзский залив, которую он совершил, повинуюсь секретному приказу из Парижа; и, как только его отсутствие в штаб-квартире было таким образом объяснено, он вновь обрел свободу. Офицер, пришедший освободить его, был удивлен, обнаружив, что он занят в своей темнице изучением карты Ломбардии. Однако у "Представителей", безусловно, сложилось общее предубеждение против него; поскольку он не вернулся к своим обязанностям в Ницце; и, кажется, провел некоторое время в неизвестности со своей собственной семьей, которая тогда находилась в очень стесненных обстоятельствах, в Марселе. Именно здесь он влюбился в мадемуазель Клери, на которой, если бы не какая-то случайность, он, похоже, женился бы. Вскоре после этого ее сестра соединилась с его братом Джозефом, а сама она впоследствии стала женой Бернадота, ныне короля Швеции. Предполагается, что Бонапарт оказался в то время слишком беден, чтобы жениться; и обстоятельства помешали возобновлению его предложений.

Перед концом года он приехал в Париж, чтобы найти работу, но поначалу не встретил ничего, кроме отторжения. Председатель Военного комитета Обри возражал против его молодости. "Присутствие на поле боя, - сказал Бонапарт, - может быть засчитано вместо лет". Президент, который мало видел реальной службы, подумал, что его оскорбили, и отнесся к Наполеону очень холодно. Однако через некоторое время его попросили отправиться в *Вандею* в качестве командира пехотной бригады. На это он ответил отказом, утверждая, что ничто не может заставить его оставить артиллерию, но на самом деле, если следовать примеру Де Бурьена, считая вандейскую войну недостойной его. За его отказом последовало вычеркивание его имени из списка *работавших* генералов; и какое-то время казалось, что его состояние находится в отчаянном положении. Он подумывал о том, чтобы как-нибудь обосноваться в Париже, и сказал Бурьену, что был бы доволен, если бы мог позволить себе маленький домик на улице, где жил его школьный товарищ, и содержать кабриолет. Примерно в это же время его старший брат женился на мадемуазель Клери, чей отец, марсельский купец, дал ей солидное приданое. "Как повезло, - часто восклицал Наполеон, - этому глупцу Жозефу!" [6]

Тальма, знаменитый трагик, был одним из его главных сподвижников в то время и уже тогда с уверенностью говорил о будущей судьбе "маленького Бонапарта". Доброта этого игрока и противодействие Обри запомнились всем. Император всегда покровительствовал Тальме; и Обри умер в изгнании.

Наполеон, отчаявшись найти работу дома, теперь составил меморандум правительству, в котором просил отправить его с несколькими другими артиллерийскими офицерами в Турцию с целью привести этот род службы великого сеньора в состояние, более соответствующее обстоятельствам того времени, когда казалось весьма вероятным, что Порты могут оказаться в союзе с Францией и подвергнуться нападению объединенных армий России и Австрии. Никакого ответа не последовало на этот мемориал, о котором он мечтал в течение нескольких недель с большим энтузиазмом. "Как странно, - сказал он своим друзьям, - было бы, если бы маленький корсиканский солдат стал королем Иерусалима!" Куда бы он ни пошел, он уже предвкушал величие.

В конце концов Наполеона назначили командовать артиллерийской бригадой в Голландии. Долго откладываемое назначение было, без сомнения, очень желанным; но тем временем его услуги потребовались на более близком и важном поприще.

Французская нация теперь смертельно устала от Национального собрания: оно потеряло большинство своих выдающихся членов в смутах и преследованиях того времени; и, прежде всего, оно потеряло уважение, оставаясь в течение двух лет рабом и орудием террористов. Падение Робеспьера, когда оно все-таки произошло, показало, как легко такое же благословенное избавление могло бы быть осуществлено задолго до этого, если бы это тело обладало хоть каким-то чувством твердости или достоинства. Даже восстановление членов, изгнанных тираном, не послужило замене Конвента в доверии общественности. Они сами ясно видели, что требуется и должна быть проведена новая реорганизация правительства; и их заботой было изобрести средства обеспечения для себя как можно большей доли существенной власти при каком-нибудь устройстве, достаточно новом на вид, чтобы пустить пыль в глаза людям.

Несомненно, большая часть нации в то время стремилась к восстановлению королевской семьи, и правительство остановилось на модели 1791 года. В частности, среди наиболее респектабельных граждан Парижа такие чувства были очень распространены. Но многие причины сговорились, чтобы окружить принятие этой меры трудностями, столкнуться с которыми ни у кого из действительно влиятельных лидеров не хватило смелости или, возможно, средств. Солдаты республиканских армий привыкли сражаться против изгнанных принцев и знати, считали их злейшими врагами Франции и ненавидели их лично. Поместья церкви, знати и короны были разделены и проданы; и покупатели предвидели, что, если монархия будет восстановлена в этот период, на возвращении конфискованной собственности будут настаивать все правительственные силы. И, наконец, люди, добившиеся наибольшего отличия и влияния в государственных делах, имели веские основания полагать, что бурбоны и дворянство, в случае их восстановления, ответят на свои собственные головы за зверства Революции, и прежде всего за убийство короля.

Сами конвенционалисты, однако, к этому времени поняли, что нельзя ожидать ни мира, ни безопасности, пока не будет принята какая-либо форма правления, при которой законодательные и исполнительные функции должны по крайней мере казаться разделенными; и они также в конце концов были склонны признать превосходство той части британской конституции, которая, разделяя законодательную власть между двумя собраниями сенаторов, таким образом, приобретает преимущество постоянного пересмотра советов и регулирует политическую машину с помощью системы взаимных сдержек и противовесов. Поэтому они желали предложить какую-нибудь систему, которая могла бы в определенной степени удовлетворить тех, кто пытался добиться восстановления монархии; и новая конституция *третьего* года Республики (1795) содержала следующие черты. I. Исполнительная власть должна была передаваться пяти директорам, избираемым время от времени, которые не должны были участвовать в законодательстве. II. Должен был быть Совет из пятисот человек, в целом подчиняющийся нашей Палате общин: и III. Меньшее собрание, называемое Советом древних, призвано было в какой-то мере соответствовать целям Палаты пэров.

Набросок этой схемы, возможно, можно было бы одобрить; но ведущие члены Конвента, исходя из личных взглядов, добавили к ней определенные условия, которые вызвали новое отвращение. Они постановили, во-первых, что избирательные органы Франции при выборе представителей в два новых Совета должны избрать по меньшей мере две трети нынешних членов Конвента; и, во-вторых, что, если полные две трети не будут возвращены, Конвент должен иметь право восполнить недостаток за счет своего собственного органа. Было

очевидно, что у этого механизма не было никакой цели, кроме продолжения пребывания нынешних законодателей у власти; и нация, и особенно высшие классы Парижа, были возмущены поведением, которое они считали одинаково эгоистичным и произвольным. Роялистская партия с радостью согласилась на распространение любого недовольства, и была организована мощная оппозиция мерам существующего правительства.

Конвент тем временем продолжал свои заседания и, применив все свое мастерство и влияние, добился от многих округов страны сообщений о принятии Новой Конституции со всеми ее условиями. Парижане, будучи более внимательными и проницательными наблюдателями и имея в изобилии ораторов и писателей, которые могли бы информировать и воодушевлять их, собрались в нескольких районах города и провозгласили свою враждебность Конвенту и его планам. Национальная гвардия, состоявшая из вооруженных граждан, почти единодушно встала на сторону врагов Конвента, и открыто предлагалось двинуться к Тюильри и силой оружия добиться изменения мер.

Конвент, осознав свою непопулярность и опасность, начал с тревогой оглядываться в поисках средств защиты. В Париже и его окрестностях находилось 5000 регулярных войск, на которых, как они думали, они могли положиться и которые, конечно, презирали Национальную гвардию лишь наполовину как солдат. Кроме того, у них было несколько сотен артиллеристов; и теперь они организовали то, что называли "Священным отрядом", отряд из 1500 головорезов, большинство из которых были старыми и испытанными орудиями Робеспьера. С этими средствами они подготовились разработать план обороны; и было очевидно, что им не нужны были материалы, при условии, что они смогут найти умелого и решительного руководителя.

Части повстанцев перешли под командование *Даникана*, старого генерала без особых навыков или репутации. Конвент выступил против него *Мену*; и он прошел во главе колонны в район Ле Пеллетье, чтобы разоружить Национальную гвардию этого района — одного из самых богатых в столице. Национальная гвардия была обнаружена выстроенной в готовности встретить его в конце улицы Вивьен, и Мену, встревоженный и стесненный присутствием некоторых "Представителей народа", вступил в переговоры и удалился, не нанеся ни единого удара.

Конвент рассудил, что у Мену не хватило нервов для такого критического момента, и энергично консультировался по поводу преемника на его посту. Баррас, один из них, случайно присутствовал в Тулоне и по достоинству оценил характер Бонапарта. Вероятно, к нему обратился Наполеон в своем недавнем поиске работы. Совещаясь со своими коллегами Тальеном и Карно, он внезапно сказал: "У меня есть человек, который вам нужен; это маленький корсиканский офицер, который не станет церемониться".

Эти слова решили судьбу Наполеона и Франции. Бонапарт был в театре "Одеон", когда разыгралось дело Ле Пеллетье, и был свидетелем результата. Теперь он случайно оказался на галерее и слышал дискуссию о поведении Мену. Вскоре за ним послали и спросили его мнение относительно отступления этого офицера. Он объяснил, что произошло и как этого зла можно было избежать, в манере, которая принесла удовлетворение. От него требовали принять командование и разработать свой план обороны настолько хорошо, насколько это могли позволить обстоятельства, поскольку была уже поздняя ночь, а решающий штурм Тюильри должен был состояться на следующее утро. Бонапарт заявил, что неудача марша Мену была вызвана главным образом присутствием "Представителей народа", и отказался принять командование, если он не получит его свободным от всякого подобного вмешательства. Они

уступили: Баррас был назначен главнокомандующим, а Буонапарте - вторым, с фактическим контролем. Первой его заботой было отправить Мюрата, в то время майора егерей, в Саблон, в пяти милях отсюда, где стояли пятьдесят больших пушек. Повстанцы немедленно послали за этими пушками более сильный отряд; и Мюрат, который проходил мимо них в темноте, ушел бы напрасно, если бы получил приказ всего несколькими минутами позже.

4 октября (названное в революционном альманахе 13-м вендемером), соответственно, произошла драка. Около двух часов пополудни тридцать тысяч национальных гвардейцев двинулись разными улицами на осаду дворца, но теперь его защита находилась совсем в других руках, а не в руках Людовика XVI.

Бонапарт, установив артиллерию на всех мостах, эффективно обеспечил господство над рекой и безопасность Тюильри с одной стороны. Он также установил пушки на всех перекрестках улиц, по которым Национальная гвардия могла продвигаться к другому фронту; разместив свои батальоны в саду Тюильри и на площади Карусель, он ожидал атаки.

У повстанцев не было пушек, и они шли по узким улицам Парижа сомкнутыми и тяжелыми колоннами. Когда один из отрядов добрался до церкви Святого Роша на улице Сент-Оноре, они обнаружили там отряд войск Бонапарта с двумя пушками. Спорно, с какой стороны началась стрельба; но в одно мгновение артиллерия прочесала улицы и переулки, осыпав национальных гвардейцев картечью и вызвав такое замешательство, что они были вынуждены уступить дорогу. Первый выстрел послужил сигналом для всех батарей, установленных Бонапартом; его орудия находились под контролем набережных Сены, напротив Тюильри, под Дворцом и на мостах. Менее чем через час действие было закончено. Повстанцы разбежались во всех направлениях, оставив улицы покрытыми убитыми и ранеными: войска Конвента прошли маршем по различным секциям, разоружили перепуганных жителей, и до наступления темноты все было тихо.

Эта выдающаяся услуга обеспечила триумф сторонников традиций, которые теперь, приняв новые названия, фактически продолжали выполнять свои старые функции. Баррас занял свое место во главе *Директории*, имея в качестве коллег Сийеса, Карно и других менее знаменитых людей; и Первый директор позаботился о том, чтобы вознаградить руку, которой он был обязан своим возвышением. В течение пяти дней после *дня Разделений* Буонапарте был назначен заместителем командующего внутренней армией; и вскоре после этого Баррас, сочтя, что его обязанностей в качестве директора достаточно, чтобы занимать его время, передал главнокомандование той же армией своему "маленькому корсиканскому офицеру".

У него не было недостатка в обязанностях, которые он должен был выполнять в этом новом персонаже. Национальная гвардия должна была быть реорганизована; должна была быть сформирована отдельная гвардия для представительного органа; все боеприпасы и военные склады находились в полуразрушенном состоянии. Нехватка хлеба также постоянно вызывала народные бунты, которые редко можно было подавить иначе, как силой оружия. В один из таких последних случаев огромная крепкая торговка рыбой призвала толпу оставаться на своих местах, когда Бонапарте почти убедил ее разойтись. "Этим щеголям с их эполетами и нагрудными знаками, - сказала она, - на нас наплевать; если они будут хорошо кормиться и откормятся, мы можем умереть с голоду". "Добрая женщина, - воскликнул генерал внутренних

дел, который в то время был едва ли не самым худощавым представителем своего народа, - только посмотрите на меня и решите сами, кто из двоих толще". Женщина не смогла удержаться от смеха: шутка понравилась толпе, и гармония была восстановлена.

Бонапарт, занимавший главное военное командование в столице и с каждым днем приобретающий все большее значение благодаря усердию и твердости своего поведения на этом высоком посту, теперь перешел в разряд отмеченных и выдающихся людей. Тем не менее он продолжал вести в частном порядке тихую и скромную жизнь, учась так же усердно, как всегда, и почти не появляясь в кругах веселья. Несчастный случай, произошедший однажды утром на военной дамбе, сразу придал новый поворот его образу жизни и новый импульс росту его состояния.

Представился симпатичный мальчик десяти-двенадцати лет; он сообщил генералу, что его зовут Эжен Богарнуа, сын виконта Богарнуа, который служил генералом в республиканских армиях на Рейне и был убит Робеспьером; и сказал, что его поручение - вернуть шпагу своего отца. Буонапарте добился, чтобы просьба была исполнена, и слезы мальчика, когда он принимал и целовал реликвию, возбудили его интерес. Он относился к Эжену так ласково, что на следующий день его мать, Жозефина де Богарнуа, пришла поблагодарить его; ее красота и необычайная грациозность обращения произвели сильное впечатление.

Эта очаровательная леди, дочь плантатора по имени Ташер де ла Пажери, родилась на острове Мартинико 24 июня 1763 года. Согласно рассказу, который она впоследствии повторила, негритянская колдунья, будучи еще младенцем, предсказала, что "однажды она станет более великой, чем королева, и все же переживет свое достоинство".^[7]

Вдова Богарнуа сама находилась в заключении до падения Робеспьера. В этом заключении у нее завязалась тесная дружба с другой дамой, которая теперь была замужем за Тальеном, одним из самых выдающихся лидеров Конвента. Мадам Тальен представила Жозефину друзьям своего мужа; а Баррас, первый директор, теперь стал своего рода придворным в Люксембургском театре, и эти две красивые женщины были главными украшениями его общества. Обычно говорили — на самом деле в это верили все, — что Джозефина, чей характер был в некоторых отношениях безразличен, обладала более чем законным влиянием на Первого режиссера. Бонапарт, однако, предложил ей руку; она, после некоторого колебания, приняла ее; и молодой генерал этим браком (9 марта 1796 г.) укрепил свои связи с люксембургским обществом, и в частности с Баррасом и Тальеном, в тот момент самыми могущественными людьми Франции.

У Наполеона была сильная склонность к суеверию фатализма, и он всегда верил, что его судьба каким-то таинственным образом связана с судьбой этой грациозной женщины. Она горячо любила его и хорошо служила ему. Ее влияние на него было велико, и оно всегда оказывалось на стороне человечества. Она, и только она, могла мягкостью обуздать крайности страсти, к которым он был склонен; и ее последующая судьба навсегда останется одной из самых мрачных страниц в истории ее господина.

Теперь в Париже было восстановлено спокойствие, и Директория имела время обратить свое внимание на дела итальянской армии, которые находились в самом запутанном и неудовлетворительном состоянии. Они решили назначить ему нового генерала, и Бонапарте был назначен блестящим командующим. В одном из писем Джозефины признается, что Первый

директор обещал раздобыть его для него до того, как состоится их свадьба. "Выдвиньте этого человека, - сказал Баррас своим коллегам, - или он продвинется сам без вас".

Бонапарт расстался со своей женой через десять дней после их свадьбы; нанес короткий визит своей матери в Марсель и после быстрого путешествия прибыл в штаб-квартиру в Ницце. С этого момента началась самая блестящая сцена в его жизни; и все же в течение месяцев победы и славы, которые составили ее, его письма, полные любви и тоски по дому, свидетельствуют о нежелании, с которым он так скоро покинул свою невесту.

ГЛАВА IV

Армия Италии—Тактика Буонапарте—Битва при Монте Нотте—Битва при Миллезимо—Битва при Мондови—Перемирие при Чераско—Завершение кампании в Пьемонте—Мир, дарованный Сардинии.

Бонапарт в возрасте двадцати шести лет принял командование итальянской армией, ликуя от сознания того, что в случае победы честь будет принадлежать только ему. Он работал на других в Тулоне, на Коль ди Тенде, в Саорджо: даже в деле с Секциями первое командование номинально находилось в руках Барраса. Отныне у него не должно было быть соперников в лагере. "Через три месяца, - сказал он, - я буду либо в Милане, либо в Париже". Он уже выразил то же самое чувство в еще более благородной форме. "Вы слишком молоды", - сказал один из директоров, сомневаясь в своем назначении генеральным. "Через год, - ответил Наполеон, - я буду либо стар, либо умру".

Он нашел армию численностью около 50 000 человек; но ей катастрофически не хватало кавалерии, всевозможных припасов,^[8] в одежде и даже в еде; и за ней наблюдал враг, значительно более многочисленный. Именно при таких обстоятельствах он сразу же высказал дерзкий план прорыва в Италию и превращения самой богатой территории противника в театр военных действий. "Солдаты, - сказал он, - вы голодны и наги; Республика многим вам обязана, но у нее нет средств выплатить свои долги. Я пришел, чтобы повести вас на самые плодородные равнины, какие только видит солнце. Богатые провинции, роскошные города - все будет в вашем распоряжении. Солдаты! имея перед собой такую перспективу, можете ли вы потерпеть неудачу в мужестве и стойкости?" Это было его первое обращение к своей армии. Замирающие сердца солдат забились надеждой и доверием, когда они услышали голос молодого и бесстрашного лидера; и Ожеро, Массена, Серрюрье, Жубер, Ланн — выдающиеся офицеры, которые сами могли бы претендовать на пост верховного командования, — почувствовали с того момента, как начали понимать его характер и систему, что истинный путь к славе - следовать за звездой Наполеона.

Он понял, что пришло время открыть новую страницу в истории войн. Располагая таким количеством войск, которое могла предоставить ему молодая Республика, он видел, что нельзя получить значительных преимуществ против огромных и высокодисциплинированных армий Австрии и ее союзников, если не отказаться от установленных правил и этикета стратегии. Только благодаря такой быстроте передвижения, которая должна была полностью превзойти подозрения его противников, он мог надеяться сконцентрировать всю суть и энергию

небольшого отряда на каком-то одном пункте противостоящей ему гораздо большей силы и, таким образом, *лишить* их (согласно его собственному любимому выражению) победы. Для осуществления таких быстрых маршей было необходимо, чтобы солдаты приняли решение рассматривать палатки и поклажу как ненужную роскошь; и чтобы вместо длинной и сложной цепочки резервов и припасов они осмелились полностью полагаться в плане средств существования на ресурсы стран, в которые их предводитель мог бы их направить. Они должны были довольствоваться победой, какой бы опасности она ни подвергалась; не считать никаких жертв или трудностей достойными мысли. Риск разрушить характер и дисциплину людей, приучая их к грабежу, был очевиден. Бонапарт полагался на победу, высокий природный дух нации и влияние своего собственного гения как на средство избежать этой опасности; и, надо признать, прошло много лет, прежде чем он лично нашел много причин раскаяться в принятой им системе. Против врагов Республики его успех был блестящим, превзошедшим даже его надежды.

Целей приближающейся экспедиции было три: во-первых, заставить короля Сардинии, который уже потерял Савойю и Ниццу, но все еще держал мощную армию на границах Пьемонта, отказаться от союза с Австрией; во-вторых, заставить императора смелым вторжением в Ломбардию предпринять в этой области такие усилия, которые могли бы ослабить те армии, которые так долго стояли на Рейне; и, если возможно, побудить итальянских подданных этой короны принять революционную систему и навсегда освободиться от ее ига. Третий объект, хотя и более отдаленный, был не менее важным. Влияние Римской церкви рассматривалось Директорией как главная, хотя и тайная, поддержка дела роялизма на их собственной территории; и низведение Ватикана до ничтожества или, по крайней мере, принуждение его к подчинению и покою казалось необходимым для внутреннего спокойствия Франции. Революционное правительство, помимо этой общей причины ненависти и подозрений, имело еще и явный повод для мести. Их агент Бассевиль три года назад был убит во время народных волнений в Риме: папские войска не вмешались, чтобы защитить его, а папа римский не покарал его убийц; и надменная Республика сочла это оскорблением, которое можно было смыть только морем крови.

План Наполеона по завоеванию прекрасных областей Италии отличался от плана всех прежних завоевателей: они равномерно проникали через Альпы в той или иной точке этого могучего горного хребта; он рассудил, что той же цели можно было бы достичь легче, продвигаясь по узкой полоске сравнительно ровной местности, которая отделяет эти огромные барьеры от Средиземного моря, и форсируя проход в том месте, где последние Альпы как бы переходят в первую и самую низкую часть Апеннинского хребта. Как только он начал сосредоточивать свои войска в этом регионе, австрийский генерал Болье принял меры для защиты Генуи и входа в Италию. Сам он занял пост с одной колонной своей армии у Вольтри, городка в десяти милях от Генуи; д'Аржанто с другой австрийской колонной он разместил у Монте Нотте, значительной высоты дальше к западу; а сардинцы под командованием Колли заняли Севу, которая, таким образом, образовывала крайний правый край всей линии фронта союзной армии. Французы не могли продвинуться к Генуе иначе, как столкнувшись с какой-либо из трех армий, расположенных таким образом прочно и достаточно, как предполагал Болье, сообщающихся друг с другом.

Именно сейчас Бонапарт предпринял свою первую попытку поставить в тупик науку тех, кто воображал, что в военном деле нельзя сделать ничего нового. 10 апреля Д'Аржанто подошел к

Монте-Нотте и атаковал несколько французских редутов перед этой горой и деревнями, носящими ее название, в Монтелегино. В то же время генерал Червони и французский авангард были атакованы Болье близ Вольтри и вынуждены отступить. Решительная отвага полковника Рампона, командовавшего в Монтелегино, сдерживала Д'Аржанто в течение 10-го и 11-го сражений, и Бонапарт, удовлетворившись наблюдением за Болье, решил нанести свой решительный удар в центр неприятельской линии. В ночь на 11-е различные колонны были двинуты на Монтелегино: колонны Червони и Лагарпа с авангарда французской линии, колонны Ожеро и Массены с тыла. Утром 12-го Д'Аржанто, готовясь возобновить атаку на редуты Монтелегино, обнаружил, что ему приходится иметь дело не только с Рампоном и его храбрым отрядом; что французские колонны были у него в тылу, на фланге, а также за укреплениями в Монтелегино; одним словом, что он окружен. Он был вынужден отступить в горы; он оставил за собой свои знамена и пушки, 1000 убитых и 2000 пленных. Центр союзной армии был полностью разгромлен, прежде чем главнокомандующий слева или генерал Колли справа от линии фронта успели понять, что происходит сражение.

Такова была битва при Монте-Нотте, первое из сражений Наполеона. Болье, чтобы восстановить сообщение с Колли (подвергшимся большой опасности из-за поражения Д'Аржанто), был вынужден отступить к Дего; сардинец с той же целью также отступил и занял пост у Миллезимо; в то время как Д'Аржанто пытался реорганизовать свои подавленные войска в труднодоступной местности между ними. Их целью было закрепиться на этих позициях до подхода помощи из Ломбардии; но Наполеон не собирался давать им такую передышку.

Уже на следующий день после этой победы он командовал общим наступлением на австрийскую линию фронта. Ожеро со свежей дивизией двинулся слева на Миллезимо; Массена повел центр к Дего; а Лагарп с французским правым крылом предпринял маневр, чтобы обойти левый фланг Болье.

Ожеро бросился на аванпосты Миллезимо, захватил и удержал ущелье, защищающее это место, и отрезал Проверу с двумя тысячами австрийцев, занявших возвышенность под названием Коссария, от основных сил армии Колли. На следующее утро Бонапарт сам прибыл на место боевых действий. Он вынудил Колли принять бой, наголову разбил и рассеял его, и брошенная таким образом Провера была вынуждена сдаться по собственному усмотрению.

Между тем Массена в тот же день атаковал высоты Биастро и, захватив их на острие штыка, перерезал сообщение Болье с Колли; затем Лапарп наступал спереди и с фланга также на деревню Дего и после самого отчаянного столкновения вытеснил австрийского главнокомандующего с его поста. С этого момента Колли и Болье были полностью разлучены. После событий при Дего и Миллезимо первый в беспорядке отступил на Чеву; второй, преследуемый по горячим следам, на Акви; Колли, конечно, стремился прикрыть Турин, в то время как у австрийца были тревожные мысли уже о Милане. Колли снова потерпел поражение при Мондови во время своего катастрофического отступления; там он потерял свои пушки, обоз и лучшую часть своих войск. Можно сказать, что сардинская армия была уничтожена. Завоеватель овладел Чераско, в 10 милях от Турина, и там продиктовал условия, на которых королю Сардинии должно было быть разрешено сохранить хоть тень суверенной власти.

Таким образом, менее чем за месяц Наполеон распахнул перед собой ворота Италии. Он разбил в трех сражениях силы, значительно превосходящие его собственные; нанес им потери убитыми, ранеными и пленными в 25 000 человек; захватил восемьдесят орудий и двадцать одно

знамя; принудил австрийцев к бездействию; наголову разгромил армию короля Сардинии; и, наконец, вырвал из его рук Кони и Тортону, две великие крепости, называемые "ключами от Альп", — и, действительно, за исключением самого Турина, все сколько-нибудь значимые места в его владениях. Этот несчастный принц недолго пережил такое унижение. Он был тестем обоих братьев Людовика XVI и, считая, что их делу и своему собственному достоинству в равной степени пришел конец, умер от разрыва сердца через несколько дней после подписания Чераскийского мирного договора.

Бонапарт тем временем остановился на мгновение, чтобы укрепить свои колонны на высотах, с которых обширная равнина Ломбардии, богатая и возделанная, как сад, и орошаемая бесчисленными питательными ручьями, была, наконец, полностью видна его победоносным солдатам. "Ганнибал форсировал Альпы, - весело сказал он, оглядываясь теперь на эти колоссальные преграды, - и мы обошли их".

"До сих пор, - так он обращался к своим войскам, - вы сражались на голых скалах, памятных своей доблестью, но бесполезных для вашей страны; но теперь ваши подвиги равны подвигам армий Голландии и на Рейне. Вы были совершенно обездолены, и вы удовлетворяли все свои потребности. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, совершали форсированные марши без обуви, разбивали биваки без крепких напитков и часто без хлеба. Никто, кроме республиканской фаланги, солдат свободы, не смог бы вынести такого. Спасибо за вашу настойчивость! Но, солдаты, вы ничего не сделали — ибо многое еще предстоит сделать. Милан еще не наш. Прах завоевателей Тарквиния все еще топчут ассасины Бассевиля".

Непревзойденный гений этой короткой кампании не подлежал сомнению, а скромный язык депеш молодого генерала Директории придавал дополнительную привлекательность его славе. В то время имя Бонапарта было незапятнанно, и взоры всей Европы были устремлены в восхищении на его карьеру.

ГЛАВА V

Французы пересекают По у Пласенцы—Битва при Фомбио—Мост Лоди—Наполеон занимает Милан—Уходит в отставку и возобновляет свое командование—Восстание в Павии—Военные казни—Французы переходят Минчо у Боргетто—Болье отступает за Адидже—Мантуя осаждена—Мир с королем Обеих Сицилий—Папа покупает отсрочку.

Поскольку Пьемонт теперь находился в руках Бонапарта, австрийский генерал сосредоточил свою армию за рекой По с целью помешать захватчику перейти эту великую реку и пробиться к столице Ломбардии.

Наполеон использовал все средства, чтобы заставить Болье поверить, что он намеревался попытаться переправиться через реку По у Валенцы; и австриец, человек рутинный, который сам переправлялся через реку в этом месте, был легко убежден, что эти демонстрации были искренними. Тем временем его коварный противник совершил марш-бросок с невероятной быстротой на Пласенцу, в пятидесяти милях ниже по реке; и появился там 7 мая, к полному

ужасу двух австрийских эскадронов, которые случайно вели разведку в том районе. Он должен был переправить своих людей через этот великий поток на обычных паромов, и никогда не смог бы добиться успеха, если бы ему противостояло что-то похожее на армию. Андреосси (впоследствии столь прославленный) был командующим передовым отрядом; Ланн (ставший в дальнейшем маршалом герцога Монтебелло) первым бросился на берег во главе нескольких гренадер. Немецкие гусары были быстро вытеснены со своих позиций. Сам Бонапарте говорил, что ни одна военная операция не является более важной, чем форсирование великой реки; в этом случае мастерство его подготовки позволило ему форсировать одну из величайших рек в мире без потери ни одного человека.

Болье, как только он убедился, что его перехитрили, двинулся на Пласенцу в надежде заставить захватчика принять бой, имея По в своем тылу и, следовательно, при обстоятельствах, которые должны были сделать любое сдерживание в высшей степени катастрофическим. Бонапарт тем временем не собирался поджидать австрийцев на столь опасной местности и быстро продвигался к Фомбою, где, как он знал, у него должно было быть место для маневра. Передовые подразделения вражеских армий встретились в этой деревне 8 мая. Империалисты заняли колокольни и дома и надеялись продержаться до тех пор, пока Болье не подтянет свои основные силы. Но французы так яростно атаковали штыками, что австриец, увидев, как пала треть его людей, был вынужден отступить в большом замешательстве, оставив все свои пушки позади, через Адду; большая река, которая, спускаясь с тирольских гор, впадает в По у Пиццигитоне - и таким образом образует непосредственную защиту лучшей части миланцев от любого врага, наступающего из Пьемонта. За этой рекой Болье теперь сосредоточил свою армию, установив сильную охрану у каждого брода и моста, и особенно у Лоди, где, как он догадался (на этот раз верно), французский генерал намеревался форсировать его переход.

Деревянный мост Лоди стал ареной одного из самых знаменитых сражений войны, и его навсегда будут причудливо связывать с именем самого Бонапарта. Со стороны Болье было большой небрежностью оставить его на месте, когда он перенес свою штаб-квартиру на восточный берег Адды: его аванпосты были быстро отброшены через старый город Лоди 10-го числа; и французы, укрывшиеся за стенами и домами, были готовы попытаться перейти мост. Болье разместил батарею из тридцати орудий таким образом, чтобы полностью смести его; и предприятие штурмовать его перед лицом этой артиллерии и всей армии, выстроенной позади, является одним из самых смелых в истории.

Первой заботой Бонапарта было привести в порядок как можно больше орудий, которые он мог привести в порядок, прямо напротив этой австрийской батареи. Теперь началась яростная канонада и на его стороне реки. Сам генерал появился в эпицентре огня, собственноручно направив два орудия таким образом, чтобы отрезать австрийцам единственный путь, по которому они могли продвинуться вперед, чтобы подорвать мост; и именно по этому случаю солдаты, восхищенные его бесстрашием, присвоили ему почетное прозвище *Маленький капрал*. Тем временем он послал генерала Бомона и кавалерию попытаться перейти реку вброд (что им удалось с большим трудом) и с тревогой ожидал момента, когда они появятся на фланге противника. Когда это произошло, в реплике Болье, конечно, проявилось некоторое замешательство, и Наполеон немедленно дал слово. Колонна гренадер, которую он держал наготове, подтянувшись вплотную к мосту, но под прикрытием домов, в одно мгновение была повернута влево, и их передовые отряды расположились на мосту. Они бросились вперед, крича *Да здравствует Республика!* но шквал картечи на мгновение остановил их. Бонапарте,

Ланн, Бертье и Лальмань поспешили вперед, сплотили солдат и подбадривали их. Колонна прорвалась через мост, несмотря на огненную бурю, которая поредела. Храбрый Ланн был первым, кто добрался до другого берега, сам Наполеон - вторым. Австрийские артиллеристы были прикончены штыками к своим орудиям, прежде чем другие войска, которых Болье отвел слишком далеко назад, стремясь избежать встречи с французской батареей, смогли прийти им на помощь. Бомон галантно наступал на фланг своей конницей, а пехота Наполеона, быстро перестроившись по мере того, как они проезжали мост, мгновенно атаковала австрийскую линию, оказавшуюся в неразберихе, рассыпавшуюся и обратившуюся в бегство. Резня с их стороны была большой; у французов пало всего 200 человек. С такой быстротой и, следовательно, с такими малыми потерями Бонапарт совершил это блистательное приключение — "ужасный переход", как он сам называл это, "по мосту Лоди".

Это было действительно ужасно для врага. Это лишило их еще одной превосходной линии обороны и подорвало энтузиазм французских солдат до уровня непреодолимой отваги. Болье, тем не менее, ухитрился вывести свои войска гораздо лучшим способом, чем ожидал Бонапарт. Он собрал разрозненные остатки своего войска воедино и вскоре поставил линию Минчо, другого притока По, между собой и своим врагом. Великая цель, однако, была достигнута: австрийский генерал бежал и все еще мог защищать Мантую, но между победоносным захватчиком и богатой и благородной столицей Ломбардии не осталось никаких препятствий. Гарнизон Пиццигитоне, видя себя фактически отрезанным от австрийской армии, капитулировал. Французская кавалерия преследовала Болье до Кремоны, которую они захватили; а сам Наполеон немедленно приготовился выступить на Милан.

Именно после одного из таких случаев старый венгерский офицер попал в плен к Бонапарту, который вступил с ним в разговор и, среди прочего, спросил его, "что он думает о состоянии войны?" "Ничего, - ответил старый джентльмен, который не знал, что обращается к главнокомандующему, — хуже ничего быть не может. Вот молодой человек, который абсолютно ничего не знает о правилах ведения войны; сегодня он в нашем тылу, завтра на нашем фланге, послезавтра снова на нашем фронте. Подобные нарушения принципов военного искусства недопустимы!"

Эрцгерцог, правивший Ломбардией от имени императора, совершил много долгих молитв и крестных ходов; но святые, казалось, не проявили к нему сострадания, и теперь он удалился из столицы. Революционная партия всегда существовала там, как, впрочем, и во всех частях австрийских владений за Альпами; и трехцветная кокарда, эмблема Франции, теперь была водружена множеством жителей. Муниципалитет поспешил пригласить завоевателя появиться среди них в качестве их друга и защитника, и 14 мая, через четыре дня после Лоди, Наполеон, соответственно, вступил во всем блеске военного триумфа в почтенный и богатый город старых ломбардских королей.

Однако ему не льстило поведение дружественного генерала в серьезных вопросах. Он немедленно собрал крупный взнос (восемьсот тысяч фунтов стерлингов) в Милане, завладев, кроме того, двадцатью лучшими картинами в Амброзианской галерее.

Теперь победитель остановился, чтобы осмотреться по сторонам и позади себя; и пошел еще дальше, чтобы пополнить свой сундук поборами, которым не может быть никакого оправдания с точки зрения обычных норм международного права. С Сардинией он уже рассчитался; австрийской столицей в Италии он владел; из итальянских правительств было только одно

(Неаполь), с которым Французская Республика фактически находилась в состоянии войны; хотя, на самом деле, он никогда не скрывал своего намерения отомстить римскому двору за судьбу Бассевиля. Другие державы Италии были, в худшем случае, нейтральными; с Тосканой и Венецией у Франции были дружественные отношения. Но Наполеон знал или верил, что все итальянские правительства без исключения рассматривали французское вторжение в Италию как общее бедствие; личные пожелания большинства второстепенных принцев (поскольку они были кровно или союзнически связаны с австрийским императорским домом), как он не без оснований заключил, были решительно против его собственного успеха в этом великом предприятии. Таковы были его отговорки — более или менее осуществимые; на самом деле искушение было велико; и он решил рассматривать все, чего с ним не было, и относиться к этому так, как если бы это было против него. Слабые, но богатые князья Пармы и Модены и другие люди того же сословия были немедленно вынуждены купить его помилование не менее дорогой ценой, чем если бы они были вооружены. Помимо денег, из которых он заставил их выделить большие суммы, он потребовал от каждого пожертвования в виде картин и статуй, которые должны были быть выбраны по усмотрению гражданина Монжа и других французских знатоков, которые теперь присутствовали на его шествии с этой целью.

В современной войне произведения искусства до сих пор рассматривались как вид собственности, имеющий право во всех случаях считаться священным; и жестокое и хищническое нарушение этого правила Бонапартом теперь вызвало мощный шум по всей Европе. Возникла ли новая система самостоятельно или в командах Катола, сомнительно. Но с этого времени создание большой национальной галереи картин и статуй в Париже рассматривалось как объект первостепенной важности, и от каждого победоносного генерала ожидалось, что он привезет трофеи такого рода в своем обозе. Вероятно ли, что само изобразительное искусство улучшится в результате накопления в каком-либо одном месте таких огромных сокровищ, какие издавна выставлялись в Лувре, было и, без сомнения, будет много споров. Несомненно, что искусство Франции не получило существенного преимущества от музея Наполеона. Коллекция была огромной кучей благовоний на благо национального тщеславия; и рука, собравшая их вместе, готовила средство нанести этому тщеславию одну из самых невыносимых ран в его окончательном рассеянии.

Герцог Моденский охотно выкупил бы знаменитого Святого Иеронима из Корреджо за 80 000 фунтов стерлингов; и помощники Бонапарта убедили его принять эти деньги. "Нет, - сказал он, - два миллиона франков герцога скоро будут истрачены, но его "Корреджо" останется на века, чтобы украшать Париж и вдохновлять искусство Франции". Пророчество не было вдохновлено. В одном не может быть сомнений, а именно в том, что изъятие этих драгоценных памятников искусства из итальянских коллекций вызвало глубокое и постоянное возмущение итальянского народа. Это святотатство, как считали его восторженные и интеллигентные ценители всех изящных искусств, отвратило многих наполовину обращенных от принципов Французской революции.

Бонапарт пробыл в Милане всего пять дней; цитадель этого города все еще сопротивлялась ему; но он оставил отряд для ее блокады, а сам отправился в погоню за Болье. Австриец теперь расположил остатки своей армии за Минчо, держа слева от себя большой и сильный город Мانتую, который был назван "цитаделью Италии", а справа - Пескьеру, венецианскую крепость, которой он овладел, несмотря на протесты дожа. Пескьера стоит там, где Минчо вытекает из "своего родительского озера", Лаго-ди-Гуарда. Этот огромный водоем, протянувшийся на много

миль назад, к Тирольским Альпам, сразу расширил линию обороны и сохранил открытым сообщение с Веной. Австрийский ветеран занимал одну из самых сильных позиций, которые только можно себе представить. Захватчик снова поспешил сместить его.

Тем временем французская директория начала питать определенные неестественные подозрения относительно конечных замыслов своего молодого генерала, успех и слава которого уже достигли столь поразительной высоты. Они решили, если смогут, остановить развитие честолюбия, которое, как они опасались, может выйти из-под их контроля. Бонапарту было приказано взять половину своей армии и повести ее против папы римского и Неаполитанского короля, а другую половину оставить для завершения сражения с Болье по приказу Келлермана. Но в этом случае он действовал с решимостью, которой эти Директора тщетно стремились подражать. В ответ он сложил с себя командование. "Половины итальянской армии, - сказал он, - недостаточно, чтобы покончить с австрийцами. Только сохранив свои силы в целости, я смог выиграть так много сражений и оказаться сейчас в Милане. Лучше иметь одного плохого генерала, чем двух хороших". Директория не осмелилась настаивать на смещении вождя, чье имя считалось залогом победы. Наполеон восстановил безраздельное командование, право на которое теперь, в последний раз, было поставлено под сомнение.

Еще одно непредвиденное событие задержало марш на Мантую еще на несколько дней. Тяжелые победы французов и, возможно, еще более вопиющее презрение, с которым они относились к церквям и духовенству, вызвали или усилили возмущение значительной части населения всей Ломбардии. Сообщения о новых австрийских рекрутских наборах, хлынувших на перевалы Тироля, были распространены, и им верили. Народные восстания против завоевателя происходили в различных округах: по меньшей мере 30 000 человек были вооружены. В Павии повстанцы одержали полную победу; они захватили город и вынудили французский гарнизон сдаться.

Это пламя, если бы ему позволили распространиться, грозило бы неизмеримым злом делу Франции. Ланн немедленно двинулся к Бенаско, ворвался в это место, разграбил и сжег его, а жителей безжалостно предал мечу. Генерал лично явился в Павию; распахнул ворота; легко рассеял горожан; и приказал казнить лидеров, как будто они совершили преступление, пытаясь спасти свою страну от руки иностранного захватчика. Повсюду действовала одна и та же жестокая система. Командиров повстанцев судили военными трибуналами и расстреливали без церемоний. В Луго, где французский кавалерийский эскадрон потерпел доблестное и катастрофическое поражение, все жители мужского пола были вырезаны. Эти кровавые примеры подавили восстания, но они легли первым темным и несмываемым пятном на имя Наполеона Бонапарта.

Таким образом, дух австрийской и католической партий в Ломбардии был подавлен, и французы двинулись на Минчо. Генерал так расположил свои войска, что Болье не сомневался, что он намеревался перейти эту реку, если сможет, у Пескьеры. Тем временем он готовился повторить сцену при Пласенце; и действительно, 30 мая форсировал переправу Минчо не у Пескьеры, а дальше вниз по течению, у Боргетто. Австрийский гарнизон в Боргетто напрасно разрушил одну арку моста. Бонапарт заделал брешь досками, и его люди, разгоряченные столькими победами, бросились в атаку с яростью, которой нельзя было сопротивляться. Болье был вынужден оставить Минчо, как он сделал это до Адды и По, и занять новую линию Адидже.

Между тем событие, которое можно назвать случайным, едва не сделало больше, чем просто отплатило австрийцам за все их неудачи. Левый фланг их линии, расположенный еще ниже по Минчо, у Пуццуоло, как только узнал из канонады, что французы в Боргетто, поспешил подняться вверх по течению с целью помочь обороне своих друзей. Они пришли слишком поздно для этого; командир в Боргетто отступил до их прибытия. Они, однако, появились неожиданно; и, по счастливой случайности, достигли Вальеджио после того, как французская армия преследовала австрийцев через него и далее — и в тот момент, когда Бонапарте и несколько друзей, считая работу дня законченной, а эту деревню полностью находящейся в тылу обеих армий, собирались сесть обедать в безопасности. Себетендорф, командовавший дивизией Пуццуоло, быстро вошел в деревню, даже не подозревая, какая добыча находится рядом с ним. Слуги французского генерала едва успели захлопнуть ворота гостиницы и встревожить своего начальника криком "К оружию". Бонапарте вскочил на коня и, ускакав черным ходом, с наименьшим трудом избежал самой серьезной опасности. Вскоре Себетендорф подвергся нападению французской колонны и отступил, по примеру Болье, на линию Адидже. Бонапарте, воспользовавшись опасным приключением в Вальеджо, учредил небольшой отряд отборных людей, называемых *Проводниками*, для постоянного наблюдения за его личной безопасностью. Таков был зародыш, из которого выросла знаменитая императорская гвардия Наполеона.

Австриец, по сути, на время покинул открытую местность Италии. Теперь он лежал на границе между обширными богатыми провинциями, завоеванными Наполеоном, и Тиролем. Миланская цитадель, действительно, все еще держалась; но силы там были невелики, и, окруженные со всех сторон, нельзя было ожидать, что они будут долго сопротивляться. Мантуя, обладавшая огромными природными преимуществами и в которую отступающий генерал бросил гарнизон численностью в 15 000 человек, была, по правде говоря, последним и единственным итальянским владением императорской короны, которое, как казалось, еще можно было спасти. Болье с тревогой ожидал подхода новых войск из Германии, чтобы попытаться освободить этот великий город; а его противник, стремясь предвосхитить усилия имперского правительства, немедленно сел перед ним.

Мантуя расположена на острове, со всех сторон отрезанная от основной суши ответвлениями Минчо, и к ней можно добраться только по пяти узким дамбам, из которых три были защищены сильными и регулярными крепостями или укрепленными лагерями, а два других - воротами, подъемными мостами и батареями. Расположенный среди стоячих вод и трясин, его воздух губителен, особенно для незнакомцев. Гарнизон был готов удерживать позицию со свойственной ему храбростью; и оставалось выяснить, располагал ли французский генерал какой-либо новой системой наступления, способной сократить обычные операции осады так же эффективно, как он это уже сделал с помощью операций марша и сражения. Начало его действий было тревожным: из пяти дамб внезапными и ошеломляющими атаками он овладел четырьмя; и гарнизон был отрезан от основной территории, за исключением только пятой дамбы, самой сильной из всех, названной по расположенному неподалеку дворцу *Ла Фаворит*. Однако для того, чтобы эта блокада была полной, казалось необходимым, чтобы венецианская территория, лежащая непосредственно за Мантуей, была оккупирована французами. Моущество этого древнего правительства уже не внушало особого уважения, и Бонапарт решил, что требование нейтралитета не должно служить препятствием для его мер. Французская директория уже самым неблагородным образом растоптала достоинство Венеции, потребовав, чтобы она больше не позволяла себе возвращаться к прославленному изгнаннику,

графу Прованскому, старшему из оставшихся в живых братьев Людовика XVI.^[9] Этого несчастного принца, соответственно, хотя и с большой неохотой, пожелали покинуть венецианские государства, и он уже перешел Рейн, где его доблестный кузен, принц Конде, долгое время стоял во главе небольшой и преданной армии, состоящей из эмигрировавшей французской знати. Бонапарт, однако, предпочел отнестись к нежеланию, с которым Венеция была вынуждена пойти на это нарушение ее гостеприимства, как к новому оскорблению своего правительства: он утверждал, что держава, которая поддерживала дружбу и неохотно изгнала *претендента* на французскую монархию, потеряла всякое право на снисхождение со стороны революционных сил. Это было грубым и невеликодушным оскорблением, и к тому же беспричинным, поскольку за ним стояли гораздо более веские аргументы. Императорский генерал, как мы видели, пренебрег призывами дожа, когда это соответствовало его цели занять Пескьеру. "Вы слишком слабы, - сказал Бонапарт, когда венецианский посланник прибыл в его штаб, - чтобы навязывать нейтралитет таким враждебным нациям, как Франция и Австрия. Болье не уважал вашу территорию, когда его интересы заставляли его нарушать ее; и я не колеблясь оккупирую все, что находится в пределах линии Адидже. Фактически, гарнизоны были немедленно размещены в Вероне и во всех укрепленных пунктах этого владения. Трехцветный флаг развевался теперь у входа в Тирольские перевалы, и Наполеон, оставив Серрюрье блокировать Мантую, вернулся в Милан, где ему предстояло уладить важное дело.

Король Неаполя, совершенно сбитый с толку успехами французов, теперь стремился заключить мир, почти на любых условиях, с казавшейся непреодолимой Республикой. На данный момент Бонапарту не нравилось пренебрегать его достижениями. Мир с этим принцем отозвал бы несколько ценных дивизий из армии Болье; а удаленность неаполитанской территории была такова, что у французов не было средств вести войну там с выгодой для себя, пока Австрия сохраняла возможность перебрасывать новые силы в Италию через Тироль. Соответственно, он заключил перемирие, за которым вскоре последовал формальный мир с королем Обеих Сицилий; и неаполитанские войска, которые недавно вели себя с выдающейся храбростью, бросив австрийского генерала, начали свой марш на юг Италии.

Эта сделка сделала еще одну из намеченных жертв Наполеона полностью в его руках. Не имея за спиной друга, папа увидел себя во власти захватчика и в ужасе приготовился подчиниться. Бонапарт немедленно занял свои миссии в Болонье и Ферраре, взяв в плен в последнем из этих городов четыреста человек папских войск и кардинала, по приказу которого они находились. Боевик-церковник был уволен условно-досрочно; но, будучи отозван в штаб-квартиру, ответил, что его хозяин, папа римский, разрешил ему нарушить свое обещание. Это проявление старой раздающей власти вызвало веселье завоевателей. Тем временем Ватикан понял, что нельзя терять времени. Испанский резидент при римском дворе был отправлен в Милан; и наконец были согласованы условия, на которых святой отец должен был получить краткую отсрочку. Бонапарт потребовал и получил миллион фунтов стерлингов, сотню лучших картин и статуй из папской галереи, большой запас военных припасов и уступку Анконы, Феррары и Болоньи с их соответствующими владениями.

Затем он обратил свое внимание на великого герцога Тосканского — принца, который не только не принимал никакого участия в войне против Республики, но был самым первым из европейских правителей, признавшим ее создание, и поддерживал дружеские отношения со всеми сменявшими друг друга властями. Однако Бонапарт, следуя своей системе, решил, что брат императора должен заплатить за свои предполагаемые склонности. На данный момент

Флорентийский музей и сокровищница великого герцога были пощажены; но Ливорно, морской порт Тосканы и главный источник ее богатств, был захвачен без церемоний; английские товары в этом городе были конфискованы к разорению купцов; и большому количеству английских судов в гавани едва удалось спастись. Великий герцог, вместо того чтобы возмущаться этими оскорблениями, был вынужден принять Бонапарта во Флоренции со всем подобающим радушием; и губитель отплатил ему за любезность, сообщив ему, радостно потирая руки, во время устроенного для него королевского приема: "Я только что получил письма из Милана; цитадель пала; у вашего брата больше нет ни пяди земли в Ломбардии". "Это печальный случай, — сказал сам Наполеон много лет спустя, говоря об этих сценах взыскания и наглости, — это печальный случай, когда карлик попадает в объятия великана; он так похож, что его можно задушить, но великану свойственно сильно сжимать".

Тем временем генерал не пренебрегал великим и желанным планом французского правительства полностью революционизировать Север Италии и основать там группу республик, созданных по их собственному образцу и готовых действовать как послушные союзники в их могущественном соперничестве с европейскими монархиями. Особые условия Северной Италии, как страны древней славы и высокого духа, давно расколотой на части и управляемой, по большей части, губернаторами немецкого происхождения, предоставляли много возможностей для осуществления этого замысла; и Бонапарт постоянно призывался своим правительством в Париже и влиятельной партией в Ломбардии ускорить его исполнение. Он, однако, к этому времени научился относиться ко многим идолам Директории примерно с таким же почтением, с каким они относились к святыням католицизма; по его мнению, можно было добиться большего, потянув время как с правительствами, так и с народом Италии, чем с помощью каких-либо поспешных мер рекомендованного рода. Он хорошо видел глубокое отвращение, которое вызывали его требования. "Вы не можете, - сказал он, - в один и тот же момент грабить людей и убеждать их, что вы их друзья". Более того, он воображал, что папа и другие лишенные нервов правители страны могли бы превратиться по меньшей мере в таких же удобных министров французского взыскания, как любые новые учреждения, которые он мог бы создать в их кабинете. Наконец, он понял, что всякий раз, когда Директории придется серьезно обсуждать условия соглашения с великой монархией Австрии, их лучшим методом будет восстановление Ломбардии и, таким образом, покупка дальнейшего владения более удобно расположенными территориями Бельгии и Люксембурга. Поэтому генерал тянул время, довольствуясь тем, что тем временем опустошал государственную казну и изо дня в день обхаживал население. Директорию с трудом убедили позволить ему следовать своим собственным путем; но теперь он презирал их увещевания, а их эффективно научили бояться его силы.

Наполеон, достаточно ясно, не имел намерения предоставить этим итальянским правительствам ничего, кроме отсрочки; не подлежит сомнению и то, что их склонность к сотрудничеству с Австрией оставалась такой же, какой она была до заключения ими этих договоров с Францией. То, что цель обмана была взаимной, не дает, однако, никаких оснований для оправдания — и меньше всего для более сильной стороны. "Миру будет хорошо, - говорит сэр Вальтер Скотт, - когда ложь и уловки будут столь же широко распространены в международном общении, как и между отдельными людьми в цивилизованных странах".

ГЛАВА VI

Вурмсера вытесняет Болье—Журден и Моро вторгаются в Германию и снова вынуждены отступать—Австрийцы наступают из Тироля—Битва при Лонато—Побег Наполеона—Битва близ Кастильоне—Вурмсера отступает на Тренте и завербован—Битва при Ровередо—Битва при Примолано—Битва при Бассано—Битва при Сент—Джордж-Вурмсера заперт в Мантуе.

Теперь генерал был отозван на войну. Венский кабинет министров, склонный к медлительности, но, несомненно, проявляющий настойчивость, наконец принял решение об отправке эффективной помощи на итальянскую границу. Белью слишком часто терпел неудачу, чтобы ему можно было доверять дольше: Вурмсера, пользовавшегося репутацией человека высочайшего класса, послали заменить ему: 300 000 человек были призваны из армий на Рейне сопровождать нового генерала; и он выполнял приказ усилить себя в походе любыми новобранцами, которых он мог набрать среди воинственного и лояльного населения Тироля.

Последствия такого ослабления австрийских сил на Рейне были в данный момент на той арене сражения неблагоприятными. Французы двумя отдельными отрядами форсировали переправу через Рейн - под командованием Журдана и Моро, перед которыми имперские генералы Вартенслебен и эрцгерцог Карл были вынуждены отступить. Но мастерство эрцгерцога вскоре позволило ему соединиться с колоннами Вартенслебена и, таким образом, обрушиться на Журдана с большим численным превосходством и нанести ему сокрушительное поражение. Потери французов на поле боя были велики, а ожесточенная враждебность немецких крестьян сделала их отступление кровавым. Моро, с другой стороны, узнав, что Журдан потерпел поражение, оказался вынужден отказаться от плана продолжения своего марша дальше в Германию и совершил то знаменитое отступление через Шварцвальд, которое сделало его имя таким же блестящим, как могла бы сделать любая победа на поле боя. Но этот переворот, как бы он ни был смягчен почестями за достижения Моро, сопровождался появлениями самого опасного рода. Гений Карно разработал грандиозную схему операций, половина из которых, таким образом, была сразу же прервана. Он имел в виду, что Моро и Журден, объединившись за Рейном, пойдут маршем на Тироль; в то время как Бонапарте должен был выступить со сцены своих итальянских завоеваний, присоединиться к своим братьям-генералам на этой границе, а затем выступить в союзе с ними, чтобы продиктовать мир у ворот Вены. Теперь всем надеждам на такое соединение сил в этой кампании пришел конец. Французы сочли себя вынужденными возобновить оборону на западной границе Германии, а итальянской армии пришлось пережить сокрушительную войну, которая, казалось, была готова обрушиться на Ломбардию с перевалов Тироля.

Вурмсера, когда он разместил свою штаб-квартиру в Тренте, собрал всего 80 000 человек; в то время как у Бонапарта было всего 30 000, чтобы удерживать обширную территорию, в которой теперь преобладало отвращение к делу Франции, поддерживать блокаду Мантуи и противостоять этому ужасающему численному перевесу на поле боя. Более того, теперь он должен был действовать в обороне, в то время как его противник принял более вдохновляющий характер захватчика. Он спокойно ожидал результата.

Вурмзер мог бы извлечь уроки из успехов Бонапарта о преимуществах компактного передвижения; однако он был достаточно неразумен, чтобы разделить свои огромные силы на три отдельные колонны и разместить одну из них на марше, который полностью отделял ее от поддержки других. Сам он со своим центром наступал на левом берегу озера ди Гуарда, имея целью Мантую перед собой: его левое крыло под командованием Меласа должно было спуститься по Адидже и выбить французов из Вероны; в то время как правому крылу под командованием Квасдоновича было приказано держаться долины Кьеze в направлении Брешии и таким образом отрезать Бонапарту отступление к Миланцам; другими словами, перекрыть воды озера ди Гуарда между ними и маршем их друзей — грубая ошибка, которая вряд ли ускользнула бы от зоркого ока Наполеона.

Он немедленно решил выступить против Квасдоновича и сразиться с ним там, где его не могли поддержать две другие колонны. Этого нельзя было сделать, не отказавшись на время от блокады Мантуи; но Бонапарте не колебался в приобретении большого конечного преимущества нынешней жертвой, какой бы неприятной она ни была. Орудия были закопаны в траншеях в ночь на 31 июля, и французы покинули это место со стремительностью, которую наступающие австрийцы сочли результатом террора.

Наполеон тем временем бросился на Квасдоновича, который уже приблизился ко дну озера Гуарда. У Сало, недалеко от озера, и дальше от него, у Лонато, две дивизии австрийской колонны были атакованы и разбиты. Ожеро и Массена, оставив только арьергарды в Боргетто и Пескьере, теперь двинулись также на Брешию. Все силы Квасдоновича неизбежно были бы уничтожены этими комбинациями, если бы он устоял на ногах; но к этому времени стремительность Наполеона внушила ему благоговейный страх, и он уже полностью отступал на свои старые позиции в Тироле. Поэтому Ожеро и Массена развернули свои колонны в обратном направлении и вернулись к Минчо. Они обнаружили, что Вурмсер вытеснил их арьергарды с их постов: отряд Массены под командованием Пиджена в полном порядке отступил к Лонато; отряд Ожеро под командованием Валлетта отступил в замешательстве, оставив Кастильоне австрийцам.

Воодушевленный этими успехами, старый Вурмсер решил теперь бросить все свои силы на французов и возобновить острием штыка связь с рассеянной колонной Квасдоновича. Ему посчастливилось разбить доблестного Голубя при Лонато и занять этот город. Но этот новый крупный успех оказался для него роковым. В упоении победой он слишком сильно продвинул свою линию вправо; и это чрезмерное беспокойство по поводу открытия сообщения с Квасдоновичем привело к такому ослаблению его центра, что Массена, смело и умело воспользовавшись случаем, направил две сильные колонны на Лонато и вернул себе позицию; после чего австриец, увидев, что его армия рассечена надвое, пришел в полное замешательство. Некоторые из его войск, шедших справа, были встречены французами, которые уже нанесли поражение Квасдоновичу в этом квартале и были вынуждены сдаться: большинство отступило в большом беспорядке. Только в Кастильоне была предпринята храбрая оборона. Но Ожеро, горящий желанием стереть позор Валлетта, [\[10\]](#) усилил позицию, хотя и потерпел серьезные потери. Такова была битва при Лонато. С тех пор ничто не могло превзойти замешательство австрийцев. Они бросились врассыпную к Минчо, где сам Вурмсер тем временем был занят восстановлением Мантуи.

Простая случайность еще раз почти спасла империалиста. Одна из многих разбитых дивизий армии, бродившая в тревоге в поисках какого-нибудь способа добраться до Минчо, внезапно налетела на Лонато, место последнего сражения, в тот момент, когда Наполеон находился там только со своим штабом и охраной. Он не знал, что поблизости остались какие-либо значительные силы противника, и, если бы не его присутствие духа, был бы их пленником. Австриец не умел извлекать выгоду из того, что бросала ему судьба; другой был способен превратить даже грубую ошибку в преимущество. Офицера, посланного требовать сдачи города, привели, по обычаю, в его штаб с завязанными глазами; Бонапарте тайным знаком приказал всему своему штабу окружить его и, когда повязка была снята с глаз гонца, приветствовал его так: "Что означает эта дерзость? Вы встречаетесь с французским генералом посреди его армии? Немец узнал Наполеона и отступил, заикаясь и краснея. Он заверил своего командира, что Лонато был оккупирован французами в таком количестве, что сопротивление стало невозможным. Четыре тысячи человек сложили оружие, а затем обнаружили, что, если бы они им воспользовались, ничто не помешало бы Наполеону стать их добычей.

Вурмсер собрал все свои оставшиеся силы и двинулся навстречу победителю. Он, тем временем, решился на штурм и спешил на встречу. Они встретились между Лонато и Кастильоне. Вурмсер потерпел полное поражение и чудом избежал плена; он также не без труда отвоевал Трент и Ровередо, те пограничные позиции, с которых его благородная армия так недавно спустилась со всей уверенностью победителей. В этой катастрофической кампании австрийцы потеряли 40 000 человек: Буонапарте, вероятно, занижал свои собственные потери на 7000. В течение семи дней, которые заняла кампания, он никогда не снимал ботинок и не спал, кроме как перед встречей. Усилия, которые так быстро привели к этому знаменательному триумфу, были таковы, что требовали некоторого отдыха; и все же Наполеон не остановился, пока не увидел, что Мантуя снова полностью захвачена. Усиление и переформирование этого гарнизона - вот и все, что Вурмсер мог показать в качестве компенсации за потерю артиллерии, припасов и 40 000 человек.

Во время этой короткой кампании неприязнь, с которой духовенство Италии относилось к французам, проявлялась в различных кругах. В Павии, Ферраре и других местах вспыхнули восстания, и дух их быстро распространялся в тот момент, когда пришло известие о новой победе Наполеона, чтобы вновь пробудить ужас и парализовать восстание. Завоеватель счел за лучшее пока принять повторное подчинение, каким бы вынужденным оно ни было, партии, слишком могущественной, чтобы ее можно было подавить примерами. Кардинал Маттеи, архиепископ Феррары, когда его привели к нему, произнес единственное словосочетание: победитель удовлетворился тем, что наложил на него епитимью в виде семидневного поста и молитв в монастыре, но он не собирался забывать об этих событиях, когда наступит новый день расплаты с папой.

В то время как он был занят восстановлением спокойствия в стране, Австрия, постоянно испытывавшая трудности, поспешила направить 20 000 свежих солдат под командование Вурмзера; и храбрый ветеран, сердце которого ничто не могло охладить, приготовился предпринять еще одну попытку освободить Мантую и изгнать французов из Ломбардии. Его армия теперь, как и прежде, значительно превосходила его численностью; и хотя выправка его войск была более скромной, их доблесть оставалась неизменной. И снова старый полководец разделил свою армию; и снова ему было суждено увидеть ее разбитой вдребезги.

Он выступил из Трента в сторону Мантуи, через ущелья Бренты, во главе 30 000 человек; оставив 20 000 человек под командованием Давидовича в Ровередо, чтобы прикрыть Тироль. Бонапарт мгновенно заметил ошибку своего противника. Он позволил ему беспрепятственно продвинуться до Бассано, и в тот момент, когда он был там и, следовательно, полностью отделен от Давидовича и его тыла, собрал значительные силы и бросился на Ровередо такими маршами, которые казались правдоподобными только после их завершения.

Битва Ровередо (сет. 4) является одной из самых прославленных наполеоновских дней. У врага был хорошо укрепленный лагерь перед городом; а за ним, на случай неудачи, Каллиано с его замком, расположенным на обрыве над Адидже, где эта река течет между огромными скалами и горами, казалось, предлагал неприступное убежище. Ничто не могло устоять перед пылом французов. Австрийцы, хотя и защищали укрепленный лагерь со своим обычным упорством, были вынуждены уступить из-за стремительности Дюбуа и его гусар. Дюбуа пал, смертельно раненный, в момент своей славы: он размахивал саблей, подбадривая своих людей до последнего вздоха. "Я умираю, - сказал он, - за Республику; только дайте мне услышать, прежде чем жизнь покинет меня, что победа за нами". Французская кавалерия, воодушевленная таким образом, преследовала немцев, которые были отброшены, неспособные сплотиться, через город и за его пределы. Даже гигантская оборона Кальяно оказалась бесполезной. Высота за высотой сдавались на острие штыка; 7000 пленных и пятнадцать пушек остались у победителей. Австрийцы бежали в Левизу, которая охраняет одно из главных ущелий Тирольских Альп, и там были снова разбиты. Вобуа занял эту важную позицию вместе с доблестной дивизией, которая ее форсировала. Массена обосновался в бывшей штаб-квартире Вурмзера в Тренте; и Наполеон, полностью прервав таким образом связь фельдмаршала с Германией, начал выпускать прокламации, призывавшие жителей Тироля принять французов как друзей и воспользоваться возможностью навсегда освободиться от австрийского владычества. Он издал указ, объявляющий, что суверенитет округа отныне принадлежит Французской Республике, и предлагающий народу самому организовать, по своему усмотрению, его внутреннее управление.

Французский генерал допустил серьезную ошибку, когда предположил, что тирольцы разделились в своей привязанности к имперскому правительству, потому что он обнаружил, что итальянские подданные этой короны разделились. Тироль, одно из древнейших австрийских владений, также был одним из наиболее управляемых; народ пользовался всей свободой, которую он желал, при отеческом правлении. Они с презрительной холодностью восприняли льстивые увещевания того, в ком они видели всего лишь хитрого и алчного врага; и Бонапарте вскоре убедился, что для республиканизации этих доблестных горцев потребуется больше времени, чем было в его распоряжении в то время. Они, по правде говоря, начали вооружаться и ждали только сигнала, чтобы повсюду выступить против захватчиков.

Вурмсер с ужасом услышал о полном разорении Давидовича и не сомневался, что Наполеон теперь двинется в Германию и, присоединившись к Журдану и Моро, о наступлении которых он слышал и ошибочно полагал успешным, попытается осуществить великий план Карно - атаковать саму Вену. Старый генерал не видел иного шанса обратить то, что осталось у него от его армии, на благое дело, кроме как оставаясь в Ломбардии, где, как он думал, он мог бы легко возбудить народ в пользу своего императора, сокрушить небольшие гарнизоны, оставленные Бонапарте, и таким образом, во всяком случае, отрезать французам путь к отступлению через Италию на случай, если они столкнутся с какой-либо катастрофой в Тироле или в Германии.

Наполеон обладал разведданными, которые были нужны Вурмзеру. Сам Вурмсер был его целью; и он вернулся из Трента в Примолано, где находился авангард империалистов, совершив форсированный марш протяженностью не менее шестидесяти миль за два дня. Можно себе представить удивление, с которым был встречен этот спуск. Австрийский фургон был уничтожен в мгновение ока. Французы, толкая все перед собой, остановились в ту ночь в Сисмоне, где Наполеон был рад получить на ужин половину солдатской пайки хлеба. На следующий день он добрался до Бассано, где маршал возрасте еще раз ожидается, что роковое столкновение. Битве при Бассано (сет. 8) стал роковым повторением тех, которые ушли раньше его. Шесть тысяч человек сложили оружие. Квасдонович с одной дивизией в 4000 человек бежал во Фриули; в то время как сам Вурмсер, отступая к Виченце, с трудом собрал там остатки из 16 000 избитых и приведенных в замешательство солдат. Его положение было крайне плачевным; его сообщение с Австрией было полностью прервано, вся его артиллерия и обоз потеряны, цвет его армии больше не составлял. Казалось, ничего не оставалось, как броситься в Мантую и там держаться до последнего в надежде, какой бы отдаленной она ни была, на какую-нибудь помощь из Вены; и такова была решимость этого часто обманутого, но никогда не унывавшего ветерана.

Для выполнения своей цели необходимо было форсировать переправу где-нибудь на Адидже; и австрийцу, особенно после того, как он потерял все свои понтоны, было бы очень трудно сделать это, если бы не ошибка французского командующего в Леньяго, который, предполагая, что попытка будет предпринята в Вероне, выступил на подкрепление расквартированному там корпусу и, таким образом, оставил свою надлежащую позицию без охраны. Вурмсер, воспользовавшись этим, прошел со своей армией при Леньяго и после ряда кровопролитных стычек, в которых фортуна почти поровну разделила свои благосклонности, наконец получил возможность ворваться в Мантую. В одной из таких стычек при Арколе Наполеону удалось еще раз чудом спастись. На мгновение его окружили, и он только что ускакал, когда подошедший Вурмсер, узнав, что добыча так близко, отдал особые распоряжения доставить его живым!

Бонапарт, командовавший несколькими разрозненными корпусами, которым не удалось угнаться за Вурмсером, снова появился перед Мантуей. Битва при Сент-Джордж — названная так по названию одного из пригородов города — произошла 13 сентября, и после чудовищной резни французы остались во владении всеми дамбами, так что блокада города и крепости отныне была полной. Гарнизон, когда Вурмсер заперся, насчитывал 26 000 человек. Еще до того, как наступил октябрь, чумной воздух этого места, а также нехватка провизии заполнили его госпитали, и едва ли половина из них была в боеспособном состоянии. Положение осажденного города было чрезвычайным, и если Австрия намеревалась спасти Вурмзера, нельзя было терять времени.

ГЛАВА VII

Дела Корсики—Альвинци принимает командование австрийцами на итальянской границе—Три битвы при Арколе—Отступление Альвинци—Битва при Риволи—Битва при Ла Фаворите—Капитуляция Мантуи—Марш Виктора на Анкону—Отчаяние папы—Толлентинский мирный договор.

Французская партия на Корсике не без гордости и ликования созерцала триумфы своего соотечественника. Его захват Ливорно, перерезавший поставки из Англии, сильно огорчил противоположную сторону на острове, и экспедиция корсиканских изгнанников, которую он теперь отправил из Тосканы, увенчалась успехом и окончательно отвоевала страну. Этим приобретением Наполеон был обязан; и Директория не осталась равнодушной к его ценности. У него, тем временем, были дела поважнее.

Австрийский совет хорошо знал, что Мантуя находится в превосходном состоянии; и, получив теперь облегчение на Рейнской границе из-за неудачи попыток Журдана и Моро, он смог еще раз сформировать мощное вооружение по сравнению с итальянским. Верховное командование было передано маршалу Альвинци, ветерану с высокой репутацией. Он, произведя обширные сборы в Иллирии, появился во Фриули; в то время как Давидович с остатками армии Кваздоновича, обильно набранной среди храбрых крестьян Тироля и со свежими призывниками с Рейна, занял позиции выше Трента. Всего в подчинении маршала находилось 60 000 человек. Бонапарте получил только двенадцать новых батальонов, чтобы восполнить все потери в тех ужасных кампаниях, в ходе которых уже были уничтожены три императорские армии. Численное превосходство противника снова было таково, что ничто, кроме самых искусных комбинаций со стороны французского генералитета, не могло помешать ему смести все перед собой на равнинах Ломбардии.

В начале октября Бонапарт услышал, что колонны Альвинци пришли в движение: он поставил Вобуа охранять Трент, а Массену - в Бассано, чтобы сдерживать продвижение фельдмаршала; но ни один из этих генералов не смог удержать свои позиции. Войска Вобуа были отброшены с позиции Кальяно, о силе которой уже упоминалось, при обстоятельствах, которые Наполеон считал позорными для характера французской армии. Массена уклонился от сражения, но таково было подавляющее превосходство Альвинци, что он был вынужден оставить позицию у Бассано. Сам Наполеон поспешил вперед, чтобы поддержать Массену, и при Виченце произошло ожесточенное столкновение, в котором обе стороны заявили о победе. Французы, однако, отступили, и Бонапарт разместил свою штаб-квартиру в Вероне. Вся страна между Брентой и Адидже была в руках врага, в то время как все еще сильный и решительный гарнизон Мантуи в тылу Наполеона, делавший необходимым разделение сил, делал его положение в высшей степени критическим.

Его первой заботой было навестить разбитые войска Вобуа. "Вы вызвали мое неудовольствие, - сказал он, - вы позволили вытеснить себя с позиций, где горстка решительных людей могла бы бросить вызов армии. Вы больше не французские солдаты! Вы не принадлежите к итальянской армии". При этих словах слезы потекли по загорелым щекам гренадеров. "Поставьте нас еще раз в авангард, - кричали они, - и вы увидите, не принадлежим ли мы к итальянской армии". Генерал сбавил свой сердитый тон, и за всю оставшуюся кампанию ни одно войско так не отличилось, как это.

Возродив таким образом пыл своих солдат, Бонапарте сосредоточил свои колонны справа от Адидже, в то время как Альвинци занял очень сильную позицию на высотах Кальдиеро, на левом берегу, почти напротив Вероны. Следуя той же системе, которая уже так часто оказывалась фатальной для его противников, Бонапарт намеревался напасть на Альвинци и рассеять его силы, прежде чем к ним сможет присоединиться Давидович. Поэтому он, не теряя времени, атаковал высоты Кальдиеро; но, несмотря на все, что мог сделать Массена, возглавлявший атаку, австрийцы, сильные численностью и позицией, отразили нападение с большой резней. Во время сражения разразилась ужасная буря, и Наполеон в своих депешах пытался переложить вину на стихию.

Местность за Кальдиеро лежала открытой для Давидовича, и стало необходимо прибегнуть к другим средствам нападения или допустить страшный переход. Гений Бонапарта подсказал ему в этом случае совершенно неожиданный ход. Ночью, оставив 1500 человек под командованием Килмейна охранять Верону, он отошел на некоторое пространство назад, как будто намеревался отступить на Мантую, что неудача его недавнего штурма делала вполне вероятным. Но вскоре его колонны были снова повернуты к Адидже и, обнаружив, что мост уже готов, были немедленно размещены на том же берегу реки, что и неприятель, но в полном тылу его позиций, среди широко раскинувшихся болот, покрывающих местность вокруг Арколы. Это смелое движение было задумано для того, чтобы поставить Наполеона между Альвинци и Давидовичем; но опасный характер местности и узость дамб, по которым только он мог наступать на Арколу, делали победу трудной, а отступление - наиболее опасным. Он разделил своих людей на три колонны и на рассвете (15 ноября) атаковал по трем дамбам, ведущим к Арколе. Австрийцы, не подозревавшие, что основные силы французов покинули Верону, сначала отнеслись к этому как к операции легких войск; но с наступлением дня истина стала очевидной, и эти узкие проходы оборонялись с самой решительной храбростью. Ожеро возглавил первую колонну, которая достигла моста Аркола, и там после отчаянных усилий был отброшен с большими потерями. Бонапарте, понимая необходимость овладеть этим пунктом до прибытия Альвинци, бросился на мост и, схватив знамя, снова призвал своих гренадер в атаку.

Огонь был ужасающим: французы снова отступили. Самого Наполеона, затерявшегося в суматохе, отбросило назад, заставило перебраться через дамбу, и он едва не захлебнулся в болоте, в то время как часть наступающих австрийцев уже была между ним и его сбитой с толку колонной. Неминуемая опасность была замечена: солдаты подняли тревогу и, бросившись вперед с криком "Спасите генерала", опрокинули немцев с непреодолимой яростью, вытащили Наполеона из болота и снесли мост. Это была первая битва при Арколе.

Это движение возродило на австрийских позициях ужас перед именем Бонапарта, и Альвинци понял, что нельзя терять времени, если он хочет сохранить связь с Давидовичем. Он оставил Кальдиеро и, выйдя на открытую местность за Арколой, на мгновение лишил своего врага преимущества, которого добился своим мастерством. Наполеон, видя, что Аркола находится уже не в тылу врага, а на его фронте, и опасаясь, что Вобуа может быть разбит Давидовичем, в то время как Альвинци остается таким образом между ним и Брентой, покинул Арколу и отступил к Ронко.

На следующее утро, убедившись, что Давидович не вступил в бой с Вобуа, Наполеон снова двинулся на Арколу. Это место еще раз было храбро защищено, и еще раз оно было захвачено. Но это второе сражение при Арколе оказалось не более решающим, чем первое, поскольку

Альвинци все еще умудрялся сохранять свои главные силы неповрежденными в труднопроходимой местности позади; и Бонапарте снова отступил к Ронко.

Третий день был решающим. В этом случае он также захватил Арколу; и с помощью двух хитростей ему удалось добиться успеха. Засада, устроенная среди нескольких ив, внезапно открыла огонь по колонне хорватов, привела их в замешательство и, выскочив из укрытия, загнала их в противоположное болото, где большинство из них погибло. Наполеон стремился развить этот успех, атаковав основные силы австрийцев на твердой земле за болотами. Но добраться до них там было нелегко. В разных местах у него были готовы переносные мосты для переправы через рвы и каналы; но враг стоял в хорошем порядке, и трехдневные упорные бои почти истощили его собственных людей. В одной из своих бесед на острове Святой Елены он так рассказал о продолжении. "При Арколе я выиграл битву с двадцатью пятью всадниками. Я почувствовал критический момент усталости в обеих армиях — когда самые старые и храбрые были бы рады оказаться в своих палатках. Все мои люди были заняты. Трижды мне приходилось возобновлять сражение. У меня оставалось всего около двадцати пяти *проводников*. Я послал их во фланг врага с тремя трубами, приказав им громко трубить и яростно атаковать. *Вот французская кавалерия*, - раздался крик, и они обратились в бегство".... Австрийцы не сомневались, что Мюрат со всей кавалерией пробился через болота; и в тот момент, когда Бонапарт командовал общей атакой с фронта, замешательство стало безнадежным. В конце концов Альвинци отступил, хотя и в приличном порядке, к Монтебелло.

Именно в Арколе Мюирон, который со времен штурма Малого Гибралтара жил в условиях братской близости с Наполеоном, увидев готовую взорваться бомбу, бросился между ней и своим генералом и таким образом спас ему жизнь ценой своей собственной. Наполеон до конца своей жизни помнил и сожалел об этом героическом друге.

За эти три дня Бонапарт потерял 8000 человек: резня среди его противников, должно быть, была ужасной. Давидович, так и не присоединившийся к Альвинци после его успеха при Вобуа, и Вурмзер, остававшийся спокойным в Мантуе, когда, продвигаясь вперед со своим гарнизоном, он мог создать помехи французскому тылу, были виновны в прискорбной ошибке или нерешительности. И снова быстрые комбинации Наполеона свели на нет все усилия австрийского кабинета министров. В течение двух месяцев после последнего дня Арколы он оставался безмятежным хозяином Ломбардии. Все, что его враг мог показать в качестве компенсации за резню и замешательство в кампании Альвинци, заключалось в том, что они сохранили за собой Бассано и Трент, тем самым перекрыв Буонапарте доступ в Тироль и Германию. Это преимущество не было тривиальным, но оно было куплено дорогой ценой.

Четвертая армия потерпела поражение, но решимость императорского двора была непоколебима, и для усиления Альвинци усердно направлялись новые рекруты. Еще раз (7 января 1797 г.) маршал оказался во главе 60 000 человек: еще раз его превосходство над войсками Наполеона было огромным; и еще раз он спустился с гор с надеждой освободить Вурмзера и отвоевать Ломбардию. Пятому акту трагедии еще предстояло разыграться.

Здесь мы можем остановиться, чтобы отметить некоторые важные гражданские события, которые произошли до того, как Альвинци совершил свой последний спуск. Успех французов, естественно, придал новую силу итальянской партии, которая, главным образом в крупных городах, была враждебна Австрии и желала создать свое собственное правительство по республиканскому образцу. Наполеон к этому времени стал кем угодно, только не якобинцем в

своих политических чувствах: его привычки командовать; его опыт узкого и невежественного управления Директорией; его личные сношения с министрами суверенных держав; его ощущение, ежедневно укрепляемое событиями, что все, чтокогда-либо было сделано хорошего в Италии, происходило из его собственного мастерства и преданности его армии, — все эти обстоятельства сговорились, чтобы заставить его уважать себя и презирать правительство, почти вопреки которому он завоевывал королевства для Франции. Поэтому он теперь без особого сочувствия относился к стремлению к республиканской организации, которое он сам первоначально стимулировал среди северных итальянцев. Однако он знал, что Директория абсурдными и экстравагантными требованиями спровоцировала папу разорвать Болонский мирный договор и увеличить численность своей армии до 40 000 человек, — что Неаполь был готов поддержать его Святейшество 30 000 солдатами при условии, что французам в Ломбардии нанесут любой ущерб, — и, наконец, что Альвинци быстро готовился к новому походу с численностью, бесконечно превосходящей ту, которую он сам мог вымогать у правительства Парижа;^[11] и, учитывая эти обстоятельства, он чувствовал себя вынужденным искать силы, угождая своим итальянским друзьям. Соответственно были организованы две республики: Циспаданская и Транспаданская — скорее служанки, чем сестры великой французской демократии. Эти события произошли в период военного бездействия, следовавшего за победами при Арколе. Новые Республики поспешили отплатить Наполеону за благосклонность, собрав войска, и предоставили в его распоряжение силы, которые он считал достаточными для сдерживания папской армии во время ожидаемого возобновления усилий Альвинци.

Бонапарт в этот период прибегал к любому искусству, чтобы завоевать популярность у итальянцев; не имело большого значения и то, что они на самом деле считали его скорее своим соотечественником, чем французом; что их прекрасный язык был его родным; что он знал их нравы и их литературу и даже своей победоносной алчностью демонстрировал свое уважение к их искусству. Кроме того, при дальнейшем знакомстве с положением в стране он был достаточно мудр, чтобы отказаться от того враждебного тона, который он поначалу принял по отношению к духовенству, и оказывать наиболее влиятельным членам этого могущественного ордена знаки внимания, о которых Директория слышала с удивлением и услышала бы, будь он кем-то другим, а не Наполеоном, с презрением.^[12] Везде, где он мог лично общаться со священством, он, кажется, значительно смягчал их гнев. Тем временем духовенство за Апеннинскими и знать Романьи объединяли все свои усилия, чтобы поднять население против него; и у папы, доведенного, как мы видели, до отчаяния Французской директорией, не было причин жаловаться на то, что его светские вассалы равнодушно выслушивали подобные призывы.

Приготовления Альвинци тем временем быстро продвигались вперед. Энтузиазм австрийской знати был сильно подогрет предчувствием увидеть завоевателя Италии под стенами Вены, и повсюду были сформированы добровольческие корпуса, которые двинулись маршем к границе. Доблестные крестьяне Тироля уже проявили свое рвение; и предыдущие неудачи Альвинци не помешали им снова встать под его знамена. Наполеон провозгласил, что каждый тиролец, пойманный с оружием в руках, должен быть расстрелян как разбойник. Альвинци ответил, что за каждого убитого крестьянина он повесит французского военнопленного; Буонапарте возразил, что за первым приведением в исполнение этой угрозы немедленно последует повешение собственного племянника Альвинци, который находится в его руках. Эти свирепые угрозы были отложены в сторону, когда было предоставлено время для размышления; и оба

генерала приготовились вести войну по старым правилам, которые, по крайней мере, достаточно суровы.

Альвинци послал крестьянина через всю страну, чтобы тот, если возможно, пробрался в осажденный город Мантую и уведомил Вурмсера, что он снова готов попытаться оказать ему помощь. Ветерану было приказано сделать все возможное, чтобы отвлечь внимание в пользу приближающейся армии, а в худшем случае пробиться с боем из Мантуи, отступить в Романью и встать во главе папских войск. Шпион, передавший эти вести, был перехвачен и доставлен в присутствие Наполеона. Перепуганный мужчина признался, что проглотил комочек воска, в который было завернуто послание. Его желудок был вынужден отказаться от своего содержимого, и Бонапарте приготовился встретить своего врага. Оставив Серрюрье поддерживать блокаду Мантуи, он поспешил занять свою центральную позицию в Вероне, откуда он мог, в зависимости от обстоятельств, с удобством продвигаться по любому направлению, которое основные силы австрийцев могли бы выбрать для своего наступления.

Империалисты, как будто решив не извлекать никакого урока, снова двинулись из Тироля двумя разными маршрутами марша; сам Альвинци избрал маршрут Верхнего Адидже, в то время как Провера возглавил вторую армию, получив приказ следовать по Бренте, а затем, перейдя Нижний Адидже, присоединиться к маршалу у стен Мантуи. Если бы они объединили там свои силы и освободили Вурмзера, едва ли можно было сомневаться, что французам пришлось бы отступать перед такой огромной армией, которая тогда столкнулась бы с ними. Но Наполеону было суждено еще раз рассеять все эти победоносные мечты. Он отправил Жубера в Риволи, чтобы тот оспаривал эту важную позицию, если кампания начнется с попытки Альвинци форсировать ее; в то время как дивизия Ожеро должна была наблюдать за маршем Проверы. Сам он оставался в Вероне до тех пор, пока не смог с уверенностью узнать, кто из этих генералов предпримет первый грандиозный штурм. Вечером 13 января ему сообщили, что Жубер весь этот день с трудом удерживал свои позиции; и он немедленно поспешил туда, где, как теперь казалось, было подходящее для него место действия.

Достигнув около двух часов ночи (совершив еще один из своих почти невероятных форсированных маршей) высот Риволи, он при ясном лунном свете смог различить пять отдельных лагерей с бесчисленными сторожевыми кострами в долине внизу. Его лейтенант, сбитый с толку демонстрацией этой гигантской силы, уже собирался покинуть позицию. Наполеон немедленно остановил это движение и, подтянув дополнительные батальоны, вытеснил хорватов с возвышенности, которую они уже захватили при первых признаках отступления французов. Острый глаз Наполеона, осматривавшего расположение пяти лагерей внизу, разгадал тайну Альвинци, а именно, что его артиллерия еще не прибыла, иначе он не занял бы территорию, столь удаленную от объекта атаки. Он пришел к выводу, что австриец не собирался предпринимать свою грандиозную атаку очень рано утром, и решил заставить его предвидеть это движение. С этой целью он предпринял все возможные усилия, чтобы скрыть свое собственное прибытие, и с помощью ряда мелких маневров укрепил веру противника в то, что он имеет дело с простым аванпостом французов. Альвинци проглотил обман и, вместо того чтобы наступать каким-нибудь крупным и хорошо организованным строем, позволил нескольким своим колоннам попытаться овладеть высотами отдельными движениями, которые реальная сила Наполеона легко позволила ему отбить. Это правда, что в какой-то момент храбрость немцев почти опрокинула французов на пункте первостепенной важности; но сам Наполеон, прискакавший к месту, разбудил своим голосом и действиями дивизию Массены,

которая, маршируя всю ночь, прилегла отдохнуть от крайней усталости, и поддержанный ими и их доблестным генералом, [13] сметал все перед собой. Французская артиллерия была на позициях: австрийская (по проницательной догадке Наполеона) еще не подошла, и это обстоятельство решило исход дня. Канонада с высот, подкрепленная последовательными атаками конницы и пехоты, делала безуспешными все попытки штурма вершины; и основные силы империалистов были уже в замешательстве и даже обращены в бегство, прежде чем одна из их дивизий, посланная обойти Бонапарте с фланга и занять более высокую позицию в его тылу, смогла выполнить свою задачу. Соответственно, когда эта дивизия (дивизия Лузиньяна) наконец достигла намеченной цели, она сделала это не для того, чтобы довершить страдания разбитых, а для того, чтобы увеличить добычу победоносного врага. Вместо того чтобы отрезать Жуберу путь к отступлению, Лузиньян оказался отрезанным от Альвинци и вынужден был сложить оружие перед Бонапартом. "Это был хороший план, - сказал Наполеон, - но эти австрийцы не склонны считать минуты". Если бы Лузиньян зашел французам в тыл на час раньше, пока битва перед высотами Риволи была еще жаркой, он мог бы сделать 14 января одним из самых мрачных, а не из самых ярких дней в военной хронике Наполеона.

Он, у которого в течение этого трудного дня были подстрелены три лошади, едва дождался, когда Лузиньян сдастся и поручит своим друзьям, Массене, Мюрату и Жуберу, задачу преследовать бегущие колонны Альвинци. Во время сражения он услышал, что Провера прорвался к озеру Гуарда и уже с помощью лодок поддерживает связь с Мантуей. Поскольку силы Ожеро оказались недостаточными, чтобы противостоять маршу второй колонны империалистов, самому Наполеону давно пора было поспешить с подкреплениями в Нижний Адидже и помешать Вурмзеру либо окружить Проверу, либо присоединиться к нему в открытом поле и таким образом предотвратить бегство его собственного все еще грозного гарнизона в Тироль или Романью.

Двигаясь всю ночь и весь следующий день, Наполеон достиг окрестностей Мантуи поздно 15-го. Он обнаружил, что противник укреплен, а положение Серрюрье крайне критическое. Всего за несколько часов до этого гусарский полк Проверы почти закрепился в пригороде Сент-Джордж. Этот австрийский корпус был облачен в белые плащи, напоминавшие плащи хорошо известного французского полка; и, продвигаясь к воротам, они, несомненно, были бы приняты как друзья, если бы не проницательность одного сержанта, который не мог отделаться от мысли, что белые плащи, придававшие им слишком много лоска новизны, не выдержали бы трений трех бонапартистских кампаний. Этой опасности удалось избежать, но требовалась предельная бдительность. Сам французский генерал провел ночь, обходя аванпосты, настолько велика была его тревога.

В одном из таких мест он нашел гренадера, спящего у корня дерева; и, взяв его ружье, не будя его, около получаса исполнял обязанности часового на его месте; когда солдат, очнувшись ото сна, с ужасом и отчаянием увидел выражение лица и занятие своего генерала. Он упал перед ним на колени. "Друг мой, - сказал Наполеон, - вот твой мушкет. Вы упорно сражались и долго маршировали, и ваш сон простителен; но минутная невнимательность в настоящее время может погубить армию. Случилось так, что я не спал и занимал вместо вас ваш пост. В другой раз ты будешь осторожнее.

Нет нужды говорить, насколько преданность его людей подпитывалась такими анекдотами, которые время от времени передавались от колонны к колонне. На следующее утро завязалась

жаркая перестрелка, получившая название битвы при Сент-Джордж. Провера была вынуждена отступить, и Вурмзер, совершивший вылазку и захвативший дамбу и цитадель Ла Фаворита, был вынужден отступить за ее старые стены в результате отчаянной атаки, возглавляемой лично Наполеоном.

Теперь Провера оказался полностью отрезанным от Альвинци и окруженным французами. Он и 5000 человек сложили оружие 16 января. Различные подразделения австрийских вооруженных сил, разбросанные по стране между Адидже и Brenta, последовали этому примеру;^[14] и храбрый Вурмзер, провизия которого к этому времени была исчерпана, оказался, наконец, перед необходимостью отправить предложение о капитуляции.

Генерал Серрюрье, как командующий блокадой, принял Кленау, доставившего послание Вурмсера, и услышал, как тот заявил с обычной в таких случаях простительной хитростью, что его хозяин все еще в состоянии продержаться значительно дольше, если не будут предоставлены почетные условия. Наполеон до сих пор сидел в углу палатки, завернувшись в свой плащ; теперь он подошел к австрийцу, который не подозревал, в чьем присутствии говорил, и, взяв его перо, записал условия, которые тот был готов выполнить. "Таковы, - сказал он, - условия, на которые дает ему право храбрость вашего генерала. Он может получить их сегодня; через неделю, через месяц хуже не будет. А пока скажите ему, что генерал Бонапарт собирается отправиться в Рим". Теперь посланник узнал Наполеона и, прочитав бумагу, понял, что предложенные условия были более либеральными, чем он смел надеяться. Капитуляция была немедленно подписана.

2 февраля Вурмзер и его гарнизон выступили из Мантуи; но когда престарелый вождь должен был сдать свою шпагу, он обнаружил, что только Серрюрье готов принять ее. Великодушие Наполеона, заключавшееся в том, что он избегал лично присутствовать при унижении этого выдающегося ветерана, составляет одну из самых приятных черт в его истории. Директория призывала его к совершенно иному поведению. Он отнесся к их предложениям с презрением: "Я предоставил австрийцам, - писал он им, - такие условия, которые, по моему мнению, были необходимы храброму и благородному врагу и достоинству Французской Республики".

Потери австрийцев под Мантуей составили, первые и последние, не менее 27 000 человек. Помимо бесчисленных военных припасов, в руки завоевателя попало свыше 500 медных пушек; и Ожеро был отправлен в Париж, чтобы преподнести Директории *шестьдесят* штандартов с цветами. Его встретили бурным ликованием, какого и следовало ожидать в столь славный день от народа, менее жизнерадостного, чем французы.

Сдача Проверы и Вурмсера, последовавшая за полным разгромом Альвинци, полностью отдала Ломбардию в руки Наполеона; и теперь он нашел время отомстить папе за те враждебные выступления, которые до сих пор ему удавалось сдерживать. Ужас, с которым священнический двор Ватикана воспринял известие о полном разгроме австрийской армии и о неудержимом продвижении завоевателя на юг, не помешал папским войскам предпринять некоторые усилия по защите территорий Святого Престола. Генерал Виктор с 4000 французов и таким же количеством ломбардцев двинулся по маршруту Имола. Примерно равные по численности папские войска расположились лагерем на реке Сенио перед этим городом. Монахи с распятиями в руках бегали по рядам, призывая их храбро сражаться за свою страну и свою Веру. Французский генерал быстрым движением перебросил свою лошадь через ручей лигой или двумя выше по течению, а затем бросился со своей пехотой через Сенью впереди них.

Соппротивление было недолгим. Армия папы, состоявшая в основном из новобранцев, отступила в замешательстве. Фаэнца была взята штыком. Колли и еще 3000 человек сложили оружие, и сильный город Анкона был занят.^[15] 10 февраля французы вошли в Лоретто и разграбили это знаменитое место суеверий в поисках сокровищ, которые там еще хранились; самые ценные вещи уже были упакованы и отправлены в Рим для сохранности.^[16]— Затем Виктор повернул на запад от Анконы, намереваясь соединиться с другой французской колонной, которая продвинулась в папские владения через Перуджу.

Паника, которую к этому времени посеяло наступление французов, была такова, что папе не оставалось ничего другого, как подчиниться. Крестьяне, недавно превратившиеся в солдат, повсюду бросали свое оружие и разрозненными группами бежали в свои родные деревни. Тревога в самом Риме напоминала времена Алариха.

Поведение Бонапарта в этот критический момент было достойно того здравого смысла, который составлял первоначальную основу его успехов и которого впоследствии могло лишиться его только безумие избалованного честолюбия. Он хорошо знал, что из всех жителей римских территорий классом, который с глубочайшим ужасом наблюдал за его приближением, были несчастные французские священники, которых Революция изгнала с их родной земли. Один из этих несчастных джентльменов вышел в своем отчаянии и, сдавшись во французском штабе, сказал, что он знает, что его судьба предreshена и что с таким же успехом они могут немедленно повести его на виселицу. Бонапарт вежливо отпустил этого человека и издал прокламацию о том, что никто из представителей этого класса не должен подвергаться насилию; напротив, выделив каждому из них средства к существованию в монастырях, где его оружие было или должно было быть преобладающим.

Это поведение, взятое вместе с другими недавними обстоятельствами, было хорошо рассчитано, чтобы питать в груди папы надежду на то, что победоносный французский генерал к этому времени отказался от свирепой враждебности революционного правительства к церкви, главой которой он был. Однако он поспешил начать переговоры, и Наполеон принял своего посланника не просто вежливо, но и с изъявлениями глубочайшего личного почтения к святому отцу. Последовал Толлентинский мирный договор (12 февраля 1797 г.). Этим папа официально (впервые) уступил свою древнюю территорию Авиньон. Он отказался от дипломатических миссий в Ферраре, Болонье и Романье, а также от порта Анконы; согласился выплатить около полутора миллионов фунтов стерлингов и максимально выполнять положения Болоньи в отношении произведений искусства. На этих условиях Пий должен был оставаться номинальным хозяином некоторых участков наследия Святого Петра.

Французская директория с возмущением узнала, что какое-либо подобие суверенитета все еще оставлено врагу, слабость которого стала столь очевидной. Но теперь Бонапарт научился действовать сам. Он знал, что любое формальное свержение папы придаст его делу удесyтеренную силу везде, где преобладала римская религия; что новый дух неприязни поднимется против Франции; и что Неаполь безошибочно воспользуется первыми беспорядками на севере Италии, чтобы объявить войну и двинуть свою большую армию с юга. Он также верил — и вскоре понял, — что Австрия все же предпримет другие усилия для возвращения Ломбардии; и в целом был удовлетворен тем, что наилучшим образом достигнет своих конечных целей, позволив Ватикану продлить еще на некоторое время тень того суверенитета, который в прежние века попирали короли и императоры.

ГЛАВА VIII

Нейтралитет Венеции—Эрцгерцог Карл—Битва при Тальяменто—Отступление эрцгерцога—Леобенский мирный договор—Война с Венецией—Венеция завоевана.

Теперь Наполеон был хозяином всей северной Италии, за исключением территорий Венеции, древнее правительство которой, хотя и не могло больше соответствовать рангу первых государей Европы, все еще было гордым и надменным и, вероятно, не упустило бы ни одной благоприятной возможности помочь Австрии в великой и общей цели избавления Италии от французов. Бонапарт без удивления услышал, что дож собирает новые рекрутские отряды и что сенат может командовать армией численностью в 50 000 человек, состоящей в основном из свирепых и полуварварских славянских наемников. Он спросил, что означают эти демонстрации, и получил ответ, что у Венеции нет иного желания, кроме как сохранять полный нейтралитет. Тем временем на венецианских территориях материка не было недостатка в сильной партии, стремившейся подражать революционным движениям крупных городов Ломбардии и освободиться от ига венецианской олигархии, как это сделали их соседи из-за ига австрийской короны. Восстания произошли в Бергамо, Брешии и других местах; и Бонапарт, хотя и не был расположен оказывать жителям этих мест то благо, которого они искали, увидел и воспользовался возможностью разделить с их помощью ресурсы и поколебать доверие сената. После некоторых переговоров он сказал венецианскому посланнику, что удовлетворил просьбу своих хозяев. "Будьте нейтральны, - сказал он, - но смотрите, чтобы ваш нейтралитет был действительно искренним и совершенным. Если какое—либо восстание произойдет у меня в тылу, чтобы перекрыть мои коммуникации в случае моего похода на Германию, — если какое-либо движение выдаст намерение вашего сената помогать врагам Франции, будьте уверены, что возмездие последует - с этого часа независимости Венеции больше не существует".

Прошло уже больше месяца после поражения Альвинци при Риволи; за девять дней война с папой подошла к концу; и, оставив несколько гарнизонов в городах на Адидже следить за нейтралитетом Венеции, Наполеон поспешил перенести войну в наследственные владения императора. Двадцать тысяч свежих солдат недавно присоединились к его победоносному штандарту из Франции; и во главе, возможно, более крупных сил, чем он когда—либо прежде собирал, он двинулся к границе Фриуля, где, по его сведениям, главная австрийская армия, вновь набранная в прежнем составе, готовилась начать шестую кампанию — под командованием не Альвинци, а генерала, молодого, как и он сам, и до сих пор в высшей степени успешного, того самого, который уже своими комбинациями сбил с толку двух таких мастеров военного искусства, как Журдан и Моро, — главного командира австрийской армии. Эрцгерцог Карл; принц, на высокие таланты которого, казалось, возлагались последние надежды империи.

Приводить подробности шестой кампании, которая сейчас началась, значило бы повторить историю, которая была рассказана уже пять раз. Эрцгерцог, скованный Венским городским советом, считал себя вынужденным осуществить план, который у него было достаточно проницательности, чтобы осудить. Австрийская армия снова начала операции на двойной основе — одна крупная дивизия на тирольской границе и еще большая под командованием

самого эрцгерцога на Фриульской; и Наполеон, который, даже действуя в обороне, был способен, благодаря живости своих движений, обеспечить превосходство на любом участке, который он выбрал, — вряд ли стал бы наносить свои удары с меньшим мастерством и энергией теперь, когда его численность и молчаливое согласие Италии, стоявшей у него за спиной, позволили ему перейти в наступление.

Буонапарте нашел эрцгерцога на посту за рекой Тальяменто, перед скалистыми горами Каринтии, которые охраняют в этом районе проход из Италии в Германию. Отправив Массену к Пьяве, где наблюдала австрийская дивизия Лузиньяна, он сам решил атаковать эрцгерцога с фронта. Массене удалось отеснить Лузиньяна от себя до Беллуно (где сдался арьергард из 500 человек) и, таким образом, обойти австрийский фланг. Затем Буонапарте предпринял попытку переправиться через Тальяменто и осуществил ее. После грандиозной и формальной демонстрации своих сил, которая была встречена аналогичными демонстрациями на австрийском берегу реки, он внезапно сломал свой строй и отступил. Эрцгерцог, зная, что французы маршировали всю предыдущую ночь, заключил, что генерал желает отложить сражение до другого дня, и таким же образом удалился в свой лагерь. Примерно через два часа после этого Наполеон ворвался со всей своей армией, которая до этого просто лежала в строю, на окраину Тальяменто, более не охранявшуюся должным образом, и перешел реку вброд прежде, чем австрийская боевая линия смогла сформироваться. В последовавшем за этим сражении (12 марта) войска эрцгерцога проявили много храбрости, но все попытки выбить Наполеона потерпели неудачу; в конце концов отступление было признано необходимым. Французы упорно преследовали их сзади. Они взяли штурмом Градиску, где взяли 5000 пленных; и — эрцгерцог продолжал свое отступление — в течение нескольких дней заняли Триест, Фиуме и все крепости в Каринтии. В ходе двадцатидневной кампании австрийцы десять раз сражались с Бонапартом, но разгром при Тальяменто так и не был восстановлен; и эрцгерцог, после того как защищал Штирию дюйм за дюймом, как он защищал Каринтию, в конце концов принял решение дойти до Вены форсированным маршем, собрать там вокруг себя все силы, какие только могла собрать лояльная ему нация, и дать последний бой под стенами столицы.

Этот план, на первый взгляд простой диктат отчаяния, на самом деле был планом мудрого и предусмотрительного генерала. Эрцгерцог получил разведанные о двух событиях, крайне неблагоприятных для французов. Генерал Лаудон, австрийский командующий на границе с Тиролем, выступил оттуда с силами, достаточными для того, чтобы сокрушить лейтенантов Бонапарта в верхнем Адидже, и уже овладел всем Тиролем и несколькими ломбардскими городами. Тем временем венецианский сенат, услышав об этих австрийских успехах, набрался смелости отбросить свой шаткий нейтралитет и не только объявил войну Франции, но и призвал своих партизан в Вероне начать сражение бесчеловечной резней французских раненых в госпиталях этого города. Мстительные итальянцы везде, где французская партия уступала по численности, прибегали к подобным зверствам. Немногочисленные войска, оставленные Наполеоном в Ломбардии, были вынуждены запереться в гарнизонах, которые разместили восставшие жители соседних округов. Венецианская армия перешла границу; и, в сущности, средства Бонапарта доставлять какие-либо припасы из своего тыла были на время полностью отрезаны. Не было ничего удивительного в том, что эрцгерцог при таких обстоятельствах ожидал большой выгоды от заманивания французской армии в сердце Австрии; где, отделенные от Франции множеством обширных провинций, могучими горами и реками, и с Италией в руках, они должны были выдержать столкновение с имперской армией,

воодушевленной всеми лучшими побуждениями, которые могут придать силу оружию человека; сражающейся за свои собственные очаги под присмотром своего собственного монарха; повсюду поддерживаемой верностью крестьян; и твердо убежденной, что, если бы они могли заставить своего врага отступить, они были бы уничтожены. следствием этого должно быть его полное разорение.

Террор Аульского совета вмешался, чтобы помешать эрцгерцогу воспользоваться заслугами или позором этого движения. Вена была охвачена паникой, услышав, что Бонапарт штурмовал перевалы Юлийских Альп; императорская семья отправила свои сокровища в Венгрию; средние круги, интересами которых всегда был мир, стали требовать какого-либо прекращения войны, которая в течение шести лет была столь неудачной; и эрцгерцогу было приказано воспользоваться первым предложением, который могли предоставить обстоятельства, для начала переговоров.

Этот принц уже, действуя по собственному разумению и чувствам, вежливо и холодно отклонил подобное предложение. Наполеон направил его императорскому высочеству письмо из Клагенфурта, в котором призывал его, как однополчанина, учесть определенные невзгоды и сомнительные успехи войны и положить конец кампании справедливым договором. Эрцгерцог ответил, что он с величайшим уважением относится к личному характеру своего корреспондента, но что австрийское правительство доверило ему руководство конкретной армией, а не дипломатические дела империи. Принц, получив эти новые инструкции из Вены, осознал, хотя и неохотно, что его обязанности изменились; и результатом стала серия переговоров, которые завершились временным Леобенским договором, подписанным 18 апреля 1797 года.

Именно сюда, в Леобен, прибыл школьный товарищ Бонапарта, Де Бурьен, которого вызвали в качестве секретаря генерала. Он нашел своего старого товарища (которого он не встречал со времен своей зависти к маленьким домикам и кабриолетам в Париже) в окружении великолепного персонала. "Итак, наконец-то ты пришел", - воскликнул Наполеон старинным фамильярным тоном; но де Бурьен знал свет и приветствовал генерала итальянской армии с глубоким и отстраненным уважением. Когда компания разошлась, Буонапарте дал понять, что понимает и одобряет эту перемену в поведении.

Но продолжим: не успели переговоры войти в нормальное русло, как Наполеон, предоставив на время детали их ведения более слабым дипломатам, поспешил вернуться по своим следам и обрушить всю бурю своего гнева на венецианцев. Дож и Сенат, единственные надежды которых были связаны с успехами Австрии на Адидже, с крайним отчаянием услышали, что эрцгерцог разделит судьбу Болье, Вурмзера и Альвинци и что предварительные условия мира действительно подписаны. Быстрота возвращения Бонапарта не дала им передышки. Они поспешили разослать предложения о подчинении, и их посланцы были встречены с гневом и презрением. "Французская кровь была предательски пролита", — сказал Наполеон. "Если бы вы могли предложить мне сокровища Перу, если бы вы могли покрыть золотом все ваши владения — искупления было бы недостаточно - лев Святого Марка^[17] должен лизать пыль". Эти новости прозвучали как смертный приговор преданному Сенату. Их обсуждения были непрерывными; их планы неисчислимы; их сердца разделены и встревожены. В эти тайные покои, из которых эта надменная олигархия столько веков не допускала ни одного глаза и ни одного голоса, кроме своего собственного, безнаказанно вторгались люди со странными лицами, которые смело

критиковали их меры и навлекали на их головы новые ужасы, объявляя, что народная масса перестала считать сохранение их власти синонимом процветания Венеции. Народные волнения заполнили улицы и каналы; царило всеобщее замешательство. Командующие своими войсками и флотами получали противоречивые приказы, и город, который

"...держал великолепный Восток в своих руках",

казалось, что он готов уступить все безжалостному и неумолимому врагу, даже не нанеся удара в обороне.

Бонапарт появился, когда суматоха была в самом разгаре, на противоположном берегу лагуны. Часть его войск была уже в центре города, когда (31 мая) до него дошло поспешное сообщение, в котором сообщалось, что Сенат полностью подчинился. Он жестоко отомстил. Лидеры, которые помогали ломбардским повстанцам, были доставлены к нему. Олигархия перестала править, и было временно сформировано демократическое правительство по образцу Франции. Венеция согласилась уступить победителю обширные территории на материковой части Италии; пять военных кораблей; 3 000 000 франков золотом и еще столько же в военно-морских припасах; двадцать лучших картин и 500 рукописей. Наконец, войска завоевателя должны были занимать столицу до тех пор, пока не установится спокойствие. Будет видно, в чем этому спокойствию суждено было заключаться.

Таково было унижение этой некогда гордой и энергичной, а теперь измученной и ослабевшей олигархии: так неспособно было это седое государство бороться с юношеской энергией Наполеона.

ГЛАВА IX

Пишгерю—Обращение Директории к Буонапарте—18 Фруктидора—Двор Монтебелло—Жозефина—Кампо-Формийский мирный договор—Буонапарте покидает Италию.

В своей последней агонии венецианский сенат предпринял тщетную попытку обеспечить личную защиту генерала, предложив ему кошелек в семь миллионов франков. Он отверг это с презрением. Он уже обошелся в том же стиле со взяткой в четыре миллиона долларов, предложенной герцогом Моденским. Друг, нанятый для ведения дела, напомнил ему о вошедшей в поговорку неблагодарности всех народных правительств и о том малом внимании, которое Директория до сих пор уделяла его личным интересам. "Все это верно, - сказал Наполеон, - но за четыре миллиона я не отдам себя во власть этого герцога". Говорят, что сама Австрия, не колеблясь, таким же образом, хотя и гораздо более пышно, как и подобало ее ресурсам, посягнула на его республиканскую добродетель. Ему предложили, если эта история правдива, независимое немецкое княжество для него самого и его наследников. "Я благодарю императора, - ответил он, - но если мне суждено достичь величия, оно должно исходить от Франции".

Венецианский сенат в своей смертельной борьбе был виновен в другой, более непростительной подлости. Они схватили графа Д'Антрэга, французского эмигранта, который жил в их городе в

качестве агента изгнанного дома Бурбонов, и передали его и все его бумаги победоносному генералу. Бонапарте обнаружил среди этих документов достаточно доказательств того, что Пишегрю, французский генерал на Рейне, которого все почитали как завоевателя Голландии, незадолго до этого прислушался к предложениям принцев Бурбонов и, среди прочих усилий в пользу королевского дела, не колеблясь даже совершал неправомерные военные действия с целью свержения правительства, доверившего ему командование.

Это был секрет, важность которого Наполеон мог хорошо оценить;^[18] и он немедленно сообщил об этом Директории в Париже.

События последних двенадцати месяцев во Франции сделали Пишегрю персоной еще более важной, чем когда он начинал свои интриги с бурбонами в качестве генерала на Рейне. Какие-то неясные сомнения в его верности или обычная политика Директории, которая заставляла их не желать (где бы они ни могли этому помешать) слишком долго удерживать какого-либо генерала во главе одной армии, побудили их сместить Пишегрю и назначить на его место Гоша, испытанного республиканца. Пишегрю, вернувшись во Францию, стал членом Совета пятисот и (партия роялистов к этому времени восстановила все, кроме перевеса) был на заседании палат призван на пост председателя Совета, в котором он занимал свое место.

На самом деле Пять директоров сделали все, чтобы подорвать свой собственный авторитет. Известно, что они разделились во мнениях между собой; только трое из их числа искренне придерживались существующей конституции: один был роялистом, другой - демократом робеспьеровской школы. Один из этих новых и невежливых людей вызвал смех, напустив на себя царственный вид, величие манер и экипировки. Другой вызвал отвращение у одной группы умов и досаду у всех остальных, приняв закон о соблюдении десятого дня как дня покоя и объявив преступлением закрывать магазины в субботу. Последовал нелепый ритуал откровенно языческого богослужения, который был встречен отчасти с ужасом, отчасти со всеобщим презрением. Тиранический закон об уравнивании мер и весов внес путаницу во все торговые операции и был особенно непопулярен в провинциях. Презренный бунт, устроенный человеком, называвшим себя Гракхом Барбефом, с целью вернуть господство *терроризма*, действительно, был подавлен; но сам факт такой попытки слишком живо напоминал времена Робеспьера и тем самым способствовал укреплению позиций роялистов в общественном мнении. Истина заключается в том, что огромное количество эмигрантов вернулось в Париж после падения Робеспьера и что старое господство элегантных манер и просвещенных салонов снова восстанавливалось там, где оно так долго было господствующим. Роялистский клуб Клиши вел переписку с принцами-изгнанниками и с имперским правительством и приобретал такое влияние, что внушал тревогу самому Бонапарту. Все указывало на то, что Директория (*пять величеств* Люксембурга, как их называли в насмешку) удерживала свои троны очень ненадежно; и эти джентльмены, которым не оставалось ничего, кроме выбора между злами, были вынуждены броситься на защиту армий, которых они боялись, и Гоша и Бонапарта, фамилия которых, в частности, долгое время вызывала у них зависть, пропорциональную ее величии и популярности.

Недавнее поведение Наполеона не только в одном важном пункте вызвало сильное негодование Директории, которая теперь обратилась к нему за помощью. Он взял на себя всю ответственность за предварительный Леобенский мирный договор, хотя французское правительство направило генерала Кларка в Италию с явной целью контролировать его и

действовать как равный ему, по крайней мере, на переговорах. Пункт этого договора, согласно которому Мантуя, сильнейшая крепость Италии, должна была быть возвращена Австрии, в то время генерал считал необходимым для того, чтобы добиться от императора установления границы по Рейну и уступки Бельгии. Но Директория считала, что завоеватель недооценил преимущества своего собственного положения и их общего согласия на это, и, если бы не Карно, никогда бы его не ратифицировал.^[19] На другой стороне итальянского полуострова, опять же, победоносному генералу сразу после падения Венеции пришлось руководить революцией в Генуе; в этом великом городе демократическая партия также воспользовалась настроениями и событиями того времени, чтобы освободиться от своей наследственной олигархии. Они охотно исключили бы дворянство из любого участия в преобразованном правительстве; и Наполеон осудил и дискредитировал эту попытку в выражениях, которые вряд ли были бы услышаны с одобрением *"родоначальниками Люксембурга"*. Он сказал генуэзцам, что исключение знати само по себе было столь же несправедливым, сколь и неразумным, и что они должны быть благодарны за средства реорганизации своей конституции, не проходя, *как Франция*, через ужасное испытание революцией. Правителям Франции, возможно, будет простительно спросить в этот момент — хочет ли лектор Лигурийской республики быть нашим Вашингтоном, нашим Монахом или нашим Кромвелем?

Однако он с готовностью откликнулся на призыв дрожащей Директории. Он обратился к своим солдатам с речью и убедился в их готовности действовать так, как он мог бы выбрать для них. Он не только предложил крупную денежную помощь и отправил своего лейтенанта Ожеро в Париж командовать Национальной гвардией правительства, если оно сочтет необходимым немедленно применить силу, но и объявил, что сам готов "перейти Рубикон" (зловещая фраза) и выступить им на помощь с 15 000 своих лучших солдат.

Тем временем Директория, доведенная до крайности, осмелилась пренебречь законом, запрещающим стягивать регулярные войска на определенное расстояние от столицы, и потребовала от Гоша привести корпус своей рейнской армии для их немедленной защиты.

Именно таким образом была осуществлена новая революция, как ее можно назвать, 18-го Фруктидора. В тот день (4 сентября 1797 г.) большинство членов Директории, введя свою армию в Париж, свергли с престола двух своих коллег из оппозиции. Пишегрю и другие известные роялисты, участвовавшие в ассамблеях, числом более 150 человек, были арестованы и отправлены в изгнание. Правительство на какое-то время восстановило видимость безопасности, и Бонапарт услышал, хотя и без особого удовлетворения, что они смогли достичь своей непосредственной цели без его личного появления на сцене. Более того, он выразил протест против того, каким образом они развивали свой успех. По его словам, они должны были казнить Пишегрю и нескольких главарей банды и подать пример умеренности, пощадив всех тех, чей роялизм вызывал какие-либо сомнения или, если он был очевиден, имел второстепенное значение. Директории в то время было бы трудно угодить Бонапарту, а Буонапарту - полностью удовлетворить их; но ни одна из сторон не предприняла таких усилий.

Однако падение Венеции дало Наполеону средства, которыми он не был склонен пренебрегать, для того, чтобы привести свой мирный договор с Австрией к более удовлетворительному завершению, чем это было указано в предварительных переговорах при Леобене.

Уладив дела Венеции и основав новую Лигурийскую республику, генерал поселился в благородном замке Монтебелло, недалеко от Милана. Здесь его жена, которая, хотя они

поженились в марте 1796 года, все еще была невестой и с которой в последующие, полные событий месяцы он поддерживал переписку, полную пылкости, если не деликатности любви,^[20] наконец, воссоединилась с ним. Манеры Жозефины, по всеобщему признанию, были достойны самого высокого положения, а элегантность, с которой она оказывала почести обитателям замка, приводила в восхищение министров и принцев, которых постоянно можно было видеть в его окрестностях. В то время как Наполеон вел свои переговоры с той же твердостью и решительностью, которые отличали его на поле боя, она заботилась о том, чтобы природа и искусство придали все свои прелести тому, что итальянцы вскоре научились называть *Двором Монтебелло*. Какой бы талант ни был у Миланы, он служил ей. Музыка и танцы, фестиваль за фестивалем, казалось, занимали каждый час. Прекрасные озера Ломбардии были покрыты веселыми флотилиями, а роскошные убежища на их берегах последовательно обретали новую жизнь и великолепие в присутствии Наполеона, Жозефины и блестящего круга, среди которого они репетировали императорские роли, уготованные им судьбой. Монтебелло был центром, из которого Бонапарт в течение большей части этой осени вел переговоры с императором, контролировал всю Италию и внушал благоговейный страх Люксембургу.

Окончательное урегулирование с уполномоченными императора состоялось бы вскоре после падения Венеции, если бы не успешные интриги роялистов Клиши, всеобщее убеждение в том, что правительство Франции приблизилось к какому-то новому кризису, и надежда австрийцев на то, что из такого события их переговоры могли бы извлечь значительные выгоды. Бонапарте хорошо знал тайный мотив, побудивший Кобенцеля, главного посланника императора, затягивать и множить дискуссии, от которых он к этому времени устал. Однажды, в кабинете этого посла, Наполеон внезапно изменил свое поведение: "Вы отказываетесь принять наш ультиматум", - сказал он, беря в руки красивую фарфоровую вазу, стоявшую на каминной полке рядом с ним. Австриец поклонился. "Это хорошо, — сказал Наполеон, - но запомните: в течение двух месяцев я разнесу Австрию вдребезги, как этот черепок". С этими словами он швырнул вазу на землю, разбив ее на тысячу осколков, и направился к двери. Кобентцель последовал за ним и сделал заявления, которые побудили его еще раз возобновить переговоры.

Результатом стал Кампо-Формийский мирный договор, названный так по деревне, в которой он был подписан 3 октября 1797 года. Этим актом император уступил Францию, Фландрию и границу по Рейну, включая огромную крепость Менц. Различные новые республики Ломбардия были объединены и признаны под общим названием Цизальпинская республика. Чтобы возместить Австрии потерю этих территорий, падение Венеции предоставило новые средства, которые Наполеон без колебаний предложил, а Австрия согласилась на их использование. Французский генерал действительно завоевал Венецию, но впоследствии он заключил мирный договор и признал совершенно новое правительство вместо олигархии. Император, с другой стороны, хорошо знал, что дож и Сенат навлекли на себя разорение, придя на помощь ему самому. Подобные соображения мало что значили для обеих сторон. Франция и Австрия договорились произвести раздел всей территории древней республики. Сама Венеция и ее итальянские провинции были переданы императору взамен утраченной им Ломбардии, а французы признали суверенитет над Ионическими островами и Далмацией. Это беспринципное действие вызвало всеобщее отвращение по всей Европе. Это показало искренность любви Бонапарта к делу свободы; и это дало повод всему миру, носившему превосходный титул императорского двора, жаловаться на эгоизм и жадность французской демократии.

Император скрепил своей печатью в Кампо-Формио еще один акт диктатуры Бонапарта, который, хотя с одной точки зрения и был еще более неоправданным, чем этот, не был воспринят миром с чувствами того же порядка. Итальянская территория Вальтелине веками находилась в подчинении Лиги Гризона. Жители, воодушевленные царящим вокруг них духом, потребовали от Наполеона заступничества перед их швейцарскими хозяевами, чтобы добиться для них доступа ко всем политическим привилегиям других кантонов. Они отказались, и Наполеон, в полноте своей власти, немедленно поддержал Вальтелину в сбросе гризонского ярма и утверждении ее полной независимости. Теперь эта территория была присоединена к Цизальпинской республике. Правительство, с которым Франция находилась на условиях союза и дружбы, было, таким образом, лишено своего богатейшего владения; но Вальтелина по естественному положению, религии и языку принадлежала Италии, и ее присоединение к новой итальянской республике считалось само по себе справедливым и уместным, каким бы сомнительным ни было право Бонапарта осуществить это событие. Он сам сказал в то время: "То, что один народ должен подчиняться другому, противоречит правам человека"; канон, к которому его последующая история составила ясный комментарий.

При заключении и праздновании заключения своего договора гордый и вспыльчивый темперамент Наполеона проявился дважды. Кобенцель поставил в качестве первой статьи: "Император признает Французскую Республику". "Вычеркните это, - строго сказал Наполеон, - это так же ясно, как то, что солнце находится на небе. Горе тем, кто не может различить свет ни того, ни другого!" На богослужении после провозглашения мира императорский посланник должен был занять место, приготовленное для Бонапарта, которое было самым выдающимся в церкви. Надменный солдат схватил его за руку и оттащил назад. "Если бы здесь был сам ваш хозяин, - сказал он, - я бы не забыл, что в моем лице представлено достоинство Франции".

Оставалось рассмотреть различные незначительные меры; и поскольку конгресс всех германских держав был созван для этой цели в Раштадте, Наполеон получил приказ Директории явиться туда и усовершенствовать свою работу в качестве посла Франции. Он трогательно простился со своей военной службой, опубликовал сдержанное и мужественное обращение к Цизальпинской республике и отправился через Швейцарию (где, несмотря на дело с Вальтелиной, его приняли с энтузиазмом) к исполнению своего долга. Он нес с собой безграничную любовь и преданность одной из лучших армий, которые когда-либо видел мир; и привязанность, едва ли менее энергичную, всех тех слоев общества по всей Италии, которые льстили себя надеждой, что Цизальпинская республика, творение его рук, со временем подготовит почву для республиканской конституции, общей для всего итальянского народа, и в конечном итоге объединится с ней. С какими надеждами или опасениями относительно своей будущей судьбы он покинул сцену и спутников своей славы, читатель должен составить свое собственное мнение.

ГЛАВА X

Наполеон в Раштадте — Он прибывает в Париж—Его прием Директорией—Его поведение и манеры—Его назначают командовать армией для вторжения в Англию—Он рекомендует экспедицию в Египет—Достигает Тулона—Отправляется в путь.

Министры, собравшиеся в Раштадте, приняли Наполеона с уважением, обусловленным выдающимися талантами, которые он уже проявил как в переговорах, так и на войне. Но он пробыл среди них всего два или три дня, поскольку понимал, что множество мелких приготовлений, которые предстояло обсудить и уладить, должны были, если бы он серьезно взялся за них, повлечь за собой необходимость длительного проживания в Раштадте; и у него было много причин желать поскорее оказаться в Париже. Его личные отношения с Директорией были весьма сомнительного рода, и он искренне желал собственными глазами изучить позицию правительства по отношению к различным слоям общества во всемогущей столице. Он передал ведение дипломатических дел своим коллегам и прибыл в Париж в начале декабря. И у него не было веского предлога для такой поспешности. 2 октября Директория объявила французскому народу о своей цели перенести войну с англичанами в самую Англию; о немедленной организации большой армии вторжения; и о своем намерении передать ее под командование "гражданина генерала Бонапарта".

Во время своего краткого пребывания в Раштадте диктатор Кампо-Формио снова вспылал. Шведским посланником был граф Ферсен, тот самый дворянин, который отличился в Париже в ранний период революции своей преданностью королю Людовику и Марии-Антуанетте. Бонапарт категорически отказался вступать в какие-либо переговоры, в которых должен был участвовать человек, столь хорошо известный своей враждебностью к делу Республики, и Ферсен немедленно удалился.

Покидая этот конгресс, Наполеон позаботился о том, чтобы во всех деталях восстановить облик частного гражданина. Добравшись до Парижа, он поселился в том же маленьком скромном домике, который занимал до отъезда в Италию, на *улице Шантерен*, которая примерно в это же время в честь своего знаменитого обитателя получила от муниципалитета новое название *Улица Виктуар*. Здесь, переодевшись в штатское, он вернулся к своим любимым занятиям и, по-видимому, довольный обществом своих близких друзей, казалось, избегал, так же тщательно, как другие в его положении могли бы добиваться, почестей народного признания и аплодисментов. Не сразу стало известно, что он находится в Париже, и когда он ходил по улицам, толпа редко узнавала его. Его образ жизни неизбежно несколько отличался от того, каким он был, когда он был беден и безвестен; за ним ухаживали в высших кругах, и он время от времени появлялся в них и принимал гостей дома с элегантным гостеприимством, которым так хорошо владела Джозефина. Но политика, а также гордость побуждали его избегать дурной славы. Прежде чем он снова сможет действовать, ему предстояло многое увидеть; и он слишком хорошо знал себя, чтобы польститься на пристальные взгляды толпы или салунов. "У них здесь воспоминания ни к чему, — сказал он тогда своему секретарю. — Если я долго ничего не буду делать, мне конец. Слава гонится за славой в этом великом Вавилоне. Если бы они видели меня три раза на спектакле, они бы больше не смотрели на меня". В другой раз Бурьен не удержалась и поздравила его с какой-то шумной демонстрацией народной благосклонности. "Ба! - ответил он. - они бы с таким же рвением окружили меня, если бы я был на пути к эшафоту".

В своих отношениях с обществом в этот период он по большей части отличался холодной сдержанностью манер. У него был вид человека, слишком занятого серьезными замыслами, чтобы иметь возможность по своему желанию расслабиться в легкой игре обычной беседы. Если его взор был прикован к каждому человеку, он хорошо знал, что взор каждого человека прикован к нему; и, возможно, он не смог бы выбрать лучшего метода (если бы это было его единственной целью) для продления и усиления впечатления, которое должно было произвести его величие, чем само это проявление безразличия. Он не допустил, чтобы с его персоной знакомились из почтения. Когда он все—таки появился, то вспомнил не о бале или веселом *временипровождении* предыдущего вечера: он по-прежнему оставался, куда бы ни пошел, Буонапарте Лоди, Арколи и Риволи. Его военная прямота пренебрегала маскировкой в тех кругах, где более подлый *парвеню* больше всего стремился бы блистать. Знаменитая дочь Неккера приложила немало усилий, чтобы понравиться ему и привлечь его к числу почитателей своего остроумия, которое затем стало законом в Париже. "Кого, - спросила она, наполовину утомленная его холодностью, - вы считаете величайшей из женщин?" "Ее, мадам, - ответил он, - которая родила наибольшее количество детей". С этого часа мадам де Сталь стала его врагом; и все же, такова противоречивость человеческой натуры, никто не был более чувствителен, чем он, к нападкам врага, которого он так презирал, чтобы примирить. На протяжении всех своих итальянских кампаний — в качестве консула, в качестве императора — и вплоть до последнего часа изгнания, оборвавшего его жизнь, Бонапарте терпел сарказмы и памфлеты так остро и постоянно, как если бы он был поэтом.

Надменность, поскольку именно так считалось его поведение в столичном обществе, соответствовала тому, что он уже проявлял в лагере. В ходе его первых кампаний его офицеры, даже самого высокого ранга, постепенно почувствовали полную перемену в поведении. Старый знакомый тулонского периода, вступивший в армию, был готов броситься в объятия генерала с теплотой прежней фамильярности. Холодный взгляд Наполеона остановил его, и он мгновенно понял, как изменился с возвышением. С другой стороны, он всегда демонстрировал близость к простым солдатам. При случае он не гнушался разделить с часовым его порцию или попробовать фляжку; и французский рядовой, часто такой же умный, как те, кого судьба поставила выше него, обращался к великому генералу с еще большей откровенностью, чем его собственный капитан. Наполеон в одной из своих итальянских депеш упоминает Директории о том удовольствии, которое он часто получал от разговоров солдат: "Но вчера, - говорит он, - простой солдат обратился ко мне, когда я ехал верхом, и сказал, что, по его мнению, он может предложить движение, которое следует принять. Я выслушал его и услышал, как он подробно описал некоторые операции, над которыми я действительно работал, незадолго до этого". Было замечено (возможно, чересчур любезными спекулянтами) как часть той же системы, что Наполеон по возвращении в Париж продолжал нанимать тех же торговцев, пусть и уступавших ему в некоторых ремеслах, которые служили ему в дни его безвестности.^[21]

Если мы можем следовать примеру г-на де Бурьена, Наполеон в это время пребывал в сильном душевном беспокойстве. Сознывая, до каких высот он до сих пор довел свое честолюбивое воображение, он опасался, что другие разгадали его тайну, и его преследовал постоянный страх, что какой-нибудь несчастный случай может объединить роялистов и республиканцев в деле его личной гибели.

Первое публичное появление Буонапарте произошло (2 января 1798 г.), когда Кампо-Формийский мирный договор должен был быть официально представлен Директории. Большой

двор Люксембурга был увешан флагами; огромное сборище, включавшее всех членов правительства и двух законодательных органов, ожидало победоносного переговорщика; и когда он появился, сопровождаемый своим штабом и окруженный трофеями своей славной кампании, энтузиазм огромной толпы, для гораздо большей части которой его личность была до этого момента совершенно неизвестна, превысил все границы и наполнил и без того ревнивые сердца директоров мрачными предчувствиями. Они хорошо знали, что солдаты, вернувшиеся из Италии, пели и говорили в каждой деревне, что давно пора избавиться от юристов и сделать "маленького капрала" королем. С беспокойством в сердцах они слышали то, что казалось слишком похожим на эхо этого крика, от собравшихся лидеров общественного мнения в Париже и во Франции. Тревожное любопытство и взаимное недоверие были написаны на каждом лице. Голос Наполеона впервые прозвучал в энергичной речи, в которой он приписывал все успехи, достигнутые рвением французской солдатни — ради "великолепной конституции ТРЕТЬЕГО года" — той самой великолепной конституции, которая *восьмом*, was to receive the *coup de grace* от его собственной руки; и Баррас, как председательствующий, ответивший, что "Природа исчерпала все свои силы, создавая Бонапарта", вызвал новый гром нежеланных аплодисментов.,,

Карно был изгнан после 18-го Фруктидора, и в это время фактически считался мертвым. Институт выдвинул на его место Буонапарта, и он был принят этим ученым органом с энтузиазмом, не уступающим энтузиазму люксембургского университета. С тех пор на всех публичных мероприятиях он надевал костюм этой академии и, отложив, насколько это было возможно, знаки отличия своего военного звания, казалось, желал только одного - быть поставленным в один ряд с теми, чьи научные достижения сделали честь их стране. Во всем этом он действовал по расчету. "Я хорошо знал, - сказал он на острове Святой Елены, - что в армии нет барабанщика, но тем больше уважал бы себя за то, что поверил, что я не простой солдат".

Незадолго до того, как он покинул Италию, в одной из палат было подано ходатайство о предоставлении ему поместья Шамбор, но оно было отклонено исключительно из-за ревности Директории. Это противодействие было с их стороны несправедливым и неразумным, а также крайне непопулярным; ибо всем было известно, что генерал мог легко обогатиться во время своих замечательных кампаний, и почти так же широко распространено мнение, что он принес с собой *наулицу Виктуар* всего 100 000 крон, сэкономленных из справедливых пособий, полагающихся его званию. Никто из тех, кто рассматривает длинный ряд интриг, имевших место между Бонапартом и партией, победившей во Фруктидоре, не может усомниться в том, как он относился к этой части их поведения. Каждый день укреплял их в ревности; с другой стороны, он не прилагал особых усилий, чтобы скрыть свои чувства к ним. Во многих случаях они были готовы использовать его, хотя и боялись при этом предоставить ему новые доказательства огромного превосходства, которого он достиг в общественном мнении над ними самими; а он, со своей стороны, остерегался соглашаться на любое из их предложений.

21 января, в годовщину смерти Людовика XVI. должен был отмечаться, согласно обычаю, как великий праздник республиканского календаря; и, сознавая, насколько неприятным это празднование к этому времени стало для всех людей, способных размышлять, правительство хотело бы отвлечь внимание от себя, отведя ему видную роль в церемониале, на которого, как они знали, все взгляды были прикованы всякий раз, когда он появлялся. Наполеон понял их мотивы. Он вообще протестовал против церемонии, как увековечивающей память о деянии,

возможно, неизбежном, но не менее достойном сожаления. Он сказал им, что недостойно великой Республики из года в год торжествовать победу, проливая кровь отдельного врага. В ответ они напомнили ему, что афиняне и римляне древности отмечали в подобные праздники падение Писистратидов и изгнание Тарквиниев. Он *мог бы* ответить, что нации легче отречься от христианства на словах, чем полностью стереть следы его гуманизирующего влияния. Но эта точка зрения еще не приходила в голову Наполеону, а если бы и приходила, то не могла быть обнародована до их убеждения. Он настаивал на невежливости этой варварской церемонии, и в конце концов его с трудом убедили присутствовать на ней в качестве частного члена института вместе с остальными членами этой ассоциации. Его отказ присутствовать там в качестве великого полководца Республики раздражал робкую Директорию; и все же, когда его узнали в гражданской одежде и указали на него новым мириадам наблюдателей, эффект, который правительство желало произвести, был достигнут, несмотря на все нежелание Бонапарта. Цель собрания была почти забыта: крики народа превратили его в еще один праздник в честь Наполеона.

Уже говорилось, что еще в октябре 1797 года Директория объявила о своем намерении направить армию, предназначенную для вторжения в Англию, завоевателю Италии. Он полностью не одобрял их опрометчивость в прекращении переговоров предыдущего лета с английским посланником лордом Малмсбери и, прежде всего, наглую внезапность этой процедуры.^[22] Но жребий был брошен; и он охотно принял назначение, навязанное ему правительством, которое, по правде говоря, ни о чем так не беспокоилось, как о том, чтобы занять его ум вопросами его профессии и таким образом помешать ему принимать видное участие в гражданских делах государства. Исключительно благодаря его известности двое из его братьев уже были выдающимися членами законодательных органов; и не могло быть никаких сомнений в том, что ворота любого из них распахнутся для него самого, если он этого захочет, на следующих выборах.

Какие бы скрытые амбиции ни открывались Наполеону в этот период, он хорошо знал, что еще не настал час, когда он мог бы послужить своей цели лучше, чем продолжением военной карьеры. По словам Де Бурьена, он некоторое время льстил себя надеждой, что закон, который не позволял столь молодому человеку, как он, быть директором, может быть отменен в его пользу; мы можем заключить, не сомневаясь, что такие коллеги, как Баррас и Ребелл, вскоре опустятся до простых исполнителей его воли: но оппозиция этому плану была настолько решительной, что его никогда не разрешалось предлагать открыто. Директория не пользовалась популярностью ни у одной партии; но партий было много; и численно, вероятно, роялисты были самыми сильными. Чистые республиканцы были все еще могущественны: итальянская армия находилась далеко и рассеяна; рейнская, гораздо более многочисленная и столь же хорошо дисциплинированная, имела своих собственных генералов — людей, репутация которых еще не была неизмеримо ниже его собственной; и, поскольку им повезло меньше, чем их братьям в Италии, и, следовательно, они приобрели меньше богатства, неудивительно, что рейнские солдаты относились к остальным, если не к своему командиру, с некоторой завистью. Выражаясь языком самого Наполеона, "груша еще не созрела".

Поэтому он приступил к регулярному обследованию французского побережья напротив Англии с целью улучшения его укреплений и (по крайней мере, якобы) выбора наилучших точек для

высадки войск вторжения. Для этой службы он был в высшей степени квалифицирован; и многие местные улучшения большой важности, осуществленные много лет спустя, были впервые предложены им в этот период. Но, если он действительно заранее думал иначе (что г-н де Бурьен отрицает), результатом его обследования стало полное убеждение, что время для вторжения в Англию еще не пришло. Он понимал, что необходимы обширные и утомительные приготовления, прежде чем французское судоходство на этом побережье могло быть приведено в состояние для такой попытки; и взрыв лояльности, который угроза вторжения вызвала в каждой части Британии, — преданность, с которой все классы населения откликнулись на призыв правительства, — огромные масштабы, до которых повсюду были увеличены регулярные и добровольческие силы, — эти обстоятельства произвели сильное впечатление на его не менее расчетливый, чем предприимчивый ум. Он сам, в течение предыдущей осени, предложил министру иностранных дел знаменитому Талейрану предпринять усилия против Англии в другой части света: захватить Мальту, продолжить оккупацию Египта и тем самым сразу получить территорию, способную возместить Франции потерю ее вест-индских колоний и средства досаждать Великобритании в ее индийской торговле и империи. К этому плану он теперь вернулся: Восток представлял собой поле завоеваний и славы, о котором с удовольствием размышляло его воображение: "Европа, - сказал он, - всего лишь кротовая нора, вся великая слава пришла из Азии". Несправедливость нападения на владения Великого сеньора, старого союзника Франции, представляла в глазах Директории лишь незначительное препятствие: профессиональное мнение Бонапарта о том, что вторжение в Англию, если попытаться тогда, должно провалиться, не могло не иметь должного веса: соблазн разграбления Египта и Индии был велик; и велик, возможно, превыше всего остального, был соблазн найти работу для Наполеона вдали от Франции. Египетская экспедиция была запланирована, но держалась в строгом секрете. Внимание Англии все еще было приковано к побережьям Нормандии и Пикардии, между которыми и Парижем Бонапарт старательно распределял свое присутствие, в то время как именно на границах Средиземного моря собирались корабли и войска, действительно предназначенные для боевых действий.

Бонапарт, обшарив с такой целью кабинеты и галереи итальянских князей, был полон решимости не упустить возможность присвоить себе некоторые из богатых египетских антикварных сокровищ; при этом было маловероятно, чтобы он недооценивал возможности, которые могла предоставить его экспедиция, расширить границы науки путем тщательного наблюдения за природными явлениями. Таким образом, он собрал группу выдающихся художников и знатоков под руководством *Монжа*, который управлял его итальянскими коллекциями: возможно, это был первый случай, когда отряд *ученых* (их было 100 человек) входил в состав армии вторжения.^[23]

Различные эскадры французского флота были теперь собраны в Тулоне, и все, казалось, было готово. Однако прошло некоторое время, прежде чем Наполеон вступил в армию: и, по словам *Мио*, он делал все возможное, чтобы отложить вступление в нее как можно дольше, вследствие определенных смутных надежд, которые он питал, нанести удар существующему правительству и перестроить его в своих интересах с согласия, если не с помощью, Австрии. Этот автор добавляет, что Баррас, перехватив письмо Бонапарта к Кобенцелю, пришел к нему однажды поздно вечером и приказал ему немедленно присоединиться к флоту под страхом быть объявленным врагом правительства; что генерал в тот же час приказал подать лошадей и еще до полуночи был на пути в Тулон. Эти обстоятельства могут быть приведены, а могут и не быть правдивыми. Нет сомнений в том, что командование египетской экспедицией в конечном

итоге рассматривалось и Наполеоном, и Директорией как своего рода почетное изгнание. Достигнув Тулона, Бонапарт созвал свою армию и обратился к ней с речью. "Рим, - сказал он, - воевал с Карфагеном не только на суше, но и на море; а Англия была Карфагеном Франции.—Он пришел, чтобы повести их, во имя Богини Свободы, через могучие моря в отдаленные края, где их доблесть могла бы достичь такой славы и такого богатства, каких никогда нельзя было ожидать под холодными небесами запада. Самый ничтожный из его солдат должен получить семь акров земли"; — о чем он умолчал. Его обещания до сих пор не были напрасными. Солдаты с радостью выслушали его и с готовностью подчинились.

Тем временем английское правительство, хотя и не подозревало об истинном назначении вооружений, не преминуло понаблюдать за тем, что происходило в Тулоне. Вероятно, они верили, что собранные там корабли предназначались для участия в великом плане вторжения в Англию. Как бы то ни было, они послали значительное подкрепление Нельсону, который тогда командовал средиземноморской станцией; и он в тот момент, когда Бонапарт достиг Тулона, крейсировал в пределах видимости порта. Наполеон хорошо знал, что подняться на борт в присутствии Нельсона означало бы броситься в пасть гибели, и ждал, пока какой-нибудь несчастный случай не избавит его от этого ужасного наблюдателя. Вечером 19 мая удача улыбнулась ему. Сильный шторм отогнал англичан от побережья и вывел из строя несколько кораблей настолько, что Нельсону пришлось зайти в гавани Сардинии, чтобы отремонтировать их. Французский генерал немедленно отдал приказ о погрузке всех своих войск; и когда последние из них поднялись на борт, над могучим вооружением взошло солнце: это было одно из тех ослепительных солнц, которые солдаты впоследствии с удовольствием называли "солнцами Наполеона".

Редко берега Средиземного моря были свидетелями более благородного зрелища. Это безоблачное солнце взошло над полукругом судов, простиравшимся в общей сложности не менее чем на шесть лиг: тринадцатью линейными кораблями и четырнадцатью фрегатами (под командованием адмирала Брейеса); и 400 транспортами. У них было 40 000 отборных солдат и офицеров, чьи имена были лишь ниже, чем у главнокомандующего; из людей, так же как и из их руководителей, гораздо большая часть уже привыкла следовать за Наполеоном и рассматривать его присутствие как залог победы.

ГЛАВА XI

Путешествие в Египет—Мальта сдалась—Французы спасаются от Нельсона и берут Александрию—Поход вверх по Нилу—Битва при Пирамидах—Каир сдается—Битва при Абукире.

Французский флот был подкреплён, прежде чем он продвинулся далеко в своем пути, генералом Дессе и его дивизией из Италии; и при благоприятном ветре появился 10 июня у берегов Мальты. Рыцари Святого Иоанна больше не были теми отважными и набожными воинами креста, которые веками внушали ужас мусульманам и считались героическими защитниками христианского мира. Погруженные в лень и удовольствия, эти наследники славного имени ни на минуту не пытались защитить свой почти неприступный остров от флота, который бороздил окружающие их моря. Парижские власти заранее успешно вмешались в дела

некоторых французских рыцарей. Мнения разделились: в замешательстве и панике ворота были распахнуты. Когда Наполеон входил между огромными скалистыми заграждениями Ла-Валетт, Каффарелли сказал ему: "Хорошо, что внутри был кто-то, кто открыл нам дверь; если бы там вообще не было гарнизона, дело могло быть не таким легким".

С Мальты— где он оставил отряд войск для охраны приобретения, которое, как он ожидал, окажется в высшей степени полезным в его будущих коммуникациях с Францией, Бонапарт направился на восток; но через несколько дней направился к побережью Кандии, чтобы набрать воды и свежей провизии, и, таким образом, случайно отклонившись от своего курса, избежал неминуемой опасности. Ибо Нельсон, вскоре вернувшийся в Тулон, пропустил корабли, которые так недавно запленили гавань, и, убедившись, что они плыли не в сторону Атлантики, сразу догадался, что их целью должен быть Египет. Его флот уступал в численности, но он продолжал преследование без колебаний и, двигаясь по прямой, прибыл к берегам Нила прежде, чем там появился какой-либо из французских кораблей. Бонапарте, услышав от Кандии, что английский флот уже находится в Леванте, приказал адмиралу Брейесу держать курс не на Александрию, а на более северную точку побережья Африки. Нельсон, с другой стороны, не обнаружив врага там, где он ожидал, повернул назад и пересек море в поисках его на Родос, а оттуда в Сиракузы. Предполагается, что 20 июня флоты почти соприкоснулись друг с другом, но густота тумана и отсутствие у Нельсона фрегатов предотвратили столкновение. Наполеон, разведав побережье, убедился, что у берегов Александрии больше нет никакого флота, и фактически беспрепятственно достиг места назначения 1 июля. В этот момент на краю горизонта показался странный парус. "Фортуна, - воскликнул он, - я прошу еще всего шесть часов — неужели ты откажешь мне в них?" Судно оказалось не английским, и высадка состоялась немедленно, несмотря на сильный шторм и мощный прибой. Адмирал Брюйес тщетно пытался убедить Бонапарте остаться на борту до тех пор, пока погода не станет более спокойной. Он решительно отказался и высадился в Марабуте, в трех лигах к востоку от Александрии, около часа ночи 2 июля, потеряв многих утонувшими.

Египет, провинция Османской империи, находившаяся в то время в мире с Францией, был, конечно, совершенно не готов к этому вторжению. Турки, однако, собрали все силы, какие могли, и, закрыв ворота города, держались — до тех пор, пока дивизия, возглавляемая лично Наполеоном, в три часа ночи не прорвалась через старые полуразрушенные стены, и противостоять сразу превосходящей численности и европейской дисциплине стало уже невозможно. Двести французов погибло при штурме; потери турок были намного больше; и, если верить почти всем, кто писал об этой части его истории, Бонапарт, вступив во владение, на три часа предоставил это место необузданному разгулу военных казней и грабежей — зверству, для которого, если оно действительно имело место, могло быть только одно оправдание, а именно, настоятельная необходимость вселить благоговейный страх в сердца населения и таким образом помешать ему подчиниться призыву своих военных вождей взяться за оружие для защиты своей земли. . Де Бурьен и Бертье, однако, полностью отрицают эту историю.

Если поведение Наполеона в этом случае было таким, как его обычно представляют, оно странно контрастировало с содержанием его *Общего приказа* армии, отданного непосредственно перед их высадкой. "Люди, - сказал он затем, - с которыми мы собираемся жить, - магометане; первый догмат их веры гласит: *Нет Бога, кроме Бога, и Магомет - его Пророк*. Не противоречьте им: поступайте с ними так, как вы поступали с евреями и итальянцами. Уважайте их муфтиев и иманов, как вы поступали с раввинами и епископами в

других местах.... Римские легионы защищали все религии. Вы найдете здесь обычаи, отличные от европейских: вы должны привыкнуть к ним. Эти люди обращаются со своими женщинами иначе, чем мы; *но во всех странах тот, кто насилует, - чудовище; грабеж обогащает лишь немногих; он бесчестит нас, уничтожает наши ресурсы и превращает во врагов тех, кого мы заинтересованы иметь в друзьях.*"

Тем временем Наполеон обратился к народу Египта с воззванием в следующих словах: "Они скажут вам, что я пришел уничтожить вашу религию; не верьте им: отвечайте, что я пришел восстановить ваши права, наказать узурпаторов и что я уважаю Бога, его Пророка и Коран больше, чем когда-либо мамлюки. Шейхи и иманы, уверьте людей, что мы тоже истинные мусульмане. Разве не мы погубили папу Римского и мальтийских рыцарей? Трижды счастливы те, кто будет с нами! Горе тем, кто берет в руки оружие для мамлюков! они погибнут!"^[24]

Буонапарте был фаталистом, так что одна главная статья мусульманского кредо ему вполне нравилась. Он восхищался Магометом как одним из тех редких существ, которые благодаря индивидуальному гению и отваге произвели могучие и необратимые изменения в мире. Утверждение генерала о его собственной вере в вдохновение арабского самозванца часто повторялось в дальнейшем; и оно всегда будет оценено по достоинству, как это было в то время его собственными солдатами, к которым он действительно обратился всего за день до этого в выражениях, достаточно выражающих его истинные чувства ко всем формам религии. Раввин, муфтий и епископ, Талмуд, Коран и Библия были, по его мнению, на одном уровне. Он был готов использовать их всех, поскольку это могло послужить его целям; и, хотя по натуре он не был жестоким, он не колебался, когда этого, казалось, требовали его интересы, связывать свое имя со всеми ужасающими обстоятельствами, которые могли возникнуть в результате самого безжалостного нарушения тех законов человечности, которые предписывает даже его Коран и которые так недавно были привиты его собственным обращением к своей армии.

Наполеон покинул Александрию 7 июля, стремясь вынудить мамлюков к столкновению с наименьшей возможной задержкой. У него была небольшая флотилия на Ниле, которая охраняла его правый фланг: пехота маршировала по раскаленному песку на некотором расстоянии от реки. Это продвижение было крайне невыносимым. Воздух кишит вредными насекомыми, блеск песка ослабляет зрение большинства людей и многих ослепляет; воды мало и она плохая, а местность была полностью очищена от людей, животных и растений. Под этой пыткой даже доблестный дух таких людей, как Мюрат и Ланн, не выдержал: они втоптали свои кокарды в песок. Простые солдаты с сердитым ропотом спрашивали, не здесь ли генерал намеревался отдать им их семь акров? Он один был выше всех этих зол. Таков был счастливый темперамент его телосложения, что — в то время как другие, избавившись от своей обычной одежды, все еще были покрыты непрерывными потоками пота, а самые стойкие находили необходимым уделять два-три часа в середине дня сну — Наполеон ничего не менял; носил мундир застегнутым на все пуговицы, как в Париже; на лбу у него никогда не выступало ни капли пота; и не думал об отдыхе, разве что ложился в плащ последним ночью и вставал первым утром. Однако потребовалось больше, чем весь его пример выдержки и общее влияние характера Наполеона могли сделать, чтобы предотвратить переход армии к открытому мятежу. "Однажды, - сказал он на острове Святой Елены, - я внезапно оказался среди группы генералов, обращаясь к самому высокому из них, с горячностью сказал: *Вы говорили о подстрекательстве к мятежу; позаботьтесь о том, чтобы я не выполнил свой долг: ваши пять футов десять дюймов не помешают вам быть расстрелянным в течение двух часов.*"

В течение нескольких дней враг не появлялся; но наконец разрозненные группы всадников начали появляться с флангов; и солдат, который лишь на мгновение покинул строй, был окружен и предан смерти прежде, чем его товарищи смогли спасти его. Быстрота, с которой передвигались мамлюки, и их мастерство метких стрелков подкреплялись характером почвы и атмосферы; малейшего движения или дуновения ветра было достаточно, чтобы поднять облако песка, сквозь которое ничего нельзя было разглядеть, в то время как постоянный яркий свет солнца слепил почти до слепоты. Именно при Шебрейсе мамлюки впервые атаковали значительными силами; и в тот же момент французская флотилия подверглась нападению. В любом случае было продемонстрировано превосходство европейской дисциплины; но и в том, и в другом случае нападавшие смогли отступить без больших потерь. Тем временем трудности марша продолжались; нерегулярные атаки противника становились все более и более многочисленными; так что войска, постоянно останавливавшиеся и строившиеся в каре, чтобы встретить атаку кавалерии днем, и вынужденные нести усиленную вахту ночью, испытывали крайнюю усталость, а также лишения. Посреди этой нищеты простые люди отнюдь не дружелюбно взирали на отряд *саванов* верхом на ослух (обычное средство передвижения в стране) со всеми их инструментами, книгами и багажом. Они начали подозревать, что экспедиция была предпринята с какими-то чисто научными целями; и когда при малейшей тревоге им приказывали открыть каре и обеспечить безопасность ученой группы внутри, они обычно встречали их воинственными насмешками. "Место для ослов: отойдите, сюда идут *саваны* и *полуаванцы*".

21 июля армия оказалась в пределах видимости Пирамид, которые, если бы не правильность очертаний, можно было бы принять за отдаленную гряду скалистых гор. В то время как все взоры были прикованы к этим седым памятникам прошлого, они достигли пологого холма и наконец увидели раскинувшуюся перед ними огромную армию беев, правая часть которой располагалась укрепленным лагерем на берегу Нила, а центр и левая часть состояли из той блестящей кавалерии, с которой они были к тому времени знакомы. Наполеон, выехавший вперед на разведку, заметил (что ускользнуло от внимания всего его штаба), что орудия в укрепленном лагере не были снабжены лафетами; и немедленно разработал свой план атаки. Он приготовился перебросить свои силы на левый фланг, где не могло быть орудий. Мурад-бей, который командовал главнокомандующим, быстро разгадал его замысел, и мамлюки доблестно выступили на встречу. "Солдаты, - сказал Наполеон, - с вершины вон тех пирамид сорок веков взирают на вас", - и битва началась.

Французы построились в отдельные каре и ожидали нападения мамлюков. Они приближались с бешеной скоростью и дикими криками и использовали все средства, чтобы прорваться в сомкнутые ряды своих новых противников. Они бросились на линию штыков, попятити к ним своих лошадей и, наконец, обезумев от твердости, которую они не могли поколебать, направили свои пистолеты и карабины в лица солдат. Те, кто падал ранеными со своих мест, ползали по песку и рубили ятаганами по ногам своих врагов. Ничто не могло сдвинуть французов с места: штыковые удары и продолжающийся ружейный огонь мало-помалу проредили окружавшее их войско, и Бонапарте наконец двинулся вперед. Смятение и ужас врага, когда он приблизился к лагерю, были таковы, что они бросили свои работы и сотнями бросались в Нил. Резня была чудовищной. Еще больше людей утонуло. Мурад и остатки его мамлюков отступили в Верхний Египет. Каир сдался: Нижний Египет был полностью завоєван.

Таковы были непосредственные последствия *Битвы при пирамидах*. Имя Буонапарте теперь сеяло панику по Востоку; и "Султан Кебир" (или Король огня — так его прозвали из-за смертоносных результатов мушкетной стрельбы в этом сражении) считался предопределенным бичом Божьим, противостоять которому было безнадежно.

Теперь французы получили компенсацию за те труды, которым они подверглись. Тела убитых и утонувших мамлюков были разграблены, и, поскольку у этих воинов был обычай носить свои богатства при себе, один труп часто приносил солдату состояние. В опустевших гаремах вождей в Каире и в соседних деревнях мужчины наконец нашли доказательства того, что "восточная роскошь" — не пустой звук. Ученые рылись в памятниках древности и собрали коллекции, которые навсегда прославят их усердие и мастерство. Наполеон сам посетил внутреннюю часть Великой пирамиды и, войдя в потайную комнату, в которой 3000 лет назад был похоронен какой-то фараон, еще раз повторил свое исповедание веры — "Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — его пророк". Бородатые выходцы с Востока, сопровождавшие его, скрыли свои сомнения в его ортодоксальности и очень торжественно ответили: "Бог милостив. Ты говорил, как самый ученый из пророков".

В то время как Наполеон, таким образом, продолжал свою победоносную карьеру во внутренних районах страны, Нельсон, прочесав Средиземное море в поисках его, снова вернулся к берегам Египта. Он прибыл в пределах видимости александрийских башен 1 августа — через десять дней после того, как битва у Пирамид была выиграна, — и обнаружил Брейеса все еще на его стоянке в бухте Абукир. Кажется, нет ничего более очевидного, чем то, что французскому адмиралу следовало как можно скорее отправиться во Францию или, по крайней мере, на Мальту, как только армия овладела Александрией. Наполеон постоянно утверждал, что именно он убедил Брейеса сделать это. Сам Брейес не дожил до того, чтобы дать свои показания; но Гантеом, вице-адмирал, всегда настаивал на том, что, в прямом противоречии с Бонапарте, флот остался по прямому желанию генерала. Свидетельства, таким образом, уравновешены, необходимо обратиться к другим материалам для суждения; и представляется чрезвычайно трудным усомниться в том, что французский адмирал, — который, по всеобщему признанию, боялся встречи с Нельсоном, — оставался у Александрии с единственной целью помочь движениям армии и вследствие того, что он, по крайней мере, считал желанием ее генерала. Как бы то ни было, результаты его промедления были ужасны.

Французский флот был пришвартован полукругом в бухте Абукир, так близко от берега, что, как полагал их адмирал, враг не мог встать между ним и сушей. Следовательно, он ожидал, что его атакуют только с одной стороны, и был уверен, что англичане не смогут возобновить свой излюбленный маневр прорыва линии,^[25] и таким образом сразу разделить противостоящий флот и поставить корабли по отдельности между двух огней. Но Нельсон смело рассудил, что его корабли могут прорваться между французами и сушей, и, преуспев в этой попытке, немедленно вызвал конфликт в той же ужасной форме, которую Брейес считал невозможной. Подробности этого великого морского сражения принадлежат истории английского героя.^[26] Битва была упорной — она длилась более двадцати часов, включая всю ночь. Одинокaя пауза наступила в полночь, когда французский адмиральский корабль *L'Orient*, превосходное судно со 120 пушками, загорелся и взорвался в самом центре сражающихся эскадр, причем взрыв на мгновение заставил ярость замолчать в благоговейном страхе. Сам адмирал погиб. На следующее утро два разбитых корабля из всего французского флота с трудом выбрались в

открытое море. Остальная часть этого великолепного сооружения была полностью разрушена или оставалась в руках англичан.

Такова была битва при Абукире, в которой Нельсон силами, значительно уступавшими французам, добился того, что он сам назвал "не победой, а завоеванием". Три тысячи французских моряков достигли берега: большее число погибло. Если бы английский адмирал располагал фрегатами, он, должно быть, ворвался бы в Александрийскую гавань и захватил все припасы и транспорты армии. Как бы то ни было, лучшего флота Республики больше не существовало; была установлена блокада побережья, и захватчик, полностью изолированный от Франции, должен был довольствоваться своим собственным оружием и ресурсами Египта.

ГЛАВА XII

Администрация Бонапарта в Египте—Вооружение Порты—Бонапарт при Суэце—При Эль-Арише—Газа, Яффо, Акко—Отступление в Египет—Поражение турок при Абукире—Наполеон отправляется во Францию.

Говорят, что до прибытия Нельсона Бонапарт подумывал о возвращении во Францию с целью вымогательства у правительства тех поставок различного рода, которые, по его мнению, были необходимы для постоянной оккупации Египта и в которых, как он хорошо знал, Директоры отказали бы любому голосу, кроме его собственного. Говорят также, что он намеревался убедить Директорию в целесообразности возобновления проекта нападения на саму Англию в тот момент, когда можно было бы предположить, что мысли этого правительства поглощены новостями о его ослепительных успехах в Египте. Все эти гордые видения умерли вместе с Брейесом. Услышав о битве при Абукире, у Наполеона вырвался одинокий вздох. "Франции, — сказал он, — судьба уготовила сухопутную империю, Англии - морскую".

Он перенес это великое бедствие с невозмутимостью мужского духа. Он отдал приказ о том, чтобы моряки, высадившиеся в Александрии, были сформированы в бригаду морской пехоты, и таким образом получил ценное пополнение в свою армию; и сам приступил к организации системы правления, при которой огромные природные ресурсы страны могли быть использованы с максимальной выгодой. Нам нет нужды останавливаться на этом тщетном повторении его веры в Магомета, которую он не хотел и не мог претворить в жизнь, открыто принимая правила и церемонии Корана; что, соответственно, только забавляло его собственных последователей; и что не обмануло никого из мусульманского народа. Это была уловка дерзкого неверного, которому совершенно не хватало того энтузиазма, без которого ни один религиозный самозванец не может надеяться разделить успехи Пророка из Мекки. Оставляя в стороне это бесполезное предварительное заключение, мероприятия новой администрации отдают должное непревзойденному пониманию, несомненному мастерству и неутомимому трудолюбию этого выдающегося человека.

Он старался не предъявлять претензий на суверенитет Египта, но утверждал, что, спасши его от мамлюжской узурпации, он должен вершить закон и правосудие, пока не придет время вернуть провинцию под власть Великого сеньора. Затем он учредил два совета, состоящих из местных жителей, в основном арабских вождей и мусульман церкви и права, советами которых

номинально должны были регулироваться все меры. Они сформировали, конечно, очень услужливый сенат. У него не было повода требовать от народа больше, чем он привык платить беям; и он облегчил самозванство, привнеся, насколько мог, справедливость и аккуратность цивилизованной власти в метод взимания налогов. Он трудился над тем, чтобы законы соблюдались, и делал это так серьезно и сурово, что немалое удивление вызывали все классы населения, так долго привыкшего к распушенности варварской орды грабителей. Однажды один из улемов не мог удержаться от улыбки при виде рвения, которое он проявил, проследив до преступника за убийством безвестного крестьянина. Мусульманин спросил, был ли покойный каким-либо образом связан кровью султана Кебира? "Нет, - сурово ответил Наполеон, - но он был более того — он был одним из людей, управление которыми Провидению было угодно передать в мои руки". Меры, которые он предпринял для защиты путешественников в Мекку, были особенно приемлемы для глав мусульманского истеблишмента, и они выступили с заявлением (в прямом противоречии с Кораном), означающим, что платить дань французам правильно. Виртуозы и артисты из его свиты тем временем с неутомимой энергией продолжали свои научные изыскания; они разыскивали памятники Египта и заложили фундамент, по крайней мере, всех замечательных открытий, которые с тех пор были сделаны относительно знаний, искусств, государственного устройства (и даже языка) древней нации. Это были не просто объекты любопытства. Они, под руководством генерала, исследовали давно потухшие следы многих древних приспособлений для улучшения сельского хозяйства страны. Каналы, которые были закрыты на протяжении веков, были вновь открыты: воды Нила снова потекли туда, куда их направляло мастерство фараонов или Птолемеев. Земледелие было расширено; собственность закреплена; и не подлежит сомнению, что заметные улучшения, произведенные с тех пор в Египте, объясняются главным образом мудрым примером французской администрации. В самом Каире произошло одно бурное восстание, спровоцированное, как можно предположить, некоторой распушенностью гарнизона; но после того, как оно было подавлено той же беспощадной энергией, которую Наполеон проявил в аналогичных случаях в Италии, страна, по-видимому, оставалась более спокойной и, вероятно, наслаждалась, несмотря на присутствие армии вторжения, большим процветанием, чем когда-либо за какой-либо период такой же продолжительности, с тех пор как сарацинское правительство было свергнуто османами.

В таких трудах Наполеон провел осень 1798 года. "В то время, - пишет его секретарь, - у него было обыкновение рано ложиться спать, и моей обязанностью было читать ему вслух, пока он бодрствовал. Если я читал стихи, он быстро засыпал, но если, как это иногда случалось, он призывал к *Жизни Кромвеля*, я решал захотеть отдохнуть этой ночью".

Тем временем генерал Дессе преследовал Мурад-бея до Верхнего Египта, где мамелюки едва ли оказали ему хоть какое-то сопротивление, но благодаря превосходству своих конников и знакомству с пустыней сумели избежать полного разгрома своих сил. Мурад вернулся в окрестности Каира, услышав об уже упомянутом восстании, но уехал, когда узнал о его подавлении. Эти доблестные всадники постепенно теряли численность в своих постоянных переходах по пустыне — они быстро падали духом, и все, казалось, сулило, что Верхний Египет, как и Нижний, вскоре превратится в мирную провинцию новой французской колонии.

Генерал во время этого перерыва в отдыхе не получал никаких сообщений от французского правительства; но теперь до его квартиры начали доходить слухи, которые вполне могли вызвать у него новые опасения. Весть об очередном разрыве с Австрией постепенно

завоевывала все больше доверия; и вскоре не осталось сомнений в том, что оттоманская Порта, вместо того чтобы поддаться искушению каким-либо образом признать французское правление в Египте, объявила войну Республике и призвала все силы своей империи, чтобы обрушить подавляющее численное превосходство на изолированную армию Бонапарта.

Однако пока еще не было никаких признаков появления противника; и Наполеон воспользовался возможностью исследовать Суэцкий перешеек, где узкая полоска суши отделяет Красное море от Средиземного, отчасти с целью восстановления сообщения, которое в отдаленные времена существовало между ними, а отчасти для обеспечения обороны Египта, если османы попытаются вторгнуться через Сирию.

Он посетил монахов-маронитов на горе Синай и, как это сделал до него Магомет, вписал свое имя в их хартию привилегий; он осмотрел также источник Моисея и чуть не расстался с жизнью, исследуя во время отлива пески Красного моря, где, как предполагается, фараон погиб, преследуя евреев. "Ночь настигла нас, - рассказывает Савари в своих Воспоминаниях, - вода вокруг нас начала подниматься, охранник заранее воскликнул, что их лошади плывут. Бонапарт спас нас всех одним из тех простых средств, которые приходят в голову невозмутимому уму. Встав в центр, он приказал всем остальным образовать вокруг него круг, а затем выехать каждому в отдельном направлении, и каждый должен был остановиться, как только обнаружит, что его лошадь плывет. Человек, чья лошадь продолжала идти последней, был уверен, по его словам, что идет в правильном направлении; соответственно, мы все последовали за ним и благополучно достигли Суэца в два часа ночи, хотя прилив был таким быстрым, что вода доходила до поитрелей наших лошадей еще до того, как мы достигли берега".

По возвращении в Каир генерал отправил надежного гонца в Индию, пригласив *Типпу Саиба* точно сообщить ему о состоянии английской армии в этом регионе и указав, что Египет был лишь первым пунктом в походе, которому суждено превзойти поход Александра! "Он проводил целые дни, - пишет его секретарь, - лежа на земле, растянувшись на картах Азии".

Наконец пришло время действовать. Оставив 15 000 человек в Каире и его окрестностях, дивизию Дессе в Верхнем Египте и гарнизоны в главных городах, Бонапарт 11 февраля 1799 года выступил в Сирию во главе 10 000 отборных солдат с намерением сокрушить турецкое вооружение в этом квартале, прежде чем их главные силы (которые, как он теперь знал, собирались на Родосе) успеют достичь Египта морем. Пересекая пустыню, отделяющую Африку от Азии, он овладел крепостью Эль-Ариш (15 февраля), гарнизон которой после энергичного штурма капитулировал при условии, что ему будет разрешено отступить в Сирию, пообещав досрочно не служить больше во время войны. Продолжая свой поход, он взял Газу (этот древний город филистимлян) без сопротивления; но в Яффе (Иоппии священного писания) мусульмане предприняли решительную оборону. Стены были взяты штурмом, 3000 турок погибли с оружием в руках, и город был сдан в течение трех часов ярости французских солдат, которые, по признанию Наполеона, никогда так жестоко не пользовались правом ведения войны, как в этом случае.

Часть гарнизона, насчитывавшая, по словам Бонапарта, 1200 человек, но по другим данным — около 3000, продержалась еще несколько часов в мечетях и цитадели; но в конце концов, не видя никаких шансов на спасение, 7 марта сложила оружие. Эжен Богарнуа, который лично принял их подчинение, был жестоко упрекнут Наполеоном за то, что сделал это: солдаты роптали, спрашивая, как будут кормить этих варваров, когда они сами уже терпят тяжелые

лишения. Генерал созвал своих старших офицеров на совет, и после долгого обсуждения было решено, что в данном случае необходимость не оставляет места для милосердия. 10—го числа - через три дня после капитуляции — пленных вывели из Яффы во главе батальона под командованием генерала Бона. Когда они достигли песчаных холмов на некотором расстоянии от города, их разделили на небольшие группы и расстреляли или закололи штыками всех до единого. Они, как истинные фаталисты, подчинились молча; и их тела были собраны в пирамиду, где по прошествии тридцати лет их кости все еще видны на песке.

Такова была резня в Яффо, которая навсегда останется одним из самых темных пятен на имени Наполеона. Он сам признал этот факт; — и оправдал это двойной ссылкой, что он не мог позволить солдатам охранять такое количество заключенных, и что он не мог предоставить им право на условно-досрочное освобождение, потому что это были те самые люди, которые уже были освобождены на таких условиях в Эль-Арише. На эту последнюю защиту ответ, к сожалению для него, совершенно очевиден. Он никак не мог узнать в каждой из этих жертв человека, который уже давал условно-досрочное освобождение и нарушил его. Если бы он это сделал — все равно это не помогло бы ему: — люди сдались с оружием в руках. Ни один генерал не имеет права видеть, как люди бросают средства обороны, а затем — к тому же по прошествии трех дней! — обрекают их на худшую участь, которая могла бы их постигнуть, если бы они выстояли. Единственная оставшаяся ссылка - это ссылка на целесообразность; и это та, на основании которой многие как розничные, так и оптовые убийцы могли бы оправдать свое преступление.

Теперь Бонапарт установил, что сирийский паша Ахмет-Джеззар,[\[27\]](#) находился в Сен-Жан-д'Акре (столь известном в истории крестовых походов) и был полон решимости защищать это место до конца силами, которые уже были собраны для вторжения в Египет. Он тщетно пытался склонить этого свирепого вождя к измене Порте, лелея надежду на создание отдельного независимого правительства под защитой Франции. Первый из гонцов Наполеона вернулся без ответа; второй был предан смерти; и армия двинулась на Акко со всем пылом мести, в то время как необходимые для осады средства было приказано отправить морем из Александрии.

Сэр Сидней Смит в то время крейсировал в Леванте с двумя британскими линейными кораблями, *Tigre* и *Theseus*; и, получив от паши сообщение о приближающемся шторме, поспешил поддержать его в обороне Акко. Суда Наполеона, перевозившие оружие и припасы из Египта, попали в его руки, и он появился у города за два дня до того, как в поле зрения появилась французская армия. На борту его корабля находился полковник Филиппо, французский талантливый роялист (бывший школьный товарищ Бонапарта в Бриенне);[\[28\]](#) и паша охотно позволил английскому коммодору и этому искусному союзнику разработать для него, насколько это было возможно, план его обороны.

Потеря его собственной тяжелой артиллерии и присутствие двух английских кораблей были дурными предзнаменованиями; однако Бонапарт не сомневался, что турецкий гарнизон уменьшится перед его натиском, и он немедленно начал осаду. Он открыл свои окопы 18 марта. "От этого маленького городка, - сказал он одному из своих генералов, когда они стояли вместе на возвышенности, которая до сих пор носит имя Ричарда Львиного, — от этого маленького городка зависит судьба Востока. Узрите ключ от Константинополя или от Индии". — "В тот момент, когда падет Акра, - сказал он примерно в то же время Де Бурьену, - все друзья присоединятся ко мне; сирийцы, устав от притеснений Джеззара, встанут под мои знамена. Я

пойду на Константинополь с армией, которой турок не сможет оказать эффективного сопротивления, и не кажется маловероятным, что я вернусь во Францию маршрутом Адрианополя и Вены, уничтожив по пути австрийский дом!"

С 18 по 28 марта французы упорно трудились в своих траншеях, подвергаясь обстрелу обширных батарей, устроенных Филиппо таким образом, чтобы командовать их наступлением, и сформированных в основном из собственной артиллерии Бонапарта, захваченной по пути из Александрии. Турки также постоянно совершали вылазки, и их паша лично подавал пример самой героической решимости. Тем не менее, 28-го числа брешь, наконец, была пробита, и французы наступали с таким яростным рвением, что гарнизон отступал, пока Джебзар не появился на зубчатой стене и, целясь из своих пистолетов в головы бегущих людей, не призвал их возобновить оборону. В конце концов французы отступили с большими потерями, и — турки во главе с английскими моряками преследовали их до своих позиций — была разведана большая мина, предназначенная для подрыва главной башни Акко, и были приняты меры для ее обезвреживания.

Тем временем в горах Самарии собралась огромная мусульманская армия, которая готовилась спуститься на Акру и атаковать осаждающих совместно с гарнизоном Джебзара. Жюно со своей дивизией двинулся им навстречу и был бы разбит их численностью, если бы сам Наполеон не последовал за ним и не спас его (8 апреля) при Назарете, где великолепная кавалерия восточных войск, как обычно, не смогла противостоять плотным каре и меткому ружейному обстрелу французов. Клебер с другой дивизией подвергся такой же опасности и таким же образом был спасен главнокомандующим у горы Фавор (15 апреля). Мусульмане рассеялись со всех сторон; и Наполеон, вернувшись к осаде, день за днем продолжал отчаянные атаки, в которых его лучшие солдаты были поредевшими от объединенных усилий доблести Джебзара и мастерства его союзников. В конце концов, однако, отряду французов удалось ворваться в большую башню и закрепиться в одной из ее частей, несмотря на всю решительность, с которой им могли противостоять. В тот же критический момент в море появился турецкий флот, который, как было известно, доставил большое подкрепление для паши. Все шло к тому, чтобы побудить Наполеона завершить свое предприятие любой ценой, и его храбро поддержали.

Сэр Сидней Смит, однако, был так же полон решимости продержаться до прибытия флота, как Наполеон стремился предвосхитить его прибытие. Английский командир со своей горсткой матросов направился к башне и после яростного штурма выбил ее обитателей. Бонапарте не возобновил атаку в этом квартале, но ему удалось сломать стену в другой части города; и героический Ланн возглавил французский отряд, который действительно вступил в Акру через этот проход. Но Джебзар хотел, чтобы они вошли. Он позволил им войти беспрепятственно; а затем, прежде чем они успели построиться, бросил на них такую толпу турок, что дисциплина была бесполезна: это было просто множество дуэлей, и храбрые азиаты со своими ятаганами и пистолетами одолели своих врагов и предали их смерти — почти до одного человека. Самого Ланна с трудом отнесли обратно, отчаянно раненного.

Можно себе представить ярость Бонапарта при этих повторяющихся неудачах. Все зло было справедливо приписано присутствию сэра Сиднея Смита; и с тех пор он говорил об этом рыцарственном человеке с ядом личной ненависти. Сэр Сидней, в ответ на воззвание Бонапарта, призывавшего (в своей обычной манере) подданных паши избежать его ига и вступить в союз с захватчиками, выступил с ответным обращением к друзьям и другим

христианским жителям Сирии, призывая их на помощь во имя своей религии против богохульствующего генерала нации, отрекшейся от христианства. Наполеон на это сказал, что сэр Сидней сумасшедший; и если его история верна, сэр Сидней вызвал его на поединок один на один; на что он ответил, что не выйдет на дуэль, если англичане не смогут вытащить Мальборо из могилы, но что тем временем любой из его гренадеров охотно предоставит противнику такое удовлетворение, какое он имеет право потребовать. Какой бы неточностью ни были некоторые из этих обстоятельств, нет сомнений в том факте, что Бонапарт и храбрый коммодор сражались вместе при Акко под сильнейшим влиянием личной неприязни, а также военного мастерства и решимости.

[21 мая.] Осада длилась уже шестьдесят дней. Наполеон снова командовал штурмом, и его офицеры и солдаты снова повиновались ему с преданной и бесплодной храбростью. Потери, которые к этому времени понесла его армия, были очень велики. Каффарелли и многих других высокопоставленных офицеров больше не было. Прошло некоторое время, прежде чем чума появилась в лагере; с каждым днем ряды его легионов редели из-за этой заразы, а также из-за оружия защитников Акры. Сердца всех людей быстро замирали. Турецкий флот был под рукой, чтобы подкрепить Джебзара; и после полного провала атаки 21 мая Наполеон уступил суровой необходимости и начал отступление к Яффе.

Теперь чума свирепствовала в армии. Само название этого ужасного бедствия потрясло нервы европейцев; его симптомы наполнили их неопишуемым ужасом. Больные впадали в крайнее отчаяние; здоровые трепетали, помогая им в их страданиях. Наполеон обошел госпитали и сразу же вдохнул надежду в страждущих и упрекнул в трусости их санитаров, собственноручно сжимая и облегчая гнойные язвы, к которым никто не осмеливался прикоснуться. Жаль, что этот акт истинного героизма должен быть когда-либо описан на той же странице, где рассказывается о песчаных холмах!

Имя Яффы было уже достаточно запятнано; но слава быстро распространилась о Наполеоне, который теперь превратил ее в арену другого зверства, не менее шокирующего, чем расправа с турецкими пленными.

Обвинение, которое в течение многих лет наделало столько шума по всей Европе, сводится к следующему: 27 мая, когда Наполеону было необходимо продолжить свой марш из Яффы в Египет, было обнаружено, что определенное количество больных чумой в госпитале находились в состоянии, не оставляющем никакой надежды на их выздоровление; что генерал, не желая оставлять их на милость турок, задумал ввести им опиум, и таким образом обеспечить им по крайней мере быструю и легкую смерть; и что соответственно несколько человек были увезены в больницу. Этот метод по его указанию. История, обстоятельства которой сильно различались в разных источниках, особенно в том, что касается числа отравленных (иногда доходило до 500 человек), была впервые распространена сэром Робертом Уилсоном, и, по существу, в Англии в нее поверили. Напротив, во всех ее частях это было полностью опровергнуто поклонниками Бонапарта, которые отнесли к этому как к одной из многих грубых ложей, которые, несомненно, были распространены в отношении личного характера и поведения их кумира во время его пребывания у власти.

Сам Буонапарте, находясь на острове Святой Елены, часто ссылаясь на эту историю и без колебаний признавал, что ее источником послужил следующий случай. По его словам, в ночь перед началом марша он послал в коммерцию за Десженеттом, начальником медицинского

штаба, и предложил ему, при таких обстоятельствах, которые были описаны, дать опиум в смертельных дозах *семи* мужчинам, добавив, что, если бы его сын был в их ситуации, он счел бы своим отцовским долгом лечить его тем же методом; и что, совершенно определенно, если бы он сам был в такой ситуации и способен это понять, он счел бы смертельную чашу лучшим благом, которое могла предложить ему дружба. Месье Де Женетт, однако, (сказал бывший император) не считал себя вправе вмешиваться каким-либо подобным методом в жизни своих собратьев: пациенты были оставлены; и, по крайней мере, один из них попал живым в руки сэра Сиднея Смита и выздоровел.

Таков рассказ Наполеона; и он подтверждается во всех важных подробностях, за исключением *двух*, Де Бурьеном. Этот автор отчетливо заявляет, что он присутствовал, когда Наполеон, Бертье и обычная свита осматривали больницу, слышал последовавшую дискуссию и *отданный приказ* о введении смертельных снадобий безнадежным пациентам — в количестве *шестидесяти* человек. Он не утверждает, что видел, как вводили яд, но говорит, что не сомневается, что приказ был выполнен; и в заключение защищает эту меру аргументами, аналогичными тем, которые уже приводились из уст его хозяина.

Действительно ли был введен опиум или нет — что смелое предложение на этот счет было сделано Наполеоном, у нас есть его собственное признание; и каждый читатель должен составить свое мнение относительно степени вины, которая связана с фактом обдумывания и замысла рассматриваемого деяния при описанных выше обстоятельствах. Никто не может сомневаться в том, что Бонапарте, привыкший быть свидетелем резни в любой форме, был в целом всего лишь бессердечным калькулятором, когда речь шла о человеческих жертвах. В то, что его мотивы в данном случае были жестокими, никогда не поверит ни один человек, учитывающий характер или ситуацию этого человека. Несомненно, он намеревался, сокращая жизни этих людей, оказать им наилучшую услугу, которая была в его силах. Самонадеянность, позволявшая себе играть с законами Божьими и человеческими, когда целесообразность, казалось, требовала такого вмешательства, была вполне в характере молодого генерала: жестокость не была таковой, и меньше всего жестокость по отношению к его собственным солдатам — тем самым существам, от любви к которым зависело все его величие.

Дальнейший марш был продолжительной сценой страданий; ибо раненых и больных было много, жара была невыносимой; и свирепый Джебзар сильно отставал, и дикие арабы пустыни окружали их со всех сторон, так что тот, кто отставал от своего отряда, был уверен, что будет убит. Насколько черствыми могут стать сердца храбрецов, когда все мысли заняты собой, история того похода представляет собой устрашающую картину. Когда товарищ, покинув свои ряды, воодушевленный отчаянием попасть в руки турок или арабов, все же снова поднимался с раскаленного песка и делал последнюю попытку, шатаясь, последовать за колонной, его болезненные и безрезультатные усилия давали повод для военного веселья. "Он пьян", - сказал один. "Его переход не будет долгим", - ответил другой; и когда он снова упал, беспомощный и безнадежный, третий заметил: "Наш друг наконец занял свое место". Нельзя упускать из виду, что Наполеон сделал в этом случае все, что соответствовало его положению. Он издал приказ о том, что каждая лошадь должна быть отдана на обслуживание больных. Минуту спустя один из его слуг подошел спросить, какую лошадь генерал желает оставить для себя: "Негодяй! - воскликнул он. - Ты что, не знаешь приказа? Пусть все маршируют пешком — я первый. — Уходите." Соответственно, всю оставшуюся часть марша он шел рядом с больными,

подбадривая их взглядом и голосом и являя всем солдатам пример стойкости и сострадания одновременно.

[14 июня.] Совершив, наконец, это опасное путешествие, Бонапарте отправился в свою старую штаб-квартиру в Каире и вновь приступил к своим великим обязанностям в качестве основателя нового правительства в государстве Египет. Но он недолго занимался этим, прежде чем новые слухи о бегах в верховьях Нила, у которых, казалось, были какие-то серьезные и неотложные мотивы для попыток прорваться вниз по течению, начали смешиваться с ежедневно повторяющимися новостями о какой-то грандиозной высадке османов, которая должна была состояться в окрестностях Александрии, и постепенно объясняться ими. Поэтому, оставив Дессе снова командовать в Каире, он сам спустился по Нилу и со всей возможной скоростью направился в Александрию, где счел его присутствие наиболее необходимым. Ибо, в сущности, огромный турецкий флот уже вошел в Абукирский залив; и армия численностью 18 000 человек, овладев крепостью, укреплялась там, намереваясь дожидаться обещанного спуска мамлюков, а затем, имея подавляющее численное превосходство, продвинуться к Александрии и завершить разгром французских захватчиков.

Бонапарт, достигнув Александрии вечером 24 июля, обнаружил, что его армия уже разместилась в окрестностях Абукира и приготовилась к завтрашнему нападению турок. Осматривая их укрепленный лагерь с высоты вместе с Мюратом, он сказал: "Как бы там ни было, завтрашняя битва решит судьбу мира". "По крайней мере, в этой армии, - ответил Мюрат, - но у турок нет кавалерии, и если когда-либо пехота была атакована до зубов конницей, то это будет сделано мной". Мюрат не проникал в скрытый смысл слов Наполеона, но он подкрепил свои собственные.

Турецкие аванпосты были атакованы рано утром следующего дня и отброшены с большой резней; но французы, когда они продвинулись вперед, оказались в пределах досягаемости батарей, а также судов, которые стояли недалеко от берега, и были остановлены. Их отступление могло бы закончиться разгромом, если бы не недисциплинированное рвение, с которым турки приступили к выполнению задачи по уничтожению и калечению тех, кто пал перед ними, — таким образом, предоставив Мюрату возможность атаковать их основные силы во фланг своей кавалерией в тот момент, когда французская пехота, воспользовавшись их беспорядочным и рассеянным состоянием, и сплотившись под наблюдением Наполеона, пробила проход к окопам. С этого момента битва превратилась в резню. Турки, атакованные со всех сторон, были охвачены паникой; и море было покрыто тюрбанами людей, которые с головой бросались в волны, вместо того чтобы дожидаться ярости *Саблезубого*,^[29] или непрерывного перекаточного огня *Султана Кебира*. Шесть тысяч сдались по собственному усмотрению: двенадцать тысяч погибли на поле боя или в море. Мустафа—паша, полководец, которого привели к его победителю, был встречен такими словами: "Тебе было суждено проиграть этот день; но я позабочусь о том, чтобы сообщить султану о мужестве, с которым ты боролся". "Избавь себя от этого труда, - ответил гордый паша, - мой господин знает меня лучше, чем ты".

Наполеон снова вернулся в Каир 9 августа; но это было только для того, чтобы сделать некоторые прощальные распоряжения относительно управления, гражданского и военного, поскольку с момента своей победы при Абукире он решил передать Египет в другие руки, и адмирал Гантеом уже тайно готовил средства для его переезда во Францию.

Бонапарт всегда утверждал, а бонапартистские авторы его истории до сих пор утверждают, что эта резолюция была принята в результате простой случайности;^[30] а именно, что сэр Сидней Смит в ходе некоторых переговоров о пленных, последовавших после битвы при Абукире, прислал подшивку английских газет для развлечения генерала. Одни говорят, что английский коммодор поступил так из простой вежливости; другие - что он намеревался отвлечь внимание Наполеона, показав ему, до какого опасного состояния за время его отсутствия были доведены дела Франции, как внутри страны, так и за границей. Однако, по-видимому, принято считать (поскольку, без сомнения, это более вероятный случай), что Бонапарт задолго до этого получил известие о великих событиях, в которых он был так глубоко заинтересован. Несомненно, у него было много друзей в Париже, которые зорко следили за его интересами и которым, должно быть, было особенно плохо, если они ни разу не смогли связаться с ним в течение стольких месяцев.

Как бы там ни было, генералу удалось предотвратить возникновение у солдат каких-либо подозрений относительно его планируемого побега; и когда он, наконец, повернулся спиной к Каиру, все были уверены, что это было всего лишь для того, чтобы совершить экскурсию по Дельте.

Наполеон достиг побережья 22 августа, и там его встретили Бертье, Андреосси, Мюрат, Ланн, Мармон и *саваны* Монж и Бертолле; никто из них не подозревал, с какой целью их вызвали. Адмирал Гантеом к этому времени подготовил к выходу в море два фрегата и два судна поменьше (которые были спасены в Александрийской гавани); и утром 23-го, когда ветер, к счастью, отогнал английскую эскадру блокады от побережья, Бонапарт и его сторонники сели в Розетте.

В тот же день об этом событии было объявлено армии в прокламации, которую генерал оставил после себя, назвав Клебера своим преемником на посту командующего. Возмущение солдат, считавших, что их предал командир, было какое-то время неистовым; но мало-помалу замечательные качества, проявленные Клебером, смягчили это чувство, и Бонапарте оставил агентов, достаточно подготовленных, чтобы объяснить случившееся наиболее выгодным для него образом.

В то же время Клебер получил прощальное письмо с инструкциями — одно из самых необычных произведений, когда-либо выходивших из-под пера Наполеона. "Посылаю вам, - сказал он, - английские газеты за 10 июня. Вы увидите там, что мы потеряли Италию; что Мантуя, Турин и Тортон заблокированы. Я надеюсь, если мне улыбнется удача, добраться до Европы до начала октября.... Правительство намерено, чтобы генерал Дессе последовал за мной, если не произойдут крупные события в течение ноября.... Нет сомнения, что по прибытии нашей эскадрильи в Тулон будут изысканы средства для отправки вам рекрутов и снаряжения, необходимых для армии Египта. После этого правительство будет вести с вами прямую переписку; в то время как, как в моем государственном, так и в моем частном качестве, приму меры для получения от вас частых разведданных".

Бонапарт продолжает, после того как таким образом смело присвоил себе право говорить от имени правительства — и в выражениях, как следует заметить, рассчитанных на то, чтобы не оставлять сомнений в том, что его собственный отъезд был результатом приказов из Парижа, — внушать Клеберу необходимость всегда рассматривать обладание Египтом как пункт высочайшей важности для Франции; и, тем не менее, вести переговоры с Портой как можно

дольше на том основании, что Французская Республика ни сейчас, ни когда-либо не имела ни малейшего желания оставаться постоянной хозяйкой этой страны. В конце концов он разрешил Клеберу, если тот не будет освобожден или завербован к маю следующего года, заключить мир с Портой, даже если первым из его условий должна быть полная эвакуация Египта.

Затем следуют указания для внутреннего управления Египтом, в которых, среди других достаточно характерных намеков, Клеберу предлагается развивать добрую волю *христиан*, но, тем не менее, тщательно избегать предоставления мусульманам какого-либо повода смешивать *христиан с французами*. "Прежде всего, - говорит Наполеон, - приобретите шейхов, которые робки, не умеют сражаться и которые, как все священники, вдохновляют фанатизм, не будучи фанатиками".

Вывод заключен в этих словах. "Армия, которую я доверяю вам, состоит из моих детей; во все времена, даже в разгар величайших страданий, я получал знаки их привязанности: поддерживайте в них эти чувства. Вы обязаны этим особому уважению и истинной привязанности, которые я испытываю к вам".

ГЛАВА XIII

Ретроспектива—Прибытие Бонапарта во Францию—Революция 18 Брюмера—Временное консульство.

Теперь мы должны остановиться на мгновение, чтобы указать, пусть кратко и неполно, на ход событий, которые побудили Наполеона покинуть египетскую армию.

Пока переговоры в Раштадте все еще продолжались, Директория под самым надуманным предлогом ввела армию в Швейцарию и, благодаря огромному численному превосходству, сломила оборону неподготовленных горцев. Завоеванные кантоны были образованы в другую республику нового типа, а именно "гельветийскую": номинально сестру и союзницу, но на самом деле рабыню французов. Другая сила, действовавшая по приказу, столь же неоправданному, захватила Турин и свергла с престола короля Сардинии. Наконец, папа, несмотря на все свои унижительные уступки при Толлентино, увидел в своей столице республиканское восстание, вызванное французским подстрекательством. Последовали беспорядки и кровопролитие, и Жозеф Буонапарте, французский посол, чудом избежал смерти. Французская армия немедленно двинулась на Рим; функции папы как светского князя были прекращены; он удалился в изгнание в Сиену; и еще один из тех слабых призраков, которым Директория с удовольствием присваивала славные имена, появился под названием "Римская республика".

Эти безобразия вновь вызвали негодование, во-первых, всех истинных свободлюбцев, во-вторых, монархов, представители которых собрались в Раштадте, и, в-третьих, католического населения всей Европы. Англия не замедлила воспользоваться беспринципной опрометчивостью Директории и чувствами, которые она была способна внушить; и результатом стала новая коалиция против Франции, в которой великая держава Россия теперь впервые приняла участие. Французским полномочным представителям внезапно было приказано

покинуть Раштадт; и в течение нескольких часов после этого они были убиты по дороге бандитами, одетыми в австрийскую форму, совершенно очевидно, что они действовали не по приказу австрийского правительства — и теперь принято считать, что на них напали некие разъяренные интриганы из Люксембурга.

Неаполитанский король, к несчастью для себя, питал большее пристрастие к оружию, чем нация, которой он управлял; и, справедливо заключив, что завоеватели Рима сделают его своим следующим объектом, он опрометчиво объявил войну, прежде чем были выработаны общие меры коалиции. Прибытие Нельсона в его гавань, принесшее известие об уничтожении французского флота при Абукире и последующей изоляции Наполеона, придало ему смелости нанести удар, на который офицеры его армии вряд ли согласились бы. Результатом его поспешного продвижения на север стало не сражение, а бегство; и хотя неаполитанские лаццарони, взбунтовавшись в ярости, несколько дней удерживали столицу от французов, их оборона в конце концов была преодолена; король перешел к своим сицилийским владениям, и другой приток Франции был провозглашен Партенопейской республикой.

Совершенно иной успех сопутствовал более продуманным действиям, с помощью которых великие державы новой коалиции возобновили войну. Подробности тех кровавых кампаний, благодаря которым Голландия и Бельгия были на мгновение вызволены из рук Республики; Журдан, разбитый эрцгерцогом Карлом за Рейном; и север Италии, все могущественные завоевания Бонапарта, восстановленные австро-русскими при Суворове; а также окончательные неудачи союзников в направлении Голландии, сосредоточение их сил в две большие армии, одну на границе Швейцарии, а другую ниже по Рейну, с целью ведения войны двумя входами в сердце Франции и, наконец, о мастерском отступлении Макдональда, благодаря которому ему удалось провести армию, занявшую Неаполь, через всю Италию в Прованс; все эти подробности относятся скорее к общей истории того периода, чем к биографии Бонапарта. Также невозможно, чтобы мы здесь пускались в какой-либо подробный отчет о внутренних делах Франции в период его египетской и сирийской кампаний. Достаточно сказать, что в целом неудачный ход войны сопровождался ростом народного недовольства внутри страны; что пошатнувшаяся Директория на мгновение собрала силы для себя, присоединив Сийеса к своему числу; что подлое и эгоистичное поведение правителей вскоре свело на нет результаты этой частичной перемены; что Директория, наконец, сочла невозможным поддерживать любимую систему уравнивания фракций и, таким образом, нейтрализовать их усилия; одним словом, что *умеренные* (под этим именем подразумеваются роялисты) получили решительное влияние в Совете Европы. Древние и республиканцы, или демократическая партия, имели одинаково подавляющее большинство в Ассамблее Пятисот; в то время как Директора, как орган, больше не имели ни малейшей власти контролировать ни то, ни другое. Наконец, шуаны (как называли роялистов Бретани) были воодушевлены беспорядочным положением вещей дома и за границей, и 40 000 повстанцев появились с оружием в руках, с переменным успехом противостоя войскам Республики и угрожая своим примером разжечь всеобщую гражданскую войну во Франции. Таково было или недавно было положение дел, когда Бонапарт высадился во Фрежюсе и отправил перед собой в Париж, к невыразимой радости нации, в последнее время привыкшей слышать только о военных катастрофах, известие о той великолепной победе, которая только что уничтожила огромное турецкое вооружение при Абукире. Он прибыл в тот момент, когда все люди, из всех партий, были убеждены, что новая революция близка; и когда лидеры всех противоборствующих фракций в равной степени желали призвать оружие для своей поддержки в неизбежной борьбе.

Путешествие Наполеона было сопряжено с постоянными опасностями, поскольку Средиземное море во всех направлениях пересекали английские военные корабли, в присутствии которых сопротивление было бы безнадежным. В этот период всеобщего беспокойства он проводил время за очень мирными занятиями: читал Библию, Коран, Гомера; беседовал со *своими учеными* о старых временах и нравах Востока; и решал задачи по геометрии. Он также проводил много часов, играя в *ва-банк*; и г-н де Бурьен говорит, что он никогда не колебался играть нечестно, когда это соответствовало его целям, хотя всегда возвращал все, что выигрывал, вставая из-за стола. 30 сентября они добрались до Аяччо, и там, где он родился, его встретили с энтузиазмом. Но, по его собственному выражению, "шел дождь двоюродных братьев": он был утомлен просьбами, и как только ветер стал благоприятным, 7 октября, плавание возобновилось. Гантеом, заметив английскую эскадру у берегов Франции, хотел убедить его сесть в баркас, но тот отказался, сказав, что "этот эксперимент можно приберечь на крайний случай". Его уверенность в удаче не была обманута. В полночь они прошли незамеченными мимо английских кораблей и утром 9-го числа были в безопасности пришвартованы в бухте Фрежюс; и как только стало известно, что Бонапарте близко, невзирая на все законы карантина, люди всех мастей, включая высших чиновников, как гражданских, так и военных, поднялись на борт, чтобы приветствовать его. Он с величайшим отвращением предвкушал длительный карантин: этот страх мгновенно рассеялся; палуба была заполнена людьми, громко кричавшими: "Мы предпочитаем чуму австрийцам!" Одно его присутствие считалось залогом победы. История Абукира подлила масла в огонь всеобщего энтузиазма; и он приземлился не столько как генерал, покинувший свой пост без приказа, сколько как принц-победитель, вернувшийся, чтобы вернуть потерянные сердца и судьбу людям, которые доверяли только ему. Его продвижение к столице, где бы его ни узнавали, имело вид триумфального шествия. Он добрался до своего дома на *улице Виктуар* 16 октября.

Трепещущая Директория приняла его, когда он появился в Люксембургском дворце, со всеми проявлениями радости и уважения. Не было задано ни одного вопроса о том, почему он оставил свою армию; ибо все боялись ответа, которого у них были все основания ожидать. Его пригласили принять участие в общественном обеде, и он согласился. Собрание было великолепным, а прием восторженным, но его поведение было холодным и сдержанным. Провозгласив в качестве тоста "союз всех партий" — зловещие слова из этих уст, — он удалился рано вечером.

Некоторое время он продолжал избегать общественного внимания, возобновив, по-видимому, ту же прилежную и уединенную жизнь, которую вел, когда в последний раз был в Париже. Было, однако, отмечено, что, когда его узнавал народ, он принимал их приветствия с необычайной приветливостью; и что если он встречал какого-нибудь старого солдата итальянской армии, он редко упускал возможность вспомнить этого человека и взять его за руку.

Находясь в Египте, Бонапарт был измучен некоторыми слухами о поведении Жозефины в его отсутствие в Париже. Она покинула столицу с целью встретиться с ним на пути туда, как только станет известно о его прибытии во Фрежюс; но, отправившись по бургундской дороге, в то время как он ехал по лионской, разминувшись с ним. Когда она наконец присоединилась к нему в Париже, он принял ее с подчеркнутой холодностью; но через несколько дней ходатайства и объяснения друзей восстановили гармонию между ними. Он остро ощущал, говорит Де Бурьен, пагубные последствия, которые должны были вызвать внутренние разногласия в тот момент,

когда вся Франция ожидала, что он примет главное участие в какой-нибудь великой политической революции.

Всеобщий энтузиазм, который проявился к его персоне во время этого кризиса, по-видимому, в конце концов придал определенную форму его амбициям. Казалось, все партии в равной степени устали от Директории и требовали решительного вмешательства непревзойденного солдата. Члены пошатнувшегося правительства были сильно разобщены между собой; *иумеренные* во главе с директором Сийесом, с одной стороны, и *демократы* во главе с директором Баррасом, с другой, были одинаково склонны обратиться к нему за помощью. Он получил предложения обеих сторон; и, наконец, решил согласиться с предложениями первых, поскольку они состояли из класса людей, менее склонных, чем другие, препятствовать его мерам, — когда будет сформировано новое правительство, которое, по его мнению, должно было быть *его*, сформировано. Его брат Люсьен, недавно избранный президентом Совета пятисот, проницательный и энергичный аббат Сийес, к которому, как к "системному человеку", Бонапарт прежде испытывал большое отвращение, но которого теперь эффективно рекомендовали из—за предполагаемого отсутствия у него высоких амбиций, и Фуше, министр полиции, были его главными доверенными лицами; и ни одна эпоха или страна не могли предоставить инструментов, более превосходно подходящих для его целей. Жозефина тоже неумоимо применяла в его деле все искусство обращения и ухитрялась нейтрализовать лестью многих, кого не удалось заручиться обещаниями. Тем временем его дом часто посещали высшие офицеры, сопровождавшие его из Египта, и другие, кто служил в его итальянских кампаниях; и хотя никто не претендовал на то, чтобы сказать, что должно было произойти, по всему Парижу распространилось впечатление, что приближается какое-то великое и решающее событие, и что оно должно быть осуществлено с помощью Бонапарта.

Его друзья сначала занимались планами сделать его членом директорского корпуса; но закон, требующий, чтобы каждый кандидат на этот пост был старше сорока лет, все еще действовал; и это представляло собой препятствие, которое Наполеон предпочел скорее обойти, чем преодолеть. Заговорщиков, пользовавшихся его доверием, становилось день ото дня все больше, и не успел он пробыть в Париже и трех недель, как дерзость достигла апогея. "Во время этого кризиса, — пишет Бурьен, — не произошло ничего ни на йоту более возвышенного, более грандиозного, более благородного, чем наблюдалось в наших предшествующих революционных волнениях. В этих политических интригах все настолько отвратительно — настолько состоит из обмана, лжи, шпионажа, вероломства и наглости, — что ради чести человеческой детали должны быть похоронены под вечной завесой".

Сийес безраздельно управлял одним из своих коллег по Директории, Дюко; и партия, главой которой он был, имела сильное влияние, как уже упоминалось, в Совете старейшин. Соответственно, именно с помощью этого совета заговорщики решили нанести свой первый удар. И насколько хорошо были спланированы их действия, достаточно ясно видно из самого откровенного изложения событий 18 и 19 Брюмера (10 и 11 ноября 1799 г.) в порядке их возникновения.

Как только стало известно о прибытии Бонапарта, три драгунских полка, составлявшие часть парижского гарнизона, подали прошение о чести быть представленными ему на смотр. Он обещал сделать это, но отложил назначение дня. Подобным же образом сорок адъютантов Национальной гвардии Парижа (которую, как мы видели, он перестроил, будучи генералом

внутренних дел) попросили разрешения посетить его и поздравить с прибытием: им также было сказано, что он вскоре назначит время для их приема. Наконец, офицеры гарнизона и многие другие послали просить о допуске к Наполеону, чтобы выразить ему свое восхищение и привязанность; и им также был дан ответ того же рода.

Вечером 17 Брюмера все вышеупомянутые офицеры получили по отдельности приглашение генерала прибыть к нему домой на *улицу Виктуар* в шесть часов следующего утра; а трем драгунским полкам было приказано сесть на коней для смотра в тот же ранний час на *Елисейских полях*. Сколько из этих лиц знало истинную цель собрания, сказать невозможно; но Моро, Макдональд и другие генералы с безупречной репутацией, открыто преданные умеренным движениям, были в числе тех, кто присутствовал, — без сомнения, они получили достаточное представление о том, что кризис близок, хотя и не о том, каким образом Бонапарт планировал его прекратить. Однако в назначенный час драгуны были на своем посту на Елисейских полях; и стечение офицеров в резиденции Наполеона было так велико, что, поскольку дом был небольшим, он принял их во дворе перед ним, который они полностью заполнили.

Среди тех, кто пришел туда, был Бернадотт; но он, конечно, пришел, не имея никакого точного представления о целях своего друга Жозефа Бонапарта, который пригласил его. Он был, после Наполеона, генералом, обладавшим наибольшим влиянием в тот период в Париже; фактически, судьба правительства зависела от того, одна ли партия в Директории первой призовет его вмешаться, или другие бросятся на Бонапарта. Он пришел; но, в отличие от остальных, он пришел не ни в военной форме, ни верхом на лошади. Когда его ввели в личные покои Наполеона, ему сообщили, без особых предисловий, что необходима смена правительства, которая должна произойти в тот же день. Бернадотт уже была облапошена Сийесом и Дюко, и он отверг лесть Наполеона так же, как и их. Бонапарте было хорошо известно, что, последуй совету этого великого офицера, он немедленно по прибытии из Египта был бы арестован как дезертир со своего поста; теперь он тщетно пытался заручиться его сотрудничеством и, наконец, позволил ему уехать, с трудом вынудив обещание, что тот, по крайней мере, не предпримет ничего против него *как гражданина*. Вскоре станет ясно, что у него могло быть мало оснований опасаться вмешательства Бернадотта в его военные возможности.

В действительности Совет старейшин собрался в то же утро в Тюильри, рано в семь часов; один из заговорщиков немедленно заявил, что спасение государства требует энергичных мер, и предложил принять два декрета для их принятия: один, согласно которому заседания законодательных органов должны быть немедленно перенесены в замок Сен-Клу, в нескольких милях от Парижа; и другой, по которому Наполеон получает верховное командование всеми войсками в столице и ее окрестностях, включая Национальную гвардию. Это ходатайство было немедленно исполнено, и в течение нескольких минут Бонапарте среди своей боевой роты получил объявление о своих новых полномочиях. Он немедленно вскочил на коня и поехал в Тюильри, где, будучи представлен в совете вместе со всем своим штабом, произнес эти памятные слова — "Вы - мудрость нации: я прихожу, окруженный генералами Республики, чтобы обещать вам их поддержку. Давайте не будем терять время на поиск прецедентов. Ничто в истории не напоминало конец восемнадцатого века — ничто в восемнадцатом веке не напоминало этот момент. Ваша мудрость разработала необходимую меру; наши руки приведут

ее в исполнение". Были приняты меры к тому, чтобы не посылать повестки членам совета, которых заговорщики считали решительно враждебными их планам; тем не менее некоторые начали громко роптать из-за такого тона. "Я иду, - сурово повторил Наполеон, - я иду в сопровождении Бога Войны и Бога Удачи". Его друзья были встревожены, как бы это насилие не вызвало бурной реакции в собрании, и убедили его уйти. "*Пусть те, кто любит меня, следуют за мной*" - сказал он и тотчас же снова вскочил на коня. "По правде говоря, - говорит Де Бурьен, - я не знаю, что произошло бы, если бы президент, увидев удаляющегося генерала, воскликнул: "*Гренадеры, никого не выпускайте*". Я убежден, что вместо того, чтобы спать на следующий день в Люксембургском дворце, он закончил бы свою карьеру на *площади Революции*".

О командовании, возложенном на Наполеона, было немедленно объявлено солдатам; и они восприняли это известие с энтузиазмом — масса, конечно, мало понимала, к чему в такой момент сводится такая власть.

Тем временем трое директоров, которые не были посвящены в секрет и которых немало позабавило, что их коллега Сийес часом или двумя раньше выехал верхом из Люксембурга, начали понимать, что предвещала эта своевременная демонстрация неуклюжего владения лошадью аббатом. Один из них, Мулен, предложил послать батальон, чтобы окружить дом Бонапарта и арестовать его. Их собственная охрана посмеялась над ними. Бонапарт был уже в Тюильри, окруженный множеством войск; и Директорская гвардия, вызванная одним из его адъютантов, немедленно двинулась туда же, оставив Люксембург на его милость. Баррас послал своего секретаря с увещеваниями. Наполеон принял его с высокомерием. "Что вы сделали, - воскликнул он, - для той прекрасной Франции, которую я оставил вам такой процветающей? Ради мира я нахожу войну; ради богатства Италии - налоги и нищету. Где 100 000 храбрых французов, которых я знал, — где спутники моей славы?— Они мертвы". Баррас, который хорошо знал, что Бонапарт никогда не простит ему хвастовства о том, что завоеватель Италии и Египта всем обязан его ранней благосклонности, и чье позорное личное поведение по статьям о взяточничестве и поборах заставляло его дрожать при мысли об импичменте, подал в отставку; то же самое сделали его коллеги, Гойе и Мулен. Сийес и Дюко уже сделали это. Бернадотт, действительно, отправился в Люксембург еще до того, как Мулен и Гойе подали в отставку, и предложил свою шпагу и влияние при условии, что они выдвинут его на командование войсками совместно с Наполеоном. Они колебались: его честное слово, данное Бонапарту, что он ничего не будет делать *как гражданин*, делало необходимым, чтобы они предприняли этот решительный шаг; поступив так, они, по крайней мере, предоставили бы солдатам справедливый выбор — они колебались — и их власти пришел конец. Люксембург немедленно был взят под охрану войсками, которым Наполеон мог безоговорочно доверять. Директории больше не было.

Баррас в своем письме сказал, что "он вступил в должность исключительно с целью служения делу свободы, и что теперь, видя судьбы Республики в руках ее молодого и непобедимого генерала, он с радостью подал в отставку". Этим придворным согласием он искупил вину за прошлое и получил свободу удалиться в свою загородную резиденцию, чтобы там наслаждаться огромным состоянием, которое он накопил таким скандальным образом. Двое других пока оставались под наблюдением.

В десять часов того же утра собрался и враждебный Совет из пятисот человек, которые с удивлением и негодованием узнали об указе, по которому их заседания были перенесены из Парижа (места их массового влияния) в Сен-Клу. Однако у них не было возможности оспорить этот пункт: они расстались с криками *"Да здравствует Республика! Да здравствует Конституция!"* и подстрекали толпу, своих союзников, собраться на следующее утро на новой арене действий — где, было очевидно, эту военную революцию нужно либо повернуть вспять, либо довести до конца. Остаток дня Наполеон оставался в Тюильри: войска были при оружии; население, затаив дыхание, с тревогой ожидало наступления решающего дня. Сильный отряд солдат двинулся к Сен-Клу по приказу Мюрата.

Члены обеих ассамблей отправились туда ранним утром 19-го; и представители противоположной стороны с ужасом наблюдали за военным окружением Замка. Разбросанные группами по дворам и садам, окруженные городской толпой и под присмотром Мюрата и его суровых ветеранов, они с нетерпением ожидали открытия дверей, которое, вследствие некоторых необходимых приготовлений, произошло только в два часа дня.

Совет Древних был препровожден в Галерею Марса, и, поскольку меньшинство к этому времени оправилось от своего удивления, немедленно начались бурные дебаты, касающиеся событий предыдущего дня. Бонапарт вошел в комнату и, с разрешения почтенного президента, обратился к собранию. "Граждане, - сказал он, - вы стоите над вулканом. Пусть солдат откровенно скажет правду. Я был спокоен в своем доме, когда этот совет призвал меня к действию. Я подчинился: я собрал своих храбрых товарищей и поставил оружие моей страны на службу вам, кто является ее главой. Нам платят клеветой — они говорят о Кромвеле, о Цезаре. Если бы я стремился к власти, у меня уже была такая возможность. Клянусь, во Франции нет более преданного патриота. Нас окружают опасности. Давайте не будем рисковать преимуществами, за которые мы так дорого заплатили — Свободой и равенством! —"

Член демократической партии Линглет добавил вслух: "и Конституция..."

"Конституция! — продолжал Наполеон. — она уже трижды нарушалась - все партии ссылались на нее - каждая по очереди попирала ее: поскольку это уже невозможно сохранить, давайте, по крайней мере, сохраним ее основы — Свободу и Равенство. Я полагаюсь только на вас. Совет пятисот восстановил бы Конвент, народные волнения, эшафоты, царство террора. Я спасу вас от подобных ужасов — я и мои храбрые товарищи, чьи мечи и шапки я вижу у дверей этого зала; и если какой-нибудь наемник из пратера заговорит о преступлении вне закона, я обращусь к этим мечам ". Подавляющее большинство было с ним, и он покинул их под громкие крики *"Да здравствует Бонапарт!"*

Совсем иная сцена разыгрывалась во враждебном собрании Пятисот человек. Когда его члены, наконец, добрались до Оранжереи, отведенного для них помещения, со всех сторон поднялся шум. *Да здравствует Конституция! Конституция или смерть! Долой диктатора!* — таковы были зловеющие крики. Председатель Люсьен Бонапарттщетно пытался восстановить порядок: умеренные ораторы совета с таким же безуспешным успехом пытались добиться того, чтобы их выслушали. Член демократов, наконец, добился минуты молчания и предложил совету возобновить, каждый по отдельности, присягу на верность Конституции *третьего* года. На это было дано согласие, и напрасная церемония, ибо это было не более чем занятое время, которое можно было бы использовать совсем по-другому. Однако, подавленные шумом, лучшие друзья Наполеона, даже его брат Люсьен, принесли присягу. Затем было вручено заявление Барраса

об отставке, которое было встречено с криками презрения. Момент настал; сам Наполеон в сопровождении четырех гренадеров вошел в зал — двери оставались открытыми, а за его спиной в плотном строю виднелись плюмажи и шпаги. Его гренадеры остановились у двери, и он в одиночестве двинулся к центру галереи. Затем поднялся яростный крик — *Обнаженные мечи в святилище законов! Вне закона! Вне закона! Пусть его объявят предателем! Неужели ради этого ты одержал столько побед?* Многие члены парламента бросились на незваного гостя, и, если мы можем доверять его собственному рассказу, корсиканский депутат по имени Арена приставил кинжал к его горлу. Во всяком случае, существовала такая видимость личной опасности, что стреляли гренадеры у него за спиной. Они бросились вперед и вытащили его, почти бездыханного; и один из них (Томе) был, по крайней мере, вознагражден тем, что получил рану, предназначавшуюся генералу.

По-видимому, следует признать, что в этот момент железные нервы Бонапарта в кои-то веки дрогнули. С опасностями поля боя он был знаком — чтобы передать совершенное хладнокровие своего поведения в течение большей части этого самого дня, говорит его секретарь — *"он был спокоен, как в начале большого сражения"*; но он не был готов к проявлениям этого гражданского гнева. Он вышел, пошатываясь и заикаясь, из толпы солдат и сказал: "Я предложил им победу и славу, а они ответили мне кинжалами".

Сийес, опытный наблюдатель подобных сцен, все еще находился при дворе верхом на лошади и быстро переубедил его. Генерал Ожеро подошел всего через минуту и сказал: "Вы сами поставили себя в неприятное положение". "Ожеро, - ответил Наполеон (снова ставший самим собой), - при Арколе дела обстояли хуже. Успокойтесь: все это скоро исправится само собой". Затем он обратился с речью к солдатам. "Я привел тебя к победе, к славе, к величию. Могу ли я рассчитывать на тебя?" "Да, да, мы клянемся в этом" (таков был ответ, рвавшийся из каждой строчки), *"Да здравствует Бонапарт!"*

Тем временем в совете усилилось волнение из-за отступления Наполеона. Поднялся всеобщий крик о признании его вне закона, и Люсьен, председатель суда, тщетно взывал к природным чувствам, требуя, чтобы его выслушали как защитника своего брата, вместо того чтобы ставить этот вопрос на голосование. Он получил громогласный отказ и в негодовании сорвал с себя знаки отличия своей должности. Еще раз вошли несколько гренадеров и тоже вынесли его оттуда.

Люсьен застал солдат снаружи в сильном возбуждении. Он немедленно вскочил на коня, чтобы его было лучше видно и слышно, и воскликнул: "Генерал Бонапарт, и вы, солдаты Франции, председатель Совета Пятисот объявляет вам, что мятежные люди с кинжалами прерывают заседания сената. Он уполномочивает вас применить силу. Ассамблея пятисот распущена".

Наполеон пожелал, чтобы Ле Клерк выполнил приказ президента, и тот с отрядом гренадеров немедленно вошел в зал. Под повторяющиеся крики *"Да здравствует Республика"*, которыми приветствовалось их появление, на трибуну взошел адъютант и приказал собранию разойтись. "Таковы, - сказал он, - приказы генерала". Некоторые повиновались; другие возобновили свои крики. Барабаны заглушили их голоса. - Вперед, гренадеры, - скомандовал Ле Клерк, и солдаты, выровняв свои орудия, словно для атаки, двинулись вперед. Когда оцетинившаяся штыками шеренга наконец приблизилась, депутаты пали духом, и большая их часть, сорвав с себя шарфы, с весьма недостойной быстротой бросилась бежать через окна. Квартира была очищена. Таким образом, Бонапарте, как и Кромвель до него,

"Выгнал членов клуба и плотно запер дверь".[31]

Некоторые из его военных товарищей предложили ему расстреливать недружелюбных законодателей, человека за человеком, по мере того, как они отступали через сады; но он ни на минуту не захотел их слушать.

Люсьен Бонапарт собрал теперь *умеренных* членов Совета пятисот; и это незначительное меньшинство, приняв характер собрания, общалось с Древними на таких условиях взаимопонимания, что уже не составляло труда придать событиям дня желаемую окраску. В прокламации было объявлено, что сцена насилия и шумихи, а также кинжалы и пистолеты банды заговорщиков в Совете Пятисот подсказали, к каким мерам в конечном счете прибегли. Они заключались в том, что оба совета были отложены до середины февраля следующего года; а тем временем вся государственная власть была передана временному *консульству*, консулами которого были Наполеон Бонапарт, Сийес и Дюко.

Так закончилось 19 Брюмера. Одна из величайших революций в мировой истории была совершена, несомненно, с помощью мечей и штыков, но все же без какого-либо кровопролития. С этого часа судьба Франции была решена. Аббат Сийес, Талейран и другие выдающиеся гражданские лица, приложившие руку к событиям этого великого дня, никогда не сомневались, что при новом положении вещей, к которому это должно было привести, им предстояло возглавить гражданские дела Франции. Они не сомневались, что честолюбие Бонапарта будет удовлетворено контролем над армиями и военными учреждениями Республики. Но они не принимали в расчет своего хозяина. На следующий день три консула встретились в Париже, и возникла продолжительная дискуссия, касающаяся внутреннего состояния и внешних отношений Франции, а также мер не только военного характера, но и финансовых и дипломатических, к которым следует прибегнуть. К удивлению Сийеса, Наполеон охотно и широко затрагивал подобные темы, демонстрировал совершенное знакомство с ними в мельчайших деталях и предлагал решения, которые невозможно было не одобрить. "Господа, - сказал аббат, добравшись до своего дома, где его ожидали Талейран и другие, — и нетрудно представить, с каким чувством Сийес произнес эти слова, а Талейран услышал их. — Господа, я вижу, что у вас появился хозяин. Буонапарте может делать и будет делать все сам. Но (добавил он после паузы) "лучше подчиниться, чем вечно затягивать разногласия".

На следующее утро Бонапарт известил *Го́йе* и *Мулена*, что они свободны. Эти бывшие директора поспешили скрыться от посторонних глаз, и в тот же вечер новый правитель вступил во владение Люксембургским дворцом.

ГЛАВА XIV

Временное консульство—Реформы во Франции—Усмирение шуанов—Конституция VIII года.—Главный консул Буонапарте.

Верхняя часть населения Парижа наблюдала за бурными днями 18-го и 19-го Брюмера с самыми тревожными опасениями, что их концом станет анархия и восстановление правления

террора. Таков, по всей вероятности, был бы результат, если бы Бонапарте потерпел неудачу после того, как однажды попытался нанести свой удар. Его успех открывал перспективу победы за границей и твердого и стабильного правительства внутри страны, при котором жизнь и имущество могли бы существовать в безопасности; и, вконец утомленные столькими революциями и конституциями, каждая из которых, в свою очередь, притворялась чем угодно и заканчивалась ничем, кроме неразберихи, огромное большинство нации было вполне готово рассматривать любое правительство как благословение, которое, казалось, покоилось на прочной основе, и справедливо претендовало на долговечность. Революционная лихорадка в сердцах большинства людей к этому времени истратила свои силы; и с тех пор Бонапарте не встречал особого сопротивления ни одной из своих мер, за исключением случаев, когда его администрация посягала на существенные личные удобства людей, а не на абстрактные теории или догмы, и даже на политические права неоспоримой ценности.

Обе палаты, разойдясь, назначили небольшие комитеты для консультаций во время перерыва с новыми главами исполнительной власти; и, действуя совместно с ними, Буонапарте и Сийес энергично взялись за выполнение великой задачи восстановления доверия и мира внутри страны. Неразбериха с финансами была самым насущным из многих невыносимых зол, и первый день был посвящен им. Вместо принудительных займов, которыми Директория систематически бичевала народ, все регулярные налоги были сразу подняты на 25%, а получение и расходование доходов налажено на деловой основе. Отмена "Закона о заложниках" — тиранического акта, по которому родственники эмигрантов несли ответственность за поведение своих изгнанных родственников, — последовала незамедлительно и была встречена всеобщим одобрением. Третьей и более смелой мерой был отказ от языческих ритуалов и повторное открытие церквей для христианского богослужения; и в этом заслуга всецело Наполеона, которому пришлось выступить против *философских* предрассудков почти всех своих коллег. В своих беседах с ними он не делал попыток представить себя верующим в христианство, но настаивал на необходимости обеспечить людей регулярными средствами богослужения везде, где это необходимо для обеспечения состояния спокойствия. Священники, решившие принести присягу на верность правительству, были вновь допущены к своим обязанностям; и за этой мудрой мерой последовало присоединение не менее 20 000 из этих служителей религии, которые до сих пор томились в тюрьмах Франции. Камбасерес, превосходный юрист и судья, оказал большую услугу Наполеону в проведении этих благотворных реформ.

В этом месте можно было бы упомянуть о многих других разумных мерах. Некоторые эмигранты, выброшенные на берег в результате кораблекрушения, были заключены в тюрьму и преданы суду Директории. Они были немедленно освобождены; и точно так же Лафайет и другие выдающиеся революционеры, которые были сосланы за то, что не придерживались всех диких идей предыдущих администраций, были немедленно отозваны. Карно был одним из них: Бонапарт немедленно поставил его во главе военного министерства, и реформа армии была проведена с энергией, которой можно было ожидать от совместного умения и таланта временного главы правительства и этого опытного министра. Неразбериха, царившая в последнее время в этом департаменте, была чрезвычайной. Правительство даже не знало о существовании полков, сформированных в провинциях: оружие, одежда, дисциплина во всех отношениях были в пренебрежении. Организация армии была очень быстро исправлена.

Затем внимание привлекли мятежные шуаны, и здесь личный характер Наполеона дал ему преимущества первостепенной важности. Предводители этих храбрых отрядов были склонны рассматривать такого солдата как правителя, совершенно не похожего на люксембургскую пентархию, и их восхищение его личностью подготовило их к тому, чтобы выслушать его условия. Первые меры нового правительства, очевидно, были рассчитаны на то, чтобы смягчить их предрассудки, а общая демонстрация энергии во всех ветвях администрации - на то, чтобы внушить им благоговейный страх. Шатийон, Д'Антишан, Сюзанне и другие вожди-роялисты подчинились по форме. Бернье, ведущий священник Вандеи, последовал тому же курсу и стал приобретением еще большей ценности. Другие выстояли; но вскоре были подробно разбиты, преданы суду и казнены. Признаки возвращающегося спокойствия были общими и весьма желанными.

Однако некоторые из партии, побежденной 18 Брюмера, все еще оставались в Париже и были заняты подготовкой новых потрясений. Поэтому все министры посоветовали приговорить их к изгнанию; были составлены и опубликованы списки запрещенных. Но Бонапарте хотел только внушить страх этим людям: никто не был схвачен; некоторое время они хранили молчание, и эдикт об изгнании мало-помалу канул в лету.

Между тем было необходимо, чтобы само правительство приняло какую-то постоянную форму, прежде чем придет время для повторного собрания законодательных органов. Оба их комитета собрались в одном зале с консулами, и Сийес, пользовавшийся репутацией величайшего из ученых политиков, представил им наброски новой конституции. Аббат, однако, вскоре понял, что Наполеон должен был быть настоящим творцом всего, что должно было быть принято; и в ходе последовавших консультаций шаг за шагом подчинялся немногословному Диктатору, который принимал или отвергал предложения в точности в той мере, в какой они совпадали или расходились с его собственными представлениями о его личных интересах. Его мало заботило, каким образом может быть организована структура будущих представительных собраний; но не должно быть ослабления исполнительной власти, которую он был полон решимости возложить фактически на себя одного и с помощью которой, он не сомневался, было бы легко нейтрализовать все другие влияния.

Аббат-метафизик предложил схему, слишком утонченно сложную для человеческого бизнеса и человеческих страстей. Абсурдность даже тех деталей, которые Наполеон согласился принять, стала очевидной для всех, когда машина была приведена в движение. Два наиболее выдающихся и своеобразных приема, а именно: назначение во главе государства своего рода псевдовластителя, лишенного какой-либо реальной власти и способного в любое время быть низложенным голосованием единственного законодательного органа под титулом великого КУРФЮРСТА; и, во-вторых, передача реальной исполнительной власти двум отдельным консулам, одному для ведения войны и одному для заключения мира, номинально стоящим ниже курфюрста, но по влиянию обязательно стоящим значительно выше его и почти столь же обязательно соперникам и врагам друг друга; эти изобретательные близнецы были задушены при рождении. благодаря проницательному практическому чутью Наполеона. "Кто, - сказал он, - согласился бы занять должность, единственной обязанностью которой было откармливать, как свинью, столько миллионов в год? А два ваших консула — один, окруженный церковниками, юристами и гражданскими лицами, — другой, окруженный солдатами и дипломатами, — на какой основе строились бы их отношения? один требует денег и рекрутов, другой отказывается от поставок? Правительство, состоящее из таких разнородных и противоречивых материалов,

было бы тенью государства ". Он добавил два слова, которые сразу решили главный вопрос: "Я, например, никогда не стал бы вашим Великим избирателем".

Конституция, фактически провозглашенная прокламацией 14 декабря 1799 года, представляет следующие основные черты. I. Граждане мужского пола, достигшие совершеннолетия и платящие налоги, в каждой *коммуне* должны выбрать десятую часть своего числа в качестве знати коммуны; и из этих знатных лиц должны быть назначены должностные лица коммуны. II. Знатные люди коммун, составляющих *департамент*, должны аналогичным образом выбрать десятую часть от своего числа в качестве знати департамента; и из них должны быть назначены должностные лица департамента. III. Нотабли всех департаментов должны таким же образом выбрать десятую часть от своего числа в качестве нотаблей Франции; и из них должны быть выбраны государственные служащие *государства*. IV. Три ассамблеи будут состоять из лиц, выбранных из числа знати Франции, а именно: -1. *Консервативный сенат*, состоящий (на первых порах) из двадцати четырех человек в возрасте сорока лет, которые будут занимать свои должности пожизненно и получать каждому жалованье, равное 1/20-й части жалованья главного консула: 2. *Трибунал*, состоящий из 100 человек в возрасте двадцати пяти лет и старше, из которых 1/5-я ежегодно увольняется, но может быть переизбрана на неопределенный срок; жалованье каждому в размере 15 000 франков (625 фунтов стерлингов); и в-третьих, *Законодательный сенат*, состоящий из 300 членов, тридцатилетнего возраста, продлеваемый на пятую часть каждый год и имеющий жалованье в размере 10 000 франков (416 фунтов стерлингов). V. Исполнительная власть принадлежит трем консулам, избираемым индивидуально, в качестве главного консула, второго и третьего; два первых сроком на десять лет, последний - на пять. VI. Для того чтобы у управления делами было время наладиться, трибунал и законодательный сенат остаются в первоначальном составе в течение десяти лет без каких-либо перевыборов. VII. С той же целью, чтобы избежать дискуссий во время нестабильного общественного мнения, большинство членов консервативного сената в настоящее время назначено консулами Сийесом и Дюко, которые покидают свои должности, а консулы Камбасерес и Лебрен вот-вот вступят в должность; они будут считаться должным образом избранными, если общественность *согласится*; и приступят к пополнению своего числа и выдвижению членов трибунала и законодательного сената. VIII. Законодательные акты должны предлагаться консулами: трибунал должен обсуждать и предлагать их законодательному сенату, но не *голосовать*: законодательный сенат должен заслушивать трибунал и голосовать, но не *обсуждать* себя; и акт, таким образом обсужденный и проголосованный, становится законом после промюльгации главным консулом. IX. Буонапарте назначается главным консулом, Камбасерес (министр юстиции) - вторым, а Лебрен - третьим консулом.

Было бы опрометчиво утверждать, что на практике это никогда не привело бы к созданию свободной конституции. Обстоятельства могли бы изменить его устройство и придать дух свободы институтам, которые *на первый взгляд* не были для него благоприятны. Но в настоящее время было общепризнано, что при этих новых формах государственная власть фактически должна быть сосредоточена в руках Бонапарта. Фактически он назначил себя главным консулом. Его создания выбрали консервативный сенат, а консервативный сенат должен был выбрать членов двух других ассамблей. Механизм, приведенный таким образом в движение, вряд ли мог не оставаться под его контролем; и, рассматривая вещи более широко, ухищрения, позволяющие избирательным органам в департаментах выбирать не своих действительных представителей, а только лиц, из числа которых они должны были быть выбраны

консервативным сенатом, и препятствующие законодательному сенату самостоятельно обсуждать меры, предназначенные для принятия в качестве закона, по-видимому, были придуманы с целью свести к нулю формы представительного правления.^[32] Однако консулы объявили о своем решении народу в следующих выражениях: "Граждане, Конституция основана на истинных принципах представительного правительства, на священных правах собственности, равенства и свободы. Полномочия, которые он учреждает, будут сильными и постоянными: такими они должны быть для обеспечения прав граждан и интересов государства. Граждане! Революция основана на принципах, из которых она возникла: ЕЙ ПРИШЕЛ КОНЕЦ ". И в действительности, когда по всей Франции были открыты книги, число граждан, подписавших свое согласие с этой новой конституцией, составило четыре миллиона, в то время как было зарегистрировано лишь несколько голосов против — неопровержимое доказательство того, что национальное сознание не считало никаких жертв слишком дорогими, чтобы можно было добиться спокойствия.

Обстоятельством, возможно, вызвавшим наибольшее удивление при обнародовании новой конституции, было отсутствие имени Сийеса в списке постоянных консулов. Вероятно, аббат решил уйти в отставку, как только обнаружил, что Бонапарт способен не только искалечить его идеальную республиканскую схему, но и самостоятельно выполнять все функции гражданского правителя Франции. Однако гениальный метафизик не побрезговал принять большое поместье (часть королевских владений в Версале!) и, кроме того, большую пенсию в качестве "общественного вознаграждения" — когда он удалился в сравнительную безвестность в качестве президента консервативного сената.

Одним из первых действий Бонапарта было перемещение резиденции правительства из Люксембурга в старый дворец Тюильри, "который, - многозначительно сказал он своим коллегам, - является хорошей военной позицией". 19 февраля 1800 года главный консул вступил во владение обычной резиденцией французских королей. Эти великолепные залы были вновь открыты с большой церемонией, и сразу после этого Наполеон устроил большой смотр на площади Карусель. Это было первое публичное выступление Главного консула. Вскоре после этого он появился в своем новом официальном костюме - платье из красного шелка и черном чулке. Кто-то заметил ему, что эта последняя статья не соответствует остальным: "Неважно, - ответил он, улыбаясь, - небольшие остатки военного характера нам не повредят". Примерно в то же время Бонапарте услышал о смерти Вашингтона. Он немедленно издал общий приказ, приказывающий французской армии в течение десяти дней заворачивать свои знамена в креп в честь "великого человека, который боролся против тирании и укрепил свободы своей страны".

Талейран, назначенный Бонапартом министром иностранных дел, теперь был главным партнером его советников. Второй консул, Камбасерес, вскоре научился ограничиваться министерством юстиции, а Лебрен - министерством финансов. Эффективные ветви власти почти с самого начала были захвачены Наполеоном. Тем не менее, в то время как с такой же смелостью и хитростью он быстро консолидировал элементы новой монархии в своем собственном лице, бурбонисты, как дома, так и за рубежом, все еще лелеяли надежду, что этой конечной целью было восстановление законного короля Франции. Очень скоро после 18 Брюмера одному из иностранных послов, постоянно проживающих в Париже, даже удалось добиться частной аудиенции для господ Гайда де Невиля и Дандинье, двух агентов принцев-изгнанников. Бонапарт принял их ночью в маленькой каморке Тюильри и попросил поговорить откровенно. "Вы, сэр, - сказали они, - теперь в ваших руках власть восстановить трон и вернуть

ему его законного хозяина. Скажите нам, каковы ваши намерения, и, если они совпадут с нашими, мы и все вандейцы готовы подчиниться вашим приказам". Он ответил, что возвращение бурбонов не могло быть осуществлено без чудовищной резни; что его желанием было забыть прошлое и принять услуги всех, кто был готов впредь следовать общей воле нации; но что он не будет иметь дела ни с кем, кто не был бы расположен отказаться от всякой переписки с бурбонами и внешними врагами страны. Собрание длилось полчаса, и агенты удалились с твердым убеждением, что Буонапарте никогда не перейдет на их сторону. Тем не менее, как выяснится далее, сами бурбоны еще не совсем отчаялись; и следует признать, что различные меры временного правительства были весьма вероятны для поддержания их обманчивой надежды. Мы можем, в частности, отметить изменение в национальной присяге на верность, в результате которого был полностью исключен один наиболее важный пункт, а именно, выражающий ненависть к *королевской власти*, и эдикт, согласно которому праздновался день, когда Людовик XVI. умер, был формально упразднен. Сийес, выступая против этой последней меры, случайно назвал Людовика "тираном": "Нет, нет, - сказал Наполеон, - он не был тираном: если бы он был тираном, я был бы сегодня капитаном инженерных войск, а вы служите мессу". Бурбоны были совершенно правы, рассматривая это как монархические симптомы; но проницательные наблюдатели ясно понимали, в чью пользу должны были действовать такие изменения. По-видимому, некоторые из соратников Наполеона предприняли последнюю попытку ограничить его власть, настаивая на необходимости немедленного становления во главе действующих армий; без сомнения, они ожидали больших преимуществ, если бы они удалили его с поста главы правительства в то время, когда новая машина начала приходить в нормальное движение. Он решительно отвергал все подобные предложения. "Я главный консул, - сказал он, до боли кусая ногти, - я останусь в Париже".

И действительно, для его успеха было крайне необходимо, чтобы он оставался там в эту критическую эпоху; ибо в устройстве каждой ветви нового правительства он систематически стремился для собственной безопасности уравновесить друг против друга сторонников противоположных принципов - людей, которые, сердечно объединившись, все еще могли погубить его; или, доведя свою враждебность до крайности, перевернули всю ткань его производства. Таким образом, он выбрал одного консула от республиканской партии, а другого от роялистов; любой из которых в его отсутствие мог бы поддаться искушению подорвать его влияние; тогда как и Камбасерес, и Лебрен, внушенные его присутствием, оказались в высшей степени полезными в привлечении на сторону главного консула бесчисленных людей, первоначально придерживавшихся собственного образа мыслей, но уже не таких ревностных теоретиков, чтобы противостоять доводам личного интереса - тем сильным источникам надежды и страха, которых Наполеон, находясь у власти, боялся. Тюильри держал в руках отмычку. Именно таким образом, формируя свое министерство, он объединил людей, каждый из которых ненавидел или презирал других; но каждый, несомненно, в высшей степени подходил для конкретной должности, возложенной на него; и поэтому каждый, вероятно, будет работать в своем собственном отделе, мало общаясь со своими коллегами и постоянно рассчитывая на единственную руку, которая наделила его его долей власти. Напрасно одна партия возражала против политики Талейрана с флюгером. "Пусть будет так, - ответил главный консул. - Но он самый способный министр иностранных дел из всех, кого мы выбрали, и я позабочусь о том, чтобы он проявил свои способности". Карно, в аналогичной манере, вызывал возражения как убежденный республиканец. "Республиканец или нет, - ответил Наполеон, - он один из последних французов, которые хотели бы видеть Францию расчлененной. Давайте

воспользуемся его непревзойденными талантами в военном министерстве, пока он готов предоставить их в наше распоряжение ". Все партии в равной степени протестовали против лжи, двуличия и, по сути, признанного распутства Фуше. "Фуше, - сказал Бонапарт, - и только Фуше способен руководить министерством полиции: он один прекрасно осведомлен обо всех группировках и интригах, которые сеяли нищету по всей Франции. Мы не можем создавать людей: мы должны брать таких, каких найдем; и легче изменить в зависимости от обстоятельств чувства и поведение способного слуги, чем поставить его на место". Таким образом, он систематически использовал все, что могло быть полезным, с равной уверенностью рассчитывая на честолюбие одного человека, честность второго и жадность третьего; и в настоящее время (это было все, о чем он беспокоился) результаты каждого из рассматриваемых экспериментов были оправданы.

Невозможно отказать в похвале непревзойденному благоразумию и мастерству этим, как, впрочем, и всем действиям Бонапарта в этот великий переломный момент его истории. Секрет всей его схемы раскрывается в его собственных запоминающихся словах Сийесу: "Мы создаем новую эпоху — из прошлого мы должны забыть плохое и помнить только хорошее". С того дня, когда было сформировано консульское правительство, началась новая эпоха. Подчинитесь этому правительству, и никому не нужно будет бояться, что его прежние поступки, а тем более мнения, окажутся каким-либо препятствием для его безопасности — более того, для его продвижения по службе. Отныне цареубийца мог отбросить всякий страх перед местью Бурбонов; покупатель конфискованного имущества мог быть принесен в жертву вернувшимся дворянам; при условии только, что они предпочтут отказаться от своих теорий и подчиниться. С другой стороны, для роялиста Бонапарт открывал перспективу, на самом деле не реставрации Бурбонов, а восстановления монархической формы правления и всех сопутствующих придворных; для церковника храмы были немедленно открыты; и в перспективе предлагалось восстановление иерархической структуры во всем ее богатстве, великолепии и мощи. Тем временем великое и вопиющее зло, из которого на самом деле возникла революция, было навсегда уничтожено. Отвратительному разделению каст пришел конец. Политической свободы, возможно, больше не существовало; но гражданская свобода — равенство всех французов перед законом — была установлена или казалась установленной. Отныне все люди должны вносить свой вклад в государство в меру своих средств: все люди обращаются в одни и те же суды; и ни один человек, даже самого низкого происхождения, не мог сказать, что во Франции есть хоть один влиятельный или достойный пост, до которого талант и труд никогда не смогли бы его возвысить. Вскоре после того, как Наполеон завладел Тюильри, *Мюрат*, который долгое время был любовником его сестры Каролины, потребовал ее руки. Галантность и военные таланты этого красивого офицера уже возвысили его до выдающегося звания в армии, и Жозефина горячо поддерживала его интересы; но Бонапарта с трудом удалось убедить дать согласие на брак. "Мюрат - сын трактирщика, — сказал он. - При том положении, до которого меня возвели события, я не должен смешивать свою кровь с его". Эти возражения, однако, были преодолены обращением Жозефины, которая считала собственных братьев Наполеона своими врагами и не без оснований стремилась получить дополнительную поддержку в семье. С этого времени ее влияние, по-видимому, оставалось непоколебимым, хотя ее расточительность и неизлечимая привычка влезать в долги послужили поводом для множества неприятных сцен между ней и самыми методичными представителями человечества.

ГЛАВА XV

Главный консул пишет королю Англии—Ответ лорда Гренвилла—Наполеон проходит Великого Святого Бернара—Взятие Сен—Барда—Осада Генуи—Битва при Монтебелло—Битва при Маренго—Наполеон возвращается в Париж—Адская машина—Битва при Гогенлиндене-Люневильский мирный договор.

Многое уже было сделано для внутреннего успокоения Франции, но было очевидно, что результат не мог быть идеальным до тех пор, пока война, которая так долго бушевала на двух границах страны, не будет прекращена. Судьба последних двух лет сильно отличалась от судьбы славных кампаний, закончившихся договором — или перемирием, как его правильнее было бы назвать, — в Кампо-Формио. Австрийцы вернули себе север Италии и уже угрожали савойской границе, намереваясь двинуться в Прованс и там поддержать новое восстание роялистов. Силы, противостоявшие им в этом квартале, значительно уступали по численности и состояли из остатков армий, раз за разом побеждаемых Суварроу. Австрийцы и французы были более близки к равновесию на рейнской границе, но даже там оставалось достаточно места для беспокойства. В целом, величественное настроение, в котором Бонапарт покинул Республику, отправляясь в Египет, было заменено на гораздо более скромное; и, фактически, как уже упоминалось, общее уныние нации из-за этих неудач послужило сигналом к честолобию Наполеона. Если дома требовалась сильная рука, то не менее глубоко ощущалась необходимость иметь генерала, который мог бы вернуть победу трехцветным знаменам на поле боя. И отсюда решающая революция Брюмера.

Тем временем один из союзников Австрии фактически отказался от нее. Российский император Павел, возмущенный стилем, в котором поддерживалась его армия под командованием Суворова, вообще отозвал ее с поля ее побед; и этот безрассудный автократ, случайно проникшийся личным восхищением Бонапартом, вряд ли в настоящее время мог быть возвращен в антигалликанскую лигу. Англия казалась непоколебимой в своем деле; но оставалось доказать, что оказало большее влияние на чувства правительства Сент-Джеймса: провал ее экспедиции в Голландию под командованием герцога Йоркского или знаменательный успех ее военно-морских сил в Средиземном море под командованием лорда Нельсона. В первом случае Наполеон мог ожидать, что его продвижение к переговорам в его новом качестве главного консула будет воспринято с большей благосклонностью, чем его предшественники из Директории относились к последним предложениям английского кабинета, сделанным лордом Малмсбери. Он решил удостоиться чести провести эксперимент, по крайней мере, до начала кампании с австрийцами; и, отбросив, как и в предыдущем случае, [33] обычный этикет дипломатических сношений, направил письмо королю Георгу III лично, почти сразу после открытия нового консульства в Тюильри, в следующих выражениях (25 декабря 1799 г.).

*"Французская Республика—Суверенитет народа —
Свобода и равенство.*

*"Буонапарте, первый консул Республики,
его Величеству королю Великобритании*

.

"Призванный по воле французского народа занять первую магистратуру Республики, я счел уместным, приступая к исполнению своих обязанностей, сообщить о произошедшем непосредственно вашему Величеству.

"Неужели война, которая в течение восьми лет опустошала четыре четверти мира, должна быть вечной? Неужели нет места для жилья? Как могут две самые просвещенные нации Европы, более сильные и могущественные, чем это необходимо для их безопасности и независимости, жертвовать коммерческими выгодами, внутренним процветанием и семейным счастьем ради тщеславных идей величия? Откуда берется, что они не чувствуют покоя оттого, что стоят на первом месте как в желаниях, так и в славе? Эти чувства не могут быть новыми для сердца вашего Величества, который правит свободной нацией только с одной целью - сделать ее счастливой. Ваше Величество, вероятно, увидит в этой увертюре лишь мое искреннее желание во второй раз внести действенный вклад во всеобщее умиротворение — быстрым шагом, предпринятым конфиденциально и свободным от тех форм, которые, какими бы необходимыми ни были для маскировки опасений слабых государств, служат лишь для обнаружения у сильных обоюдного желания обмануть.

"Франция и Англия, злоупотребляя своей силой, могут надолго отсрочить период ее полного истощения; но я осмелюсь сказать, что судьба всех цивилизованных наций зависит от прекращения войны, пламя которой бушует по всему миру. Я имею честь быть, &c. и с.

"Buonaparte."

Очевидно, что главный консул был поразительно несведущ в английской конституции, если он действительно верил, что король (все публичные действия которого должны совершаться руками ответственных министров) может лично ответить на его письмо. Ответом была официальная нота от лорда Гренвилла, тогдашнего государственного секретаря министерства иностранных дел, адресованная Талейрану. В нем говорилось, "что у короля Англии нет цели в войне, кроме безопасности его собственных владений, его союзников и Европы в целом; он воспользуется первой благоприятной возможностью заключить мир — в настоящее время он не видит такой возможности. Одни и те же общие заявления о мирных намерениях исходили последовательно от всех революционных правительств Франции; и все они упорно придерживались поведения, прямо и заведомо противоположного их языку. Швейцария, Италия, Голландия, Германия, Египет — какие страны были в безопасности от французской агрессии? Война должна продолжаться до тех пор, пока причины, ее породившие, не перестанут существовать. Восстановление изгнанной королевской семьи было бы самым простым средством придать уверенности другим державам Европы. Король Англии ни в коем случае не претендовал на то, чтобы диктовать что-либо относительно внутреннего устройства Франции; но он был вынужден сказать, что он не видел ничего в обстоятельствах, при которых было создано новое правительство, или в принципах, на которых оно заявляло, что действует, что могло бы заставить иностранные державы считать его более стабильным или заслуживающим большего доверия, чем преходящие формы, которые оно вытеснило".

Таков был смысл знаменитой записки лорда Гренвилла. Это вызвало оживленную дискуссию в обеих палатах сразу же после заседания британского парламента; и в обоих случаях поведение министерства было одобрено очень большим большинством голосов. Однако, когда были начаты финансовые приготовления и выяснилось, что Россия больше не будет получать субсидий — или, другими словами, вышла из союза против Франции, — перспективы войны в

целом были сочтены гораздо менее благоприятными, чем они были во время этого обсуждения. Тем временем французское правительство в качестве комментария к государственному документу лорда Гренвилла опубликовало фальшивое письмо несчастного наследника дома Стюартов Георгу III с требованием передать ему английский трон, в котором теперь, когда принцип законности, казалось, был признан в Сент-Джеймском соборе, не могло быть (говорилось в пасквинаде) уважительного предлога для отказа. Можно было бы обратить внимание на некоторые другие мелочи того же характера, но истинным ответом мистеру Питту была кампания при Маренго.

Буонапарте искренне радовался результатам своих неофициальных переговоров. Это была его политика, даже более четкая, чем у его предшественников, - покупать безопасность дома сражениями и победами за границей. Национальная гордость была глубоко уязвлена во время его отсутствия, и в Европе должно было быть сделано что-то, достойное дней Лоди, Риволи и Тальяменто, прежде чем он мог надеяться прочно воссесть на свой трон. Получив ответ британского посланника, он сказал Талейрану (потирая руки, по своему обыкновению, когда бывал очень доволен): "Более благоприятного ответа и быть не могло". В тот же день, 7 января (всего через три дня после даты записки лорда Гренвилла), Первый консул издал свой указ о формировании резервной армии, состоящей из всех ветеранов, которые когда-либо служили, и нового набора в 30 000 призывников.

В это время у границ Франции было четыре армии: северная, под командованием Брюна, наблюдала за приверженцами Оранского дома в Голландии и охраняла эти побережья от любого нового вторжения из Англии; поражение герцога Йоркского позволило правительству значительно сократить свои силы. Второй была дунайская армия под командованием Журдана, которая после поражения при Штокахе была вынуждена вновь форсировать Рейн. Третья, под командованием Массены, названная армией Гельвеции, была вынуждена в предыдущей кампании эвакуировать большую часть Швейцарии; но, выиграв битву при Цюрихе у русских, теперь вновь оккупировала всю эту республику. Четвертым был тот разбитый остаток, который все еще называл себя "армией Италии". После катастрофического сражения при Геноле она в беспорядке собралась на Апеннинах и на высотах Генуи, где дух войск был уже настолько подорван, что целые батальоны массово дезертировали и отступили за Вар. Их бедствие, по правде говоря, было чрезвычайным, ибо они потеряли все средства сообщения с долиной По, а английский флот фактически блокировал все побережье как Прованса, так и Лигурии; так что, запертые среди голых скал, они терпели тяготы и лишения осажденного гарнизона.

Главный консул отправил Массену принять командование "итальянской армией" и издал по этому случаю общий приказ, который оказал магическое воздействие на умы солдат, Массена пользовался среди них большим уважением; и после его прибытия в Геную дезертиры быстро вернулись под свои знамена. В то же время Бонапарт приказал Моро принять командование двумя корпусами на Дунае и в Гельвеции и объединить их в одну великую "рейнскую армию". Наконец, место сбора "резервной армии" было назначено в Дижоне: центральная позиция, с которой Мессена или Моро могли, в зависимости от обстоятельств, получать поддержку и подкрепления; но которая на самом деле предназначалась Наполеону для прикрытия его главной цели. Ибо он уже набросал совместно с Карно план того, что обычно считается одновременно самой смелой и самой искусной из всех военных кампаний; и что, поскольку исполнение зависело от него самого, оказалось также и наиболее ослепительно успешным.

Поставив Моро во главе рейнской армии численностью 150 000 человек и, по сравнению со всеми другими, самой дисциплинированной и крупнейшей силой республики, Бонапарт продемонстрировал благородное превосходство над всеми чувствами личной зависти. Репутация этого полководца больше всего походила на его собственную, но его таланты оправдывали эту репутацию, и главный консул думал только о наилучших средствах достижения целей совместной кампании. Впоследствии Моро подвергся суровому порицанию своего хозяина за то, как он выполнил возложенное на него поручение. Ему было приказано немедленно выступить на Ульм, рискуя поставить огромную австрийскую армию под командованием Крэя между ним и Францией; но ему также было приказано выделить 15 000 своих солдат для отдельной службы по переходу в Италию через ущелья Сен-Готарда; и ему дали понять, что его делом должно быть помешать Крэю, несмотря ни на что, установить сообщение с Италией через Тироль. При таких обстоятельствах неудивительно, что генерал, у которого был хозяин, действовал более осторожно, чем это соответствовало гигантским устремлениям ничем не ограниченного Наполеона. Однако следует признать, что Моро всегда имел репутацию скорее осмотрительного, чем отважного командира. Подробности его кампании против Крея следует искать в другом месте. Самые разные помолвки происходили с самым разным состоянием. Моро, как допускают его враги, начал свои операции с переправы через Рейн в конце апреля; а 15 июля его штаб находился в Аугсбурге, и он был в состоянии либо усилить французов в Италии, либо двинуться в сердце австрийских государств, когда успех собственной экспедиции Бонапарта сделает ненужным ни то, ни другое.

Главный консул решил лично осуществить одно из самых авантюрных предприятий, известных в истории войн. Формирование резервной армии в Дижоне было простым обманом. Действительно, в этом городе собрался многочисленный штаб; и подготовка военного снаряжения шла там, как и везде, с величайшей энергией; но войска, собранные в Дижоне, были немногочисленны; и — поскольку повсеместно распространялось мнение, что это были силы, предназначенные для восстановления некогда славной армии Италии маршем к штаб-квартире Массены в Генуе, — австрийцы восприняли отчеты об их численности и внешнем виде не только с безразличием, но и с насмешкой. Бонапарт тем временем потратил три месяца на то, чтобы набрать свои армии по всей внутренней Франции; и войска, с помощью которых он намеревался изменить положение дел за Альпами, уже двигались разными маршрутами, причем каждый отряд в полном неведении о месте назначения другого, по территории Швейцарии. В этот район Бонапарт уже послал вперед Бертье, самого доверенного из своих военных друзей, и других офицеров высочайшего мастерства, с приказом разведать различные перевалы в великой альпийской цепи и произвести все другие приготовления к переходу, о котором они одни пока держали в секрете.

Государственные деятели, которые осмелились даже после Брюмера выступить против возведения Бонапарта на престол всей государственной властью, сначала (как мы видели) пытались ограничить его военным ведомством или устроить так, чтобы его приказы в гражданских делах, по крайней мере, не были абсолютными. Потерпев неудачу в этом, они тогда предложили, чтобы главный консул был неспособен возглавлять армию в полевых условиях, не отрекшись предварительно от своей должности магистрата; и, к их удивлению, Наполеон сразу же согласился с предложением, которое, как ожидалось, вызвало бы его негодование. Теперь выяснилось, сколько стоила эта оговорка, о которой шла речь. Главный консул, конечно, не мог быть главнокомандующим армией; но он мог назначить на этот пост кого ему заблагорассудится; и не было закона, запрещающего ему присутствовать лично в

качестве наблюдателя кампании. Мало что значило, что Бертье называл себя командующим, когда было известно, что в лагере находится Наполеон.

Настало время реализовать великий проект. Положение "армии Италии" стало наиболее критическим. После множества мелких столкновений ее генерал увидел, что его левое крыло (под командованием Суше) полностью отрезано от основных сил; и, в то время как Суше был вынужден отступить за Вар, где его войскам было крайне трудно оказывать сколько-нибудь серьезное сопротивление австрийцам, Массена был вынужден с остатками войск броситься в Геную. В этом городе он был быстро блокирован австрийским генералом Оттом; в то время как имперский главнокомандующий Мелас двинулся с 30 000 человек на Ниццу, которой он овладел 11 мая. Австрийцы, заставив Массену замолчать и хорошо зная слабость дивизии Суше, были вне себя от радости. Ворота Франции, казалось, наконец были открыты перед ними; и не такая резервная армия, какая вызвала веселье их шпионов в Дижоне, могла надеяться противостоять им в их давно обдуманном походе на Прованс, где Пишегрю, как они предполагали, был готов принять командование многочисленным отрядом повстанцев-роялистов, как только он получит известие об их вступлении во Францию. Но вскоре они услышали новости о другом цвете лица там, откуда они меньше всего этого ожидали, — у себя за спиной.

Главный консул оставался в Париже до тех пор, пока не получил решающую депешу Бертье из Женевы — в ней были такие слова: "Я хочу видеть вас здесь. Должны быть отданы приказы, согласно которым три армии могут действовать согласованно, и вы один можете отдать их в строю. Меры, принятые в Париже, слишком запоздали". Он немедленно покинул столицу и 7 мая появился в Дижоне, где в великолепной форме произвел смотр примерно 7000 или 8000 необузданных солдат и поручил их заботам Брюна. Австрийские шпионы получили новое удовлетворение от этого консульского смотра: тем временем Наполеон остановился в Дижоне всего на два часа и, двигаясь всю ночь, на следующий день прибыл в Женеву. Здесь его встретил Мареско, который был нанят для исследования диких перевалов Большого Сенбернара, и получил от него ужасающую картину трудностей похода армии этим путем в Италию. "Возможно ли пройти?" - спросил Наполеон, прерывая рассказ инженера. "Это едва ли возможно", - ответил Мареско. "Очень хорошо, — сказал главный консул, - *en avant*- давайте продолжим".

В то время как австрийцы думали только о границе, где Суше командовал ослабленной и обескураженной дивизией, которой, как они не сомневались, предстояло получить подкрепление за счет армии, какой она была, из Дижона, главный консул решил проникнуть в Италию, как это некогда сделал Ганнибал, преодолев все опасности и трудности самих великих Альп. Поход на Вар и Геную мог бы быть осуществлен сравнительно легко и, по всей вероятности, привел бы к победе; но простой победы было бы недостаточно. Было срочно необходимо, чтобы имя Бонапарта было окружено каким-нибудь блеском почти сверхъестественной известности; и его план приобретения этого великолепия состоял в том, чтобы, невзирая ни на что, броситься с Альп в тыл Меласа, перерезать все его коммуникации с Австрией, а затем втянуть его в конфликт, в котором, поскольку Массена и Суше были по другую сторону от него, отступление неизбежно обернулось бы крахом.

С тройной целью - облегчить сбор достаточного запаса провизии для марша, ускорить его выполнение и озадачить противника по его окончании - Наполеон решил, что его армия должна

пройти четырьмя дивизиями по стольким же разным маршрутам. Левому крылу под командованием Монси, состоящему из 15 000 человек, выделенных из армии Моро, было приказано отступить через Сен-Готард. Корпус Тюрю численностью 5000 человек двинулся в направлении горы Сени; корпус Шабрана такой же силы двинулся под командованием Маленького Сенбернара. Об основных силах, состоявших из 35 000 человек, позаботился сам главный консул; и он возложил на них гигантскую задачу преодоления с помощью артиллерии огромных заграждений Большого Сенбернара. Таким образом, вдоль Альпийской цепи — от истоков Рейна и Роны до Изера и Дюранса — в общей сложности около 60 000 человек подготовились к этому приключению. Следует добавить, если мы хотим составить справедливое представление об этом предприятии, что Наполеон хорошо знал, что ни одна треть этих людей никогда не видела настоящего выстрела.

Трудности, с которыми столкнулись Монси, Тюрю и Шабран, будут достаточно понятны из рассказа о походе самого Бонапарта. С 15 по 18 мая все его колонны были приведены в движение; Ланн с авангардом расчищал перед ними путь; генерал, Бертье и сам главный консул руководили арьергардом, который, поскольку имел при себе артиллерию, был объектом высочайшей важности. В Сен-Пьере исчезло всякое подобие дороги. Отныне армия, конная и пешая, нагруженная всем необходимым для кампании снаряжением, включая парк из сорока полевых орудий, должна была быть направлена вверх и вдоль воздушных скалистых хребтов и вечных снегов, куда привык отваживаться только пастух, охотник на серн и разбойник-контрабандист; среди пропастей, где поскользнуться — смерть; под ледниками, с которых одного мушкетного выстрела часто бывает достаточно, чтобы сорвать лавину; через бездонные пропасти, покрытые инеем или снежными заносами; и дышать полной грудью.

"Тяжелый воздух ледяной горной вершины,
Где птицы не осмеливаются строить, а крыло насекомого
Не порхает над лишенным трав гранитом".[\[34\]](#)

Транспортировка артиллерии и боеприпасов была самым трудным пунктом, и, соответственно, главный консул возложил на это свое личное руководство. Орудия демонтировались, вставлялись в стволы деревьев, выдолбленные таким образом, чтобы подходить для каждого калибра, а затем тащились дальше исключительно мускульной силой — иногда к одной пушке запрягали не менее сотни солдат. Разобранные на части повозки и колеса были подвешены к шестам и перенесены на плечах людей. Порох и дробь, упакованные в ящики из еловой древесины, составляли груз для всех мулов, которых можно было собрать на обширных территориях Альпийской страны. Эти приготовления были сделаны в течение недели, прошедшей между прибытием Бонапарта в Женеву и началом марша Ланна. Сам он иногда путешествовал верхом на муле, но в основном пешком, подбадривая солдат, на плечах которых были огромные пушки. Испытываемую усталость невозможно описать. Люди, шедшие впереди, не осмеливались остановиться, чтобы перевести дух, потому что малейшая остановка могла привести колонну в замешательство, на край смертельных пропастей; а тем, кто был в тылу, приходилось по колено проваливаться в снег и лед, втоптаные в грязь ногами и копытами предшествующих дивизий. К счастью, поход Наполеона не был омрачен, как поход Ганнибала,

нападениями живых врагов. Горцы, напротив, стекались сюда, чтобы пожать щедрые награды, которые он предлагал всем, кто был готов облегчить тяжелую работу его войск.

16 мая Наполеон переночевал в монастыре Сен-Морис, а в течение четырех следующих дней вся армия перешла реку Большой Сен-Бернар. 20-го числа сам Бонапарт остановился на час в монастыре Госпитальеров, который стоит на вершине этой могучей горы. Добрые отцы монастыря были заранее предупреждены о походе, и они снабдили каждого солдата, когда он проходил мимо, обедом из хлеба с сыром и стаканом вина; за эту уместную доброту они теперь получали горячую благодарность вождя.^[35] Именно здесь он простился с крестьянским юношей, который шел рядом с ним в качестве проводника всю дорогу от монастыря Святого Маврикия. Наполеон свободно беседовал с молодым человеком и был очень заинтересован его простотой. На прощание он расспросил проводника о некоторых подробностях своего личного положения и, услышав его ответ, дал ему денег и записку настоятелю монастыря Святого Маврикия. Крестьянин передал это соответствующим образом и был удивлен, обнаружив, что из-за обрывка письма, который он не мог прочесть, его мирские удобства должны были постоянно увеличиваться. Тем не менее объект его великодушия мало что помнил из своего разговора с консулом. Он описал Наполеона как "очень смуглого человека" (таково было влияние сирийского солнца) и с глазами, на которые, несмотря на его приветливость, он не мог смотреть без чувства страха. Единственное высказывание героя, которое он сохранил в своей памяти, было: "Я испортил шляпу среди ваших гор: что ж, я найду новую на другой стороне". Так говорил Наполеон, отжимая дождь со своего плаща по пути к приюту Святого Бернара. Гид, однако, очень поразительно описал воздействие внешнего вида и голоса Бонапарта, когда любое препятствие задерживало продвижение его солдат по этой страшной дикой местности, которую подчеркнуто называют "Долиной Запустения". Обычно было достаточно одного взгляда или слова, чтобы все снова пришло в движение. Но если путь представлял какую-нибудь новую и, по-видимому, непреодолимую трудность, консул приказывал бить в барабаны и трубить в трубы, как бы готовясь к атаке; и это никогда не подводило. Таким доблестным характером обладали духи, которыми командовал Наполеон, и с таким замечательным мастерством он ими управлял!

16-го авангард под командованием Ланна достиг прекрасной долины Аоста, а другие дивизии быстро продвигались по их следам. Эта часть пути была не менее трудной, чем предыдущее восхождение. Лошадей, мулов и орудия должны были вести вниз по одному скользкому склону за другим — и мы можем судить, с какой трепетной осторожностью, поскольку сам Наполеон когда-то довольствовался тем, что проскальзывал почти сто ярдов вместе, *сидя*.

17-го Ланн прибыл в Шатийон, где атаковал и разгромил корпус из 5000 австрийцев, которые встретили наступление французской дивизии в этом квартале примерно с таким же удивлением, как если бы враг свалился на них с облаков. Теперь, казалось, все трудности были преодолены, и корпус за корпусом спускались в изобильную и зеленую долину, полные радости. Но внезапно продвижение авангарда было остановлено непредвиденным препятствием или, по крайней мере, сильно недооцененным. На полпути между Аостой и Ивреей Дора протекает по ущелью, шириной не более пятидесяти ярдов; высоты по обе стороны поднимаются отвесно; а в середине крутая коническая скала, увенчанная крепостью Сен-Бард, полностью господствует над рекой и маленьким городком, обнесенным стеной, через сердце которого находится единственный проход. Ланн безуспешно пытался овладеть этим местом с помощью *главного удара*, возникла паника, которая распространилась в тыл, и

был отдан приказ прекратить спуск артиллерии. Консул дошел до города Аоста, когда это известие дошло до него. Он немедленно поспешил в Сен-Бард, где застал войска в большом замешательстве.

В подобных случаях Наполеону редко удавалось отстоять *престиж* своей репутации. Наскоро осмотрев местность, он взобрался на вершину Альбаредо, которая возвышается с одной стороны над фортом, и убедился, что, хотя тропа до сих пор была протоптана только одиночными охотниками, армия, переправившаяся через Сен-Бернар, могла бы, приложив аналогичные усилия, найти или проложить себе путь и сюда. С последним трудом подняв на вершину единственную пушку, он установил ее так, чтобы она могла полностью стрелять по главному бастиону Сен-Барда. Как только это было устроено, войска начали свой мучительный марш; и они завершили его без значительных потерь, ибо орудие консула было установлено так превосходно, что главная батарея расположенного ниже замка вскоре замолчала. Люди гуськом пробирались вдоль выступа Альбаредо, каждый останавливался (по словам очевидца), чтобы на мгновение взглянуть на Наполеона, который, измученный своими усилиями, лег и крепко заснул на вершине скалы. Так проходили основные силы, медленно, но верно. Тем временем полковнику Дюфуру было приказано с наступлением темноты взобраться на городскую стену, и его полк (58-й) выполнил эту задачу с таким рвением, что австрийские войска укрылись в замке, а французы обосновались в домах внизу. В течение нескольких часов гарнизон поливал французов картечью с расстояния в половину мушкетного выстрела, но, наконец, из сострадания к жителям огонь ослаб, и еще до рассвета Бонапарт достиг своей главной цели. Улицы города были усыпаны мусором до оглушительного шума, пушки, прикрытые соломой и ветками деревьев, были проташены по нему под самыми орудиями Сен-Барда, не вызвав ни малейшего подозрения у его гарнизона. На следующее утро австриец отправил гонца в Мелас с известием, что большая дивизия французов действительно прошла козьими тропами Альбаредо, но что с ними наверняка не было ни одного крупного орудия. Бонапарт тем временем спешил вперед с конницей, пешими и артиллерией на Иврею.

Марш консула не подвергался новым остановкам до тех пор, пока он не достиг города Иврея, где после двухдневных ожесточенных боев Ланн, наконец, прорвался, и гарнизон, понеся большие потери, отступил. Затем Бонапарт двинулся по дороге на Турин, и авангарду пришлось нести еще одну тяжелую службу у моста Кьюзилла, где были укреплены 10 000 австрийцев. Ланн разбил их и, преследуя до Орки, отрезал их от их складов в Чеваньо и захватил огромное количество припасов, которые были погружены на По. Наступление шло теперь на расстоянии одного марша от Турина, в то время как Мюрат занимал Верчелли, а другие дивизии (Монси, Шабрана и Туро), совершив несколько альпийских переходов, спускались в низменность и постепенно сходились к назначенному месту встречи на реке Тичино. Таким образом, Бонапарте преодолел большие трудности своей подготовки и был готов со всей своей армией всерьез начать кампанию против Меласа.

Все это время поддерживалась блокада Генуи, в то время как Сюше решительно удерживал последнюю линию обороны на старой границе Франции. 22 мая Мелас предпринял отчаянную попытку форсировать Вар, но потерпел неудачу; и сразу же после этого получил первые сведения о передвижениях Бонапарта и поражении его собственного отряда у моста Кьюсилла. Он понял, что настало время передать Суше в руки подчиненных, и лично выступил против "резервной армии". Суше, со своей стороны, не замедлил воспользоваться уходом австрийского главнокомандующего: он, получив известие о отступлении Бонапарта,

немедленно возобновил наступление, снова переправился через Вар и взял Винтимилью на острие штыка. Развивая свое преимущество, Суше овладел сначала ущельем Браус, а затем Тенде и, наконец, вновь занял свою старую позицию у Меланьо, откуда его передовой отряд продвинулся до Савоны.

Тем временем генуэзский гарнизон доблестно держался. Массена в течение некоторого времени удерживал за собой полукруглую цепь высот со стороны суши и, таким образом, имел возможность получать провизию, несмотря на 40 000 австрийцев под командованием генерала Отта, которые наблюдали за ним, и английский флот под командованием лорда Кейта, который полностью блокировал берег. Огромные усилия, предпринятые для того, чтобы сбросить его с высот 3 апреля, потерпели неудачу. Но постепенно численное превосходство оказалось для него непосильным, и, оказавшись, наконец, запертым в крепостных стенах, где, в довершение всех его трудностей, значительная часть населения была яростно настроена против французского дела, он начал жестоко страдать от нехватки провизии и необходимости постоянной бдительности и ежедневных стычек. В своих вылазках Массена по большей части имел преимущество; и никогда за всю войну героизм французской солдатни не проявлялся так блестяще, как во время этой осады.^[36] Весть об экспедиции Наполеона, наконец, дошла до осажденного гарнизона, и ожидание помощи день ото дня придавало им новое мужество держаться. Но день проходил за днем, а избавитель не появлялся, а нехватка продовольствия делала почти невозможным удержать жителей от того, чтобы они не поднялись *в массовом порядке* и не распахнули ворота. Тем временем англичане бросили якорь ближе к городу и, вырезав суда, охранявшие вход в гавань, обстреливали французские кварталы по своему усмотрению. Все съедобное, не исключая обуви и ранцев солдат, было съедено, прежде чем Массена наконец выслушал предложение о совещании с генералом Оттом и лордом Китом. Если нужды французского генерала были неотложными, то желание английского адмирала овладеть Генуей до того, как Бонапарт сможет продвинуться дальше, было не менее страстным. Лорд Кейт откровенно сказал Массене, что его галантность была такова, что никакие условия не могли быть слишком хорошими для него. Слово "*капитуляция*" было опущено: французы вышли из города с оружием и обозом, и им разрешили проследовать в штаб Сюше; и 5 июня Отт занял Геную.

Генерал Отт, несмотря на этот успех, проявил большую неумелость, задержавшись перед Генуей, в то время как Наполеон так быстро наступал; а Мелас, совершенно сбившийся с толку выбором между Сюше с одной стороны и консулом с другой, фактически лежал неподвижно и ничего не предпринимал. Буонапарте между 1 и 4 июня переправился через Тичино со всей своей армией. Мюрат захватил Тюрбиго 5-го, в тот самый день, когда пала Генуя; а 2-го сам Главный консул снова прибыл в Милан, где его встретили с энтузиазмом. Ланн после различных конфликтов занял Павию. Шапон и Тюрро угрожали Турину двумя разными путями; и Мелас, наконец осознав надвигающуюся опасность, покинул открытую местность Пьемонта, занял свою штаб-квартиру в Александрии и начал собирать свои далеко разрозненные колонны и сосредоточивать их для неизбежного сражения, которое должно было решить судьбу Италии.

Тем временем Бонапарт ничего не знал о падении Генуи. Поэтому он предположил, что армия Отта все еще находилась на большом расстоянии от армии австрийского главнокомандующего, и намеревался внезапно перейти реку По и либо атаковать Отта и освободить Геную, прежде чем Мелас узнает, что тот находится поблизости, либо, если он сочтет это более осуществимым, заставить самого Меласа принять бой без поддержки Отта. Ланн и ван, соответственно,

продвинулись до Монтебелло, где, к своему удивлению, обнаружили, что австрийцы в силе. Ранним утром 9 июня Ланн был атакован силами, которым ему было очень трудносопротивляться. Австрийцы значительно превосходили их в кавалерии, и местность была благоприятной для этого вида войск. Но в конце концов подошла дивизия Виктора и после ожесточенного боя переломила ход событий. Битва была самой упорной. Поля были покрыты очень высокими посевами ржи, и вражеские батальоны часто оказывались почти на расстоянии длины штыка, прежде чем они замечали присутствие друг друга; и те же обстоятельства помешали генералам обеих сторон проявить большую сноровку в своих маневрах. Это был конфликт человека против человека, и он был решен дорогой ценой крови. Поле было усеяно мертвецами, и отступающие австрийцы оставили 5000 пленных в руках Ланна, который в память об этом дне резни впоследствии был назначен герцогом Монтебелло. Именно от взятых здесь пленных консул узнал о судьбе Генуи. Он немедленно пришел к выводу, что Мелас сосредоточил свою армию; и, отправив гонцов к Суше, убеждая его перейти горы у Коль ди Кадибона и двинуться на Скривию (что вывело бы его в тыл врага), остановил всю свою линию у укрепленной позиции Страделла.

Вечером после Монтебелло генерал Дессе, которого Наполеон считал вторым после себя по военному гению, прибыл в ставку. Как мы видели, Бонапарт, покидая Египет, приказал Клеберу отправить Дессе во Францию в течение ноября. Соответственно, вскоре после установления нового правительства он высадился во Фрежюсе, где нашел письма от главного консула, призывавшие его присоединиться к нему без промедления. В этих письмах было несколько меланхолических фраз, и было слышно, как Дессе, который действительно любил Наполеона, сказал: "Он получил все, и все же он не удовлетворен". Сотни препятствий воздвиглись, чтобы помешать Дессе присоединиться к своему другу так быстро, как того желали оба. Он был еще во Франции, когда туда пришла весть о святом Бернаре, и, восклицая: "Он не оставит нас без дела", странствовал день и ночь, пока не смог броситься в его объятия. Наполеон немедленно передал ему командование дивизией, и они провели вместе ночь, беседуя о делах Египта.

Первый консул стремился соблазнить Меласа атаковать его у Страделлы, где местность была неблагоприятна для передвижения кавалерии; но, пролежав там без помех три дня, он начал опасаться, что австриец решил либо перейти на левый фланг, форсировать Тичино, занять Милан и таким образом возобновить сообщение с Веной; - или, отступив к Генуе, сокрушить Суше и занять позицию, откуда британский флот мог бы снабдить его провизией — или даже, в случае необходимости, погрузить свою армию на борт и перевезти ее. повернуть на другую сторону Италии и таким образом снова поставить его между своим врагом и германскими государствами. Бонапарт, сбитый с толку этими опасениями, наконец спустился на обширную равнину Маренго, на которой он не без основания опасался встретить наступление Меласа и австрийской кавалерии. 11-го он был в Вольгере, а на следующий день в Сан-Джулиано, в самом центре равнины; но враг по-прежнему не появлялся. 13-го он продвинулся к самой деревне Маренго и, не найдя даже там ничего, кроме небольшого аванпоста, который отступал перед ним, пришел к выводу, что Мелас ускользнул от него, и двинулся либо налево, к Тичино, либо направо, к Генуе. В большом беспокойстве он выделил одну дивизию под командованием Дессе для наблюдения за дорогой на Геную, а другую под командованием Мюрата - в направлении Скривии. Дессе был уже в половине дня пути от ставки, когда Наполеон получил разведданные, которые заставили его поспешно отозвать все свои подразделения. Австрийский генерал после долгих колебаний, наконец, решил позволить честному полю боя еще раз решить судьбу Италии. Вечером 13-го вся его армия собралась перед Алессандрией,

имея между собой только реку Бормида и равнину Маренго; и рано утром следующего дня они перешли реку в трех местах и таким же количеством колонн двинулись к позициям французов.

Австрийцев было всего 40 000 человек; в то время как в отсутствие Дессе и резерва Наполеон мог, самое большее, противопоставить им 20 000 человек, из которых только 2500 были кавалеристами. Однако он без колебаний принял сражение. Его наступление под командованием Гарданна заняло небольшую деревушку Падре Бона, немного впереди Маренго. В этой деревне, выходящей окнами на узкий овраг, русло речушки, Наполеон разместил Виктора с основными силами своей первой линии — крайняя правая ее часть опиралась на Кастель-Кериоло, еще одну деревушку, почти параллельную Маренго; Келлерман с кавалерийской бригадой был размещен сразу за Виктором для защиты его флангов. В тысяче ярдов позади Виктора находилась вторая линия под командованием Ланна, защищенная таким же образом кавалерией Шампо. Примерно на таком же расстоянии, опять же, за Ланном, находилась третья линия, состоявшая из дивизии Сен-Сира и консульской гвардии под командованием Наполеона собственной персоной. Австрийская тяжелая пехота, выйдя на открытое поле, построилась в две линии, первая под командованием генерала Хаддика значительно опережала другую, которой командовал сам Мелас, а второй был генерал Зак. Они неуклонно продвигались к Маренго, в то время как легкая пехота и кавалерия под командованием генерала Эльсница совершили обход Кастель-Чериоло с целью обойти правый фланг французов.

Таково было положение двух армий, когда началась эта великая битва. Гарданн не смог выдержать удара и, оставив падре Бона, отступил, чтобы поддержать Виктора. Последовала яростная канонада по всему фронту этой позиции; тиральщики обеих армий расположились по краям оврага и непрерывно стреляли друг в друга, их орудия почти соприкасались. Пушки и мушкетный огонь сеяли повсюду опустошение, ибо армии разделяли всего несколько туазов. Более двух часов Виктор в одиночку противостоял энергичным атакам значительно превосходящих сил; Маренго был взят и отвоеван несколько раз, прежде чем Ланн получил приказ усилить его. Вторая линия, наконец, продвинулась вперед, но они обнаружили, что первая отступает, и два корпуса заняли вторую линию обороны значительно позади Маренго. Вот они снова яростно атаковали — и снова, после упорного сопротивления, уступили. Генерал Эльсниц тем временем, достигнув своей цели и совершив честный марш вокруг Кастель-Чериоло, появился на правом фланге со своей великолепной кавалерией и начал обрушивать свои эскадроны на отступающие колонны Ланна. Этот доблестный военачальник построил свои войска *шеломом* и отступил в замечательном порядке — но отступление теперь было всеобщим; и, если бы Мелас воспользовался преимуществом со всем своим резервом, битва была бы выиграна. Но этот престарелый генерал (ему было восемьдесят четыре года) не сомневался, что он уже одержал победу; и в этот критический момент, совершенно измученный усталостью, отошел в тыл, оставив Зака продолжать то, что он теперь считал простым преследованием.

В тот момент, когда австрийская кавалерия собиралась броситься на отступающий корпус Ланна, на окраине поля появился резерв под командованием Дессе. Сам Дессе, подъехав к Первому консулу, сказал: "Я думаю, что это сражение проиграно". "Я думаю, что это выигранное сражение", - ответил Наполеон. "Вы продвигаетесь вперед, и я быстро соберу строй позади вас". — И, по сути, своевременное прибытие этого резерва изменило ход дня.

Наполеон лично выстроил всю свою армию в третью боевую линию и проехал вдоль фронта, говоря: "Солдаты, мы достаточно далеко отступили. Давайте теперь двинемся вперед. Вы знаете, что у меня есть обычай спать на поле битвы. Энтузиазм войск, казалось, возродился, и Дессе приготовился перейти в наступление; он повел свежую колонну из 5000 гренадеров, чтобы встретить и сдержать продвижение Зака. Храбрый Дессе пал мертвым при первом же выстреле в голову. "Увы! мне не позволено плакать", - сказал Наполеон; и падение этого любимого вождя удвоило ярость его сторонников. Однако первая линия австрийской пехоты атаковала с не меньшей решимостью. В этот момент конница Келлермана напала на них с фланга; и, будучи разбиты этим неожиданным нападением, они были после тщетной борьбы вынуждены сдаться: сам генерал Зак был здесь взят в плен. Австрийские колонны позади, окрыленные победой, наступали слишком беспечно и оказались неспособными противостоять общему натиску всей французской линии, которая теперь продвигалась вперед под непосредственным командованием Наполеона. Разносилось сообщение за сообщением. Благородная кавалерия Эльсница, увидев, что пехота разбита и отступает, пала духом; и, вместо того чтобы построиться для защиты своего отступления, повернула головы своих лошадей и поскакала галопом по равнине, топча все на своем пути. Когда разбитая армия достигла, наконец, Бормиды, смятение было неопишным. Сотни утонули — река была красной среди трупов лошадей и людей. Целый корпус, будучи неспособным осуществить переход, сдался, и в десять часов вечера австрийский командующий с трудом собрал остатки этого великолепного соединения на той самой территории, которую они покинули тем же утром со всей уверенностью в победе.

Нельзя отрицать, что в этом случае Наполеона спасло прибытие резерва под Дессе и своевременная атака Келлермана. С другой стороны, невозможно не осудить опрометчивость, с которой австрийские генералы наступали после своих первых успехов.

Поражение империалистов было настолько велико, что вместо того, чтобы выдержать последствия еще одного сражения, в то время как Суше наступал им в тыл, они на следующий день вступили в переговоры. Мелас предложил оставить Геную и все опорные пункты в Пьемонте, Ломбардии и Дипломатические миссии — при условии, что Бонапарт позволит ему беспрепятственно вывести остатки своей армии в тыл Мантуе. Наполеон принял это предложение. Одним сражением он вернул себе почти все, что французы потеряли в неудачной итальянской кампании 1799 года: во всяком случае, он сделал достаточно, чтобы увенчать свое имя непревзойденным блеском и показать, что французские войска снова стали такими, какими они были раньше — когда он был на поле боя и командовал ими. У него был еще один мотив для того, чтобы закончить с предложениями генерала Меласа. Было крайне важно вернуть Геную, прежде чем английская армия, которая, как он знал, направлялась в этот порт, сможет достичь места назначения.

17 июня Наполеон с триумфом вернулся в Милан, где он официально восстановил Цизальпинскую республику, и присутствовал на празднестве, отличавшемся высоким статусом и великолепием. Затем он передал командование итальянской армией Массене; и назначил Журдана французским министром в Пьемонте - другими словами, губернатором этого доминиона; и отправился в свое путешествие в Париж. Он остановился в Лионе, чтобы заложить первый камень новой *площади Белькур*, возведенной на развалинах огромной площади, разрушенной якобинцами во время революционного безумия; и 2 июля добрался до Тюильри. Он отправился в Швейцарию 6 мая. Не прошло и двух месяцев, как за это короткое

время были совершены какие-то чудеса! Энтузиазм парижан превзошел все, что было зафиксировано при любом триумфальном въезде. Ночь за ночью каждый дом был освещен, и день за днем люди толпами стояли вокруг дворца, довольные, если им удавалось хотя бы мельком увидеть спасителя Франции.

Излияние радости было еще сильнее, потому что весть о победе дошла до людей, подготовленных к другим новостям. Около полудня 14 июня, когда французы были выбиты из Маренго и, по-видимому, находились в полном и катастрофическом отступлении, коммивояжер покинул поле боя и, прибыв после быстрого путешествия в Париж, объявил, что Бонапарт наголову разбит Меласом. Говорят, что недоброжелатели первого консула немедленно затеяли интригу с целью отстранения его от правительства и наделения Карно главной властью. Несомненно, что во время отсутствия Наполеона было разработано множество враждебных планов; или что среди всего шума и великолепия его триумфального приема в Париже он был мрачен; и никто не оспаривает, что с этого времени он относился к Карно с завистью и отвращением.

Тем временем известие о великой битве разожгло энтузиазм в рейнской армии; и они горели искренним желанием совершить нечто, достойное того, чтобы быть занесенным на одну страницу с Маренго. Но главный консул, когда он даровал перемирие Меласу, распространил его также и на армии на германской границе, и Моро, следовательно, не мог сразу воспользоваться рвением своих войск. Однако последовавшие переговоры оказались безуспешными. Императору, получавшему субсидии, должно быть, было очень трудно противостоять протестам Англии против ратификации любого мира, в который она не должна была включаться; и естественно предположить, что гордый дух австрийского кабинета восстал против того, чтобы скрепить печатью акт унижения, который еще не был, как настаивало английское правительство, абсолютно необходимым. Тем временем были получены новости о сдаче Мальты английской экспедиции под командованием лорда Кита и сэра Ральфа Аберкромби;^[37] и эта своевременная удача вдохнула новый дух в антигалликанскую лигу. В итоге неискренность и подозрительность затягивали со дня на день переговоры, которым не суждено было завершиться до тех пор, пока не будет пролито больше крови.

Во время этого перемирия, которое длилось с 15 июня по 10 ноября, изгнанные принцы из Дома Бурбонов предприняли еще несколько безуспешных попыток склонить главного консула стать монахом Франции. Аббат де Монтескью, тайный агент графа де Лилля (впоследствии Людовика XVIII), убедил Третьего консула Лебрена передать Бонапарту письмо, адресованное ему этим принцем, в следующих выражениях: "Вы очень медлите с возвращением мне трона: следует опасаться, что вы можете упустить благоприятный момент. Вы не сможете обеспечить счастье Франции без меня, а я, с другой стороны, ничего не смогу сделать для Франции без вас. Тогда поторопись и сам укажи те должности и достоинства, которые удовлетворят тебя и твоих друзей". Первый консул ответил так: "Я получил письмо вашего королевского высочества. Я всегда проявлял живой интерес к вашим несчастьям и несчастьям вашей семьи. Вы не должны думать о том, чтобы появиться во Франции — вы не смогли бы этого сделать, не пройдя маршем по пятистам тысячам трупов. Что касается остального, я всегда буду ревностно делать все, что в моих силах, чтобы смягчить судьбу вашего королевского высочества и заставить вас забыть, если это возможно, о ваших несчастьях". Граф Д'Артуа (король Франции Карл X.) избрал более деликатный метод ведения переговоров. Он отправил в Париж очень красивую и обаятельную даму, герцогиню де Гиш; она без труда добилась расположения Жозефины и какое-то время

была самым блестящим украшением консульского двора. Но как только Наполеон узнал о поручении прекрасной дамы, ей было приказано покинуть столицу в течение нескольких часов. Эти интриги, однако, не могли не раскрыться; и нет сомнения, что в ту эпоху надежды роялистов были в сильном возбуждении.

Между тем среди низших сословий обеих великих партий, которые с отвращением относились к верховной власти главного консула, не было недостатка ни в достаточно порочных сердцах, ни в достаточно отчаянных руках для попыток, совершенно отличных от этих. Законность, более того, достоинство и слава тираноубийства были идеями, знакомыми якобинцам всех степеней; и в годы мучительных конвульсий, последовавших за заключением в тюрьму и убийством Людовика XVI, к бандам роялистов часто присоединялись, а иногда и руководили ими люди, в которых от природы фанатичный дух, подстегиваемый сознанием невыносимого зла, осмеливался думать о мести — какой бы совершенной она ни была — как о последнем и благороднейшем долге: неудивительно, что посреди долгой гражданской войны, когда сцены сражений и резни были заменены сценами насилия. только из-за тягот скитаний по лесам и страха перед голодом характер других людей, изначально чистый и кроткий, деградировал до черствого безразличия с мрачным угрюмым характером, подходящей подготовки к поступкам, мысль о которых в прежние, лучшие времена вызвала бы ужас и отвращение.

Именно среди якобинцев, которые прежде боготворили Бонапарта как "дитя и защитника" своего вероучения, зародились первые планы покушения. Итальянский скульптор по имени Черакки, который вылепил бюст Наполеона, когда тот находился при дворе в Монтебелло, прибыл в Париж и под предлогом ретуши своей работы добился допуска к присутствию нового цезаря, Брутом которого он решил стать. Занятия консула не допускали этого, и итальянец, открыв свои намерения Топино, художнику Леброну, генерал-адъютанту Арену, Дамервиллю и другим людям родственных чувств, разработал план, по которому Бонапарта должны были окружить и заколоть в вестибюле оперного театра. Но один из сообщников выдал заговор, и Черакки и его сообщники были арестованы в театре в тот момент, когда они ожидали свою жертву.

Это произошло ближе к середине августа; и было сказано, что якобинские заговорщики, брошенные в одну тюрьму с несколькими головорезами из фракции Шуанов, изложили этим последним план другого убийства, который был более близок к успеху. Таков был сюжет *"Адской машины"*. Была приготовлена повозка для перевозки бочонка с порохом, прочно укрепленного среди большого количества картечи, которая, будучи подожжена медленной спичкой, должна была взорваться в тот момент, когда Бонапарт проезжал по какой-нибудь узкой улочке, и во все стороны вокруг нее посеять разрушения. Выбрана была ночь на 10 октября, когда главный консул должен был посетить оперу, и машина была установлена на улице Сен-Никез, через которую он должен был пройти по пути туда из Тюильри. Наполеон рассказал своим друзьям на острове Святой Елены, что после тяжелой работы в течение всего дня он почувствовал, что после обеда его сморил сон, и что Жозефине, которой не терпелось попасть в оперу, было очень трудно наконец разбудить его и убедить пойти. "Я снова крепко заснул, - сказал он, - оказавшись в своей карете; и в тот момент, когда прогремел взрыв, мне снилась опасность, которой я подвергся несколько лет назад, пересекая Тальяменто в полночь, при свете факелов, во время наводнения". Он проснулся и крикнул Ланну и Бессьеру, которые были с ним в карете: "Мы взорваны". Слуги хотели остановить карету, но он, собравшись с духом, велел им ехать как можно быстрее в театр, куда он один из всей компании вошел с невозмутимым видом. Он чудом

спасся. Кучер, по случайности, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вел машину быстрее, чем обычно.[38] Паровоз взорвался через полминуты после того, как вагон проехал мимо, убив двадцать человек, ранив пятьдесят три (среди которых был Сент—Риджент, убийца, подожгший поезд) и выбив окна в нескольких домах по обе стороны улицы.

Зрители в оперном театре, когда эта новость была обнародована, с энтузиазмом выражали свои чувства. Жестокость заговора вызвала всеобщий ужас и негодование и вызвала к личности главного консула новый интерес. Убийцы предстали перед справедливым судом и были казнены, упиваясь своим преступлением; и в момент минутного подъема умов всех людей эдикт сената, приговаривающий к вечному изгнанию 130 самых отъявленных лидеров *террористов*, был встречен аплодисментами. Но сам Наполеон глубоко презирал остатки этой одиозной партии, и самовольный указ, о котором идет речь, так и не был приведен в исполнение.

Главный консул, тем не менее, не замедлил воспользоваться состоянием общественного сознания способом, более соответствующим его благоразумию и дальновидности. Именно в этот момент законодательным органам было предложено создать новый трибунал, получивший название *Специальная комиссия*, состоящий из восьми судей, без присяжных, без пересмотра или апелляции. К их чести, предложение было поддержано очень небольшим большинством голосов; ибо после того, как была учреждена судебная система, Главный консул фактически имел возможность расправляться со всеми, кто подозревался в политических преступлениях, по своему усмотрению. Другой закон, который вскоре вступил в силу и который уполномочивал главного судью изгонять недовольных лиц как "врагов государства" из Парижа или из Франции, когда такие шаги казались бы уместными, без вмешательства какого бы то ни было трибунала, завершил (если он был еще неполным) деспотический размах его власти: и полиция, управляемая Фуше как этой устрашающей машиной, предоставила ему самое совершенное средство для осуществления его целей.

К этому времени относится особый анекдот - декабрь 1800 года. Во время ажиотажа общественного мнения, вызванного делом "Адской машины", появилась брошюра, озаглавленная "Параллель между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом"[39]— постановка, очевидно, рассчитанная на принятие консулом королевского достоинства. Появившись в такой момент, она не могла не вызвать яркой сенсации; близкие друзья Наполеона в один голос заверили его, что публикация, вероятно, нанесет ему вред. Он послал за Фуше и яростно упрекнул его за то, что тот допустил появление такой брошюры. Министр полиции выслушал его с совершенным хладнокровием и ответил, что он решил не вмешиваться, потому что проследил путь рукописи до отеля своего брата Люсьена. "А почему бы не донести на Люсьена?" - Его следовало немедленно арестовать и заключить в Тамплъ! - воскликнул Наполеон. Сказав это, консул вышел из комнаты, с силой захлопнув дверь. Фуше улыбнулся и прошептал Де Бурьену— "Заприте автора в Храме! Люсьен показал мне рукопись; я обнаружил, что она полна исправлений, сделанных рукой— Первого консула! Люсьен, узнав о гневе своего брата, немедленно отправился в Тюильри и пожаловался, что "из него сделали марионетку и бросили". "Это ваша собственная вина, - ответил Наполеон. - ваше дело было не быть обнаруженным. Фуше проявил себя более ловким — тем хуже для вас ". Люсьен немедленно подал в отставку с должности, которую он занимал в министерстве, и стал послом в Испании.

Насколько эти беспорядки во французской столице могли способствовать нерешительности австрийского кабинета в течение этой осени, мы не знаем. Со времени заключения перемирия после Маренго прошло уже пять месяцев, и первый консул, крайне недовольный этой задержкой, решил взяться за оружие и первым выступить на поле боя. Между 17 и 27 ноября его генералы получили приказ снова привести в движение все свои войска. Повсюду французское оружие имело блестящий успех. Брюн разбил австрийцев при Минчо и продвинулся на несколько миль к Венеции. Макдональд занял горы Тироля и был готов усилить либо итальянскую, либо рейнскую армию, по желанию. Моро, наконец, продвинулся в сердце Германии и был встречен эрцгерцогом Иоанном Австрийским, который получил значительные преимущества в деле при Хааге. Эрцгерцог, воодушевленный этим успехом, решился на генеральное сражение и вечером 2 декабря появился перед французами у Хозенлиндена, между гостиницей и Изером.^[40] В семь утра 3-го числа начался конфликт. Глубокий снег замел следы на дорогах; несколько австрийских колонн были сбиты с толку и либо вообще не вышли на свои позиции, либо пришли слишком поздно. И все же битва была упорной и жестокой: на поле боя погибло 10 000 империалистов, а Моро, развивая свой успех, немедленно двинулся дальше и занял Зальцбург.

Австрийская столица теперь была открыта для марша трех победоносных армий, и император был, наконец, вынужден отказаться от своих английских обязательств и вести искренние переговоры о заключении сепаратного мира. Сам мистер Питт считал ведение континентальной войны на тот момент безнадежным делом. Прочитав "Бюллетень Маренго", он сказал: "Сложите эту карту" (карту Европы); "она не понадобится в течение этих двадцати лет".

9 февраля 1801 года в Люневиле был подписан окончательный мирный договор, по которому император, не только как глава австрийской монархии, но и в качестве главы Германской империи, гарантировал Франции границу по Рейну; тем самым жертвуя определенными владениями Пруссии и других подчиненных князей империи, а также своими собственными. Другой статьей, крайне неприятной для Австрии, была уступка Тосканы, которую Наполеон решил передать принцу из Пармского дома в благодарность за добрые услуги Испании во время войны. Император признал союз Батавской республики с французами; — и признал содружества Цизальпию и Лигурию; обе фактически провинции великой империи, над которыми, казалось, теперь навсегда установилась власть Первого консула.

ГЛАВА XVI

Дела Неаполя и Папы Римского—Император Павел в России—Северная конфедерация против Англии—Битва при Копенгагене—Победа Нельсона—Смерть Павла—Экспедиция в Египет под командованием сэра Ральфа Аберкромби—Битва при Александрии—Завоевание Египта—Булонская флотилия—Переговоры с Англией—Амьенский мир.

Одна Англия оставалась непоколебимой в своей враждебности; и, как мы сейчас увидим, Главный консул даже смог заручиться союзом против нее некоторых главных держав Европы; но прежде чем мы перейдем к богатым событиям 1801 году, необходимо кратко упомянуть о некоторых инцидентах второстепенного порядка.

Уже говорилось, что полусумасшедший император России проникся личным неистовым восхищением перед Бонапартом и под влиянием этого чувства фактически покинул Австрию перед кампанией при Маренго. Наполеон использовал все средства, чтобы польстить автократу и заручиться его поддержкой в своих интересах. Павел был рад назначить себя великим магистром разоренного ордена рыцарей Святого Иоанна. Это было его не праздное честолюбивое намерение получить в таком качестве во владение остров Мальта; и Бонапарт представил отказ английского правительства уступить эту крепость как личное оскорбление Павлу. Около 10 000 русских военнопленных были не только отправлены обратно в целости и сохранности, но и переодеты и экипированы за счет Франции; и самодержец был вынужден выгодно противопоставить это предполагаемому пренебрежению этими войсками со стороны Австрии при заключении Люневильского мирного договора. Наконец, королева Неаполя, сестра германского императора, убедившись, что после битвы при Маренго ничто не могло спасти итальянские владения ее мужа от возвращения в руки Франции (из которой они были освобождены во время египетской кампании Наполеона англичанами под командованием лорда Нельсона), приняла решение лично отправиться в Санкт-Петербург в разгар зимы и просить заступничества Павла. Царь, чрезвычайно польщенный таким обращением, не колеблясь обратился от имени королевы к Бонапарту; и главный консул, хорошо просчитав выгоды и потери, согласился пока пощадить Неаполь, тем самым завершив слепую привязанность этого слабоумного деспота.

В то самое время, когда Нельсон освободил Неаполь от французов, отряд английских моряков под командованием commodора Тробриджа высадился в устье Тибра, двинулся на Рим и восстановил власть папы. Французская армия после великой победы, вернувшей ей Ломбардию и Пьемонт, не сомневалась, что восстановление "Римской республики" будет одним из ее следующих последствий. Но Бонапарт, который тем временем вновь открыл церкви Франции, теперь был склонен смотреть на дела папы совсем другими глазами. Одним словом, он уже решил использовать Святого Отца для укрепления своей собственной власти как монарха; и в качестве первого шага к достижению этой цели теперь было разрешено продолжить правление папы - к немалому удивлению французской армии и, можно добавить, к замешательству и сожалению различных держав Европы.

Тем временем Первый консул приступил к тому, чтобы обратить дружбу российского императора в весомую пользу. По правде говоря, никогда не составляло труда возбудить гнев и ревность среди второстепенных морских держав по отношению к военно-морскому суверенитету Англии. Требование права досматривать нейтральные суда и ее доктрина в отношении блокад действительно были признаны во многих договорах Россией и всеми морскими правительствами Европы. Тем не менее старая обида осталась; и теперь Бонапарт искусно использовал все средства дипломатии, чтобы пробудить дух враждебности против Англии сначала в хорошо подготовленном сознании царя, а затем в кабинетах министров Пруссии, Дании и Швеции. Результатом была, по сути, коалиция этих держав против владычицы морей; и в начале девятнадцатого века Англии пришлось задуматься о необходимости в одиночку противостоять колоссальной военной силе Франции и объединенным флотам Европы. Чтобы еще больше омрачить ее перспективы в тот великий переломный момент ее истории, народ жестоко страдал от нехватки продовольствия вследствие неурожая; и усилия, предпринятые Англией при таком стечении неблагоприятных обстоятельств, должны навсегда остаться в памяти ее нации как одно из самых гордых воспоминаний.

В январе 1801 года собрался первый имперский парламент Великобритании и Ирландии; и вскоре после этого, вследствие расхождения во мнениях по римско-католическому вопросу, между Георгом III. и мистер Питт, этот великий министр, подал в отставку, и был сформирован новый кабинет министров во главе с мистером Аддингтоном (впоследствии виконтом Сидмутом). Эти изменения стали новым источником затруднений, однако к продолжению войны призывали с неослабевающей энергией.

В начале марта адмирал сэр Хайд Паркер и вице-адмирал лорд Нельсон повели флот в Балтийское море с целью атаковать северные державы в их собственных гаванях, прежде чем они смогут осуществить задуманное соединение с флотами Франции и Голландии. Англичане прошли пролив 13 марта и разведали дорогу на Копенгаген, где наследный принц, регент Дании, сделал грандиозные приготовления к их приему. Было 2 апреля, когда Нельсон, вызвавшийся возглавить атаку, добившись, наконец, благоприятного ветра, двинулся с двенадцатью линейными кораблями, не считая фрегатов и брандеров, на датское вооружение, состоявшее из шести линейных кораблей, одиннадцати плавучих батарей и огромного множества мелких судов, прикованных друг к другу и к грунту и защищенных королевскими батареями, на которых было установлено восемьдесят восемь орудий, и укреплениями острова Амак. Сражение длилось четыре часа и закончилось знаменательной победой. Несколько шхун и бомбардирских судов бежали раньше времени и спаслись бегством: кроме того, весь датский флот был потоплен, сожжен или взят в плен. Принц-регент, чтобы спасти столицу от разрушения, был вынужден вступить в переговоры, которые закончились отказом Дании от французского союза. Затем лорд Нельсон провел рекогносцировку Стокгольма, но, не желая причинять ненужных страданий, не стал разрушать город, обнаружив, что шведский флот уже вышел в море. Тем временем пришло известие, что Павел был убит в своем дворце в Санкт-Петербурге; и что политика, которую он проводил, к неудовольствию русской знати, вероятно, не встретит благосклонности его преемника. Движущего духа северной конфедерации, по сути, больше не было, и краткие переговоры закончились полным крахом.^[41]

В том же марте британское оружие увенчалось более приятным триумфом в более отдаленном регионе. С того времени, как Бонапарт высадился в Египте, оккупация этой страны французской армией и ее возможные последствия для нашей империи на Востоке были предметом беспокойства в кабинете министров Сент-Джеймса; и средства для нападения на армию, которые Наполеон доверил Клеберу, были, наконец, объединены и приведены в действие вопреки чувствам как короля, так и мистера Питта, смелым духом лорда Мелвилла, возглавлявшего в то время Контрольный совет Индии. Флот лорда Кейта, на борту которого находились сэр Ральф Аберкромби и его армия, уже овладел Мальтой; другая армия численностью в 7000 человек, состоявшая частично из английских войск, а частично из сипаев, была отправлена из Индии и приблизилась к Египту по Красному морю; и, наконец, османская Порта была готова сотрудничать с генералом Аберкромби, когда бы он ни предпринял высадку в окрестностях Александрии. Это событие произошло 13 марта: британские войска высадились на берег перед лицом французов, которые стояли на очень прочных позициях, и, в конце концов, оттеснили их от берега. 21-го числа произошло генеральное сражение перед Александрией, и сэр Ральф Аберкромби пал, смертельно раненный, в момент победы. Генерал Хатчинсон (впоследствии граф Доноумор), к которому перешло командование, воспользовался преимуществом. Клебер, который своим превосходным управлением заслужил титул *Справедливого султана*, был убит безвестным фанатиком в тот же день, когда Дессе со славой погиб при Маренго; а Мену, сменивший командование французской армией в Египте,

был признан совершенно неспособным вести ни гражданские, ни военные дела колонии с выгодой. Он заперся в Александрии с реликвиями армии, разбитой 21-го числа. Англичане немедленно впустили море в озеро Мареотис; таким образом, столица была превращена в остров, и всякое сообщение со страной было отрезано. Теперь к Хатчинсону присоединился турецкий капитан-паша и 6000 человек; до него дошли сведения, что индийское подкрепление под командованием генерала Бэрда высадилось в Коссире. Вскоре была захвачена Розетта, и после различных стычек был захвачен Каир. 28 июня генерал Бельяр с гарнизоном в 13 000 человек сдался при условии, что их в целости и сохранности доставят во Францию; и Мену, видя, что оборона безнадежна и надвигается голод, вскоре последовал тому же примеру. Таким образом, за одну короткую кампанию Египет был полностью освобожден из рук Франции. Но даже это огромное преимущество было ничтожным по сравнению с тем стимулом, который придало национальной уверенности внутри страны это своевременное восстановление характера английской армии. На море мы никогда не боялись врага, но победы Аберкромби разрушили фатальный предрассудок, который в последние дни укрепился, — что вооруженные силы Великобритании не способны справиться с вооруженными силами революционной Франции. Не следует также забывать, что если Аберкромби снискал славу первого ведущего английских солдат к победе над самозванными *Непобедимыми* Буонапарте, то своим успехом он был обязан замечательным усилиям герцога Йоркского по реформированию дисциплины на службе в качестве главнокомандующего.

Узнав о судьбе Египта, Бонапарт воскликнул: "Что ж, остается только напасть на Британию", и в течение нескольких недель на берегах Франции было собрано не менее 100 000 солдат. Огромная флотилия плоскодонных лодок была подготовлена для переправы их через Ла-Манш, когда при любом благоприятном стечении обстоятельств он окажется вдали от английских флотов; и как солдаты, так и моряки вторгшихся войск непрерывно тренировались во всех упражнениях и маневрах, которые могли пригодиться, когда наступит этот долгожданный день. Эти приготовления были встречены, как и следовало ожидать, со стороны английского правительства и нации. Нельсон был назначен командующим флотом Ла-Манша, а регулярная армия была усилена на берегу множеством новых и полных энтузиазма добровольцев; мужчины всех партий и рангов объединили сердце и руку в великом и священном деле. Лорд Нельсон не раз производил рекогносцировку флотилии, собравшейся в Булони, и, наконец, предпринял смелую попытку вырезать суда под огнем всех батарей. Поскольку лодки были прикованы цепью к берегу, переполнены солдатами и размещены непосредственно под укреплениями, попытка не увенчалась успехом; но храбрость, с которой она была предпринята, вселила новый ужас в сердца французских морских пехотинцев, и, поскольку Нельсон продолжал наблюдать за Ла-Маншем с неусыпной бдительностью, надежды первого консула вскоре рухнули.

Успехи англичан на Балтике и в Египте были хорошо рассчитаны, чтобы склонить Наполеона к переговорам, и отставка мистера Питта, которого во всей Европе считали зачинщиком и душой контрреволюционной войны, не обошлась без его влияния. С другой стороны, за огромными успехами Наполеона против германского императора последовал в том же году поход французской и испанской армий в Португалию, вследствие чего этот последний союзник Англии был вынужден покориться общей судьбе континента. С обеих сторон существовали сильнейшие мотивы для примирения; и, в сущности, после утомительных переговоров 10 октября в Амьене были подписаны предварительные условия мира. По этому договору Англия отказалась от всех завоеваний, которые она сделала во время войны, за исключением Цейлона и Тринидада. Франция, с другой стороны, восстановила то, что она отняла у Португалии, и

гарантировала независимость Ионических островов. Мальта должна была быть возвращена рыцарям Святого Иоанна и объявлена свободным портом: ни Англия, ни Франция не должны были иметь представителей в ордене, а гарнизон должен был состоять из войск нейтральной державы. Эта статья стоила наибольших трудностей — и Мальте было суждено послужить, по крайней мере, предлогом для возобновления войны в недалеком будущем.

Тем временем, за исключением небольшой группы, которая считала, что Англия никогда не заключит мир, пока семья Бурбонов не будет восстановлена на троне Франции, это известие было воспринято со всеобщим удовлетворением по всей Великобритании. "Это был, - как подытожил мистер Шеридан, - мир, которому все люди были рады и которым ни один человек не мог гордиться". Окончательный договор был подписан 25 марта 1802 года, и ничто не могло сравниться с демонстрацией радости по этому случаю как в Лондоне, так и в Париже — или с восторженным проявлением доброй воли, с которым население обеих столиц приветствовало полномочных представителей.

ГЛАВА XVII

Амьенский мир—Конкордат—Орден Почетного легиона—Президент Цизальпинской республики Буонапарте—Первый пожизненный консул—Великий посредник Гельветической конфедерации—Сан—Доминго—Туссен Лувертюр—Недовольство Англии—Суд над Пельтье—Лорд Уитворт—Разрыв Амьенского мира—Задержание английских путешественников во Франции.

Амьенский мир, как и Кампо-Формио, оказался простым перемирием. Оно было подписано в обстановке взаимных подозрений, и дерзкие амбиции французского правительства с самого дня его ратификации накапливали элементы неизбежного разрыва. Континент, однако, был фактически закрыт для англичан в течение десяти лет; и теперь, охваченные первым порывом любопытства, путешественники всех рангов, возрастов и полов устремились через Ла-Манш, чтобы собственными глазами увидеть сцены и последствия многих замечательных деяний и перемен, произошедших со времени начала Французской революции. Главным объектом любопытства был сам Наполеон, и английские государственные деятели высочайшего класса были среди тех, кто сейчас толпился на дамбах Тюильри. Мистер Фокс, в частности, по-видимому, был обласкан Главным консулом; и эти два великих человека расстались с чувством взаимного восхищения. Наших соотечественников, в целом, принимали в Париже с необычайным вниманием и вежливостью; и на короткое время можно было с уверенностью ожидать установления дружеских чувств между двумя нациями.

Англичане были приятно разочарованы состоянием Парижа. К своему великому удивлению, они обнаружили, что консульский двор уже во многих деталях был устроен по старому образцу монархии и ежедневно приближался к этому примеру, шаг за шагом. Жозефина восстановила, за исключением одних титулов, старый язык вежливого общения: *гражданку* заменила *мадам*; и *Гражданка* готовилась уступить место *месье*. Дворянство-эмигрант вернулось в большом количестве; и Буонапарте, обошедшийся без неловких услуг своих адъютантов во внутренних помещениях дворца, теперь был окружен камергерами и другими государственными чиновниками, избранными по большей части из высших семей монархии; и они старательно

вели себя по отношению к главному консулу точно так, как если бы это была корона Людовика XVI. перешла к нему по обычным законам наследования. Сам Наполеон, если мы можем верить мадам де Сталь, имел слабость во многих тривиальных вопросах демонстрировать близкое подражание тому, что, по словам его новых приближенных, было личным поведением принцев Бурбонов. Его поведение как придворного никогда не было изящным. Он не мог или не желал сдерживать природную горячность своего нрава и то и дело приводил в замешательство старую расу придворных буйствами, которые больше подходили для этого лагеря, чем салоны Тюильри. Но всякий раз, когда консул считал нужным поговорить с человеком, способным понять его, ему не удавалось вызвать очень живое чувство в свою пользу; а тем временем Жозефина превосходно справлялась с его недостатками в организации кружков и праздников.

Труд, которому подвергся Наполеон в этот период, когда он укреплял администрацию по всей Франции (в каждом департаменте которой во время войн и беспорядков предыдущих лет возник невыносимый беспорядок), вызвал удивление всех, кто имел доступ к его частной жизни. Он истощал энергию одного секретаря за другим; казалось, ему почти не хотелось спать; и все же он выдерживал беспрецедентную усталость, не прибегая к какому-либо стимулятору сильнее лимонада. Из многих важных мер, принятых и доведенных до совершенства во время этого недолгого мира, мы можем отметить, в частности, следующие:-

Указ сената от 26 апреля 1802 года разрешал всем эмигрантам вернуться во Францию, при условии, что они пожелают сделать это в течение определенного периода времени, и принести присягу на верность консульскому правительству; и предлагал вернуть таким лицам все их имущество, конфискованное во время революции, которое все еще оставалось в распоряжении государства. Однако из этой амнистии было освобождено около 5000 человек; они были распределены по пяти категориям, а именно: те, кто возглавлял отряды повстанцев-роялистов; кто служил в армиях союзников; кто принадлежал к семейству Бурбонов во время их изгнания; кто был агентами в разжигании внешней или внутренней войны; и, наконец, генералы, адмиралы, представители народа, которые были сосланы за измену Республике; вместе с епископами, которые упорно отказывались принять условия, на которых было ограничено осуществление церковных функций. санкционировано консулами. Это событие во многом оправдало благоразумие этого милосердного указа. Гораздо большая часть эмигрантов вернулась и стала мирными подданными Наполеона, даже несмотря на то, что восстановление конфискованной собственности так и не состоялось в обещанном объеме. Говорят, что он, вернув несколько княжеских поместий их законным хозяевам, достаточно показательным поведением с их стороны дал понять, что теперь они получили все, что хотели, и в будущем не будут утруждать себя попытками заслужить его благосклонность. Весьма вероятно, что имели место некоторые случаи надменной неблагодарности; но консул, нарушив свое слово, данное ограбленным эмигрантам в целом, готовил себе опасности более серьезные, чем те, которых он избежал, разрешив им вернуться во Францию.

Еще более важной мерой было то, что римская религия была окончательно восстановлена в качестве национальной веры. Сохранение папского владычества после Маренго и повторное открытие церквей во Франции были предварительными условиями мира, который был, наконец, подписан 18 сентября 1802 года между папой и революционным правительством. Этот знаменитый *конкордат* был делом рук самого Наполеона, который, по-видимому, всякий раз, когда касался вопроса религии, сталкивался с большим сопротивлением, чем деятели Революции, с которыми он консультировался, считали нужным демонстрировать в любых

других случаях. Этот вопрос долго обсуждался однажды вечером на террасе сада, на любимой вилле Бонапарта в Мальмезоне. Главный консул признался, что сам не верит в христианство; "Но религия, - сказал он, - это принцип, который невозможно искоренить из сердца человека". "Кто все это сотворил?" - продолжал он, глядя на небо, которое было чистым и усыпанным звездами. "Но в прошлое воскресенье вечером я прогуливался здесь один, когда на закате зазвонили церковные колокола деревни Руэл. Я был сильно тронут, настолько живо образ первых дней вернулся вместе с этим звуком. Если так обстоит дело со мной, то что должно быть с другими? Восстанавливая церковь, я учитываю пожелания подавляющего большинства моего народа".

Присутствовал Волни, знаменитый путешественник. "Вы говорите о большинстве народа, - сказал он. - Если таково будет правило, призовите бурбонов завтра". Впоследствии Наполеон никогда не разговаривал с этим дерзким неверным.

The *Конкордат* не удовлетворил высшую католическую партию, которая сочла его всеобъемлющим соглашением, совершенно недостойным достоинства папы и разрушительным для авторитета церкви. Подавляющее большинство нации, однако, было достаточно мудро, чтобы удовлетвориться условиями, которые Ватикан счел необходимым признать. Основными статьями были следующие: I. Римско-католическая религия признана национальной верой. II. Папа Римский совместно с французским правительством произведет новое разделение епархий, требуя, при необходимости, отставки любого существующего прелата. III. Вакантные кафедры сейчас и впредь будут заполняться Папой Римским *по представлению правительства*. IV. Ни один епископ не может занимать свои кафедры, если он не присягнет на верность правительству и не примет ритуал, при котором возносятся молитвы за консулов. V. Средства к существованию церкви, подобно епархиям, должны быть реорганизованы; и кюре назначаются епископом, но не без одобрения правительства. VI. Французское правительство должно позаботиться о прелатах и духовенстве, а папа Римский навсегда отказывается от всякого права оспаривать распределение церковной собственности в результате событий революционного периода.

Папа, соглашаясь с этими условиями, подчинился "велениям времени, которое, — сказал его Святейшество в самом документе, - накладывает свое насилие даже на нас". Самым горьким моментом казни было то, что касалось епископов, подавляющее большинство из которых все еще находились в изгнании. Этим прелатам было предложено сообщить, каждому в отдельности, в течение пятнадцати дней о своем принятии условий конкордата или об отставке со своего престола. Таким образом, застигнутые врасплох, не имея возможности проконсультироваться и рассматривая конкордат как губительный для прав церкви, а согласие папы как вызванное простой необходимостью, почти все они, к их чести, отказались выполнить любое из этих требований. То, что эти епископы предпочли нищету и изгнание покорности, вряд ли увеличило бы популярность конкордата среди более набожной части нации. Тем временем самозванные философы смотрели на это с презрением, а республиканцы всех сект с гневом и негодованием рассматривали политический курс, который, как они справедливо полагали, предусматривал восстановление церкви исключительно потому, что это считалось наиболее вероятным средством восстановления монархии - действительно, при новой династии, но со всеми или даже больше, чем со всеми старыми силами.

Известно, что в минуты гнева Наполеон иногда выражал сожаление о том, что ему вообще пришлось прибегнуть к этому конкордату: но на острове Святой Елены, спокойно оглядываясь назад, он сказал, что это была настолько необходимая мера, что, если бы не было папы, ее следовало бы создать специально для этого случая.

Имя Первого консула теперь упоминалось в церковной службе по крайней мере так же часто, как раньше имя короля. Собор Парижской Богоматери был подготовлен к торжественному приему конкордата. Наполеон появился там со статусом и свитой монарха, и в каждой части церемониала тщательно соблюдались древние правила. Председательствовавший прелат был тем же архиепископом Экса, который произносил коронационную проповедь Людовика XVI.

Однако было нелегко добиться присутствия некоторых революционных генералов, принадлежащих к истинно республиканской расе. Бертье задолго до этого пригласил большую группу из них позавтракать; он проводил их оттуда к дамбе Главного консула, и они сочли невозможным не присоединиться к процессии. После окончания церемонии Бонапарт спросил одного из этих людей, что он об этом думает. "Это был настоящий *Капуцинад*", - последовал ответ. Другому из них, которого он считал менее искренним, он сказал с улыбкой: "Видите ли, все возвращается к старому порядку". "Да, - ответил ветеран, — все возвращаются - все, кроме двух миллионов французов, которые погибли ради разрушения той самой системы, которую вы сейчас восстанавливаете". Говорят, что эти офицеры дорого заплатили за свой невежливый язык. Бертье не позволил вмешиваться в дела Моро. Главный консул лично пригласил его присутствовать на *Богослужении* в Соборе Парижской Богоматери, затем присутствовать на освящении некоторых цветов и, наконец, отобедать в Тюильри. Моро ответил: "Я принимаю последнюю часть вашего приглашения".

Третья важная мера, принятая примерно в тот же период, была встречена безоговорочными аплодисментами. Это было создание национальной системы образования, необходимость которой сильно ощущалась с тех пор, как старые университеты и школы, находившиеся под управлением духовенства, были распущены во время первого насилия революции. Политехническая школа, основанная под руководством Монжа, относится к этой эпохе и впоследствии снабдила Францию длинной вереницей выдающихся людей для каждого отдела государственной службы.

Именно теперь Главный консул приступил к выполнению великой задачи по обеспечению Франции единообразным сводом законов. Сам он постоянно принимал серьезное участие в дискуссиях юристов, которые были задействованы в этом гигантском предприятии, и поражал их замечательными наблюдениями, которые подсказывала его врожденная проницательность в отношении вопросов, обычно считавшихся совершенно недоступными непрофессиональным людям. Но о новом кодексе у нас будет возможность поговорить позже.

Бонапарт в этот период разработал и начал приводить в исполнение бесчисленные общественные работы высочайшей полезности. Внутреннее судоходство в Лангедоке должно было быть завершено: был начат большой канал между реками Йонна и Саонна с целью создания совершенного водного сообщения по всей территории республиканских владений — от Марселя до Амстердама. Были спланированы бесчисленные мосты, дороги, музеи; и тщеславным людям льстили возвышающиеся памятники великолепия, в то время как мудрые признавали в каждом подобном проявлении глубину и предвидение гения, созданного для империи.

Пока можно сказать, что меры Консульства получили одобрение всех, за исключением нескольких человек. Они сопровождались судебными разбирательствами, некоторые из которых пробудили, или усилили и подтвердили, чувства самого различного характера среди различных важных классов французского сообщества; в то время как другие были хорошо рассчитаны на то, чтобы возродить подозрительность у всех соседних наций.

Говорят, что впервые идея ордена Почетного легиона возникла в груди Наполеона, когда он однажды увидел из окна Тюильри восхищение, с которым толпа перед дворцом рассматривала звезды и кресты, которые носил маркиз Луккезини, посол Пруссии, когда он выходил из своей кареты. Республиканских членов сената невозможно было убедить в том, что учреждение ордена со знаками отличия было чем угодно, только не первым шагом к созданию нового органа дворянства; и они сопротивлялись предложенной мере с большим упорством. По этому вопросу, как и по поводу конкордата с папой, консул снизошел до того, чтобы лично вступить в дискуссию с высокопоставленными лицами, которые расходились с его мнением или подозревали о его намерениях; и если кто-либо из тех, кто слышал его высказывания по этому поводу, сомневался в том, что и дворянство, и монархия были созданы для того, чтобы неуклонно следовать за орденом Почетного легиона, они, должно быть, были на редкость тугодумны. *Бертье* называл ленты и кресты "игрушками монархии" и сослался на то, что у древних римлян "не было системы почетных наград". "Они всегда говорят нам о римлянах", - сказал Бонапарте. "У римлян были патриции, рыцари, граждане и рабы: —для каждого класса различная одежда и разные манеры; —почетные вознаграждения за все виды заслуг; —настенные короны; —гражданские короны; —овации; —триумфы; —титулы. Когда благородная банда патрициев потеряла свое влияние, Рим развалился на куски — народ превратился в мерзкий сброд. Именно тогда вы увидели ярость Мария, проскрипции Суллы, а затем и императоров. Точно так же о Бруте говорят как о враге тиранов: он был аристократом, который заколол цезаря, потому что Цезарь хотел понизить авторитет благородного сената. Вы говорите о *детских погремушках*— пусть будет так: именно такими погремушками людей водят за нос. Я бы не сказал этого толпе, но в совете государственных деятелей можно говорить правду. Я не верю, что французский народ любит *свободу и равенство*. Их характер не изменился за десять лет: они по-прежнему такие же, какими были их предки, галлы, — тщеславные и легковесные. Они восприимчивы только к одному чувству — *чести*. Правильно питать это чувство и допускать различия. Понаблюдайте, как люди склоняются перед наградами иностранцев. Вольтер называет простых солдат *Александрами за пять су в день*. Он был прав: это именно так. Вы воображаете, что можете заставить людей сражаться с помощью рассуждений? Никогда. Вы должны подкупить их славой, отличиями, наградами. Перейдем к делу: в течение десяти лет велись разговоры об институтах. Где они? Все было перевернуто: наш бизнес заключается в развитии. Есть правительство, обладающее определенными полномочиями: что же касается всей остальной нации, то что это, как не песчинки? Прежде чем Республика может быть окончательно установлена, мы должны в качестве фундамента отлить несколько гранитных блоков на земле Франции. В целом, решено, что нам нужны какие-то институты. Если этот орден Почетного легиона не будет одобрен, пусть будет предложен какой-нибудь другой. Я не претендую на то, что только он спасет государство; но он внесет свою лепту". Таковы были слова Наполеона, когда план находился в стадии подготовки. Много лет спустя, в своем изгнании на острове Святой Елены, он так отзывался о своем Ордене. "Это было возвращение каждого, кто был честью для своей страны, стоял во главе своей профессии и внес свой вклад в национальное процветание и славу. Одни были недовольны тем, что награда была одинаковой

для офицеров и солдат; другие - тем, что ею награждались гражданские и военные заслуги без разбора. Но если когда-нибудь это перестанет быть наградой храброму рядовому или ограничится только солдатами, это перестанет быть орденом Почетного легиона".

15 мая 1802 года был официально учрежден орден Почетного легиона; для его содержания были выделены обширные национальные владения; а кресты (каждый из которых давал право носителю наопределенное старшинство и пенсию) были широко распространены среди солдат и среди граждан почти всех профессий.

Тем временем личная власть будущего императора с каждым днем расширялась и укреплялась. После учреждения Консульства во Франции были признаны необходимыми некоторые соответствующие изменения в правительстве Цизальпинской республики, и Наполеон позаботился о том, чтобы они были проведены таким образом, чтобы обеспечить себе не только постоянную, но и полностью независимую власть за Альпами. Конвент из 450 итальянских депутатов был созван в *Лионе*; и там Талейран был готов продиктовать условия новой конституции, согласно которой исполнительные функции должны были быть переданы президенту и вице-президенту, а законодательные - совету, избираемому из трех коллегий выборщиков. Затем было предложено пригласить Буонапарте занять вместо него пост президента — Буонапарте, как старательно объяснялось, не как главного консула Франции, а в его личном качестве. Он лично отправился в Лион и, обратившись к конвенту с речью на итальянском языке, 2 января 1802 года принял достоинство, которое было ему таким образом присвоено.

Следующим шагом было продление срока его пребывания во французском консульстве. Шабо де Л'Алье, его креатура, внес в Трибунат предложение просить консервативный сенат отметить национальные чувства благодарности, присвоив Наполеону какую-нибудь новую награду. Соответственно, Сенат предложил назначить его консулом на второй десятилетний срок, который начнется по истечении срока его нынешней должности. Он поблагодарил их, но сказал, что не может согласиться ни на какое продление своей власти, кроме как с согласия народа. Этот вопрос должен был быть передан народу; но Второй и Третий консулы, готовя сенатский эдикт для общественного рассмотрения и ратификации, получили от своего главного коллеги указание внести важное изменение в его условия. Вопрос, который они прислали, звучал так: "Будет ли Буонапарте пожизненным главным консулом?" О *десяти годах* упоминалось. Как и в прошлый раз, были открыты бухгалтерские книги: правительственные чиновники в департаментах хорошо знали, каким методом вести дела, и было объявлено, что голос нации поддерживает указ. Только несколько сотен стойких республиканцев заявили о своем несогласии; и Карно, возглавлявший их, сказал, что он хорошо знал, что подписывает себе приговор об изгнании. Но Наполеон был достаточно силен, чтобы обходиться без подобных строгостей; Карно оставался в безопасности, но вне должности, пока, много лет спустя, его услуги не были предложены и приняты при въезде иностранных захватчиков во Францию. 2 августа Буонапарте был провозглашен пожизненным консулом.

Вскоре после этого в комитете, занимавшемся Кодексом, Наполеон пустился в долгие рассуждения в пользу римского права усыновления, с бесстрашной логикой настаивая на том, что выбранный таким образом наследник должен быть даже дороже сына. Цель этой речи было нетрудно разгадать. Наполеон больше не надеялся иметь детей от Жозефины и обдумывал усыновление одного из сыновей своего брата в качестве своего наследника. Осенью простой

эдикт Консервативного сената разрешил ему назначить своего преемника в консульстве по завещанию. Этим актом (4 августа 1802 г.) на трон Франции была призвана новая династия. Фарс с открытием книг в департаментах был прекращен. Отныне слова "*Свобода, Равенство, Суверенитет народа*" исчезли из государственных бумаг и официальных документов правительства - и это изменение не привлекло особого внимания. У нации был хозяин, и ею управляли равнодушные зрители; в то время как он, под властью которого жизнь и собственность считались безопасными, распоряжался политическими правами и привилегиями по своему усмотрению.

Этот год отличался событиями иного порядка, и вряд ли европейские державы отнеслись бы к ним равнодушно. После ратификации Амьенского мира стали известны некоторые договоры, которые Главный консул заключил с Турцией, Испанией и Португалией и которые до сих пор хранились в глубокой тайне. Теперь оказалось, что Порта уступила Франции все торговые привилегии, которые это правительство когда-либо предоставляло наиболее благоприятствуемым нациям. Испания согласилась с тем, что Парма после смерти правящего принца должна быть присоединена к владениям Франции, а Португалия фактически уступила свою провинцию в Гайане. Во всех уголках мира алчное честолюбие Бонапарта, казалось, нашло себе добычу.

Тем временем он готовился нанести удар по независимости Швейцарии и фактически объединить эту страну со своей империей. Договаривающиеся стороны Люневильского мирного договора *гарантировали* независимость Гельветической республики и неоспоримое право швейцарцев распоряжаться своим правительством так, как им заблагорассудится. Там, как и везде, были две партии — одна желала полного восстановления старой федеративной конституции, другая предпочитала модель Французской Республики "единой и неделимой". К первой партии примкнули небольшие горные кантоны, ко второй — более богатые и аристократичные кантоны. Их споры в конце концов переросли в гражданскую войну - и партия, предпочитавшая старую конституцию, возглавляемая доблестным Алоизом Редингом, в целом добилась успеха. Наполеон, который спровоцировал их ссору, теперь, непрошенный и неожиданный, взял на себя роль арбитра между противоборствующими сторонами. Он направил письмо восемнадцати кантонам, в котором встречаются такие слова: "Ваша история показывает, что ваши междоусобные войны не могут быть прекращены иначе, как путем вмешательства Франции. Я, это правда, решил не вмешиваться в ваши дела — но я не могу оставаться бесчувственным к страданиям, жертвой которых, как я вижу, являетесь вы — Я напоминаю о своем решении сохранять нейтралитет — Я *согласен* быть посредником в ваших разногласиях". Рапп, генерал-адъютант, был носителем этого наглого манифеста. Чтобы положить конец всем дискуссиям, Ней вступил в Швейцарию во главе 40 000 солдат. Соппротивление было безнадежным. Алоис Рединг распустил своих храбрых последователей, был арестован и заключен в тюрьму в замке Аарбург. Правительство было сформировано с благоволения Наполеона, который отныне добавил к другим своим титулам титул "Великого посредника Гельветической республики". Швейцария была, в сущности, низведена до уровня провинции Франции и была обязана содержать армию в 16 000 человек, которые должны были быть в распоряжении Великого Посредника, когда ему заблагорассудится потребовать их помощи. Англия направила посланника с протестом против этого сигнала и неспровоцированной алчности, но другие державы позволили ему пройти без какого-либо

официального противодействия. Однако страдания Алоиза Рединга и его отважных сподвижников и это дерзкое попрание старого духа швейцарской свободы и независимости вызвали глубокое возмущение по всей Европе.

Такого же рода чувства повсюду питались результатами экспедиции, которую Бонапарт отправил перед закрытием 1801 года на Сан-Доминго с целью отвоевать этот остров у Франции. Черное и цветное население восстало в революционный период против своих белых хозяев и, после сцен ужасной резни и опустошения, освободилось. Постепенно главная власть перешла к Туссену-Лувертьюру, негру, который во время войны проявлял свирепость варвара, но после ее завершения заслужил аплодисменты и восхищение всех людей мудростью и гуманностью своего управления. Сознавая, что всякий раз, когда в Европе будет восстановлен мир, Франция предпримет усилия по возвращению своей богатейшей колонии, Туссен принял меры, способные примирить изгнанных плантаторов и правительство метрополии. Была учреждена конституция по консульскому образцу, и Туссен был ее Бонапартом: верховенство Франции должно было быть признано в определенной степени; и белые собственники должны были получать половину продукции с земель, которыми завладели повстанцы. Но Наполеон выслушал обо всех этих приготовлениях с неудовольствием и презрением. Он снарядил многочисленный флот, насчитывающий 20 000 человек армии, под командованием генерала Леклерка, мужа его собственной любимой сестры Полины. Часто говорилось, и это не противоречило действительности, что солдаты, посланные с этим поручением, были в основном из рейнской армии, в чьем добром расположении к консулу можно было усомниться. Леклерк призвал Туссена (2 января 1802 г.) сдаться в письме, в котором передавались выражения большого личного уважения со стороны Бонапарта. Негритянский вождь, справедливо предчувствуя неискренность, некоторое время храбро защищался; но оплот за оплотом уступал численности и дисциплине; и, наконец, он тоже подчинился при условии, что ему будет позволено в безопасности удалиться на свою плантацию. Какие-то неясные слухи о восстании вскоре послужили предлогом для его ареста; и он, посаженный на борт корабля и отправленный во Францию, был заключен в темницу, где либо полуночная веревка, либо кинжал, либо изнуряющее влияние заключения и безнадежных страданий вскоре положили конец его жизни. Его загадочная судьба, как до, так и после ее завершения, вызвала большой интерес.^[43] Чудовищная жестокость французских солдат при покорении Сан-Доминго равнялась (и не могла превзойти) жестокости негров-варваров, которым они противостояли; но о ней рассказывали с отвращением и ужасом, каких не могли вызвать никакие эксцессы простых дикарей. Словно Небеса были тронуты этими кровавыми деяниями возмездия, в лагере вспыхнула болезнь; умерли тысячи людей, и среди них сам Леклерк. Однако на какое-то время французское вооружение восторжествовало - и, ликуя от победы, правительство внутри страны проявило крайнюю и, казалось бы, бесцельную щедрость, опубликовав указ, изгоняющий всю негритянскую расу из их европейских владений.^[44] Но желтая лихорадка уже быстро поглощала французскую армию в Сан-Доминго; и ее слабые остатки под командованием Рошамбо были окончательно изгнаны в ноябре 1803 года, независимость *Хайти* была официально провозглашена 1 января 1804 года.

Поведение Наполеона в Европе и за ее пределами было рассчитано на то, чтобы вселить в всех независимых соседей новые или обострившиеся подозрения; и в Англии, где общественное мнение обладает наибольшими средствами заявить о себе и, следовательно, наибольшей властью, преобладание подобных чувств становилось день ото дня все более заметным. Заявление британского посланника против угнетения Швейцарии было лишь одной из многих

капель, которые вскоре переполнили чашу горечи. Как и в большинстве ссор, в них было что-то одновременно и правильное, и неправильное с обеих сторон. Когда английское правительство протестовало против любого из тех дерзких посягательств на права независимых наций или хитроумного расширения дипломатическими средствами могущества Франции, которыми отличался этот мирный период, главный консул всегда мог ответить, что кабинет Сент-Джеймса, со своей стороны, еще не выполнил ни одной статьи Амьенского мирного договора, передав Мальту в ведение какой-либо державы, которая была нейтральной в предыдущей войне. Ответ был очевиден, а именно, что Наполеон каждый день принимал меры, совершенно несовместимые с тем балансом сил, который предусматривал Амьенский мирный договор. Нельзя отрицать, что он в своих дерзких амбициозных действиях ухитрился уложиться в строгие условия договора; и столь же мало можно оспаривать тот факт, что английский кабинет был *правноправен* с ними, хотя они и нарушали букву закона, удерживая наследство никчемных и предавших себя рыцарей ордена Святого Иоанна.

Однако чувства соперничающих наций вскоре переросли в ярость; и по обе стороны Ла-Манша язык печатных изданий приобрел оттенок еще более ожесточенного насилия, чем это наблюдалось во время войны. Английские журналисты прибегали к грязным, часто ложным и даже абсурдным обвинениям в адрес главного консула, а парижские газеты отвечали в выражениях, столь же неоправданных с точки зрения правды и приличия, но с той существенной разницей, что, в то время как пресса Англии была свободной, пресса Франции, находясь полностью под контролем Фуше и полиции, не могла, как всем известно, распространять подобную клевету иначе, как с согласия консульского правительства. Когда Наполеон пожаловался английским министрам, их ответ был очевиден: "Наши суды открыты — мы сами привыкли подвергаться насилию, как и вы, и в них у нас, как и у вас, есть наш единственный ресурс". С другой стороны, статьи в "*Монитор*" были, чего нельзя было отрицать, фактически манифестом Тюильри.

Из всех популярных средств, возбуждавших гнев Наполеона, самой оскорбительной была газета (*L'Ambigu*), издававшаяся на французском языке в Лондоне неким Пельтье, эмигрантом-роялистом; и, несмотря на все советы, которые можно было предложить, он в конце концов снизошел до судебного преследования автора в английских судах. М. Пельтье посчастливилось нанять в качестве своего адвоката мистера Макинтоша, [45] сторонник самых блестящих талантов и, более того, особенно отличился своей поддержкой первоначальных принципов Французской революции. На последовавшем судебном процессе этот оратор в защиту своего клиента произнес филиппику против личного характера и честлюбивых планов Наполеона, неизмеримо более рассчитанную на то, чтобы навредить Главному консулу в общественном мнении всей Европы, чем все усилия тысячи газет; и, хотя присяжные признали Пельтье виновным в клевете, результат в целом был знаменательным триумфом партии, органом которой он был.

Это было в высшей степени неосмотрительное и недостойное судебное разбирательство; но прежде чем ответчик Пелтье мог быть вызван на суд, сомнительные отношения Главного консула и кабинета Сент-Джеймса должны были принять иной вид. Сент-Амьенское перемирие уже подходило к концу. Бонапарт, возможно, имел некоторое право жаловаться на безудержные злоупотребления британской прессы, но у британского правительства была гораздо более серьезная причина для предъявления ему претензий. Под предлогом назначения французских консулов для защиты торговли он послал людей, главным образом военных,

которые доставили приказ составить точные планы всех гаваней и побережий Соединенного Королевства. Эти джентльмены попытались выполнить свое поручение со всей возможной секретностью; но вскоре их занятие было раскрыто; они были отправлены обратно во Францию без всяких церемоний; и эта вероломная мера их правительства была открыто осуждена как нарушение всех норм международного права и явный признак подготовки к войне.

Прежде чем военные действия возобновились, Бонапарт нанял г-на Мейера, президента варшавского регентства, для начала переговоров с главой Дома Бурбонов, проживавшим в то время в Польше. Он предложил Людовику оформить официальный акт отказа от себя и своей семьи от всех притязаний на трон Франции и предложил взамен передать принцам Бурбонов во владение независимые владения в Италии. Наследник французских королей ответил языком, достойным его происхождения: "Я не путаю господина Бонапарта, - сказал он, - с теми, кто был до него. Я ценю его храбрость и военный гений, и я обязан ему доброй волей за многие действия его правительства — за пользу, оказанную моему народу, которую я всегда буду считать оказанной мне. Но он ошибается, если полагает, что мои права когда-либо могут стать предметом сделки и компромисса. Если бы они были поставлены под сомнение, само это заявление подтвердило бы их. Каковы могут быть замыслы Бога относительно меня и моего дома, я не знаю; но об обязанностях, налагаемых на меня положением, в котором Ему было угодно, чтобы я родился, я не совсем в неведении. Как христианин, я буду выполнять эти обязанности, пока жив. Как потомок Святого Людовика, я буду знать, как уважать себя, будь я в оковах. Как преемник Франциска Первого, я, по крайней мере, скажу вместе с ним: "все потеряно, кроме чести".

Таков рассказ о принцах Бурбонов. Бонапарт категорически отрицал, что давал какие-либо полномочия на такие переговоры; и добавил, что при этом он должен был бы сыграть роль сумасшедшего, поскольку любое обращение к Людовику должно было быть признанием того, что его собственная власть во Франции была несовершенной по праву. Очевидно, что консул поступил бы крайне неблагоразумно, признавшись в такой попытке — после того, как она оказалась безуспешной; но правдивость изгнанного короля не вызывает никаких подозрений; и нелегко поверить, что Мейер осмелился бы начать такие переговоры без достаточных полномочий от Наполеона. До сих пор он не проявлял никаких признаков личной неприязни к Дому Бурбонов, но с этого момента автократ, оскорбленный, как он думал, в стиле "месье Бонапарте", похоже, замышлял какой-то знаковый акт мести.

Отказ Людовика возмутил его тем сильнее, что он не сомневался в том, что этот принц хорошо понимал, как мало великие державы Европы были расположены благосклонно относиться к утверждению Бонапартов как новой династии во Франции. Одним словом, он подозревал, что его недавние споры с кабинетом министров Сент-Джеймса вселили новые надежды в сердца семьи изгнанников.

Именно в этот период Наполеон опубликовал в "*Монитор*" длинный меморандум, составленный генералом Себастьяни, только что вернувшимся из миссии в Левант, изобилующий заявлениями и облеченный в выражения, которые не могли иметь иной цели, кроме как довести правительство Англии до крайности. Себастьяни подробно описал события своего путешествия, рассказав о том, что его везде принимали с почетом и даже с энтузиазмом как посланника Наполеона. Таковы, по его словам, были намерения мусульман, что 6000 французов теперь будет достаточно для возвращения Египта республике; и напрасно *генерал Стюарт*, который

представлял английского короля в этой стране, пытался побудить турецкое правительство убить его, Себастьяни. Наконец, в докладе утверждалось, что Ионические острова при первом благоприятном случае объявят себя французскими.

Английское правительство отклонило эту публикацию, поскольку она одновременно является признанием опасных амбиций Бонапарта и преднамеренным оскорблением их самих, характер и честь представителя которых одно из главных заявлений, должно быть, было направлено разрушить, умышленно пожертвовав правдой. Французский министр ответил, что главный консул имел такое же право жаловаться на недавнюю публикацию *рассказа сэра Роберта Уилсона об английской экспедиции в Египет*, которая содержала заявления, в высшей степени наносящие ущерб его характеру и чести;^[46] и, тем не менее, была посвящена с разрешения герцога Йоркского. Очевидный ответ, а именно, что книга сэра Роберта Уилсона была работой частного лица и опубликована исключительно под его личную ответственность, в то время как книга Себастиани была публичным документом, опубликованным официальным органом, был воспринят как бессмысленное и наглое уклонение от ответа. Тем временем язык прессы с обеих сторон день ото дня становился все более яростно оскорбительным; и различные члены британского парламента, принадлежащие к противоположным партиям и занимающие самое высокое положение, не колеблясь соперничали с газетами в своих пространных разоблачениях беспокойного и ненасытного честолюбия главного консула. "Бонапарт, - сказал мистер Уиндхэм, - это Ганнибал, который поклялся посвятить свою жизнь уничтожению Англии. Война не за горами, и я считаю, что было бы гораздо безопаснее предвидеть удар, чем ожидать его. Я бы посоветовал министрам апеллировать к благородным и гордым сердцем - независимо от того, добьются они успеха или нет, тогда мы не падем, как *Августули*". "Разрушение этой страны, - сказал мистер Шеридан, - это первое видение, которое осеняет французского консула при свете утра: это его последняя ночная молитва, к какому бы божеству он ее ни обращал, будь то Юпитер или Магомет, Богиня Сражений или Богиня Разума. Посмотрите на карту Европы, с которой, как говорили, была вычеркнута Франция, и теперь не увидите ничего, кроме Франции. Если амбиции Бонапарта неизмеримы, есть масса причин, по которым они должны быть прогрессивными".

Уязвленный за живое этими постоянными оскорблениями, Наполеон настолько унизил свое достоинство, что сделал их предметом личной жалобы и упрека английскому послу. Он навязал себя департаменту Талейрана и попытался поколебать решимость посла, лорда Уитворта, проявив грубую жестокость, подобную той, которая действительно удалась австрийскому посланнику в Кампо-Формио, но которая не произвела никакого эффекта в случае с этим спокойным и пылким дворянином. Первая из их встреч состоялась в феврале, когда консул почти два часа разглагольствовал перед лордом Уитвортом, едва позволив ему вставить хоть слово по другой стороне вопроса. "Каждый шторм, дующий со стороны Англии, отягощен враждой, - сказал он. - ваше правительство поддерживает Жоржа, Пишегрю и других гнусных людей, которые поклялись убить меня. Ваши дневники клеветают на меня, и возмещение ущерба, которое мне предлагают, - всего лишь добавление насмешки к оскорблению. Я мог бы стать хозяином Египта хоть завтра, если бы захотел. *Египет, действительно, рано или поздно должен будет принадлежать Франции*; но у меня нет желания начинать войну ради такой тривиальной цели. Что я мог бы выиграть от войны? Вторжение было бы моим единственным способом досадить вам; и вторжение у вас будет, если мне навязают войну, — но я признаю, что шансы были бы сто к одному против меня в такой попытке. За десять лет я не мог надеяться иметь флот, способный спорить с вами на морях; но, с другой стороны, армия Франции могла бы

быть набрана за несколько недель до 480 000 человек. Объединившись, мы могли бы править миром: — Почему мы не можем понять друг друга?" Лорд Уитворт не мог не заметить значения этих намеков и ответил, как и подобало ему, что король Англии не имел иного желания, кроме как сохранить свои собственные права, и презирал саму мысль о том, чтобы стать партнером Франции в общем плане грабежей и угнетения. Они расстались с холодной вежливостью, и переговоры возобновились в обычном порядке: но Англия твердо отказалась уступить Мальту — по крайней мере, на ближайшие десять лет. Агрессия Наполеона полностью изменила распределение территории и власти, намечавшееся при заключении Амьенского мирного договора; о какой гарантии могло идти удержание Мальты Наполеон или любой другой такой второстепенной державой, если бы Бонапарт пожелал ее заполучить? Сдать его фактически означало бы уступить неприступную гавань и цитадель в сердце Леванта правительству, которое продолжало попираť независимость государства за государством на западе. Тем временем английское правительство открыто объявило в парламенте, что положение дел, по—видимому, вызывает тревогу - что французы укомплектовывают флот и свои армии и что необходимо прибегнуть к аналогичным мерам; и, соответственно, было согласовано значительное пополнение военного контингента.

Так обстояли дела 13 марта, когда лорд Уитворт появился на приеме у главного консула в сопровождении всего остального дипломатического корпуса. Как только Наполеон вошел, он, устремив взгляд на английского посла, громко и яростно воскликнул в присутствии собравшихся: "Значит, вы настроены на войну!" Лорд Уитворт отрицал это обвинение, но консул приглушил свой голос и продолжал так: "Мы воюем уже пятнадцать лет — вы решили провести в этой войне еще пятнадцать лет — вы вынуждаете меня к этому". Затем он повернулся к другим министрам и сказал тем же яростным тоном: "Англичане хотят войны; но если они первыми обнажат меч, я буду последним, кто вложит его обратно в ножны. Они не уважают договоры — отныне мы должны покрывать их черным крепом". Затем, снова повернувшись к Уитворту, "Для чего, - воскликнул он, - это вооружение?" Если вы вооружитесь, я тоже вооружусь; если вы будете сражаться, я тоже смогу сражаться. Вы можете уничтожить Францию, но вам не запугать ее". "Мы не хотим ни причинять ей вреда, ни тревожить ее, но хотим жить в условиях хорошего интеллекта", - сказал лорд Уитворт. "Тогда уважайте договоры, - сказал Наполеон, - горе тем, кто их не соблюдает!— они будут нести ответственность перед Европой за результат". Он сурово повторил эти последние слова и немедленно покинул зал, оставив собравшихся министров совершенно сбитыми с толку этим непристойным проявлением насилия.

Некоторые люди, хорошо знавшие Бонапарта, всегда утверждали, что эта недостойная сцена была разыграна со спокойной преднамеренностью и что свирепость страсти по этому поводу была всего лишь актерской игрой. Лорд Уитворт, однако, прекрасно разбирался в людях и манерах и никогда не сомневался, что надменный солдат поддался неконтролируемому гневу. Осторожный Талейран предпринял различные попытки объяснить несдержанные слова своего господина; но они и тон, которым они были произнесены, значительно усилили ревность и враждебность английского правительства и нации и возродили или подтвердили подозрительность, с которой другие державы Европы имели слишком много оснований относиться к карьере революционной Франции.

18 мая Великобритания объявила войну. Ранее были отданы приказы о захвате французского судоходства везде, где оно могло быть найдено, и говорят, что 200 судов, на которых находилось имущество на сумму в три миллиона фунтов стерлингов, были соответственно захвачены,

прежде чем объявление о военных действиях достигло Парижа. Независимо от того, была ли практика столь бесцеремонного захвата частной собственности при таких обстоятельствах правильной с точки зрения абстрактного принципа или неправильной, не может быть сомнений в том, что этот обычай установился давно, Англия применяла его во всех подобных случаях и, конечно, рассматривала по прошествии веков и при молчаливом согласии с бесчисленными договорами как неотъемлемую часть европейской системы ведения войны. Это не отрицалось Наполеоном; но он увидел возможность и решил воспользоваться ею, возбудив зависть других правительств, обратившись против осуществления Англией такого рода нападения, для которого Англия, благодаря своему морскому господству, имеет больше соблазнов и лучших средств, чем любая другая держава. Поэтому он решил отомстить совершенно беспрецедентным гневом. В ту самую ночь, когда резолюция Сент-Джеймского кабинета достигла Парижа, были отданы приказы об аресте всех английских подданных, проживающих или путешествующих в пределах доминиона Франция.

Таким образом, не менее 10 000 человек, в основном, конечно, из высших классов общества, оказались обреченными на плен во враждебной стране. Если бы Наполеон принял менее жестокие меры, его призывы против английского правительства могли бы быть благосклонно восприняты по всей Европе. Но это деспотическое и беспрецедентное причинение изгнания и страданий множеству ни в чем не повинных частных лиц привело к совершенно иным последствиям. Это вызвало всеобщее сочувствие, возмущение и отвращение.

ГЛАВА XVIII

Возобновление войны—Французы захватывают Ганновер и Неаполь—Англичане захватывают различные французские колонии—Возобновлен план вторжения в Англию—Моро—Пишегрю—Жорж Кадудаль—Капитан Райт—Убийство герцога Энгиенского—Наполеон, император Франции—Король Италии—Генуя присоединена к империи.

Война была энергично возобновлена с обеих сторон. Английский флот быстро отвоевал различные колонии, возвращенные Франции по Амьенскому мирному договору, и помог вынудить поредевшую армию, которой командовал Леклерк, эвакуировать Сан-Доминго. Бонапарт, с другой стороны, совершенно презирал различие между Британской империей и Ганновером — владением действительно одного и того же принца, но совершенно не связанным с английской конституцией и, как принадлежащее Германской империи, имеющее право, если оно пожелает, сохранять нейтралитет, — и, сначала двинув армию в Голландию, приказал Мортье, ее главнокомандующему, без церемоний продвинуться вперед и захватить электорат. В то же время и под тем же предлогом французские войска хлынули на Юг Италии и заняли Неаполь.

Появление генерала Мортье на ганноверской границе убедило герцога Кембриджского, губернатора курфюрста, в том, что сопротивление безнадежно. Он вступил в переговоры (май 1803 г.), в результате которых территория должна была быть сдана при условии, что его армии будет разрешено отступить целой и невредимой за Эльбу, пообещав больше не выходить на поле боя против Франции во время этой войны. Но министры Георга III. посоветовали ему не ратифицировать этот договор. Мортье потребовал от генерала Вальмслодена,

главнокомандующего ганноверской армией, сложить оружие - или смириться с последствиями нападения за Эльбой - и этот прекрасный отряд людей был соответственно разоружен и распущен. Кавалерии было приказано спешиться и уступить своих лошадей французам, и последовала сцена, которая вызвала сочувствие самих солдат вторжения. Сильная привязанность между немецким драгуном и его лошадью хорошо известна; и это расставание было больше похоже на расставание дорогого родственника, чем человека и животного.

Император, обязанностью которого, как главы германского корпуса, было противодействовать этому вторжению на его территорию, был вынужден согласиться с объяснением консула, а именно: что у него не было желания захватывать Ганновер, а просто удерживать его до тех пор, пока Англия не увидит необходимость выполнения мальтийской статьи Амьенского мирного договора. Пруссия, встревоженная близким соседством Мортье, едва осмеливалась возражать. Только Дания выказывала какие-либо признаки активного негодования. Она отправила маршем 30 000 человек в свои германские провинции; но, обнаружив, что Австрия и Пруссия решили сохранять спокойствие, была вынуждена дать объяснения и отозвать свои войска. Французский генерал тем временем бичевал Ганновер своими поборами и даже, без всякого предлога, взимал крупные контрибуции в Бремене, Гамбурге и других ганзейских городах, расположенных поблизости от курфюршества.

Эти успехи позволили Наполеону прокормить значительную часть своей армии за счет других и нанести ущерб торговле Англии, перекрыв ее сообщение со многими из лучших рынков континента. Но теперь он вернулся к своему излюбленному плану - вторгнуться на сам остров и таким образом нанести смертельный удар в сердце своему последнему и злейшему врагу. Войска численностью 160 000 человек были размещены в лагерях вдоль французского и голландского побережий, и были сформированы огромные флотилии, предназначенные для их переправы через Ла-Манш, которые постоянно маневрировали в различных портах, главным из которых была Булонь.

С другой стороны, дух Англии был сильно взбудоражен. Ее флоты в количестве не менее 500 военных кораблей бороздили моря во всех направлениях, блокировали гавани стран, в которых преобладала власть консула, и время от времени совершали набеги на французские порты, прерывая и уничтожая судоходство и нанося урон флотилиям. На родине армия, как регулярная, так и нерегулярная, была набрана и усилена в беспрецедентных масштабах. Лагерь были разбиты вдоль английского побережья напротив Франции, и в центре их постоянно можно было видеть короля собственной персоной. По ночам на каждой вершине холма по всему острову горели маяки; и высокая решимость гражданских солдат подтверждалась в бесчисленных случаях ложной тревоги быстротой, с которой они продвигались к местам предполагаемой опасности.^[47] Никогда не было времени, когда национальный энтузиазм был более пылким и концентрированным; и возвращение Питта на пост премьер-министра (март 1804 г.) рассматривалось как последний и наилучший залог того, что советы суверена проявят энергию, соизмеримую с характером кризиса. Вскоре численность регулярной армии в Британии достигла 100 000 человек, ополчения - 80 000, а в добровольческих войсках было не менее 350 000 вооруженных людей.

Сульт, Ней, Даву и Виктор командовали армией, предназначенной для вторжения в Англию, а главный консул лично отправился в Булонь и проинспектировал как войска, так и флотилию. Он постоянно давал понять, что его неизменной целью было предпринять попытку с помощью

одной флотилии; но пока он таким образом пытался внушить своему врагу ложную уверенность (ибо Нельсон объявил этот план вторжения на лодках *безумными* поставил всю свою репутацию на его жалкий и немедленный провал, если бы попытался), консул на самом деле неустанно предоставлял флот военных кораблей, предназначенный для защиты и прикрытия плавания. Эти корабли готовились в разных портах Франции и Испании в количестве пятидесяти; Бонапарт намеревался, чтобы они вышли в море поодиночке или небольшими эскадрами, встретились в Мартинико и, вернувшись оттуда всем скоплением, очистили Ла-Манш от англичан по крайней мере на такой промежуток времени, которого могло хватить для выполнения его великой цели. Этим планам, однако, изо дня в день мешало бдительное рвение Нельсона и других английских адмиралов, которые так пристально наблюдали за Брестом, Тулоном, Генуей и гаванями Испании, что ни одна эскадра и вряд ли хоть одно судно не могли прорваться в Атлантику.

Наполеон до конца своей жизни настаивал на своей вере в то, что вторжение в Англию было предотвращено всего лишь несколькими непредвиденными случайностями и что, если бы его генералы перешли море, они должны были бы добиться успеха. Случайностями, которым он приписывал столь большое влияние, были, как следует предположить, присутствие и усердие Нельсона, Пеллю, Корнуоллиса и их соответствующих наблюдательных флотов. Что касается результатов экспедиции, то, если бы Ла—Манш когда-нибудь был пересечен, Наполеон, казалось, никогда не сомневался, что одного крупного сражения было бы достаточно, чтобы Лондон оказался в его руках. Прибыв в столицу, он, по его словам, созвал бы конвент, вернул бы массе английского народа подобающую им долю политической власти, — одним словом, изгнал короля и произвел революцию в Англии по образцу Франции: смысл всего этого в том, чтобы превратить этот остров в провинцию французской империи и при этом даровать его народу все те права и свободы, от которых он уже избавился до последней тени, где бы ни установилась его собственная власть на континенте.

Не может быть никаких сомнений в том, что Наполеон вопиюще недооценивал сопротивление, которое было бы оказано его армии, если бы она совершила путешествие безопасно, благодаря духу британского народа и огромным естественным трудностям страны, через которую, должно быть, прошли захватчики. Тем не менее, нельзя отрицать, что, если бы попытка была предпринята немедленно после разрыва мирного соглашения, шансы на успех могли бы быть значительными — успеха, конечно, временного и недолговечного, но все же достаточного, чтобы нанести этой стране ужасный ущерб — залить ее землю кровью — предать ее столицу огню - и, что вполне возможно, поколебать некоторые из ее институтов. Сам противник, по всей вероятности, был не готов предпринять эту попытку до тех пор, пока у Англии не было времени должным образом подготовиться к столкновению. Божье провидение распорядилось иначе, чем чтобы последнему оплоту свободы пришлось выдержать удар битвы у своих собственных ворот.

Вторжение в Англию было большим объектом внимания по всей Европе осенью и зимой 1803 года. В начале следующего года сам Париж стал ареной серии сделок, которые на какое-то время захватили общественное сознание.

Еще до того, как Бонапарт провозгласил себя пожизненным консулом, у значительной части французской армии, по-видимому, были сильные симптомы зависти, вызванные стремительностью его продвижения к суверенной власти. После того, как монархия Франции

была фактически восстановлена в нем и его династии декретами от 2 и 4 августа 1802 года, этот дух недовольства проявился гораздо более открыто; и вскоре все стали считать, что республиканская партия в армии смотрела на Моро как на своего главу и ждала только какой-нибудь благоприятной возможности для восстания с оружием в руках против тирании Наполеона. Было известно, что Моро относился как к Конкордату, так и к ордену Почетного легиона с нескрываемым презрением; и критика Бонапарта в адрес его поведения в кампании 1801 года вряд ли могла пробудить чувства личной доброжелательности в сердце того, кого все считали вторым по военному гению после самого Главного консула. Уже упоминалось, что Рейнскую армию с самого начала подозревали в том, что она относилась к Наполеону не слишком благосклонно. Он никогда не был их полководцем; ни они, ни их вожди не участвовали ни в разграблении Италии, ни в славных битвах, в результате которых она была выиграна. Именно из их рядов была в основном снаряжена неудачная экспедиция под командованием Леклерка, и они считали, что их служба в этом нездоровом климате продиктована скорее сомнениями консула в их верности себе, чем его высокой оценкой их дисциплины и доблести. Насколько Пишегрю, ведя переписку с бурбонами в качестве главы Рейнской армии, интриговал среди своих собственных солдат, пока не появилось никаких свидетельств. Но после изгнания Пишегрю Моро имел решающее влияние на умы одного крупного подразделения вооруженных сил Республики.

Тем временем Карно и другие подлинные республиканцы в законодательных органах были заняты попытками, поскольку они не могли помешать Наполеону воссесть на трон Франции, организовать по крайней мере нечто вроде конституционной оппозиции (такой, какая существует в парламенте Англии), посредством чего меры его правительства можно было бы в определенной степени контролировать и изменять. Учреждение ордена Почетного легиона, указ, позволяющий Бонапарту назначить своего преемника, и другие важные меры, соответственно, были проведены гораздо менее триумфально, чем могло бы быть приемлемо для самолюбия автократа.

С другой стороны, возвращение стольких эмигрантов (значительная часть из которых, не получив обратно обещанного им имущества, была вновь разочарована и обижена) не могло не усилить влияние роялистов в частном обществе Парижа; и постепенно, как это часто случалось в истории партий, лидеры республиканцев и бурбонистов объединились, на время утопив особые принципы обеих сторон в общем чувстве ненависти к Наполеону.

Пишегрю вернулся из своего изгнания в Кайенне и, проведя некоторое время в Англии, где он, без сомнения, общался с принцами Бурбонскими и с некоторыми членами правительства мистера Аддингтона, тайно перебрался во Францию. Жорж Кадудаль и другие шуанские вожди были заняты тем, что поднимали на ноги своих старых приверженцев, и связались с Пишегрю по его прибытии в Париж.

Внезапно, 12 февраля, Париж был удивлен сообщением о том, что новый заговор против жизни главного консула был раскрыт благодаря признанию сообщника; что 150 человек намеревались собраться в Мальмезоне в форме консульской гвардии и схватить Бонапарта во время охоты; что Шуан Жорж сбежал на четверть часа, но что Марн, Ла Жоле и другие руководители заговора были схвачены; наконец, что Моро провел различные совещания с Жоржем, Ла Жоле и другими руководителями заговора. Пишегрю, и что он тоже был арестован.

Говорят, что Жорж Кадудаль однажды действительно проник в покои Наполеона в Тюильри, и простая случайность помешала ему убить его: другие заговорщики почти вплотную приблизились к нему под предлогом представления петиций. Бонапарте объяснял свой побег главным образом нерегулярным образом жизни, который влекли за собой его разнообразные занятия; он редко обедал два дня спустя в одно и то же время, почти никогда не покидал дворец, кроме как в сопровождении своих приближенных на какой-нибудь смотр или публичную церемонию, и, возможно, никогда не появлялся без охраны, за исключением тех случаев, когда его появление должно было быть совершенно неожиданным. Офицер, предавший Кадудаль и его сообщников, был, по-видимому, яростным республиканцем и как таковой желал низвержения консула; но он также служил под началом Наполеона и, узнав поздно вечером, что жизнью его старого лидера придется пожертвовать, яростно протестовал и, вместо того чтобы прибегать к таким крайностям, сообщил необходимую информацию в Тюильри. Моро был немедленно арестован; но Пишегрю скрывался в центре Парижа до 28-го; затем шесть жандармов вторглись в его уединение так внезапно, что он не мог воспользоваться ни своим кинжалом, ни пистолетами, хотя и то, и другое лежало у него на столе. Мгновение он боролся, а затем попытался вызвать сострадание, но тут же был скован. Вскоре после этого сам Кадудаль, который в течение нескольких дней разъезжал по Парижу на кабриолетах, не зная, где приклонить голову, был обнаружен при попытке миновать одно из заграждений. Капитан Райт, английский морской офицер, отличившийся под командованием сэра Сиднея Смита при Акко и с корабля которого, как известно, "Пишегрю" высадился у берегов Франции, примерно в то же время столкнулся с французским кораблем, значительно превосходящим по силе, и попал в военный плен. Под предлогом того, что этот джентльмен действовал как соучастник покушения, он также был немедленно помещен в одиночную камеру в подземелье Темпла.

Теперь открыто распространялось сообщение о том, что Англия и изгнанные бурбоны были уличены в подлом заговоре с целью убийства Главного консула; что доказательство их вины находится в руках правительства и вскоре будет обнародовано. Добавлялось, что сам герцог де Берри был готов высадиться на западном побережье Франции, как только Пишегрю или Кадудаль сообщат ему, что время пришло; в то время как другой королевский изгнанник наблюдал за происходящим и был готов воспользоваться им на другом берегу, непосредственно за Рейном.

Имя этого последнего принца, наследника Конде, хорошо известного блестящей доблестью своего поведения, когда командовал авангардом маленькой армии изгнанников своего деда, и любимого за многие черты дружелюбного и великодушного характера, едва было упомянуто в связи с этими слухами, как жители Парижа с удивлением и ужасом на одном дыхании услышали, что герцог Энгиенский был арестован в Эттенхайме, предан суду и казнен на глазах у их собственных домов в Венсенне. Эта история навсегда останется самой мрачной главой в истории Наполеона.

Резиденция герцога находилась в замке в герцогстве Баден, где в сопровождении нескольких знатных друзей, участников его изгнания, он был занят главным образом развлечениями охоты. Вечером 14 марта отряд французских солдат и жандармов под командованием полковника Ордоннера (получавшего приказы от Коленкура) внезапно перешел границу независимой территории Баден, окружил замок Эттенхайм, ворвался в апартаменты принца и схватил его и всю его роту. Он пустил бы в ход оружие, но его слуги, представлявшие собой подавляющее число нападавших, убедили его сдаться без сопротивления. Его немедленно препроводили в

Страсбургскую крепость, разлучили со всеми его друзьями, за исключением одного адъютанта, барона де Сен-Жака, и запретили общаться с кем-либо еще. Пробыв здесь взаперти три дня, он был вызван в полночь 18-го числа и проинформирован, что должен готовиться к путешествию. Он пожелал воспользоваться помощью своего камердинера, но получил отказ: ему разрешили упаковать две рубашки, и путешествие немедленно началось.

Герцог прибыл в Париж рано утром 20-го и, пролежав несколько часов в Тампле, был переведен в соседний Венсенский замок, который веками использовался как государственная тюрьма. От сильной усталости он заснул, но вскоре был разбужен, и немедленно начался его осмотр. Каким бы усталым и совершенно неподготовленным он, должно быть, ни был, несчастный принц вел себя повсюду таким образом, что вызывал уважение своих инквизиторов. Он сразу же назвал свое имя и свои заслуги в армии Конде, но категорически отрицал, что ему что-либо известно о Пишегрю и его замыслах. К этому сводились все его показания (а доказательств, кроме его собственных, не было никаких); и, дав их, он убедительно потребовал аудиенции у консула. "Мое имя, - сказал он, - мое звание, мои чувства и особая бедственность моего положения позволяют мне надеяться, что в этой просьбе не будет отказано".

В полночь герцога снова подняли с постели, чтобы он явился в суд, который был созван для его разбирательства. Она состояла из восьми военных офицеров, назначенных Мюратом, шурином Наполеона, тогдашним губернатором Парижа. Генерал Халлин, председатель военной комиссии, приказал ему выслушать обвинения, по которым его должны были судить: в том, что он воевал против Франции; в том, что находился на жалованье у Англии; и в заговоре с Англией против внутренней и внешней безопасности Республики. Герцога снова допросили, и второй допрос был простым повторением первого, с тем добавлением, что заключенный заявил о своей готовности снова принять участие в военных действиях против Франции, если представится такая возможность. Никаких других доказательств приведено не было, кроме письменного отчета полицейского шпиона, который свидетельствовал, что герцог принимал за своим столом в Эттенхайме множество эмигрантов и иногда покидал замок на несколько дней подряд, причем шпион не мог отследить, где он находился: обстоятельство, в достаточной степени объясняемое обычаем герцога охотиться в Шварцвальде.

Генерал Халлен в своем отчете о разбирательстве,^[48] говорит: "Он неизменно утверждал, что "он только поддержал права своей семьи и что Конде никогда не мог въехать во Францию, кроме как с оружием в руках. Мое происхождение, - сказал он, - и мои взгляды всегда должны были делать меня непреклонным в этом вопросе". — "Твердость его ответов, - продолжает Халлин, - привела судей в отчаяние. Десять раз мы давали ему возможность отказаться от своих заявлений, но он непоколебимо настаивал на них. "Я вижу, - сказал он, - благородные намерения комиссаров, но я не могу прибегнуть к средствам обеспечения безопасности, которые они указывают". Узнав, что военная комиссия вынесла решение без апелляции, "я знаю это, - ответил он, - и не скрываю от себя опасности, которой подвергаюсь. Мое единственное желание - побеседовать с Первым консулом".

Нарушения всей этой процедуры были чудовищными. Во-первых, герцог не был предан существующему правительству Франции. 2. как ни странно, захват его личности был полностью незаконным; это произошло путем нарушения независимости территории: надругательство, которому невозможно найти ни малейшего оправдания. 3. к сожалению, если бы аресты были столь регулярными, судебный процесс над заключенным, обвиняемым в политическом

заговоре, был бы полностью вне юрисдикции военного трибунала. 4. в-четвертых, проведение какого-либо судебного процесса в полночь противоречило законам Франции. 5. в—четвертых, заключенному не был зачитан протокол допроса, чего настоятельно требовал закон; и, в-шестых, ему не был назначен защитник - снисхождение, в котором французский кодекс не отказывает самому подлому или зверскому преступнику, каким бы судом он ни предстал перед судом.

Но продолжим: судьи были тронуты поведением заключенного и склонны прислушаться к его просьбе об аудиенции у Главного консула. Но Савари, тогдашний министр полиции, к этому времени уже вошел в зал заседаний и наблюдал за ходом процедуры из-за кресла президента. Теперь он наклонился вперед и прошептал Халлину на ухо: "Это было бы некстати". — Этим многозначительным словам подчинились. Суд признал герцога виновным в тяжких преступлениях, связанных с борьбой против Республики; в интригах с Англией; в ведении разведки со Страсбургом с целью захвата этого места; и в заговоре против жизни Главного консула. Заключенный был заключен под стражу, и отчет был немедленно отправлен Буонапарте с просьбой сообщить о его дальнейшем желании.

Суд продолжал заседать до тех пор, пока не вернулся их посыльный: он привез их собственное письмо с надписью: "Приговорен к смертной казни". Заключенный, которого вызвали снова, выслушал свой приговор с совершенным хладнокровием. Он попросил позвать духовника, и ему ответили: "Ты бы умер как монах?" Не замечая этой жестокости, он на мгновение преклонил колени, как в молитве, и, поднявшись, сказал: "Пойдем".

Его немедленно повели вниз по винтовой лестнице при свете факелов; и, полагая, что он спускается в какую-то подземную темницу, он спросил одного из солдат сопровождения: "Неужели меня замуруют *втемнице*?" "Монсеньор, - ответил мужчина, всхлипывая, - будьте спокойны по этому поводу". Они вышли через заднюю дверь во дворцовый ров, где выстроился отряд элитных жандармов, Савари, их командир, стоял над ними на парапете. Было уже шесть часов утра, и серый свет зари смешивался с отблесками факелов. Принц отказался, чтобы ему завязали глаза — было дано слово, и он упал. Тело, одетое как было, было немедленно брошено в могилу, которая была подготовлена заранее; по крайней мере, так утверждают все свидетели, кроме месье Савари.

Возвращаясь к нашему уведомлению о простых неформальностях процедуры:-1. Приговор был совершенно не подкреплён доказательствами, за исключением простого факта того, что Д'Энгиен поднял оружие против Франции; но это не могло быть его преступлением: он не был предан французскому правительству; напротив, он и вся его семья были недвусмысленно исключены из всех актов амнистии эмигрантам и, таким образом, являлись *иностранцами*. 2. Казнь была произведена сразу после вынесения приговора; это противоречит законам всех цивилизованных наций и прямо противоречит статье действовавшего в то время французского кодекса, которая давала двадцать четыре часа каждому заключенному, осужденному военным трибуналом, на то, чтобы он мог, если пожелает, обжаловать приговор. Но, как ни странно, публикации (которые долгое время спустя были вымоганы) Савари и Халлина доказывают, что суд, озадаченный трудностью придать их приговору какое-либо соответствие обвинению и доказательствам, фактически вынес два разных *приговора*: один перед казнью герцога, в котором была статья "немедленная казнь"; другой, более тщательный документ, предназначенный исключительно для всеобщего обозрения, в котором нет ни слова о

немедленной казни. Таким образом, герцог не был *not* в шесть утра 21 марта на основании того приговора, который был обнародован в то время как основание для его смерти.,,

Каждое обстоятельство в этой мрачной истории, от количества белья, упакованного в Страсбурге, до подготовки могилы во рву Венсенна, свидетельствует о том, что судьба несчастного молодого человека (ибо ему было всего 32 года, когда он упал) была предрешена до мельчайших подробностей задолго до того, как он был вызван на инсценировку судебного процесса перед некомпетентным трибуналом. Если когда-либо и был убит человек, то это был герцог Энгийенский.

Такова была судьба доблестного и великодушного юноши, который благодаря своей пламенной храбрости выиграл битву при Бертсхайме; и который, когда его сторонники, которым республиканцы так часто отказывали в пощаде, казалось, были готовы отомстить в час победы, бросился между ними и их поверженными соотечественниками, воскликнув: "Они французы, они несчастные; я отдаю их под защиту вашей чести".

Ужас, с которым об этой безжалостной трагедии узнали в Париже, вскоре распространился по всей Европе; и с того дня имя Бонапарта навсегда ассоциировалось с идеями жестокой мести и тирании. Резня в Яффо была совершена в отдаленной стране, и многие с недоверием слушали историю, рассказанную отъявленными врагами этого убийства. Но это кровавое деяние было совершено дома и почти на глазах у всего Парижа. В этом факте не могло быть никаких сомнений; и относительно предлогов, выдвигаемых органами французского правительства, было мало людей из какой-либо партии, которые делали вид, что не понимают их тщетности. До сих пор Наполеон был счастливым наследником революции, в гражданских эксцессах которой он почти не участвовал, — отныне он был законным представителем и символом всех ее злодеяний.

Поскольку Бонапарт имел власть скрывать все упоминания об этой катастрофе, в то время они были замалчиваемы. Но в последующие дни, на острове Святой Елены, диктуя извинения за свою жизнь товарищам по изгнанию, он не только открыто говорил о смерти герцога Энгийенского, но, по-видимому, часто и подолгу размышлял об этом. Прекрасно понимая, что это обычно считалось самой мрачной чертой в его истории, он проявил лихорадочное беспокойство, пытаясь объяснить это. Но султан Акбер носил печатку с надписью: "Я никогда не знал никого, кто сбился бы с пути на прямой дороге"; и у того, кто осознает свою невиновность, не может возникнуть соблазна множить линии своей защиты. Бонапарт, в зависимости от настроения момента или от товарища, к которому он обращался, прибегал к различным методам самооправдания. Они были непоследовательны и разнообразны; и даже Лас Кейс, кажется, краснел за своего героя, когда записывал их.

В какой—то момент Наполеон изображает, что был застигнут врасплох: его министры нападают на него, когда он один, в полночь, и сообщают ему, что бурбоны составили заговор с целью его убийства, что доказательства у них в руках, что герцог Энгийенский уже не раз бывал в Париже и находится недалеко от границы, ожидая сигнала, чтобы вернуться и лично возглавить заговорщиков.—В первом порыве негодования он отдает приказ об аресте герцога—принимаются все меры, чтобы помешать ему вмешаться впоследствии —все устроено Талейраном—герцог адресует ему письмо из Страсбурга — это письмо Талейран скрывает до тех пор, пока трагедия не закончится —если бы оно было доставлено вовремя, жизнь несчастного принца была бы спасена.

К несчастью для Бонапарте, между приказом об аресте и приказом о казни прошло восемь дней - гораздо больший срок, чем когда-либо было необходимо для восстановления душевного равновесия его сильного разума. Далее, герцог Энгиенский во время своего заключения вел дневник, в котором тщательно записаны мельчайшие происшествия; в нем нет ни малейшего намека на письмо Наполеону; а барон де Сен-Жак, который никогда не покидал покоев своего господина, пока тот оставался в Страсбурге, ясно свидетельствует, что такого письма там не было написано. Более того, ни у Талейрана, ни у кого другого в мире, кроме Бонапарта, не могло быть ни малейшего мотива желать смерти Д'Энгиена. Напротив, любой мотив, имеющий вес для человечества в целом, должен был повлиять в противоположную сторону на Талейрана; члена одной из благороднейших семей Франции; человека, незапятнанного участием ни в одной из резнь революции; и, прежде всего, человека, чье непревзойденное мастерство на протяжении всей жизни неуклонно преследовало одну цель, а именно, его личный интерес, и который, должно быть, был сумасшедшим, чтобы совершить беспричинное убийство. И, наконец, Талейран был министром иностранных дел. Письмо, написанное в Страсбурге, не могло случайно быть переслано через его департамент в правительство; и, фактически, есть полное доказательство того, что всем этим делом занималась полиция, начальник которой Савари общался непосредственно с главным консулом, и военные, которые действовали по приказу либо адъютанта Бонапарта Коленкура (впоследствии герцога Виченцкого), либо его шурина Мюрат, губернатор Парижа. Излишне отмечать, что обвинение Наполеоном Талейрана было выдвинуто *после того, как* этот политик применил все свои таланты и влияние для обеспечения своего собственного падения и восстановления Дома Бурбонов. Но на самом деле, приложили ли Талейран, или Савари, или Коленкур главную руку к смерти герцога Энгиенского, это спор, который потомков будет мало интересовать. Для всех людей очевидно, что ни один из них не осмелился бы и пальцем пошевелить, чтобы вызвать катастрофу такой ужасающей важности, без прямого приказа Наполеона.

В других случаях изгнанник Святой Елены рассказывал более короткую и понятную историю. "Я подвергся нападению, - сказал он, - со всех сторон со стороны врагов, которых бурбоны подняли против меня: мне угрожали духовыми ружьями, адскими машинами и всевозможными уловками. Не существовало трибунала, к которому я мог бы обратиться за защитой; следовательно, я имел право защищать себя сам. Предав смерти одного из тех, чьи последователи угрожали моей жизни, я получил право вселить спасительный ужас во всех остальных".

Принцы Дома Бурбонов, столь далекие от того, чтобы побуждать убийц свергнуть узурпатора их трона, никогда не упускали случая, когда предлагались подобные планы, осудить их как зверства, отвратительные в глазах Бога и человека. Что касается этой части их поведения, доказательств предостаточно, они ясны и неопровержимы. Но очень возможно, что Бонапарте питал грязные подозрения, которыми он оправдывает свое насилие. И действительно, только предположив, что он искренне верил в то, что бурбоны замыслили покушение на его жизнь, мы можем хоть как-то объяснить пролитие крови Д'Энгиена.—Если только Жозефина не говорила неправду или ее разговор не был умышленно искажен, она усиленно пользовалась своим влиянием, чтобы добиться милосердия к королевской жертве; и то же, несомненно, сделала его достопочтенная мать. Но не требовалось ни привязанности к личности Наполеона, ни уважения к его интересам, ни сострадания к молодости и невинности герцога Энгиенского, чтобы понять всю неосторожность и порочность этого поступка. Замечание бессердечного *Фуше* вошло в пословицу: "Это было хуже, чем преступление, — это была грубая ошибка".

Через несколько дней после казни герцога Энгийенского (утром 7 апреля) генерал Пишегрю был найден мертвым в тюрьме: вокруг его шеи был повязан черный носовой платок, перетянутый короткой палкой наподобие жгута. Казалось маловероятным, что он покончил с собой таким образом; и, соответственно, распространился слух, что он был похищен ночью кем-то из спутников Савари; или, по другим данным, какими-то мамелюками, которых Наполеон привел с собой с Востока и теперь держал рядом с собой в качестве внутренней дворцовой охраны. Это тайна, в которую никто никогда не проникал. Недавняя судьба Д'Энгиена подготовила людей к восприятию любой истории такого мрачного характера; и утверждалось, что Бонапарт побоялся вызвать Пишегрю, смелого и бесстрашного человека, на открытый суд, где он мог наговорить много такого, что могло нанести ущерб консулу в общественном мнении.^[49]

Теперь остальные заключенные предстали перед судом. Против генерала Моро не было ни тени улики, за исключением факта, признанного им самим, что он дважды встречался с Пишегрю с момента его возвращения в Париж. Тщетно он уверял, что отверг предложения Пишегрю принять участие в роялистском восстании, а что касается убийственных замыслов Жоржа Кадудалья, то он никогда даже не слышал о них. Он был приговорен к двум годам тюремного заключения, но по ходатайству его жены Жозефины, или, скорее, обнаружив, что большая часть солдат считала, что столь выдающийся командир почти не используется, Главный консул вскоре заменил это наказание двумя годами ссылки.

Моро был невиновен; рядом с ним в день суда оказались люди, которые презирали бы себя такими. Жорж Кадудаль явился в суд с миниатюрой Людовика XVI. висел у него на шее и превозносился признанием своей решимости лично воевать с узурпатором трона. Председательствующий судья Тюрио был одним из тех, кто приговорил короля к смертной казни. Жорж каламбурил над его именем и обращался к нему "месье Тьюруа".^[50] Когда его вызвали для вынесения приговора, судья пропустил миниатюру и спросил его, что он с ней сделал? "А вы, - ответил подсудимый, - что вы сделали с оригиналом?" — реплика, которой ничто не могло помешать зрителям заплодировать. Жорж и еще восемнадцать человек были приговорены к смертной казни; и он, и еще одиннадцать человек, вынесли это наказание с героической стойкостью. Из остальных, среди которых были два сына благородного дома Полиньяков, некоторым было разрешено бежать при условии вечного изгнания; другим наказание было заменено тюремным заключением.

Теперь стало известно, с каким негодованием о смерти герцога Энгийенского услышала вся Европа. Император России и короли Швеции и Дании объявили траур при своих дворах и сделали суровые увещевания через своих дипломатических агентов; и последовавшая за этим переписка подготовила почву для нового общего взрыва войны. Австрия была на время унижена и не осмеливалась высказаться: вряд ли можно было ожидать, что Пруссия нарушит свой длительный нейтралитет в подобном случае; но куда бы ни развивалась история, она подготавливала умы принцев как подданных к тому, чтобы воспользоваться первой благоприятной возможностью для восстания против тирании Франции.

Подавленный заговор всегда укрепляет власть, которую он должен был уничтожить: и Бонапарте после трагедий Д'Энгиена и Пишегрю увидел, что французские роялисты повсюду обречены на молчание и бездействие террора. Хорошо понимая национальный настрой, он отдал приказ, чтобы отныне имя изгнанной семьи по возможности скрывалось от посторонних глаз; и, соответственно, с тех пор оно почти никогда не упоминалось в публикациях

порабощенной парижской прессы. Приверженцы бурбонов были вынуждены довольствоваться недовольным бормотанием в частных салонах, где, однако, у главного консула обычно были шпионы, которые докладывали ему или его Савари и Фуше о шутках и карикатурах, в которых подавленная и потерявшая надежду партия пыталась найти какое-то утешение.

Чтобы сдержать враждебные чувства, возбужденные среди монархов континента убийством принца Бурбонов, французское правительство теперь неустанно пыталось связать заговор Жоржа Кадудаль с кабинетом министров Англии. Агенты полиции прибегали к бесчисленным маскировкам с целью вовлечения британских министров, находящихся при различных дворах Германии, в некую переписку, которая могла быть искажена в соответствии с целями их хозяина. Мистер Дрейк, посланник в Мюнхене, и мистер Спенсер Смит в Штутгарде были обмануты таким образом; и некоторые их письма, вопиюще неверно истолкованные, дали Буонапарте повод пожаловаться суверенам, при которых они были аккредитованы, что они запятнали честь дипломатического корпуса, заключив союз. Они сами знакомы с замыслами шуанских заговорщиков. Подвластные князья были вынуждены уволить этих джентльменов из их резиденций; но английское министерство выступило с такими разъяснениями в открытом парламенте, которые фактически оправдали название их страны. Лорд Элджин, британский посол в Константинополе, был одним из тех путешественников, которых задержали в начале войны, и теперь он условно-досрочно проживал на юге Франции. Под каким-то надуманным предлогом он был заключен в уединенный замок среди Пиренеев; и там были пущены в ход все уловки, чтобы заставить его, по крайней мере, получать письма, рассчитанные, в случае обнаружения у него, скомпрометировать его. Но этот аристократ, проникательно проникший в замысел, поставил его в тупик своей сдержанностью. Вскоре после освобождения из заключения он сообщил о случившемся своему другу, члену французского сената, который проследил, что в этом деле замешаны некоторые из приспешников Фуше, и поздравил лорда Элджина с тем, что он едва избежал участи Пишегрю.

Сэр Джордж Рамболд, британский посланник в Гамбурге, избежал этой участи еще большим чудом. Ночью 23 октября отряд французских солдат перешел Эльбу, в то время как Ордоннер и его банда переправились через Рейн 14 марта и смело захватили Румбольд на территории независимого и дружественного государства. Его поспешно доставили в Париж и заключили в роковую темницу Тампля; но ни в одной из его бумаг не было сколько-нибудь благовидного предложения для сопротивления решительному протесту, который король Пруссии считал нужным выдвинуть против бесчинства, совершенного почти в пределах видимости его владений; и через несколько дней сэр Джордж был отпущен на свободу.

Между тем, в то время как все государи Европы с негодованием взирали (хотя мало кто из них, действительно, осмеливался открыто выражать свои чувства) на жестокие трагедии, разыгравшиеся во Франции, смерть Пишегрю окончательно подавила надежды роялистов в этой стране, а изгнание Моро лишило республиканцев единственного лидера, при котором была хоть какая-то вероятность того, что они поднимут оружие против Главного консула. Он решил воспользоваться благоприятным моментом для достижения цели, которую он давно вынашивал; и 30 апреля, немногим более чем через месяц после смерти герцога Энгиенского, одному юре было поручено выдвинуть в Трибунате, "что пришло время распрощаться с политическими иллюзиями — что победа вернула спокойствие — финансы страны восстановлены, а законы обновлены — и что долг обеспечить эти блага нации в будущем, передав верховную власть по наследству в лице и семье Наполеона". — "Таково, - сказал он, -

было всеобщее желание армии и народа. Титул императора, по его мнению, был тем, которым следовало величать Наполеона, как наиболее соответствующий достоинству нации".

Это предложение было поддержано трибуналом одним несогласным голосом - Карно, который в речи, исполненной большого красноречия, вообще выступил против принципа наследственной монархии. Он признавал заслуги Главного консула в войне и политике — в настоящее время он был диктатором Республики и, как таковой, спас ее. — "Фабий, Камилл, Цинциннат тоже были диктаторами. Почему бы Бонапарту, подобно им, не сложить деспотическую власть после того, как удержание ее перестало быть необходимым для общего блага? Какими бы ни были заслуги гражданина, неужели благодарности нации не должно быть предела? Но в любом случае, даже допуская, что сам Бонапарт не мог быть слишком высоко вознагражден или ему не слишком доверяли, зачем вверять судьбу потомков случайности? Зачем забывать, что Веспасиан был отцом Домициана, Германик - Калигулы, Марк Аврелий - Коммода? В сущности, Карно, соратник Робеспьера и запятанный кровью Людовика XVI, был искренним республиканцем и, на свой лад, искренним патриотом. Он был один в Трибунате, остальные члены которого в течение целых трех дней разражались бурными речами, каждая из которых заканчивалась одним и тем же безоговорочным согласием с предложением Кюре.

Законодательный орган, не колеблясь, принял его; и немедленно появился *senatus-consultum*, которым Наполеон Бонапарт был объявлен императором Франции: империя должна была происходить по мужской линии его рода: в случае отсутствия сына Наполеон мог усыновить любого сына или внука своих братьев в качестве своего наследника: в случае отсутствия такого усыновления Жозеф и Луи Бонапарты были названы следующими наследниками короны (Люсьен и Жером были исключены, поскольку они оба оскорбили Наполеона своими браками). Члены семьи Наполеона были объявлены принцами крови Франции.

Этот указ был разослан по ведомствам, и народ воспринял его с безразличием. 1 декабря префекты сообщили, что от трех до четырех миллионов граждан выразили свое согласие с предложенной мерой, в то время как немногим более трех тысяч проголосовали против нее. Этот результат свидетельствовал, как предпочитали выражаться эти функционеры, о единодушном одобрении французского народа. Однако в то время эта нация насчитывала более тридцати миллионов человек!

Но Наполеон не стал дожидаться этой власти, какой она оказалась. 18 мая (более чем за шесть месяцев до того, как до него дошло сообщение) он открыто принял императорский титул и достоинство. В тот же день он выдвинул кандидатуру своих покойных коллег по консульству Камбасереса и Лебрена, первого на должность архи-канцлера, второго - архи-казначея империи. Должности верховного констебля, гранд-адмирала и т.д. были восстановлены и переданы его братьям и другим его ближайшим родственникам. Семнадцать генералов (а именно. Бертье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Сульт, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бессьер, Келлерман, Лефебр, Периньон, Серрюрье) были назначены маршалами империи; Дюрок - главным маршалом дворца; Коленкур - главным конюшим; Бертье - главным егерем; и граф Сегюр, дворянин древнего режима, церемониймейстер. Тщетны были попытки возбудить народный энтузиазм. "Казалось, - говорит очевидец, - что тени Д'Энгьена и Пишегрю витали над сценой и распространяли холод на все, что предназначалось для проявления радости".

С солдатами дело обстояло иначе. Наполеон вместе со своей императрицей посетил лагерь в Булони и был встречен бурными аплодисментами и преданностью военных. Он добрался до Экс-ла-Шапель и вдоль рейнской границы, польщенный и перевозносимый на каждой станции. За исключением России, Швеции и Англии, все короны Европы прислали ему поздравления с зачислением в список наследственных монархов. Более того, немало мелких немецких властителей прибыли лично, чтобы по этому великому случаю увеличить состояние и величие нового императорского двора.

Принимая титул императора, а не короля, не было замечено, что целью Наполеона было вернуть умы французов к периоду, предшествовавшему правлению недавно свергнутой династии, — ко временам Карла Великого, который вместе с монархией Франции сочетал в себе как более широкое владычество, так и более возвышенный стиль. Подобно тому, как этот великий завоеватель добился того, чтобы папа Лев короновал его, так и Наполеон теперь решил, что его собственная инаугурация должна состояться под покровительством Пия VII. ; Более того, чтобы еще больше продемонстрировать свою власть, глава католической церкви должен отправиться с этой целью в Париж. Можно усомниться в том, что он в этой мере больше ценил - простое удовлетворение своей гордости или возможность придать более торжественный характер установлению новой династии в глазах католического населения Франции. Однако 5 ноября безропотный папа покинул Рим и, будучи встречен на протяжении всего своего путешествия со всеми знаками уважения, прибыл в Париж, чтобы сыграть свою роль в грандиозном представлении. 2 декабря Бонапарт и Жозефина появились среди всего великолепного и прославленного в своей столице и были коронованы в Соборе Парижской Богоматери. Папа благословил их и освятил диадемы; но они не были возложены на их головы его рукой. В любом случае эту должность исполнял сам Наполеон. На протяжении всего церемониала его вид был задумчивым: именно на суровом и мрачном челе он собственными руками водрузил символ успешных амбиций и непрочной власти, и крики присутствующих депутатов, тщательно отобранных для этой цели, звучали слабо и гулко среди молчания народа.

В качестве необходимого продолжения этих разбирательств в Париже сенаторы итальянской республики направили теперь свою смиренную петицию о том, чтобы их президенту было угодно оказать им также услугу и короноваться в качестве их короля в Милане. Император отправился в этот город соответствующим образом и аналогичным образом 26 мая 1805 года возложил себе на голову старую железную корону ломбардских королей, произнес слова, которые, согласно традиции, они привыкли использовать в таких случаях: *"Бог дал это мне. Берегитесь, кто прикоснется к ней."* — Наполеон отныне именовал себя императором Франции и королем Италии, но объявил, что две короны не должны принадлежать одному и тому же человеку после его смерти.

Однако он еще раз пересек Альпы не только ради соблюдения церемониала. Лигурийская республика отправила дожа в Милан, чтобы поздравить короля Италии, а также предложить свои территории для образования еще одного департамента Французской империи. Но это был шаг его честолюбия, который привел к серьезным результатам.

Тем временем Эжен Богарнуа, сын Жозефины, был оставлен вице-королем в Милане, и императорская чета вернулась в Париж.

ГЛАВА XIX

Новая коалиция против Франции—Швеция—Россия—Австрия присоединяется к Альянсу—Наполеон возглавляет армию в Германии—Ульм сдан Маком—Вена взята—Военно—морские операции—Трафальгарская битва—Битва при Аустерлице—Пресбургский мирный договор—Жозеф Бонапарт, король Неаполя—Луи Бонапарт, король Голландии—Рейнская конфедерация-Новое дворянство во Франции.

27 января 1805 года Наполеон в своем новом качестве императора направил письмо (как он делал это раньше в начале своего консульства) королю Георгу III. лично; и получил ответ, как и прежде, от британского государственного секретаря по иностранным делам. Письмо нового императора содержало много хорошо продуманных фраз о благословениях мира, но ни одного внятного предложения какого—либо рода - и меньше всего какого-либо намека на то, что он был готов уступить Мальту. Английский министр, однако, ответил просто, что при нынешнем состоянии отношений между кабинетом министров Сент-Джеймса и Санкт-Петербурга для первого невозможно начать какие-либо переговоры без согласия последнего.

Это в достаточной степени указывало на факт, о котором Наполеон подозревал некоторое время назад. Молодой император России с ужасом воспринял убийство герцога Энгиенского; он энергично протестовал, и к его заявлениям отнеслись равнодушно. Король Швеции, сразу же после того, как он услышал о катастрофе при Висенне, сообщил о своих чувствах царю: между этими двумя дворами был подписан строгий союз примерно за две недели до того, как Наполеон написал королю Англии; и было очевидно, что северные державы решили принять участие вместе с Великобританией в ее борьбе против Франции. Консул превратил *Moniteur* в источник постоянных оскорблений в адрес государей России и Швеции; и последний распорядился передать французскому посланнику в Стокгольме записку, в которой жаловался на "неприличную и смехотворную дерзость, которую *месье Буонапарте* позволил поместить" в этом официальном журнале.

Кабинеты министров Лондона, Петербурга и Стокгольма были участниками союза, который открыто преследовал следующие цели: восстановить независимость Голландии и Швейцарии; освободить север Германии от присутствия французских войск; добиться возвращения Пьемонта королю Сардинии; и, наконец, эвакуации Италии Наполеоном. До тех пор, пока путем достижения этих целей влияние Франции не будет сведено к пределам, совместимым с независимостью других европейских государств, ни одна из договаривающихся держав не должна была подписывать мир; и в течение нескольких месяцев использовались все средства для обеспечения объединения Австрии и Пруссии. Но последний из этих государей имел несчастье в то время иметь сильную французскую партию в своем совете и, хотя лично был враждебен Наполеону, пока еще не мог рассчитывать на поддержку в войне против него со стороны искренней доброй воли неделимого народа. Австрия, с другой стороны, была серьезно ослаблена кампанией при Маренго и из соображений благоразумия не решалась еще раз рискнуть оружием.

Александр лично отправился в Берлин, чтобы подтолкнуть короля Пруссии. Два монарха встретились в склепе, где похоронен великий Фридрих, и торжественно поклялись над его

останками осуществить освобождение Германии. Но, несмотря на данное царю обещание, король Пруссии не стал поспешно вступать в военные действия. Он даже не последовал примеру австрийца, чье терпение в конце концов было полностью исчерпано известиями о коронации в Милане и присоединении Генуи к Французской империи.

Венское правительство, как только услышало об этом новом усилении, начало военные приготовления, опрометчиво и опрометчиво, не убедившись в сотрудничестве Берлина и даже не дождавшись, пока российские войска смогут совершить марш в Германию. Но эта великая ошибка была не самой большой. Император высокомерно потребовал, чтобы курфюрст Баварский также выступил в поход; более того, чтобы он допустил, чтобы его армия была полностью объединена с австрийской и командовала ее вождями. Курфюрст, сын которого путешествовал по Франции, сопротивлялся с тревогой и упорно. "На коленях, - писал он императору, - я умоляю вас, чтобы мне было позволено сохранять нейтралитет". Это обращение было проигнорировано. Австрийские войска продвинулись в Баварию, где они, по-видимому, вели себя как во вражеской стране; и возмущенный курфюрст отвел свою армию во Франконию, где он ожидал наступления французов как освободителей.

Этому неоправданному поведению было суждено понести суровое наказание. Как только Наполеон понял, что война неизбежна, он разбил свою огромную армию на побережье, противоположном Англии, и направил ее марш на германскую границу; в то время как Массена получил приказ перейти также в наступление в Италии и пробиться, если возможно, в наследственные государства Австрии. Таким образом, излюбленный план Карно был возрожден, и две французские армии, одна из которых форсировала Рейн, а другая пробивалась сквозь тирольтцев, рассчитывали соединиться у стен Вены.

Опрометчивость, характерная для поведения Венского кабинета министров, роковым образом проявилась в действиях его генерала Мака: вместо того чтобы занять линию реки Инн, которая, простираясь от Тироля до Дуная у Пассау, обеспечивает надежную защиту австрийской территории и на которой он мог бы в относительной безопасности ожидать прибытия русских, этот недостойный фаворит императора оставил за собой Гостиницу и основал свою штаб—квартиру на западной границе Баварии, в Ульме.

Наполеон поспешил воспользоваться этой непростительной ошибкой. Бернадотт двинулся из Ганновера с войсками, оккупировавшими это курфюршество, к Вюрцбургу, где баварская армия была готова присоединиться к его войскам; пять дивизий из крупных сил, недавно собранных на берегах Нормандии под командованием Даву, Нея, Сульта, Мармона и Вандама, переправились через Рейн в разных местах, все к северу от позиции Мака; в то время как шестая дивизия под командованием Мюрата, проходя мимо Келя, маневрировала таким образом, чтобы отвлечь внимание австрийцев от этих передвижений и обеспечить их безопасность. укрепите его в вере, что Наполеон и вся его армия идут против него через Шварцвальд впереди него.

Результатом комбинаций Бонапарта стало то, что, пока Мак лежал, ожидая нападения перед Ульмом, основные силы французской армии продвинулись в сердце Германии по левому берегу Дуная, а затем, переправившись через эту реку, заняли позиции у него в тылу, прервав его сообщение с Веной и изолировав его. Для того чтобы Бернадотт и баварцы могли принять участие в этом великом маневре, было необходимо, чтобы они пренебрегли нейтралитетом прусских территорий Анспиха и Барута; и Наполеон, хорошо осведомленный об истинных чувствах берлинского двора, без колебаний избрал этот курс. Пруссия возмущенно протестовала, но все

еще воздерживалась от объявления войны; и Наполеона мало заботили такие препятствия, которые простая дипломатия могла создать на пути его кампании. Однако он не достиг своей цели - занять позицию в тылу Мака без сопротивления. Напротив, в различных местах, при Вертенгене, Гюнцбурге, Мемингене и Эльхингене, произошли ожесточенные стычки с различными подразделениями австрийской армии, во всех из которых французы имели преимущество. Генерал Шпангенбург и 5000 человек сложили оружие при Мемингене; и в общей сложности не менее 20 000 пленных попали в руки французов в период с 26 сентября, когда они переправились через Рейн, по 13 октября, когда они полностью овладели Баварией и Швабией, держа Мака взаперти в Ульме, как Вурмсер был в Мانتуе во время кампании Альвинци.

Но Мак не был Вурмсером. Недавние действия Наполеона совершенно сбили с толку советы австрийцев, чьи генералы, придерживавшиеся различных взглядов на ход кампании, больше не действовали согласованно. Шварценберг и эрцгерцог Фердинанд, считая дальнейшее сопротивление в Баварии безнадежным, прорубили себе путь во главе больших кавалерийских отрядов в Богемию и *начали массово призывать жителей этого королевства к рекрутскому набору*. Французский император, поняв, что на данный момент они ускользнули от него, отступил к Ульму, окружил этот город со всех сторон и потребовал от Мака сдаться.

Гарнизон состоял из полных 20 000 отборных солдат; город был в изобилии снабжен продовольствием и запасами; наступление великой русской армии не могло быть отдаленным; ежечасно следовало ожидать объявления войны Наполеону Берлином; и австрийские армии, хотя и рассеянные в настоящее время, несомненно, сплотятся и приложат все усилия для освобождения Ульма. В сравнительно безнадежных обстоятельствах храбрый Вурмсер довел Мانتую до крайности. Но, несмотря на пример или доводы, в страхе или в предательстве, генерал Мак капитулировал, не рискуя нанести удар.

16-го он опубликовал прокламацию, призывая свои войска готовиться к предельно упорной обороне и запрещая под страхом смерти произносить само слово "сдаюсь" в стенах Ульма. 17-го числа он подписал статьи, по которым военные действия должны были немедленно прекратиться, а он и все его люди сдаться в плен в течение десяти дней, если только за это время не появятся какие-нибудь австрийские или русские силы и не попытаются снять блокаду. После подписания этого документа Мак лично посетил штаб-квартиру Наполеона; и, каким бы ни был характер их беседы, результатом стал *пересмотр* договора 19-го числа и официальная эвакуация Ульма 20-го. Двадцать тысяч солдат выстроились в шеренгу и сложили оружие перед Наполеоном и его штабом. Восемнадцать генералов были уволены под честное слово; огромное количество всевозможных боеприпасов попало в руки победителя; и для удовлетворения тщеславия парижан был отправлен фургон, полный австрийских штандартов.

Катастрофа при Ульме, вселившая новый ужас в прусские советы, предотвратила немедленное объявление войны за вторжением на территорию Анспаху, на что Бонапарт, должно быть, решился, когда отважился на эту меру. Тем временем успех сопутствовал Массене в его продвижении из Ломбардии к венецианским государствам, где эрцгерцог Карл командовал армией численностью в 60 000 человек для Австрии. Эрцгерцог, потерпев ряд поражений, был вынужден покинуть Италию и отступал, хотя и медленно и неторопливо, перед Массеной через труднопроходимые перевалы в Каринтийских горах.

И маршал Ней, которого Наполеон отделил от своей основной армии, приказав наступать в Тироле, не добился меньшего успеха, чем Массена. Эрцгерцог Иоанн, командовавший этой провинцией, был разбит, как и его брат; и аванпосты армии Массены из Италии и Нейской армии с Верхнего Рейна, наконец, встретились и с триумфом приветствовали их в Клагенфурте. Эрцгерцог Карл, понимая, насколько процветает Ней в Тироле, отказался от намерения отступить этим путем в Германию и двинулся через Каринтийские горы в сторону Венгрии. Принц Иоанн последовал примеру своего брата; и остатки этих двух армий, объединившихся таким образом в отдаленном регионе, дивизии Ней и Массены оказались в непосредственном распоряжении Наполеона, который теперь сосредоточивал свои силы для нападения на Вену.

В то время как победоносный корпус Ней таким образом обезопасил свой правый фланг, Мюрат слева от него наблюдал за австрийцами, пробившимися в Богемия; а Ожеро, который к этому времени выдвинулся во главе большого резерва из Франции, остался позади него в Швабии, чтобы охранять проходы со стороны Форальберга на случай любого враждебного движения из этой горной провинции и, в то же время, быть готовым к действиям против пруссаков, если эта армия наконец получит приказ принять участие в войне и переправиться через Дунай. Защищенный таким образом, как он рассудил, от любой возможности перехвата его коммуникаций с тыла или флангов, сам Наполеон с основными силами двинулся теперь на столицу германского императора. Австрийские и русские войска численностью 45 000 человек были брошены вместе с целью освобождения Ульма и значительно продвинулись с этой целью, прежде чем они услышали о вероломной капитуляции Мака. Теперь они снова отступали перед наступлением Наполеона, время от времени останавливаясь и принимая вид решительности; но всякий раз, когда аванпосты встречались, они падали духом и продолжали свое продвижение к Моравии: ибо там, наконец, появился царь со своей главной армией; и там, вокруг этого штандарта, теперь должны были быть собраны все доступные силы. Сам император Франциск, поняв, что Вена неспособна к обороне, 7 ноября покинул свою столицу и направился в Брюнн в Моравии, в ставку Александра.

В тот же вечер граф Жюле прибыл в штаб-квартиру Наполеона в Линце с предложениями о немедленном перемирии и переговорах. Бонапарт отказался сделать паузу, если ему немедленно не будут переданы Тироль и Венеция. Это были условия, на которые австрийский посланник не имел права соглашаться. Соответственно, 13 ноября французы вошли в Вену, и Наполеон занял свою резиденцию в замке Шенбрунн, гордом дворце австрийских цезарей. Генерал Кларк был назначен губернатором города, и курфюрст Баварии был удовлетворен значительной долей военных припасов и оборудования, найденных в его арсеналах.

Но опьянение этим успехом должно было быть отрезвлено чашей горечи — и от руки, которая уже разрушила не один из самых гордых триумфов Наполеона.

Когда Бонапарт снова взялся за оружие и посвятил всю энергию своего ума нападению на Англию, Испания, следующая морская держава после Франции, действительно придерживалась нейтралитета, но некоторые ее действия вызвали подозрение, что ее флоту действительно суждено действовать вместе с флотом захватчика. Английское правительство решило подвергнуть это дело испытанию, и эскадра из четырех кораблей потребовала от испанцев предоставить себя в их распоряжение в качестве залога нейтралитета. Британская эскадра, посланная с таким поручением, по всем принципам политики и гуманности должна была быть намного сильнее той, которой командовал в этом случае коммодор Мур. Кастильская

гордость вспылала при мысли нанести удар равному по силе врагу; и, к несчастью, произошла битва, в ходе которой три испанских корабля были захвачены, а один взорван. Эта катастрофа, как и следовало ожидать, определила колебания Мадрида. Испания объявила войну Англии и отдала свой флот под командование французского императора.

Тем временем две его собственные эскадрильи, следуя великому плану разорения Англии, сбежали в начале этого года из Рошфора и Тулона. Первые, зайдя в Вест-Индию, оказали несколько тривиальных услуг и благополучно вернулись в свой первоначальный порт. Последнему под командованием Вильнева сопутствовала такая же удача; и, отважившись на вторую вылазку, он присоединился к большому испанскому флоту под командованием Гравины в Кадисе. Затем объединенные флоты пересекли Атлантику, где захватили незначительный остров, и снова вернулись в Европу. Нельсон провел лето, гоняясь за этими эскадрами по морям — и в этот раз они снова ускользнули от него: но при приближении к мысу Финистерре (22 июля) в поле зрения появилась другая английская эскадра из пятнадцати линейных кораблей и двух фрегатов под командованием сэра Роберта Колдера; и адмиралы союзников, имея двадцать линейных кораблей, три пятидесятипушечных корабля и четыре фрегата, не избежали встречи. Они потерпели поражение, несмотря на их численное превосходство, и Колдер захватил два их лучших корабля. Но то, что они ускользнули от английского флота, каким бы малочисленным он ни был, не понеся более серьезных потерь, было расценено британской общественностью как позор.—Колдер, которого судил военный трибунал, был фактически осужден за то, что не добился более заметного улучшения своего успеха; поразительный пример того, до какой высоты возросла уверенность в морском превосходстве англичан в то самое время, когда казалось, что ни одно оружие не способно помешать победе Франции на суше.

Вильнев и Гравина направились теперь в Виго, а оттуда, наконец, в Кадис, в то время как Нельсон, получив, наконец, точные сведения об их передвижениях, принял командование в Средиземном море и выжидал момента, когда у них возникнет искушение рискнуть на другой выход. Побережье Испании было строго блокировано, и начали ощущаться некоторые трудности с обеспечением необходимым многочисленных экипажей союзных флотов; но обстоятельством, которое оказало наибольшее влияние на то, что они снова покинули свое безопасное место, было, по общему признанию, нетерпение Вильнева из-за некоторых незаслуженных упреков, с которыми Наполеон отнесся к результатам сражения у мыса Финистерре. Вильнев, человек бесстрашной отваги и высочайшего духа, страдая от этого ранения, стремился взять благородный реванш победой. И, по правде говоря, если бы численность решала исход авантюры, он мало рисковал: ведь Нельсон командовал только двадцатью семью линейными кораблями и тремя фрегатами, укомплектованными обычным составом; тогда как флот в Кадиксе насчитывал тридцать три линейных корабля и семь фрегатов; и, помимо обычных экипажей, имел 4000 военнослужащих, в основном стрелков. Результатом стал самый славный день в гордых анналах английской морской пехоты. Объединенные флоты вышли из Кадикса 19 октября, а утром 21—го — на следующий же день после капитуляции Мака в Ульме — они увидели английского адмирала у мыса Трафальгар.

Читателя отсылают к историку лорда Нельсона за подробностями этого великого сражения. Французы и испанцы ожидали атаки, выстроившись в двойную линию. Нельсон поднял знаменитый сигнал — "Англия ожидает, что каждый мужчина выполнит свой долг"; атаковал двумя колоннами и сломал их строй при первом натиске. Битва, тем не менее, была ожесточенной. В конце концов было захвачено девятнадцать линейных кораблей; а из тех

испанских судов, которые ускользнули в Кадис, семь были приведены в полную негодность. Четыре французских линейных корабля под командованием коммодора Дюмануара направились к проливам и через несколько дней были захвачены сэром Ричардом Стрейканом, командующим английской эскадрой у берегов Рошфора. Флоты Франции и Испании были уничтожены; и все же, каким бы великим ни был триумф, славным и непревзойденным, он был приобретен дорогой ценой — Нельсон пал, смертельно раненный, в начале боя. Герой прожил ровно столько, чтобы услышать радостные возгласы окончательной победы, а затем выдохнул свой благородный дух словами, достойными его жизни: "Слава Богу! Я выполнил свой долг."^[51]

Французы и испанцы сражались вместе против Нельсона, но не в одном духе. Первые были решительными и злобными врагами; вторые - великодушными друзьями, которых возбуждение временной и простительной страсти подтолкнуло к военным действиям против единственной державы, которая могла дать их стране хоть какой-то шанс избежать того политического рабства, при котором теперь твердой целью честолюбивых намерений Наполеона было сокрушить все нации Европы. Но беспринципное поведение Дюмануара, который сбежал от Нельсона и вскоре после этого был схвачен, как уже упоминалось, Стрейкеном, сразу выявило различные чувства, под влиянием которых действовали два союзных флота. Этот французский офицер, отступая со своими четырьмя кораблями, которые не принимали участия в сражении, на ходу дал бортовой залп по английским судам, которые больше не могли преследовать, — поведение, которое, поскольку победа была полной, не могло иметь иной цели, кроме резни. Более того, такова была негодяйская натура души этого человека, он стрелял по испанским кораблям, которые уступили англичанам, таким образом, ради того, чтобы тривиально ранить своего врага, без зазрения совести проливая кровь своих собственных несчастных друзей. Испанские пленники, возмущенные такой жестокостью, попросили своих английских захватчиков разрешить им вооружиться против отступающих французов; и такова была серьезность их просьбы и уверенность англичан в чести испанцев, что этим людям действительно было разрешено сделать то, о чем они просили. Последовал взаимный обмен добрыми услугами. Вечером после сражения поднялся шторм, и некоторые из захваченных судов дрейфовали у берега, несколько британских моряков попали в руки гарнизона Кадиса. Их приняли как друзей: для размещения своих раненых испанские солдаты уступили свои собственные кровати. Коллингвуд, сменивший Нельсона на посту командующего, отправил всех раненых испанцев на берег лечиться в их собственной стране, просто взяв с них честное слово, что они больше не будут служить во время войны; а губернатор Кадиса с еще большей романтической щедростью предложил свои госпитали для раненых моряков Коллингвуда, пообещав честью испанского имени, что о них будут заботиться, как о его собственных людях, и отправят обратно к их адмиралу, когда они поправятся. Впоследствии станет ясно, к каким выдающимся последствиям суждено было привести проявленным таким образом добрым чувствам.

Говорят, что Бонапарт, услышав об этом сильном поражении, навсегда положившем конец всем его планам вторжения в Англию, потерял самообладание, которое он, несомненно, сохранял, когда ему в Каире сообщили о катастрофе при Абукире. И все же к выражению его печали странным образом примешивалось высокомерие. "Я не могу быть везде", — сказал он вестнику дурных вестей, как будто у Наполеона было больше шансов одержать победу своим присутствием при Трафальгаре, чем у Нельсона, появившегося на коне при Маренго. В своих газетах и даже в официальных посланиях сенату в Париже Бонапарт всегда упорно отрицал, что при Трафальгаре было крупное поражение или даже крупная битва. Но то, насколько хорошо он

оценил факты дела, было хорошо известно несчастному адмиралу Вильневу. Этому храброму офицеру, проведшему короткое время в Англии, было разрешено вернуться во Францию условно-досрочно. Он умер почти сразу после этого в Ренне: от собственной ли руки, в агонии отчаяния, как утверждала французская *газета*, или убит, как принято было считать в то время, кем-то из кровожадных приспешников полиции Фуше, - тайна, еще не проясненная; и, возможно, ей никогда не суждено было стать такой, пока не наступит день, когда ничего не будет скрыто.

Известие о Трафальгаре, после первого же мгновения, послужило лишь новым стимулом для разжигания энергии Наполеона. Он покинул Вену и встал во главе своих колонн, которые, перейдя Дунай в Моравию, вскоре оказались в пределах досягаемости войск России и Австрии, которые, наконец, объединились и приготовились к бою под взглядом своих императоров. Эти князья при приближении французов отступили до Ольмюца, чтобы резерв русских под командованием Бексхаудена мог присоединиться к ним до того, как произойдет решающая битва. Наполеон разместил свою штаб—квартиру в *Брюнне*, проезжая верхом по равнине между Брюнном и Аустерлицем (деревня примерно в двух милях от этого города), сказал своим генералам: "Изучайте это поле боя - вскоре нам придется сражаться за него".

Стратеги сильно критиковали Бонапарта за опрометчивость перехода таким образом Дуная в Моравию, в то время как эрцгерцог Фердинанд организовывал богемцев слева от себя, эрцгерцоги Карл и Иоанн в Венгрии со все еще грозными и ежедневно увеличивающимися силами справа от него, население Вены и прилегающих территорий, готовое восстать, в случае любой катастрофы, у него в тылу; и Пруссия, столь же решительно враждебная в душе, сколь и колеблющаяся в политике. Французский лидер не скрывал от себя рискованности своей авантюры, но он считал, что лучше пойти на весь этот риск, чем задерживаться в Вене до тех пор, пока армии в Венгрии и Богемии не получают время подкрепить двух императоров.

Приготовления Наполеона были следующими: его левый фланг, под командованием Ларма, находился у Сантона, сильно укрепленной позиции: Сульт командовал правым флангом; в центре, под командованием Бернадотта, были Мюрат и вся кавалерия. За линией фронта располагался резерв, состоявший из 20 000 человек, 10 000 из которых были из императорской гвардии под командованием Удино; и здесь сам Наполеон занял свой пост. Но помимо этих открытых демонстраций, Даву с кавалерийским и другим пешим подразделением находился за Райгернским монастырем, значительно в тылу правого фланга французов — будучи поставлен туда императором вследствие ложного маневра, к которому он, с провидческой проницательностью, предвидел, что враг, по всей вероятности, может быть им соблазнен; и к которому он заманивал их соответственно всеми средствами своего искусства.

Бонапарт, узнав, что император Александр лично находится во вражеском лагере, послал Савари засвидетельствовать свое почтение этому государю; но на самом деле, как мы можем предположить, понаблюдать, насколько это было возможно, за численностью и состоянием войск. Вернувшись, Савари сообщил своему хозяину, что русский князь окружен группой молодых хлыщей, каждый взгляд и жест которых выражал чрезмерную уверенность в себе и презрение к своим противникам. Все неудачи предыдущей кампании были, как они старались показать, результатом непростительной трусости австрийцев, чей дух был совершенно сломлен войнами в Италии; но они были соотечественниками того же Суворова, который выбил французов из всех ломбардских завоеваний Бонапарта, и первое генеральное сражение

покажет, какого рода врагами были русские. Насколько верно это утверждение, мы не знаем: в то время оно было открыто сделано в одном из бюллетеней Буонапарте - и, что более важно, он, по-видимому, действовал, полагаясь на то, что Савари сказал правду. Прежде чем он получил его, продвинувшись на несколько лье за пределы выбранного поля битвы, близ Аустерлица, он немедленно отступил на эту позицию с нарочитым замешательством. Царь послал молодого адъютанта ответить на комплимент, переданный Савари; и этот гонец застал французских солдат активно занятыми укреплением своей позиции — той самой позиции, которую их император с самого начала намеревался занять. Отчет о том, что молодой русский увидел на французских позициях, дал, как и хотел Наполеон, новый стимул самонадеянности его врага; и, сделав описанные выше приготовления, он спокойно ожидал последствий их опрометчивости и неопытности.

1 декабря он увидел начало тех ложных движений, которых он желал и предвосхищал. Увидев, что русские начинают спускаться с высот, на которых они могли бы находиться в безопасности, пока эрцгерцоги не придут, чтобы пополнить их ряды войсками в Богемии и Венгрии, Наполеон не сдержал своей восторженной радости: "Через двадцать четыре часа, - сказал он, - эта армия будет моей".

Вскоре после этого прибыл граф Гаугвиц, посланник короля Пруссии, который, будучи представлен императору, дал понять, что он доставил важное сообщение. "Граф, - сказал Наполеон, - вы можете видеть, что передовые позиции армий почти сошлись— Завтра будет сражение— возвращайтесь в Вену и передайте ваше послание, когда оно закончится". Посланник не требовал проведения двух торгов. Наполеон весь этот год оттягивал нерешительность прусских советов, питая обманчивую надежду, что, если Австрия будет окончательно унижена, императорская корона Германии может быть передана бранденбургскому дому. Старой ревности, искусно разбуженной таким образом, было достаточно, чтобы предотвратить объявление войны сразу после вторжения на территорию Анспах и Барута. Не подлежит сомнению, что вмешательство царя в конце концов заставило берлинский двор прекратить свой недостойный нейтралитет: но в свите Хаугвица не было прусской армии; и, видя, что ему предстояло, он, конечно, поступил благоразумно, отложив то, что так неразумно и не великодушно откладывалось из месяца в месяц, еще на один день.

В час ночи 2 декабря Наполеон, поспав часок у сторожевого костра, сел верхом и отправился на разведку передней части своей позиции. Он хотел сделать это так, чтобы его не узнали, но солдаты проникли в тайну и, разожгли большие костры из соломы по всей линии фронта, встречали его от поста к посту восторженными криками. Они напомнили ему, что сегодня годовщина его коронации, и заверили его, что отпразднуют этот день достойно его славы. "Только обещайте нам, - крикнул старый гренадер, - что вы будете держаться подальше от огня". "Я так и сделаю, - ответил Наполеон, - я буду с резервом, *пока мы вам не понадобится.*" Это обещание, которое так полностью подтверждает взаимное доверие вождя и его солдат, он повторил в прокламации, выпущенной на рассвете. Солнце взошло с необычайной яркостью: многие последующие дни французские солдаты с ликованием приветствовали подобный рассвет как верное предзнаменование победы, а "Солнце Аустерлица" вошло в пословицу.

Русский главнокомандующий Кутузов попал в расставленную для него ловушку и послал большую дивизию своей армии обойти французов справа. Войска, выделенные для этой цели, столкнулись с неожиданным сопротивлением Даву и были остановлены в Райгерне. Наполеон

немедленно воспользовался этой возможностью. Они оставили глубокую брешь в линии фронта, и на это пространство Сульт немедленно обрушил силы, которые полностью разрушили связь между русским центром и левыми. Царь осознал фатальные последствия этого движения, и его гвардия бросилась отбивать Сульта. Столкновение произошло на возвышенности, называемой холмом Працен. Русские гнали перед собой французскую пехоту: Наполеон приказал Бессьеру поспешить с императорской гвардией им на выручку. Русские были в некотором беспорядке от нетерпения победы. Они упорно сопротивлялись, но в конце концов были сломлены и обратились в бегство. Великий князь Константин, храбро возглавлявший их, спасся благодаря скорости своего коня.

Центр французов теперь продвигался вперед, и атаки его кавалерии под командованием Мюрата были решающими. Императоры России и Германии наблюдали с высот Аустерлица полное крушение своего центра, как они уже видели это с левого фланга. Их правое крыло до сих пор успешно противостояло стремительности Ланна; но теперь Наполеон мог окружить их со всех сторон, и, поскольку его артиллерия вела по ним непрерывный огонь с высот, они в конце концов обнаружили, что удержать свои позиции невозможно. Они были вынуждены спуститься в долину, где несколько небольших замерзших озер были единственным средством спасения от приближающейся канонады. Французы разбили лед вокруг себя шквалом выстрелов, и почти 20 000 человек погибли на месте, некоторые были сметены артиллерией, большая часть утонула. Бонапарт в своем бюллетене сравнивает ужасное зрелище этих руин с катастрофой турок при Абукире, когда "море было покрыто тюрбанами". С большим трудом обоим императорам удалось собрать вокруг себя остатки своих армий и осуществить их отступление. Двадцать тысяч пленных, сорок артиллерийских орудий и все штандарты императорской гвардии России остались у завоевателя. Такова была битва при Аустерлице, или, как любили называть ее французские солдаты, "битва императоров".

Прусский посланник вернулся и передал Наполеону поздравления своего господина по поводу достигнутой таким образом победы. Император прошептал Хаугвицу: "Вот послание, адрес которого был изменен в силу обстоятельств". Однако у Фридриха-Вильгельма под ружьем было 150 000 человек, и провоцировать его на крайности в этот момент никоим образом не соответствовало взглядам Наполеона. Он заключил договор с Хогвицем, и Пруссия была подкуплена, чтобы сохранять спокойствие, искушением, которому она хотела, чтобы добродетель устояла. Французский император предложил ей Ганновер при условии, что она не будет препятствовать любым другим соглашениям, которые он сочтет необходимыми, и бранденбургский дом не покраснел, приняв из его рук наследство королевской семьи Англии по отцовской линии.

Австриец, понимая, как обошлись с Пруссией, слишком ясно понял, что дальнейшее сопротивление безнадежно, и немедленно начались переговоры.

Надменный император Германии отправился во французскую штаб-квартиру. Его приняли у дверей жалкой хижины. "Таковы, - сказал Бонапарт, - дворцы, которые вы заставили меня занимать в течение этих двух месяцев". "Вы так ими воспользовались, - ответил Фрэнсис, - что вам не следует жаловаться на их приспособленность".

Униженный государь, добившись перед этим перемирия для себя, потребовал от Наполеона, чтобы царю было позволено безопасно удалиться в его собственные государства. На это победитель согласился, и 6 декабря русские начали свое отступление.

Окончательный договор с Франциском был подписан в Пресбурге 15 декабря, другой — с Пруссией 26 декабря в Вене: и условия обоих договоров, составленных Талейраном на стороне Наполеона, соответствовали сигнальным и решающим событиям кампании.

Австрия уступила венецианские территории королевству Италия; ее древние владения Тироль и Форальберг были переданы Баварии в качестве вознаграждения этому курфюрсту за участие, которое он принимал в войне; Виртемберг, также принявший сторону Франции, получил вознаграждение того же рода за счет той же власти, и оба этих курфюрста были возведены в достоинство королей. Бавария получила от Пруссии Анспбах и Барут, а взамен уступила Берг, который был преобразован в великое герцогство и передан в качестве суверенитета шурина Наполеона Мюрату. Наконец, Пруссия присоединила Ганновер к своим владениям в обмен на уступку Анспеха и Барута и согласие на другие вышеупомянутые договоренности.

Эжен Богарнуа, сын Жозефины и вице-король Италии, женился на старшей дочери нового короля Баварии: это был первый случай, когда Наполеон открыто проявил свое желание связать свою семью со старыми суверенными домами Европы. В то же время было объявлено, что в случае, если император умрет, не оставив потомства мужского пола, корона Италии перейдет к Евгению.

Теперь на сцене разворачивались другие события того же характера. Король, или, скорее, королева Неаполя, не преминула во время недавней кампании проявить давнее отвращение к французскому делу. Армия Сен-Сира, которая после первого разрыва Амьенского мирного договора заняла морские порты этого королевства, была вызвана на север Италии для усиления Массены противэрцгерцога Карла, англо-русская экспедиция вскоре высадилась в Неаполе и была радушно принята двором. Наполеон сразу после битвы при Аустерлице издал прокламацию, в которой заявлял, что "королевский дом Неаполя *навсегда* прекратил правление". Узнав о решающей битве и отступлении царя, англичане и русские эвакуировали неаполитанские территории на материковой части Италии. Жозеф Бонапарт повел французскую армию к границе; двор перебрался на Сицилию, и Жозеф был провозглашен королем Неаполя.

Король Швеции, столь же поспешно и бесцеремонно, как и король Неаполя, ввязавшийся в войну 1805 года, высадился с небольшой армией в Германии и осадил Гамелен, ганноверскую крепость, где Бернадот оставил сильный гарнизон. Это движение, если бы Пруссия нарушила свой нейтралитет, могло бы иметь большое значение для общего дела; как показали события, оно оказалось бесплодным. Шведы в смятении сняли осаду, получив известие об Аустерлице; и Наполеон с того часа замыслил низложение династии Густавов, но эта цель была еще недостижима.

Княжества Лукка, Масса-Каррара и Гарфаньяна теперь были переданы сестре Наполеона Элизе (мадам Баччочи); Полине, младшей сестре, которая после смерти генерала Леклерка вышла замуж за принца Боргезе, аналогичным образом был передан суверенитет над Гуасталлой.

Батавская республика в течение многих лет фактически находилась в рабстве у Франции. Однако под предлогом того, что ее ведущие люди все еще стремились к союзу с Англией и препятствовали его планам относительно торговли с этим великим врагом, Наполеон теперь решил лишить Голландию даже тени независимости. Батавскому сенату было приказано просить Луи Бонапарта назначить их королем; и эти республиканцы подчинились с большей

любезностью, потому что личный характер Людовика был дружелюбным, а поскольку Голландия должна была быть придатком Франции, казалось вероятным, что эта связь могла бы стать менее раздражающей во многих обстоятельствах, если бы принц крови самого Наполеона был ее естественным опекуном. Людовик женился на красавице Гортензии -Фанни де Богарнуа, дочери Жозефины, — так что этим актом два члена императорского дома были сразу возведены в королевское достоинство.— Они начали свое правление в Гааге в мае 1806 года.

Остается упомянуть еще об одном важном последствии Аустерлица. Короли Виртемберга и Баварии, великий герцог Бергский и другие государи Западной Германии были теперь связаны тесным союзом в стиле *Рейнской конфедерации*: Наполеон добавил к другим своим титулам титул *Протектора* этой конфедерации; и князья лиги были обязаны предоставить в его распоряжение 60 000 солдат.

Наконец, именно по возвращении с триумфом при Аустерлице Наполеон растоптал последние следы революционной организации во Франции, создав новый дворянский орден. Талейран стал принцем Беневенто, Бернадотт - Понте-Корво, Бертье-Невшатель; самые выдающиеся маршалы получили титул герцога, и множество графов Империи заняли нижние ступени трона.

Эти княжества и герцогства сопровождались пожалованиями обширных поместий в странах, завоеванных французским оружием; и, соответственно, крупные феодалы новой империи носили титулы не внутренние, а иностранные. Во всем это был план Наполеона - стереть память о монархии Бурбонов и возродить образ Карла Великого, императора Запада.

ГЛАВА XX

Недовольство Пруссии—Смерть Питта—Срыв переговоров лордов Ярмута и Лодердейла—Убийство книготорговца Пальма—Пруссия объявляет войну—Бонапарт возглавляет армию—Наумбург взят—Битва при Йене—Наполеон входит в Берлин—Падение Магдебурга и т. Д. —Унижение Пруссии—Жестокость Бонапарта по отношению к герцогу Брауншвейгскому—его жадность и угнетение в Пруссии.

Создание Рейнской конфедерации фактически сделало Наполеона сувереном значительной части Германии и, казалось, произвело настолько тотальную революцию в Центральной Европе, что Франциск Австрийский объявил о прекращении действия Имперской конституции. Он сохранил титул императора как суверен своих наследственных владений; но было объявлено, что "Священной Римской империи", просуществовавшей добрую тысячу лет, больше не существует; и представителя ее древнего влияния следовало искать не в Вене, а в Париже.

Колеблющийся суд Берлина с большим опасением выслушал сообщение о формировании Рейнской конфедерации;^[53] и с глубоким негодованием по поводу его непосредственного следствия - распада Германской империи. Бранденбургский дом согласился на унижение Франциска в надежде унаследовать на следующих выборах императорскую корону, которую так долго носили австрийские принцы; и теперь не только навсегда развеялась эта давно лелеемая надежда, но и оказалось, что Наполеон заложил основы новой системы, при которой влияние

бранденбургского дома должно, по всей вероятности, быть подавлено гораздо более эффективно, чем это когда-либо было в недавнее время, императорской прерогативой Австрии.

Единственным методом противодействия консолидации французской власти по всей Германии, казалось, было создание другой конфедерации в северных кругах, способной уравновесить рейнскую лигу. Курфюрст Саксонии, однако, понимал, что Наполеон вряд ли согласится на реализацию этого плана; и его министр в Берлине продолжал отказываться от присоединения к Северному союзу. Принц Гессен-Кассельский придерживался аналогичного взгляда на дело; но действовал с некоторой нерешительностью, достойной недавнего поведения самой Пруссии, отказываясь, с одной стороны, принять конфедерацию, предложенную Берлинским кабинетом министров, и все же отказываясь, с другой стороны, стать частью Рейнской лиги, к чему Бонапарт часто и настойчиво приглашал этого курфюрста. Однако в нежелании этих князей Пруссия увидела не что иное, как решимость Наполеона с самого начала подавить любую конфедерацию северных германских государств, которая рассматривалась; и раздражение и ревность день ото дня возрастали.

Отношения Франции и Пруссии оставались в таком сомнительном состоянии до тех пор, пока берлинскому кабинету министров не стали известны некоторые подробности переговоров между Наполеоном и английским правительством, которые состоялись летом 1806 года.

Мистер Питт, отчаявшийся противостоять Бонапарту на континенте после Маренго, недолго пережил катастрофические известия об Аустерлице. Измученный и сломленный бесконечными тревогами его положения, даже славные вести о Трафальгаре не смогли оживить упавший дух этого великого министра. Он умер 23 января 1806 года, и его сменил в правительстве мистер Фокс, тот самый государственный деятель, который, несмотря ни на что, обвинял его в ведении войны как идиота и абсурдиста и который все это время исповедовал свою веру в то, что в первоначальной ссоре между Великобританией и революционизированной Францией вина лежит на его собственной стране, и прежде всего на мистере Питте.

О личном общении, которое имело место между Фоксом и Наполеоном во время Амьенского мира, уже упоминалось. Это было рассчитано на то, чтобы заставить всех людей рассматривать шансы на прочный мир между Францией и Англией как увеличенные событием, которое передало бразды правления в последней стране в руки прославленного противника мистера Питта. Но особые чувства английских политиков редко понимались иностранцами — и никогда еще их не понимали так неправильно, как Бонапарте. Когда Фокс посетил его в качестве первого консула в Тюильри, он пожаловался, что английское правительство поощряет убийц, замышлявших покушение на его жизнь. Мистер Фокс, забыв все свои партийные предрассудки, когда была задета честь его страны, ответил в таких выражениях, которые не могли превзойти военную прямоту самого Наполеона — "Выбросьте из головы эту чушь". И теперь, подобным же образом, мистер Фокс, однажды поставленный на ответственное управление интересами своей страны, оказался, к немалому удивлению и разочарованию Наполеона, самым внимательным переговорщиком, с каким ему приходилось иметь дело в лице самого Питта. Английский министр нанял по этому случаю сначала лорда Ярмута,^[54] одного из чиновников 1803 года, а затем лорда Лодердейла. Некоторое время питались большие надежды на удовлетворительное завершение; но, в конце концов, переговоры прекратились из-за категорического отказа Наполеона уступить Мальту Англии, если только Англия не позволит ему отвоевать Сицилию у несчастного государя, Итальянское королевство которого уже перешло к его брату Жозефу.

Мистер Фокс был потерян для своей страны в сентябре 1806 года; и Наполеон впоследствии всегда утверждал, что, будь этот великий государственный деятель жив, переговоры были бы возобновлены и доведены до успешного завершения. Тем временем, однако, дипломатические отношения Тюильри и Сент-Джеймса подошли к концу, и ход, который приняли переговоры, неизбежно выяснился в парламенте.

Затем выяснилось, что *Ганноверская* статья не представляла собой одной из главных трудностей; одним словом, Наполеон дал понять, что, хотя Курфюршество было передано им Пруссии по Венскому мирному договору в конце 1805 года, а Пруссия уступила ему взамен княжества Анспак, Барут и Невшатель, все же, если английское правительство согласится отказаться от Сицилии, он, со своей стороны, не будет возражать против возвращения Ганновера его законному суверену Георгу III. Это презрительное предательство было раскрыто в Берлине, и плохо сдерживаемый гнев двора и нации наконец вырвался наружу. Прекрасная королева Пруссии и принц Людовик, брат короля, два персонажа, чьи высокие и романтические качества делали их предметом восхищения и гордости нации, должны были прежде всего питать и разжигать народное негодование. Молодая знать подняла бунт, разбила окна в домах министров, которые, как предполагалось, должны были защищать интересы Франции, и открыто точила свои сабли о камень у порога наполеоновского посла. Прекрасная королева появилась в мундире полка, носившего ее имя, и ехала во главе его. Вызванный таким образом энтузиазм людей можно было направить в нужное русло, но вряд ли его можно было подавить.

Подобные настроения преобладали не только в Пруссии. Несмотря на то, что Германия веками была разделена на множество независимых государств, тем не менее, всегда ощущалось и признавалось определенное национальное единство сердец и разумов среди всех, кто говорит на немецком языке: распад империи ощущался по всей стране как общая ошибка и вред; оскорбительное обращение Наполеона с Пруссией вызывало возмущение как свидетельство его решимости низвести и эту державу (единственную немецкую державу, способную сейчас оказать какое—либо сопротивление французской агрессии) до уровня унижения, столь же низкого, как то, в котором уже была погружена Австрия; и, наконец, еще одно зверское деяние французского императора — столь мрачное и непростительное деяние, как убийство Д'Энгиена, было совершено в этот самый критический момент и направило против него по всей Германии все чувства, моральные и политические, которые могли быть затронуты преступлениями или оскорблениями иностранного тирана.

Палм, книготорговец из вольного города Наумбурга, опубликовав брошюру, в которой обвинялось честолюбие Наполеона, отряд французских генералов перешел границу и схватил ничего не подозревающего гражданина точно так же, как герцог Энгиенский был арестован в Эттингене, а сэр Джордж Рамбольд - в Гамбурге годом ранее. Книготорговец предстал перед французским военным трибуналом в Браунау за клевету на Наполеона; признан виновным, приговорен к смертной казни и немедленно расстрелян во исполнение приговора. Нет необходимости подробно останавливаться на этом вопиющем факте: смерть Д'Энгиена нашла сторонников или смягчителей — этому подлому убийству скромного торговца, который не был и никогда не был подданным ни Франции, ни Бонапарта, повезло меньше.

Российский император еще раз посетил Берлин, когда чувства Пруссии, да и всех соседних государств, были охвачены лихорадочным возбуждением. Он снова призвал Фридриха

Вильгельма взяться за оружие для общего дела и предложил поддержать его всеми силами его собственной великой империи. Английское правительство, воспользовавшись тем же кризисом, отправило лорда Морпета^[55] в Берлин с предложениями денежных поставок, принятие которых, однако, из-за беспокойства Пруссии по поводу Ганновера создало некоторые трудности. Наконец, Бонапарт, хорошо осведомленный о том, что происходило в Берлине, и желающий, поскольку должна была начаться война, поторопить Фридриха выступить на поле боя, прежде чем царские армии смогут соединиться с его армиями, теперь разразился в *Moniteur* такими оскорблениями в адрес королевы, принца Людовика и каждого прославленного патриота по всей Пруссии, что всеобщий гнев больше нельзя было сдерживать. Всевозможные военные приготовления заполнили королевство в течение августа и сентября. Первого октября прусский министр в Париже вручил Талейрану ноту, в которой, среди прочего, требовалось, чтобы французское вмешательство больше не препятствовало формированию Конфедерации на севере Германии и чтобы французские войска, находящиеся на территориях Рейнской лиги, переправились через Рейн во Францию к 8 октября того же месяца.

Но Наполеон уже лично находился на германской стороне Рейна; и его ответом на прусскую ноту был общий приказ своим собственным войскам, в котором он призвал их посмотреть, каким образом германский государь все еще осмеливается оскорблять солдат при Аустерлице.

Поведение Пруссии, бросившейся таким образом в военные действия, не дожидаясь наступления русских, было столь же опрометчивым, сколь трусливым было ее отступление от Австрии во время кампании при Аустерлице. Как будто решив не извлекать никакого урока, прусский совет также приказал своей армии наступать на французов, вместо того чтобы оставаться на своей собственной границе — повторение большой оплошности австрийцев в предыдущем году. Соответственно, прусская армия вторглась в саксонские провинции, и курфюрст, видя, что с его страной обращаются так же грубо, как с Баварией в аналогичном случае австрийцы, и желая иметь средства вывести свои собственные войска, как это удалось баварцу при аналогичной провокации, был вынужден принять союз, на котором настаивал берлинский кабинет министров, и объединить свои войска с войсками державы, которая его таким образом оскорбила.

Как только Наполеон узнал, что пруссаки продвинулись в сердце Саксонии, он составил план своей кампании: и они, продолжая наступление и заняв, наконец, свою позицию на Заале, предоставили ему, как будто специально, возможность повторить за их счет те самые маневры, которые разорили австрийцев в предыдущей кампании. Одним словом, он понял, что прусская армия была растянута на слишком широкую линию и, как следствие, появилась возможность уничтожить ее по частям. Далее он обнаружил, что все основные склады и обоз противника находятся в Наумбурге, в тылу, не в центре, а на крайнем правом фланге; и решил начать операцию с попытки обойти с фланга и захватить этот обоз, прежде чем основные силы пруссаков, находящиеся в Веймаре, смогут узнать о его движении. Французы двинулись вперед тремя крупными дивизиями: корпуса Сульта и Нея в направлении Хофа; Мюрата, Бернадотта и Даву в направлении Заальбурга и Шлейца; и Ланна и Ожеро в направлении Кобурга и Заальфилда. Этим последним генералам при Заальфилде оказал суровое сопротивление корпус принца Людовика Прусского. Этот храбрый молодой офицер неосторожно покинул мост через Заале, который он мог бы успешно оборонять, и вышел на открытую равнину, где его войска были подавлены стремительностью французов. Ему самому, сражавшемуся

врукопашную с младшим офицером, предложили сдаться, и, ответив ударом сабли, он был немедленно сражен смертельным ударом. Пруссак бежали; мост, который следовало защищать, открыл французам доступ в местность за Заале. Фланг прусской позиции был повернут: французская армия полностью обошла их; Наполеон захватил Наумбург и взорвал там склады, впервые объявив этим взрывом королю Пруссии и его генералиссимусу герцогу Брауншвейгскому, что он находится у них в тылу.

С этого момента пруссаки были изолированы и отрезаны от всех своих ресурсов так же полностью, как армия Мака оказалась под Ульмом, когда французы перешли Дунай и захватили Швабию. Герцог Брауншвейгский поспешно попытался сосредоточить свои силы с целью отрезать себе путь обратно к границе, которую он так опрометчиво покинул. Тем временем Наполеон разместил свои дивизии таким образом, чтобы наблюдать за главными проходами через Заале, и втайне ожидал нападения своего обманутого противника. Именно теперь он нашел время, чтобы ответить на манифест Фридриха Вильгельма, который достиг Парижа через день или два после того, как он сам покинул эту столицу и отправился в лагерь. Его письмо, датированное в Гере, написано в самом изощренном оскорбительном стиле. Король Пруссии (сказал он) прислал ему глупый памфлет на двадцати страницах, на очень плохом французском — такой памфлет, который английское министерство имело обыкновение заказывать своим наемным писателям, — но он оправдал короля за то, что тот прочитал это представление. Он чрезвычайно стремился жить в самых дружеских отношениях со своим "добрым братом" и умолял его, в качестве первого знака равной доброй воли, уволить советников, которые втянули его в нынешнюю несправедливую и неравную войну. Таков был язык этой знаменитой записки. Наполеон, теперь уверенный в своей добыче, пожелал, чтобы его собственные генералы убедились, насколько точно он уже выполнил одно из требований прусского манифеста: "Французская армия, - сказал он, - сделала то, что ей было приказано. Сегодня 8 октября, и мы have эвакуировали территории Рейнской конфедерации".

Узнав о падении Наумбурга, прусский король хорошо понял неминуемую опасность своего положения; и его армия немедленно пришла в движение двумя большими массами; первая, где он присутствовал лично, продвигалась к Наумбургу; вторая пыталась аналогичным образом прорвать французскую линию в окрестностях Йены. Королевский поход был задержан в Ауэрштадте Даву, который после ожесточенных столкновений в конце концов отразил нападение. Сам Наполеон, тем временем, был занят другим крупным отрядом пруссаков. Прибыв вечером 13 октября в Йену, он увидел, что противник готов предпринять наступление на следующее утро, в то время как его собственный тяжелый обоз все еще находился в тридцати шести часах марша у него в тылу. Не обескураженный этим неблагоприятным обстоятельством, император всю ночь трудился, направляя и поощряя своих солдат прорубить дорогу в скалах и подтянуть таким образом те легкие орудия, которыми он командовал, на позицию на высоком плато перед Йеной, где никто не мог заранее ожидать установки какой бы то ни было артиллерии, и где, соответственно, эффект даже небольшого парка оказался более решающим, чем эффект гораздо большего парка, который мог бы быть при других обстоятельствах. Бонапарт провел всю ночь среди солдат, предлагая большие суммы золотом за каждый предмет, который нужно было перетащить на позицию, и постоянно напоминая своим последователям, что пруссаки собираются сражаться не за честь, а за безопасность, — что они уже изолированы так же полностью, как армия Мака была под Ульмом, и при упорном сопротивлении должны покориться участи австрийцев. Ланн командовал центром, Ожеро - правым, Султ - левым, а Мюрат - резервом и кавалерией.

Сульту пришлось выдержать первую атаку пруссаков, которая была яростной и внезапной; на поле боя лежал такой густой туман, что армии находились друг от друга на расстоянии половины ружейного выстрела, прежде чем поднялись солнце и ветер и обнаружили их; и в этот момент Моллендорф бросился в атаку. Сражение в этом пункте некоторое время шло успешно; но, наконец, в тылу императора появился Ней со свежей дивизией; и тогда центр французов перешел в общую атаку, перед которой пруссаки были вынуждены отступить. Некоторое время они продвигались в хорошем порядке; но теперь Мюрат обрушивал на них свои массы кавалерии, штурм за штурмом, с такой быстротой и яростью, что их разгром стал неизбежен. Это закончилось полным распадом армии — конница и пехота бежали все вместе, в суматохе паники, по дороге в Веймар. В этот момент беглецы встретились и смешались со своими собратьями, бежавшими так же растерянными, как и они, из Ауэрштадта. В течение этого катастрофического дня было убито или взято в плен 20 000 пруссаков; 300 орудий, двадцать генералов и шестьдесят штандартов. Главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, был ранен в лицо картечью, его рано унесли с поля боя, и он так и не оправился. Потери высших офицеров с прусской стороны были настолько велики, что армия, которая вечером 13 октября насчитывала не менее 150 000 человек, была потеряна, но несколько полков смогли действовать согласованно в течение некоторого времени после 14 октября. Различные разбитые дивизии бродили по стране, разрозненно ища пути к отступлению: в результате им суждено было стать легкой добычей. Моллендорф и принц Оранский-Фульдский сложили оружие в Эрфурте. Корпус генерала Калькройта был настигнут и окружен в горах Гарц: принц Евгений Виртембергский с 16 000 человек сдался Бернадоту в Галле. Принц Гогенлоэ, наконец, собрал не менее 50 000 этих бродячих солдат и бросился во главе их в Магдебург. Но оказалось, что эта великая крепость была лишена всех своих припасов для службы в армии герцога Брауншвейгского перед Йеной. Таким образом, Гогенлоэ был вынужден отступить к Одере. Он потерпел поражение в различных стычках и, наконец, оказавшись без боеприпасов и провизии, сложил оружие в Пренцлове; 20 000 человек сдались вместе с принцем. Его аррьергард, состоявший примерно из 10 000 человек под командованием знаменитого генерала Блюхера, был настолько далеко позади, что дал им возможность попытаться спастись бегством. Их героический вождь некоторое время путешествовал с ними по стране, не сломленный, и с самой упорной решимостью выдерживал множество нападений со стороны значительно превосходящих сил. Однако постепенно французы под командованием Сульта окружили его с одной стороны, Мюрата - с другой, а Бернадотт оказался совсем рядом с ним. Таким образом, он был вынужден броситься в Любек, где 6 ноября на улицах города развернулись ожесточенные бои. Пруссаки в этом сражении потеряли 4000 пленных, не считая убитых и раненых: он отступил к Шверте, и там, поскольку для него было невозможно продвинуться дальше, не нарушив нейтралитет Дании, утром 7-го Блюхер, наконец, сложил оружие, продемонстрировав образец поведения и доблести, каких, безусловно, не демонстрировал ни один из его начальников в кампании.

Мощные крепости прусской монархии оказывали столь же безрезультатное сопротивление, как и армии на поле боя. Насколько справедливы обвинения в действительном предательстве, выдвинутые тогда и все еще продолжающиеся против комендантов этих мест, мы не знаем; но факт несомненен, что губернаторы Шпандау, Штеттина, Кюстрина, Гамелена и самого Магдебурга последовательно уступили французским генералам при обстоятельствах, которые вызвали возмущенное подозрение прусского народа, а также солдат и их несчастного короля. Бонапарт собственной персоной вступил в Берлин 25 октября; и до конца ноября, за

исключением Кенигсберга, где сам король нашел убежище и собрал вокруг себя несколько тысяч солдат, печальных остатков армии, которая считалась способной противостоять всей мощи Франции, — и нескольких менее важных крепостей, все немецкие владения Бранденбургского дома были в руках завоевателя. Луи Бонапарт, король Голландии, тем временем продвинулся в Вестфалию и оккупировал также эту территорию, включая большую часть Ганновера, Восточную Фрисландию, Эмбден и владения Гессен-Кассель.

Таким образом, в течение нескольких коротких недель гордая основа прусской монархии была сровнена с землей. Поскольку правительство носило сугубо военный характер, когда армия, гордость и сила нации, исчезла, все узы союза между различными провинциями короны, казалось, были сразу же разорваны. Чтобы объяснить беспрецедентную быстроту такого падения, следует помнить, во-первых, что прусские государства, многие из которых были плодами недавних военных завоеваний, мало что удерживало вместе, кроме имени великого Фридриха и ужаса перед высокодисциплинированными войсками, которые он завещал своим преемникам; что, одним словом, у них еще не было времени полностью смешаться и переплавиться в национальное целое; во-вторых, что Пруссия вступила в эту войну не только с безрассудной опрометчивостью, но и с пятном бесчестия на своих руках. . Принятие Ганновера в качестве взятки от французского деспота и упорное и наглое нежелание расстаться с этой нечестно добытой добычей, даже когда сохранение мира с Францией казалось безнадежным, - эти обстоятельства, вместе с подлым дезертирством Австрии во время предшествующей кампании при Аустерлице, в сущности, нанесли правительству глубокий и унижительный удар в глазах его собственных подданных, а также других наций; но, в—третьих, глупое поведение высших прусских офицеров в Йенской кампании было столь же маловероятным, сколь и ожидаемое, как малодушная, если не вероломная низость тех, кто после поражения армии так легко оставил цепь лучших крепостей Европы.

Личный характер короля Фридриха Вильгельма никогда не подвергался клевете, даже когда меры его правительства наиболее широко и справедливо подвергались подозрению и презрению. Напротив, о несчастьях этого добродетельного государя и его семьи рассказывали с неподдельным сожалением и состраданием.

Эти настроения и все настроения, которые по своим последствиям могут нанести ущерб делу Наполеона, поведение Завоевателя в Пруссии в это время национального унижения и скорби было хорошо рассчитано, чтобы усилить и утвердить. Герцог Брауншвейгский, отступая раненый из Йены в столицу своего наследственного княжества, направил оттуда Наполеону письмо с просьбой не смешивать территорию Брауншвейга с территорией Пруссии, хотя он, как частное лицо, выступил против него в прусской форме. Бонапарт ответил дерзко и резко. Он назвал герцога "генералом Брауншвейгом" и сказал, что полон решимости разрушить его город и навсегда изгнать его семью. Храбрый, хотя и неудачливый герцог удалился с этим в Альтону, датский город, откуда он намеревался отплыть в Англию; но его рана воспалилась из-за этих несвоевременных перемещений, и он умер прежде, чем для него смогли приготовить судно. Его сын, считая его убитым, поклялся вечно мстить — и как он сдержал свою клятву, мы увидим позже. С прусской знатью и мелкопоместными почти при каждом удобном случае обращались с одинаковой жестокостью. Великий Завоеватель без колебаний отказался от своего достоинства ради мелкого удовольствия лично оскорбить джентльменов, которые не причинили ему никакого вреда, за исключением того, что были верны своему собственному принцу. Требовательность победоносных военных превосходила все прежние образцы

вседозволенности, и к их алчности повсюду примешивалось нарочитое презрение. Именно теперь французы заложили основу той всеобщей ненависти, с которой впоследствии относилась к ним прусская нация и которая повсюду принимала форму частной страсти.

Отдавая должное Бонапарту, следует отметить единственный случай великодушного поведения, имевший место до того, как он надолго задержался в Берлине. Принц Хацсфельд, продолжая проживать в Берлине под его покровительством, тем не менее переписывался с Гогенлоэ, находившимся в то время на передовой, и посылал информацию о состоянии и передвижениях французской армии. Одно из его писем попало в руки французов - принц был арестован — его жена получила доступ к императору и, не зная о поведении своего мужа, с дерзостью невинности высказалась в его пользу. Он протянул ей письмо принца, и, ошеломленная ясностью этого свидетельства, она молча упала на колени. "Бросьте бумагу в огонь, мадам, - сказал Наполеон, - и тогда не будет никаких доказательств".

Пожалуй, ничто в поведении Бонапарта в то время не вызывало большего отвращения, чем его подлость, когда он лишил меча и орденов надгробный памятник Фридриху Великому. Эти недостойные трофеи он передал в Париж вместе с лучшими статуями и картинами галерей Берлина и Потсдама, поступив таким образом по примеру Ломбардии и Венеции.

ГЛАВА XXI

Указы Берлина—Наполеон возобновляет кампанию—Варшава взята—Энтузиазм поляков—Отступление русских—Битва при Пултуске—Французы переходят на зимние квартиры—Битва при Пройсс-Эйлау—Взятие Данцига—Битва при Фридланде—Перемирие—Экспедиции англичан в Калабрию, Константинополь, Египет и Буэнос—Айрес- Тильзитский мир.

Наполеон добился полного унижения прусской монархии в ходе кампании продолжительностью в неделю; и все же, какими бы тяжелыми ни были усилия его армии и блестящими ни были его успехи, и как бы поздно ни наступал сезон, перерыва в бездействии не последовало: сам император пробыл в Берлине всего несколько дней.

Это краткое пребывание, однако, отличалось изданием знаменитых *берлинских декретов*; тех экстраординарных эдиктов, с помощью которых Бонапарт надеялся подорвать основы могущества Англии — единственной державы, против которой у него не было средств напасть своим, казалось бы, неотразимым оружием.

Наполеон объявил Британские острова находящимися в состоянии блокады: любые сношения с этой страной отныне считались преступлением; все ее граждане, обнаруженные в любой стране, находящейся в союзе с Францией, считались заключенными; каждый предмет английской продукции или мануфактуры, где бы он ни был обнаружен, подлежал конфискации. Одним словом, везде, где Франция обладала властью, малейшее сообщение с Англией отныне считалось изменой величеству Наполеона; и каждое побережье Европы должно было быть укреплено новыми армиями *дуанье* и *жандармов* с целью осуществления того, что он называл "континентальной системой".

Он долго обдумывал организацию этой системы и воспользовался, как благоприятной возможностью для ее внедрения, моментом, когда он, наконец, стал господствовать на Севере Германии и, таким образом, фактически хозяином всего побережья Европы от устья Одера до Адриатического залива. Система, однако, не могла быть введена в действие, потому что по давней привычке промышленные товары и колониальные продукты Великобритании стали предметом первой необходимости для каждого цивилизованного народа мира; и, следовательно, каждый частный гражданин обнаружил, что декрет, который, по общему признанию, был направлен только на доходы английской короны, нарушил его собственные домашние удобства. Таким образом, каждый человек находился под постоянным искушением, каждый в своей сфере и методом, нарушить берлинские декреты. Сотрудники таможни были подвержены взяткам, перед которыми не могла устоять их добродетель. Даже самые преданные функционеры самого Наполеона потворствовали всеобщему духу уклончивости — сами его братья в своих соответствующих владениях не могли не сочувствовать своим подданным и не одобряли методы помощи, к которым их привела необходимость, мать изобретательности. Однако суровая полиция, которая была сформирована повсюду как необходимая часть механизма для приведения этих указов в исполнение — наглость бесчисленных шпионов и осведомителей, которых они привели в действие, и фактическое лишение обычных удобств, насколько это было возможно, — все эти обстоятельства сговорились, чтобы сделать название берлинских указов одиозным во всей Европе и в самой Франции. Можно добавить, что первоначальная концепция Наполеона была основана на ошибочном мнении, которого, однако, он всегда придерживался, а именно, что Англия черпает всю свою силу из своей внешней торговли. Какой бы большой ни была эта торговля и какой бы огромной, несмотря на него, она продолжала оставаться, она никогда не была ничем иным, как мелочью по сравнению с внутренним движением и ресурсами Великобритании — страны, не менее выделяющейся среди других наций своей сельскохозяйственной промышленностью, чем своей торговлей.

Наполеон принял в Берлине депутацию своего Сената, присланную из Парижа поздравить его с успехами кампании. Им он объявил эти знаменитые указы: он назначил их носителями трофеев своих недавних побед и, более того, требования о немедленном наборе 80 000 человек, что является *первым* призывом на военную службу в 1808 году, поскольку этот призыв на 1807 год уже ожидался. Подчиненный сенат записывал и удовлетворял все, что их повелителю было угодно продиктовать; но цена человеческой жизни, которой требовали амбиции Наполеона, еще до этого времени начала серьезно задумываться во Франции. Тем временем он приготовился без дальнейших проволочек погасить слабую искру сопротивления, которая все еще теплилась в немногих гарнизонах прусской монархии, расположенных за Одером, и встретить, прежде чем они смогут достичь земли Германии, те русские легионы, которые теперь слишком поздно наступали на помощь Фридриху Вильгельму. Этот несчастный принц послал Луккезини в Берлин, чтобы начать, если возможно, переговоры с победоносным захватчиком его столицы и дворца; но Бонапарт потребовал Данциг и два других укрепленных города в качестве цены хотя бы самого краткого перемирия; и итальянский посланник вернулся, чтобы сообщить королю, что у него не осталось никакой надежды, кроме как на прибытие русских.

Наполеон держал в своих руках средство начать свою кампанию с этими союзниками Пруссии в условиях, вовлекающих его врага в новую и, вероятно, бесконечную череду трудностей. Раздел Польши — это великое политическое преступление, за которое с тех пор были сурово наказаны все державы, принимавшие в нем участие, хотя ни одна из них не была должным образом наказана, — оставил население того, что когда-то было великим и могущественным

королевством, в состоянии недовольства и раздражения, плоды которых, если бы Наполеон захотел в полной мере воспользоваться этим, могли бы оказаться для царя более опасными, чем любая кампания против любого иностранного врага. Французскому императору стоило только четко объявить, что его целью является восстановление Польши как независимого государства, и вся масса в высшей степени доблестного и воинственного населения немедленно поднялась бы по его призыву. Но Бонапарте удерживали от применения этого эффективного средства раздражения различные соображения; главными из которых были следующие: во-первых, он не мог освободить Польшу, не лишив Австрию богатой и важной провинции и, следовательно, не спровоцировав ее еще раз вступить в войну; и, во-вторых, он предвидел, что русский император, если ему будет угрожать уничтожение его польской территории и власти, будет настаивать на войне совершенно иным способом, чем тот, который он, вероятно, избрал бы, действуя только как союзник Пруссии. Одним словом, Наполеон был хорошо осведомлен о масштабах царских ресурсов и в данный момент не хотел придавать их ссоре характер непоправимой горечи.

Хотя, однако, он по этим и другим причинам воздерживался от открытого обращения от своего имени к полякам как к нации, Бонапарт без колебаний позволял другим вмешиваться в его защиту в справедливо возмущенные чувства народа. Некоторые из героических лидеров поляков в борьбе за свою истекающую независимость долгое время были изгнанниками во Франции — немало из них поступили на службу в ее армии. Этим людям было позволено и поощрялось обращаться к своим соотечественникам на языке, который не мог не привлечь нетерпеливых и восторженных новобранцев под французские знамена и сильно усилить недоумение русских советников. Наполеон также не постеснялся разрешить распространение обращения аналогичной направленности, содержащего *ложную*^[56] с почтенной подписью Костюшко. "Дорогие соотечественники и друзья, - говорила подделка, - восстаньте! Великая нация перед вами — Наполеон ожидает, а Костюшко взывает к вам. Мы находимся под властью монарха, который преодолевает трудности словно чудом, и возрождение Польши - слишком славное достижение, чтобы Вечный не поберег его для себя". Домбровский и Вибици, два польских офицера собственной армии Бонапарта, 8 числа того же месяца отправили из Берлина прокламацию, которая начиналась следующими словами: "Поляки! Наполеон, Великий, Непобедимый, входит в Польшу с армией в 300 000 человек. Не желая проникать в тайну его взглядов, давайте постараемся заслужить его великодушие. *Я посмотрю*, (сказал он нам) *заслуживаете ли вы того, чтобы быть нацией*. Поляки! тогда от вас самих зависит проявить национальный дух и завладеть страной. Ваш мститель, ваш восстановитель здесь. Толпитесь со всех сторон к его присутствию, как дети в слезах спешат увидеть отца-спасителя. Отдайте ему свои сердца, свои руки. Стань мужчиной и докажи, что ты не жалеешь своей крови для своей страны!" Наконец, в одном из собственных бюллетеней Наполеона были допущены следующие зловеющие предложения: "Будет ли восстановлен польский престол и обеспечит ли Великая нация ему уважение и независимость? Должна ли она вернуть его к жизни из могилы? Только Бог, который управляет всеми человеческими делами, может разрешить эту великую тайну!" Эти призывы вызвали различные нетерпеливые обращения из Польши, и Бонапарт приготовился посетить эту страну, хотя и не в качестве ее освободителя.

Прежде чем возобновить великую кампанию, Бонапарт получил представление и объяснения курфюрста Саксонии, который искренне заявил, что Пруссия вынудила его принять участие в войне. Извинения были приняты, и с этого времени курфюрст присоединился к Рейнской лиге и был верным союзником Наполеона. Ландграфу Гессен-Кассельскому повезло меньше. Ответом

на все его заявления было то, что он перестал править. Какое применение Завоеватель намеревался извлечь из конфискованных таким образом территорий, мы сейчас увидим. Однако и саксонская армия, и армия Гессен-Касселя были в его распоряжении, и обе они соответственно двинулись вперед и смешались с войсками, оккупировавшими Пруссию.

Французы, окружив Глогау, Бреслау и Грауденц и оставив отряды для продолжения осады, двинулись к польской границе. Генерал Беннигсен со значительной русской армией двинулся вперед, чтобы внушить страх недовольному населению, и теперь находился в Варшаве. Но марш французского авангарда под командованием Мюрата вскоре встревожил его в этих кварталах. После нескольких незначительных стычек русские отступили за Вислу, и 28 ноября Мюрат вступил во владение польской метрополией. 25-го числа сам Наполеон достиг Познани и обнаружил, что окружен населением, пребывающим в состоянии сильного возбуждения и энтузиазма. Снова появилась старинная национальная одежда: надежда и ликование сияли на всех лицах; старая знать, покинув уединенные замки, в которых они оплакивали падение Польши, столпилась у дамбы Победителя и обратилась к нему на языке, напоминавшем о наполовину восточном характере и манерах их народа. "Мы преклоняемся перед вами, - сказал палатин Гнесны, - и с доверием возлагаем на вас все наши надежды, как на того, кто воздвигает империи и разрушает их, смиряет гордых — восстановителя нашей страны, законодателя вселенной". "Наша страна уже спасена, - сказал председатель Совета правосудия, - ибо мы преклоняемся в вашем лице перед самым справедливым и глубокомысленным Солоном. Мы вверяем нашу судьбу в ваши руки и молим о защите августейшего цезаря".

Набрав в основном свои армии из храбрых поляков, которые считали его одновременно Солоном и цезарем, Наполеон теперь двинулся вперед. Генерал Беннигсен оказался перед необходимостью оставить сначала линию Вислы, а затем линию Буга, и, поскольку французы все еще наступали в количестве, которому его дивизия не могла противостоять, в конце концов он бросился за реку Вкра, где Каминский, русский главнокомандующий, и три другие дивизии армии к этому времени заняли свои позиции. 23 декабря Наполеон достиг Вкры и переправился через нее, и Каминский приказал всей своей армии отступить на линию Немана. Соответственно Беннигсен отступил к Пултуску, Голицын - к Голымину, за обоими следовали большие отряды французов, и оба с невозмутимым терпением и доблестью переносили тяжесть марша по, вероятно, самым плохим дорогам Европы и частые стычки со своими преследователями. Но незначительные дивизии Д'Анрепа и Бексхаудена отступили, не поддерживая необходимой связи ни с Беннигсеном, ни с Голицыным, и, следовательно, понесли значительные потери, хотя во французских бюллетенях этот вопрос сильно преувеличивался.

Беннигсен, несмотря на приказ Каминского отступить во что бы то ни стало, занял стойку, и весьма доблестную, у Пултуска. Имея левый фланг в этом городе, а правый - в лесу, генерал считал свою позицию слишком выгодной для быстрого оставления и 26 декабря ожидал наступления Ланна, Даву и императорской гвардии Франции. Они атаковали со своей обычной стремительностью и вытеснили правое крыло русских под командованием генерала Барклая де Толли из леса; но Бенигсен умело воспользовался этим обстоятельством; по его приказу Барклай де Толли отступил гораздо дальше, чем было необходимо для его собственной безопасности, и французы, наступавшие без всякой охраны, оказались на очень неблагоприятной местности лицом к лицу с главными силами русских, которые теперь были расположены на новом боевом рубеже, и батареей из 120 орудий, размещенной таким образом,

чтобы командовать их маршем со страшной эффективностью. Результатом было то, что русские потеряли 5000 человек убитыми и ранеными, французы — 8000, причем одним из их раненых был сам маршал Ланн; и французы отступали с поля боя, где почти не было боев, с такой поспешностью, что весь следующий день наступающие казаки тщетно искали свой арьергард. В тот же день и почти с таким же успехом князь Голицын также остановился и поджидал своих преследователей у Голымина и отразил их; и если бы либо Бенигсена, либо Голицына поддерживали другие дивизии, которые ничего не предпринимали в радиусе нескольких миль от их соответствующих маршей, эти события могли бы быть улучшены таким образом, чтобы поставить французскую армию в большое и немедленное замешательство. Но, по правде говоря, полное отсутствие плана и комбинации у Каминского к этому времени стало очевидным для самого отъявленного новичка в его лагере. Вскоре после этого появились симптомы действительного помешательства, и главное командование было передано, при всеобщем одобрении, Беннигсену.

Дела Пултуска и Голымина, однако, принесли отличные результаты. Они подняли на высокую ступень боевой дух русских солдат и дали Наполеону такой образец характера его нового врага, что вместо продолжения кампании, как он объявил в своих бюллетенях, он счел нужным отступить и разместить свои войска на зимних квартирах. Сам он поселился в Варшаве, а армия разместилась в различных городах на востоке.

Но генерал Беннигсен, доказав при Пултуске, на что способны русские войска под командованием решительного командующего, как только оказался во главе армии численностью почти в 100 000 человек, решил потревожить французов в их квартирах и во всяком случае предоставить им такое занятие, которое позволило бы королю Пруссии вернуть Кенигсберг, где немногочисленные войска, собранные вокруг этого несчастного государя, уже начинали испытывать многочисленные лишения. С этой целью Беннигсен продвинулся до Морунгена, где французы понесли значительный урон в перестрелке и откуда его казаки рассеялись по стране, создав такое замешательство, что кенигсбергская лига на мгновение расслабилась, прусский гарнизон получил желанные припасы всех видов, а сам Наполеон почувствовал необходимость свернуть свои расквартирования и еще раз сосредоточить армию для активных боевых действий.

Его план состоял в том, чтобы занять Вилленсберг, расположенный в тылу большого русского лагеря в Морунгене; таким образом, перерезав коммуникации нового противника с его собственными ресурсами, тем же способом, который оказался столь фатальным для австрийцев под Ульмом и пруссаков под Йеной. Но Бенигсен, узнав о плане из перехваченной депеши, немедленно с мастерством предпринял контрмарш своей армии и, таким образом, вовлек Наполеона в длинный ряд маневров, которые нельзя было осуществить в такой стране в это мрачное время года без крайних трудностей. Сами русские, привыкшие к северному климату и неспособные даже мечтать о том, что солдат может искать спасения в бегстве, были доведены до грани безумия лишениями этих долгих маршей. Их комиссариат был жалок: у солдат часто не было никакой пищи, кроме тех замерзших кореньев, которые они могли выкопать из земли; и, измученные тяжелым трудом и голодом, они, наконец, так яростно требовали сражения, что, вопреки своему собственному суждению, генерал Бенигсен согласился исполнить просьбу. Полем битвы он избрал город Пройсс-Эйлау и сильную позицию за ним; и — после двух стычек, одной у Ландсберга, другой ближе к выбранному месту, в первой из которых преимущество имели французы, а во второй — русские, — вся армия достигла Пройсс-Эйлау 7 февраля.

В суматохе столь масштабного движения дивизия, предназначенная Беннигсеном для занятия самого города, неправильно поняла приказ и эвакуировала его при приближении авангарда противника. Французы соответственно овладели этим местом, и — генерал Беннигсен приказал вернуть его, как только он узнал о совершенной ошибке — весь день прошел в ожесточенных боях внутри города, который несколько раз брали и отвоевывали, и к наступлению ночи остался в руках французов. Потери с обеих сторон были очень велики, и Наполеон, прибывший лично, понял, что сражение необходимо возобновить на рассвете. Ночь была ясная, и он мог проследить линию противника, затемнявшую всю превосходно выбранную позицию, между которой и городом, подвергшимся ожесточенным боям, было ровное пространство, покрытое снегом, и два или три маленьких замерзших озера, блестевших в смешанном свете безоблачной луны и бесчисленных сторожевых костров.

Великая битва при ПРОЙСС-ЭЙЛАУ произошла 8 февраля. На рассвете французы атаковали в двух разных точках сильными колоннами и не смогли поколебать железную стойкость пехоты, в то время как русская кавалерия, и особенно казаки под командованием их доблестного гетмана Платова, устроили ужасную расправу над каждой дивизией, поскольку те последовательно отступали от своей тщетной попытки. В полдень разразилась жестокая буря: снег валил прямо на глазах у русских; деревня Серпаллен, слева от них, загорелась, и густой дым также окутал их. Даву умело воспользовался этой возможностью и так быстро развернул их фланг, что Серпаллен был потерян, а левое крыло вынуждено было повернуть назад так, чтобы образовать почти прямой угол с остальной линией фронта. Прусский корпус Л'Эстока, небольшой, но решительный фрагмент Йенской кампании, появился в этот критический момент в тылу русского левого фланга и, атаковав с такой отвагой, какой в прежние времена ожидали от солдат Великого Фридриха, отбросил Даву и восстановил русскую линию фронта. Бой продолжался много часов по всей линии фронта — французы смело атаковали, русские гнали их назад с непоколебимой решимостью. Наконец подошел Ней со свежей дивизией, и ему удалось занять деревню Шлодиттен по дороге на Кенигсберг. Было сочтено необходимым вернуть это и, таким образом, восстановить средства связи с королем Пруссии; и это было сделано соответственно на острие штыка. Это было в десять часов вечера. Так закончилось самое продолжительное и, безусловно, самое жестокое сражение, в котором до сих пор участвовал Бонапарт. Предполагается, что в начале у французов было 90 000 человек под ружьем; у русских - не более 60 000. После четырнадцати часов боев обе армии заняли те же позиции, что и утром. Двенадцать наполеоновских орлов были в руках Беннигсена, и поле между ними было покрыто 50 000 трупами, из которых по меньшей мере половина были французами.

Оба лидера заявляли о победе; Беннигсен выставил в доказательство своего успеха двенадцать орлов, которых его армия, признанная меньшей по численности, унесла с поля боя; Бонапарт - что он удержал поле боя, в то время как противник отступил, в ту же ночь после битвы, из Эйлау в сторону Кенигсберга. По правде говоря, это была битва вничью, и то, что Наполеону удалось найти равного, было достаточной горечью для него. Русский главнокомандующий отступил вопреки мнению большей части своего совета из-за беспокойства за личную безопасность короля Пруссии в Кенигсберге и желания набрать свою армию до того, как будет предпринята еще одна крупная операция. Французы, каким бы торжествующим ни был язык их бюллетеней, не предпринимали никаких попыток продолжить преследование. Беннигсен в полном порядке повел свою армию к Кенигсбергу, и казаки, вышедшие из этого города, продолжали более недели опустошать страну по своему усмотрению, без какого-либо видимого сопротивления со

стороны французов. Но лучшее доказательство того, насколько сильно Наполеон переживал битву при Пройсс-Эйлау, можно найти в сообщении, которое он направил Фридриху Вильгельму 13 февраля, через пять дней после битвы, фактически предлагая ему полное или почти полное восстановление своих владений при условии, что он согласится на сепаратный мир: с ответом короля; а именно, что для него невозможно заключить какой-либо договор, если царь не будет в нем участвовать. Наконец, 19 февраля Наполеон оставил Эйлау и отступил со всей своей армией к Висле; убедившись, что было бы фатальной опрометчивостью ввязываться в новую кампанию в Польше, в то время как несколько укрепленных городов и, прежде всего, Данцик оставались у него в тылу; и решив овладеть этими местами и вызвать новые силы из Франции, прежде чем он снова встретится в поле боя с таким врагом, каким показали себя русские.

Данцик защищался с более отчаянной решимостью, поскольку ожидалось, что, как только позволит сезон, английский флот и армия наверняка будут отправлены ему на помощь. Но осаждающие, имевшие огромное численное превосходство и проводившие осаду со всем своим мастерством, в конце концов были вынуждены сдать 7 мая; после этого события чрезвычайные усилия Наполеона по спешной доставке припасов из Франции, Швейцарии и с Рейна, а также добавление 25-тысячной дивизии, взявшей в плен Данцика, позволили ему снова выступить в бой во главе не менее чем 280 000 человек. Русский генерал также сделал все, что было в его силах, чтобы набрать свою армию за этот промежуток времени; но его предельное рвение могло привести лишь к тому, что численность войск снова достигла первоначальной отметки — 90 000 человек; главная вина, как утверждалось, лежала на холодности английского кабинета министров, которого, вместо того, чтобы осыпать российского императора золотом, как это делалось в других подобных случаях, с трудом убедили предоставить ему в этот критический момент столь незначительную сумму, как 80 000 фунтов стерлингов. В распоряжении России есть сколько угодно людей, но бедность национальной казны всегда делает для нее очень трудным содержание большой армии в отдаленном сражении.

Беннигсен, тем не менее, был первым, кто вновь появился на поле боя. В начале июня он атаковал дивизию Нея, дислоцированную в Гуштадте, и преследовал их до Деппена, где 8-го числа произошла удачная операция, и Наполеон прибыл лично, чтобы поддержать свои войска. Затем русские были вынуждены отступить к Гейльсбергу, где они остановились и удерживали свои позиции в течение целого дня перед лицом противника, значительно превосходящего их численностью. Резня с обеих сторон была ужасающей; и Бенигсен, продолжая отступление, поставил реку Аллер между собой и Наполеоном.

Французский император теперь применил все свое искусство, чтобы втянуть русских в генеральные действия: сопротивление, с которым он столкнулся, удивило и разъярило его, и он горел желанием одолеть и уничтожить Беннигсена, прежде чем придут новые войска из этих выносливых москвитов, чтобы пополнить его ряды. Русский генерал находился на восточном берегу реки Аллер, напротив города Фридланд, когда 13 июня Буонапарте снова поравнялся с ним. Неподалеку через реку был перекинут длинный и узкий деревянный мост, который мог быть разрушен, если бы его не защищали; и целью Наполеона было побудить Бенигсена, вместо того чтобы оставаться на своей позиции, отказаться от ее преимуществ, перейти на западный берег и принять бой с городом и рекой в тылу. Его хитрое руководство перехитрило русского, который, будучи убежден, что появившиеся перед ним войска были всего лишь небольшим подразделением французской армии, испытал искушение отправить несколько

полков за реку с целью наказать их. Французы иногда отступали, а затем снова возвращались к бою, и русские постепенно были вынуждены переправляться в большем количестве; пока, наконец, Бенигсен не оказался со всей своей армией на западном берегу, с городом и мостом в тылу, — таким образом, полностью попав в ловушку, расставленную для него врагом.

14 июня, при столь неблагоприятных обстоятельствах, русский генерал был вынужден принять сражение. Его армия занимала открытую местность; запутанные и узкие улочки города Фридланда и мост за ним, по—видимому, были его единственным средством отступления в случае несчастья; а впереди и с обоих флангов простирались те леса, которые прикрывали уловки Бонапарта накануне и которые теперь предоставляли полное укрытие императорской армии — средство атаковать с любой точки, которую они могли выбрать, - и безопасно отступить так часто, как это могло быть сочтено целесообразным.

Сражение началось в десять утра, и русские с непоколебимой решимостью стояли на своих позициях до четырех-пяти часов вечера, выдерживая бесчисленные атаки пеших и конных и все это время подвергаясь убийственной канонаде. Наконец Наполеон встал во главе французской линии и скомандовал генеральную атаку всех родов войск, которая была произведена с ошеломляющим эффектом. Потеряв целых 12 000 человек, генерал Бенигсен был, наконец, вынужден попытаться отступить; французы хлынули вслед за ним в город; первая русская дивизия, форсировавшая реку, в ужасе разрушила мост позади себя; а остальная часть армии спаслась бегством через глубокие и опасные броды, которые, какими бы отчаянными ни были предоставленные им ресурсы, были обнаружены только в момент необходимости. Тем не менее хладнокровие и решимость русских были таковы, что они спасли весь свой обоз и потеряли только семнадцать пушек; и таково было впечатление, которое их упрямая доблесть произвела на противника, что их отступление к Неману было совершено без каких-либо проявлений сопротивления.

Однако результаты битвы при Фридланде были настолько велики, насколько можно было ожидать от любой победы. При отступлении Бенигсена к Неману несчастный король Пруссии, покидая Кенигсберг, где, как он теперь понимал, было невозможно удержаться, искал последнее и ненадежное убежище в морском порту Мемель; и император Александр, благоговейный трепет перед гением Наполеона, одержавшего победу над войсками более решительными, чем когда-либо прежде, противостоявшими ему, и встревоженный последствиями какой-либо решительной меры для реорганизации поляков как нации, начал серьезно подумывать о мире. У Бонапарта, со своей стороны, также было много причин стремиться к прекращению военных действий. Шведский король находился в Померании, осаждая Штральзунд, и ежечасно ожидал подкрепления из Англии, которое могло закончиться грандиозной диверсией в тылу французской армии. Шиль, способный партизан, был с оружием в руках в Пруссии, где всеобщее недовольство было таково, что казалось, не упускается ни малейшего удобного случая для национального восстания против завоевателей. Дальнейшее продвижение французов на север вряд ли могло не предоставить такой возможности. По всей видимости, это также не могло быть осуществлено без необходимости провозглашения независимости Польши; таким образом, война с Россией приобрела характер смертельной ожесточенности и, по всей вероятности, снова вызвала Австрию на поле боя. При таких обстоятельствах умы Наполеона и Александра были одинаково расположены к переговорам: 21 июня генерал Бенигсен послал за ними с требованием перемирия, и на это предложение победитель при Фридланде немедленно согласился.

По правде говоря, помимо скупости Сент-Джеймского двора в отношении субсидий, недавнее ведение войны со стороны Англии было настолько непродуманным и в целом столь неудачным, что царю можно было бы простить желание избежать этого союза. Почти единственным случаем, когда характер британского оружия был великолепно сохранен, была битва при Майде в Калабрии, произошедшая 4 июля 1806 года, когда сэр Джон Стюарт и 7000 английских солдат столкнулись с превосходящими силами французов под командованием генерала Ренье и выбили их с поля боя с большими потерями. Это был один из тех редких случаев, когда французские и английские войска действительно скрестили штыки — стойкость последних повергла первых в панику, и они в замешательстве бежали. Но это событие, за исключением его морального влияния на английских солдат, не имело большого значения. Генерал Стюарт был послан поддержать крестьянство Калабрии в восстании против Жозефа Бонапарта; повстанцы в целом оказались неспособны устоять против регулярной армии назойливого короля, и англичане вскоре после своей бесплодной победы полностью отступили. Британцы, действительно, овладели Кюрасао и мысом Доброй Надежды (это последнее приобретение имело важнейшее значение для индийской империи); но в целом неудачный ход наших мер был обусловлен узкой и поверхностной системой политики, в рамках которой они возникли, — системой растрачивания крови и золота на отдельные объекты, вместо того чтобы объединить все ресурсы империи вокруг какого-то одного великого лидера для достижения какой-то одной великой цели. Британские экспедиции этого периода в турецкие владения и в Испанскую Америку особенно отличались узостью замысла, идиотским исполнением и, как следствие, неудачами.

После принятия Наполеоном императорского сана оттоманская Порта, ослепленная, по-видимому, неотразимым великолепием его судьбы, направила посольство поздравить его; и фактически древний союз между Францией и Турцией был восстановлен. Следовательно, Наполеону не составило труда добиться от Константинополя объявления войны России, великому наследственному врагу турок, в то время как он был готов столкнуться с армиями царя в Польше. Дарданеллы были закрыты для русских судов; и английское правительство, считая это достаточным доказательством того, что великий сеньор присоединяется к Антибританской конфедерации, отправило в феврале 1807 года эскадру кораблей под командованием адмирала Дакворта с приказом форсировать проход через Дарданеллы, предстать перед Константинополем и потребовать от Порты *временного* содержания всех ее военных кораблей. Турки неделю вели переговоры по этому предложению, но тем временем увеличили свои укрепления и укомплектовали их людьми под руководством французских инженеров с таким мастерством, что английский адмирал начал всерьез беспокоиться за свою собственную безопасность; и, наконец, 1 марта осуществил свое отступление через пролив со значительными потерями — этот позор был единственным результатом его экспедиции. 20 числа того же месяца (марта 1807 г.) другая английская экспедиция под командованием генерала Фрейзера, отплыв из Сицилии в Египет, овладела Александрией. Но каждый последующий шаг, который они предпринимали, оказывался неудачным: после серьезных потерь англичане были вынуждены заключить соглашение с турками и полностью эвакуировать Египет 20 сентября.

В январе 1807 года английская экспедиция высадилась близ Монтевидео и взяла этот город штурмом. Сэр Хоум Попхэм, адмирал, был отозван и предстал перед военным трибуналом на том основании, что он предпринял эту войну без должных полномочий; но он отделался выговором, и были отправлены новые подкрепления, сначала под командованием генерала

Кроуфорда, а затем под командованием генерала Уайтлока. Последний названный офицер осадил Буэнос-Айрес и командовал общим штурмом этого города 5 июля; в этот раз, несмотря на превосходное поведение солдат, он был отбит с потерей 2000 человек убитыми, ранеными и пленными; и доведен до такой крайности, что вскоре после этого был рад заключить соглашение и полностью отозвать вооружение. Робкого и некомпетентного Уайтлока судили и уволили. Некоторые из этих бедствий были неизвестны в то время, когда Бенигсен требовал перемирия; но общий неудачный ход британских экспедиций был общеизвестен и, без сомнения, произвел очень серьезное впечатление на ум Александра.

Перемирие было ратифицировано 23 июня, а 25-го императоры Франции и России встретились лично, каждый в сопровождении нескольких сопровождающих, на плоту, пришвартованном на реке Неман, недалеко от города Тильзит. Монархи обнялись и, удалившись под балдахин, вели долгую беседу, свидетелем которой никто не был. По его окончании были отмечены проявления взаимной доброй воли и доверия: сразу же после этого город Тильзит был нейтрализован, и два императора основали там свои дворы и жили вместе среди недавно враждовавших армий, скорее как старые друзья, встретившиеся на увеселительной вечеринке, чем враги и соперники, пытающиеся дипломатическими средствами уладить разногласия, которые в течение многих лет заливали Европу кровью. Какая бы лесть ни была предложена непревзойденным гением и зрелым опытом Наполеона, она была расточена и произвела естественное воздействие на ум молодого автократа, отличавшегося большими амбициями и столь же большим тщеславием. Общение императоров мало-помалу приобретало видимость братской близости. Они проводили утро на смотрах войск друг друга или водиноких прогулках верхом; их вечера, казалось, были посвящены удовольствиям от застолья, зрелищ, музыки, танцев и галантности. Тем временем условия будущего союза фактически обсуждались и были согласованы гораздо быстрее, чем можно было ожидать от любого обычного аппарата дипломатических переговоров.

Несчастный король Пруссии был приглашен выступить в Тильзите; но, откликнувшись на это приглашение, не был допущен ни в какую близость к Наполеону. Завоеватель старательно и при каждом удобном случае подчеркивал разницу между своими чувствами по отношению к этому принцу и молодому и могущественному государю, только ради которого любая тень королевской власти должна была быть признана падшему дому Бранденбургов. Прекрасная и обворожительная королева тоже прибыла в Тильзит, но с ней обошлись еще более холодно и сурово, чем с ее мужем. Невольные слезы хлынули из ее глаз, когда она подчинилась презрительной любезности Наполеона. Его поведение по отношению к этой замечательной особе с новым пылом разожгло гнев и ненависть в душе каждого пруссака; и ее смерть, последовавшая вскоре после этого и повсеместно приписываемая жестокой ране, которой подверглись все ее чувства как женщины и королевы, ценилась как последнее оскорбление, требующее, несмотря ни на что, ужасного искупления.

Тильзитский мирный договор, участником которого, как свидетельствует сам документ, король Пруссии был принят исключительно по причине "уважения Наполеона к императору России", был ратифицирован 7 июля. Этим актом Наполеон вернул Фридриху Вильгельму Древнюю Пруссию и французские завоевания в Верхней Саксонии — король согласился принять "континентальную систему", другими словами, быть отныне вассалом завоевателя. Польские провинции Пруссии были выделены в отдельное княжество, получившее название "Великое герцогство Варшавское", и пожалованы курфюрсту Саксонии; за исключением, однако,

некоторых территорий, переданных России, и Данцига, который был объявлен вольным городом, в котором должны были размещаться французские гарнизоны до ратификации морского мира. Прусские владения в Нижней Саксонии и на Рейне вместе с Ганновером, Гессен-Касселем и различными другими небольшими государствами образовали новое королевство Вестфалия, королем которого был признан Жером Бонапарт, младший брат Наполеона; Жером, наконец, заключивший мир со своим братом, отрекшись от его жены, американки по фамилии Паттерсон, и согласившись на новый союз, более соответствующий взглядам императора, с дочерью короля Виртембергского. Курфюрст Саксонии был признан еще одним королем, созданным Наполеоном; Жозеф Бонапарт - королем Неаполя; а Людовик Голландский. Наконец, Россия согласилась на посредничество Франции в заключении мира с Турцией, а Франция - на посредничество России в заключении мира с Англией.

Таковы были публичные статьи Тильзитского мира; но, кроме того, в нем содержались секретные статьи, значение которых английскому правительству вскоре посчастливилось установить.

В марте 1807 года британский кабинет претерпел полную смену — управление делами перешло от друзей и наследников мистера Фокса в руки мистера Персиваля и других государственных деятелей школы Питта. Неудачное ведение войны сделало предыдущее правительство в высшей степени непопулярным, и меры нового правительства с самого начала приняли характер большей энергии. Но отданные приказы должны быть выполнены; и советы 1806 года оставили роковое наследие в виде катастрофических экспедиций 1807 года. Лорд Грэнвилл Левесон Гауэр^[57] (министр в Санкт-Петербурге) к этому времени был готов предложить царю такие субсидии, на которые он напрасно рассчитывал при подготовке к кампании в Польше; но было слишком поздно исправлять ошибку предыдущего кабинета; и английский посол, будучи не в состоянии прервать переговоры в Тильзите, был вынужден отдать все свои силы царю. попытки проникнуть в секреты договора, на чем они и закончились.

Результатом его усилий стало полное заверение правительства Сент—Джеймса в том, что российский император принял союз с Наполеоном в масштабах, далеко выходящих за рамки договора от 7 июля; что он согласился не только наложить на английскую торговлю, в случае если его посредничество в заключении мира потерпит неудачу, тот же запрет, что и на берлинские декреты, но и встать во главе всеобщей конфедерации северных морских держав против военно-морского превосходства Англии - другими словами, передать свой собственный флот вместе с датским на службу английскому. о Наполеоне. В ответ на это обязательство французский император, несомненно, согласился разрешить царю отвоевать Финляндию у Швеции, тем самым неизмеримо повысив безопасность Санкт-Петербурга. С другой стороны, почти так же невозможно сомневаться в том, что Александр поклялся не препятствовать тем амбициозным планам в отношении Испанского полуострова, которые Наполеон вскоре начал развивать и которым в конечном итоге было суждено привести его к гибели.

Одним словом, кажется, нет никаких сомнений в том, что Наполеон выдвинул в Тильзите блестящий план раздела европейского мира фактически между двумя великими монархами Франции и России: и что царь, при условии, что он был готов смотреть, как его западный брат-император подчиняет своему игу Испанию, Португалию и Англию, был вынужден рассчитывать на равную снисходительность, на какие бы планы он ни отваживался ради собственного

возвышения за счет небольших государств Севера Европы и, прежде всего, Османской Порты.

ГЛАВА XXII

Британская экспедиция в Копенгаген—Коалиция Франции, Австрии, Пруссии и России против английской торговли—Внутренние дела Франции—Администрация Наполеона—его Государственный совет—Судебный кодекс—Общественные работы—Мануфактуры—Налоги—Военная организация—Воинская повинность.

Наполеон, оставив сильные гарнизоны в приморских городах Польши и Северной Германии, вернулся в Париж в августе и был принят сенатом и другими государственными органами со всем триумфом и избытком лести. Шведский король покинул Померанию сразу же, как только услышал о Тильзитском договоре. Фактически власть императора, казалось, теперь укрепилась на всем европейском континенте. Он действительно достиг вершины своего могущества и гордости; отныне ему предстояло спускаться; его подталкивали вниз, шаг за шагом, безрассудная дерзость честолюбия и нарастающий груз вины.

Английское правительство, убедившись, что военно-морские силы Дании вот-вот будут использованы в целях Наполеона, решило опередить его, пока еще было время, и послать в Балтийское море такой флот, который сразу убедил бы копенгагенский суд в тщетности сопротивления и таким образом добился бы сдачи военных кораблей (которые должны были оставаться за Англией не в собственности, а в залоге до заключения всеобщего мира) без каких-либо потерь жизни или ущерба чести. Двадцать седьмой линейный корабль, перевозивший значительные силы войск под командованием графа Кэткарта, появился перед столицей Дании в середине августа и обнаружил, что правительство совершенно не готово к обороне. Высокий дух кронпринца, однако, восставал против уступки требованию, которое только настоятельная необходимость могла бы оправдать со стороны Англии: и, к сожалению, эти сомнения не были преодолены до тех пор, пока датские войска серьезно не пострадали в боевых действиях против англичан, а сама столица в течение трех дней подвергалась бомбардировке, в результате которой погибло множество общественных зданий, церквей и библиотек, а частное население понесло тяжелые потери как жизни, так и имущества. Когда флот, наконец, сдался, англичане благополучно удалились с ним; и ярость Наполеона, плохо замаскированная высокопарными филиппиками по поводу нарушений прав и привилегий независимых наций, выдала, насколько полно он рассчитывал на использование этого флота и как мало он ожидал такого энергичного выступления сент-Джеймского кабинета.

Говорят, что российский император дал понять по конфиденциальному каналу, что, хотя в настоящее время он вынужден тянуть время, он одобряет действия английского правительства и восхищается ими. Однако, если это правда, то его публичное и открытое поведение выглядело совсем по-другому. Британский посол был уволен из Санкт-Петербурга, и после того, как была быстро сформирована общая коалиция России, Австрии, Пруссии и Дании против торговли Англии, берлинские декреты, еще более усиленные другими декретами, изданными Наполеоном 7 декабря 1806 года в Милане, были фактически объявлены неотъемлемой частью универсального закона континента. Александр Русский двинул большую армию в Финляндию и

завладел этой великой шведской провинцией — обещанной добычей в Тильзите. Его флот в Средиземном море одержал знаменательную победу над турками, и условия мира между дворами Санкт-Петербурга и Константинополя были наконец согласованы при посредничестве или под диктовку Наполеона. Казалось, все указывало на состояние всеобщего спокойствия или покорности на всем континенте и на неуклонное использование всех ресурсов европейских монархий на службу французскому императору и уничтожение его последнего и злейшего врага.

Этот враг вскоре, вследствие нового и непредвиденного взрыва преступных амбиций, овладел средствами для возобновления континентальной войны, для того, чтобы расстроить союзы Наполеона и, в конечном счете, подорвать мощь, которая в настоящее время казалась непреодолимой. Но последовал короткий промежуток спокойствия, и мы можем воспользоваться случаем, чтобы вернуться на минуту к внутреннему управлению французскими делами при императорском правительстве, как оно теперь окончательно организовано.

Вскоре после заключения Тильзитского мира Бонапарт упразднил *Трибунат*; и остались, как последние тени собраний, имевших какое-либо политическое влияние, Законодательный сенат и Государственный совет. Первый из этих органов был рано сведен к простому инструменту для записи императорских указов; второй состоял из таких лиц, которых Наполеон предпочел на время удостоить привилегии быть вызванным во дворец, когда ему было угодно услышать мнения других относительно мер, зародившихся в его собственном сознании или предложенных ему его министрами. Он, по-видимому, во многих случаях позволял этим советникам откровенно и полно высказывать свои чувства, хотя и отличающиеся от его собственных; но были взгляды и жесты, которые в достаточной степени указывали на пределы этой терпимости, и которые люди, обязанные своим прибыльным назначением его простому удовольствию и способные потерять его по его кивку, вряд ли переступали. Они говорили открыто и честно только на темы, которые не слишком касались чувств их хозяина.

Его любимым высказыванием во время пребывания у власти было: "Я - государство", а в изгнании на острове Святой Елены он постоянно говорил о себе как о диктаторе Франции по необходимости. В сущности, ни в одной цивилизованной и христианской стране никогда прежде не устанавливался столь полный и жесткий деспотизм на многих уровнях. Вся территория была разделена на префектуры — каждый префект назначался Наполеоном, тщательно отбирался для провинции, с которой у него не было внутренних отношений, получал большую зарплату и был наделен такой полной властью, что, выражаясь собственным языком Наполеона, каждый был в своем департаменте *Императором маленького роста*. Каждый из этих чиновников имел под своим полным контролем низших местных магистратов, получавших власть от него так же, как он получал власть от императора: каждый получал инструкции непосредственно из Парижа; каждый был обязан всеми возможными мотивами служить в меру своих способностей правительству, от которого исходило все, на которое можно было надеяться и которого боялись. Где бы ни находился император, в разгар своих самых жарких кампаний он изучал детали управления у себя дома внимательнее, чем, возможно, любой другой государь вдвое меньшей империи в период глубочайшего мира. О нем говорили, что его самым любимым развлечением, когда ему больше нечем было заняться, было решать задачи по алгебре или геометрии. Он перенес эту страсть во все сферы деятельности; и, обнаружив собственными глазами некоторые ошибки, имевшие значение в государственных счетах, вскоре после начала его правления с тех пор во всех финансовых отчетах государства царили такая

ясность и точность, которые не часто можно встретить в отчетах о большом частном состоянии. Ничто не было ниже его внимания, и он на все находил время. Самый скромный чиновник исполнял свой долг, живо сознавая личное руководство императора; и вездесущность его полиции заменяла, везде, где политика не затрагивалась, охранительную силу свободной прессы, свободного сената и общественного мнения. За исключением политических дел, суд присяжных был правом каждого гражданина. *Кодекс Наполеона*, эта сложная система юриспруденции, над формированием которой император трудился лично вместе с самыми выдающимися юристами и просвещенными людьми того времени, был неоценимым благом для Франции. "Я передам потомкам, - сказал он с неподдельной гордостью, - Кодекс в моих руках". Это была первая единообразная система законов, которой когда-либо обладала французская монархия; и, будучи составлена с непревзойденным мастерством и мудростью, она в наши дни составляет кодекс не только Франции, но и значительной части Европы. Правосудие между людьми осуществлялось на основе здравых и незыблемых принципов и беспристрастными судами. Суды произвольных комиссий Наполеона не занимались ничем, кроме преступлений, реальных или предполагаемых, против его власти.

Духовенство, как мы видели, назначалось повсеместно под руководством правительства: оно также получало его прямые стипендии; следовательно, ничто не могло быть более полным, чем их подчинение его воле. Образование стало частью обычной деятельности государства; все школы и коллежи были переданы под непосредственную опеку одного из министров Наполеона — все премии и стипендии присуждались правительством — и вся система была устроена так, что юноше, проявившему выдающиеся таланты, вряд ли было возможно избежать соблазнов военной карьеры, которые со всех сторон окружали его. Главные отличия и денежное вознаграждение повсюду предназначались для тех, кто преуспевал в достижениях, которые могли пригодиться на войне; *алицеи*, или школы, специально предназначенные для студентов военных вузов, были окружены бесчисленными достопримечательностями, перед которыми едва ли могло устоять юное воображение. Армия, поскольку она была единственной основой могущества Наполеона, также во все времена была главным объектом его мыслей. Все государственные учреждения были подчинены ему и управлялись им, и ни одно из них не было более эффективным, чем имперская система образования.

Ряды армии, однако, пополнялись в течение всего правления Наполеона *по принуждению*. Закон о воинской повинности 1798 года приобрел при нем характер устоявшейся и регулярной части национальной системы; и его деспотическое влияние было таким, какого никогда прежде не было, истощившим в течение длительного периода лет лучшие силы великого и цивилизованного народа. Каждый мужчина во Франции моложе двадцати пяти лет подлежал призыву на военную службу, а правила, касающиеся поиска заменителей, были настолько строгими, что молодые люди из лучших семей были постоянно вынуждены лично подчиняться суровым требованиям. Первый призывной список за этот год включал всех лиц моложе двадцати одного года; и результат голосования в этом классе составил почти 80 000 имен. К ним обращались в первую очередь, но если служба императору требовала дальнейшего пополнения, то последовательно обращались к спискам лиц в возрасте двадцати двух, двадцати трех, двадцати четырех и двадцати пяти лет. Не было никаких исключений ни для кого, кто, казалось, мог носить оружие. Единственный ребенок своих родителей, молодой муж и отец, был вынужден, как и все остальные, в одно мгновение отказаться от домашнего очага, профессии, всех связей и всех надежд жизни: и нет ничего более примечательного в истории современной Европы, чем то, что французский народ в течение шестнадцати лет подчинялся

постоянному действию деспотического закона, который, таким образом, подорвал все основы общественного счастья и обрек растущие надежды нации на истечение крови и гибель миллионов в далеких войнах, затеянных исключительно ради удовлетворения ненасытных амбиций одного человека. С другой стороны, нельзя отрицать, что подавляющее большинство призывников, с какой бы неохотой они ни вступали в ряды, вскоре примирились со своей участью. Пути к продвижению по службе, отличию, богатству, почестям, дворянству, даже королевскому достоинству - все это было открыто перед преданными и успешными солдатами Наполеона; и присутствие такого количества молодых людей хорошего положения и образования в рядах рядовых солдат не могло не, во-первых, сделать ситуацию неизмеримо менее тягостной, чем она могла бы быть в противном случае для каждого представителя класса, и, во-вторых, повысить уровень манер и знаний среди солдат в целом. Никогда еще не существовало армии, в рядах которой так широко применялся интеллект, и в которой так много офицеров самого высокого ранга изначально носили мушкеты.

Налоги, ставшие необходимыми из-за постоянных войн Наполеона, были велики; а полное разрушение внешней торговли и морского флота Франции, вызванное морским превосходством Англии, сделало это бремя еще более невыносимым для различных важных классов общества. С другой стороны, налоги взимались справедливо со всего населения, что представляло собой благословенный контраст с системой старогорежима; а обширное расширение и улучшение сельского хозяйства, ставшее следствием раздела крупных поместий во время революции, позволило нации в целом удовлетворить требования правительства с гораздо меньшими трудностями, чем можно было ожидать в любой предыдущий период французской истории. Великие общественные работы Наполеона, также, хотя и предпринимались главным образом с целью удовлетворения его собственного тщеславия и тщеславия нации, не могли быть выполнены без обеспечения средствами к существованию широких слоев трудящейся бедноты и, таким образом, служили более важным целям. В результате его тщетных попыток восполнить нехватку английских промышленных товаров и колониальных продуктов с помощью новых предприятий и изобретений (особенно таких, как производство заменителя сахара из свеклы) аналогичным образом возникло частичное благо.

Бедствия воинской повинности, высоких налогов, инквизиторской полиции и полностью порабощенной прессы — эти и все другие бедствия, сопутствующие этой изощренной системе военного деспотизма, терпелись в течение стольких лет главным образом благодаря мастерству, с которым Наполеон, согласно его собственному любимому выражению, умел "играть на воображении" и тешить тщеславие французского народа. В блеске его побед, в великолепии его дорог, мостов, акведуков и других памятников, в общем превосходстве, до которого, казалось, поднялась нация благодаря гению своего вождя, находилось возмещение всех финансовых тягот, утешение в семейных бедствиях и эквивалент той свободы, во имя которой тиран достиг своей первой славы. Но нельзя упускать из виду, что Наполеон в каждом департаменте своего правительства взял за первое правило нанимать людей, по его мнению, наиболее подходящих для того, чтобы своими талантами и усердием прославлять его службу; и что таким образом он связывал с собой, как по всей своей империи, так и в своей армии, надежды и влияние тех, чьи личные голоса, скорее всего, определяли мнение общества.

Он порадовал французскую нацию, украсив столицу и создав в Тюильри двор, столь же изысканный, как у Людовика XIV. он сам. Старая знать, возвращавшаяся из ссылки, смешивалась в этих гордых залах с героями революционных кампаний; и на всех церемониях

этих величественных празднеств Жозефина председательствовала с грацией и элегантностью той, кто рожден быть королевой. Посреди пышности двора, в приемных которого короли толкали друг друга, сам Наполеон сохранил солдатскую простоту своей первоначальной одежды и манер. Великий император продолжал трудиться более усердно, чем любой другой младший офицер на своем посту. Он всецело посвятил себя честолюбию, которому он заставил всех остальных способствовать.

У Наполеона, как у императора, было мало времени на светские развлечения. У него было мало личных друзей; дни он посвящал труду, а ночи - учебе. Если он не был со своей армией на поле боя, он объезжал провинции, изучая собственными глазами мельчайшие детали местного устройства; и даже из центра своего лагеря он постоянно издавал указы, которые свидетельствовали о точности его наблюдений во время этих поездок и его стремлении способствовать любыми средствами, соответствующими его великой цели, благосостоянию какого-нибудь французского округа, города или даже деревни.

Манеры при Дворе были, по крайней мере, приличными. Наполеон время от времени предавался амулетам, недостойным его характера и мучительным для его жены; но он никогда не позволял никакой другой женщине влиять на его разум и не оскорблял общественное мнение каким-либо приближением к той системе неприкрытого разврата, которая на протяжении целых веков позорила двор Бурбонов и подрывала их трон.

ГЛАВА XXIII

Отношения Наполеона с Испанией— Фонтенблоский мирный договор—Марш Жюно в Португалию—Бегство Браганса в Бразилию—Французские войска вступают в Испанию—Разногласия при дворе—Обе стороны апеллируют к Наполеону—Мюрат занимает Мадрид—Карл и Фердинанд отрываются от престола в Байонне—Жозеф Буонапарте коронован королем Испании.

После ратификации Тильзитского мирного договора Наполеон, вернувшись, как мы видели, в Париж, посвятил всю свою энергию совершенному установлению "континентальной системы". Кое-что уже было сказано о трудностях, с которыми была сопряжена эта попытка: по правде говоря, это было состязание между деспотической волей Бонапарта и интересами и привычками не только каждого суверена в его союзе, но и каждого частного лица на континенте; и поэтому было фактически невозможно, чтобы имперская политика не была сбита с толку. Российское правительство, вероятно, никогда не относилось дружелюбно к системе, которая, исходя из природы национального производства и ресурсов, должна была, если бы сохранялась в течение сколь-нибудь значительного времени, нанести непоправимый ущерб финансам землевладельцев, сократить государственные учреждения и подорвать эффективную власть государства. Таким образом, в этой области Наполеон вскоре обнаружил, что, несмотря на все заверения в личной преданности, которые молодой царь продолжал, возможно, искренне, делать, его любимый план систематически нарушался; но расстояние и сила России не позволяли ему в настоящее время доводить свои жалобы до крайности. Испанский полуостров лежал ближе к нему, и огромные масштабы, в которых запрещенные мануфактуры и колониальные товары Англии попадали во все районы этой страны, и особенно в Португалию, а

оттуда через руки целых легионов дерзких контрабандистов в саму Францию, вскоре привлекли его внимание и вызвали негодование. По правде говоря, прокламация, выпущенная в Мадриде незадолго до битвы при Йене и внезапно отозванная при известии об этой великой победе, подготовила императора к тому, чтобы с большим подозрением относиться к поведению испанского двора и объяснять каждое нарушение его системы его преднамеренным и враждебным попустительством.

Суд представлял собой живой образ разделенной и деградировавшей нации. Королем, старым и почти невероятно слабоумным, безраздельно управляла его королева, женщина дерзко беспринципная, чьи сильные и порочные страсти снова были всецело под влиянием Мануэля Годоя, "принца мира", возведенного своей преступной любовью из положения частного гвардейца в ранг превосходства над всеми грандами Испании, супружеской связи с королевским домом и высшего руководства делами. Она, ее любовник и униженный король были предметом презрения и ненависти могущественной партии, во главе которой стояли каноник Эскойкис, герцог дель Инфантадо и Фердинанд, принц Астурийский, наследник престола. Сцены раздора, заполнившие дворец и двор, были скандальнее всех современных примеров: и поскольку сила двух партий колебалась на весах, в зависимости от того, насколько продажные калькуляторы оценивали нынешнюю власть Годоя или вероятность восшествия на престол Фердинанда, взоры обоих были обращены к опасному средству установления равновесия путем обращения за поддержкой к Тюильри. Наполеон, со своей стороны, относился к соперничающим группировкам с равным презрением, льстя себя надеждой, что, несмотря на их общие страхи и низость, он найдет средства в конечном итоге привести весь полуостров к полному подчинению под своим собственным игом.

Тайная история интриг 1807 года между французским двором и соперничающими партиями в Испании еще не была четко раскрыта; и вряд ли это будет так, пока большинство главных агентов живы. Согласно Наполеону, первое предложение о завоевании Португалии объединенным оружием Франции и Испании и разделении этой монархии на три отдельных приза, из которых один должен перейти в распоряжение Франции, второй - испанскому королю, а третий вознаградит личные усилия Годоя, исходило не от него, а от испанского министра. Маловероятно, что Наполеон должен был дать какой-либо другой отчет по этому вопросу. Все испанские власти приписывали это предположение императору; и трудно сомневаться, что так оно и было на самом деле. Мирный договор, в котором беспринципный замысел обрел законченную форму, был ратифицирован в Фонтенбло 29 октября 1807 г. и сопровождался конвенцией, которая предусматривала немедленное вторжение в Португалию силами в 28 000 французских солдат под командованием Жюно и 27 000 испанцев; в то время как резерв в 40 000 французских солдат должен был быть собран в Байонне, готовый выступить в поход к концу ноября, на случай, если Англия высадит армию для защиты Португалии, или народ этой преданной страны осмелится встретить Жюно нападением. национальное восстание.

Жюно немедленно начал свой марш через Испанию, где французских солдат повсюду встречали холодно и подозрительно, но нигде не было никаких враждебных движений народа. Он остановился бы в Саламанке, чтобы организовать свою армию, состоявшую в основном из молодых призывников, но политика Наполеона превзошла планы его генерала, и войска были, в результате безапелляционного приказа из Парижа, введены в Португалию во второй половине ноября. Отряд испанцев под командованием Годоя также появился там и перешел под командование Жюно. Их численность внушала благоговейный трепет населению, и они, не

встречая сопротивления, двинулись к столице — самым страстным желанием Жюно было обеспечить безопасность принца-регента и королевской семьи. Тем временем слабое правительство, сделав одно за другим все унижительные уступки, которые диктовала Франция, изгнав британскую фабрику и британского министра, конфисковав всю английскую собственность и закрыв порты для всех английских судов, в конце концов убедилось, что никакие меры подчинения не могут предотвратить гибель, о которой гневался Наполеон. Журнал *Moniteur*, объявляющий, что "Дом Браганса прекратил правление", достиг Лиссабона. Принц-регент возобновил переговоры с английским адмиралом с берегов Тежу (сэр Сиднеем Смитом) и недавно высланным послом (лордом Стрэнджфордом) и, будучи уверен в их защите, 27 ноября сел на корабль и 29 ноября отплыл в Бразилию, всего за несколько часов до того, как Жюно появился у ворот Лиссабона. Отвращение, с которым португальский народ воспринял его бегство, трусливое завершение, как они могли бы это расценить, длительного пути подлости, было в высшей степени полезно захватчику. За исключением одного незначительного восстания, когда дерзкий завоеватель снял португальское оружие и поставил на его место оружие Наполеона, несколько месяцев прошли в кажущемся спокойствии; и генерал умело использовал их для повышения дисциплины своих солдат, улучшения береговых укреплений и такого распределения своих войск, которое могло бы наилучшим образом защитить страну от любых военных демонстраций со стороны Англии.

Таким образом, Наполеон увидел Португалию в своих руках, но он все это время рассматривал как пункт второстепенной важности и, соответственно, воспользовался крайними уступками по Фонтенблоскому мирному договору, не дожидаясь ни восстания португальцев, ни высадки англичан на их территории. Его резервная армия, численность которой намного превышала 40 000 человек, указанных в договоре, уже перешла Пиренеи двумя отрядами под командованием Дюпона и Монси и медленно, но неуклонно продвигалась в сердце Испании. Более того, даже не упомянув об этом в договоре, другая французская армия численностью в 12 000 человек под командованием Дюэсма проникла через восточные Пиренеи и, будучи принята как друзья ничего не подозревающими гарнизонами, овладела Барселоной, Пампелунгой и Сен-Себастьяном, а также другими укрепленными местами на севере Испании путем ряда вероломных ухищрений, которым история цивилизованных народов не представляет параллели. Затем армии двинулись вперед, и главные дороги, ведущие от французских границ к Мадриду, оказались полностью в их распоряжении.

Кажется невозможным, чтобы такие дерзкие действия не пробудили самых мрачных подозрений в Мадриде; однако королевская семья, не обращая внимания на общую опасность, которая вот-вот нависнет над ними и их страной, продолжала в течение трех насыщенных событиями месяцев растрачивать всю энергию, которой они обладали, на мелкие заговоры, домашние распри и, каким бы невероятным ни был рассказ, на подлые дипломатические интриги при французском дворе. Принц Астурийский добивался чести жениться на представительнице Дома Наполеона. Старый король, или, скорее, Годой, снова призвал на помощь императора против изменнических, более того (ибо до таких крайностей доходили их взаимные обвинения), отцеубийственных заговоров предполагаемого наследника престола. Бонапарт выслушал обе стороны, не удостоив прямым ответом ни одну из них, и продолжал направлять дальнейшее движение тех суровых арбитров, которым вскоре предстояло решить этот вопрос. Внезапная паника наконец охватила короля или его министра, и двор, находившийся тогда в Аранхуэсе, приготовился удалиться в Севилью и, отплыв оттуда в Америку, искать спасения по примеру Дома Браганса, в деле разорения Европы которого они

так недавно были соучастниками. Слуги принца Астурийского, увидев приготовления к этому бегству, подняли беспорядки, к которым с готовностью присоединилось население Аранхуэса, и которые были утихомирены (на время) только королевским заявлением о том, что никакого бегства не предполагается. 18 марта 1808 года, на следующий день, сцена подобного насилия произошла в самой столице. Дом Годоя в Мадриде был разграблен. Сам фаворит подвергся нападению в Аранхуэсе 19-го числа; вмешательство королевской гвардии с большим трудом спасло ему жизнь; и он был помещен под арест. Напуганный тем, что он увидел в Аранхуэсе и услышал из Мадрида, Карл IV. отрекся от престола, а 20-го числа Фердинанд, его сын, был провозглашен королем Мадрида под бурные аплодисменты публики. Мюрат, великий герцог Бергский, до этого принял на себя главное командование всеми французскими войсками в Испании; и, услышав о крайностях, до которых дошли придворные группировки, он теперь быстро двинулся на Мадрид, окружил эту столицу 30 000 человек и лично овладел ею во главе еще 10 000 человек 23 марта. Карл IV тем временем отправил гонцов как к Наполеону, так и к Мюрату, утверждая, что его отречение было невольным, и призывая их на помощь против его сына. Фердинанд, войдя в Мадрид 24-го числа, обнаружил французского генерала во владении столицей и тщетно требовал признания его королем. Мюрат принял шпагу Франциска I, которую, среди прочих знаков лести, предложил ему Фердинанд; но упорно отказывался принимать какое-либо участие в решении великого вопроса, который требовал, как он сказал, распоряжения Наполеона.

Император с большим сожалением узнал о поспешности, с которой его наместник занял Мадрид, ибо его ясный ум уже предвидел неминуемую опасность слишком грубо растоптать ревнивую гордость испанцев; и события 17, 18 и 19 марта вполне подтверждали его впечатление, что, хотя при дворе могло быть уничтожено всякое чувство достоинства и приличия, древние элементы национальной чести все еще оставались, готовые к применению, в массе народа. Поэтому он послал Савари, в хитрости и двуличии которого надеялся найти средство против военной опрометчивости Мюрата, взять на себя главное руководство делами в Мадриде; и активно распространился слух, что император собирается прибыть туда собственной персоной без промедления.

Мадрид оккупирован и разграблен сорока тысячами вооруженных незнакомцев, его титул не признан Мюратом, его слабый разум и бурные страсти постоянно подогревались коварным коварством Савари, и Фердинанд, наконец, убедился, что его лучший шанс заручиться помощью и покровительством Наполеона заключается в том, чтобы выступить ему навстречу на пути в столицу и постараться добиться его расположения прежде, чем эмиссары Годоя смогут завалить его своими заявлениями. Савари охотно вызвался сопровождать его в этом роковом путешествии, которое началось 10 апреля. Обезумевшего Фердинанда приучили верить, что он найдет Бонапарта в Бургосе; не встретив его там, он поддался искушению продолжить свое путешествие до самой Виттории; и оттуда, несмотря на население, которое, будучи более проникательным, чем их принц, перерезало следы его кареты, он был, повторяя те же вероломные доводы, вынужден был двигаться шаг за шагом и, наконец, пересечь границу и прибыть в Байонну, где вершитель его судьбы с тревогой ожидал завершения своего почти невероятного предприятия. безумие. Он прибыл туда 20 апреля, был любезно принят Наполеоном, приглашен на ужин за императорским столом, и в тот же вечер Савари сообщил ему, что его судьба предreshена — что династия Бурбонов прекратила правление в Испании и что его личная безопасность должна зависеть от готовности, с которой он передаст все свои притязания в руки Бонапарта.

Тем временем, как только ему стало известно, что Фердинанд действительно выехал из Мадрида, он приказал Мюрату найти способ заставить старого короля, королеву и Годоя также отправиться в Байонну; и не похоже, чтобы его лейтенанту было трудно убедить этих лиц в том, что такое поведение в наибольшей степени соответствует их интересам. Они достигли Байонны 4 мая, и Наполеон, встретившись лицом к лицу с родителями и сыном 5 мая, стал свидетелем сцены, в которой безудержная злоба их домашних распрей достигла пределов, которые едва ли могло представить самое буйное воображение. Говорят и полагают, что воинственная королева без колебаний дала понять своему сыну, что король не был его отцом - и это в присутствии этого короля и Наполеона. Если бы преступление оправдывало преступление, если бы дьявольские похоти и ненависть дегенеративной расы могли служить каким—либо оправданием преднамеренной вины мужского гения, поведение этого презренного суда могло бы извинить политику, которую оно, возможно, побудило начать изнеженное честолюбие Наполеона и которая теперь побуждала его совершить акт самоубийственного насилия.

Карл IV. отказался от короны Испании ради себя и своих наследников, приняв взамен из рук наполеона безопасное убежище в Италии и большую пенсию. Годой, который вступил в роковые переговоры в Фонтенбло с надеждой и обещанием независимого суверенитета, вырезанного из португальских владений, был отправлен на пенсию таким же образом и получил приказ разделить итальянское изгнание своих покровителей. Несколько дней спустя Фердинанд VII, которому предложили наконец сделать выбор между уступчивостью и смертью, последовал примеру своего отца и совершил аналогичный акт отставки. Наполеон поздравил себя с тем, что присоединил Испанию и Индию к своей империи без какой-либо цены крови или сокровищ; и французский народ, ослепленный очевидным великолепием приобретения, проглядел, если и есть какая-то вера в публичные выступления и фестивали, огромную вину, с помощью которой это было достигнуто. Но прежде чем высохли чернила, которыми испанские бурбоны подписали отказ от своего первородства, в Байонну пришли вести, которые вполне могли нарушить гордые мечты завоевателя и уверенность его почитателей.

Нельзя сказать, что Наполеон с самого начала не сумел оценить огромные опасности, которые окружали его дерзкий замысел. Талейран и даже Фуше самым решительным образом предупреждали его о них; более того, он сам написал письмо, в котором осудил опрометчивую поспешность Мюрата при занятии испанской столицы, призвал его к необходимости умиротворения народа, сохраняя демонстрацию уважения к национальным властям и институтам, а также представил неминуемую опасность, позволив герцогу дель Инфантадо укрепить и расширить свою партию в Мадриде, и закончил зловещими словами: *Помните, если разразится война, все потеряно.*

Фердинанд, прежде чем покинуть Мадрид, наделил регентский совет суверенной властью, его дядя, дон Антонио, был президентом, а Мюрат - одним из членов. Принятие Мюратом власти, полученной таким образом, уход Фердинанда, освобождение и отъезд ненавистного Годоя, бегство старого короля — эти события произвели свое естественное воздействие на общественное сознание. Мрачное подозрение, что Франция замышляет уничтожение национальной независимости, начало распространяться; и 2 мая, когда выяснилось, что готовятся к путешествию и дон Антонио, всеобщий гнев наконец вырвался наружу. Толпа собралась вокруг кареты, предназначенной, как они пришли к выводу, для вывоза последних членов королевской семьи из Испании; пути были перерезаны; в адрес французов раздавались яростные проклятия. Полковник Ла Гранж, адъютант Мюрата, случайно оказавшийся на месте

происшествия, подвергся жестокому обращению. Через мгновение вся столица была охвачена волнением: повсюду нападали на французских солдат - около 700 человек были убиты. Толпа напала на больницу — больные и их сопровождающие выбежали и встали на ее защиту. Французская кавалерия, услышав шум, вошла в город через ворота Алькала - колонна из 3000 пехотинцев с другой стороны по улице Анча-де-Бернардо. Несколько испанских офицеров возглавили толпу и открыли огонь по солдатам на улицах Маравельеса; последовала кровавая резня; многие сотни были взяты в плен; войска, прочесавшие улицы из конца в конец, освободили своих товарищей; и, по всей видимости, спокойствие было восстановлено еще до наступления ночи. Однако с наступлением темноты сюда стеклись вооруженные крестьяне из соседней страны; и, будучи встречены у ворот раздраженной солдатней, еще немало людей было убито, ранено и взято в плен. Мюрат приказал предать всех заключенных суду военной комиссии, которая обрекла их на мгновенную смерть. Спорно, лежит ли более сознательная вина за приведение приговора в исполнение на самом главнокомандующем или на Груши; несомненно, что значительное число испанцев - по признанию английских властей, наиболее дружественных французскому делу, *девятью пятью*^[58] - были хладнокровно убиты 3 мая.

Этому волнению предшествовало короткое восстание, легко подавленное и, вероятно, вскоре забытое, 23 апреля в Толедо. События в столице носили более решительный характер, и количество кровопролития, само по себе огромное, было сильно преувеличено в сообщениях, которые, подобно лесному пожару, распространились по всему полуострову, поскольку французы так же стремились внушить благоговейный страх провинциальным испанцам, создавая преувеличенное впечатление о последствиях сопротивления, как их враги в Мадриде стремились вызвать всеобщее возмущение, раскрывая подробности свирепости захватчиков и суровости своей собственной преданности. Почти в каждом городе Испании, и почти одновременно, пламя патриотического негодования вспыхнуло в ужасной форме убийств. Французские жители были убиты безжалостно: предполагаемые сторонники Наполеона и Годоя (немало достойных людей были беспричинно посрамлены своей судьбой) были принесены в жертву в первом порыве народного гнева. В Кадисе, Севилье, Карфагене, прежде всего в Валенсии, улицы были красными от крови. Мрачный и мстительный нрав испанцев покрыл страну сценами, подробности которых шокируют до глубины души. Французские солдаты, окруженные, оскорбленные, и всякий раз, когда их удавалось застать по отдельности, приносимые в жертву — часто при любых обстоятельствах жестоких пыток, — отвечали таким же варварством всякий раз, когда у них были средства. Народные организации (хунты) взяли на себя управление делами в большинстве городов и провинций, отказались от ига Франции, объявили Фердинанда королем и на важнейших морских станциях вступили в сношения с английским флотом, от которого они не смогли получить денежных поставок и всяческого поощрения к осуществлению своих мер. Депутаты были отправлены в Англию без промедления; и их встретили там с величайшим энтузиазмом сочувствия и восхищения. Англия могла говорить и действовать открыто. По всему поработанному континенту весть об испанском восстании была воспринята с угрюмой радостью.

Наполеон воспринял это известие с тревогой; но он уже зашел слишком далеко, чтобы отступить, не нарушив магического влияния своей репутации. Более того, он был готов льстить себе надеждой, что только низшее население Испании принимало активное участие в этих сделках; что дворянство, чью деградацию он вряд ли мог переоценить, прислушается к его

голосу; одним словом, что, имея 80 000 солдат в Испании, помимо армии Жюно в Португалии, он располагал средствами подавления беспорядков после того, как первый всплеск прошел бы. Поэтому он продолжал действовать именно так, как будто никакого восстания не было. Когда в Мадриде восстановилось спокойствие, был созван Совет Кастилии, которому было приказано избрать нового монарха; их выбор, конечно, был сделан заранее: он пал на Жозефа Бонапарта, короля Неаполитанского; и прежде чем это было объявлено, этот человек уже был на пути в Байонну. Девяносто пять *знатных* людей Испании встретились с ним в этом городе и поклялись в верности ему и новой Конституции, созданной, конечно, Наполеоном. Жозеф, въехав в Испанию, был встречен недвусмысленными признаками презрения и ненависти: — более того, одно крупное сражение уже состоялось между французами и патриотами. —но, поскольку главная дорога была полностью занята войсками его брата, он благополучно добрался до Мадрида.

Люсьен Бонапарт, как известно, получил первое предложение этой короны; но он не завидовал положению королевских вассалов своего брата и отказался от опасной чести. Мюрат ожидал этого и очень сожалел о своем разочаровании; но Наполеон не считал его обладателем необходимого благоразумия, и он был вынужден согласиться на наследование вакантного неаполитанского трона.

Жозеф не стал непопулярным в Неаполе и, будучи мирным человеком, с радостью остался бы в этом скромном королевстве; но Наполеон в таких случаях считался с личными пожеланиями своих младших принцев не больше, чем со своими генералами при подготовке кампании.

24 июля (говорит полковник Нейпир) "Джозеф был провозглашен королем Испании и Индии со всеми торжественностями, обычными в таких случаях; не колеблясь, он объявил себя врагом одиннадцати миллионов людей, объектом ненависти целой нации; со странным акцентом из среды иностранных банд призывал эту свирепую и надменную расу принять конституцию, которой они не понимали и о которой немногие из них даже слышали; его единственная надежда на успех основывалась на силе оружия его брата; его претензии на власть в стране были предъявлены". согласие слабоумного монарха и слабость горстки малодушных дворян, пренебрежение правами миллионов, которые сейчас вооружаются, чтобы выступить против него".

ГЛАВА XXIV

Восстание испанцев и португальцев—Их союз с Англией—Битва при Риосекко—Жозеф входит в Мадрид—Первая осада Сарагосы—Поход Дюпона в Андалусию—Битва при Байлене—Дюпон сдается—Жозеф покидает Мадрид—Ситуация при Жюно—Прибытие сэра Артура Уэлсли—Битва при Рорисе—Битва при Вимiero—Съезд в Цинтре.

4 июля король Англии обратился к своему парламенту по вопросу, который вызвал всеобщий энтузиазм его народа. "Я рассматриваю, - сказал он, - с живейшим интересом лояльный и решительный дух, проявленный в сопротивлении насилию и вероломству, с которыми были нарушены самые дорогие права испанской нации. Королевство, таким образом благородно борющееся против узурпации и тирании Франции, больше не может рассматриваться как враг

Великобритании, но признано мной естественным другом и союзником". Уже упоминалось, что британское командование по соседству с Испанией не дожидалось приказов из дома, чтобы открыто поддержать дело восставшей нации. Испанские военнопленные были немедленно освобождены, одеты, экипированы и отправлены обратно в свою страну. Туда щедро переправлялись поставки оружия и денег, и, поскольку в Португалии разгорелось всеобщее восстание, между Англией и двумя королевствами полуострова вскоре был заключен официальный союзный договор, наступательный и оборонительный.

Это восстание дало Великобритании то, чем она еще не обладала во время войны, - благоприятный театр военных действий, на котором она могла противопоставить всю мощь своей империи оружию Наполеона; и этой возможностью воспользовались с рвением, хотя в течение некоторого времени не проявлялось особого мастерства в ее использовании. Император, с другой стороны, с удивлением и яростью наблюдал за энергией испанцев и, не сомневаясь, что Англия поспешит им на помощь, приложил все усилия для достижения своей низменной цели. "Таким образом, - говорит выдающийся писатель, - две ведущие нации мира соприкоснулись в тот момент, когда обе были охвачены неистовыми страстями, жаждали великих событий и обладали удивительной властью".[59]

Наполеон, исходя из размеров и численности населения своей империи, в соответствии с Законом о воинской повинности имел возможность содержать армию численностью 500 000 человек; но его отношения с теми державами на континенте, которые он не подчинил полностью, носили самый нестабильный характер, и даже государства, которые он формально объединил с Францией, были, без исключения, полны элементов недовольства. Поэтому для него было невозможно сосредоточить всю свою гигантскую силу на земле Испании. Более того, его войска, набранные из множества разных стран и языков, не могли быть едины сердцем или дисциплиной, как солдаты чисто национальной армии. С другой стороны, военный гений, которым он командовал, не был превзойден ни в одну эпоху и ни в одной стране: его офицеры привыкли к победам, а его собственная репутация оказывала магическое влияние как на друзей, так и на врагов. Денежные ресурсы огромной империи были велики, и Бонапарт так умело распоряжался ими, что запасы были собраны в течение года, причем в металлической валюте.

Его древний враг был всемогущ на море; и если характер его армий был в данный момент намного ниже как внутри страны, так и за границей, чем он когда-либо заслуживал, это была ошибка, которую, вероятно, могла устранить одна хорошо организованная кампания. В то время Англия обладала двадцатимиллионным населением, объединенным духом лояльности и считавшим дело Испании справедливым, благородным и священным: постоянной армией в 200 000 человек, лучшими войсками в мире, огромным комплектом вербовщиков и системой ополчения, которая позволяла ей увеличивать свои силы до любых пределов. Ее колонии составляли значительную часть этой армии; но в ее непосредственном подчинении оставались силы, по крайней мере равные тем, с которыми Бонапарт завоевал Австрию и Пруссию. Ее кредит был безграничен, а ее торговля не только предоставляла непревзойденные средства получения информации, но и обеспечивала ей тайное расположение целых классов в каждой стране. Англия обладала генералами, достойными справиться с лучшими маршалами Бонапарта, и в час нужды обнаружила, что у нее есть человек, способный противостоять самому великому императору и победить его. Наконец, она обладала неисчислимым преимуществом - воевать на стороне справедливости и свободы против узурпатора, чьи преступления были

такого же гигантского масштаба, как и его гений. Воспоминание о вероломстве их предводителя тяжело сказывалось на моральной силе французской армии в течение всего приближающегося сражения; в то время как гордая уверенность в том, что их дело правое, поддерживала сердца англичан.

На них, в конечном счете, легло главное бремя и главная слава войны; и все же справедливость к добродетельным усилиям их союзников на полуострове когда-нибудь восторжествует. В момент, когда произошло восстание, 20 000 испанских солдат находились в Португалии под командованием Жюно; еще 15 000 человек под командованием маркиза де Романа служили Наполеону в Гольштейне. Оставалось 40 000 испанских регулярных войск, 11 000 швейцарцев и 30 000 ополченцев; но у лучших из них дисциплина, по сравнению с французской или английской армиями, была ничтожной. Дворянство, к ордену которого принадлежали высшие офицеры, разделилось в своих чувствах — возможно, большее число склонялось к интересам Иосифа. Прежде всего, войска были разбросаны небольшими частями по всей стране, и не было никакой вероятности, что какая-либо одна регулярная армия сможет собраться настолько сильной, чтобы противостоять усилиям лишь небольшой части французских войск, уже размещенных в королевстве. Флот Испании был уничтожен в войне с Англией: ее торговле и доходам был нанесен смертельный удар союзом с Францией и плохим управлением Годоя. Фердинанд находился в заключении во Франции. Не было естественного лидера, вокруг которого можно было бы ожидать объединения всей энергии нации. Именно при таких неблагоприятных обстоятельствах испанский народ повсюду восстал, страдая от невыносимых обид, против французской армии, насчитывающей уже 80 000 человек, владеющей половиной крепостей страны и находящейся в идеальном контакте с могучими ресурсами Наполеона.

Есть авторы, которым все еще нравится недооценивать мотивы этого великого национального движения; согласно которым коммерческие классы восстали главным образом, если не исключительно, из-за негодования по поводу финансовых потерь, нанесенных им союзом Годоя с автором "континентальной системы"; духовенство - потому что Годой обнищал церковь, и они опасались, что правительство Бонапарта будет следовать тем же курсом в гораздо большей степени; крестьянство - потому что ими командовали священники. Все эти влияния, несомненно, действовали, и все они были сильны; но кто может поверить в отсутствие других, бесконечно превосходящих эти и общих для всех испанцев, которые в течение шести лет сражались и проливали кровь, видели свои города разрушенными, а свою землю опустошенной, чтобы они могли отстоять свое право по рождению, независимость своей нации? В подобной похвале нельзя отказать и подавляющему большинству португальцев. Наполеон создал группу дворян этого королевства также для встречи с ним в начале года в Байонне: они подчинились, и, поскольку к ним обратился лично надменный узурпатор, сопротивлялись всем его попыткам склонить их к подражанию испанской знати, которая в то же время и в том же месте признала Жозефа своим королем. Вследствие этого они оставались пленными во Франции во время последовавшей войны; но их судьба послужила новым стимулом для общего настроения их соотечественников дома, уже хорошо подготовленных к восстанию жестоким притеснением Жюно.

Испанские войска поначалу терпели множество поражений; необузданность их рекрутов и изолированный характер их передвижений были недостатками, из-за которых опытным генералам и подавляющей численности французов было нетрудно собрать полную и кровавую жатву. После различных мелких стычек, в которых повстанцы Арагона потерпели поражение под

командованием Лефебра Денуэтта, а повстанцы Наварры и Бискайи - под командованием Бессьера, последний офицер 14 июля при Риосекко напал на объединенные армии Кастилии, Леона и Галисии под командованием генералов Куэсты и Блейка и разгромил их в отчаянной схватке, в которой погибло не менее 20 000 испанцев. Именно эта катастрофическая битва открыла ворота Мадрида назойливому королю, о прибытии которого в столицу 20 числа того же месяца уже упоминалось.

Но Джозефу не суждено было долго оставаться в Мадриде: военная удача после великого дня Риосекко повсюду была на стороне патриотов. Дюэсм, который так вероломно овладел Барселоной и Фигерасом, оказался в окружении каталонских горцев, которые после различных дел, в ходе которых с обеих сторон было пролито много крови, вынудили его запереться в Барселоне. Маршал Монси повел еще одну крупную дивизию французов в направлении Валенсии и должен был быть дополнительно усилен отрядом из Дюэсма. Ход событий в Каталонии помешал Дюэсму оказать какую-либо подобную помощь; и жители Валенсии, мужчины и женщины, поднявшиеся в *массовом порядке* главе со своим духовенством, заняли свои стены с такой решимостью, что французский маршал был в конце концов вынужден отступить. Он отступил к основным силам под командованием Бессьера, но не вступал с ними в бой до тех пор, пока его войска не понесли тяжелые потери во время марша по обширной местности, в которой каждый житель был бдительным врагом.

Гораздо более серьезная катастрофа постигла другой мощный *армейский* корпус под командованием генерала Дюпона, который выступил из Мадрида на юг с целью подавления всех признаков восстания в этом квартале и, особенно, обеспечения безопасности крупной военно-морской базы Кадис, где находилась французская эскадра, за которой, как обычно, наблюдали англичане. Силы Дюпона увеличивались по мере его продвижения, пока не достигли 20 000 человек; и с ними он овладел Байленом и Ла Каролиной в Андалусии и взял штурмом Хаэн. Но прежде чем он успел осуществить эти приобретения, граждане Кадиса повсеместно перешли на сторону патриотов; командир французских кораблей был вынужден сдать их; и город, установив сообщение с английским флотом, занял позицию решительной обороны. Генерал Кастаньос, испанский командующий в этой провинции, тем временем, воздержавшись от сражения до тех пор, пока его необученные войска не будут приведены в порядок, начал, наконец, угрожать позициям французов. Хаэн был атакован им с такой яростью, что Дюпон был вынужден покинуть его и отступить к Байлену, где его войска вскоре понесли серьезные лишения, поскольку крестьяне были повсюду с оружием в руках, а снабжение продовольствием становилось день ото дня все труднее. 16 июля Дюпон был атакован в Байлене Кастаньосом, который из перехваченной депеши знал о масштабах бедствия своего врага: французы были разбиты и отброшены до Менджибара. Они вернулись 18-го и попытались вернуть Байлен; но после долгого и отчаянного сражения, в котором погибло 3000 французов, Дюпон, видя, что испанцы собираются вокруг в таком количестве, что им невозможно оказать сопротивление, поздно предложил капитулировать. Фактически он и 20 000 солдат сложили оружие в Байлене при условии, что их в целости и сохранности доставят во Францию. Испанцы нарушили эту конвенцию и содержали их в качестве пленников — таким образом, глупо и нечестиво, имитируя вероломство самого Наполеона по отношению к Испании. Это сражение и капитуляция Байлена были названы самим императором *разветвлением Каудина* французской армии. Он объяснил катастрофу предательством со стороны Дюпона: это было результатом опрометчивости экспедиции и некомпетентности проводника. Богатейшая часть Испании была полностью освобождена от захватчиков: легкие войска Кастаньоса двинулись вперед,

опустошая страну перед собой; и в течение десяти дней король Иосиф осознал необходимость оставить Мадрид и перенес свою штаб-квартиру в Витторию.

Тем временем Лефебр Денуэтт, о чьем раннем успехе в Арагоне уже упоминалось, был занят осадой Сарагосы — жители этого города восстали при первой вспышке и готовились защищать свои стены до последней крайности. Командование было поручено дону Хосе Палафоксу, молодому дворянину без особых талантов, бежавшему из Байонны; но настоящими лидерами были священники и некоторые частные лица, которые выбрали его на видное место как представителя выдающейся семьи в своем королевстве, но фактически рассматривали и использовали его как свое орудие. Некоторые испанские и валлонские полки, составлявшие гарнизоны укрепленных пунктов, вероломно захваченных врагом до начала войны, объединились с Палафоксом, и произошли различные кровавые стычки, прежде чем французскому генералу удалось запереть их в Сарагосе и начать осаду. Важность успеха в этом предприятии была огромной, особенно после провала Монси в Валенсии. Сам Наполеон рано понял, что, если валенсийцы смогут заключить союз с арагонцами в Сарагосе, положение каталонских повстанцев, с одной стороны, значительно укрепитя; в то время как, с другой стороны, армии Леона и Галисии (чьи побережья обеспечивали средства постоянного сообщения с Англией) будут проводить свои операции в непосредственной близости от единственной большой дороги, оставшейся открытой между Мадридом и Байонной, — маршрута через Бургос. Поэтому он поручил Савари рассматривать Сарагоссу как объект высочайшей важности; но корпус Лефебра не был укреплен так, как этого желал бы император, прежде чем он сел перед Сарагосой. Осада велась с величайшей настойчивостью, но бессмертный героизм горожан привел в замешательство всю доблесть французов. Не было никаких регулярных работ, заслуживающих внимания: но старые мавританские стены высотой не более восьми-десяти футов и несколько обширных монастырских зданий на окраинах города охранялись толпами решительных мужчин, чьи жены и дочери наблюдали, более того, смело участвовали в их защите — осаждающих сдерживали неделю за неделей, и они видели, как их ряды редели в постоянных атаках, не будучи в состоянии обеспечить себе какое-либо достаточное преимущество. Пришли голод и болезни, чтобы усугубить страдания горожан; но они не желали слушать никаких предложений, кроме тех, которые исходили из того же гордого духа, с которым они начинали. Французы, наконец, овладели большим монастырем Святой Энграсии и, таким образом, утвердились в самом городе: их генерал отправил Палафоксу этот краткий призыв: "Штаб, Санта-Энграсия — Капитуляция"; но вместо ответа получил: "Штаб, Сарагосса - война на ножах". Битва велась буквально от улицы к улице, от дома к дому и из зала в зал. Мужчины и женщины сражались бок о бок, среди пламени и резни; до тех пор, пока Лефебр не получил известие о Байлене и, потратив впустую два месяца на свое предприятие, резко отказался от него, чтобы не оказаться изолированным среди общего отступления французских армий. Такова была первая из двух знаменитых осад Сарагосы.

Тем временем английское правительство начало подготовку к эффективному вмешательству в дела полуострова. Они отправили один отряд войск на поддержку Кастаньоса в Андалусию; но они не достигли юга Испании до тех пор, пока их помощь не стала ненужной из-за капитуляции Дюпона при Байлене. Более значительные силы, численностью до 10 000 человек, отплыли в начале июня из Корка в Корунью под командованием distinguished сэра Артура Уэлсли. Это вооружение, первоначально предназначенное для сотрудничества с другим оружием из Индии в крупном наступлении на Мексику, изменило свое назначение в тот момент, когда было объявлено о восстании в Испании. Сэру Артуру было разрешено высадиться в той точке

полуострова, которую он сочтет наиболее выгодной для общего дела, и вскоре он убедился, что Португалия должна стать первым местом его операций, и, соответственно, не теряя времени, вступил в сношения с патриотами, которые овладели Порту. Здесь к нему присоединились войска, которые были призваны на помощь Кастаньосу. Укрепленный таким образом и хорошо информированный о состоянии французских армий в Испании, сэр Артур решил высадиться и атаковать Жюно, в то время как обстоятельства, казалось, не указывали на то, что он получит подкрепление от Бессьера.

Возможно, это зло, неизбежное в институтах старого и устоявшегося правительства, что люди редко, очень редко, если только они не обладают преимуществами выдающегося происхождения и связей, могут надеяться на то, что их поставят в положение высочайшей важности, пока они не достигнут расцвета своих дней. Сэр Артур Уэлсли, к счастью для Англии и для Европы, начал жизнь при обстоятельствах, в высшей степени благоприятных для раннего развития и признания его великих талантов. Своему брату, маркизу Уэлсли, занимавшему пост генерал-губернатора Индии, он был обязан возможностью командовать нашими армиями на Востоке в то время, когда, будучи низкого происхождения, он вряд ли смог бы командовать батальоном; а великолепная кампания при Ассайе настолько укрепила его репутацию, что вскоре после его возвращения в Европу ему без колебаний доверили вооружение, собранное в Корке.

8 августа 1808 года — день, навсегда запомнившийся в истории Британии, - сэр Артур Уэлсли совершил свою высадку в заливе Мондего. Он немедленно начал свой марш к Лиссабону и 17-го столкнулся с противником под командованием генерала Лаборде, укрепившимся на возвышенности близ Рорисы. Французы храбро отстаивали свои позиции, но были выбиты с них острием штыка и вынуждены отступить. Британский генерал, почти не имевший кавалерии, не смог преследовать их так близко, как это было бы в противном случае, и Лаборде удалось присоединить свою разбитую дивизию к остальным французским войскам в Португалии. Жюно (недавно ставший герцогом Абрантешским) теперь принял командование лично; и, оказавшись во главе полных 24 000 человек, в то время как английская армия значительно уступала в численности и плохо снабжалась кавалерией и артиллерией, он без колебаний перешел в наступление. 21 августа он атаковал сэра Артура при Вимiero. Выражаясь языком депеши английского генерала, "последовало самое отчаянное сражение"; и результатом стало "показательное поражение": Жюно, потеряв тринадцать пушек и более двух тысяч человек, немедленно отступил к Лиссабону, где его позиция была защищена сильным ущельем Торреш-Ведраш.

Это отступление не было бы завершено без дальнейших сражений, если бы сэру Артуру Уэлсли было позволено довести свою победу до конца в соответствии с его собственным пониманием и восторженными пожеланиями его армии. Но как раз в тот момент, когда битва вот-вот должна была начаться, на поле боя прибыл сэр Гарри Беррард, старый офицер высшего ранга, к сожалению, имеющий право принять на себя главное командование. Обнаружив, что сэр Артур составил все свои распоряжения, генерал Беррард благоразумно отказался вмешиваться до тех пор, пока не решится исход дня; но он принял командование, как только была одержана победа, и скорее осторожно, чем мудро, помешал армии немедленно продвинуться, как предлагал сэр Артур Уэлсли, по прибрежной дороге к Мафре, и таким образом попытаться перехватить отступление Жюно на Лиссабон. Сэр Гарри, неудачно использовавший свое командование, уже на следующий день был, в свою очередь, заменен сэром Хью Дэлримплом, губернатором

Гибралтара; другой ветеран был более склонен подражать благоразумию Беррарда, чем отваге Уэлсли.

Вскоре после того, как третий генерал принял командование, Жюно послал Келлермана потребовать перемирия и предложить конвенцию об эвакуации Португалии войсками, находящимися под его командованием. Дэлримпл принял Келлермана с большей вежливостью, чем подобает главнокомандующему победоносной армией, и немедленно заключил желаемое перемирие. Жюно предложил сдать свои склады, припасы и вооруженные суда при условии, что британцы высадут его солдат вместе с оружием в любом французском порту между Рошфором и Ориентом и позволят им забрать с собой свою частную собственность; и Дэлримпл без колебаний согласился на эти условия, хотя сэр Джон Мур прибыл от побережья с подкреплением в 10 000 человек во время переговоров. Знаменитая "*Конвенция в Цинтре*" (весьма нелепо названная так, поскольку на самом деле она была заключена в тридцати милях от Цинтры) была подписана соответственно 30 августа; и французская армия полностью эвакуировала Португалию предусмотренным способом. Английский народ с негодованием узнал, что разорителям Португалии было позволено сбежать на таких условиях; и статья, касающаяся частной собственности, представляла собой особое преступление, поскольку под этим предлогом французы увезли с собой значительную долю награбленного ими путем беспощадного насилия и жадности во время оккупации португальских территорий. За парламентским расследованием последовал военный суд, который оправдал Далримпла. По правде говоря, компетентные судьи, похоже, теперь признают, что после того, как Беррард вмешался, чтобы помешать Уэлсли немедленно развить успех при Вимиеро, и таким образом позволил Жюно вновь занять Лиссабон и обезопасить перевал Торреш-Ведраш, было бы неосмотрительно отклонять условия, предложенные отброшенным, но все еще могущественным врагом, который, доведенный до крайности, вряд ли смог бы не продлить войну, пока Наполеон не сможет прислать ему дополнительные силы из Испании. Тем временем Португалия была свободна от присутствия своих врагов; Англия получила постоянную опору на полуострове; что было еще важнее, характер британской армии повысился не только за границей, но и дома; и если бы две восставшие нации воспользовались, как им следовало сделать, ресурсами, которые их великий союзник предоставил в их распоряжение, и вели свои собственные дела с единством и целеустремленностью, освобождение всего полуострова могло быть достигнуто за годы до того, как это завершение действительно произошло.

Португальцы, однако, раскололись на фракции под руководством лидеров, главными целями которых были эгоизм, которые соперничали друг с другом в своей абсурдной зависти к Англии, не предоставляли ее войскам таких припасов и удобств, на которые они имели полное право требовать и ожидать, и тратили свое время на мелкие политические интриги, вместо того чтобы посвятить всю энергию организации боеспособной армии и улучшению обороны своих от природы сильных границ. Испанцы вели себя с еще большей демонстративной неосторожностью. В течение нескольких месяцев каждая провинциальная хунта, казалось, предпочитала сохранение своей собственной власти очевидной необходимости объединения всех своих полномочий в некоем центральном органе, способном контролировать и направлять все силы нации; и после того, как в Мадриде наконец была создана верховная хунта, ее приказы постоянно оспаривались и им не подчинялись — так что фактически национального правительства не существовало. Столь же постыдная зависть среди генералов помешала передать армии в подчинение одному верховному главнокомандующему, ответственному за координацию всех их передвижений. Вместо этого с трудом удалось убедить различных

независимых генералов даже встретиться в Мадриде и согласовать план совместной кампании; и в этом плане, казалось, не было никаких рекомендаций, за исключением того, что его грубые военные недостатки открывали каждому члену Совета перспективу возможности действовать без связи, во благо или во зло, с кем-либо из других. Последствия этих постыдных безрассудств были катастрофическими, и если бы не события, которые нельзя было предвидеть, они, должно быть, оказались бы роковыми, ибо гигантские ресурсы общего врага вот-вот должны были быть приведены в движение самим Наполеоном, который, услышав о неудачах Дюпона, Лефебра и Жюно, слишком ясно понял, что дела полуострова требуют более зоркого взгляда и более твердой руки, чем у его брата.

ГЛАВА XXV

Наполеон в Эрфурте—В Париже—Прибывает в Витторию—Расположение французской и испанской армий—Успехи Сульта—Переход Сомосьерры—Капитуляция Мадрида—Кампания сэра Джона Мура—его отступление—Битва при Корунье—Смерть Мура—Наполеон покидает Испанию.

Три испанские армии, каждая, к сожалению, под командованием независимого главнокомандующего, наконец пришли в движение: их номинальная численность составляла 130 000 человек; в действительности они никогда не превышали 100 000. Если бы они были объединены под командованием способного генерала, они могли бы атаковать французскую армию, численность которой сейчас не превышала 60 000 человек, со всеми шансами на успех; поскольку позиция, которую король Жозеф занял впервые после своего отступления на север, была очень неудачной; но испанцы так нелепо выбрали свою операционную базу и впоследствии действовали так медлительно, что у Наполеона было время как исправить ошибки Жозефа, так и эффективно усилить свои легионы, прежде чем они смогли добиться какого-либо значительного преимущества.

Блейк, командовавший на западе, протянул свою линию от Бургоса до Бильбоа; Палафокс на востоке располагался между Сарагоссой и Сангуэссой; Кастаньос, генерал центральной армии, имел свою штаб-квартиру в Сории. Таким образом, три армии образовали длинный и слабый полумесяц, концы которого были выдвинуты к французской границе; в то время как неприятель, опираясь на три сильные крепости, оставался в обороне до тех пор, пока император не перебросит новые силы через Пиренейские перевалы. Ожидалось, что английская армия в Португалии немедленно двинется вперед и установит связь либо с Блейком, либо с Кастаньосом; и если бы это соединение произошло вскоре после битвы при Вирньеро, результат мог бы быть решающим: но Уэлсли был отозван в Лондон для дачи показаний на суде над Дэлримплом; и сэр Джон Мур, который тогда принял командование, не получил ни таких поставок, которые были необходимы для какого-либо крупного движения, ни каких-либо ясных и достоверных разведданных от властей Мадрида, ни, наконец, каких-либо четких приказов от своего собственного правительства - до тех пор, пока не наступил благоприятный момент. . По сути, гигантские подкрепления Наполеона начали появляться у испанской границы за неделю до того, как английский генерал был в состоянии начать свой марш.

Император, разгневанный первым позором, который когда-либо постигал его армию, и предвидя, что, если испанское восстание не будет подавлено до того, как патриоты успеют сформировать регулярное правительство и организовать свои армии, помощь Англии и растущее недовольство Германии могут создать непреодолимые трудности, решил лично перейти Пиренеи во главе войск, способных очистить перед ним весь полуостров "одним махом". До сих пор никаких упоминаний о прискорбных событиях в Испании не было сделано ни в одном публичном акте его правительства и не появилось ни в одном из французских журналов. Теперь необходимо было нарушить это надменное молчание. Соответственно, император объявил, что крестьяне Испании восстали против своего короля; что предательство привело к гибели одного корпуса его армии; и что англичане вынудили другой корпус покинуть Португалию; потребовав двух новых призывов, каждый по 80 000 человек, которые, конечно, были предоставлены без колебаний. Пополнив свои лагеря на стороне Германии и в Италии этими новыми призывниками, он теперь приказал своим ветеранам в количестве 200 000 человек, включая многочисленную и блестящую кавалерию и большой отряд императорской гвардии, быть призванными с этих границ и двинуться маршем через Францию в сторону Испании. Когда эти воинственные колонны проходили по Парижу, Наполеон обратился к ним с одной из тех речей, которые неизменно повышали решимость и гордость его солдат накануне какого-нибудь великого предприятия. "Товарищи, - сказал он, - одержав победу на берегах Дуная и Вислы, вы быстрыми шагами прошли через Германию. В этот день, без минуты отдыха, я приказываю вам пересечь Францию. Солдаты, вы мне нужны. Отвратительное присутствие леопарда загрязняет полуостров Испании и Португалии. В ужасе он должен лететь перед вами. Давайте перенесем наших торжествующих орлов к Геркулесовым столбам: там нам тоже есть за что отомстить. Солдаты! вы превзошли славу современных армий; но сравнились ли вы еще со славой тех римлян, которые в одной и той же кампании одержали победы на Рейне и Евфрате, в Иллирии и на Тахо? Долгий мир, прочное процветание будут наградой за ваши труды. Настоящий француз не может и не должен успокаиваться, пока моря не станут свободными и открытыми для всех. Солдаты, то, что вы сделали и собираетесь сделать для счастья французского народа и для моей славы, навсегда останется в моем сердце!"

Распустив таким образом свои войска, Бонапарт сам быстро отправился в Эрфурт, куда пригласил императора Александра для совещания с ним. Было крайне необходимо, чтобы, прежде чем ему самому отправиться в Испанию, он удостоверился в безопасности своей империи на другой стороне; а в положении Германии было много такого, что вполне могло вызвать серьезные опасения. Австрия в значительной степени укрепляла свой военный истеблишмент и, согласно недавнему закону, получила возможность неограниченно привлекать свое население по методу собственного кодекса о воинской повинности Наполеона. Она заявляла о мирных намерениях по отношению к Франции и намекала, что ее приготовления были направлены на защиту ее турецкой границы; но император Франциск решительно отказался признать Жозефа Бонапарта королем Испании; и этого отказа было вполне достаточно для Наполеона. Тем временем в Пруссии, да и по всей Германии, дух глубокой и стойкой вражды проявлял себя в форме патриотических клубов (главный из которых назывался *Тугенд-бунд*, или Союз добродетели), в которые входили молодые и отважные представители всех классов и которые угрожали в недалеком будущем потрясти всю структуру общества с единственной целью - очистить национальную почву от иностранных угнетателей. Наполеон делал вид, что высмеивает, но втайне оценивал опасность подобных объединений, если им будет позволено прочно пустить корни среди народа, столь многочисленного, столь

восторженного и столь доблестного. Наконец, есть все основания полагать, что, какой бы сердечной ни казалась дружба царя в Тильзите, Бонапарт слишком точно оценил непопулярность своей "континентальной системы" в России и власть тамошней аристократии, чтобы не питать некоторых подозрений, что сам Александр может быть вынужден выступить против него, если Англии удастся убедить Австрию и Германию поднять оружие во время его собственного отсутствия в Испании. По этим причинам он потребовал присутствия царя в Эрфурте; и эта конференция была, по-видимому, столь же удовлетворительной для обоих, как и конференция в Тильзите. Они обратились с совместным письмом к королю Англии, еще раз предлагая всеобщий мир; но поскольку они оба отказались признавать какую-либо власть в Испании, кроме власти короля Иосифа, ответ был, конечно, отрицательным. Бонапарте, однако, достиг своей цели, когда таким образом показал, что царь и он сам являются прочными союзниками. Он ясно понял, что Австрия настроена на новую кампанию; отдал приказ соответственно сосредоточить и увеличить свои собственные армии как в Германии, так и в Италии; и — полагаясь на решительность и быстроту своих собственных передвижений и сравнительную медлительность своего древнего врага — осмелился рассудить, что он все еще может довести дело до исхода в Испании, прежде чем его присутствие станет абсолютно необходимым за Рейном.

14 октября Эрфуртские совещания завершились; 24-го Наполеон присутствовал на открытии Законодательной сессии в Париже; через два дня после этого он покинул эту столицу и 3 ноября достиг Байонны, где оставался, руководя передвижениями последних колонн своей наступающей армии, до утра 8-го. Он прибыл в Витторию тем же вечером: гражданские и военные власти встретили его у ворот города и хотели проводить в дом, подготовленный для его приема, но он спрыгнул с лошади, зашел в первую попавшуюся гостиницу и, потребовав карты и подробный отчет о расположении всех армий, французской и испанской, немедленно приступил к составлению своего плана ведения войны. В течение двух часов он выполнил свою задачу. Сульт, сопровождавший его из Парижа и которому он приказал принять командование корпусом Бессьера, немедленно отправился в путь, на рассвете 9-го достиг Бривьески, где находился его штаб, и через несколько часов вся машина снова пришла в движение.

В начале октября Наполеон дал понять Жозефу, что наступление всегда пойдет на пользу делу франции в Испании, и его неодобрение того, до какой степени отступил король, не было напрасным. Армия генерала Блейка уже была приведена в действие и потерпела сокрушительное поражение от Монси при Эспинозе; с этого момента Блейк самым опрометчивым образом отступил к Рейносе вместо Бургоса, где по приказу графа де Бельведера собралась другая армия, предназначенная для поддержки его правых сил.

Сульт теперь обрушил свои колонны на равнины Бургоса. Бельведер потерпел от него поражение при Гоменале даже легче, чем Блейк при Эспинозе. Последний, снова разбитый неутомимым Султом при Рейнозе, был вынужден укрыться с тем, что едва ли можно было назвать даже остатками армии, в морском порту Сент-Андер. Таким образом, все испанские левые были рассеяны, а французские правые остались вольны маршировать дальше по своему усмотрению.

Тем временем Палафокс, наконец, соединился с Кастаньосом; и объединенные испанские армии в центре и на востоке ожидали атаки французов 22 ноября у Туделы. Катастрофа здесь была еще более полной. Кастаньос и Палафокс разделились в момент свержения; первый

бежал в Калатаюд с остатками своих войск, в то время как второй снова направился в Сарагоссу.

Теперь Наполеон видел, что главный путь на Мадрид открыт перед ним — за исключением того, что, как говорили, некоторые силы были размещены в сильном ущелье реки Сомосьерра, в десяти милях от столицы; в то время как Сульт, продолжая свой марш через Каррион и Вальядолид, мог сразу же сдержать англичан, на случай, если они все еще будут настолько смелы, чтобы наступать из Португалии, и обойти Сомосьерру с фланга, на случай, если горы будут защищены настолько, чтобы преградить императору путь в этом направлении к Мадриду. Палафокса преследовали, и вскоре Ланн запер его в Сарагосе. Этот героический город на востоке, британская армия на западе и Мадрид впереди были единственными удаленными друг от друга пунктами, где еще можно было проследить какое-либо проявление сопротивления — от границ Франции до границ Португалии, от морского побережья до Тежу.

Наполеон со своей гвардией и первой дивизией двинулся маршем на Мадрид. Его авангард достиг подножия цепи Сомосьерра 30 ноября и обнаружил, что для защиты перевала был собран корпус из 12 000 человек под командованием генерала Сан-Хуана. Невозможно было представить себе более сильную позицию, чем у испанцев: ущелье было узким и чрезмерно крутым, а дорога полностью простреливалась шестнадцатью артиллерийскими орудиями. На рассвете 1 декабря французы начали свою попытку обойти Сен-Жуан с флангов: три батальона рассредоточились по противоположным сторонам ущелья, и завязалась ожесточенная перестрелка. В этот момент подошел Буонапарте. Он въехал в устье перевала, на мгновение оглядел местность, увидел, что его пехота не продвигается вперед, и сразу же ему пришла в голову дерзкая идея заставить своих польских улан атаковать прямо по дамбе перед батареей. Дым от перестрелок на склонах холмов смешивался с густым утренним туманом и испарениями, и под этой завесой храбрый Кражинский стремительно повел своих солдат вверх по склону. Проходя мимо них, испанская пехота открыла огонь, побросала оружие, покинула свои окопы и обратилась в бегство. Поляки пронзили артиллеристов копьями и завладели пушкой. Испанцы продолжали свое бегство в таком беспорядке, что в конце концов были вынуждены свернуть с дороги на Мадрид и бежать в направлении - одни к Сеговии, другие к Талавейре. Утром 2-го три дивизии французской кавалерии появились на возвышенности к северо-западу от столицы.

В течение восьми дней жители готовили средства сопротивления. Местная военная хунта была наделена полномочиями по проведению обороны. В городе находилось шесть тысяч регулярных войск, и вместе с ними были вооружены толпы горожан и крестьянства соседней страны. Мостовая была разобрана, улицы забаррикадированы, в домах на окраинах были проделаны бойницы, а Ретиро, большое, но слабое сооружение, занято сильным гарнизоном. Царило ужасное насилие — многие лица, заподозренные в переходе на сторону французов, были убиты; колокола церквей и монастырей звонили не переставая; свирепые отряды шествовали по улицам день и ночь; и в тот момент, когда появилась кавалерия противника, всеобщий шум, казалось, возвестил, что он вот-вот обретет новую и более великую Сарагоссу в Мадриде.

В полдень был созван городской совет, и нанятый офицер был бы убит толпой, если бы не вмешательство испанских регулярных войск. Наполеон дождался, пока вечером подойдет его пехота и артиллерия, и тогда это место было окружено с одной стороны. "Ночь была ясной и безоблачной" (говорит Нейпир); "Французский лагерь был тих и настороже; но шум беспорядков

был слышен со всех концов города, как будто какой-то могучий зверь боролся и выл в трудных условиях". В полночь город был снова вызван; и, поскольку ответом по-прежнему было неповиновение, батареи начали открывать огонь. В течение дня Ретира был взят штурмом, и огромный дворец герцогов Медина-Чели, господствующий над одной стороной города, также был захвачен. Теперь внутри начал царить ужас, и вскоре после того, как город был взят в третий раз, дон Томас Морла, губернатор, вышел, чтобы потребовать прекращения боевых действий. Наполеон принял его с гневом и упрекнул в нарушении условий капитуляции в Байлене. "Несправедливость и недобросовестность, - сказал он, - всегда оборачиваются против тех, кто в них виноват". Многим честным испанцам пришлось молча выслушивать такие слова от представителя на переговорах в Фонтенбло и Байонне.

Морла был трусом и, без сомнения, еще и предателем. Вернувшись в город, он настаивал на необходимости немедленной капитуляции, и большинство облеченных властью лиц заняли аналогичную позицию, за исключением Каstellаса, командующего регулярными войсками. Крестьяне и горожане продолжали обстреливать французские аванпосты в течение ночи; но Каstellас, видя, что все гражданские правители настроены против дальнейшего сопротивления, отвел свои войска и шестнадцать пушек в безопасное место. В восемь утра 4-го Мадрид капитулировал. Испанцы были разоружены, и город заполнила французская армия. Наполеон поселился в Шамартине, загородном доме в четырех милях отсюда. Через несколько дней спокойствие, казалось, полностью восстановилось. Французская армия соблюдала превосходную дисциплину: магазины были вновь открыты, а театры посещались, как обычно. Таков в большинстве случаев энтузиазм великого города!

Теперь Наполеон пользовался всеми правами завоевателя. Он издал эдикты, отменяющие инквизицию, все феодальные права и все особые юрисдикции; регулирующие количество монахов; увеличивающие за счет монастырских учреждений стипендии приходского духовенства; и провозглашающие всеобщую амнистию, всего *задесятью* исключениями. Он принял делегацию главных жителей, которые пришли выразить свое желание снова видеть Джозефа среди них. Он ответил, что Испания принадлежит ему по праву завоевания; что он легко может управлять ею через вице-королей; но что, если они захотят собраться в своих церквях, священники и народ поклянутся в верности Джозефу, он не прочь выслушать их просьбу.

Это было второстепенным делом: тем временем император готовился к завершению своего завоевания. Его план состоял в том, чтобы немедленно вторгнуться в Андалусию, Валенсию и Галисию с помощью своих лейтенантов и лично выступить маршем на Лиссабон. Этот грандиозный план был ему не по средствам, поскольку в тот момент у него было 255 000 человек, 50 000 лошадей и 100 орудий полевой артиллерии, фактически готовых к немедленному отправлению в Испанию, в то время как 80 000 человек и 100 орудий, кроме того, находились в резерве, и все это на южной стороне Пиренеев. Чтобы противостоять этой гигантской силе, было несколько жалких разбитых корпусов испанцев, далеко оторванных друг от друга и обращенных в бегство уже перед простыми отрядами: Севилья, местная хунта которой снова присвоила себе номинальный суверенитет и которую спереди охранял слабый корпус в Сьерра-Морене; Валенсия, без регулярного гарнизона; Сарагоса, плотно окруженная и снова сопротивляющаяся с героической решимостью; и британская армия под командованием сэра Джона Мура. В тот момент, когда Наполеону сообщили, что Мур продвинулся в Испанию, он отбросил все другие соображения и решил лично выступить в поход и сокрушить его.

Английскому генералу, как мы уже видели, обстоятельства, которые он не мог контролировать, помешали начать кампанию так рано, как он желал, и как того требовало положение испанских армий, которые он должен был поддерживать. Наконец, однако, он привел в движение свои войска численностью 20 000 человек и двинулся в направлении Саламанки; в то время как отдельный британский корпус численностью 13 000 человек под командованием сэра Дэвида Бэрда, недавно высадившийся в Корунье, получил приказ пройти маршем через Галисию и соединиться с Муром либо в Саламанке, либо в Вальядолиде. Целью британцев, конечно, было поддержать испанские армии Блейка и Бельведера в их обороне, но из-за задержек и ошибочных разведданных, о которых уже упоминалось, эти армии находились в безнадежном состоянии еще до начала марша сэра Джона Мура.

Известие о решающем поражении Кастаньоса при Туделе убедило Мура в том, что о первоначальной цели его похода теперь не могло быть и речи; но, добившись наконец соединения с Бэрдом, он почувствовал крайнее нежелание отступить, ничего не предприняв. Он продолжал получать из Мадрида самые торжественные заверения в том, что сопротивление столицы будет отчаянным, и, проявив больше великодушия, чем осмотрительности, решил атаковать Сульта, который затем расположился за Падалью. Поступая таким образом, он полагал возможным разгромить важную часть сил противника, перехватить коммуникации левого фланга императора, дать Романе время реорганизовать армию в Галисии, совершить серьезный отвлекающий маневр в пользу юга Испании, если не Мадрида, и, в худшем случае, обеспечить себе безопасное отступление на Ла-Корунью; из этого порта его войска могли бы быть без труда переброшены в Севилью, чтобы принять участие в обороне той части полуострова, которая еще не была разграблена и являлась резиденцией фактического правительства.

Но Бонапарт, услышав 20 декабря о наступлении Мура, немедленно выступил во главе 50 000 человек и двинулся с невероятной быстротой с целью перехватить его сообщения с Португалией и, короче говоря, зажать его между собой и Сультом. Как только Мур услышал о приближении Наполеона, он понял необходимость немедленного отступления; и он начал соответственно самое катастрофическое отступление через голые горы Галиции, в котором его войска сохраняли свой характер храбрости, с рвением сплачиваясь всякий раз, когда французы угрожали их тылу, но демонстрировали прискорбное отсутствие дисциплины во всех других аспектах своего поведения. Погода была ненастной, дороги отвратительными, комиссариат совершенно неисправным, и сама мысль об отступлении подрывала приподнятое настроение солдат. Они плохо обращались с жителями, пили все крепкие напитки, какие только могли достать, выбивались из их рядов и, короче говоря, теряли видимость армии, за исключением тех случаев, когда труба предупреждала их, что они могут ожидать нападения французов. Сульт держался у них в тылу, пока они не достигли Ла-Коруньи; и Мур понял, что высадиться на берег без соглашения или сражения будет невозможно. Он выбрал более смелый вариант. Французы были доблестно отброшены, и англичанам было позволено взойти на борт без дальнейших приставаний. В момент победы (16 января 1809 г.) сэр Джон Мур пал, смертельно раненный пушечным выстрелом: его люди похоронили его в плаще, а французы, в знак своего восхищения его доблестью, воздвигли памятник над его останками.

Наполеон подошел с войсками, преследовавшими Мура, к Беневенте 29 декабря и на мгновение насладился зрелищем полного отступления английской армии. Он увидел, что Мур

больше не достоин его собственного внимания, и доверил завершение своего разорения Сульту.

Всеобщее удивление вызвало то, что император не вернулся немедленно из Беневенте в Мадрид, чтобы завершить и закрепить свои испанские завоевания. Он, однако, направился не к Мадриду, а к Парижу; и это с предельной скоростью: однажды верхом на почтовых лошадях он преодолел не менее семидесяти пяти английских миль за пять с половиной часов. Причина этой внезапной смены цели и необычайной спешки была достаточной; и вскоре это выяснилось.

ГЛАВА XXVI

Австрия объявляет войну—Наполеон возглавляет свою армию в Германии—Битвы при Ландсхуте и Экмюле—Ратисбонн взят—Наполеон в Вене—Военные действия в Италии, Венгрии, Польше, на Севере Германии и в Тироле—Битва при Раабе—Битва при Ваграме—Перемирие с Австрией.... Ход войны на полуострове, битва при Талавейре—Битва при Оканья—Английская экспедиция в Вальхерен.... Захват Рима и арест папы римского.... Шенбруннский мирный договор.

Наполеон предвидел, что Австрия, едва скрывающая свое отвращение к "континентальной системе" и открыто отказывающаяся признать Иосифа королем Испании, воспользуется восстанием в этой стране, за которым неизбежно последует марш огромной французской армии через Пиренеи, как предоставляющей благоприятную возможность еще раз взяться за оружие в надежде вернуть то, что она потеряла в Аустерлицкой кампании. Его министр Талейран во время его отсутствия прилагал все усилия, чтобы умиротворить императора Франциска; но военные приготовления во всех австрийских владениях продолжались со все возрастающей энергией — и Наполеон получил такие сведения еще до того, как стал свидетелем отступления Мура, что немедленно отменил марш тех своих войск, которые еще не достигли Пиренеев, написал (из Вальядолида) князьям Рейнской лиги, приказав им держать свои контингенты в готовности, — и с необычайной поспешностью отправился в Париж. Он достиг своей столицы 22 января; возобновил переговоры с Веной; а тем временем набрал и сосредоточил свои армии на стороне Германии, отложив, таким образом, и, как оказалось, навсегда, завершение испанского завоевания.

6 апреля Австрия объявила войну; а 9-го эрцгерцог Карл, генералиссимус армий, которые, как говорят, были набраны в этот период в количестве почти 500 000 человек, пересек Инн во главе шести корпусов, каждый из которых состоял из 30 000 человек; в то время как эрцгерцог Иоанн двинулся с двумя другими дивизиями в Италию, через Каринтию; а эрцгерцог Фердинанд принял командование девятым корпусом в Галиции, чтобы выступить против России, на случай, если эта власть будет вынуждена или соблазнена Россией. Наполеону предстоит принять участие в борьбе. Наполеон, имея такую большую армию в Испании, не мог надеяться противопоставить такую численность австрийцам; но он полагался на быстрые комбинации, которые так часто позволяли ему разбивать одного и того же врага; и как только он убедился, что Бавария захвачена эрцгерцогом Карлом, он отправился без охраны, без экипировки, в сопровождении одной только верной Жозефины во Франкфурт, а оттуда в Страсбург. Он принял командование 13-го числа и немедленно разработал план своей кампании.

Он обнаружил, что два крыла его армии, одно под командованием Массены, другое под командованием Даву, находятся на таком расстоянии от центра, что, если бы австрийцы воспользовались случаем, последствия могли быть фатальными. 17 апреля он приказал Даву и Массене одновременно выступить к позиции впереди, а затем лично выдвинул центр к тому же месту. Эрцгерцог Людовик, который командовал двумя австрийскими дивизиями, шедшими впереди, был, таким образом, неожиданно окружен тремя армиями, двигавшимися одновременно из трех разных пунктов; разбит и отброшен назад при Абенсберге 20-го числа; и наголову разбит при Ландсхуте 21-го. Здесь эрцгерцог потерял 9000 человек, тридцать орудий и все свои припасы.

На следующий день Бонапарт выполнил ряд маневров, считавшихся одними из самых замечательных проявлений его науки, с помощью которых он разными путями в один и тот же момент направил все свои силы на позиции эрцгерцога Карла. Этот принц был укреплен в Экмюле со 100 000 человек. Наполеон атаковал его в два часа дня; битва была жестокой и продолжалась до наступления ночи, но закончилась полным поражением. Австрийцы, помимо своих потерь на поле боя, оставили в руках Наполеона 20 000 пленных, пятнадцать знамен и большую часть своей артиллерии и отступили в полном беспорядке к Ратисбону. Эрцгерцог предпринял попытку собрать свои войска и защитить этот город 23-го числа; но французы взяли штурмом стены и прогнали австрийцев по улицам; и их генерал немедленно отступил в Богемию; таким образом; фактически, оставив Вену на милость своего завоевателя.

Наполеон был ранен в ногу во время штурма Ратисбона, и на мгновение войска столпились вокруг него в большой тревоге; но он, едва дождавшись, пока ему перевяжут рану, снова вскочил на коня и восстановил уверенность, проехав вдоль линии фронта.

Таким образом, за пять дней, несмотря на численное превосходство и неблагоприятный способ, которым его лейтенанты распределили меньшие силы, император благодаря одной энергии своего гения одержал победу над главными силами своего противника.

24-го он произвел смотр своей армии, щедрой рукой раздав награды всех видов и, среди прочего, пожаловав Давусту титул герцога Экмюльского; и немедленно начал свой поход на Вену. Корпус, разбитый при Ландсхуте, отступил в этом направлении и, будучи значительно пополнен, сделал вид, что препятствует его продвижению; но они были снова разбиты и наголову разбиты Массеной при Эренсберге 3 мая, а 9-го Наполеон предстал перед стенами столицы. Император уже покинул его вместе со всей своей семьей, за исключением своей дочери, эрцгерцогини Марии Луизы, которая была прикована к своим покоем из-за болезни. Эрцгерцог Максимилиан с регулярным гарнизоном в 10 000 человек эвакуировал его при приближении Наполеона; и хотя жители приготовились к энергичному сопротивлению, бомбардировка вскоре убедила их, что это безнадежно. Возможно, заслуживает упоминания тот факт, что, узнав о положении больной принцессы, Бонапарт немедленно приказал не открывать огонь по этой части города. 10-го числа была подписана капитуляция, французские войска овладели городом, и Наполеон снова разместил свою штаб-квартиру в императорском дворце Шенбрунн.

Тем временем эрцгерцог Фердинанд начал войну в Польше и, получив преимущество в нескольких делах, овладел Варшавой; но известие об Экмюле отозвало эту дивизию на поддержку главной армии под командованием эрцгерцога Карла; и русские войска не только вернули Варшаву, но и оккупировали все австро-польские провинции. Александр, однако, не

выказывал склонности энергично развязывать войну или продвигаться в Германию для поддержки Наполеона. В Италии подобным же образом эрцгерцог Иоанн поначалу добился успеха. Но после победы над Эженом Богарнуа, вице-королем Наполеона, и овладения Падуйей и Виченцей этот принц также был призван вернуться по своим следам вследствие катастрофы при Экмюле. Евгений преследовал его до Венгрии и разбил в великой битве при Раабе. Полковник Шилль, уже упомянутый прусский партизан, воспользовался сосредоточением войск Наполеона для австрийской кампании, чтобы взяться за оружие, хотя и без какого-либо разрешения своего государя, в надежде, что национальное негодование выльется во всеобщее восстание; и герцог Брауншвейгский, сын того, кто был смертельно ранен при Йене, также появился в Лужице и призвал всех истинных немцев подражать героическому поведению испанцев. Эти события угрожали всеобщим всплеском войны везде, где *Тугенд-бунд* и другие патриотические объединения в течение некоторого времени оказывали сильное влияние на общественное сознание. Однако битва при Экмюле вызвала новый трепет по всему северу Германии. Войска Саксонии остановили продвижение герцога Брауншвейгского, и героический отряд Шилля был, наконец, заперт в Штральзунде, где их предводитель погиб во время вылазки, таким и только таким образом избежав мести Наполеона.

В горах Тироля природное рвение нескольких отважных крестьян достигло большего, чем все могущественное население Германии. Эта древняя провинция австрийского дома была, в греховное нарушение всех прав человечества, передана под ненавистное иго Баварии по Пресбургскому мирному договору. Как только горцы услышали, что их законный государь снова поднимал оружие против Наполеона, они восстали (в начале апреля) под руководством Хофера, доблестного крестьянина, захватили укрепленные перевалы в своей стране и в течение четырех дней взяли в плен всех расквартированных среди них французских и баварских солдат, за исключением гарнизона крепости Куфштайн. Наполеон заставил Лефевра выступить вглубь страны со своей дивизией; но Хофер разместил своих сторонников на краю пропасти, откуда они стреляли по французским колоннам с мастерством опытных стрелков и скатывали вниз потоки камней с таким эффектом, что Лефебр был вынужден отступить. Австрия, однако, имея достаточно работы дома, не могла позволить себе поддерживать усилия этих героических крестьян каким-либо отрядом регулярных войск. После отступления Лефевра они покинули свои холмы и опустошили соседнюю территорию Баварии; но общий исход кампании оставил их на милость Наполеона, который в конце концов подавил восстание подавляющим числом и отомстил за это, убив Хофера и всех, кто принимал видное участие в борьбе за свободу.

Однако тот, кто был свидетелем испанского восстания и оценил его характер, не мог относиться к этим народным движениям равнодушно. Наполеон хорошо знал, что, если он не завершит основное сражение в ближайшее время, дух Шилля и Хофера разожжет всеобщее пламя от Рейна до Эльбы; и поэтому он горячо желал, чтобы австрийский генералиссимус поддавался искушению покинуть крепости Богемии и еще раз попытать счастья в битве.

Эрцгерцог, восстановив порядок и пополнив численность своей армии, предвосхитил эти пожелания своего врага и уже находился на противоположном берегу Дуная, река которого, сильно разлившись и разрушив все мосты, казалось, разделяла два лагеря, как непреодолимым барьером.

Наполеон решил пройти ее; и после неудачной попытки у Нуссдорфа ему повезло больше в Эберсдорфе, где река широкая и пересечена рядом низких и лесистых островов, самый

большой из которых носит название Лобау. На этих островах 19 мая Наполеон разместил большую часть своей армии, а на следующий день успешно переправился по лодочному мосту на левый берег Дуная, где он овладел деревнями Асперне и Эсслинг при столь незначительном сопротивлении, что стало очевидно, что эрцгерцог хотел, чтобы неизбежное сражение произошло на реке между его врагом и Веной.

21-го числа, на рассвете, эрцгерцог появился на возвышенности, отделенной от французских позиций обширной равниной; все его войско было разделено на пять тяжелых колонн и защищено не менее чем 200 артиллерийскими орудиями. Сражение началось в четыре часа пополудни яростным штурмом деревни Асперн; она была взята и отвоевана несколько раз и оставалась до наступления темноты занятой частично французами, а частично нападавшими, которые обосновались в церкви и погосте. Эсслинг также выдержал три атаки; но там французы полностью овладели ситуацией. Сражение было прервано ночью; австрийцы ликовали по поводу своего частичного успеха; Наполеон был удивлен, что ему не удалось одержать полную победу. С обеих сторон произошла ужасная резня, и дороги к деревням были буквально завалены мертвецами.

На следующее утро сражение возобновилось с не меньшей яростью; французы вернули Аспернскую церковь; но австрийское правое крыло возобновило свои атаки на этот пункт со все большей энергией и в таком количестве, что Наполеон предположил, что центр и левое крыло были ослаблены с целью усиления правого. После этого он немедленно двинул такие массы, *en échelon*, на австрийский центр, что линия эрцгерцога была поколеблена; и на мгновение показалось, что победа обеспечена.

В этот критический момент с помощью австрийских брандеров, внезапно посланных вниз по вздувшейся и быстрой реке, мост, соединяющий остров Лобау с правым берегом, был полностью снесен. Бонапарт понял, что, если он хочет сохранить свои коммуникации с правым берегом Дуная, где все еще находился его резерв, он должен немедленно отступить к Лобау; и как только его войска начали отступление, австрийцы восстановили свой порядок и рвение, атаковали в свою очередь и в конце концов овладели Асперном. Эсслинг, где командовал Массена, держался стойко, и под защитой этой деревни и многочисленных батарей, установленных рядом с ней, Наполеону удалось вывести все свои силы в течение ночи. Утром 23-го французы были заперты в Лобау и на прилегающих островах — Асперне, Эсслинге, на всем левом берегу реки, остающемся во владении австрийцев. Обе стороны одержали великую победу, причем с одинаковой несправедливостью. Но положение французского императора было неизбежно опасным: он был отделен от Даву и его резерва; и если бы враг либо атаковал его на островах, либо перешел реку выше по течению и таким образом разбил Даву и освободил Вену, результаты могли бы быть фатальными. Но потери эрцгерцога за эти два дня были велики; и вместо того, чтобы рисковать каким-либонаступательным движением, он удовлетворился укреплением позиций у Асперна и Эсслинга и спокойно ожидал момента, когда его враг решит еще раз попытаться переправиться на левый берег и вновь занять эти почти не оспариваемые деревни.

Наполеон воспользовался этой паузой со своим обычным мастерством. То, что его остановили, было правдой, и он хорошо знал, что новость будет с энтузиазмом воспринята в Германии. Необходимо было возродить запятнанную магию его имени еще одним решающим сражением, и он приложил все усилия, чтобы подготовиться к нему. Однако прошло несколько недель,

прежде чем он решился возобновить наступление. 4 июля он, наконец, полностью восстановил свое сообщение с правым берегом и организовал переход на левый в том месте, где эрцгерцог почти не готовился к его приему. Австрийцы, опрометчиво рассчитавшие, что Асперне и Эсслинг должны обязательно стать объектами следующего поединка, как и в предыдущем, были застигнуты врасплох его появлением в другой четверти. Они мгновенно изменили свою линию и заняли позицию, центром и ключом которой был маленький городок Ваграм.

Здесь 6 июля произошло последнее и решающее сражение. Эрцгерцог растянул свою линию на слишком большое расстояние, и эта старая ошибка позволила Наполеону погубить его своим старым приемом - обрушить всю мощь своих войск на центр. Сражение было долгим и кровопролитным: к его концу в руках Наполеона оставалось 20 000 пленных, помимо всей артиллерии и обоза. Эрцгерцог в большом смятении бежал до Знайма в Моравии. Императорский совет понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно: в Знайме было заключено перемирие, и Наполеон, вернувшись в Шенбрунн, продолжал вести переговоры до октября.

В этой ожесточенной кампании никто не отличился больше, чем Ланн, герцог Монтебелло. В Ратисбоне он лично возглавил штурмующий отряд, воскликнув: "Солдаты, ваш генерал не забыл, что когда-то был гренадером". В битве при Асперне его усилия были необычайны. Ближе к концу дня он был сражен пушечным выстрелом, который оторвал ему обе ноги. Хирурги, осмотрев рану, объявили ее смертельной. Он ответил им гневными проклятиями и с неистовой горячностью призвал императора. Подошел Наполеон и стал свидетелем агонии умирающего маршала, который богохульствовал небо и землю за то, что ему не дали увидеть конец кампании. Так пал Ланн, которого французские солдаты за его романтическую доблесть с удовольствием называли лагерным Роландом.

Тем временем война на полуострове велась с переменным успехом. Сарагоса, выдержав еще одну осаду с мужеством, не недостойным первой, была, наконец, вынуждена капитулировать в феврале месяце. Сэр Артур Уэлсли, восстановленный в командовании британской армией в Португалии, высадился в Лиссабоне 22 апреля и немедленно двинулся маршем на Порту, который Сулыт занял в начале года. Сулыт потерпел поражение под стенами города и немедленно начал отступление в сторону Галисии, которое он совершил при обстоятельствах столь же плачевных, как и при походе сэра Джона Мура на Корунью в предыдущей кампании. Сэру Артуру помешало начать преследование Сулыта известие о том, что маршал Виктор опустошает Андалузию, а ему противостоят только Куэста, старый фанатичный генерал, и армия, павшая духом из-за повторяющихся катастроф. Английский вождь понял, что, если он двинется маршем в Галисию, Виктор должен обладать средствами немедленной повторной оккупации Португалии; и решил вместо того, чтобы следовать за Сулытом, двинуться навстречу этому более грозному врагу. 20 июля он соединился с Куэстой у Оропесы и двинулся вдоль Тежу к позиции Виктора. Однако он, имея силы по меньшей мере вдвое больше, чем у Уэлсли, перешел в наступление и 28-го атаковал союзников у Талавейра-де-ла-Рейна. Сражение закончилось полным поражением и оттеснением Виктора; но Уэлсли счел невозможным продвигаться дальше в Испанию, потому что Ней, Сулыт и Мортье собирали свои дивизии с целью встать между ним и Португалией. Поэтому англичане отступили в Бадахос, а оттуда к португальской границе.

На восточной стороне полуострова Блейк, наступавший с целью отвоевать Сарагоссу, был встречен 19 июня маршалом Суше, герцогом Альбуферским, и полностью разбит. Центральная испанская армия под командованием Ариесаги попыталась, с таким же неудачей, освободить Мадрид. Король Жозеф в сопровождении Сульта, Виктора и Мортье встретил их при Оканье 19 ноября и наголову разбил. В декабре Жирона сдалась Ожеро, и назойливый король, по-видимому, овладел гораздо большей частью Испании. Но его власть не простиралась дальше фактического присутствия легионов его брата. Где бы они ни были размещены, везде царила покорность; за их пределами страна оставалась такой же враждебной, как и прежде. Солдаты побежденных армий рассеялись небольшими отрядами, используя любую возможность, чтобы напасть на отряды врасплох и перекрыть снабжение; и, несмотря на все их победы, положение захватчиков с каждым часом становилось все более затруднительным. Тем временем в Португалии английский генерал (после битвы при Талавейре получивший титул лорда Веллингтона) постепенно организовывал местные силы, вполне достойные действовать под его знаменами; и с этой стороны было очевидно, что, если Наполеон не предпримет каких-либо экстраординарных усилий, французское дело будет полностью уничтожено.

Португалия была в безопасности; и характер британской армии повысила еще одна блестящая победа в Испании; но это были ничтожные преимущества по сравнению с тем, чего мог бы добиться лорд Веллингтон, если бы его правительство поставило его, что они легко могли бы сделать, во главе армии численностью в 80 000 или 100 000 человек, в то время как Наполеон был занят кампаниями при Эсслинге и Ваграме. Вместо того чтобы эффективно усилить позиции Веллингтона, английский кабинет послал 40 000 солдат под командованием графа Чатема, ленивого или некомпетентного генерала, захватить остров Вальхерен и уничтожить судоходство и сооружения в устье Шельды; и эта необдуманная экспедиция была отправлена из Британии только первого августа, через три недели после решающей битвы при Ваграме, которая была выиграна. Лорд Чатем взял Флашинг и расположил свою штаб-квартиру в Мидлбурге; но Бернадот (принц Понте-Корво) привел Антверпен в такое состояние обороны, что план осады этого города вскоре был оставлен. Тем временем на валхеренских рубежах свирепствовала эпидемия; английские солдаты умирали тысячами. Пришло известие о знайском перемирии, и лорд Чатем отказался от своих завоеваний. Лишь малая часть его армии вернулась в свою страну из самого катастрофического похода, который Англия предприняла со времен Карфагенского похода семьдесят лет назад.

Объявление перемирия с Австрией фактически положило конец всем враждебным выступлениям на континенте, за исключением только полуострова. Храбрый Шилль (как уже было сказано) был счастлив пасть на поле боя: с его сторонниками, вынужденными наконец сдаться в Штральзунде, обращались как с мятежниками, и они умирали с постоянством патриотов. Герцог Брауншвейгский, добившийся к этому времени значительных успехов во Франконии, точно так же оказался брошенным на произвол безраздельной силы Наполеона. Во главе нескольких полков, черная форма которых свидетельствовала об их преданности единственной цели - отомстить за своего бывшего государя, герцогу удалось срезать себе путь к Балтийскому морю, где его встретили несколько английских судов. Германия с видимым спокойствием ожидала результатов переговоров в Вене.

Наполеон через несколько дней после возвращения из Моравии в Шенбрунн чудом избежал кинжала молодого человека, который бросился на него в окружении всего своего штаба на торжественном смотре императорской гвардии. Бертье и Рапп набросились на него и

обезоружили в тот момент, когда его нож был готов вонзиться в тело императора. Наполеон потребовал, какие мотивы двигали убийцей. "Какой вред, - сказал он, - я причинил вам?" "Лично для меня - нет, - ответил юноша, - но вы угнетатель моей страны, тиран всего мира; и предать вас смерти было бы высшей честью для человека чести". Этот восторженный юноша по имени Стаббс, сын эрфуртского священника, был, без сомнения, справедливо приговорен к смерти и страдал со спокойствием мученика.

Бонапарт вел в Шенбрунне почти тот же образ жизни, к которому привык в Тюильри: редко появлялся на публике, постоянно общался со своими министрами и генералами. Длительность, на которую затянулись переговоры с Австрией, вызвала много удивления; но у него были и другие дела, помимо договора с императором Франциском, и этот договор принял весьма неожиданную форму.

Именно во время его пребывания в Шенбрунне ссора с папой римским достигла своего апогея. Сам язык Консульского конкордата в достаточной степени указывал на нежелание и боль, с которыми глава римской церкви согласился с мерами, разработанными Бонапартом для церковного урегулирования Франции; и последующий ход событий, но особенно в Италии и Испании, едва ли мог не усугубить эти неприятные чувства. В Испании и в Португалии сопротивление французскому предательству и насилию осуществлялось главным образом духовенством, и папа не мог смотреть на их усилия без сочувствия и благосклонности. Тем временем в Италии французский император провозгласил себя хозяином Неаполя и всех территорий, лежащих к северу от папских владений; одним словом, весь полуостров принадлежал ему, за исключением только той узкой центральной полосы, которая все еще признавала светскую власть римского понтифика. За таким положением вещей неизбежно последовали непрерывные усилия со стороны Наполеона добиться от папы сердечного согласия на систему берлинских и миланских декретов; и до сих пор ему в конце концов удавалось это. Но когда он продолжил требовать, чтобы его святейшество принял активное участие в войне против Англии, он получил решительный отказ. Раздраженный этим противодействием и, возможно, еще больше своим подозрением в том, что патриоты Испанского полуострова получали тайную поддержку от Ватикана, Бонапарт без колебаний издал указ в следующих словах: "Принимая во внимание, что временный суверен Рима отказался вести войну против Англии, и интересы двух королевств Италии и Неаполя не должны быть ущемлены враждебной державой; и принимая во внимание, что пожертвование Карлом Великим, *нашим прославленным предшественником*, стран, составляющих Святой Престол, было на благо *христианства*, а не для этого". *враги нашей святой религии* поэтому мы постановляем, чтобы герцогства Урбино, Анкона, Мачерата и Камарино были навеки присоединены к королевству Италия".

Морские порты папской территории были немедленно заняты французскими войсками, но Пий еще некоторое время оставался в безмятежном владении самим Римом. Однако по возвращении из Испании Наполеон решил завершить свою работу в Италии, прежде чем начать неизбежную кампанию с Австрией. Таким образом, генерал Миоллис вступил в военное владение Римом в феврале 1809 года; однако папа все еще оставался в Ватикане, и его, как обычно, сопровождала его собственная охрана.

17 мая Наполеон издал из Вены свой последний указ, объявляющий полный конец светскому суверенитету папы римского, присоединяющий Рим к Французской империи и объявляющий его *своим* вторым городом; назначающий пенсию святому отцу в его духовном качестве — и назначающий административный комитет для гражданского правительства Рима. Папа, получив парижский *senatus-consultum*, ратифицировавший этот императорский рескрипт, немедленно издал буллу об отлучении от церкви Наполеона. Вскоре после этого некоторые недостоверные новости из Германии вселили новые надежды в приверженцев понтифика; и, когда начались беспорядки, Миоллис, под предлогом того, что жизнь, священная в глазах всех христиан, может оказаться под угрозой, арестовал Пия в его дворце в полночь и немедленно отправил его под сильным конвоем в Савону.

Известие об этом решительном шаге дошло до Наполеона вскоре после битвы при Ваграме, и он был склонен не одобрять поведение Миоллиса как слишком опрометчивое. Однако теперь отступать было невозможно; папу было приказано перевезти через Альпы в Гренобль. Но там его приняли с большим почтением, чем ожидал Наполеон, и вскоре он был возвращен в Савону.

Этого дела в любой другой период было бы достаточно, чтобы воспламенить всю католическую Европу; и даже сейчас Бонапарт хорошо понимал, что его поведение не могло не питать и не поддерживать чувства, открыто направленные против него в Испании и Южной Германии и подавленные, а не потушенные в сердцах значительной части французского духовенства дома. Поэтому он приложил немало усилий, чтобы добиться от папы хоть какого-то формального отказа от своих мирских притязаний - но Пий VII. переговоры, в конце концов, завершились переводом Его Святейшества в Фонтенбло, где он оставался заключенным, хотя к нему лично относились с уважением и даже великолепием, в течение более чем трех лет, пока, в условиях общего ухудшения его собственной судьбы, императорский тюремщик не был вынужден избрать другую линию поведения.

Мирный договор с Австрией был, наконец, подписан в Шенбрунне 14 октября. Император Франциск купил мир, уступив Зальцбург и часть Верхней Австрии Рейнской конфедерации; часть Богемии королю Саксонии, а Краков и западную Галицию тому же князю, что и великий герцог Варшавский; часть восточной Галиции царю; и самой Франции Триест, Карниолу, Фруили, Филлах и некоторую часть Хорватии и Далмации. Этим актом Австрия отказалась от всей территории в размере 45 000 квадратных миль с населением почти в четыре миллиона человек; и Наполеон, помимо удовлетворения своих вассалов и союзников, завершил соединение итальянского королевства со своими иллирийскими владениями, получил все побережье Адриатики и лишил Австрию ее последнего морского порта. И все же, по сравнению со знаменательными триумфами Ваграмской кампании, условия, на которых победитель подписал мир, повсеместно рассматривались как примечательно умеренные; и он претендовал на заслуги перед российским императором в том, что пощадил Австрию из уважения к его личному заступничеству.

Бонапарт покинул Вену 16 октября; общественные организации Парижа поздравили его 14 ноября как "величайшего из героев, который одерживал победы только ради счастья мира"; и вскоре после этого, совершив один из самых экстраординарных шагов в своей личной истории, дал исчерпывающее объяснение мотивов, которыми руководствовалась его дипломатия в Шенбрунне.

ГЛАВА XXVII

Наполеон разводится с Жозефиной—Женится на эрцгерцогине Марии Луизе—Низлагает Луи Бонапарта—Присоединяет Голландию и все побережье Германии к Франции—Революция в Швеции—Бернадотт избран наследным принцем Швеции—Ход войны на полуострове—Битва при Бусако—Лорд Веллингтон отступает к позициям Торрес-Ведрас.

Вероломное вторжение в Испанию и заключение папы в тюрьму были лишь первыми из серии грандиозных политических ошибок, которым суждено было подорвать основы этой, казалось бы, непреодолимой державы. По возвращении в Париж Наполеон с гордостью объявил своему сенату, что ни один враг не противостоял ему на всем европейском континенте, за исключением лишь нескольких банд беглых испанских повстанцев и "английского леопарда"[60] в Португалии, которую вскоре он заставит сбросить в море. В то же время Пенсинула был слишком незначительным объектом, чтобы требовать ни его собственного присутствия, ни большой их заботы: общее благополучие империи требовало от них сосредоточить свое внимание на предмете совсем другого характера, а именно на положении императорской семьи. "Я и мой дом, - сказал Наполеон, - всегда будем готовы пожертвовать всем, даже нашими самыми дорогими узами и чувствами, ради благополучия французского народа".

Это было первое публичное объявление о мере, которая в течение значительного периода занимала мысли Наполеона и которая, рассматривавшаяся в то время (почти повсеместно) как самый главный ход его политики, оказалась в результате отнюдь не незначительным элементом его разорения.

Жозефина любила Наполеона и была страстно любима им в юности. Она разделила его скромное состояние; своими связями в Париже и особенно своим искусным поведением во время его египетской экспедиции и сразу после нее она самым существенным образом помогла ему в обретении суверенного сана: впоследствии она украсила его двор и удовлетворила его гордость элегантностью своих манер и завоевала привязанность его народа своим искренним добродушием и активной благотворительностью. Было известно, что ее власть над ним велика, и никто никогда не сомневался, что она неизменно оказывалась на стороне мерси. Ее считали добрым ангелом, который чаще и эффективнее, чем кто-либо другой, вмешивался, чтобы успокоить свирепые страсти и умерить жестокие поступки своего господина. Ее преданность ему была совершенной: она принимала участие в его трудах, насколько он позволял ей это делать, подчинялась всем его капризам и, с мрачным предчувствием, что однажды его честолюбие отвергнет ее, продолжала сосредоточивать все свое существование на созерцании его славы.

Задолго до того, как Наполеон принял императорский титул, его надеждам на потомство от этого союза пришел конец; и, по крайней мере, с того часа, когда его власть была объявлена наследственной, Жозефина, должно быть, начала подозревать, что и в его случае семейные узы могут быть принесены в жертву тем взглядам на политическую выгоду, которые так часто расторгли браки принцев. На мгновение кажется, что она льстила себя надеждой, что Наполеон удовлетворился бы усыновлением ее сына: и Евгений, как мы видели, действительно был объявлен в период его союза с королевской семьей Баварии наследником итальянского престола на случай, если его тесть не оставит второго сына, который унаследует его.

Впоследствии Луи Бонапарт женился на Гортензии де Богарнуа, и малолетний сын, единственный залог их непрочного союза, стал настолько любимцем Наполеона, что Жозефина, как и другие, считала этого мальчика наследником Франции. Но ребенок рано умер, и император начал подумывать о расторжении собственного брака.

Теперь нет сомнений, что еще на Тильзитских конференциях обсуждался план такой связи с императорской семьей России; и столь же мало того, что Александр отнесся к этому предложению холодно, вследствие непреодолимого отвращения, с которым императрица-мать (принцесса, влияние которой всегда было непререкаемым) упорно относилась к характеру Бонапарта. В Эрфурте этот вопрос был затронут еще раз; и повторный отказ от его личного союза был, вероятно, главным из многих инцидентов на этой встрече, которые убедили Наполеона в неопределенном состоянии его отношений с русским двором. Тогда, однако, у него было множество причин скрывать свое неудовольствие, и предлог о трудностях, возникающих из-за разницы в вероисповедании, был отпущен.

Фуше был одним из первых, кто проник в тайные мысли Бонапарта, и он, с дерзостью, равной его хитрости, отважился взять на себя опасную обязанность расспрашивать императрицу об этом самом деликатном из всех вопросов. Однажды вечером, перед тем как Наполеон покинул Париж, отправившись в свою неблагочестивую экспедицию в Испанию, министр полиции отвел Жозефину в угол ее салона и, после изобилия банальностей, касавшихся нужд империи и болезненного положения императора, прямо спросил ее, не способна ли она пожертвовать ради этого всеми личными чувствами? Жозефина выслушала его, по крайней мере, с видом крайнего удивления, приказала ему удалиться и немедленно отправилась спрашивать Наполеона, имел ли министр какие-либо полномочия для этого. Император ответил отрицательно и с явной демонстрацией неудовольствия, но когда Жозефина потребовала увольнения Фуше в качестве единственного подходящего наказания за столь великое безобразие, он отказался подчиниться. Он оставался непоколебимым, несмотря на настойчивость и стенания оскорбленной женщины, и с того часа Жозефина, должно быть, почувствовала, что ее судьба решена.

Апартаменты Наполеона и его жены, находившиеся непосредственно над ними, в Тюильри, сообщались между собой по частной лестнице; и у самого императора было в обычае стучать в дверь гостиной Жозефины, выражая свое желание побеседовать с ней в своем кабинете внизу. В дни их сердечного союза сигнал подавался часто, чаще всего вечером, и для них не было ничего необычного в том, что они часами оставались вдвоем за разговором. Вскоре после его возвращения из Шенбрунна придворные дамы начали замечать, что стук императора раздавался чаще, чем когда-либо прежде, что их госпожа, казалось, прислушивалась к нему в определенные часы с новой и болезненной тревогой и что она не повиновалась сигналу со своей обычной готовностью. Однажды вечером Наполеон удивил их, внеся в самую гущу Жозефину, бледную, явно безжизненную. Она только что очнулась от долгого обморока, в который впала, услышав, как он наконец произнес указ, прекращающий их связь.

Это было 5 декабря. 15-го император созвал свой совет и объявил им, что в ущерб всем своим личным чувствам он, всецело преданный благополучию государства, решил разойтись со своей самой дорогой супругой. Затем среди них появилась Жозефина и не без слез выразила свое согласие с этим указом. Совет, обратившись к императорским супругам с речью о благородстве их взаимной жертвы, принял и ратифицировал расторжение брака. Титул императрицы должен

был сохраняться за Жозефиной пожизненно, и ей была назначена пенсия в размере двух миллионов франков (к которой Наполеон впоследствии добавил третий миллион из своего личного кошелька). Она удалилась из Тюильри, проживая с тех пор в основном на вилле Мальмезон; и в течение нескольких недель стало известно, что Наполеон потребовал руки эрцгерцогини Марии Луизы, дочери императора Франциска, той самой юной принцессы, которая, как упоминалось, оставалась в Вене по причине болезни во время второй оккупации этой столицы.

Отдав свою руку в Вене Бертье, который имел честь представлять личность своего хозяина, молодая эрцгерцогиня прибыла во Францию в марте 1810 года. 28-го, когда ее карета направлялась в Суассон, к ней подъехал Наполеон в простом платье, совершенно без присмотра; и, сразу же нарушив все этикетные подобных случаев, представился своей невесте. До тех пор она никогда не видела его лично, и говорят, что ее первым восклицанием было: "Фотографии вашего величества не отдали вам должного". Бонапарте было в это время сорок лет; его лицо приобрело известную полноту и то статуеподобное спокойствие выражения, с которым всегда будут знакомы потомки; но его фигура еще не выдавала ничего, кроме склонности к полноте. В тот период он считался более красивым мужчиной, чем в прежние дни ее жизни. Вечер они провели в Компьенском замке, а 2 апреля поженились во второй раз в Париже, среди всего великолепия. Среди других императорских милостей Наполеон предоставил апартаменты в Тюильри, в которых, вплоть до мельчайших предметов мебели, Мария-Луиза нашла точную копию тех, которые она привыкла занимать во дворце своего отца в Шенбрунне. На какое-то время он, казалось, посвятил себя, как простой любовник, обществу своей новой партнерши; и действительно, по его собственному рассказу на острове Святой Елены, был очарован контрастом, который ее юношеская простота характера и манер представляла с законченной и утонченной грацией Жозефины. О неизменной привязанности обеих своих жен он впоследствии отзывался с равной похвалой. Но он тщетно пытался убедить Марию-Луизу лично познакомиться с ее предшественницей; и, в конце концов, счел необходимым отказаться от своих визитов в Мальмезон, которые некоторое время были нередки.

Наполеон, находясь в изгнании, сказал, что "испанская язва" и австрийский брак были двумя главными причинами его разорения; и они оба внесли в это большой вклад, хотя и далеко не в равной степени. Его союз с самым надменным из старых суверенных домов действительно нанес глубокое оскорбление той великой партии Франции, которая, хотя и была готова подчиниться диктатору, все еще ненавидела само название наследственной монархии. Ничто, пожалуй, не могло бы потрясти этих людей сильнее, чем видеть победоносного наследника и представителя их революции, стремящегося смешать свою кровь с кровью ее закоренелых врагов и как бы освободиться от того, что они привыкли называть старой "корпорацией тиранов". Другой и, надо надеяться, столь же многочисленный класс его подданных испытывал отвращение к тому, что он бросил жену своей юности ради удовлетворения своего тщеславия и честолюбия. Нетрудно поверить, что было также немало роялистов старой школы, которые до сих пор легче соглашались с его властью, потому что ему, казалось, было суждено умереть бездетным, а в борьбе за трон Франции они льстили себя надеждой, что законный наследник монархии может перевесить любого из своих более отдаленных родственников. И, наконец, нельзя отрицать, что некоторые маршалы Наполеона привыкли мечтать о событиях, подобных тем, которые произошли после смерти Александра Македонского. Но принимая во внимание все эти исключения, едва ли возможно сомневаться в том, что значительная часть высших

классов общества Франции должна была быть склонна приветствовать союз императора с австрийским домом как залог его желания отныне придерживаться более умеренной линии политики в отношении своих внешних отношений; или что его трон должен был укрепиться в глазах нации в целом благодаря перспективе — вскоре реализовавшейся — того, что сын его собственной крови займет его место после него. По собственному мнению Наполеона, ошибка заключалась не в том, что он искал невесту императорского происхождения, а в том, что выбрал ее в Вене. Если бы он настаивал на своих требованиях, царь, он не сомневался, подарил бы ему свою сестру; гордые мечты о Тильзите осуществились бы, и Париж и Санкт-Петербург стали бы единственными двумя столицами Европы.

За новой женитьбой императора вскоре последовало еще одно событие, показавшее, как мало обычные узы и чувства семейной жизни теперь перевешивали его амбиции. Наполеон при восшествии на голландский престол напрасно предупреждал его брата Людовика, слабого, но великодушного человека, что при управлении этой второстепенной монархией "первым объектом его заботы всегда должен быть император, вторым - Франция, а третьим - Голландия". Людовик, окруженный министрами-туземцами, людьми больших талантов и опыта, просвещенными любителями своей страны, вскоре склонил свои симпатии на сторону тех, кого ему можно было простить за то, что он хотел считать действительно своими подданными. С другой стороны, его королева, дочь Жозефины и фаворитка Наполеона, сделала свой двор, насколько могла, французским, и в народе считалось, что она возглавляет партию, которая во всем полагается на Тюильри. Кроткий духом Людовик, которому помешала эта интриганка и который был жестоко оскорблен своим братом, некоторое время боролся с трудностями своего положения; но его терпение ни к чему не привело: его предполагаемое попустительство нарушениям берлинского и миланского декретов, в той же мере, в какой это приводило к тому, что он все больше и больше завоевывал расположение голландцев, закрепляло и усиливало неудовольствие Наполеона. Наконец его вызвали в Париж, и он без малейших колебаний подчинился. Прибыв туда, он поселился в доме своей матери, а на следующее утро оказался пленником. Отрекшись от престола, Людовик удалился в Грац, в Штирию, и занялся тем частным образом жизни, для которого подходил его характер: его имя по-прежнему с любовью вспоминают в Голландии. Его красавица жена, несмотря на падение своей матери, предпочла устроить свою резиденцию в Париже, где она вновь блистала самым ярким украшением двора. 9 июля 1810 года королевство Голландия было официально присоединено к Французской империи; Амстердам занял второе место среди городов после Рима.

Руководствуясь тем же суровым решением не допускать, чтобы какие-либо соображения препятствовали полному и действенному установлению "континентальной системы", Бонапарт вскоре после этого присоединил ганзейские города, Ольденбург и все морское побережье Германии, от границы Голландии до границы Дании, к французской империи. Король Пруссии был еще в том состоянии, чтобы протестовать против этого нового акта жадности: о противодействии со стороны какого-либо другого немецкого государства не могло быть и речи.

По правде говоря, в течение нескольких лет на Севере Европы существовала лишь одна держава, одновременно решительно враждебная по духу и в какой-то степени независимая; и теперь, по всей видимости, это последнее исключение также было устранено. Густав IV, король Швеции, упорствовал в своей первоначальной ненависти к Французской революции и Бонапарту в противовес могущественной партии в этой стране, которая считала поведение своего государя, выступившего против такого гигантского врага, простым упрямством -

фактически безумием. Вследствие его упорного отказа подчиниться высшей воле Наполеона померанские провинции и Финляндия были потеряны для королевства. Личное поведение монарха, к сожалению, было настолько экстравагантным, что давало некоторые основания подозревать его в умственном отклонении. Он был арестован в своем дворце и, вымогая акт отречения от престола для себя и своих детей, низложен: его дядя, герцог Зюдерманский, был призван на трон в своей комнате как Карл XIII.; и, поскольку вскоре были установлены дружеские отношения между дворами Стокгольма и Тюильри, Померания была восстановлена, а английский флаг и торговля были изгнаны из портов Швеции в декабре 1809 года.

В мае 1810 года принц Аугустенбургский, признанный наследником Карла XIII, скоропостижно скончался, и выбор преемника, согласно Конституции Швеции, должен был зависеть от голосования сейма, собравшегося соответственно в Орере в следующем августе месяце.

Поскольку королевский дом (за исключением прямой линии свергнутого короля) угас, было предложено много кандидатов; и среди прочих король Дании и Норвегии, на которого, согласно истинной политике, должен был пасть выбор, поскольку в этом случае могло бы укрепиться государство, способное уравновесить мощь России на Балтике. Но в то время взоры людей были обращены почти исключительно к Наполеону; и в надежде заручиться его дружбой и покровительством престолонаследие было, наконец, предложено маршалу Бернадоту, принцу Понте-Корво, шурина Жозефа Бонапарта, женатому на той мадемуазель Клери, к которой в первые дни обращался сам Наполеон. Маршал снискал расположение своей умеренностью и справедливостью, когда ему доверили управление Ганновером и шведской Померанией, после того как эти страны попали в руки французов в результате кампании 1806-1807 годов. Его военная репутация была высока; на его личном характере не было ни единого пятнышка; и было одно обстоятельство, особенно говорившее в его пользу, а именно то, что он был воспитан протестантом и, следовательно, можно было ожидать, что он без зазрения совести присоединится к признанной церкви Швеции. Но главной рекомендацией, без сомнения, была вера шведского сейма в то, что Бернадотт пользовался благосклонностью Наполеона в первую очередь.

Наполеон, однако, так и не простил Бернадотту его отказ действовать на его стороне 18 Брюмера. С тех пор он рассматривал этого великого солдата Республики как человека, который мог бы хорошо послужить императору, потому что при этом он служил Франции, но который не испытывал к себе ни одного из тех чувств личной преданности, которые одни могли дать право подданному на его благосклонность. Бернадотт отличился в армии еще до того, как сам Наполеон появился на большом театре событий; его никогда нельзя было причислить к тем, кто заслужил все свои отличия и превосходство под знаменами императора; у него было отдельное существование; он стоял в стороне во время великого и решающего кризиса в судьбе Наполеона; ему могли доверить работу впоследствии — его никогда нельзя было любить. Таким образом, предложение Сейма было противоположным тому, которое было приемлемо для того, в чью пользу оно было специально направлено на примирение. Бернадот, однако, пользовался уважением значительной партии во французской армии, а также среди старых республиканцев государства: вмешательство против него означало бы разжечь сильный гнев и ненависть среди всех тех офицеров, которые принадлежали к до-бонапартистскому периоду; и, с другой стороны, противодействие свободной воле шведов выглядело бы действительно необычным поведением со стороны монарха, который старательно изображал себя обязанным всем свободной воле французов. Швеция, наконец, все еще оставалась независимым государством,

и события на полуострове, вероятно, должны были внушить императору живое представление об опасности возбуждения духа национальной неприязни на другом конце Европы. Наполеон согласился на принятие предложенного Бернадотом сана. Перед отъездом из Парижа маршалу было предложено подписать декларацию о том, что он никогда не поднимет оружия против Франции. Он отверг это условие как несовместимое с отношениями, которые сам Наполеон только что санкционировал для него при установлении отношений с другим государством, и сказал, что уверен, что предложение исходило не от императора, который знал, каковы обязанности монарха, а от какого-то юриста. Наполеон мрачно нахмурился и ответил с видом смущения: "Идите; наше предназначение вот-вот исполнится". Бернадотт сказал, что не расслышал его слов отчетливо; Наполеон повторил их, и они расстались. Бернадотт был встречен в Стокгольме с энтузиазмом; и, несмотря на неприятные обстоятельства, при которых Наполеон отправил его в отставку, союз с Францией продолжал сохраняться. Частная история сделки, вероятно, не была разглашена в то время; и естественным, а также всеобщим мнением было то, что Швеция, фактически управляемая маршалом Бернадотом в качестве наследного принца, стала почти такой же зависимой от Франции, как Неаполь при короле Иоахиме Мюрате или Вестфалия при короле Жероме Бонапарте.

Тем временем война на полуострове продолжалась без перерыва; куда, если бы не его женитьба, Наполеон, несомненно, отправился бы лично после того, как Шенбруннский мир позволил ему чувствовать себя спокойно на своей германской границе. Хотя новый союз обладал достаточным очарованием, чтобы удержать его во Франции, он ни в коем случае не отвлекал его внимания от состояния этого прекрасного королевства, которое все еще насмехалось над Иосифом тенью короны. В самом деле, на открытом поле французы повсюду казались победителями, за исключением тех случаев, когда вмешивались британские войска из Португалии, и почти в каждом районе Испании крепости были в их руках; однако дух народа оставался совершенно непокоренным. Захватчики не могли насчитать ни пяди своей земли за пределами своих аванпостов. Их войска продолжали изматываться и редеть из-за неукротимых *партизанских отрядов*, и даже в непосредственной близости от их сильнейших гарнизонов народ собирался, чтобы проголосовать за представителей в кортесах, которые, наконец, были созваны в Кадис, чтобы на время отсутствия короля сформировать национальное правительство на регулярной основе.

Битва при Оканья оставила центральную часть Испании совершенно незащищенной; и Сульт, Виктор и Мортье, форсировав перевалы Сьерра-Морены, в начале года овладели Хаэном, Кордовой, Гренадой, Малагой и самой Севильей. Кадис, в который Центральная хунта перед этим отступила, теперь был окружен крупными испанскими войсками, включая армию Эстремадуры под командованием герцога Д'Альбукерке и значительный отряд английских войск из Гибралтара; и Сульт сел перед этим местом по форме. Если бы он взял Кадис, у патриотов на юге Испании не осталось бы ни одной сколько-нибудь важной крепости: но напряженность ситуации и удобный доступ к морю и Гибралтару сделали все его усилия тщетными.

На восточной стороне Испании Суше разбил испанского генерала О'Доннелла под стенами Остальрика, а затем взял этот город, Лериду, Мекинесу и Тортосу. Но Валенсия снова дала отпор захватчикам. После кровавой вылазки жителей Сюше отступил за стены.

Однако наиболее важные события произошли именно на стороне Португалии. Именно там должны были быть отомщены позоры Вимьеро и Талавейры; и соответственно туда Наполеон направил свои главные силы, чтобы привести их в движение. Массена (принц Эсслингский), уступающий по репутации только ему самому, в начале сезона принял командование "португальской армией" численностью не менее 100 000 человек, в задачу которой входило сбросить английских леопардов и морского генерала (как, не подозревая о будущем, Буонапарте в то время называл Веллингтона) в море. Этой гигантской армии этот лидер мог противопоставить не более 20 000 британских солдат; но 30 000 португальцев к этому времени были настолько хорошо обучены генералом Бересфордом, что они считались достойными сражаться на стороне англичан. И все же все силы лорда Веллингтона составляли едва ли половину сил Массены, и его операции неизбежно ограничивались обороной. У него не было средств помешать французскому маршалу взять Овьедо и Сьюдад—Родриго - почти у него на глазах; но он начал отступление и проводил его с хладнокровием и точностью, которые немало смутили преследователей. Наконец они отважились атаковать англичан на их марше. 27 сентября 1810 года они атаковали пятью колоннами высоты Бусако и были отброшены с такой ужасной резней, что дальнейшее наступление не представлялось возможным. Массена продолжал наступать, шаг за шагом, в то время как Веллингтон отступал, не сомневаясь, что его враг отправится в путь, как только он достигнет Лиссабона, и оставит ему в спокойном владении эту столицу и богатую страну вокруг. Каково же было его удивление, когда лорд Веллингтон наконец остановился на рубежах Торрес-Ведрас, которые к этому времени были настолько укреплены, что даже в слабых руках их можно было считать неприступными.

Это грозное положение, простиравшееся примерно на двенадцать лье между морем и Тежу, передало лиссабонский порт и прилегающую территорию в надежное владение английского генерала. Массена мог польстить своему повелителю сообщением, что он осаждает Лиссабон; но на самом деле его собственная армия очень скоро испытала все неудобства и лишения осажденного гарнизона. Страна вокруг него была опустошена: каждый португальский крестьянин был смертельным врагом. Продвигаться вперед было невозможно, и бесконечно трудно было поддерживать открытыми коммуникации в тылу. Таким образом, в течение многих месяцев две армии стояли лицом к лицу в бездействии.

ГЛАВА XXVIII

События 1811 года—Рождение римского короля—Немилость Фуше—Недовольство во Франции—Отношения с Россией—Лицензионная система—Наполеон готовится к войне с Россией—Кампания на полуострове—Отступление Массены—Битва при Фуэнтес д'Онор—Лорд Веллингтон блокирует Сьюдад—Родриго—Отступления-Жозеф желает отречься от Престола.

20 апреля 1811 года желания Наполеона увенчались рождением сына. Роды были трудными, и нервы фельдшера были расшатаны. "Она всего лишь женщина, - сказал присутствовавший император. - Обращайся с ней так, как обращался бы с буржуазией с улицы Сен-Дени". В следующий момент акушер поднял Наполеона с кушетки и спросил, что он предпочтет, если придется пожертвовать одной жизнью, жизнь матери или ребенка. "Мать, - ответил он, - это ее

право!" Наконец ребенок появился, но без каких-либо признаков жизни. По прошествии нескольких минут послышался слабый крик, и Наполеон, войдя в приемную, где собрались высшие должностные лица государства, объявил о событии такими словами: "Это король Рима".

Рождение наследника Наполеона было встречено таким количеством проявлений верноподданнического энтузиазма, какое никогда не сопровождало рождение дофина; однако из того, что было сказано относительно того, с каким пониманием различные группы людей во Франции с самого начала смотрели на союз с Австрией, можно сделать достаточный вывод, что радость по этому поводу была далеко не всеобщей. Роялисты сочли это событие роковым для последних надежд бурбонов; честолюбивые генералы отчаялись в каком-либо будущем расчленении империи; старые республиканцы, которые терпели деспотическую власть Бонапарта как потомка революции, с глубоким отвращением смотрели вперед на правление династии, гордящейся тем, что в ее жилах течет кровь самого надменного из всех королевских домов Европы, и, следовательно, более склонной к объединению с небольшой группой наследственных монархов, чем с народом. Наконец, титул "король Рима" положил конец заветным надеждам итальянцев, которых Наполеон научил ожидать, что после его смерти в их стране будет отдельное от Франции правительство; тот же титул не мог не вызвать некоторой горечи при австрийском дворе, чьего предполагаемого наследника при старой империи обычно называли "королем римлян". Однако в настоящее время как внутри страны, так и за рубежом это событие, естественно, рассматривалось как придание сил трону Наполеона.

Он, таким образом, призванный с новой серьезностью пересмотреть все состояние и перспективы своей империи, по-видимому, очень отчетливо почувствовал, что ни то, ни другое не может быть в безопасности, если каким-либо образом не положить конец войне с Англией. Как бы он ни позволял себе насмехаться над своим великим врагом в своих публичных обращениях с трона и в своих бюллетенях, у Наполеона было слишком много силы духа, чтобы не презирать тех, кто в любом из своих частных сообщений имел подлость изображать согласие с подобными взглядами. Когда после битвы при Ваграме Денон принес ему рисунок медали, изображающей орла, душащего леопарда, Буонапарте упрекнул льстеца и уволил его. "Как, - сказал он, - задушить леопарда! На море нет ни одного клочка, на котором орел осмелился бы показаться. Это низменная лесть. Было бы ближе к истине изобразить орла задушенным леопардом".

Он отправил частного посланника в Лондон, чтобы выяснить из личного общения с маркизом Уэлсли, тогдашним министром иностранных дел, на каких условиях английское правительство согласится начать официальные переговоры; но эта попытка была сорвана странной обстоятельством. Фуше, набравшись новой смелости из результатов своего необычного разговора с Жозефиной на тему развода, отважился послать в Лондон своего иждивенца с целью разузнать у лорда Уэлсли о предварительных переговорах; не сомневаясь, что, если бы он мог предоставить своему хозяину точную информацию по этому вопросу, ни в какой степени не скомпрометировав императорское достоинство, услуга была бы сочтена чрезвычайно ценной. Но лорд Уэлсли, которого в одно и то же время и по одной и той же весьма деликатной теме осаждали два разных человека, ни один из которых не предъявил никаких надлежащих документов и которые отрицали, что что-либо знают друг о друге, вполне естественно, решил, что они были простыми авантюристами, если не шпионами, и немедленно прервал свои сношения с обоими. Наполеон, узнав об этой интриге, вызвал к себе Фуше. "Итак, сударь, - сказал он, - я нахожу, что вы заключаете мир и войну, не посоветовавшись со мной".

Он был уволен из министерства полиции и отправлен в почетное изгнание с поста губернатора Рима. Самонадеянность Фуше была велика, но Наполеон задолго до этого устал не только от него, но и от Талейрана, да и от всех тех министров, которые, достигнув выдающихся постов до того, как он сам получил верховную власть, сохранили в своей манере вести дела и особенно давать советы какие-либо следы того периода, когда французы льстили себе свободой. Предупреждения, которые он получил, собираясь начать свои жестокие действия против Испании, вспоминались с еще большим негодованием, поскольку ход событий в этой стране месяц за месяцем и год за годом подтверждал точность предвидения, которым он пренебрег. Этот надменный дух не мог вынести присутствия человека, который, как можно было предположить, воображал, что хотя бы в чем-то он превосходит своего хозяина.

Опала Фуше, безусловно, была очень непопулярной мерой. Непосредственная причина этого не могла быть разглашена, и считалось, что министр пал жертвой честности своих возражений по поводу испанского вторжения и возросшей строгости внутренней администрации императора. Примерно в это же время, в дополнение к Венсенскому замку, во Франции были созданы девять новых государственных тюрем; и число лиц, заключенных в эти камеры по ордерам, подписанным императором и его раболепным тайным советом, намного превысило число лиц, приговоренных к подобному обращению в любой недавний период монархии Бурбонов согласно *lettres de cachet* суверена. Это были доказательства, если не ошибаюсь, роста политического недовольства. По правде говоря, "континентальная система", ужасная трата жизни, вызванная последними кампаниями в Польше и Австрии, и постоянные требования как сокровищ, так и крови Франции, ставшие необходимыми из-за кажущейся бесконечной войны на полуострове, - все это было злом, которое не могло существовать, не вызывая отчуждения в сердцах людей. Полиция донимала императора сообщениями о частных беседах мужчин. Граждан ежедневно забирали из их семей и хоронили в отдаленных и недоступных подземельях без всякой причины, кроме того, что они осмелились высказать то, что думает подавляющее большинство их соседей. Его ссоры с Люсьеном, который заключил брак, неподобающий, по мнению императора, его рангу, были настолько неприлично жестокими, что этот способнейший из его братьев в конце концов нашел убежище в Англии, где и оставался в течение нескольких лет. Тотальное рабство прессы, ее наглая ложь и еще более наглое молчание оскорбляли здравый смысл всех людей. Недовольство тайно, но быстро разъедало сердцевину его власти; и все же, словно ослепленный каким-то гневным наущением небес, раздражительное честолюбие Наполеона уже вовлекало в сражение другого крупного иностранного врага.

Когда российскому императору сообщили о приближающейся свадьбе Бонапарта с австрийской принцессой, его первым восклицанием было: "Тогда следующим шагом будет загнать нас обратно в наши леса". По правде говоря, эрфуртские конференции лишь затянули рану, которую ничто не могло вылечить, кроме полного изменения политики Наполеона. Русская нация так сильно пострадала от "континентальной системы", что государь вскоре оказался вынужден смягчить декреты, составленные в Тильзите в духе берлинских и миланских. Некоторые гавани были частично открыты для ввоза колониальных товаров и экспорта местных продуктов; и последовал ряд возмущенных заявлений со стороны Наполеона и высокомерных уверток со стороны царя, которые вскоре убедили всех внимательных наблюдателей в том, что Россия не замедлит воспользоваться любой благоприятной возможностью еще раз обратиться к оружию. Испанское восстание, подкрепленное победами лорда Веллингтона, должно быть, пробудило надежду и гордость молодого и честолюбивого принца, поставленного во главе

столь великой нации; вывод, естественно вытекающий из женитьбы Наполеона на представительнице австрийского дома, заключался в том, что отныне вся мощь этой монархии будет действовать в согласии с его взглядами — другими словами, если полуостров однажды будет полностью покорен, вся Западная Европа окажется в его распоряжении, для любых услуг, которые ему заблагорассудится навязать. Было бы удивительно, если бы при таких обстоятельствах министры Александра не пожелали завершить свои споры с Парижем до того, как у Наполеона появится свободное время для завершения завоевания Испании.

Таким образом, летом 1811 года отношения этих двух правительств становились с каждым днем все более сомнительными; и когда ближе к концу года австрийский император опубликовал рескрипт, разрешающий войскам своего зятя свободный проезд через свои территории, Англия, всегда внимательно следившая за передвижениями своего злейшего врага, ясно поняла, что у нее вот-вот появится союзник.

С того момента, как русское правительство начало серьезно критиковать некоторые аспекты его поведения, Бонапарт постепенно наращивал свои военные силы на севере Германии и в Великом герцогстве Варшавском и продвигал значительные группы войск все ближе и ближе к польской границе царя. Эти приготовления были встречены некоторыми аналогичными движениями с другой стороны; тем не менее, в течение многих месяцев надежда на прекращение разногласий путем переговоров не оставлялась. Русские жалобы, наконец, приняли правильную форму и охватили три отдельные главы, а именно:

Во-первых, расширение территорий герцогства Варшавского по Шенбруннскому мирному договору. Это встревожило Санкт-петербургский двор, возродив идею независимости Польши, и Бонапарта тщетно убеждали дать публичные гарантии того, что никакое национальное правительство не будет восстановлено в расчлененном королевстве:

Во-вторых, присоединение герцогства Ольденбургского к Французской империи на основании эдикта Наполеона, который провозглашал захват всего морского побережья Германии между Голландией и Балтийским морем. Ольденбург, наследственная территория шурина императора Александра, была прямо гарантирована этому принцу Тильзитским мирным договором. Наполеона попросили возместить ущерб изгнанному герцогу уступкой Данцига или какой-либо другой территории по соседству с Великим герцогством Варшавским; но он отказался, хотя и заявил о своей готовности выплатить некоторую компенсацию в другом месте:

В-третьих, царь утверждал, и совершенно справедливо, что состояние его страны делает совершенно необходимым, чтобы в его случае были отменены правила "континентальной системы", и заявил, что он больше не может мириться с ограничениями торговли независимой империи с целью обслуживания политики иностранной державы. Бонапарт признал, что, возможно, необходимо изменить систему, на которую жаловались, и выразил свое убеждение, что будет сочтено возможным разработать какой-то промежуточный курс, с помощью которого коммерческие интересы Франции и России могли бы быть согласованы. Вероятно, он имел в виду, что, если удастся уладить другие разногласия, эту часть спора можно было бы урегулировать, допустив, чтобы царь в определенной степени применил на севере Европы прием, к которому он сам уже прибегал в больших масштабах для противодействия пагубным последствиям его собственной любимой системы на его собственных ближайших территориях. Вскоре Наполеон обнаружил, что полностью исключить английские товары и колониальную продукцию фактически невозможно; и, видя, что, с его согласия или без него, указы Берлина и

Милана так или иначе будут продолжать нарушаться, ему пришло в голову, что он мог бы, по крайней мере, сам получать большую часть прибыли от запрещенной торговли. Этого он добился путем установления системы таможенных правил, в соответствии с которыми лица, желающие ввозить английские товары во Францию, могли приобрести имперскую лицензию на это. Результатом этого приема было весьма значительное ослабление пагубного влияния берлинского кодекса; и это сопровождалось пропорциональным увеличением доходов императора. Однако впоследствии он всегда говорил об этой лицензионной системе как об одной из немногих серьезных ошибок своей администрации. Несколько мелких бунтов среди промышленного населения графства Дербши переросли в его глазах в симптомы приближающейся революции в Англии; последствие, как он льстил себе, страданий, причиненных его злейшему врагу "континентальной системой"; и до конца он продолжал думать, что, если бы он устоял перед искушением обогатить свою казну за счет выдачи лицензий, таков, должно быть, был конечный результат его первоначального плана. Однако, признав за Александром долю финансовых преимуществ лицензионной системы, он, по-видимому, решил, что коммерческая часть его спора с Россией может быть урегулирована.

И, действительно, если бы не было никакой причины для ссоры между этими державами, кроме той, которая проявилась на первый взгляд в ходе их переговоров, вряд ли можно сомневаться в том, что соглашение могло бы быть достигнуто. Простая истина заключалась в том, что царь с момента замужества Марии Луизы проникся совершенной убежденностью в том, что ослабление русского могущества на севере Европы станет следующей великой целью амбиций Наполеона. Его последующие действия в отношении Голландии, Ольденбурга и других территорий, а также распределение его войск в Померании и Польше не могли не укрепить Александра в этом взгляде на дело; и если война должна была начаться, не могло быть и речи о политике ее развязывания до того, как Австрия полностью оправится от последствий Ваграмской кампании, и, прежде всего, пока полуостров продолжали занимать 200 000 солдат Бонапарта.

Прежде чем мы вернемся к войне в Португалии (подробности которой относятся к истории Веллингтона, а не Наполеона), мы можем здесь очень кратко отметить одно или два обстоятельства, связанные с семьей изгнанников из Испании. Печальную картину деградации старых короля и королевы рисует тот факт, что эти персонажи добровольно отправились в Париж с целью смешаться с толпой придворных, поздравляющих своего обманщика с рождением римского короля. Их дочь, королева Этрурии, по-видимому, была наименее выродившейся представительницей расы; и соответственно она подверглась самому жестокому обращению со стороны руки, которую ее родители имели наглость поцеловать. Она была лишена своего королевства во время позорных сцен в Байонне в 1807 году под предлогом того, что это королевство предоставит наиболее подходящую компенсацию ее брату Фердинанду за его уступку Бонапарту своих прав в Испании и с обещанием быть обеспеченной в другом месте. Впоследствии об этом обещании сестре думали не больше, чем о первоначальном плане возмещения ущерба брату. Тоскана стала французским департаментом. Фердинанда отправили пленником в замок Валансэй — резиденцию Талейрана, — а она, пробыв некоторое время с родителями, поселилась как частное лицо под *надзором* в Ницце. Встревоженная суровостью, с которой полиция следила за ней, королева в конце концов предприняла попытку сбежать в Англию. Ее агенты были разоблачены, преданы суду военной комиссии и расстреляны, а саму несчастную заключили в римский монастырь. План освобождения Фердинанда был примерно в то же время раскрыт эмиссарами французской

полиции: настоящий агент был арестован, самозванец, присвоив его имя и верительные грамоты, пробрался в Валенсе, но Фердинанд был либо слишком хитер, либо слишком робок, чтобы подвергнуться такой опасности; открыв своим тюремщикам предложения незнакомца, он избежал расставленной для него ловушки и таким образом обманом лишил Наполеона предлога для помещения его также в какую-нибудь итальянскую камеру.

В течение четырех месяцев после того, как знаменитое отступление Веллингтона завершилось занятием им рубежей Торриш-Ведрас, Массена стоял лагерем перед этой позицией, тщетно применяя все уловки, которые только могло предложить непревзойденное мастерство, с целью выманить британскую армию обратно на поле боя. Он попытался обойти сначала один фланг позиции, а затем другой; но в любом случае он обнаружил, что приготовления его противника были идеальными. Тем временем его сообщение с Испанией становилось с каждым днем все более и более затруднительным, а вражда крестьянства была настолько закоренелой, что его войска начали сильно страдать от нехватки провизии. Массена, наконец, оказался вынужден отступить; и, хотя он виртуозно выполнил военный маневр, он навсегда опозорил свое имя ужасной распущенностью, которую он позволил своим солдатам. Каждое преступление, на которое способен человек, каждая жестокость, способная обесчестить разумных существ, должны быть зафиксированы в повествовании о том страшном марше. Возраст, звание, пол, характер одинаково презирались; казалось, что, обезумев от дьявольской ярости, эти свирепые банды были полны решимости разорить страну, которой они не могли завладеть, и истребить, насколько это было в их силах, население, которое они не могли ни умиротворить, ни подчинить.

Лорд Веллингтон упорно следовал по их стопам, пока они не оказались за португальской границей; внутри нее они оставили только один гарнизон — в Алмейде, и этот город был немедленно взят в осаду; в то время как британский генерал лично осадил сильный испанский город и крепость Сьюдад-Родриго. Но Массена, восстановив связь с французскими армиями в Кастилии, настолько увеличил свою численность, что отважился возобновить наступление. Лорд Веллингтон не мог поддерживать осаду Сьюдад-Родриго перед лицом такой армии, какую к тому времени собрал Массена; но когда маршал выразил желание вступить в сражение, он не побоялся отклонить приглашение. Армии встретились при Фуэнтес-д'Оноре 5 мая 1811 года, и французы потерпели очередное поражение. Гарнизону Алмейды удалось бежать через границу до того, как осада, которая была прервана, могла быть возобновлена. Португалия действительно оставалась в жалком состоянии истощения, но полностью избавилась от своих захватчиков; и Наполеон, как будто решив, что каждый из его маршалов по очереди должен иметь возможность помериться силами с Веллингтоном, теперь послал Мармона сместить Массену.

Сульт тем временем продвинулся к южной границе Португалии из Эстремадуры и овладел Бадахосом при обстоятельствах, которые лорд Веллингтон считал в высшей степени позорными для испанского гарнизона этого важного места и армий, которые должны были быть готовы прикрыть его. С другой стороны, английский корпус под командованием генерала Грэхема совершил вылазку из Кадиса и одержал победу в блестящем сражении на высотах Баросса, перед этим осажденным городом.

Что касается испанских армий, то превосходство французов в значительной степени сохранялось во время этой кампании; и все еще можно сказать, что король Иосиф владел в

военном отношении всеми частями своего королевства, за исключением некоторых. Но влияние английских побед ни в коем случае не ограничивалось португальцами, территорию которых они освободили. Они вдохнули новый пыл в испанский народ: партизанская война, подавленная в одном месте только для того, чтобы вспыхнуть в пятидесяти других, бушевала все шире и свирепее по всей стране: французские войска потеряли больше жизней в этой непрекращающейся борьбе, в которой не было достигнуто никакой славы, чем за любой аналогичный период, проведенный в регулярной кампании; и Жозеф Бонапарт, в то время как вопрос о мире или войне с Россией еще не был решен, так устал от своего положения, что искренне умолял Наполеона возложить корону Испании на его плечи. на какую-нибудь другую голову.

Таковы были обстоятельства, при которых начался богатый событиями 1812 год.

ГЛАВА XXIX

Захват Сьюдад—Родриго и Бадахоса—Битва при Саламанке—Состояние международных отношений Наполеона—Его военные ресурсы—Наполеон под Дрезденом—Разрыв с Россией—Поведение Наполеона по отношению к полякам—Распределение армий—Переход Немана—Наполеон под Вильной.

Лорд Веллингтон теперь полностью владел Португалией и находился на границах этого королевства, готовый перейти в наступление в пределах Испании, как только распределение французских армий, по-видимому, предоставит подходящую возможность. Узнав, что Мармон послал значительное подкрепление Суше в Валенсию, он решил наступать и еще раз осадить Сьюдад-Родриго. Он вновь появился перед этой мощной крепостью 8 января 1812 года и взял ее штурмом 19-го, за четыре дня до того, как Мармон смог собрать достаточные силы для ее освобождения. Он немедленно отремонтировал укрепления, передал это место испанскому гарнизону и лично отправился в южную часть португальской границы, которая потребовала его внимания вследствие того жалкого проступка испанцев, который позволил французам стать хозяевами Бадахоса в предыдущем году. Он появился перед этим городом 16 марта и через двадцать дней взял и его. Потери жизней с обеих сторон в этих быстрых осадах были очень велики; но они были выиграны генералом во главе не более 50 000 человек, несмотря на то, что противник собрал полных 80 000 человек; и результаты имели первостепенное значение для дела Англии. Мармон, услышав о падении второй крепости, немедленно отступил из окрестностей Сьюдад-Родриго, которые он тщетно пытался вернуть; и Сульт, прибывший из-под Кадикса как раз вовремя, чтобы увидеть британский флаг, водруженный на башнях Бадахоса, отступил таким же образом. Английский генерал поспешил наилучшим образом использовать свое преимущество, разрушив единственный мост, по которому Мармон и Сульт могли теперь сообщаться; и, достигнув этой цели в начале мая, в июне двинулся маршем к Саламанке, захватил тамошние форты и 800 пленных, и — Мармон отступал по мере продвижения — держался у него в тылу, пока не достиг Дору.

Теперь к Мармону присоединилась армия Бонне из Астурии, и таким образом он снова получил решительное численное превосходство. Соответственно, Веллингтон, в свою очередь, отступил; и в течение нескольких дней две враждебные армии двигались параллельными

линиями, часто на расстоянии половины пушечного выстрела, каждая ожидая какой-нибудь ошибки, которой можно было бы воспользоваться. Погода все это время стояла невыносимо жаркая; многие падали в обморок на марше; а когда в поле зрения появлялся какой-нибудь ручей, людям было трудно удерживать строй. Вечером 21 июля "Веллингтон" и "Мармон" находились на виду друг у друга на двух противоположных возвышенностях близ Саламанки; разразилась сильная грозовая буря с дождем, и в течение всей ночи небо сверкало от молний. Веллингтон сидел за столом, когда получил разведданные о том, что его противник расширяет свой левый фланг с целью встать между ним и Сьюдад-Родриго. Он поспешно поднялся, воскликнув: "Добрый гений Мармона покинул его", - и мгновенно оказался на коне. Великая битва при Саламанке произошла 22 июля. Французы были атакованы на том участке, который был ослаблен движением Мармона влево, и потерпели сокрушительное поражение. Сам главнокомандующий потерял руку: было взято 7000 пленных, одиннадцать орудий и два орла; и только наступление ночи спасло армию от полного уничтожения. Веллингтон преследовал отступающего врага до Вальядолида, а затем, переправившись через Дору, двинулся на Мадрид. Король Иосиф снова бежал при его приближении, и в столице Испании англичан встретили с энтузиазмом.

Таким образом, лорд Веллингтон отважился расположиться в сердце Испании, имея не более 60 000 человек, хорошо зная, что французские армии на полуострове все еще насчитывали по меньшей мере 150 000 человек, в расчете на то, что столь энергичное движение, начавшееся после славных успехов при Сьюдад-Родриго, Бадахосе и Саламанке, эффективно подтолкнет испанских генералов. Он не сомневался, что Балластерос, в частности, по крайней мере, позаботится о том, чтобы привлечь все внимание Сульта и помешать этому способному лидеру продвинуться с юга. Но вопиющая гордость испанца воспламенилась при мысли о том, что им командует англичанин, и он позволил Сульту снять осаду Кадиса и беспрепятственно отступить со всей своей армией к Сьерра-Морене. Лорд Веллингтон, разгневанный таким безрассудством, был вынужден разделить свою армию. Оставив половину в Мадриде под командованием сэра Р. Хилла, чтобы сдерживать Сульта, он сам двинулся с другой частью на Бургос, взяв этот великий город, как он полагал, в его силах будет эффективно внушить страх остаткам армии Мармона. Соответственно, 19 сентября он осадил Бургос и продолжал осаду в течение пяти недель, пока Сульд с превосходящими силами не начал угрожать Хиллу, а (преемник Мармона) Клозель, также получивший большое подкрепление, казалось, был готов возобновить наступление. Затем лорд Веллингтон снял осаду Бургоса и начал отступление. В ходе этого к нему присоединился Хилл, а затем Сульд и Клозель также соединились у него в тылу — их войска были почти вдвое больше его. Он неторопливо и обдуманно удалился до Сьюдад-Родриго - и таким образом завершил кампанию 1812 года на полуострове. Но, описывая его ход, мы на мгновение упустили из виду еще более мощные действия, в которых лично участвовал Наполеон на другой арене боевых действий.

Уже упоминалось, что до того, как 1811 год подошел к концу, приближение разрыва с Россией было достаточно обозначено в эдикте императора Австрии, предоставлявшем свободный проход по его территориям армиям его зятя. Однако в течение нескольких последующих месяцев переговоры между царем и Наполеоном продолжались; и не раз появлялась значительная вероятность того, что они будут завершены полюбовно. Известия об успехах лорда Веллингтона при Сьюдад-Родриго и Бадахосе были рассчитаны на то, чтобы умерить пыл самонадеянного Бонапарта; и на мгновение он, по-видимому, почувствовал необходимость довести дела на полуострове до конца, прежде чем отважится ввязаться в новую войну. Он, в

сущности, вступил в сношения с английским правительством, когда ему было объявлено о падении Бадахоса; но прежде чем переговоры продвинулись на несколько шагов, его гордость вернулась к нему в своем первоначальном упрямстве, и возобновленное требование признать Иосифа королем Испании резко прервало общение дипломатов.

При таком состоянии полуострова и при отсутствии всякой надежды на соглашение с Англией можно было ожидать, что Наполеон не пожалеет усилий, чтобы урегулировать свои разногласия с Россией или, если придется вступить в борьбу, подготовиться к ней, установив свои отношения с другими державами, способными вмешаться на той или иной стороне, на благоприятной для себя основе. Но и здесь надменный нрав, который сами невзгоды никогда не могли сломить, стал непреодолимым и роковым препятствием. Очевидно, что из-за географического положения этой страны и высоких военных талантов Бернадотта заручиться сердечной дружбой Швеции было задачей первостепенной важности; однако наследный принц, вместо того чтобы быть рассмотренным как глава независимого государства, подвергся личному оскорблению со стороны французского резидента в Стокгольме, который, по словам самого Бернадотта, "при каждом удобном случае вел себя так, как если бы он был римским проконсулом, безраздельно распоряжающимся в провинции". Стремясь избежать разрыва, Бернадотт в конце концов согласился укрепить "континентальную систему" и объявить войну Англии. Но эти уступки, вместо того чтобы вызвать искреннюю доброжелательность, возымели прямо противоположный эффект. Англия, рассматривая Швецию как невольного врага, не решалась предпринять какие-либо попытки против нее; и за принятием антиторговых эдиктов Наполеона последовало множество столкновений между шведскими каботажниками и имперскими *дуанье*, из-за которых возникали бесчисленные юридические вопросы. В большинстве случаев они прекращались в Париже с явной несправедливостью, и провокации и претензии Бернадотта множились с каждым днем. Пораженный тем, что человек, служивший под его знаменами, осмеливается оспаривать его волю, Наполеон позволил себе открыто заговорить о том, чтобы заставить Бернадотта закончить обучение шведскому языку в Венсенне. Более того, он снизошел до организации заговора с целью приведения этой угрозы в исполнение. Кронпринц избежал, благодаря усердию своего личного друга в Париже, неминуемой опасности быть похищенным по примеру д'Энгиенов и Рамболдов, и с тех пор его роль была решена.

На другом фланге царских владений его наследственный враг, великий сеньор, в это время фактически воевал с ним. Наполеон пренебрегал своими отношениями с Константинополем в течение нескольких прошедших лет; но теперь он осознал важность продолжения этой ссоры и использовал своих агентов, чтобы побудить великого сеньора лично выступить на поле боя во главе 100 000 человек с целью сотрудничества с ним самим во всеобщем вторжении в Российскую империю. Но тут он столкнулся с новой и непредвиденной трудностью. Лорду Каслри, английскому министру иностранных дел, удалось убедить Порту, что, если Россия однажды будет покорена, в Европе не останется силы, способной защитить ее от вселенских амбиций Наполеона. И мудро рассудив, что эта предполагаемая опасность неизмеримо важнее любой непосредственной выгоды, которую она могла бы извлечь из унижения своего старого соперника, Порта начала переговоры, которые как раз в самый критический момент (как мы увидим ниже) завершились миром с Россией.

Все вооруженные силы Италии, Швейцарии, Баварии и князей Рейнской лиги, включая курфюрста Саксонии, были в распоряжении Наполеона. Дания слишком сильно ненавидела

Англию, чтобы тратить время на страх перед ним. Пруссия, окруженная и усеянная французскими гарнизонами, была более чем когда-либо враждебна Франции; и король был готов, несмотря на все, что ему пришлось выстрадать, немедленно броситься в объятия России. Но это должно было привести к его немедленному и полному краху, если бы царь не решил немедленно выступить в Германию. Такое перемещение было совершенно несовместимо с планом операций, намеченным на случай войны с Бонапартом военными советниками Александра; и Фридрих Вильгельм счел себя вынужденным предоставить 20 000 солдат, жалкие остатки своей армии, в распоряжение общего угнетателя.

Австрия была связана договором о помощи Наполеону с 30 000 человек, когда бы он ни пожелал их потребовать; но этот же договор включал гарантии Бонапарта в отношении польских провинций Австрии. Если бы он мог отказаться от этого обещания, он отчетливо понимал преимущества, которые он мог бы извлечь из энтузиазма поляков; провозгласить их независимость означало бы, как он хорошо знал, собрать под свои знамена целую доблестную нацию; а на те возражения против их независимости, которые могли быть выдвинуты его собственным ставленником, великим герцогом Варшавским, он мало обращал внимания. Но Австрия не согласилась бы отказаться от его гарантий в отношении Галиции, если бы он не согласился вернуть иллирийскую территорию, которую она потеряла при Шенбрунне; и это было условие, к которому Наполеон ни на минуту не захотел прислушаться. Он брал все, что мог получить силой или искусством; но он ничем не жертвовал. Пагубные последствия этого упрямства были двоякими. Австрия действительно оставалась союзником, но в лучшем случае холодным; и возможность поднять восстание во всей Польше между ним и царем была навсегда упущена.

Но если Наполеон, в полноте своей самонадеянности, таким образом пренебрег или презрел своевременное примирение иностранных держав - некоторых из которых он мог бы сердечно привлечь на свою сторону, а другие, по крайней мере, сохранили нейтралитет - он, конечно, ничего не упустил из виду относительно подготовки вооруженных сил своей собственной империи. Еще до того, как все надежды на соглашение с Санкт-Петербургом рухнули, он потребовал и получил два новых призыва во Францию; и более того, установил закон, по которому ему разрешалось призывать 100 000 человек одновременно, из тех, кого призывы пощадили, на службу. Этим ограничением их службы он вскоре пренебрег; и в действительности новая система - система *Запрета*, как он любил ее называть, - стала простым продолжением старой схемы. Численность *французской* армии в рассматриваемый период (без учета *Запрета*) оценивается в 850 000 человек; армия королевства Италия насчитывала 50 000 человек; армия Неаполя - 30 000; Великого герцогства Варшавского - 60 000; баварской - 40 000; Вестфальской - 30 000; саксонской - 30 000; Виртембергской - 15 000; Баденской - 9 000; и второстепенных держав Рейнской лиги - 23 000. Из этих армий Наполеон имел полный контроль. Кроме того, Австрия была обязана предоставить ему 30 000 человек, а Пруссия - 20 000 вспомогательных войск. Общая сумма составляет 1 187 000 человек. За вычетом 387 000 — большого пособия на госпитали, отпускные и неполные полки - в его непосредственном подчинении оставалось 800 000 боеспособных людей. Испанский полуостров, возможно, уже сейчас могли бы занять 150 000 человек; новсе же Наполеон мог бы выставить против России, в случае провала всех переговоров, армию численностью в 650 000 человек; у такого числа, как у Александра, не было шансов сравняться; такое количество, какое никогда прежде не шло под европейским знаменем.

Несмотря на всю эту демонстрацию военной мощи, французские государственные деятели, которые в прежние дни пользовались высшим доверием императора и которые были настроены в его пользу своими смелыми пророчествами о результате его покушений на Испанию и Португалию, не колеблясь выступили по этому новому поводу и выдвинули предупреждения, к которым, как можно было ожидать, ход событий на полуострове обеспечит терпеливое отношение. Талейран, все еще находясь на своем посту, потратил все свои усилия впустую. Фуше, который под предлогом болезни сверг свое римское правительство и теперь проживал в своем загородном поместье близ Парижа, составил меморандум, в котором с мастерским мастерством и красноречием были подробно описаны вероятные последствия похода на Россию; и потребовал аудиенции у императора, чтобы он мог представить его лично. Наполеон, чья полиция теперь ни за кем не следила так пристально, как за своим бывшим начальником, был готов к этому. Он принял Фуше с видом холодного безразличия. "Я знаком с вашим поручением", - сказал он. "Война с Россией нравится вам так же мало, как война с Испанией". Фуше ответил, что он надеется на прощение за то, что высказал некоторые соображения по поводу столь важного кризиса. "Это вообще не кризис, - продолжал Бонапарт, - а просто политическая война. Испания падет, как только я уничтожу английское влияние в Санкт-Петербурге. У меня наготове 800 000 солдат: с такой армией я смотрю на Европу как на старую проститутку, которая должна подчиняться моим желаниям. Разве вы сами не говорили мне однажды, что слово *невозможно* не французского происхождения? Вы, вельможи, сейчас слишком богаты, и хотя вы притворяетесь, что заботитесь о моих интересах, вы думаете только о том, что может случиться с вами самими в случае моей смерти и расчленения моей империи. Я руководствуюсь в своем поведении гораздо больше чувствами моей армии, чем вашими. Разве я виноват в том, что высота власти, которой я достиг, вынуждает меня подняться до мировой диктатуры? Моя судьба еще не решена - картина существует пока только в общих чертах. Должен быть один кодекс, один апелляционный суд и одна чеканка монет для всей Европы. Государства Европы должны слиться в единую нацию, и Париж должен стать ее столицей". Следует отметить, что ни государственный деятель, столь презрительно отвергнутый, ни кто-либо из его собратьев никогда даже не намекали на несправедливость развязывания войны с Россией ради простого удовлетворения амбиций. Все их аргументы основывались на размерах ресурсов Александра - его 400 000 регулярных войск и 50 000 казаков, которые, как известно, уже были вооружены, - и огромном населении, за счет которого у него были средства набирать рекрутов; восторженных национальных чувствах москвитов; удаленности их страны; суровости их климата; возможности, которую такая война предоставила бы Англии для закрепления своих успехов в Испании; и вероятности восстания Германии в случае каких-либо неудач.

Был, однако, один человек, который обратился к императору по другим основаниям. Его дядя, кардинал Феш, был сильно огорчен обращением папы, и он со страхом рассматривал эту новую войну, как возможность обрушить кару Небес на голову того, кто осмелился растоптать ее наместника. Он умолял Наполеона не вызывать одновременно гнев людей и ярость стихий и выражал свою веру в то, что однажды он должен будет пасть под тяжестью той всеобщей ненависти, которой его действия окружали его трон. Бонапарт подвел священника к окну, открыл его и, указав вверх, спросил: "Вы видите вон ту звезду?" "Нет, сир", - ответил кардинал. "Но я вижу это", - ответил Наполеон и резко отпустил его.

Доверяя этой звезде, на которой уже собралось одно фатально тусклое пятно, Наполеон, не дожидаясь какого-либо официального разрыва с русскими дипломатами в Париже, направил марш очень крупных войск в Пруссию и Великое герцогство Варшавское. В начале апреля

министру Александра было приказано потребовать вывода этих войск вместе с эвакуацией крепостей в Померании на случай, если французское правительство все еще пожелает вести переговоры. Бонапарт немедленно ответил, что он не привык регулировать распределение своих сил предложениями иностранной державы. Посол потребовал свои паспорта и покинул Париж.

9 мая Наполеон покинул Париж со своей императрицей и 16-го прибыл в Дрезден, куда император Австрии, короли Пруссии, Неаполя, Виртемберга и Вестфалии и почти все немецкие монархи низшего ранга были приглашены или получили приказ встретиться с ним. Он послал просить царя также присутствовать на этом блестящем собрании, поскольку это давало последний шанс на дружеское соглашение; но гонец не смог добиться допуска к Александру.

Буонапарте еще несколько дней продолжал играть роль бесспорного хозяина среди этого собория королевских особ. Он сразу же присвоил себе и своей жене первенство над императором и императрицей Австрии; и в пылу последовавших друг за другом празднеств король Саксонии предстал перед своим высокомерным гостем всего лишь в качестве камергера или церемониймейстера.

Достаточно разъяснив своим союзникам и вассалам, какое поведение им следует предпринять в случае начала войны, Наполеон, уже уставший от своего великолепного безделья, отправил аббата де Прадта в Варшаву, чтобы подготовиться к его приему поляками, уволил Марию Луизу по ее возвращении в Париж и распустил Двор, при котором он в последний раз фигурировал как "Царь царей". Маршал Ней с одной крупной дивизией армии уже перешел Вислу; Жюно с другой оккупировал оба берега Одера. Было известно, что царь находится в Вильне, своей литовской столице, собирает там силы своей огромной империи и поручает общие приготовления к предстоящей кампании маршалу Барклаю де Толли.^[61] Сезон приближался; и пришло время принудительно решать вопрос о мире или войне.

Наполеон прибыл в Данцик 7 июня; и в течение двух недель, последовавших за этим, было известно, что между ним и Александром происходят последние переговоры. Внимание человечества никогда не было так приковано к одной точке, как в течение этих четырнадцати дней, к Данцику. 22-го Буонапарте нарушил молчание в бюллетене. "Солдаты, - сказал он, - Россия повинует своей судьбе: ее предназначение должно быть выполнено. Давайте выступим! давайте перейдем Неман: давайте перенесем войну на ее территорию. Наш второй поход на Польшу будет таким же славным, как и наш первый; но наш второй мир будет нести в себе свою собственную гарантию: он навсегда положит конец тому высокомерному влиянию, которое Россия оказывала в течение пятидесяти лет на дела Европы". Обращение, в котором царь объявил о прекращении своих переговоров, было выдержано в совершенно ином тоне. Указав на бесчисленные усилия, которые он приложил, чтобы сохранить мир, не утратив для России характера независимого государства, он призвал на помощь Всемогущее Провидение как "свидетеля и защитника истинного дела"; и заключил следующими словами: "Солдаты, вы сражаетесь за свою религию, свою свободу и свою родину. Ваш император среди вас, а Бог - враг агрессора".

Бонапарт произвел смотр большей части своих войск на поле боя при Фридланде и, убедившись в еще более блестящих победах над тем же врагом, отдал свои последние приказы высшим офицерам своей огромной армии. До сих пор поляки не имели определенного представления о цели, которую предлагал себе Наполеон. Как только на этот счет не осталось

никаких сомнений, варшавский сейм направил послания и к нему, и к королю Саксонии, чтобы объявить о своем решении воспользоваться этой возможностью для восстановления древней национальной независимости их расчлененной страны. Мы уже упоминали об обстоятельствах, которые вынудили императора холодно принять это послание. Он был вынужден признать, что гарантировал Австрии все ее польские провинции. Поэтому для него было невозможно принять участие в восстановлении Старой Польши: "Тем не менее, - добавил он с дерзким коварством, - я восхищаюсь вашими усилиями; я даже одобряю их. Упорствуйте, и будем надеяться, что ваши желания увенчаются успехом".

Этот ответ сильно охладил пыл поляков, и с тех пор, за немногими исключениями, выдающиеся и влиятельные люди нации были простыми наблюдателями войны. Если какие-либо сомнения относительно предательства Наполеона могли оставаться после его ответа сейму, они должны были быть полностью устранены, когда стал известен план его кампании, и стало известно, что австрийские вспомогательные части были размещены справа от всей его линии. На них, как казалось, был возложен марш через Волынь, и нельзя было представить более ясного доказательства того, что Наполеон стремился подавить все признаки национального восстания в Литве. Можно было ожидать, что жители, появившись среди них французские солдаты, пришли бы в восторг; известно, что белая форма Австрии вызывала в их глазах ненависть в той же степени и точно по той же причине, что и русская зеленая.

Расположение французской армии на момент начала кампании было следующим: Левое крыло под командованием Макдональда, численностью в 30 000 человек, имело приказ пройти маршем через Курляндию с целью, по возможности, обойти правый фланг русских и овладеть морским побережьем в направлении Риги. Правое крыло, состоявшее почти полностью из австрийцев численностью 30 000 человек и находившееся под командованием Шварценберга, было расквартировано, как уже упоминалось, на Волынской границе. Между ними перемещались различные корпуса, образующие великую центральную армию под общим руководством самого Наполеона, а именно. имена Даву, Нея, короля Вестфалии, вице-короля Италии, Понятовского, Жюно и Виктора; и в количестве не менее 250 000 человек. Связь центра и левого фланга поддерживалась корпусом Удино, а центра и крайне правого фланга - корпусом Ренье, который имел при себе саксонские вспомогательные части и польский легион Домбровского. Главное командование всей кавалерией войска было поручено Мюрату, королю Неаполитанскому; но он лично находился в ставке императора, имея в непосредственном подчинении три кавалерийские дивизии: Груши, Монбрена и Нансути. Ожеро со своей дивизией должен был остаться на севере Германии, чтобы внушить страх Берлину и защитить коммуникации с Францией.

Взгляд на карту покажет, что операционная база Наполеона простиралась на добрых сто лье; и что головы его различных колонн были так распределены, что русские не могли догадаться, Санкт-Петербург или Москва были главной целью его похода.

Главная русская армия под командованием самого Барклая де Толли располагалась в Вильне и насчитывала в начале кампании 120 000 человек. Значительно левее располагалась "вторая армия", как ее называли, численностью в 80 000 человек под командованием Багратиона; с ней были Платов и 12 000 его казаков; в то время как на крайнем фланге этого фланга "волынская армия" численностью в 20 000 человек под командованием Тормазова наблюдала за

Шварценбергом. Справа от Барклай-де-Толли находился Витгенштейн с 30 000 человек, а между ними и морем находился эссенский корпус численностью не более 10 000 человек. Позади всей линии фронта в Новгороде и Смоленске быстро формировались две резервные армии; каждая, вероятно, насчитывала около 20 000 человек. Русские, действительно находившиеся на поле боя в начале кампании, были, насколько можно судить, в количестве 260 000 человек; в то время как Наполеон был готов перейти Неман во главе по меньшей мере 470 000 человек.

С русской стороны план кампании был уже разработан; он носил исключительно оборонительный характер. Наученный событиями предыдущей войны в Польше и той, которая уже укрепила репутацию Веллингтона на полуострове, царь с самого начала был полон решимости заманить Бонапарта, если возможно, в сердце его собственной страны, прежде чем дать ему сражение. Различные подразделения русских войск получили приказ не спеша отступать по мере продвижения противника, уничтожая все, что они не могли увезти с собой, и останавливаясь только в определенных точках, где для их приема уже были созданы укрепленные лагеря. Трудность прокормить полмиллиона человек в стране, заранее намеренно опустошенной и отделенной таким большим пространством от Германии, не говоря уже о Франции, несомненно, возрастала с каждым часом и каждым шагом; и главной целью Александра было беречь собственные силы до тех пор, пока вокруг чужаков не наступит полярная зима и не доведет бедствия, которые он таким образом предвидел, до кризиса. Наполеон, с другой стороны, рассчитывал, что русские встретят его у своей границы или даже впереди нее (как это было с австрийцами в кампаниях при Аустерлице и Ваграме, а пруссаки — в Йенской); что он выиграет крупное сражение; немедленно двинется либо на Санкт-Петербург, либо на Москву - и продиктует мир, по образцу пресбургского или Шенбруннского, в стенах одного из собственных дворцов царя.

24 июня великая императорская армия, сведенная в три группы, начала переход через Неман; король Вестфалии - у Гродно; вице-король Евгений - у Пилони, а сам Наполеон - у Ковно. Император ехал впереди своей армии, чтобы разведать берега; его лошадь споткнулась, и он упал на землю. "Дурной знак — римлянин возвращается", - воскликнул кто-то; неизвестно, сам ли Бонапарте или кто-то из его приближенных. Первому отряду, который переправился, бросил вызов один казак. "С какой целью, - спросил он, - вы вступаете в русскую страну?" "Чтобы разбить вас и взять Вильну", - ответил передовой отряд. Часовой пришпорил своего коня и скрылся в лесу. В тот же миг разразилась страшная гроза. Так началось роковое вторжение.

Когда эти огромные войска пересекали равнины Литвы, их не ждало никакого сопротивления. Александр намеренно отводил свои армии по мере их продвижения. Сама столица, Вильна, была эвакуирована за два дня до того, как они появились в поле ее зрения; и Наполеон занял там свою квартиру 28 июня. Но оказалось, что все журналы, которые Бонапарт рассчитывал захватить, были сожжены до того, как русские отступили, и имперские бюллетени уже начали осуждать "варварский метод", с помощью которого враг, казалось, решил вести свою оборону.

В начале этого повествования было замечено, что план ведения войны Наполеона вряд ли мог быть приведен в исполнение в больших масштабах, если только не позволить войскам питаться грабежом; и мы видели, в скольких кампаниях применялась система мародерства, не причинявшая французам никаких серьезных неудобств. Буонапарте, однако, узнал от Испании и Португалии, как трудно солдатам добывать пропитание такими способами, при условии, что население вокруг них действительно объединено во враждебности по отношению к ним. Далее

он обдумал огромное расстояние, на котором должна вестись война с Россией, и естественную бедность большинства царских провинций, и пришел к решению отойти в данном случае от своей старой системы. Одним словом, за несколько месяцев до того, как он покинул Париж, он отдал приказ подготовить огромное количество всевозможных припасов, которые должны были быть доставлены вместе с его гигантским войском и сделать его независимым от стран, которые могли бы стать театром его операций. Уничтожение складов в Вильне было достаточным свидетельством того, что император правильно поступил, приказав поставить свой комиссариат на эффективную основу; и его внимание, естественно, было направлено на то, чтобы выяснить, прежде чем он продвинется дальше, насколько были выполнены его указания по этому вопросу. Он оставался в Вильне двадцать дней — пауза, совершенно необычная для кампании Бонапарта, и объяснить ее можно только его беспокойством по этому поводу. Результат его расспросов был крайне неудовлетворительным. Огромный объем контрактов, которые заключил его военный министр, соответствовал случаю; но перемещение таких огромных составов скота и повозок, какие предусматривались этими контрактами, должно было при любых обстоятельствах быть утомительным и в некоторой степени неопределенным. В данном случае они были заключены либо французскими торговцами, которые, благодаря собственной практике Бонапарта в предыдущих кампаниях, могли иметь небольшой опыт снабжения великой армии в полевых условиях; немцами, которые считали французского императора врагом мира и соответственно служили ему с неохотой; или, наконец, польскими евреями — расой заядлых контрабандистов и, следовательно, заядлых мошенников.

Результатом было то, что, проведя три недели в Вильне, император оказался перед необходимостью либо отложить свое вторжение еще на год, либо настаивать на нем перед лицом всех трудностей, которые он предвидел, и, более того, перед лицом комиссариата, менее эффективного на две трети, чем он рассчитывал.

ГЛАВА XXX

Россия заключает мир с Англией, Швецией и Турцией—Внутренние приготовления—Наполеон покидает Вильну—Двина—Передвижения Багратиона—Смоленская битва—Бородинская битва—Наполеон вступает в Москву—Постоянство и энтузиазм русских—Поведение Ростопфина—Сожжение Москвы—Кутузов отказывается лечить.

В то время как Наполеон был задержан в столице Литвы неразберихой и медлительностью, которые были характерны почти для каждого отдела его комиссариата во время этого великого кризиса, враг использовал неожиданную паузу с максимальной выгодой. Царь подписал договоры о строгом союзе с Англией, Швецией и испанскими кортесами в середине июля; а переговоры с Турцией велись при посредничестве Англии с таким успехом, что в начале августа был объявлен мир и с этой державой. С помощью этих средств Александр получил возможность отозвать все войска, которые он держал на двух флангах своих европейских владений, и привести их все на помощь своей главной армии. Адмирал Чичагов во главе 50 000 солдат, до сих пор противостоявших туркам на стороне Молдавии, двинулся к левому крылу войск Баркляя де Толли; а правое крыло, которое постепенно отступало, пока не достигло сильного лагеря, разбитого на реке Двина, получило подкрепление из Финляндии, хотя и не в таком большом

количестве. Энтузиазм русского народа проявился в необычайной быстроте, с которой к ногам царя были брошены всевозможные припасы. Отовсюду он получал добровольные предложения людей, денег, всего, что могло бы помочь в ведении войны. Великая герцогиня, руки которой добивался Наполеон, подала пример, разместив полк в своем поместье. Москва предложила снарядить 80 000 человек. Платов, ветеран казачества, пообещал свою единственную дочь и 200 000 рублей человеку, от руки которого падет Бонапарт. Дворяне повсюду набирали войска и проявляли свой патриотизм, сами служа в рядах и доверяя командование опытным офицерам, выбранным правительством. Крестьянство участвовало во всеобщем энтузиазме и стекалось сюда из каждой провинции, требуя оружия и обучения. Были вызваны двести тысяч ополченцев, и отдельные подразделения двинулись маршем на лагерь.

Наполеон, сделав все, что было в его силах, чтобы исправить беспорядки в своем комиссариате — а этого, в конце концов, по-видимому, было немного, — наконец снова появился на поле боя. Теперь он решил оставить свой след в Санкт-Петербурге: он очень рассчитывал на эффект, который триумфальный въезд в столицу произведет по всей стране; и флот в Кронштадте сам по себе был призом первостепенной важности. Поэтому он направил все свои усилия на Двину, где русский главнокомандующий теперь остановился на обширных укреплениях, и на Ригу. Этот город, однако, теперь защищался не только Эссеном, но и английскими моряками флота адмирала Мартина, оказавшими эффективное сопротивление; и, к замешательству Наполеона, он был отбит при трех последовательных попытках форсировать лагерь Барклая в Дюнабурге.

После этого он изменил свой план операций и, решив двинуться не на Петербург, а на Москву, бросил вперед центр своей армии под командованием Даву с целью обойти позиции Барклая и перерезать его коммуникации с Багратионом. Это движение вынудило этого полководца перейти Днепр (или Борисфен); и Барклай, узнав цель похода Даву, снялся с лагеря на Двине и отступил к Витепску, где к нему надеялся присоединиться Багратион. Даву, однако, ввел Багратиона в бой под Могилевом 23 июля; и поскольку французы оставались во владении этим городом к концу дня, русские оказались перед необходимостью изменить линию своего отступления. Багратион сообщил Барклаю, что теперь он идет не на Витепск, а на Смоленск, и главнокомандующий счел необходимым оставить и Витепск. В течение трех дней (25, 26 и 27 июля) его войска вступали в бой с французами под Витепском; и, хотя в бюллетенях Наполеона сообщалось о трех блестящих победах, результатом было то, что русские оставили свои позиции в замечательном порядке и совершенно беспрепятственно отступили к предполагаемому месту соединения. Тем временем Ренье на правом фланге и Удино на левом потерпели поражение; первый от Тормазоффа, второй от Витгенштейна, оба понесли серьезные потери. Император остановился в Витепске на несколько дней; "его войскам, - говорилось в бюллетенях, - требовалось подкрепление". Русский план обороны был уже разработан — и вызывал тревогу. Куда бы они ни отступали, страна оказывалась совершенно опустошенной; каждая деревня была сожжена прежде, чем они ее покинули; восторженное крестьянство отступило вместе с армией и пополнило ее ряды.

Наполеон оставил Витепск 8 августа и после частичного сражения при Красном 14-го числа оказался в поле зрения Смоленска 16-го. Первая и вторая армии царя (Багратион, наконец, соединившийся с Барклаем) располагались за рекой, которая протекает за этим городом; но он был занят большими силами. Трижды Бонапарте атаковал его, и трижды он был отбит. Ночью гарнизон отступил и присоединился к армии, переправившейся через реку, но перед уходом они предали город огню, и, поскольку здания были в основном деревянными, пожар, согласно

французскому бюллетеню, "напоминал по своей ярости извержение Везувия". "Никогда, - продолжает тот же бюллетень, - война не велась с такой бесчеловечностью: русские обращаются со своей собственной страной так, как если бы она принадлежала врагу". Действительно, таково было их решение. У них не было ни малейшего желания, чтобы захватчик обосновался на зимних квартирах в Смоленске. За исключением нескольких незначительных стычек, они беспрепятственно отступили из Смоленска в Дорогобуж, а оттуда на Вязьму; останавливаясь в каждом из этих городов и намеренно сжигая их на глазах у врага.

Теперь, однако, стало крайне трудно убедить русских солдат продолжить отступление. Вначале они согласились удалиться исключительно потому, что были уверены, что такова воля их *Отца*, как они ласково называют своего государя; но теперь к ним ежедневно прибывали подкрепления из внутренних районов страны, и происшедшие стычки так воспламенили их дух, что казалось невозможным дольше сдерживать их. В этот же период Барклай был назначен в военное министерство в Санкт-Петербурге, и предполагалось, что Кутузов, принявший командование вместо него, сомневался в том, что система отступления недостаточно далеко зашла. Новый генерал, наконец, решил уступить громким просьбам своих войск и занял сильную позицию между Бородино и Москвой, на большой дороге к Москве, где он решил дожидаться нападения Наполеона. Именно в Гятце императору сообщили о прибытии Кутузова и о всеобщем убеждении, что царь наконец согласился пойти на риск большого сражения. Чуть дальше под каким-то предлогом появился русский офицер с флагом перемирия; его настоящим заданием, без сомнения, было осмотреть состояние лагеря захватчиков. Когда этого человека привели к Наполеону, его спросили: "Что он должен найти между Вязьмой и Москвой?" Он ответил: "Пултову".

5 сентября Наполеон оказался в поле зрения позиции Кутузова, и ему удалось возвести перед ней редут. Все 6-е число обе армии находились в присутствии друг друга, готовясь к сражению. Русские были размещены на возвышенной равнине; на правом фланге у них был лес, на левом - одна из деревень, а впереди - глубокий овраг, русло небольшого ручья. Обширные полевые укрепления охватывали все наиболее доступные точки этой естественно очень укрепленной местности; и в центре всей линии пологое возвышение было увенчано огромной батареей, служившей своего рода цитаделью. Численность русской армии составляла 120 000 человек; у Наполеона также не было больших сил, готовых к его атаке. В артиллерии армии также были равны. Предполагается, что у каждой в полевых условиях было по 500 орудий. Бонапарт обратился к своим войскам в своем обычном стиле: "Солдаты! вот битва, которой вы так жаждали; она необходима, ибо она принесет нам изобилие, хорошие зимние квартиры и безопасное возвращение во Францию. Ведите себя так, чтобы потомки могли сказать о каждом из вас: *Он был в той великой битве под стенами Москвы.*"

Тем временем в русском лагере появилось духовенство в своих самых богатых облачениях и, демонстрируя свои самые священные изображения, призывало мужчин заслужить Рай, посвятив себя делу своей страны. Солдаты ответили криками, которые были слышны во всех рядах противника.

В четыре часа утра 7-го числа французы продвинулись вперед под прикрытием густого тумана и атаковали сразу центр, правый и левый фланги позиции. Стремительность атаки была такова, что они выбили русских из их редутов; но это длилось лишь мгновение. Они сплотились под самой линией огня противника и мгновенно перешли в наступление. Крестьяне, которые до

этого часа никогда не видели войны и которые все еще носили свою обычную деревенскую одежду, отличавшуюся только крестом, нашитым на ней спереди, бросились в самую гущу сражения. Когда они падали, другие подбегали и занимали их места. Некоторое представление об упорстве сражения может составить тот факт, что из одной дивизии русских, которая утром насчитывала 30 000 человек, в живых осталось только 8000. Эти люди сражались в сомкнутом строю и непоколебимо, под огнем восьмидесяти артиллерийских орудий. Результатом этого ужасного дня было то, что Бонапарт отвел свои войска и оставил всякую надежду пробиться сквозь ряды русских. Ни в одном столь отчаянном сражении он до сих пор не участвовал. Ночь застала обе армии на земле, которую они заняли на рассвете. Количество орудий и пленных, взятых французами и русскими, было примерно равным; и в обоих войсках пало не менее 40 000 человек. Некоторые источники увеличивают общее число убитых до 100 000. Такова была победа, в честь которой Наполеон присвоил маршалу Нею звание *князя Московского*.

Бонапарт, когда к концу дня его генералы посоветовали ему выдвинуть вперед свою собственную гвардию и предпринять последнюю атаку во главе с ними, ответил: "А если моя гвардия потерпит неудачу, какими средствами я должен располагать для возобновления сражения завтра?" Русский командующий, с другой стороны, похоже, не жалел ничего, чтобы продлить сражение. — В течение последующей ночи его кавалерия предприняла несколько попыток прорваться в тыл противника; и только получив утром донесения офицеров своего полка, Кутузов понял необходимость отступления до тех пор, пока его не наберут дополнительно. Его армия была опорой его страны: после ее полного роспуска его повелителю, возможно, было бы очень трудно сформировать другую; но пока она оставалась совершенной в своей организации, патриотически настроенное население империи, несомненно, с готовностью заполнило бы любую вакансию в ее рядах. Удостоверившись затем в размерах своих потерь и похоронив своих погибших (среди которых был доблестный Багратион) с большой торжественностью, русские медленно и спокойно вышли из своих укреплений и двинулись на Можайск. Наполеону посчастливилось, что как раз в это время к нему присоединились две свежие дивизии из Смоленска, которые почти восстановили его силы до того уровня, который был, когда началось сражение; и, подкрепленный таким образом, он усилил преследование. 9-го числа французский авангард снова появился в поле зрения русского тыла, и Бонапарте приготовился к сражению. Но на следующее утро Кутузов так эффективно замаскировал свой марш, рассеяв тучи казаков во всех направлениях вокруг французов, что вплоть до 12 числа захватчик оставался неуверенным, отступил ли он на Калугу или прямо к столице. В конце концов, он убедился в последнем, и 14 сентября Наполеон достиг Холма Спасения, названного так потому, что с этого возвышения русский путешественник впервые видит древнюю столицу, нежно называемую "Матушкой Москвой" и едва ли менее священную в его глазах, чем Иерусалим. Солдаты с радостью и ликованием созерцали величественные размеры этого места; его смесь готических шпилей и восточных куполов; обширные и великолепные особняки надменных бояр, окруженные деревьями; и, возвышаясь над всем остальным, огромные башни Кремля, одновременно дворца и цитадели старых царей. Крик "Москва! Москва!" пробежал по рядам. Сам Наполеон натянул поводья и воскликнул: "Узрите наконец этот прославленный город!" После короткой паузы он добавил: "Это было вовремя".

Бонапарте недолго любовался этой великой столицей, прежде чем ему показалось чем-то примечательным, что из труб не шел дым. На зубчатых стенах старых стен и башнях также не было видно никаких военных. До него не дошло ни послания о неповиновении, ни какой-либо

депутации граждан, которые вручили бы ключи от своего города и поручили бы его и самих себя его защите. Он все еще недоумевал, что могли означать эти странные обстоятельства, когда Мюрат, командовавший авангардом и прорвавшийся к воротам, вернулся и сообщил ему, что он провел переговоры с Милародовичем, генералом русского арьергарда, и что, если не будет предоставлено двух часов для безопасного вывода его войск, он немедленно подожжет Москву. Наполеон немедленно объявил перемирие. Прошло два часа, а процессия знати или магистратов по-прежнему не появлялась.

Войдя в город, французы обнаружили, что он покинут всеми, кроме самых низших и обездоленных представителей его огромного населения. Вскоре они рассредоточились по его бесчисленным улицам и приступили к грабежу. Великолепные дворцы русских бояр, базары купцов, церкви и монастыри, всевозможные общественные здания кишели ими.

Самый подлый солдат одевался в шелка и меха и пил в свое удовольствие самые дорогие вина. Наполеон, озадаченный оставлением такого большого города, испытывал некоторые трудности с удержанием 30 000 человек под командованием Мюрата, который следовал за Милародовичем и наблюдал за стенами с той стороны.

Император, удалившийся отдыхать в пригородный дворец, был разбужен в полночь криком о пожаре. Главная рыночная площадь была объята пламенем, и прошло несколько часов, прежде чем благодаря усилиям солдат его удалось потушить. Пока еще пылал огонь, Наполеон обосновался в Кремле и при этом роковом свете написал царю письмо, содержащее предложения о мире. Письмо было передано высокопоставленному пленнику; никакого ответа Буонапарте так и не получил.

На следующее утро пожар был потушен, и французские офицеры в течение всего дня были заняты выбором домов для своего проживания. Пламя, однако, вспыхнуло снова с наступлением ночи и при обстоятельствах, которые вполне могли наполнить умы захватчиков изумлением и тревогой. Различные отдельные части города, казалось, были охвачены огнем одновременно; в разных местах были обнаружены горючие материалы и спички, которые были заложены намеренно; водопроводные трубы были перерезаны; ветер менялся трижды в течение ночи, и пламя всегда вспыхивало с новой силой в том квартале, откуда преобладающий бриз дул прямо на Кремль. Было достаточно ясно, что Ростопчин, губернатор Москвы, принял тот же план сопротивления, в рамках которого Смоленский уже был принесен в жертву; и его агенты, всякий раз, когда они попадали в руки французов, были безжалостно уничтожены.

Французский авантюрист, проживший некоторое время в Москве, рассказал о поведении Ростопчина при выезде из города, которое, возможно, подготовило Наполеона к подобной катастрофе. Этот человек, услышав о приближении своих соотечественников, употребил несколько выражений, которые давали ему право на место в московских тюрьмах. За день до того, как туда вошел Бонапарт, в Ростопчине состоялся последний суд. Этот француз инедовольный русский предстал перед ним. Вина последнего была четко доказана, и губернатор, понимая, что его отец находится в суде, сказал, что предоставил старику несколько минут, чтобы тот побеседовал с сыном и благословил его. "Должен ли я дать свое благословение мятежнику?" - воскликнул престарелый родитель. "Настоящим я даю ему свое проклятие". Ростопчин приказал казнить преступника, а затем, повернувшись к французам, сказал: "Ваше предпочтение собственному народу было естественным. Возьмите себя в руки. Был только один русский предатель, и вы были свидетелями его смерти". Затем губернатор выпустил на свободу

всех злоумышленников, содержащихся в многочисленных московских тюрьмах, и, предоставив им город, удалился во главе жителей, которые по его предложению уже некоторое время готовили пути отступления.

Таков был рассказ француза, и каждый час приносил новое подтверждение неумолимой решимости соотечественников Ростофчина. У нескольких крестьян, привезенных из соседней страны, на руке было клеймо в виде буквы N. Один из них, понимая, что это указывает на его принадлежность и сторонника Наполеона, немедленно схватил топор и отрубил себе конечность. Двенадцать рабов графа Воронцова были собраны вместе и им было приказано поступить на французскую службу или умереть; четверо из них молча сложили руки и так умерли. Французский офицер, командовавший войсками, пощадил остальных. Таковы были анекдоты, доходившие до Наполеона, когда он обозревал с зубчатых стен Кремля бушующее море огня, охватившее теперь столицу на востоке, западе, севере и юге. Пожар продолжался четыре дня, и четыре пятых города были полностью уничтожены. "Дворцы и храмы, - говорит русский писатель Карамзин, - памятники искусства и чудеса роскоши, остатки давно минувших веков и творения вчерашнего дня, гробницы предков и колыбели детей были без разбора разрушены. От Москвы не осталось ничего, кроме памяти о ее жителях и их глубокой решимости отомстить за ее падение".

В течение двух дней Наполеон наблюдал из Кремля за распространением этого ужасающего опустошения и, несмотря на непрерывный дождь искр и головней, отказался слушать тех, кто советовал отступить. На третью ночь поднялся шторм в день равноденствия, сам Кремль загорелся, и стало сомнительно, удастся ли ему безопасно отступить; и тогда он, наконец, выехал из Москвы по улицам, во многих частях объатым пламенем, а там, где этого не было, был окутан плотной завесой дыма. "Это действительно скифы", - сказал Наполеон. Он остановился и разместил свою штаб-квартиру в Петровском, загородном дворце царя, примерно в лиге от него. Но он не мог отвести глаз от печального зрелища, которое представлял собой горящий город, и время от времени повторял одни и те же слова: "Это предвещает большое несчастье".

20-го числа, когда пламя, наконец, было подавлено или иссякло, Наполеон вернулся в Кремль, прекрасно понимая, какое сильное бедствие постигло его, но все еще льстя себе надеждой, что решимость врага ослабеет, когда он узнает о разрушении их древней и священной столицы. Жалкие остатки огромного города все еще служили сносным жильем для его армии: провизии там было в избытке; и захватчики, как истинные французы, оборудовали театр и смотрели пьесы, разыгрываемые артистами, присланными из Франции; в то время как сам император продемонстрировал свое хладнокровие, датировав указ, регулирующий дела Французского театра в Париже, "императорской ставкой в Кремле". Уже упоминалось о его стремлении показать французам, что даже во время самых жарких кампаний его мысли продолжали быть заняты ими и их внутренним управлением. В постановочном рескрипте из Москвы содержалось дерзкое шарлатанство.

День проходил за днем, а ответа от Александра по-прежнему не было: положение Бонапарта с каждым часом становилось все тяжелее. Весть о великой битве при Саламанке уже дошла до него: нельзя было помешать распространению среди солдат слуха о какой-то далекой катастрофе. Ближе к нему два фланга его могучего воинства потерпели одинаковое поражение. Объединенная армия Тормазоффа и Чичагоффа на юге и армия Витгенштейна на севере получили решительное преимущество над противостоящими им французскими генералами и

теперь угрожали сомкнуться между центральными колоннами Наполеона и складами в Польше. Вицингероде стоял во главе грозных сил на дороге в Санкт-Петербург; а к юго-западу от Москвы на очень сильной позиции находился Кутузов с армией, в которую ежечасно прибывали целые отряды восторженных рекрутов. Опасность грозила со всех сторон; казалось, все силы России собрались вокруг него. Тем временем время года было далеко в разгаре; суровая северная зима была не за горами, а решительная враждебность крестьянства препятствовала доставке в столицу даже самых незначительных запасов провизии. Если бы горожане остались там, средства к существованию, конечно, продолжали бы доставляться обычными способами из провинций; но ни лодка, ни сани не были пущены в ход после того, как стало известно, что в Москве нет населения, кроме французов. Запасы, на первый взгляд такие обильные, в самом городе уже начали подходить к концу: у простых солдат в изобилии были дорогие вина и ликеры, но не было мяса, кроме конины, и не было хлеба. Дару дал императору то, что последний назвал "львиным советом": стянуть все свои отряды, превратить Москву в укрепленный лагерь, убить и засолить каждую лошадь, а остальное доверить фуражировым отрядам — словом, оставить все мысли о поддержании связи с Францией, или Германией, или даже Польшей; и выступить из Москвы со своей армией в полном составе и обновленной в начале весны. Но у Наполеона были веские причины подозревать, что, если бы он и его армия были отрезаны в течение шести месяцев от всех коммуникаций с тем, что они оставили позади, пруссаки, австрийцы, сами его рейнские вассалы, могли сбросить ярмо; в то время как, с другой стороны, русские вряд ли смогли бы за столько месяцев накопить в своей собственной стране силы, перед которыми его изолированная армия, вернувшись с зимних квартир, показалась бы просто пылинкой.

Наполеон, наконец, послал графа Лористона в штаб Кутузова с другим письмом к Александру, которое граф должен был вручить лично. Кутузов принял француза в окружении всех своих генералов и ответил с такой вежливостью, что посланник не сомневался в успехе. В конце концов, однако, русский заявил, что он совершенно неспособен вести какие-либо переговоры или даже санкционировать поездку какого-либо французского посланника - таков, по его словам, был последний и наиболее категоричный приказ его принца. Он предложил отправить письмо Наполеона в Санкт-Петербург через одного из своих адъютантов, и Лористон был вынужден согласиться. Это интервью состоялось 6 октября: ответа из Санкт-Петербурга нельзя было ожидать раньше 26-го. Один раз уже выпал снег. Отступление после того, как я во второй раз написал царю, выглядело бы как признание в неспособности остаться. Трудности и опасности, сопутствующие более длительному пребыванию в разрушенной столице, уже упоминались; и с каждым часом они возрастали со страшной быстротой. Именно при таких обстоятельствах Наполеон задержался в Кремле до 19 октября; и представляется вероятным, что он задержался бы там еще на несколько дней, если бы не получил известия о новом поражении, которое было совсем близко и которое сильно взволновало его. Его сопровождающие без колебаний говорят, что с того момента, как он прибыл в Россию, его разум, казалось, пребывал в состоянии нерешительности и апатии по сравнению с тем, что они привыкли наблюдать в предыдущих кампаниях. С этого часа его решение и деятельность (если они действительно когда-либо были скрыты), по-видимому, проявились в изобилии.

Мюрат без приказа Наполеона и даже вопреки его желаниям заключил странное перемирие с Кутузовым, согласно статьям, которые предусматривали, что любому регулярному столкновению между двумя армиями, противостоящими друг другу, должно предшествовать уведомление за три часа, но позволяли казакам и другим легким войскам вести мелкие боевые

действия без перерыва на обоих флангах. Это соответствовало целям Кутузова; ибо фактически оставляло его в полном распоряжении средств избегать общих действий до тех пор, пока он не решит рискнуть на них, и в то же время не мешало мерам, с помощью которых он и его нация намеренно и систематически сокращали запасы захватчиков. Наполеон утверждал, что Мюрат заключил соглашение из желания удовлетворить собственное тщеславие, скакая галопом по нейтральной территории и вызывая восхищение обеих армий, но особенно казаков, своим искусством верховой езды и блестящими, если не фантастическими нарядами, в которых ему всегда доставляло удовольствие демонстрировать свою прекрасную персону. Но король Иоахим никогда так охотно не демонстрировал своего щегольства, как на поле битвы: он совершил, только в меньших масштабах, ту же ошибку, которая задержала его повелителя в Кремле.

ГЛАВА XXXI

Наполеон покидает Москву—Битвы при Виньково и Мало-Ярославце—Отступление на Веррею—и Смоленско—Неоднократные поражения и страдания французов—Смоленско—Красный—Переход Березины—Сморгонь—Наполеон покидает армию—его прибытие в Варшаву—в Дрезден—в Париж.

Перемирие, каким оно было между Иоахимом и Кутузовым, было нарушено, как только последний в достаточной степени дисциплинировал новобранцев, которые стекались под его знамена со всех регионов империи. Затем Мюрат получил значительное подкрепление из Москвы вместе с приказом Наполеона овладеть, по возможности, одной из дорог, ведущих в Калугу. Было известно, что там и в Туле были размещены главные склады русской армии; и, более того, отступая в этом направлении в сторону Польши (если бы отступление, наконец, было признано необходимым), Наполеон рассчитывал на дополнительное и гораздо большее преимущество от прохождения по стране, до сих пор не разграбленной.

Король Неаполя, соответственно, перебросил свои легкие войска в новый район и с огорчением обнаружил, что русская система обороны упорствовала везде, где бы он ни наступал. Великолепный загородный дом Ростофина был сожжен дотла, прежде чем французы добрались до него; и следующее письмо, прикрепленное к его воротам, дышало тем же духом, который осмелился пожертвовать Москвой: "Я в течение восьми лет украшал эту резиденцию и счастливо жил в ней со своей семьей. Обитатели поместья под номером 1720 покинули его при вашем приближении, и я поджег свой дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием".

Кутузов больше не был расположен бездействовать, наблюдая за успехами Мюрата. Он догадался, что Наполеон должен быть наконец убежден в необходимости оставить Москву, и решил, что во всяком случае ему не следует отступать в направлении Калуги. Генералу Беннигсену было приказано атаковать Мюрата 18 октября у Виньково, и результат был решительно в пользу русских, в руках которых оставалось около 3000 пленных и сорок артиллерийских орудий. Канонада была слышна в Кремле, и как только новость дня дошла до Наполеона, он принял решение двинуть всю свою армию на поддержку неаполитанского короля. В тот же вечер несколько дивизий были приведены в движение; сам он во главе других покинул Москву 19-го; и метрополия была полностью эвакуирована утром 22-го. Русские войска

вошли в него сразу после этого, как раз вовремя, чтобы сохранить Кремль, который был подорван и который пытались взорвать в последнем приступе ярости; и в течение нескольких часов патриотически настроенные крестьяне настолько полностью разгромили Наполеона, что город кишел людьми, а все рыночные площади были забиты всевозможными припасами. В императорских бюллетенях сообщалось, что "Москва была признана неподходящей военной позицией", что армии "необходимо дышать на более широком пространстве". Однако поспешность, с которой французы отступали, была такова, что они оставили своих больных и раненых на милость русских; и все же тысячи повозок, груженных московской добычей, сопровождали и затрудняли их продвижение.

Теперь Кутузов понял, что ему следует ожидать нападения кого-то более могущественного, чем Мюрат. Русский генерал занял позицию у Тарутино, на старой дороге на Калугу (центральной из трех почти параллельных маршрутов), настолько сильную по своей природе и настолько усовершенствованную искусством, что Наполеон считал безнадежным атаковать его там. Поэтому он сделал боковое движение и двинулся дальше по западной дороге, имея в виду, миновав Тарутино, снова нанести ответный удар по центральной дороге и таким образом оказаться между Кутузовым и Калугой. Древнерусский, однако, разгадал этот план и немедленно, совершив маневр точно такого же рода — двинувшись на восток, а оттуда снова вернувшись в центр, — сорвал его. Французский авангард, выполнив первую часть своих приказов и вернув себе среднюю дорогу в тылу Тарутино, продвинулся без сопротивления до Малоярославца и занял этот город. Но в полночь они подверглись яростной атаке внутри него и были отброшены обратно за реку Лоуджа, где расположились бивуаком передовые дивизии армии. Ранним утром французы отбили Малоярославец на острие штыка, и большая часть дня была проведена в череде упорных боев, в ходе которых город пять раз менял хозяев. Вечером Наполеон подошел со своими основными силами. Он обнаружил, что его войска действительно овладели этим местом; но за ним, как сообщили ему его генералы, теперь находился Кутузов со всей своей армией, и это на позиции, по крайней мере, такой же сильной, как у Тарутино, которую он сам считал неприступной.

Штаб-квартира императора находилась в убогой и грязной хижине бедного ткача, и здесь между Мюратом и Даву завязался гневный спор; первый настаивал на необходимости немедленного нападения на русских, в то время как второй заявил, что такая попытка достойна безумца. Император выслушал их в мрачном молчании и заявил, что утром он сам вынесет решение. Он отпустил их всех и, если Сегюру можно верить, провел ночь в сильном волнении; то вставая, то снова ложась, беспрестанно крича, но отказываясь впускать кого—либо за временную матерчатую ширму, скрывавшую его личность от глаз слуг. Это был первый случай, когда Бонапарт выдал своим поведением то мрачное предчувствие, которое поселилось в его душе с тех пор, как он увидел пламя Москвы.

На рассвете он прошел мимо Луджи с несколькими сопровождающими, чтобы разведать позицию Кутузова. Едва он пересек мост, как отряд казаков Платова, бешено скача и сметая перед собой несколько разрозненных отрядов французов, налетел прямо на императора и его свиту. Наполеона уговаривали искать спасения в бегстве, но он обнажил шпагу и занял пост на берегу у дороги. Дикие копейщики, жаждущие добычи, ринулись прямо под ним и, раздев нескольких солдат, снова на полной скорости ретировались к своему убежищу, не заметив бесценной добычи. Император наблюдал за их отступлением и продолжал разведку. Он был удовлетворен тем, что Даву рассудил правильно.

Он предпринял еще одну попытку прорваться на юг у Медыни; но и здесь он был отброшен и вынужден отказаться от попытки. Тем временем армия, занявшая Москву, начала посылать своих казаков ему в тыл. Одним словом, стало очевидно, что если и следует настаивать на отступлении, то теперь оно должно быть в направлении Веррейи и Смоленска, то есть через те же провинции, которые были полностью опустошены в начале кампании.

Кутузов, то ли просто охваченный на мгновение тем смутным чувством, которое до сих пор вызывало имя Бонапарта, или потому, что он знал о еще лучшей позиции ближе к Калуге, на самом деле отступал со своего опорного пункта за Малоярославцем в тот момент, когда французы начали отходить от Лухи. Однако, как только об этом движении стало известно, русские осознали степень замешательства своего противника; и Платов с казаками получил приказ держаться вплотную к французскому тылу, в то время как Милародович с 18 000 человек двинулся прямо на Вязьму; а основная армия, выбрав параллельный и более короткий, хотя и менее практичный маршрут, также двинулась маршем с целью наблюдать за отступлением на Смоленско.

Когда Бонапарт собирался покинуть Веррейю, к нему привели пленного генерала Вицингероде. Этот офицер подошел к Кремлю, прежде чем тот был оставлен, с флагом перемирия, с целью заключить некоторые соглашения относительно раненых французов; и, как следует предполагать, отговорить отступающий гарнизон от разрушения цитадели. Однако он был немедленно помещен под арест и поспешил удалиться вместе с маршем противника. Наполеон, чей нрав к этому времени перешел в неуправляемую ярость, обвинил генерала в том, что он предводитель казаков, и пригрозил немедленно расстрелять его как разбойника. Вицингероде ответил, что "он командовал не казаками, а частью регулярной армии; и что, будучи русским солдатом, он всегда был готов к французской пуле". Наполеон, выяснив теперь имя, страну и звание своего пленника, продолжал гневными восклицаниями: "Кто вы? Человек без родины — Ты всегда был моим врагом — Ты был в рядах австрийцев при Аустерлице — теперь я нахожу тебя в рядах русских! Тем не менее, вы уроженец Рейнской конфедерации — следовательно, мой подданный — и мятежник. — Схватите его, жандармы! Пусть предатель предстанет перед судом. Приближенные императора были достаточно мудры, чтобы предвидеть последствия такого насилия, если оно будет продолжаться: они вмешались, и Вицингероде был отправлен в качестве военнопленного в Смоленск.^[62]

28 октября сам Наполеон с 6000 отборной кавалерией двинулся в направлении Смоленска; забота о подтягивании основных сил была возложена на Богарнуа, в то время как Ней командовал арьергардом. С начала этого марша не проходило и дня, чтобы какое-нибудь новое бедствие не постигло эти доселе непобедимые легионы. Казаки Платова напали на одну дивизию под Колоцком, близ Бородино, 1 ноября и нанесли им полное поражение. Вторая дивизия была атакована на следующий день, и почти с таким же успехом, иррегулярными войсками графа Орлова Денизова. 3-го числа Милародович достиг главной дороги близ Вязмы и, разгромив Нея, Даву и Богарнуа, прогнал их через город, в который он вошел под бой барабанов и развевающиеся знамена, и проложив для остальной армии проход по трупам врага. После этого Богарнуа отделил свою дивизию от остальных и попытался пробиться к Витепску через Душовчину, а Платов последовал за ним, в то время как Милародович продолжил преследование по главной дороге. Разделение войск, оказавшихся в таком затруднительном положении, является достаточным доказательством того, что они уже жестоко страдали от нехватки продовольствия; но их страдания должны были вот-вот усилиться из-за

прибытия нового врага. 6 ноября русская зима окончательно вступила в свои права; и с тех пор, между тяжелыми колоннами регулярных войск, которые со всех сторон наблюдали за ними и угрожали им, продолжающимися атаками казаков, которые тучами висели вокруг них днем и ночью, нападая на каждый отдельный отряд, тревожа каждый бивуак, разрушая мосты впереди и уничтожая каждого отставшего от них, и ужасной суровостью климата, мороза, снега, ветра — страдания этой некогда великолепной армии были таковы, что не поддавались никакому описанию.

Свидетельства российских властей, французских очевидцев, которые впоследствии рассказали эту историю, и, следует добавить, знаменитого "двадцать девятого бюллетеня" самого императора согласуются друг с другом. Огромный обоз артиллерии, который Наполеон настоял на том, чтобы вывести из Москвы, вскоре был сокращен, а дороги были завалены городскими трофеями, оставленными по необходимости из-за выхода из строя транспортных средств. Лошади, которых месяцами плохо кормили, были совершенно неспособны противостоять совокупному воздействию холода и усталости. Они тонули и коченели сотнями и тысячами. Умиравшие от голода солдаты убивали других этих животных, чтобы те могли напиться их теплой крови и завернуться в их еще вонючие шкуры. Дисциплина в этих жалких отрядах исчезла. Ней действительно смог удержать вместе несколько батальонов арьергарда и показать преследователям смелый вид — сам маршал не брезговал носить огнестрельное ружье и разделял самые тяжелые испытания своих последователей; но в других местах едва ли сохранялась тень военного порядка. Небольшие и разрозненные группы людей двигались, как солдаты, по шоссе — огромное большинство рассредоточилось по льду и снегу, которые покрывали поверхность полей по обе стороны, и время от времени выдерживали быструю и беспощадную атаку казаков.

Богарнуа, тем временем, обнаружил, прежде чем он продвинулся далеко по своему отдельному маршруту, что Витгенштейн, победив последовательно Сен-Сира и Виктора на Двине, уже овладел Витепском. Поэтому вице-король был вынужден повернуть обратно к Смоленской дороге. Платов повернулся вместе с ним и снова привел его в действие, "убив многих, - говорилось в донесении гетмана, - но взяв мало пленных". Итальянская армия, если ее еще можно было назвать армией, смешалась с немногочисленными войсками, которые все еще сохраняли видимость порядка под командованием Нея, прежде чем они появились в поле зрения Смоленска, и передала им свой собственный ужас и замешательство.

Тем временем русская "волынская армия", после того как она была усилена прибытием Чичагова с Дуная, смогла (как мы уже намекали) сломить все сопротивление Шварценберга и Ренье; оттеснила их войска перед собой и овладела большим складом Наполеона, Минском, из которого они могли надеяться вскоре установить связь с Витгенштейном. Армии Витгенштейна и Чичагова, таким образом, должны были вот-вот выйти на связь друг с другом и овладеть теми пунктами, в которых Наполеон, скорее всего, предпринял бы попытку к бегству из Смоленска в Польшу; в то время как основная армия, продвигавшаяся бок о бок с французами, была теперь размещена к юго-западу от Смоленска, в готовности прервать марш противника, когда того пожелает Кутузов; наконец, Милародович и Платов держались вплотную позади и с каждым часом редели жалкие отряды, у которых больше не было мужества, и они были вынуждены отступить., как и, по большей части, никакого оружия, с помощью которого можно было бы противостоять им. Но весь масштаб этих несчастий не был известен ни одному из французских

генералов, ни даже самому Наполеону, в то время, когда Богарнуа и Ней наконец вошли в Смоленск.

Название этого города до сих пор было единственным заклинанием, которое сохраняло хоть какую-то надежду у солдат при отступлении. Там, как им сказали, они должны найти еду, одежду и всевозможные припасы; и там, снова собравшись под оком императора, они быстро примут облик, на который не осмелился бы отважиться ни один из северных варваров.

Но эти ожидания были жестоко опровергнуты. Смоленск был, как мы видели, почти полностью разрушен русскими в начале кампании. Его разрушенные стены давали лишь скудное убежище изголодавшимся и продрогшим беглецам, а собранных там провизии было настолько недостаточно для нужд данного случая, что по прошествии нескольких дней Бонапарте оказался перед необходимостью еще раз возобновить свой губительный поход. Он до сих пор не получил никаких сведений о взятии Минска Чичаговым. Соответственно, именно в этом направлении он решил форсировать свой переход в Польшу.

Хотя великая армия насчитывала 120 000 человек, когда покидала Москву, и, кроме того, фрагменты различных дивизий встретились с императором при Смоленске, было очень трудно собрать 40 000 человек в состоянии, хоть сколько-нибудь напоминающем боевую готовность. Их Наполеон разделил на четыре колонны, почти равные по численности: первой, в которую входили 6000 человек императорской гвардии, он сам принял командование и двинулся с ней к Красному, первому городу на пути к Минску; вторым корпусом командовал Эжен Богарнуа; третьим был корпус Даву; а четвертая, предназначенная для опасной службы в тылу и соответственно усиленная 3000 человек гвардии, была вверена героическому руководству Нейя. Император покинул Смоленск 13 ноября, приказав, чтобы другие корпуса последовали за ним 14, 15 и 16 числа соответственно; таким образом, между каждыми двумя дивизиями был дневной переход.

Не подлежит сомнению, что Наполеон, организуя таким образом свой поход, руководствовался насущными трудностями с поиском провизии, а также ослабленным состоянием большей части оставшихся у него войск. Разделение его сил, однако, было настолько полным, что, если бы ему противостоял генерал, соответствующий случаю, его полной и немедленной гибели вряд ли удалось бы избежать. Но Кутузов, по-видимому, исчерпал большую часть своей отваги при Бородино и с тех пор придерживался плана уклонения от сражения — изначально мудрого и необходимого — с упорством, отдающим суеверием. Следует признать, что до сих пор, терпя климат, из-за которого численность его противника истощалась, и просто усугубляя страдания стихийной войны своими тучами казаков и случайными атаками других легких войск, он извлекал почти все преимущества, которые могли бы быть получены в результате другого хода событий. Но армия Наполеона уже превратилась в очень малую часть своей первоначальной численности; и даже эта часть теперь была разделена на четыре дивизии, против любой из которых было бы легко сосредоточить превосходящие силы. По-видимому, общепризнано, что имя Наполеона спасло ту часть его войска, которая в конце концов бежала с территории России; одним словом, если бы Кутузов смог избавиться от того благоговейного трепета, который был вызван сотней побед, сам император должен был бы либо погибнуть на каком-нибудь кровавом поле между Смоленском и Березиной, либо вернуться в качестве пленника в глубь страны, в которую тремя месяцами ранее он вторгся во главе полумиллиона воинов.

Он сам со своей колонной беспрепятственно добрался до Красного, хотя вся русская армия, двигавшаяся параллельной дорогой, внимательно наблюдала за его маршем. Юджин, следовавший за ним, был, однако, перехвачен по пути Милародовичем и, доблестно выдержав схватку с очень непропорционально большим числом людей и ужасную канонаду, в конце концов был спасен только наступлением ночи. В темноте вице-король совершил долгий и опасный крюки присоединился к императору в Красном 17-го числа. Во время этого ночного марша они столкнулись с отрядами другой колонны Кутузова и были обязаны своим спасением расторопности польского солдата, который ответил на вызов по-русски. Потери, однако, были серьезными; две передовые дивизии, теперь объединенные в Красном, насчитывали едва ли 15 000 человек.

Наполеон больше всего стремился обеспечить переправу через Днепр у Лядов и немедленно передал Евгению командование авангардом с приказом выступить в этот пункт; но потери, понесенные его зятем, предупредили его об абсолютной необходимости подождать в Красном, пока Даву и Ней не смогут присоединиться к нему. Поэтому он решил остаться с 6000 гвардейцев и другим корпусом численностью в 5000 человек, какие бы цифры Кутузов ни пожелал выставить против него. Он обнажил свой меч и сказал: "Я достаточно долго играл в императора — я должен снова стать генералом".

Тщетно уговаривали Кутузова воспользоваться этой возможностью и обрушить непреодолимую силу на французские позиции. Ветеран командовал канонадой - и, поскольку у него было хорошо размещено 100 артиллерийских орудий, ряды противника значительно поредели. Но, за исключением одной или двух отдельных кавалерийских атак, он не рискнул на более близкое столкновение; и Наполеон удерживал свои позиции перед лицом всего этого воинства до наступления ночи, когда дивизия Даву, окруженная и преследуемая бесчисленным количеством казаков, наконец смогла снова собраться вокруг его штаба.

Однако он с огорчением узнал, что Ней, вероятно, все еще находится в Смоленске и что русские войска двинулись к Лядам с намерением снова перехватить Юджина. Поэтому император еще раз разделил свои силы — лично выступил на поддержку Богарнуа и захватил Лиады — и оставил Даву и Мортье продержаться как можно дольше в Красном, в надежде, что к ним присоединится Ней. Однако задолго до того, как этот доблестный вождь смог достичь этого пункта, русские, как будто отсутствие Наполеона сразу восстановило всю их энергию, бросились вниз и навязали Даву и Мортье сражение, которого император тщетно добивался. На этом роковом поле боя французы оставили сорок пять пушек и 6000 пленных, не считая убитых и раненых. Остальным с трудом удалось бежать в Ляды, где Наполеон еще раз принял их и переправился через Днепр.

Ней, тем временем, во исполнение прощальных указаний своего господина взорвав все, что осталось от стен и башен Смоленска, наконец привел в движение свой арьергард и двинулся к Красному, не подвергаясь преследованиям со стороны никого, кроме Платова, казаки которого вошли в Смоленск прежде, чем он смог полностью оставить его. Поле, усеянное многими тысячами трупов, достаточно убедило его в том, что обреченную армию постигло новое бедствие. Тем не менее, он продолжал продвигаться по следам тех, кто таким образом разгромил Даву и Мортье, и не встречал серьезных препятствий, пока не достиг оврага, в котором протекает речушка Лосмина. На земле лежал густой туман, и Ней был почти на краю оврага, прежде чем он заметил, что он весь окружен русскими, в то время как на

противоположных берегах виднелась длинная линия батарей, специально расставленных, а все холмы позади были покрыты войсками.

Появился русский офицер и призвал Нея капитулировать. "Маршал Франции никогда не сдается", - был его бесстрашный ответ; и тотчас же батареи, находившиеся всего в 250 ярдах от него, обрушили чудовищный шквал картечи. У Нея, тем не менее, хватило смелости нырнуть в овраг, расчистить проход через ручей и атаковать русских под прицелом их орудий. Его небольшой отряд был отброшен со страшной резней; но он время от времени возобновлял свои усилия в течение дня, а ночью, хотя и значительно уменьшившись численно, все же занимал свою первоначальную позицию перед лицом целой армии, вставшей между ним и Наполеоном.

Император к этому времени потерял всякую надежду когда-либо снова увидеть что-либо из своего арьергарда. Но в течение последующей ночи Ней совершил побег; история войн также не представляет большого количества подобных примеров, когда, казалось бы, непреодолимые трудности преодолевались союзом мастерства и доблести. Маршал свернул свой бивуак в полночь и двинулся обратно из Лосмины, пока не наткнулся на другой ручей, который, как он заключил, тоже должен впадать в Днепр. Он последовал за этим проводником и, наконец, добрался до большой реки в том месте, где она была покрыта льдом, хотя и таким тонким, что лед прогибался и потрескивал под ногами людей, которые пересекали ее гуськом. Повозки, груженные ранеными, и те огромные орудия, которые все еще оставались у Нея, были слишком тяжелы для этого хрупкого моста. Они пытались пройти в разных местах и один за другим спускались вниз под крики умирающих и стоны зрителей. Казаки к этому времени с трудом отстали и подобрали много отставших, не считая больных. Но Ней добился своей великой цели: 20-го числа он со своим небольшим и преданным отрядом снова присоединился к императору в Орксе. Наполеон принял его в свои объятия, приветствовал как "храбрейшего из храбрых" и заявил, что отдал бы все свои сокровища, чтобы быть уверенным в его безопасности.

Император снова был во главе своей объединенной "великой армии", но это название уже стало шуткой. Между Смоленском и Днепром русские захватили 228 орудий и 26 000 пленных; и, одним словом, собрав 40 000 боеспособных людей при выходе из Смоленска, Наполеон мог насчитать только 12 000 после того, как Ней присоединился к нему в Орксе. Из них было всего 150 кавалеристов; и, чтобы исправить этот недостаток, офицеры, все еще имевшие лошадей, в количестве 500 человек, были теперь сформированы в "священный отряд", как его называли, для немедленного присутствия при особе императора. Небольшая частица его некогда гигантской силы не успела восстановить что-то вроде порядка и дисциплины, как она снова была приведена в движение.

Но едва император перешел Днепр, как он получил известие о падении Минска и последующем отступлении Шварценберга к Варшаве. Следовательно, необходимо было изменить его план и форсировать проход в Польшу к северу от этого огромного склада. Более того, необходимо было сделать это, не теряя времени, поскольку император хорошо знал, что Витгенштейн добился такого же успеха на своем правом фланге, как и Чичагов на левом; и что эти генералы могли вскоре установить, если уже не установили, связь друг с другом и быть готовыми объединить все свои силы для защиты следующей большой реки на его пути — Березины.

Едва Наполеон решил попытаться перейти эту реку у Боризова, как, в довершение всех своих затруднений, он получил известие, что Витгенштейн разбил там Домбровского и сохранил за собой город и мост. Виктор и Удино, действительно, немедленно выдвинулись на помощь

Домбровскому и снова взяли Боризов; но Витгенштейн сжег мост, прежде чем он снова переправился через Березину. Каким бы несовершенным ни был успех Виктора, Наполеон узнал о нем не сразу. Он решил перейти Березину выше по течению, у Студзянска, и немедленно бросился в огромные леса, граничащие с этой рекой, применяя все уловки, с помощью которых его враги могли быть сбиты с толку относительно непосредственной цели его похода.

Его 12 000 человек, храбрых и решительных, но больше не сохранявших ни в своей одежде, ни, если не считать звука трубы, в поведении солдатского облика, петляли по этим темным лесам, когда внезапно воздух вокруг них наполнился звуками, которые могли исходить только от марша какого-то гораздо большего войска. Они готовились к худшему, когда оказались перед авангардом объединенной армии Виктора и Удино, которая, действительно, потерпела поражение от Витгенштейна, но все еще насчитывала 50 000 человек, полностью экипированных и почти не пошатнувших дисциплину. С какими чувствами, должно быть, эти войска смотрели на жалкие полуголодные и полуобнаженные остатки той "великой армии", их собственный отряд, выход из-под знамен которой всего несколько месяцев назад наполнял сожалением каждую душу среди них!

Перебив жидкие остатки своей московской армии в эти батальоны, Наполеон продолжил теперь свой марш на Студзянку; употребив, однако, все свое остроумие, чтобы убедить Чичагова в том, что он намеревался перейти Березину в другом месте, — и это с таким успехом, что Чаплиц с русским арьергардом оставил сильную позицию, господствующую над рекой, в ту же ночь, которая предшествовала его появлению там. Были возведены два моста, и Удино успел перейти их, прежде чем Чаплиц осознал свою ошибку и снова вернулся в сторону Студзянска.

Обнаружив, что переправа уже началась и что из-за узости единственных двух мостов она должна продвигаться медленно, Чичагов и Витгенштейн разработали совместный план атаки. Последний еще раз перешел на восточный берег реки и, полностью отрезав одну дивизию из 7000 человек под командованием Партонне, недалеко от Боризова, двинулся в направлении Студзянска. Платов и его неутомимые казаки присоединились к Витгенштейну в этом марше, и они прибыли задолго до того, как арьергард Наполеона смог форсировать реку. Но операции по другую сторону Березины проводились гораздо менее рьяно и умело. Тщетно уговаривали Чичагова оказать действенную поддержку Чаплицу; тот атаковал перешедших французов и, будучи отброшен Удино, оставил им в неприкосновенности не только мосты на Березине, но и длинный ряд деревянных мостовых, протянувшихся на многие мили за реку, через глубокие и опасные болота, и которые, будучи сложены из старого сухого дерева, потребовались бы, по словам Сегюра, "чтобы уничтожить их полностью, всего лишь несколько искр из казачьих трубок".

Несмотря на это пренебрежение и совершенно необычное поведение Кутузова, который все еще упорно шел параллельно Наполеону и отказывался рисковать дальнейшими атаками, переход Березины был одной из самых страшных сцен, занесенных в летописи войны. Виктор с тыловым подразделением, состоящим из 8000 человек, все еще находился на восточной стороне, когда Витгенштейн и Платов появились на высотах выше. Все еще многочисленная прислуга лагеря, толпы больных, раненых и женщин, а также большая часть артиллерии находились в таком же положении. Когда русская пушка начала стрелять по этой толпе, сбившейся в кучу у берега, и каждый с тревогой ожидал, что вот-вот пройдет очередь, по ним

пробежал крик крайнего ужаса, и мужчины, женщины, лошади и повозки разом, все скопом, бросились по мостам. Самый большой из них, предназначенный исключительно для повозок и пушек, вскоре сломался, сбросив все находившееся на нем в темный и наполовину замерзший ручей. Крик, раздавшийся в этот момент, по словам одного из слышавших его, "неделями не покидал моих ушей; он был слышен ясно и громко, перекрывая крики казаков и грохот артиллерии". Оставшийся мост был теперь единственным ресурсом, и все без разбора пытались закрепиться на нем. Теснимые, растоптанные, вытесненные с уступов, изрубленные друг другом и растерзанные непрекращающимся ливнем русской канонады, они падали и умирали тысячами. Виктор храбро стоял на своем до позднего вечера, а затем повел свое подразделение через мост. Там все еще оставалось большое количество иррегулярной прислуги, не считая тех солдат, которые были ранены во время сражения, а также орудий и повозок с багажом, которых хватило бы, чтобы покрыть большой луг. Французы теперь подожгли мост, и все они были брошены на произвол судьбы. В российском отчете говорится, что, когда Березина оттаяла после зимних морозов, в ее русле было найдено 36 000 тел.

Вскоре к Чаплицу присоединились в его погоне за выжившими Витгенштейн и Платов, и ничто не могло спасти Наполеона, кроме неожиданного прибытия свежей дивизии под командованием Мезона, посланной вперед из Польши Маретом, герцогом Бассано.

Но суровая зима стала теперь невыносимой, и страдания набранной таким образом армии были таковы, что дисциплина вскоре исчезла, за исключением нескольких тысяч стойких ветеранов, на чей дух император и Ней сохраняли некоторое влияние. Атаки казаков продолжались по-прежнему: войска часто совершали свой марш ночью, при свете факелов, в надежде спастись от своих безжалостных преследователей. Когда они останавливались, они засыпали сотнями, чтобы больше не просыпаться. Враги находили их замерзшими насмерть вокруг пепла их сторожевых костров. Говорят, среди прочих ужасов, что не раз они находили бедных, измученных голодом негодяев, пытающихся поджарить мясо своих мертвых товарищей. При столь устрашающих сценах завеса не должна быть полностью опущена. Такова цена, за которую честолюбцы без колебаний покупают даже шанс на то, что мир еще не перестал называть славой!

Надменный и властный дух Наполеона не утонул перед всеми этими невзгодами. Он делал вид, что не замечает их, насколько это было возможно. Он по-прежнему отдавал приказы так, как будто его армия во всех ее подразделениях была единой, и рассылал в Париж бюллетени, извещавшие о череде побед. Когда его офицеры пришли сообщить ему о каком-то новом бедствии, он резко отпустил их, сказав: "Почему вы нарушаете мое спокойствие? Я не желаю знать никаких подробностей. Почему ты лишаешь меня спокойствия?"

3 декабря он прибыл в Малодечно и объявил своим маршалам, что новости, которые он получил из Парижа, и неопределенный характер его отношений с некоторыми союзниками делают необходимым, чтобы он без дальнейших проволочек покинул свою армию. Теперь, по его словам, они были почти в пределах видимости Польши; в Вильне они найдут вдоволь всего. Его делом было подготовить дома средства для начала следующей кампании способом, достойным *великой нации*. 5-го числа в Сморгони его встретил вильненский гарнизон; и затем, поручив этим свежим войскам охрану тыла и передав главное командование Мюрату, он, наконец, простился с останками своего войска. Он отправился в путь в полночь *в экипажах* в сопровождении Коленкура, чье имя он взял на себя; за ним последовали еще два транспортных

средства того же типа, в которых находились два высокопоставленных офицера, Рустан, мамелюк, любимец императора, и еще один слуга.

Чудом избежав захвата отрядом русских иррегулярных войск при Юпранони, Наполеон достиг Варшавы с наступлением темноты 10 декабря. Его посол там, аббат де Прадт, который еще не слышал никаких внятных отчетов о ходе событий, был неожиданно навестлен Коленкуром, который резко сообщил ему, что великой армии больше нет. Аббат проводил Коленкура до не приметной гостиницы, где император, закутанный в меховой плащ, быстро расхаживал взад-вперед у недавно разожженного камина. Он был принят с видом веселья, которое на мгновение привело его в замешательство; и продолжил упоминать, что жители Великого герцогства начинают проявлять признаки недовольства и даже желания примириться с пруссакими, под иго которых, как они опасались, им суждено вернуться. Аббат выразил свое собственное удовлетворение тем, что император избежал стольких опасностей. "Опасностей, - воскликнул Наполеон, - не было никаких— Я побеждал русских во всех битвах— Я живу только в опасностях— Королям Кокена подобает спокойно сидеть дома. Моя армия по—прежнему в превосходном состоянии - она будет набрана на досуге в Вильне, и я отправляюсь, чтобы привести еще 300 000 человек из Франции. Я с сожалением покидаю свою армию, но я должен следить за Австрией и Пруссией, и у меня больше веса на троне, чем в штабе. Русские будут безрассудно храбры из—за своих успехов - я разобью их в одном-двух сражениях на Одере и через месяц снова буду на Немане ". Свою речь, насквозь противоречивую, он начал и закончил любимой фразой: "Месяц посол, от возвышенного до смешного всего один шаг".

Возобновив свое путешествие инкогнито, Наполеон прибыл в Дрезден вечером 14 декабря, где король Саксонии тайно посетил его в его гостинице и возобновил свои заверения в верности. Он прибыл в Тюильри 18-го, поздно вечером, после того как императрица удалилась отдыхать. Он вошел в переднюю, к замешательству ее слуг, которые, наконец, узнали его по крику, пробудившему Марию Луизу ото сна; и Наполеона приветствовали со всей теплотой неослабевающей привязанности.

Армия, которую ее командующий таким образом покинул, продолжала тем временем этот жалкий марш, беспорядок в котором с каждым днем усиливался. Гарнизон Вильно и корпуса Мейзона, объединенные с теми, кто бежал через Березину, могли насчитывать всего 80 000 человек. Прежде чем Мюрат добрался до Вильны, 40 000 из них либо погибли, либо живыми попали в руки своих безжалостных преследователей. В этом городе было в изобилии всевозможных магазинов, и те немногие, кто еще сохранял видимость порядка, вместе с толпами разбитых бродяг в смятении устремились в это место в надежде наконец отдохнуть от своих трудов, поесть и попить, по крайней мере, один день, в мире. Было замечено, как сильные мужчины плакали от радости привиде буханки хлеба. Но едва они получили свой паек, как хорошо знакомое ура Платова снова зазвенело у них в ушах. Они снова обратились в бегство, прихватив с собой тот багаж, который легче всего было привести в движение; но многие пали под копьями казаков, и немало, как говорят, было преднамеренно убито в момент их замешательства их литовскими хозяевами, теми же польскими евреями, которые уже нанесли такой непоправимый ущерб всей армии своим несоблюдением контрактов. Вскоре после этого на дороге опрокинулась повозка, груженная монетами, и солдаты, не обращая никакого внимания на своих офицеров, начали расхищать богатую добычу. Подошли казаки — но их хватило на всех, и друзья и враги разграбили имперскую сокровищницу, в кои-то веки сообщая, без раздоров. Следует отметить, что некоторые солдаты императорской гвардии вернули

деньги, выпавшие на их долю по этому случаю, когда утомительный марш, наконец, подошел к концу.

Они перешли Неман у Ковно, и русские не стали преследовать их на прусской территории. В то время, когда они, наконец, бежали из Польши, их было около 1000 человек с оружием в руках и, возможно, еще 20 000, совершенно разбитых, рассеянных и деморализованных.

Шварценберг, генерал австрийских вспомогательных войск, узнав об уходе Наполеона, заключил перемирие с русскими и постепенно удалился на территорию своего собственного принца. Эти союзники не проявляли особого рвения ни на одном этапе кампании; и их вклад, похоже, был оценен русскими соответственно.

В Курляндии, на левом фланге отступления французов, оставался отдельный корпус Макдональда, с которым было 20 000 пруссаков и 10 000 баварцев и других немцев. Эти пруссаки были отправлены на эту отдельную службу только из опасения их равнодушия к делу захватчиков. Макдональд, узнав о полном разгроме главной армии, начал свой марш на Тильзит. Достигнув этого места, Д'Йорк, командующий пруссаками, отказался больше подчиняться приказам маршала и полностью разделил своих людей, таким образом, взяв на себя ответственность за неподчинение букве приказов своего государя и предвосхитив всеобщий взрыв национальной ненависти, который, как все понимали, долго откладывать было нельзя.

Однако, к великой чести прусского народа, ветхие останки великой армии Наполеона были приняты в стране, которую они во времена своего процветания так бессмысленно оскорбляли, если не с дружбой, то, по крайней мере, с состраданием. Они заняли свои квартиры и некоторое время оставались в безопасности в Кенигсберге и его окрестностях.

Так закончилось вторжение в Россию. В битве на стороне Наполеона было убито 125 000 человек. Усталость, голод и холод привели к гибели 132 000 человек! а русские взяли в плен 193 000 человек, включая сорок восемь генералов и 3000 офицеров полков. Таким образом, общие потери составили 450 000 человек. Орлов и штандартов, оставшихся в руках врага, было семьдесят пять, а пушечных орудий - почти тысяча.

Не считая австрийских и прусских вспомогательных войск, от всего огромного войска, которое Наполеон привел в движение в августе, осталось около 40 000 человек; и из них не 10 000 принадлежали к французской нации.

ГЛАВА XXXII

Заговор Малле—Прием Наполеона в Париже—его военные приготовления—Пруссия объявляет войну—Австрия ведет переговоры с Наполеоном—Бернадетта появляется в Германии—Русские наступают в Силезию—Наполеон возглавляет свою армию в Саксонии—Битва при Лютцене—Битва при Бауцене.

Уже был сделан некоторый намек на известие о политических беспорядках в Париже, которое дошло до Наполеона во время его отступления из Москвы и ускорило его окончательный уход из армии. Происшествие, о котором идет речь, было дерзким заговором, возглавляемым генералом Маллетом. Этот офицер, один из старинной знати, был заключен в тюрьму в 1808 году вследствие его связи с обществом под названием *Филадельфы*, которое, по-видимому, возникло во французской армии в то время, когда Наполеон захватил верховную власть, и которое имело своей непосредственной целью его низложение, в то время как некоторые члены рассматривали восстановление республиканского правительства, а другие, одним из которых был Малле, возвращение королевской семьи Бурбонов. Жители Парижа в течение нескольких недель не получали официальных сведений от великой армии, и слухи о какой-то ужасной катастрофе распространились среди всех классов, когда Малле задумал смелый проект создания консультативного сената, объявления о падении Наполеона в великой битве в России и назначения временного правительства. Совершив эту подделку, генерал сбежал из своей тюрьмы и появился в полной военной форме в сопровождении капрала, одетого как адъютант, в полночь 22 октября 1812 года у ворот казарм Минимса, которые тогда занимали несколько новых и необузданных рекрутов. Дерзость, с которой он требовал от этих людей подчинения указу сенатора, внушала им благоговейный трепет. Он принял командование и немедленно арестовал с их помощью министра полиции Савари и некоторых других главных чиновников столицы. Был вызван генерал Халлин, военный губернатор, который колебался; в этот момент офицер полиции, из-под надзора которого сбежал Маллет, узнал его, и ему немедленно оказали сопротивление, разоружили и заключили в тюрьму. Все дело было закончено в течение нескольких часов, но тот факт, что столь дикий план был так близок к успеху, вызывал достаточную тревогу. Легкость и безразличие, с которыми значительный отряд вооруженных людей в самом центре Парижа перешел на службу к новой власти, провозглашенной незнакомцем, заставили Наполеона с подозрением отнестись к основам своей власти. И, не зная, до каких масштабов на самом деле дошел заговор, он с еще большей тревогой услышал, что не менее двадцати четырех человек, включая лидера, были приговорены к смертной казни. Из стольких людей он был готов поверить, что по крайней мере некоторые были просто обмануты, и опасался, что такое большое кровопролитие может вызвать сильное отвращение в обществе. Парижане наблюдали за казнью этих людей с таким же безразличием, как и за их смелой попыткой; но об этом Наполеон ничего не знал, пока не добрался до Тюильри.

Его приезд, которому предшествовал двадцать девятый бюллетень, наконец приоткрывший завесу над роковыми событиями кампании, восстановил на мгновение видимость спокойствия среди населения, почти каждая семья которого потеряла сына или брата. Таково было влияние, которое все еще было связано с его именем. Император был в безопасности. Каким бы великим ни было нынешнее бедствие, надежда оставалась. Стихии, как их учили верить, не просто активизировались и усилились, но и полностью стали причиной поражений армии. Русская зима была единственным врагом, который смог одержать победу над его гением и доблестью французов. Сенат, магистраты, все те общественные организации и функционеры, у которых

были средства приблизиться к трону, теперь толпились у его подножий с речами, полными лести, но более дерзкими, чем когда-либо прежде. Аплодисменты, поздравления и уверенность, раздававшиеся со всех сторон, заглушили шепот подозрений, негодования и естественной печали. Каждое подразделение государственной службы, казалось, было проникнуто духом десятикратной активности. Были запрошены новые призывы, и они были приняты. Полки прибыли из Испании и Италии. Каждый арсенал гремел подготовкой новой артиллерии — тысячи лошадей были поражены в каждой провинции. Прошло не так много недель. Наполеон снова оказался в состоянии выступить на поле боя с не менее чем 350 000 солдатами. Таков был эффект его нового обращения к национальным чувствам этого великого и доблестного народа.

Тем временем французские гарнизоны, рассредоточенные по территории Пруссии, были совершенно неспособны внушить благоговейный страх этой угнетенной и оскорбленной нации, теперь горящей неутоленной жадью и давно отложенной надеждой на месть. Король действительно воспользовался своей властью, чтобы защитить солдат Наполеона от народного насилия; но вскоре стало очевидно, что их безопасность должна зависеть от того, сосредоточатся ли они в небольшом количестве укрепленных мест; и что даже если бы Фридрих Вильгельм искренне стремился сохранить свой союз с Францией, вскоре для него стало бы невозможным противиться единодушным желаниям своего народа. Мюрат уже устал от своего командования. Он обнаружил, что ему мешают и им управляют другие генералы, ни один из которых не уважал его авторитет; и один из них, когда ему случилось говорить о себе в одном тоне с государями Австрии и Пруссии, ответил без церемоний: "Вы должны помнить, что они короли милостью Божьей, по происхождению и обычаям; тогда как вы всего лишь король милостью Наполеона и пролитой французской кровью". Более того, Мюрат ревновал к тому, до какой степени считалось, что его королева играет роль суверена в Неаполе, и он сложил с себя командование; его сменил Эжен Богарнуа, и сам Наполеон снова оскорбил его общим приказом, в котором объявлялось об этой перемене и в качестве ее причин назывались превосходное военное мастерство вице-короля и его "полное доверие императора". Евгений принял командование в тот момент, когда стало очевидно, что Фридрих Вильгельм больше не сможет, даже если бы захотел, подавлять всеобщий энтузиазм своего народа. 31 января король бежал в Бреслау, в окрестностях которого не было ни одного французского гарнизона, водрузил свое знамя и призвал нацию взяться за оружие. После чего Евгений удалился в Магдебург и заперся в этой огромной крепости с таким количеством войск, какое только смог собрать к западу от Эльбы.

Прошло шесть лет с рокового дня под Йеной; и, несмотря на всю бдительность наполеоновской тирании, прусская нация в значительной мере восстановила свою энергию. Теперь народ откликнулся на призыв своего любимого принца, как сердцем и голосом одного человека. Молодежь всех рангов, от высших до низших, без разбора стекалась под знамена: студенты университетов формировались в батальоны, во главе которых во многих случаях маршировали их преподаватели. Женщины бросали свои безделушки в королевскую сокровищницу, джентльмены расплавляли свою посуду, Англия щедрой рукой сыпала свое золото. Быстрота, с которой была установлена дисциплина среди собранных таким образом крупных рекрутов, вызвала всеобщее изумление. Это говорило о сильном и совершенном рвении, с которым народ, от природы воинственный, посвятил себя священному делу независимости. Как только император России узнал об этом великом движении, он решил наступать в Силезию. Замаскировав несколько французских гарнизонов в прусской Польше и захватив другие, он

двинулся со своей основной армией на поддержку Фридриха Вильгельма. Был некоторый риск в том, чтобы оставить за собой значительное количество вражеских крепостей и свою собственную границу; но он встретил это с радостью, вместо того чтобы позволить пруссакам выстоять в одиночку при первом наступлении Наполеона, о обширных приготовлениях которого была хорошо осведомлена вся Европа. Два государя, издавна привязанные друг к другу самыми теплыми чувствами личной дружбы, хотя в последнее время железная сила обстоятельств вынуждала их скрывать враждебность, встретились в Бреслау 15 марта. Слезы потекли по щекам Фридриха Вильгельма, когда он упал в объятия Александра. "Вытри их, — сказал царь. - Это последние слезы, которые Наполеон заставит тебя пролить".

После смерти престарелого Кутузова командование русской армией перешло к Витгенштейну; в то время как командование пруссаками было поручено лидеру, чье имя приветствовалось как верный залог неустанной деятельности и неукротимого упорства. Это был Блюхер, офицер, первоначально обучавшийся у великого Фридриха, чье образцовое поведение после битвы при Йене уже упоминалось. Храбрый старик после той катастрофы жил в полном уединении. Солдаты задолго до этого присвоили ему *военный титул маршала Форвардов*, и они услышали о его назначении со всеобщим восторгом. Пристрастившийся к выпивке, курению и азартным играм, мало знакомый с высшими отраслями военного искусства, Блюхер поначалу вызывал презрение Наполеона. Но его технические недостатки с избытком восполнялись мастерством Шарнфорста, а затем и Гнейзенау; и он сам обладал таким влиянием на умы своих людей в день сражения и, несомненно, так быстро спланивал их после поражения и так горячо побуждал их действовать, когда фортуна была более благоприятной, что вскоре император был вынужден признать, что никто не доставлял ему столько хлопот, как этот "развратный старый драгун". Блюхер ненавидел самые имена Франции и Бонапарта лютой ненавистью; и, когда ему снова позволили обнажить шпагу, он поклялся никогда не вкладывать ее в ножны, пока месть Пруссии не свершится.

Наследный принц Швеции высадился с 35 000 человек в Штральзунде и продвигался через Мекленбург, в то время как государи России и Пруссии сосредоточивали свои армии в Силезии. Было объявлено и ожидалось, что немецкие войска присоединятся к Бернадоту, чтобы дать ему возможность начать кампанию на нижней Эльбе с отдельной армией численностью в 100 000 человек. Лорд Веллингтон собирался снова двинуться в Испанию со своими победоносными ветеранами. Таким образом, три великие армии, две из которых могли легко сообщаться друг с другом, выступили против него одновременно; и все же гордость или упрямство Наполеона были таковы, что он не пошел бы ни на какие жертвы, чтобы заручиться помощью Австрии. Он по-прежнему придерживался своего решения не заключать никакого общего мира, который не признавал бы Иосифа королем Испании; и категорически отказывался слушать какие-либо предложения, которые включали уступку либо Иллирии, либо Тироля. Прежде чем снова покинуть Париж, он назначил Марию Луизу регентшей в свое отсутствие; но это обстоятельство вряд ли имело большое значение для нерешительных советов австрийца.

Пока шли военные приготовления Наполеона, он предпринял попытку примирить ту многочисленную группу своих подданных, которые до сих пор холодно смотрели на него как на притеснителя главы католической церкви. Во время своего отсутствия в России папа римский был снова перевезен в Фонтенбло, где теперь он занимал апартаменты во дворце под строгим *наблюдением* полиции. 13 января император внезапно предстал перед святейшим отцом в своем охотничьем наряде и проявил свои таланты с таким успехом, что в конце концов

были составлены предварительные статьи нового конкордата. Но в своем стремлении произвести благоприятное впечатление на католическую общественность Наполеон опубликовал эти предварительные статьи, как если бы они составляли определенный и ратифицированный договор; и Пий, возмущенный таким поведением, которое он считал в равной степени ложным и непочтительным, немедленно объявил о своем решении прекратить переговоры дальше.

Однако папа был единственным человеком во Франции, который пока еще осмеливался открыто противостоять ярости Бонапарта. По мере приближения времени, когда он, как ожидалось, снова примет командование своей армией в полевых условиях, число обращений его явно преданных подданных увеличивалось, и еще больше увеличивалась расточительность их лести.

Наполеон покинул Париж в середине апреля и 18-го достиг берегов Заале; где к войскам, которые он собирал и организовывал во Франции, теперь присоединились Эжен Богарнуа и гарнизон Магдебурга. Было известно, что царь и его прусский союзник находятся в Дрездене; и вскоре выяснилось, что, пока они обдумывали поход на запад, на Лейпциг, французы намеревались двинуться на восток с целью закрепления за собой этого великого города. Из армий, которым, таким образом, предстояло встретить удар друг друга в сердце Саксонии, нет сомнения, что армия Бонапарта была значительно многочисленнее. Его деятельность была достойна его репутации; и войско численностью около 200 000 человек уже было сосредоточено для действий, в то время как резервы почти в таком же количестве постепенно формировались позади него на Рейне. Русские еще не выдвинули более половины своих располагаемых войск за Вислу — кто бы ни был виноват, таков был факт; у пруссаков, какими бы единокрушными ни были их патриотизмы, было всего три месяца на реорганизацию своих учреждений. При таких обстоятельствах продвижение союзников за Эльбу могло быть вызвано только их горячим желанием разжечь дух восстания в королевстве Саксония и соседних государствах. Очевидно, в интересах Наполеона было ввести их в бой, пока их численность была столь неравной, и до того, как могла быть реализована единственная цель их рискованного наступления.

Армии встретились раньше, чем он смел надеяться, первого мая близ города Лютцен, прославленного уже как место битвы, в которой погиб король Густав-Адольф. Союзники переправились через Эльстер внезапно, под прикрытием густого утреннего тумана, и атаковали левый фланг французов, которые наступали колонной и, таким образом, начали бой в невыгодных условиях. Но император так искусно изменил расположение своей армии, что еще до исхода дня союзники больше боялись оказаться обреченными на гибель в пределах двух его флангов, чем надеялись прорваться и уничтожить ту часть его сил, которую они первоначально атаковали и ослабили и которая теперь стала его центром. Ночь прервала конфликт. На следующее утро они отступили, оставив поле боя за Наполеоном. Но на этом преимущество закончилось. Убитых в одной армии было не больше, чем в другой; и союзники, убежденные в своей ошибке, но не сломленные и не обескураженные, неторопливо отступили к Лейпцигу, оттуда к Дрездену и, наконец, через Эльбу к Бауцену, не оставив французам ни пленных, ни орудий. Победа при Лютцене была прославлена за границей как восстановившая всю свою славу орлу Наполеона; но он ясно понимал, что прошли те дни, когда одно-единственное сражение определяло судьбу кампании и империи. Именно при Лютцене погиб маршал Бессьер.

Наполеон вступил в Дрезден 6-го, а 12-го к нему присоединился король Саксонии, который, безусловно, лично выиграл от своего союза и который все еще придерживался его вопреки желаниям как своего народа, так и своей армии. Саксонские войска, которые до этого колебались, снова подчинились, чтобы действовать заодно с французами; и Гамбург, который участвовал в движении Пруссии, и вся страна слева от Эльбы на некоторое время снова оказались в их руках. Жестокость, с которой, в частности, маршал Даву отомстил жителям Гамбурга за отступление, вызвала стойкое отвращение к имени этого способного, но бессердечного спутника Наполеона. Все зверства Жюно и Массены в Португалии в 1808 и 1809 годах были сравнимы со зверствами Даву на берегах Эльбы летом 1813 года.

Пока император задерживался в Дрездене, Ней проводил различные демонстрации в направлении Берлина с целью побудить союзников оставить Баутцен; но вскоре стало очевидно, что они решили пожертвовать столицей Пруссии, если это будет необходимо, а не отказаться от своих позиций; придерживаясь которых, они хорошо знали, Бонапарт в конечном итоге будет вынужден ввести свои главные силы в труднодоступную и гористую местность, вместо того чтобы действовать на открытых равнинах Саксонии и Бранденбурга. Более того, они желали остаться в окрестностях Богемии по другой причине. Австрийский император снова возобновил свои переговоры с Наполеоном, убеждая его принять его посредничество для заключения всеобщего мира и в то же время давая ему понять, что такой мир не может быть достигнут, если он не согласится довольствоваться границей по Рейну и эффективно восстановить независимость немецкой нации. Соповещения Наполеона с австрийским посланником Бубной были частыми и продолжительными; но они закончились там, где начались. Однако он был прекрасно осведомлен о том, что император Франциск значительно наращивал свой военный потенциал и что большая часть войск уже была сосредоточена за гористой границей Богемии. Он не мог не видеть, что Австрия считала себя способной и вправе склонить чашу весов на ту сторону, которую она выберет; и он решил сокрушить армию, отступившую из Лютцена, прежде чем церемонный венский кабинет успеет прийти к четкому соглашению со штаб-квартирой Александра и Фридриха Вильгельма. Он ясно видел, что победа может послужить только его интересам в отношениях с австрийцем.

Заменив деревянными деталями некоторые арки великолепного моста через Эльбу в Дрездене, который союзники взорвали при отступлении, Наполеон двинулся к Баутцену и утром 21 мая оказался в поле зрения этой позиции. Его сила, очевидно, была велика. Перед ними была река Шпрее: лесистые холмы поддерживали их справа, а возвышенности хорошо укрепляли их слева. Действие началось с попытки повернуть их направо, но Барклай де Толли предвидел это движение и отразил его с такой энергией, что целая колонна численностью в 7000 человек рассеялась и бежала в холмы Богемии в поисках безопасности. Затем император решил пройти Шпрее перед врагом, и они позволили ему сделать это, вместо того чтобы спуститься со своей позиции. Он занял свою квартиру в городе Баутцен, и вся его армия расположилась бивуаком в присутствии союзников. Сражение возобновилось на рассвете 22-го; когда Ней справа и Удино слева попытались одновременно обойти позиции с флангов; в то время как Султ и сам Наполеон направляли атаку за атакой в центр. В течение четырех часов борьба велась с непоколебимым упорством; поросшие лесом высоты, которыми командовал Блюхер, были взяты и отвоеваны несколько раз — кровопролитие с обеих сторон было ужасным - прежде чем положение обоих флангов стало очевидным, союзники осознали необходимость либо отступления, либо продолжения борьбы с превосходящими силами на невыгодной местности. Они соответственно отступили, но по-прежнему со всем нарочитым хладнокровием парада:

останавливались в каждом удобном месте и возобновляли канонаду. "Что? - воскликнул Наполеон. - никаких результатов! только не пистолет! не пленник! — эти люди не оставят от меня и гвоздя". В течение всего дня он с безудержной яростью подстегивал преследование, называя даже избранных им генералов "ползучими негодьями" и подставляя свою персону под самый жаркий огонь. Рядом с ним был Дюрок, великий магистр дворца, его самый дорогой — многие говорили, что до сих пор, его единственный друг. Брюйер, еще один старый соратник по итальянским войнам, был повержен в их глазах. "Дюрок, - прошептал Наполеон, - сегодня фортуна отвернулась от нас". Несколько минут спустя сам Дюрок был смертельно ранен. Император немедленно приказал остановиться и оставался весь день перед своей палаткой, окруженный стражей, которая не без слез смотрела на его страдания. С этого времени он не слушал никаких отчетов или предложений.— "Все завтра", - был его неизменный ответ. Он был рядом с Дюроком, когда тот умирал; собственноручно составил эпитафию, которую местный пастор должен был поставить над его останками, получив 200 наполеонов на оплату соответствующего памятника; а также издал указ в пользу детей своего покойного друга. Так завершилась 22-я. Союзники, находившиеся на укрепленных позициях в течение большей части дня, пострадали меньше, чем французы; последние потеряли 15 000, первые - 10 000 человек.

Они продолжили свое отступление в Верхнюю Силезию, а Бонапарт продвинулся к Бреслау и освободил гарнизон Глогау. Тем временем австриец, наблюдавший за этими нерешительными, хотя и окровавленными полями, еще раз возобновил свои предложения о посредничестве. Государи России и Пруссии выразили большую готовность принять это; и Наполеон также, по-видимому, искренне желал, чтобы наступил момент мирного прекращения его споров. Он согласился на перемирие и, согласовав его условия, согласился отступить из Силезии, что позволило союзным князьям возобновить сообщение с Берлином. Границы страны, которые должны были быть заняты армиями соответственно во время перемирия, были наконец установлены, и оно было подписано 1 июня. Затем французский император вернулся в Дрезден, и всеобщий конгресс дипломатов приготовился собраться в Праге.

ГЛАВА XXXIII

Беседа Наполеона с Меттернихом—Советы его министров и генералов—Разведданные из Испании—Битва при Виттории—Праздничный конгресс распущен—Австрия объявляет войну—Битва при Дрездене—Смерть Моро—Битва при Кульме—Капитуляция Вандама—Битвы при Гроссберене, Вальштадте и Денневице—Наполеон отступает с Эльбы—Битва при Лейпциге—Битва при Ханау—Союзники на Рейне.

Одна только Англия отказалась послать какого-либо представителя в Прагу, утверждая, что Бонапарт пока еще не выразил намерения отступить от своих притязаний на Испанию и что он согласился на перемирие с единственной целью выиграть время для политических интриг и дальнейшей военной подготовки. Можно усомниться в том, что какая-либо из союзных держав, принимавших участие в конгрессе, делала это с большой надеждой на то, что споры с Наполеоном смогут найти мирное завершение. Его недавние успехи были, по общему мнению, ослепительными, однако на самом деле непродуктивными и, должно быть, должны были

разжечь пламя его гордости. Но было чрезвычайно важно выиграть время для наступления Бернадотта, для прибытия новых подкреплений из России, для завершения прусской организации и, прежде всего, для определения политики Вены.

Австрийский министр Меттерних лично отправился в Дрезден; и, в то время как дипломаты низшего звена тратили время на бесконечные дискуссии в Праге, одна беседа между ним и Наполеоном вывела весь вопрос на определенную почву. Император до сих пор видел в Меттернихе только лощеного и элегантного придворного и ожидал подавить его военным насилием и грубостью. Он сразу предположил, что у Австрии нет иного желания, кроме как заключить выгодную сделку для себя, и спросил в общих чертах: *Какова ваша цена? Вас устроит Иллирия? Я только хочу, чтобы вы были нейтральны — я могу справиться с этими русскими и пруссаками в одиночку.* Меттерних прямо заявил, что время, когда Австрия могла сохранять нейтралитет, прошло; что необходимо учитывать ситуацию в Европе в целом. Наполеон намекнул, что был бы счастлив расчленить Пруссию и отдать половину ее территорий Австрии. Меттерних ответил, что его правительство твердо намерено не участвовать в чужой добыче; что события доказали невозможность прочного мира, если суверены континента не будут восстановлены в статусе независимых; одним словом, что Рейнская конфедерация должна быть распущена; что Франция должна довольствоваться границей по Рейну и больше не претендовать на сохранение своего узурпированного и противоестественного влияния в Германии. Наполеон ответил грубым личным оскорблением: *Ну же, Меттерних, сказал он, скажи мне честно, сколько англичане дали тебе, чтобы ты встал на их сторону против меня?*

Австрийский суд, наконец, направил официальный документ, содержащий свой ультиматум, суть которого Меттерних достаточно четко обозначил в этом разговоре. Талейран и Фуше, которые к этому времени прибыли из Парижа, убеждали императора согласиться на предложенные условия. Они представляли ему безумие поднимать всю Европу на заговор с целью его уничтожения и намекали, что недовольство быстро растет и в самой Франции. Их аргументы были подкреплены разведданными самого катастрофического характера из Испании. Веллингтон, заметив, что Наполеон несколько ослабил свои армии в этой стране, готовясь к своей саксонской кампании, еще раз продвинулся от португальской границы. Теперь он обладал верховной властью над испанскими армиями, а также португальской и английской, и появился в большей силе, чем когда-либо. Французская линия обороны на реке Дору была повернута и оставлена: их армии сосредоточились, чтобы противостоять ему в Виттории, и там 21 июня Жозеф и маршал Журден потерпели полное поражение. "Назойливый король" теперь отступал к Пиренеям, преследуемый от поста к посту врагом, который, как казалось, справедливо намеревался завершить его кампанию вторжением в юго-западные провинции Франции. Его военные, а также политические советники настоятельно призывали Наполеона должным образом оценить кризис, в который зашли его дела. Бертье, да и почти все генералы, на мнение которых он привык полагаться, согласились настаивать на том, чтобы он либо заключил мир на предложенных условиях, либо стянул свои гарнизоны с Одера и Эльбы, в результате чего он усилил бы свою армию 50 000 ветеранами и отступил к Рейну. Там, говорили они, с такими силами, собранными на такой реке, и со всеми ресурсами Франции за спиной, он мог бы бросить вызов объединенным армиям Европы и, в худшем случае, добиться мира, который оставил бы его в безопасном владении более благородными владениями, чем когда-либо надеялся заполучить любой из королей, его предшественников. *Десять проигранных сражений, сказал он, не опустят меня ниже, чем вы хотели бы, чтобы я опустился моим*

собственным добровольным поступком; но одно выигранное сражение позволяет мне захватить Берлин и Бреслау и заключить мир на условиях, соответствующих моей славе. Он продолжал оскорблять как министров, так и генералов, намекая на то, что ими двигали эгоистические мотивы; высокомерно жаловался, что они, по-видимому, склонны проводить различия между страной и сувереном; и закончил объявлением, что он не желает никаких их планов, но их участия в исполнении его.

Таким образом, ослепленный высокомерием и самоуверенностью и неспособный сопоставить какие-либо другие соображения с тем, что он считал сутью своей личной славы, Наполеон ни на йоту не отказался от своих притязаний — пока не стало слишком поздно. Тогда, действительно, то ли до него дошли более точные сведения из Испании, то ли отчеты тех, кто наблюдал за неустанными приготовлениями союзников по соседству, наконец обрели должный вес - тогда, действительно, он проявил некоторые признаки уступчивости. В Прагу прибыл курьер с запиской, в которой он выражал свою готовность присоединиться к значительному числу австрийских условий. Но это было 11 августа. Днем ранее, согласно соглашению, должно было закончиться перемирие. В этот день Австрия должна была подписать союз, наступательный и оборонительный, с Россией и Пруссией. В ночь с 10-го на 11-е реактивные снаряды, летевшие с высоты на высоту вдоль границ Богемии и Силезии, возвестили всем армиям союзников о пополнении сил и немедленном возобновлении боевых действий.

Ни одной из сторон не было позволено ни на минуту прервать или ослабить военную подготовку к предстоящим переговорам. Наполеон послал Богарнуа в Италию, чтобы быть наготове на случай любой австрийской демонстрации в этом районе; а генерал Вреде с баварской армией прикрывал его тыл. Австрийская армия численностью в 60 000 человек была теперь готова перейти Альпы; и, чтобы наблюдать за Вреде, другой корпус численностью в 40 000 человек под командованием принца Ройсса занял свою позицию. Это были второстепенные приготовления. Силы, собранные теперь вокруг самого Наполеона, насчитывали полных 250 000 человек и располагались следующим образом: Макдональд располагался со 100 000 человек в Бунцлаве, на границе Силезии; другой корпус численностью в 50 000 человек располагался в Циттау, в Лужице; Сен-Сир с 20 000 человек находился в Пирне, на большом перевале из Богемии; Удино с 60 000 человек находился в Лейпциге; в то время как с самим императором в Дрездене оставалось 25 000 человек императорской гвардии, цвет Франции. Читатель, обратившись к карте, поймет, что эти корпуса были распределены таким образом, чтобы представлять грозный фронт в каждом пункте, где союзники, вероятно, рискнули бы атаковать, и, более того, чтобы Наполеон мог быстро усилить любую угрожаемую позицию своим резервом из Дрездена. Армии, которым предстояло противостоять, были расположены следующим образом: — За Эрцгебирге, или Металлическими горами, со штаб-квартирой в Праге располагалась *Великая армия союзников* (состоящая из 120 000 австрийцев и 80 000 русских и пруссаков), под главнокомандованием австрийского генерала Шварценберга. Французские корпуса в Циттау и Пирне были готовы встретить их, если они попытаются прорваться в Саксонию либо справа, либо слева от Эльбы. Вторая армия союзников (состоящая из 80 000 русских и пруссаков), получившая название *Силезской армии* под командованием Блюхера, наступала на Бреслау. Французские корпуса в Циттау и Бунцлау поддерживали связь и могли противостоять Блюхеру, где бы он ни попытался приблизиться к Эльбе. Наконец, наследный принц Швеции находился в Берлине с 30 000 своими собственными войсками и 60 000 русскими и пруссаками, Удино и Макдональд были размещены так, что он не мог приблизиться к верхней долине Эльбы, не столкнувшись с тем или иным из них, и у них также были средства взаимной

связи и поддержки. У французов были гарнизоны в Виттемберге, Магдебурге и других местах на Эльбе; а между основными армиями союзников находились различные летучие корпуса русских и прусских легких войск.

В целом Дрезден образовывал центр сравнительно небольшого круга, полностью занятого французами; в то время как союзники могли рассматриваться как находящиеся в гораздо более широком круге за их пределами. Наполеон, очевидно, расположил свои войска с целью спровоцировать своих врагов на отдельные атаки и таким образом разгромить их по частям. Но теперь ему противостояли генералы, хорошо знакомые с его системой тактики, и которые соответственно подготовили контрсхему, специально рассчитанную на то, чтобы сорвать план мероприятий, на который он рассчитывал. Командующие тремя союзными армиями согласились, что та из них, на которую французы нападут первыми, ни в коем случае не должна принимать бой, а отступать; таким образом, лично соблазнив Наполеона последовать за ними, оставив Дрезден открытым для нападения какой-либо другой крупной ветви их союзников и, таким образом, позволив им сразу захватить все его склады, нарушить коммуникации между оставшимися дивизиями его армии и ввести вражеские силы в тыл им всем - между Эльбой и Рейном. Предполагается, что план союзников был составлен двумя генералами, которые досконально понимали военную систему Наполеона, — Бернадотом, наследным принцем Швеции, и Моро; который незадолго до этого принял приглашение императора Александра и вернулся из своего американского изгнания, чтобы принять участие в войне, целью которой теперь, по мнению многих французов, было освобождение как самой Франции, так и других стран Европы. Поведение Моро, вступившего в ряды союзников, будет восхваляться или осуждаться, в зависимости от того, сочтут ли люди, что им руководили патриотические мотивы или личная обида и честолюбие. Не может быть никаких сомнений в том, что его прибытие внесло значительный вклад в их советы.

Блюхер предпринял первое движение; и как только Наполеон понял, что он угрожает позициям Макдональда, он покинул Дрезден (15 августа) со своей гвардией и мощным отрядом кавалерии и двинулся на поддержку своего лейтенанта. Пруссак точно придерживался общего плана и отступил за реку Кацбах перед лицом своих врагов. Наполеон все еще преследовал его в направлении Нейса и Бреслау, когда ему сообщили, что Шварценберг бросился вниз с богемских холмов. Он немедленно оставил Блюхера на попечение Макдональда и отправил свою охрану обратно в Дрезден, куда сам также отправился рано утром 23-го.

Прогнав Сен-Сира и его 20 000 человек перед собой, Шварценберг (с которым лично были государи России и Пруссии) появился на высотах к югу от саксонской столицы 25-го. Армия Сен-Сира ворвалась в город, и теперь он был окружен укреплениями значительной мощности. И все же, если бы это огромное войско атаковало его сразу, есть все основания полагать, что он пал бы до того, как Наполеон смог бы вернуться из Силезии. По какой-то причине они задержались до рассвета 26-го, а затем атаковали Дрезден шестью колоннами, каждая из которых была многочисленнее своего гарнизона. Сен-Сир уже начал отчаиваться, когда императорская гвардия появилась на мосту с восточной стороны Эльбы, а посреди них Наполеон. Немецкий автор[63] говорит: "Именно тогда я впервые увидел его лицо. Он шел вперед с глазами тирана и голосом льва, подгоняя своих запыхавшихся и нетерпеливых солдат ". Эти войска, разгоряченные долгим и трудным маршем, немедленно предприняли две вылазки. Союзники были отброшены на некоторое пространство. Наступила ночь, и две армии оставались на месте до утра. Затем, среди свирепого шторма с ветром и дождем, Наполеон возобновил сражение.

200 000 человек (таково было быстрое решение, принятое в его приказах различным генералам) теперь были собраны вокруг него, и он с таким мастерством направил их по обоим флангам линии противника, что еще до конца дня они были вынуждены полностью отказаться от своей попытки. Ней и Мюрат на левом фланге и Вандамм на правом (у Пирны) овладели двумя главными дорогами в Богемии, и вследствие этого они были вынуждены отступать по сравнительно труднопроходимым проселочным дорогам между ними. С обеих сторон было убито или ранено по 8000 человек; но у французов осталось от 15 до 20 000 пленных и двадцать шесть пушек; и самый способный из всех неприятельских генералов пал.

Рано утром сам Бонапарт приказал выстрелить из полудюжины пушек одновременно по группе, по-видимому, офицеров-разведчиков, и за этим последовало движение, которое, как полагали, указывало на то, что была ранена какая-то важная персона. Вечером пришел крестьянин и принес с собой окровавленный сапог и борзую, которые, по его словам, принадлежали великому человеку, которого больше не было: на ошейнике было написано *Моро*. Обе его ноги были отстрелены. Он продолжал курить сигару, пока им делали ампутацию и перевязку, в присутствии Александра, и вскоре после этого умер; таким образом, если он и допустил ошибку, то досрочно расплатился за свои ошибки.

Но Фортуна вновь подняла знамена своего древнего фаворита лишь с кратковременным проблеском солнечного света. Переутомление, которому он подвергся в период с 15 по 28 августа, сломало бы любой другой организм, а они на какое-то время ослабили его. Говорят, что каша из баранины с чесноком, единственное блюдо, которое он попробовал 26-го числа, вдобавок вывела его из строя. Не имея возможности оставаться с колоннами в тылу Шварценберга, он вернулся в Дрезден усталый и больной; и с тех пор его ждали дурные вести.

Вандамм продолжил преследование по дороге в Пирну. Соблазненный огромной добычей, которая ожидала его в Теплице, где были размещены главные склады союзников и где теперь пытались собраться все их разбитые колонны, этот грубый и вспыльчивый солдат неосторожно продвинулся за лесистые высоты Петерсвальда в долину Кульм. Русский корпус внезапно повернул против него и построился в боевую линию. Их генерал, граф Д'Остерман, заверил их, что жизнь "их Отца" зависит от их стойкости, и никакие усилия не могли поколебать их. Сражение продолжалось до ночи, когда Вандаму, несомненно, следовало отступить в Петерсвальд. Он задержался до утра 30-го, когда позади него, на тех самых высотах, появился прусский корпус Клейста, который блуждал и заблудился в лесах. Французы в отчаянии бросились вверх по холму, думая, что их намеренно перехватили. Пруссаки, со своей стороны, не сомневались, что какая-то другая дивизия войск Наполеона сильно отстала от них, и бросились вниз - с тем же страхом и той же стремительностью. Русские продвинулись вперед и довершили беспорядок. Поле боя было покрыто убитыми: Вандамм и около 8000 человек сложили оружие. Многие орлы были захвачены — остальная часть армии в полном замешательстве рассеялась среди холмов.

Это известие дошло до Наполеона, который был еще болен в Дрездене. "Такова, — сказал он Мюрату, — судьба войны: утром она высока, а вечером - низка. Между триумфом и гибелью всего лишь шаг". На столе перед ним была расстелена карта; он взял циркуль и, ленивой рукой измеряя на нем расстояния, повторил строки одного из своих любимых поэтов:

"J'ai servi, commandé, vaincu quarante années;
Du monde, entre mes mains, j'ai vu les destinées;

Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement
Le destin des états dépendait d'un moment."

За новостями о Кульме последовали другие люди с таким же цветом лица. Как только Блюхер понял, что Наполеон отступил из Силезии, он возобновил наступление и спустился с позиции, которую занял у Яуэра. 26 августа он столкнулся с Макдональдом, который никоим образом не был готов к такой смелости, на равнинах между Вальштадтом и рекой Кацбах и после дня тяжелых боев одержал полную победу.^[64] Французы потеряли 15 000 человек и 100 орудий и отступили к Дрездену. Удино тем временем продвинулся от Лейпцига к Берлину с целью помешать Бернадоту соединиться с Блюхером или сокрушить французские гарнизоны ниже по Эльбе. Кронпринц, однако, встретил его и разбил при Гроссберене 23 августа; 28 августа взял Луккау, где гарнизон составлял 1000 человек; и продолжил наступление на Виттемберг, под стенами которого Удино, наконец, сосредоточил все свои силы. Наполеон, понимая важность этого пункта, послал Нея с новыми войсками и передал ему главное командование со строгим приказом пробиваться к Берлину; таким образом, Бернадотт оказался между лейпцигской армией и им самим в Дрездене. Ней пытался обойти шведов без боя, но потерпел неудачу в этой попытке. 7 сентября ему было навязано генеральное сражение при Денневице. Он также потерпел полное поражение; 10 000 пленных и сорок шесть орудий остались в руках Бернадотта; и Ней в замешательстве отступил к Торгау.

Теперь Наполеон восстановил свое здоровье и активность, и усилия, которые он прилагал в этот период, никогда не были превзойдены даже им самим. 3 сентября он отправился на поиски Блюхера, который к тому времени приблизился к Эльбе; но пруссак отступил и, как и прежде, сбил его с толку. Вернувшись в Дрезден, он получил известие о Денневице и сразу же после этого услышал, что Витгенштейн во второй раз спустился к Пирне. Он немедленно вылетел туда; русские также уступили дорогу, согласно общему плану кампании; и 12-го Бонапарте снова вернулся в Дрезден. И снова ему сообщили, что Блюхер, с одной стороны, и Витгенштейн - с другой, воспользовались его отсутствием и наступают. Он снова вернулся в Пирну: в третий раз россиянин ушел в отставку. Наполеон последовал за ним до Петерсвальда и, увидев собственными глазами сцену катастрофы Вандама, еще раз вернулся на свой центральный пункт.

Не все усилия Нея могли помешать Бернадоту и Блюхеру в конце концов осуществить их соединение к западу от Эльбы. Маршал, ставший свидетелем соединения этих армий, отступил к Лейпцигу. Наполеон приказал Ренье и Бертрону внезапно выступить из Дрездена на Берлин в надежде отозвать Блюхера, но ветеран настаивал. Тем временем было обнаружено, что Шварценберг огибает холмы в западном направлении, как будто с целью присоединиться к Блюхеру и Бернадотту в окрестностях Лейпцига. Всем стало очевидно, что Дрезден перестал быть ключом к обороне Наполеона, и все же он цеплялся за Эльбу, как прежде за Кремль.

Он задержался в Дрездене по меньшей мере на три недели после того, как исчезла всякая разумная надежда удержать эту реку; и даже в последний момент, когда он осознал необходимость переброски своих людей в Лейпциг, его не удалось убедить призвать свои гарнизоны, разбросанные по долине, которую, как он все еще надеялся, какой-нибудь поворот событий позволит ему вернуться с триумфом.

Однако к Лейпцигу, как к общему центру, наконец-то сошлись силы Франции и всех ее врагов. Наполеон достиг этого почтенного города 15 октября, и почти сразу же с юга начали появляться головы колонн Шварценберга. Необходимо было подготовиться также на северной стороне на случай, если Бернадотт и Блюхер появятся до того, как великая армия будет разгромлена; и, наконец, необходимо было надежно закрепиться на территории к западу от Лейпцига; ряд болотистых лугов пересекался с многочисленными ответвлениями Плейса и Эльстера, через которые пролегает единственная дорога во Францию. Наполеон, сделав все свои приготовления, лично разведая каждый аванпост и раздал орлов в великолепной форме нескольким новым полкам, которые только что присоединились к нему. Церемониал был великолепен: солдаты преклонили колени перед императором и в присутствии всего строя отслужили военную мессу, и молодые воины поклялись скорее умереть, чем стать свидетелями бесчестия Франции. Над этой сценой взошло солнце, и вместе с ним навсегда закатилась звезда Наполеона.

В полночь к югу от города в небо взметнулись три ракеты, испускающие ослепительный белый свет; они обозначили позицию, на которой Шварценберг (теперь с ним были император Австрии, а также Александр и Фридрих Вильгельм) разместил свою штаб-квартиру. Им ответили четырьмя ракетами темно-красного цвета, мгновенно поднявшимися над северным горизонтом; и Наполеон не сомневался, что завтра ему предстоит выдержать атаку Блюхера и Бернадотта, а также великой армии союзников. Блюхер действительно был готов сотрудничать со Шварценбергом; и хотя кронпринц еще не достиг своих позиций, численное превосходство противника было очень велико. Бонапарт имел при себе для защиты линии деревень к югу и северу от Лейпцига 136 000 человек; в то время как даже в отсутствие Бернадотта, которого можно было ожидать ежечасно, союзники собрали не менее 230 000 человек.

Битва началась на южной стороне на рассвете 16-го. Союзники атаковали там французскую линию шесть раз подряд и так же часто были отбиты. Затем Наполеон, в свою очередь, атаковал, и с таким успехом, что кавалерия Мюрата в какой-то момент оказалась в большом промежутке между двумя флангами противника. Однако казаки русской императорской гвардии столкнулись с французской конницей и снова отбросили ее назад. Бой бушевал без перерыва до наступления темноты: три пушечных выстрела, произведенных на конце каждой линии, затем, как будто заранее, обозначили паузу в сражении; и обе армии расположились бивуаками именно там, где их застал утренний свет. Такова была ситуация на юге, где командовал сам Наполеон. Мармону, его лейтенанту на севере, повезло меньше. Блюхер атаковал его с огромным численным превосходством: ничто не могло быть более упорным, чем его оборона; но он потерял много пленных и орудий, был отброшен со своего первоначального рубежа и к концу дня занял новую линию позиций, гораздо ближе к стенам города.

Каким бы доблестным ни было поведение его войск, результат убедил Наполеона в том, что он должен наконец отступить из Лейпцига; и теперь он предпринял искренние усилия для заключения мира. Генерал Мерфельдт, тот самый австрийский офицер, который пришел в свою штаб-квартиру после битвы при Аустерлице, чтобы помолиться о перемирии со стороны императора Франциска, был взят в плен в течение дня, и Наполеон решил использовать его в качестве своего посыльного. Мерфельдт сообщил ему, что король Баварии наконец присоединился к этому союзу. Эти сведения усилили его недоумение, и без того достаточно большое, из-за перспективы обнаружить нового врага, дислоцированного на линии его марша во Францию. Он умолял австрийца обратиться за личным заступничеством Франциска. "Я

отрекаюсь от Польши и Иллирии, - сказал он, - Голландии, Ганзейских городов и Испании. Я соглашусь потерять суверенитет королевства Италия при условии, что это государство останется независимым, и я эвакуирую всю Германию. Adieu! Граф Мерфельдт, когда вы, со своей стороны, произнесете слово "перемирие" в адрес двух императоров, я не сомневаюсь, что этот звук пробудит у многих воспоминания.

Теперь было уже слишком поздно: союзные принцы поклялись друг другу не заключать никаких договоров, пока один французский солдат остается на восточном берегу Рейна. Наполеон не получил ответа на свое послание и приготовился к трудной задаче отступления со 100 000 человек через переполненный город в присутствии врага, уже вдвое превосходящего его по численности, и в скором времени к нему присоединится третья великая и победоносная армия.

В течение 17-го числа сражение не возобновлялось, за исключением отдаленной и частичной канонады. Союзники были полны решимости заручиться поддержкой Бернадотта в решающем сражении.

В восемь утра 18-го числа это началось и продолжалось до наступления ночи без перерыва. Бонапарт замкнул кольцо своей обороны как на юге, так и на севере; и никогда его полководческое искусство или доблесть его войск не проявлялись так блестяще, как в течение этого ужасного дня. Спокойный и собранный, император снова лично председательствовал на южной стороне, и снова там, где он присутствовал, несмотря на огромное численное превосходство противника, французы удерживали свои позиции до конца. На севере прибытие Бернадотта позволило Блюхеру с непреодолимым успехом использовать свои преимущества; а положение Мармона и Нея (теперь также размещенных на этой стороне) было еще более осложнено позорным дезертирством 10 000 саксонцев, которые перешли со всей своей артиллерией на сторону противника в самый разгар сражения. Поэтому оба маршала были вынуждены отступить от пункта к пункту и с наступлением темноты подошли почти вплотную к стенам Лейпцига. Три пушечных выстрела, как и прежде, ознаменовали общее прекращение сражения.

Потери с обеих сторон были велики. Армия Наполеона состояла в основном из очень молодых людей — многие были просто мальчиками — результатом его заблаговременного призыва на военную службу; и все же они сражались так же храбро, как гвардия. С другой стороны, поведение немцев, которые в конце концов стали считать, что их свобода и независимость зависят от состояния одного поля, отвечало глубокому энтузиазму этого вдумчивого народа. Бюргеры Лейпцига наблюдали со своих башен и шпилей за одним из самых долгих, суровых и кровопролитных сражений; и можно себе представить положение короля Саксонии, который все это время оставался в сердце своего древнего города.

В полночь Наполеон отдал приказ о начале неизбежного отступления; и пока длилась темнота, войска продолжали проходить гуськом через город и по двум мостам, через Плейсс, за его стенами. Один из этих мостов был временным сооружением, и оно рухнуло еще до наступления рассвета, чтобы показать врагу передвижение французов. Неразбериха, неизбежно сопровождавшая марш целой армии по узким улицам и по единственному мосту, была ужасающей. Союзники атаковали ворота с обеих сторон, и, если бы не героизм Макдональда и Понятовского, которым Наполеон доверил оборону пригородов, вряд ли он сам смог бы спастись бегством. В девять утра 19-го он навсегда попрощался с королем Саксонии, который

остался, чтобы заключить все возможные условия с союзными монархами. К тому времени битва бушевала по всем стенам.

В одиннадцать часов союзники собрались вплотную к мосту с обоих флангов; и стены против него были доверены саксонцам, которые теперь, как и их собратья накануне, обратили свой огонь на французов. Офицер, которому Наполеон поручил взорвать мост, когда продвижение противника сделало бы это необходимым, понял, что время пришло, и поджег свой поезд. Толпу людей, убеждавших друг друга в том, что они в безопасности, нельзя было сразу остановить. Солдаты и лошади, пушки и повозки кубарем скатились в глубокую, хотя и узкую реку, которая возобновила, хотя и в меньших масштабах, ужасы Березины. Маршал Макдональд благополучно переплыл реку: доблестный Понятовский, надежда и гордость Польши, был дважды ранен, прежде чем бросил свою лошадь в поток, и утонул, чтобы больше не подняться. Двадцать пять тысяч французов, полностью отрезанные от путей к отступлению, сложили оружие в городе. Четыре принца, каждый из которых прибыл во главе своей победоносной армии, встретились в полдень на большой рыночной площади Лейпцига; и жители разделили бы все ликование этого торжественного часа, если бы не судьба их собственного государя, лично уважаемого и любимого, который теперь тщетно умолял допустить его к победителям и был немедленно отправлен в качестве военнопленного в Берлин.

Наполеон потерял под Лейпцигом убитыми, ранеными и пленными по меньшей мере 50 000 человек.

Отступление французов через Саксонию сопровождалось всеми бедствиями, которые враждебное крестьянство, нехватка припасов и упорное преследование казаков и других легких войск могли причинить неупорядоченной и обескураженной массе людей. Солдаты двигались дальше под присмотром Наполеона в мрачном молчании: везде, где его не было, они пренебрегали всеми правилами дисциплины и были виновны в самых ужасных эксцессах. Император вел себя так, как подобает великому уму среди великих несчастий. Он всегда казался спокойным и самообладающим; каждый день, когда он продвигался вперед, он получал новые вести о зле.

Он остановился на два дня в Эрфурте, где были созданы обширные склады, употребив всю свою энергию на восстановление дисциплины; и оставался бы дольше, если бы не узнал, что победители при Лейпциге продвигаются вперед по обоим флангам его марша, в то время как баварцы (совсем недавно его союзники), усиленные несколькими австрийскими дивизиями, быстро продвигаются, чтобы занять позиции между ним и Рейном. Таким образом, он возобновил свой поход 25-го. Именно здесь Мюрат покинул армию. Несмотря на неприятные обстоятельства, при которых он удалился в Неаполь в январе, Иоахим появился снова, когда император летом разместил свою ставку в Дрездене, и служил со своей обычной доблестью на протяжении всей остальной кампании. Положение в Италии теперь требовало его присутствия; и два зятя, несмотря на все их разногласия, тепло и неоднократно обнимали друг друга на прощание - как будто в обоюдном предчувствии, что они расстанутся, чтобы больше не встречаться.

Австро-баварцы заняли позицию в лесу близ Ханау еще до того, как император приблизился к Майну. Он подошел к ним утром 30-го, и его войска немедленно атаковали с яростью отчаяния. Бонапарте прорубил себе дорогу до наступления темноты; а Мармон с арьергардом добился такого же успеха 31-го. В этих боях погибло 6000 французов; но у противника было 10 000 убитых

или раненых и 4000 пленных, и эти потери были бы намного больше, если бы не находчивость патристически настроенного мельника, который, наблюдая за ходом сражения, внезапно пустил воду в свой мельничный ручей и таким образом своевременно воздвиг препятствие между французской кавалерией и частью немецкой пехоты, которую они гнали перед собой; услуга, которую король Пруссии впоследствии щедро вознаградил.

Преследование по дороге, избранной Наполеоном, было поручено австрийцам, которые настаивали на этом с гораздо меньшей энергией, чем, вероятно, проявили бы пруссаки под пламенным руководством Блюхера. Таким образом, битва при Ханау обошлась без серьезных неприятностей. Остатки французского войска наконец перешли Рейн, и император, покинув их в Менце, прибыл в Париж 9 ноября.

Армии Австрии и Пруссии наконец остановились на Рейне. Для немцев всех веков эта великая река была объектом любви и благоговения, едва ли уступающего тому, с которым египтянин созерцает Нил или индеец - свой Ганг. Когда эти храбрые отряды, добившиеся спасения своей родной земли, увидели эту ее древнюю достопримечательность, "Бремя ста песен", они преклонили колени и воскликнули "*Рейн!*" *рейн!* словно сердцем и голосом одного человека. Те, кто были позади, бросились вперед, услышав крик, в ожидании новой битвы.

ГЛАВА XXXIV

Декларация союзников во Франкфурте—Революция в Голландии—Освобождение папы Римского и Фердинанда VII.—Упрямство Наполеона—Его военные приготовления—Роспуск Законодательного сената.

Из событий, которые наслались друг на друга в течение нескольких недель после падения Лейпцига, любого другого во времена менее экстраординарные было бы достаточно, чтобы составить целую эпоху в истории. Однажды достигнув вершины своего величия, долгожданному баловню судьбы было суждено опуститься еще быстрее, чем он поднялся. Каждый день добавлял новых союзников в лагерь его внешних врагов; и каждый прошедший час приносил с собой все более ясные признаки того, что французская нация (рассматриваемая отдельно от армии) совершенно устала от самих названий Войны, Честолюбия и Наполеона.

Структура его германской империи рассыпалась в прах, как по мановению волшебника. Ганновер немедленно вернулся под власть своего законного суверена. Брауншвейг, Гессен и другие государства, образовавшие Вестфальское королевство Джерома, последовали тому же примеру. Рейнский союз был распущен навсегда, и князьям, примкнувшим к этому союзу, было позволено искупить свою ошибку, в большинстве случаев невольную, тем, что они теперь приносили годовой доход и двойную воинскую повинность под знамена союзников. Бернадотт повернул из Лейпцига, чтобы сократить гарнизоны, которые Наполеон в опрометчивости своей самонадеянности не побрезговал ввести, даже когда был вынужден эвакуировать Дрезден; и один за другим они пали, хотя в большинстве случаев — особенно в Данциге, Виртемберге и Гамбурге — сопротивление было упорным и длительным. Наследный принц — ставший свидетелем взятия некоторых из этих крепостей и доверивший осаду других своим лейтенантам, вторгся в Данию, и правительство этой страны осознало необходимость

присоединения к европейскому союзу, какой бы ценой ни была искуплена его длительная приверженность Наполеону. Мирный договор был заключен в Киле 14 января 1814 года. Швеция уступила Померанию Дании; Дания уступила Норвегию Швеции; и 10 000 датских солдат присоединились к его штандарту, после чего Бернадот повернулся лицом к Нидерландам.

В Голландии, как только история Лейпцига дошла до нее, произошла полная, хотя и бескровная революция. Крик *оранского бовена* "долой апельсин!" раздался одновременно со всех концов страны: французские губернаторы, уступив власти, которой, как они понимали, абсурдно пытаться сопротивляться, немедленно ушли в отставку, и долго находившийся в изгнании штатгальтер, принц Оранский, вернувшись с триумфом из Англии, принял управление делами в ноябре 1813 года. Несколько французских гарнизонов оставались запертыми в укрепленных местах, из которых самым важным был Берген-оп-Зум; и Бернадотт теперь сотрудничал с русским корпусом Витцингероде, пруссаками Бюлова и 10 000 британских войск под командованием сэра Т. Грэма,^[65] с целью завершения освобождения Голландии; что вскоре было осуществлено с помощью за исключением Берген-оп-Зума, от стен которого англичане были отброшены с ужасающей резней.

Со стороны Италии ситуация была почти такой же мрачной. Генерал Хиллер, проведя австрийскую армию через Тироль, как только было принято решение его правительства, разбил Эжена Богарнуа и отбросил его за Адидже. Хорваты, тирольцы, все иллирийцы восстали, и было очевидно, что вице—король, далекий от оказания помощи в защите французской земли, едва ли мог надеяться долго продержаться в Ломбардии. Английские военно-морские силы уже взяли Триест; Адриатика была свободна; и, в довершение недоумения Наполеона относительно этой стороны, уже не было секретом, что Мюрат, его шурин, его креатура, вел переговоры с Австрией и желал, при условии, что Неаполь будет ему гарантирован, привлечь силы этого государства также на сторону конфедерации.

Столь же мало утешения мог бы получить Бонапарт, если бы повернул к Пиренеям. Он послал туда Сульта из Дрездена, чтобы тот, если возможно, восстановил положение армии, разбитой в июне при Виттории; и этот самый способный генерал со значительным подкреплением вступил в Испанию и попытался снять осаду Памплоны — этого укрепленного пункта, а также Святого Себастьяна, лорд Веллингтон решил овладеть, прежде чем перейти французскую границу со своей победоносной армией. Но Султ также потерпел двойное поражение; крепости пали: за исключением разрозненных и теперь бесполезных сил под командованием Суше в Каталонии, в Испании больше не осталось ни одного французского солдата. Полуостров был, наконец, освобожден благодаря гению Веллингтона, и его армия была расквартирована на территории Франции еще до окончания кампании. Таковы были вести, которые достигли Наполеона с его итальянской и испанской границ в тот самый момент, когда ему было необходимо выступить против русских, австрийцев и немцев, в основном вооруженных и снабжаемых за счет Англии, и теперь быстро сосредоточившихся тремя большими группами в разных пунктах долины Рейна.

И даже это были не самые плохие новости. Две партии, из которых одна в последние годы не привлекала особого внимания общественности, а другая так же давно нуждалась в эффективных лидерах, уже были хорошо известны тем, что работали по всей Франции, хотя пока и не совместно, ради одной общей цели — низложения Бонапарта. Роялисты восстановили значительную долю своего прежнего влияния в парижском обществе еще до неудач русской

экспедиции. Изгнанный Бурбон нашел средства для распространения прокламаций в начале 1813 года: с тех пор его агенты неустанно трудились как в Париже, так и в провинциях, особенно на западе. Мэр Бурдо (Линч) стоял во главе лояльной ассоциации, понимал главных жителей этого великого города и уже поддерживал связь с маркизом Веллингтоном, который, однако, считал своим долгом остановить их в этом случае, чтобы развитие событий не сделало их усилия бесплодными для Людовика и фатальными для них самих. Ла Рош Жаклен (имя, уже столь прославленное в Вандее) еще раз подготовил эту преданную провинцию к восстанию. Сентонж был организован аббатом Жаквалем; Перигор - господами де ла Рош Эймоном; а в странах, прилегающих к Нанту, Анже и Орлеану, большие отряды, частично состоявшие из собственных непокорных призывников Бонапарта, проходили подготовку под руководством графов Де Л'Орж, Д'Антишана и Сюзанне. Дворян-роялистов Турени числом 1000 человек возглавлял герцог Дюра; дворяне Бретани собрались вокруг графа Виттрея и различных вождей старых шуанов; а Кадудаль, брат Жоржа, был среди крестьян Варна. Этих имен, большинство из которых были хорошо известны в ранний период революции, самих по себе достаточно, чтобы показать, как эффективно бонапартистское правительство в течение тринадцати лет пыталось погасить старый огонь лояльности. Все это время он тлел под пеплом и теперь был готов вспыхнуть ярким пламенем. Принцы Бурбонов с жадной надеждой наблюдали за ходом событий. Герцог Беррийский уже был на Джерси, местье (ныне Карл Х.) - в Нидерландах, а герцог Ангулемский собирался появиться в штаб-квартире Веллингтона в Беарне, колыбели своей расы. Республиканцы, между тем, — те энтузиасты революции, которые вначале рассматривали консульство Бонапарта как диктатуру, навязанную Франции потребностями времени и от которой следует избавиться при первой же возможности, — и которые уже давно были полностью отчуждены от него из-за его присвоения императорского сана, создания им орденов и дворянства, его союза с Австрийским домом и полного деспотизма его внутреннего правления, - эти люди наблюдали, с едва ли меньшим восторгом, чем роялисты, ту череду неудач, которая омрачает историю правления Бонапарта. две последние кампании. Наконец, немало собственных министров и генералов Наполеона, раздраженных его личной жестокостью и потерявших надежду дышать спокойно, пока этот свирепый и ненасытный дух продолжает править делами, были вполне готовы принять участие в его свержении; и прошло совсем немного времени, прежде чем все эти внутренние враги, какими бы далекими друг от друга ни казались их принципы и мотивы, были довольны тем, что не обратили внимания на свои разногласия и действовали сообща. Нет никаких сомнений в том, что Талейран и другие, лишь уступающие ему по влиянию, поддерживали связь с бурбонами еще до того, как союзники перешли Рейн. *И вот тогда, сказал Наполеон на острове Святой Елены, я почувствовал, что бразды правления выскользывают у меня из рук.*

Союзные князья издали во Франкфурте-на-Майне манифест, твердый и сдержанный язык которого был рассчитан на то, чтобы произвести сильное впечатление как во Франции, так и в других местах. Монархи заявили о своей вере в то, что в интересах Европы Франция должна оставаться могущественным государством, и о своей готовности уступить ей, даже сейчас, большую территорию, чем когда-либо требовали бурскиебонские короли, а именно границы по Рейну, Альпам и Пиренеям. Их единственной целью при вторжении во Францию было положить конец власти, которую Наполеон узурпировал над другими нациями. Они отвергли любое желание вмешиваться во внутреннее управление — это было право нации устраивать это по своему усмотрению; враждебность Европы была направлена не против Франции, а против Наполеона — и даже в отношении Наполеона, не против его личности, а против его системы. Те

же условия были предложены самому Наполеону через г—на де Сент—Эньяна, одного из его собственных министров, который случайно попал в руки союзников в Веймаре; и его ответ был таков, что дипломаты всех воюющих держав немедленно собрались в Мангейме; со стороны английского правительства выступил лорд Абердин - обстоятельство само по себе достаточное, чтобы придать этим новым совещаниям характер более многообещающий, чем любому из недавних.

Но хотя Наполеон уполномочил Коленкура начать эти переговоры от его имени, очень скоро стало очевидно, что он сделал это просто, как и прежде, с целью выиграть время. Его военные приготовления велись с неослабевающей энергией. Требовались и удовлетворялись новые призывы: каждый арсенал гремел производством оружия, а императорским указом все налоги были немедленно удвоены. Порабощенная пресса провозгласила, что национальный пыл полностью подогрет, и тысячью голосов напомнила союзникам о последствиях провозглашения герцога Брауншвейгского, когда он собирался коснуться священной земли Франции в 1793 году.

Но энтузиазм революционного периода давно прошел. Напрасно Наполеон рассылал по департаментам специальных агентов, призывавших французов всех сословий взяться за оружие для защиты земли. Холодность, вялость, недоверие встречали их почти повсюду. Численные результаты даже призыва были намного ниже того, какими они должны были быть; и из тех, кто записывался сам, множество людей ежедневно дезертировало, и немалое число вступало в те роялистские банды, которые, как мы уже видели, усердно собирались и тренировались почти в каждом округе, который был либо сильным по своей природе, либо удаленным от крупных военных учреждений Бонапарта. Более того, даже Законодательный сенат, столь долго молчаливые и покорные рабы всех его императорских полномочий, теперь осмелился выразить некоторое сочувствие чувствам народа, которого, по крайней мере теоретически, они должны были представлять. Это было новшество, к которому Наполеон не был готов, и он воспринял его таким образом, который вряд ли мог примирить колеблющихся людей. Они осмелились намекнуть, что древняя Франция останется за ним, даже если он примет предложения союзников, и что Людовик XIV, когда он желал поднять французский народ на свою сторону в момент примерно такого же бедствия, не побрезговал открыто рассказать об искренних усилиях, которые он предпринял, чтобы добиться почетного мира. "Позор вам! - воскликнул император. - Веллингтон вторгся на юг, русские угрожают северной границе, пруссаки, австрийцы и баварцы - восточной. Позор! Веллингтон во Франции, и мы не поднялись в массовом порядке, чтобы отбросить его назад! Все мои союзники дезертировали — баварец предал меня. Мира не будет, пока мы не сожжем Мюнхен! Я требую рекрутинга в 300 000 человек — с этим и тем, что у меня уже есть, я увижу миллион вооруженных. Я сформирую лагерь на 100 000 человек в Бурдо; другой - в Менце; третий - в Лионе. Но мне нужны взрослые мужчины — эти мальчишки служат только для того, чтобы загромаждать больницы и обочины дорог.... Покиньте Голландию! скорее отдайте ее обратно морю! Сенаторы, необходимо придать импульс — все должны выступить — вы отцы семейств, главы нации, вы должны подать пример. Мир! Я не слышу ни о чем, кроме мира, когда все вокруг должно отзываться эхом на клич войны". Тем не менее сенат составил и представил доклад, который вновь вызвал его гнев. Он открыто упрекал их в желании приобрести для себя бесславный покой за счет его чести. *Я - государство*, сказал он, повторяя любимое выражение: *Что такое трон?— кусочек дерева, позолоченный и покрытый бархатом — я и есть государство - я один здесь представитель народа. Даже если бы я поступил неправильно, вам не следовало упрекать меня публично —*

люди стирают свое грязное белье дома. Франция нуждается во мне больше, чем я во Франции.

Произнеся эти яростные слова, Наполеон отправился в свой государственный совет и там осудил законодательный сенат, как состоящий на одну часть из предателей и на одиннадцать из обманутых. *Вместо того, чтобы помогать, - сказал он, - они мне мешают. Одно наше отношение могло бы отразить нападение врага — они приглашают его. Нам следовало бы выставить себя напоказ — они наносят ему открытые раны. Я не допущу, чтобы их отчет был напечатан. Они не выполнили свой долг, но я выполняю свой — я распускаю Законодательный сенат.* И император, соответственно, издал свой указ, откладывающий на неопределенный срок работу этого собрания, последней слабой тени народного представительства во Франции.

Величайшая неразбериха уже начала охватывать почти все подразделения государственной службы. Приказы правительства были более императивными, чем когда-либо, и с каждым часом ими все чаще пренебрегали. Целые банды призывников, виновных в попытке к бегству, были судимы военными комиссиями и уничтожены. Даже вблизи границ Парижа такие казни происходили постоянно; и все напрасно. Общим чувством было угрюмое безразличие. Наемные музыканты шествовали по улицам, распевая прекрасные новые баллады в честь императора на давно забытую мелодию *"ка ура"*; пассажиры столпились вокруг них и заглушали звуки улюлюканьем и смехом. В каждой салуне без церемоний вспыхивали дискуссии, подобные тем, которые полиция долгое время подавляла. *Так больше продолжаться не будет; веревка слишком сильно натянута — скоро все закончится;* таков был универсальный язык. Талейран, услышав, как офицер выразил свою тревогу и изумление, ответил словами, вошедшими в пословицу: *"Это начало конца"*.

Во время этой неловкой паузы Наполеон наконец отпустил своего почтенного узника Фонтенбло. Не исключено, что в изменившемся состоянии Италии он думал, что прибытие папы может вызвать некоторые разногласия среди его врагов в этой части; и, в сущности, когда Пий достиг Рима, он обнаружил столицу католического мира в руках Мюрата, который к тому времени заключил свой договор с Франциском и продвигался на север Италии с целью сотрудничества в кампании против Богарнуа, с одной стороны, с австрийцами, а с другой - с английскими войсками, недавно высадившимися в Ливорно под командованием лорда Уильяма. Бентинк.

Он также отпер ворота Валенсе Фердинанду Испанскому; и, без сомнения, письмо, в котором он объявил об этом намерении своей оскорбленной жертве, навсегда войдет в число ярких примеров его дерзости. Он сообщил Фердинанду, что англичане распространяют *якобинские принципы* в Испании и нападают на основы трона, аристократии и церкви; и что поэтому он хотел бы видеть его во главе дел в королевстве при условии, что он изгонит англичан и восстановит отношения с Францией на основе мира, который дал Годю его титул. Фердинанд не смел заключать никаких договоров, не посоветовавшись с кортесами. Они вообще пренебрегали переговорами с Наполеоном. Затем он безоговорочно освободил короля; и после пяти лет плена Фердинанд вернулся в Испанию под почти всеобщие возгласы нации, которая пролила кровь из каждой поры за его дело и которую его правительству вскоре суждено было убедить, что они пролили кровь напрасно. Наполеон, без сомнения, хорошо понимал, какой подарок он преподносит испанцам, когда восстанавливает Фердинанда, и, вероятно,

рассчитывал, что его прибытие наполнит страну гражданскими беспорядками, достаточными, чтобы парализовать ее силы для ведения внешней войны. И — если бы король вернулся годом раньше — такими, по всей вероятности, были бы последствия. И снова Наполеон опоздал с добрыми делами, за которыми могло последовать зло.

В течение некоторого времени, благодаря рабству парижской прессы, население столицы оставалось в неведении относительно действий союзников на Рейне. Действительно — таково все еще было влияние военной репутации императора — жители французских провинций на этой границе продолжали верить в невозможность того, чтобы какая-либо иностранная армия осмелилась вторгнуться на их землю, пока они, имевшие уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, волей-неволей не были введены в заблуждение. Шварценберг *с Великой армией*, наконец, переправился через Рейн между Базелем и Шаффхаузенем 20 декабря и, не обращая внимания на требование швейцарцев сохранять нейтралитет, беспрепятственно прошел через эту территорию и начал проявляться во Франш-Конте, в Бургундии, даже у ворот Дижона. 1 января 1814 года *Силезская армия* под командованием Блюхера форсировала реку в различных пунктах между Раштадтом и Кобленцем; и вскоре после этого *Северная армия* под командованием Вицингероде и Бюлова (поскольку Бернадотт отказался принимать какое-либо участие в фактическом вторжении во Францию) начала проникать через границу Нидерландов. Более состоятельные жители захваченных провинций бежали в Париж, унося с собой эти вести; было замечено, как английские *отступающие* из Вердена пересекали столицу по пути в более отдаленные кварталы; государственные узники самого Венсенна, под стенами Парижа, были вывезены. Одним словом, секрет больше нельзя было хранить. Каждому было известно, что Веллингтон перешел Пиренеи, а Рейн - три могучих войска, насчитывавших вместе 300 000 человек и включавших представителей всех языков и племен, от вестфальских немцев до самых диких варваров Татарии. Состоятельные люди отправляли свою посуду и ценности в места, удаленные от столицы; многие целые семьи ежедневно переезжали; и жители Парижа открыто занимались заготовкой запасов муки и соленых продуктов, готовясь к осаде.

Нарушение швейцарской территории само по себе было непростительным; но тот, кто так часто пренебрегал всеми правилами такого рода в своей собственной персоне, кто захватил Д'Энгиен, кто пересек Барут, едва ли мог надеяться, что его выслушают, когда он жаловался на действия Шварценберга. Более того, генералы союзников повсюду по мере своего продвижения провозглашали, что они пришли как друзья, а не враги французской нации, и что любой из крестьян, взявших в руки оружие, чтобы противостоять им, должен быть доволен обращением с разбойниками. Это, несомненно, было вопиющим оскорблением самых священных и неотъемлемых прав человечества; но Наполеон сам подал роковой пример в Ломбардии и, не краснея, последовал ему в Египте, в Германии, в Испании, в Португалии и всего лишь вчера в России. Следовательно, и здесь его призывы не вызвали у него никаких благоприятных чувств; и прошло то время, когда французский народ был готов воспротивиться столь незаконному посягательству на его национальные права, которые тирания Наполеона растоптала еще до того, как посторонние осмелились оскорбить их. Было несколько разрозненных случаев сопротивления; но в целом к первому наступлению союзников отнеслись равнодушно; и только в более поздний период, когда генералы-захватчики были уже не в состоянии поддерживать строгую дисциплину среди своих варварских орд всадников, рассеянных тогда по обширной территории страны, ощущение индивидуальных страданий дало даже проблеск надежды Наполеону и тем, кто, подобно ему, стремился противопоставить национальное восстание походу союзников.

Тем временем с каждым днем все ближе и ближе накатывал поток вторжения, сметая перед собой, от поста к посту, различные корпуса, оставленные наблюдать за Рейном. Мармон, Мортье, Виктор и Ней, командовавшие в общей сложности примерно 50 000 человек, по необходимости отступили перед врагом. Считалось несомненным, что много времени должно уйти на осаду больших крепостей на рейнской границе. Но теперь было очевидно, что союзники решили перенести войну вглубь страны, не дожидаясь сокращения этих грозных внешних укреплений. Их численность была такова, что они могли позволить себе замаскировать их и все равно пройти дальше с войсками, подавляюще превосходящими всех лейтенантов Наполеона. Они удалились, а вместе с ними и за ними последовали толпы деревенского населения, имевшего какие-либо транспортные средства. Телеги и повозки, битком набитые перепуганными женщинами и детьми, загрохотали все улицы, ведущие в столицу. Наконец было необходимо, чтобы император нарушил молчание перед парижанами и снова появился на поле боя.

Однако вторжение во Францию сплотило вокруг Наполеона некоторых высокопоставленных лиц, которые долгое время держались от него в стороне. В частности, Карно, который с тех пор, как выступил против присвоения императорского титула, оставался в отставке, выступил вперед, чтобы предложить свой меч за то, что он теперь считал делом своей страны. Бонапарт также не преминул получить такие предложения, каких они заслуживали. Он немедленно отправил своего старого врага командовать великим городом и крепостью Антверпен; и подобные примеры мужественного доверия можно было бы упомянуть в его честь.

22 января появились первые официальные новости о вторжении; *Moniteur* объявил, что Шварценберг вступил в Швейцарию 20 декабря и что Блюхер также пересек Рейн в первый день года; таким образом, открыто признавался в преднамеренном обмане своего предыдущего молчания. На следующее утро, в воскресенье, офицеры Национальной гвардии были вызваны в Тюильри. Они выстроились в *Зале судебных приставов* числом 900 человек, совершенно не подозревая о цели, с которой их собрали. Император занял свое место в центре зала, и сразу же после этого императрица с королем Рима (которого несла на руках графиня Монтескью) появились рядом с ним. "Господа, - сказал Наполеон, - Франция захвачена; я иду встать во главе своих войск и, с Божьей помощью и их доблестью, надеюсь вскоре изгнать врага за границу". Здесь он взял Марию Луизу за одну руку, а ее сына за другую и продолжил: "Но если они приблизятся к столице, я вверяю Национальной гвардии императрицу и короля Рима", — затем, поправившись, он сказал с сильным волнением: "*мою жену и моего ребенка*". Несколько офицеров поднялись со своих мест и подошли к нему; на щеках были видны слезы даже у тех, кто, как было известно, не поклонялся императору и не горячо поддерживал его дело.

Француз редко может устоять перед сценой: и таковой эта сцена считалась и над ней соответственно смеялись до следующего утра. Тем не менее, трудно отказать в сочувствии главному действующему лицу. Бонапарт был искренне привязан к Марии Луизе, хотя и относился к ней скорее с родительской нежностью, чем как любовник; и его привязанность к сыну была самой горячей страстью в его сердце, если, конечно, не считать его гордости и честолюбия, которые, как можно предположить, на мгновение слились в чувстве, дрожавшем в его голосе.

ГЛАВА XXXV

Кампания Франции—Битвы при Бриенне и Ла—Ротьере—Экспедиция на Марну—Битвы при Нанжи и Монтеро—Шварценберг отступает—Наполеон снова выступает против Блюхера—Атакует Суассон и отбит—Битвы при Краонне и Лаоне—Наполеон при Реймсе—Его затруднения—Он идет к Сен-Дизье.

Наполеон провел часть 24 января на смотре войск во дворе Тюильри, в разгар снегопада, который, должно быть, вызвал зловещие воспоминания, и в три часа утра 25-го снова покинул свою столицу. Он снова назначил Марию Луизу регентшей, поставил своего брата Жозефа во главе ее совета и отдал приказы усилить военную оборону вокруг Парижа и переоборудовать многие общественные здания в больницы. Он отправился в путь в видимом унынии, но собрал всю свою энергию, когда снова попал в благоприятную атмосферу армейской жизни.

Он прибыл в Шалон незадолго до полуночи; и обнаружил, что Шварценберг и Блюхер, пройдя по отдельности через Франш-Конте и Лотарингию, теперь занимали — первый с 97 000 человек, второй с 40 000 — почти полную линию между Марной и Сеной. Блюхер находился поблизости от себя и немедленно решил атаковать правый фланг силезской армии, которая продвигалась вниз по долине Марны, в то время как ее центр держался параллельного течения Об, прежде чем прусский маршал смог бы сосредоточить все свои силы, не говоря уже о достаточной поддержке со стороны Шварценберга, который продвигался вниз по Сене к Бару. Соответственно, 27-го числа произошла острая перестрелка при Сен-Дизье; и Блюхер, предупрежденный о прибытии Наполеона, не теряя времени, созвал свои отряды и занял оборонительный пост в Бриенн-ле-Шато на реке Об - том самом городе, где Бонапарт получил свое военное образование. Если бы Наполеон мог оттеснить его от Оба, было очевидно, что французы получили бы возможность эффективно вклиниться между двумя армиями союзников; и было крайне необходимо разделить силы противника, поскольку после всех своих усилий Наполеон смог добавить только 20 000 отборных солдат к 50 000, которые отступали перед колоннами союзников от течения Рейна.

Таким образом, Наполеон прошел через густой лес к месту своих юношеских занятий и появился там 29-го: продвигаясь так быстро, что Блюхер был на обеде в замке, когда французы с грохотом ломились в его ворота, и с трудом выбрался в тыл через заднюю дверь, фактически ведя свою лошадь вниз по лестнице. Русские, однако, под командованием Алсусьева мужественно удерживали свои позиции в городе; и когда несколько казаков бросились в тыл французам, сам император был вовлечен в рукопашную схватку, обнажил саблю и сражался как рядовой драгун. Генерал Гурго застрелил казака, когда тот вонзал свое копьё в спину Наполеона. Город Бриенн был сожжен дотла; Алсусьев попал в плен; Лефебр Деснуэт погиб; и с обеих сторон произошла значительная резня; но это дело не имело особого значения. Блюхер отошел немного выше по реке Об и расположился в Ла-Ротьере, где Шварценберг, предупрежденный канонадой, поспешил ему на помощь.

Наполеон сказал на острове Святой Елены, что во время атаки казаков в Бриенне он узнал особое дерево, под которым в детстве сидел и читал "Освобожденный" of Тассо. Поле было в те дни частью тренировочной площадки студентов, а замок, откуда Блюхеру с таким трудом удалось сбежать, - их жилищем. Какими странными, должно быть, были чувства человека,

который, всего лишь вчера водрузив своих орлов на Кремль, теперь начал свою пятнадцатую кампанию среди сцен из своих самых ранних воспоминаний — о днях, когда он никогда не мечтал об империи!

Первого февраля Блюхер, в свою очередь, перешел в наступление, атаковав французские позиции на своем фронте сразу в трех точках. Сражение длилось весь день и закончилось поражением французов, которые, потеряв 4000 пленных и семьдесят три орудия, бежали с поля боя в таком беспорядке, что, согласно собственному признанию Наполеона на острове Святой Елены, у него были серьезные мысли положить конец войне, добровольно передав корону наследнику Бурбонов. Как бы то ни было, в то время как дивизия Мармона отступала вниз по реке Об перед Блюхером, сам Наполеон двинулся через всю страну к Труа, который, как имелись все основания опасаться, должен был быть немедленно занят Шварценбергом; и там к нему присоединился значительный отряд его собственной гвардии в отличном порядке и настроении, появление которого в значительной степени восстановило уверенность войск, разбитых при Ла-Ротьере.

3-го числа он получил в Труа депешу от Коленкура, в которой сообщалось, что лорд Каслри, английский государственный секретарь по иностранным делам, прибыл в штаб союзников, что переговоры должны быть возобновлены на следующее утро в Шатийоне (сейчас в тылу армий), и умолял его четко указать, какой ценой он теперь готов купить мир. Наполеон ответил, предоставив Коленкуру все полномочия делать все необходимое "для продолжения переговоров и спасения столицы". Но герцог Виченцкий не осмелился немедленно отреагировать на столь расплывчато сформулированный документ и снова отослал его обратно, чтобы узнать конкретные подробности о целях императора. Штаб-квартира Наполеона находилась в Ножане, на берегу Сены, в нескольких лье ниже Труа, когда вечером 8 февраля до него дошла депеша; и его советники единодушно убеждали его воспользоваться этой, вероятно, последней, возможностью. В конце концов они убедили его согласиться оставить Бельгию, левое побережье Рейна, Италию и Пьемонт. Но ночью после совещания, еще до того, как ультиматум был подписан, Наполеон получил информацию, которая совершенно изменила его взгляды. Он узнал, что Блюхер, вместо того чтобы продолжать свой марш вниз по Обу и поддерживать связь со Шварценбергом на Сене, перебросил всю свою армию на Марну и теперь продвигался к Парижу по дороге Монмирай. То, что союзники, испытав последствия разобщенности при Бриенне и соединения при Ла-Ротьере, почти в момент победы снова решили разделить свои силы, является обстоятельством, которое ни один автор до сих пор не объяснил сколь-либо удовлетворительным образом. Ошибка была огромной; и все же в конце концов ее последствия оказались катастрофическими не для тех, кто ее совершил, а для того, чей орлиный глаз заметил ее и кто не смог устоять перед искушением, которое она представляла, предпринять еще одно воинственное усилие. Одним словом, Бонапарт отказался подписать депешу утром 9-го; и, оставив Бурмона в Ножане с небольшим отрядом для защиты моста через Сену, а Удино с другим отрядом для той же цели у следующего моста при спуске через реку, а именно у моста в Брее, немедленно начал свой марш с основными силами своей армии на Сезанн.

Стояла глубокая зима — перекрестки, по которым они двигались, были в самом ужасном состоянии, до такой степени, что, если бы ревностный мэр Барбонны не собрал 500 лошадей и не пришел им на помощь, они, должно быть, были вынуждены оставить всю свою артиллерию в болотенедалеко от этого города; тем не менее, этот решительный отряд прошел почти сорок

мил, прежде чем остановился с наступлением темноты. На следующее утро они продолжили путь с такой же готовностью и, наконец, вышли на дорогу, по которой наступала армия Блюхера, у Шампобера. Алсусиев и центральная дивизия проходили мимо, когда в этом месте неожиданно появился Наполеон, и они были совершенно неспособны противостоять его натиску. Они рассеялись в замешательстве с большими потерями и бежали к Марне. Тем временем авангард той же армии под командованием Сакена, наступавший на Лаферте, и дивизия Д'Йорка, уже находившаяся в виду Мо, повернули, услышав канонаду Шампобера, и предприняли контрмарш с целью поддержать Алсусиева. Они разделили судьбу центра и, подвергшись жестокому обращению при Монмирайле, бежали через Марну у Шато-Тьерри; таким образом, Блюхер и арьергардная дивизия остались одни, чтобы противостоять атаке всех сил Наполеона между Марной и Обом. Прусский маршал, быстро продвигавшийся вперед в результате этих ожесточенных сражений, внезапно оказался перед армией, окрыленной победой, значительно превосходящей его численностью и хорошо обеспеченной кавалерией, которой у него почти не было. Он отступал попеременными карьерными порядками, весь день выдерживая атаки французов с большими потерями, но без беспорядка; и, наконец, прорубил себе путь у Этожа через колонну тяжелой кавалерии, высланную ему на перехват и выстроенную на дамбе. Самому Блюхеру в течение этого дня пришлось сражаться врукопашную, как рядовому. Его отступление было мастерским, и в конце концов он пересек Марну у Шалона.

Такова была знаменитая "Марнская экспедиция" Наполеона. За пять дней его войска трижды добивались успеха. Он разбил и рассеял (как он думал, эффективно) силезскую армию и, прежде всего, восстановил боевой дух своих собственных солдат. Колонна из 7000 прусских пленных, со значительным количеством орудий и штандартов, наконец убедила парижан в том, что Победа не совсем предала своего старого фаворита. До сих пор все шло хорошо; и если бы Наполеон с поля боя, которое таким образом подняло мужество его войск и возродило уверенность его столицы, направил в Коленкур приказ заключить мирный договор на вышеописанных условиях, победитель при Монмирайле мог бы сохранить трон Франции. Но его собственная самонадеянность была воспламенена тем же успехом, который ослеплял глаза низших слоев населения, и Наполеон немедленно написал своему представителю в Шатийоне, что теперь он может занять "менее скромную позицию". Эта ошибка оказалась фатальной.

Едва парижане увидели, как заключенные из Монмирайля маршируют по их бульварам, как они услышали, что казаки овладели Фонтенбло. Как уже упоминалось, Наполеон оставил небольшие подразделения своей армии для охраны мостов через Сену в Ножане и Бре. Противник, однако, вскоре обнаружил, что императора и его главных сил больше нет в этом квартале, и — пока он бил Алсусиева, Сакена и Блюхера — успешно форсировал Сену в трех разных пунктах, у Ножана, у Бре и еще ниже, у Монтеро, оттеснив перед собой сбитых с толку стражей этих важных мест. Шварценберг уже располагал своей штаб-квартирой в Нанжи и, очевидно, был полон решимости достичь Парижа, если это возможно, пока Наполеон находился на Марне. Легкие отряды великой армии союзников сеяли смятение по обоим берегам Сены, и один из них находился так близко от столицы, как Фонтенбло.

Бонапарт немедленно поручил Мармону и Мортье следить за шалонской дорогой и остатками армии Блюхера и двинулся со своими основными силами на Мо, где получил (15 февраля) долгожданное подкрепление в 20 000 ветеранов из Испании под командованием Груши. 16-го числа Виктор и Удино вступили в бой с авангардом Шварценберга на равнинах Гинь, когда император прибыл к ним на помощь. Враг немедленно отступил и сосредоточил свои силы у

Нангиса. Наполеон атаковал эту позицию утром 17-го, и с таким эффектом, что союзники отступили после значительных потерь, хотя и не в беспорядке, на мостах в своем тылу.

Однако они остановились в Монтеро, и Виктору, командовавшему преследователями на этом маршруте, не удалось их выбить. Наполеон воспринял это как чудовищную ошибку и, придя утром 18-го, в ярости отчитал его и официально уволил со службы. Маршал со слезами на глазах заявил, что, хотя он перестал быть офицером, он все еще должен быть солдатом и снова будет служить в тех рядах, из которых он первоначально вышел. Зять старика, генерал Шато, был убит в то же утро. Наполеон протянул ему руку и сказал, что не может вернуть ему командование своим армейским корпусом, который уже был передан другому, но что он может встать во главе гвардейской бригады. Затем началась яростная атака, и мост и город Монтеро были взяты. Однако оборона была долгой и суровой, и было видно, как Наполеон собственноручно наводил пушки под самым сильным огнем. Артиллеристы, обрадованные возобновлением его древнего ремесла, были, тем не менее, встревожены его разоблачением и умоляли его удалиться. Он продолжал свою работу, весело отвечая: "Дети мои! пуля, которая убьет меня, еще не отлита". Преследуя свое преимущество, Наполеон увидел, что великая армия продолжает отступление в направлении Труа, и утром 22-го прибыл к Мери.

Велико было изумление императора, когда он обнаружил, что этот город занят не слабым арьергардом Шварценберга, а мощной русской дивизией под командованием Сакена и, следовательно, принадлежащей, по-видимому, несокрушимой армии Блюхера. Эти неожиданные враги были атакованы на улицах и, наконец, отступили из города (который был сожжен дотла в ходе борьбы), а оттуда за реку Об, которая в этом квартале протекает почти параллельно Сене и на небольшом расстоянии от нее. Затем император остановился и провел ночь в коттедже колесного мастера в Шатре.

Все это время в Шатийоне сохранялась, по крайней мере, видимость переговоров. Коленкур, не получив ответа на это важное донесение, которое достигло Бонапарта (как уже упоминалось) в Ножане, 8 февраля продолжил действовать в соответствии с инструкциями, полученными в Труа 3 февраля; и, по сути, принял предложение союзников. Когда 17-го числа Шварценберг подвергся нападению при Нанжи, он только что получил известие о том, что Коленкур подписал предварительные статьи; и поэтому он послал гонца спросить, почему император, если ему известно о поступке своего посла, продолжает военные действия? К тому времени Наполеон, как мы видели, пожелал, чтобы Коленкур занял "менее скромную позицию", и вместо того, чтобы утвердить, как он был обязан сделать по всем принципам чести и закона, подпись, которую его посол имел все полномочия поставить, он вообще не ответил Шварценбергу, но отправил частное письмо австрийскому императору, еще раз пытаясь склонить его к выходу из лиги Европы. Ответ императора на эту депешу дошел до Наполеона в этой лачуге в Шатре: в нем объявлялось о его решении ни в коем случае не отказываться от общего дела; но в то же время намекалось, что Франциск не оказывал поддержки бурбонистам (которые в настоящее время вооружались во Франш-Конте вокруг месье), и убеждал Наполеона предотвратить путем уступки, пока не стало слишком поздно, полное разорение его самого и его Дома. Бонапарте, разгоряченный чередой побед, был не в настроении прислушиваться к таким советам, и австрийский посланник покинул его штаб с запиской, означавшей, что *теперь* он не согласится даже на дневное перемирие, если союзники не отступят, оставив *Антверпен* на своем фронте.

В тот же вечер из Парижа пришли новости, которые, как можно было ожидать, должны были потревожить гордое воображение этих людей. Государственный совет обдуманно обсудил предложения Союзных держав и теперь, имея только один несогласный голос, умолял императора принять их. Они объявили ему, что, пока он гнал австрийцев вверх по Сене, *северная* армия, третья крупная сила союзников, наконец соединилась с Блюхером; который теперь, таким образом, стоял во главе гораздо большей армии, чем он до сих пор командовал, и был явно полон решимости наступать прямо на Париж из Шалона. Те, кто был рядом с Наполеоном, снова призвали его отправиться в Шатийон и принять условия, на которые согласился Коленкур. Он ответил, что на своей коронации поклялся сохранить территорию Республики целой и что он не может подписать этот договор, не нарушив *своей клятвы!*... и отпустил своих советников, надменно сказав: "Если меня суждено выпороть, пусть меня, по крайней мере, ударят кнутом по необходимости, а не по моей собственной воле".

Поэтому вместо того, чтобы посылать посланцев мира в Шатийон, Наполеон думал теперь только о том, как бы сразу сдержать Шварценберга на Сене и вернуться еще раз, чтобы противостоять Блюхеру на Марне. Однако он продвинулся дальше до Труа, надеясь все еще запугивать союзных принцев и добиться какого-то компромисса. В этом городе он обнаружил, что некоторые джентльмены открыто надели белую кокарду, знак бурбонистов, во время его оккупации врагом, хотя и без какого-либо одобрения со стороны монархов. Одному из этих джентльменов не повезло, и он попал к нему в руки и был немедленно казнен.

Император напрасно ожидал новых предложений от Шатийона; ни одно из них не поступило к нему в Труа, и он вернулся к своему плану второй "Марнской экспедиции". Он пожелал, чтобы Удино и Макдональд со своими дивизиями предприняли маневр в направлении Шварценберга; и эти генералы приказали своим войскам кричать "Да здравствует Император" всякий раз, когда они окажутся в пределах слышимости противника, что на некоторое время поддержало представление о том, что сам Наполеон все еще продвигается по дороге на Бар. Тем временем он снова быстро продвигался через страну к Сезанну; в этот момент он получил сведения, что Мортье и Мармон были выбиты Блюхером из Ферте-су-Жуар и полностью отступили к Мо. Мо он считал чуть ли не пригородом Парижа и соответственно ускорил шаг. Когда он спешил дальше, в Ферте-Гуше его сразу же встретили и настигли дурные вести. Шварценберг, обнаружив отсутствие императора, немедленно возобновил наступление, разбил Удино и Макдональда при Баре и гнал их перед собой до Труа; а Ожеро, командовавший в окрестностях Лиона, объявил о прибытии в этот квартал новой и многочисленной армии союзников. Однако Наполеон возобновил свой марш и, задержавшись на некоторое время в Ферте из-за разрушения моста, двинулся в направлении Шато-Тьерри и Суассона, в то время как Мортье и Мармон получили приказ возобновить наступление перед Мо. Он надеялся таким образом ударить во фланг наступающим войскам Блюхера, как он это сделал ранее при Шампобере. Но на этот раз пруссак получил известие о его приближении и, собрав свои войска, отступил к Суассону в полном порядке.

Наполеон с готовностью двинулся в направлении Суассона, не сомневаясь, что французский гарнизон, которому было поручено охранять этот город и мост через Марну, все еще владеет им, и поэтому стремился заставить Блюхера вступить в бой, имея в своем тылу это грозное препятствие. Но Суассон был взят русским корпусом, отбит французским и снова перешел в руки врага, прежде чем император увидел его. Московский Черный Орел, парящий на башнях, дал ему первое представление об этом несчастье. Он стремительно атаковал это место: русские

отразили атаку; и Наполеон, узнав, что Блюхер провел свои основные силы через город и расположился за Марной, двинулся вверх по левому берегу этой реки и переправился через нее также у Бери.

В нескольких лье перед этим местом, на высотах Краонне, два русских корпуса, Сакена и Вицингероде, уже были на позиции; и император, не теряя времени, атаковал их там в надежде уничтожить прежде, чем они смогут соединиться с Блюхером. Битва при Краонне началась в одиннадцать часов утра 7 марта и продолжалась до четырех часов пополудни. Русские вплоть до этого часа выдерживали все усилия Нея справа от себя, Виктора слева и самого Наполеона в центре. Потери убитыми и ранеными были примерно равны с обеих сторон; не было взято ни одного орудия и почти ни одного пленного. Император, взбешенный этим упорным сопротивлением, готовился к последней попытке, когда внезапно русские начали отступать. Он последовал за ними; но они отступили с обдуманностью и безнаказанностью парада. Им было приказано отступить на плато Лаон, чтобы выстроиться там на одной линии с Блюхером, который снова был здесь и стремился сосредоточить все свои силы для решающего столкновения.

Это произошло 9-го числа. Наполеон обнаружил, что его враг укрепился вдоль возвышенного хребта, покрытого лесом и дополнительно защищенного спереди чередой террасных стен, огораживающих виноградники. На низменности стоял густой туман, и французы продвигались вверх по холму, прежде чем их передвижение было обнаружено. Они были встречены шквалом канонады, которая полностью разрушила их центр. Затем они атаковали поочередно с обоих флангов позиции противника и с одинаковыми результатами. На всех пунктах они были отброшены, за исключением только деревни Атиес, где Мармон получил некоторое преимущество. Сражение было прервано ночью, и армии расположились бивуаками на виду друг у друга. Союзники, благодаря своей хорошо прикрытой позиции, пострадали сравнительно мало; из французов погибло несколько тысяч - и все напрасно. Наполеон, однако, был полон решимости возобновить атаку и соответственно вскочил на коня в четыре часа утра 10-го. В этот момент пришло известие, что корпус Мармона только что подвергся нападению при Атье и был настолько разбит, что теперь в замешательстве бежал в сторону Корбери. Несмотря на это зловещее начало, сражение перед Лаоном продолжалось весь день. Но фортуна повернула вспять, и противостоять ей было невозможно. 11-го числа Наполеон начал отступление, потеряв тридцать пушек и десять тысяч человек.

Суассон был эвакуирован союзниками, когда они сосредотачивались для битвы при Лаоне. Поэтому Наполеон бросился в этот город и прилагал все усилия, чтобы укрепить его, в ожидании наступления пруссии, когда к нему снова прибыл гонец с дурными вестями. Отдельный русский корпус под командованием Сен-Приста, французского эмигранта, захватил Реймс в результате государственного переворота. Овладение этим городом (как покажет взгляд на любую хорошую карту) вряд ли могло не восстановить связь Блюхера со Шварценбергом - и Наполеон немедленно лично двинулся туда, оставив Мармона держаться как можно лучше в Суассоне, на случай, если именно туда направится марш Блюхера. Бонапарт, двигаясь со своей обычной быстротой, неожиданно напал на Реймс и в полночь взял его штурмом. Сен-Прист пал, и в бюллетене сообщалось, что он встретил свою участь пулей из той же пушки, которая убила Моро. Если бы это было так, никто не смог бы установить этот факт; но воображение Наполеона всегда было готово воспринять историю, от которой веяло фатальностью.

Из Реймса, где он оставался три дня, чтобы подкрепить своих несчастных сторонников, он, наконец, передал Коленкуру все полномочия для заключения *любого договора*, который обеспечил бы немедленную эвакуацию со старой французской территории и взаимное возвращение пленных. Марет (герцог Бассано), однако, написал — через того же посланника — гораздо более пространное письмо, информируя полномочного представителя, что император откажется ратифицировать *какой бы то ни было* договор, если тем временем события повернутся в его пользу. Вызывает сомнение, что Коленкур отважился бы действовать, следуя полученным таким образом инструкциям, с тем решением, которого требовала чрезвычайная ситуация. Но он не был представлен к доказательству. Союзники решили больше не вести переговоров до того, как до него дойдет депеша из Реймса.

На протяжении всего этого переломного периода его истории невозможно рассматривать стремительную энергию Наполеона — его бдительные переходы от врага к врагу, его бесстрашные атаки на значительно превосходящие силы противника, его неустойчивую решимость и неистощимую изобретательность — без высочайшего восхищения, которое может испытывать мастер военного дела. Но в равной степени невозможно подавить удивление и возмущение, следуя или, скорее, пытаясь следовать нитям упрямства, двуличия, гордыни и вероломства, которые в тот же период усложняли, но не укрепляли ткань его переговоров. Только когда мы устремляем свой взор на сражения и марши этой замечательной кампании, мы можем без колебаний повторить пословицу: *"Кого Бог обрек на гибель, того он сначала лишает разума"*.

Чтобы дополнить наше представление об энергии Наполеона — на протяжении всей этой, самой экстраординарной из своих кампаний, он продолжал руководить гражданскими делами своей империи из своей постоянно меняющейся штаб-квартиры. Он в основном занимался подобными вопросами во время своего пребывания в Реймсе; но именно туда должны были попасть последние депешы из министерства внутренних дел в Париже; и, прежде чем он успел ответить, приходили курьеры за курьерами — с новостями, которые у любого другого отняли бы разум и которые привели его в замешательство. С одной стороны, Блюхер воспользовался его уходом, сокрушил слабое сопротивление корпуса, оставленного в Суассоне, и снова форсировал Марну. С другой стороны, Шварценберг обнаружил, почти сразу же, как это произошло, его марш на Сезанн и немедленно возобновил наступление. Удино и Жирар были вынуждены уступить перед неизмеримо превосходящими силами Великой армии. Они потерпели сокрушительное поражение при Баре на реке Об, и австриец снова был в Труа. Таким образом, союзники, по всей видимости, полным ходом продвигались к Парижу как по долине Марны, так и по долине Сены в тот момент, когда Наполеон думал парализовать все их передвижения, заняв позицию между ними в Реймсе.

Он все еще в значительной степени полагался на магию своего имени; и даже сейчас он вряд ли переоценил его. Когда Шварценберг понял, что Наполеон находится в Реймсе, прежний ужас вернулся, и австриец немедленно предложил отступить из Труа. Но к этому времени в лагере союзных держав был человек, который, хотя и не был солдатом, гораздо лучше, чем все, кто его окружал, поседел в военном деле, понимал обстоятельства того времени и поведение, которого они требовали. Лорд Каслри взял на себя ответственность дать понять, что Великая армия может отступить, если государям будет угодно, но что, если такое отступление произойдет, субсидии Англии следует считать прекращенными. Это смелое слово определило ход дебатов. Колонны Шварценберга немедленно возобновили свое шествие вниз по Сене.

Тем временем Наполеон боролся с самим собой; какую бы линию поведения он ни избрал, она была в лучшем случае крайне опасной. Если бы он поспешил вслед за Блюхером на Марну, что помешало бы Шварценбергу достичь Парижа до того, как силезская армия, уже одержавшая победу при Лане, могла бы быть снова приведена в действие более слабыми силами? Если бы он бросился на марш Шварценберга, разве пламенный пруссак не оказался бы в Тюильри задолго до того, как австрийца удалось бы остановить на Сене? Оставался третий путь, а именно: немедленно вторгнуться в глубь страны в тыл Великой армии; и для этого были разные стимулы. Поступая таким образом, он, возможно, мог бы — таковы все еще были представления императора о влиянии его имени — вселить ужас в наступающих союзников, как австрийских, так и прусских, и парализовать их передвижения. Могли ли они продолжать свое *Ура Парижу* (в то время в моде была казачья лексика), когда они знали, что Наполеон расположился между ними и их собственными ресурсами, и в то же время освобождал и спланировал вокруг себя все гарнизоны великих крепостей на Рейне? Разве суеверные приверженцы древних технических приемов войны не сочли бы такое поведение совершенно исключенным? Разве Шварценберг, по крайней мере, не отказался бы от наступления и не повернулся бы, чтобы последовать за ним, который все еще воображал, что никто не может мечтать о завоевании Франции, не погубив Наполеона? Но — даже предположив, что союзные державы воспротивятся всем этим предложениям и двинутся на столицу, — разве этот великий город с помощью Мармона, Мортье и национальной гвардии не смог бы сдерживать врага на протяжении значительного промежутка времени; и в течение этого промежутка времени император не смог бы освободить свои гарнизоны на Рейне и таким образом снова встать во главе армии, способной под его непревзойденным руководством освободить Францию и разорить ее захватчиков в великой битве под стенами Парижа?

В связи с выбором Наполеона среди этих трудностей следует добавить, что до сих пор продолжение войны значительно обостряло чувства крестьянства, которое, по большей части, относилось к ее началу с безразличием. Бесконечные марши и контрмарши армий, нападения и поджоги городов и деревень, свирепый нрав справедливо озлобленных пруссаков и врожденное варварство русских посеяли опустошение и ужас в некоторых из самых прекрасных провинций Франции. Опустошение было таким, что среди виноградников и садов Шампани появились волки и другие хищные звери в количестве, напоминающем о веках нетронутого леса. Все, кто мог командовать средствами бегства, спаслись; из тех, кто остался, было мало таких, кто в течение трех месяцев не испытывал мучительных лишений, не видел, как их хижины были заняты дикими чужаками, а их ручьи были красными от крови их соотечественников. Следствием этого было то, что крестьянство на театре военных действий и за его пределами находилось теперь в состоянии сильного возбуждения. Не мог бы император, бросив себя и свою сильно поредевшую, но все еще грозную группу ветеранов среди них, придать завершающий импульс и осуществить, наконец, свою заветную надежду на национальное восстание?

В то время как Наполеон был, таким образом, в тревоге, какими средствами предотвратить, если это еще было возможно, вторжение из Парижа этих могущественных армий, против которых были напрасно затрачены силы, которыми обладал он один, столица проявляла слабые признаки сочувствия к нему. Газеты не сообщали ничего, кроме побед; но правда не могла не проникнуть, несмотря на все это предательство. По улицам ежедневно проходили новые толпы провинциалов, изгнанных или запуганных из своих жилищ. Каждый госпиталь и, кроме того, многие общественные здания были битком набиты ранеными солдатами, а количество мертвых

тел, постоянно плававших по Сене, было так велико, что самые подлые из черни больше не осмеливались пользоваться водой. В качестве одного из убедительных свидетельств всеобщего недоверия можно упомянуть, что, хотя в обычное время сумма налогов, ежедневно уплачиваемых в парижскую казну, составляет около 3000 фунтов стерлингов, после 1 марта средняя сумма не превышала 15 фунтов стерлингов. Обязанностью Савари было каждый вечер отправлять в ставку полный отчет о состоянии города; и он, не колеблясь, сообщал императору, что механизм управления забит во всех колесах и что необходимость купить мир, покинув его, была обычным предметом разговоров.

Тем временем, чтобы переполнить чашу его тревог, до него дошли новые сведения самого тревожного характера из юго-западных провинций, захваченных лордом Веллингтоном. Этот победоносный генерал прогнал Сульта перед собой через *Пэй-де-Гав* (гористую местность, прорезанную потоками, спускающимися с Пиренеев); разбил его в другом крупном сражении при Ортезе; и теперь преследовал его в направлении Тулузы. Но даже это было не самым худшим: французы приняли англичан скорее как друзей, чем врагов; в их лагере было гораздо больше провизии, чем в лагере Сульта; и, наконец, Бурдо открыто встал на сторону Людовика. Белый флаг развевался на каждой башне третьего города Франции, и герцог Ангулемский управлял всеми правительственными учреждениями среди населения, которое приветствовало его с энтузиазмом старой преданности.

Именно при таких обстоятельствах Наполеон, наконец, решил ударить в тыл союзникам. Некоторое время они были совершенно не уверены в его передвижениях после того, как он покинул Реймс, пока в перехваченном письме Марии Луизе не сообщили им, что он находится в Сен-Дизье.

ГЛАВА XXXVI

Союзники приближаются к Парижу—Мария Луиза удаляется в Блуа—Мармон и Мортье занимают высоты Монмартра—Они побеждены—Король Жозеф сбегает—Мармон капитулирует—союзники входят в Париж—Наполеон в Фонтенбло — Его отречение.

Наполеон еще несколько дней продолжал маневрировать в местности за Сен-Дизье. Захватив таким образом дороги, по которым продвигалась Великая армия, он взял в плен многих выдающихся людей по пути в ее штаб—квартиру - и однажды сам император Австрии едва избежал столкновения с отрядом французских гусар. Тем временем то и дело происходили мелкие стычки между арьергардом Наполеона и австрийцами, которых он принимал за авангард Шварценберга. Однако это были отдельные войска, в основном конница, оставленные специально для того, чтобы задерживать его на марше и обманом внушать ему эту веру. Великая армия быстро продвигалась вниз по Сене, в то время как Блюхер, неоднократно побеждавший Мармона и Мортье, был уже в пределах видимости Мо.

Упоминалось, что Наполеон, прежде чем начать свою кампанию, приказал возвести несколько укреплений на стороне Парижа, ближайшей к вторгшимся армиям. Однако его брат Джозеф, как показала Испания, не был ни активным, ни умелым солдатом; и гражданского правительства этой бурлящей столицы, по-видимому, было более чем достаточно, чтобы использовать ту

энергию, которой он обладал. Внешние укрепления, построенные во время кампании, были немногочисленны и незначительны; и для их занятия теперь оставалось всего 8000 свежих регулярных войск, разбитые дивизии Мармона и Мортье и Национальная гвардия метрополии. В списке этого последнего корпуса значилось 30 000 имен; но таковы были проявления общественных чувств, что наместники императора не осмелились снабдить огнестрельным оружием более трети из них; у остальных были только пики; и с каждым часом у Регентского совета увеличивались сомнения в том, согласится ли значительная часть этих людей, которые фактически были парижскими лавочниками, пролить свою кровь за это дело.

Тем временем роялисты в городе с нетерпением и ликованием наблюдали за развитием событий. Талейран уже был в тесном общении с ними и использовал все ресурсы своих талантов, чтобы убедить их соединить свое требование о наследнике Бурбонов с такими утверждениями их веры в то, что эта династия не должна быть восстановлена иначе, как на конституционной основе, что могло бы привлечь на их сторону более умеренных республиканцев. Эти усилия также не увенчались успехом. Различные делегации от роялистов добрались до штаб-квартиры Блюхера и Шварценберга еще до середины марта и выражали настроения подобного рода. Однако до сих пор ни один из союзников не осмелился напрямую поддержать надежды партии Бурбонов. Они настаивали на своем решении предоставить французской нации самой решать, при каком правительстве им жить, и не принимать участия в их гражданской вражде. Сам Талейран состоял в переписке с царем, но в своих письмах он, насколько известно, ограничивался тем, что призывал к наступлению армий. Записка от него была доставлена Александру незадолго до начала последнего наступления на Париж: в ней были такие слова — "Ты ни на что не рискуешь, когда можешь смело рискнуть всем — рискни еще раз".

Де Прадт и многие другие из тех государственных деятелей, которых Наполеон в последние дни опозорил или лишил полномочий, до этого времени усердно трудились на той же службе. Следует признать, что он, как и падающий перс, был

"Покинутый в крайней нужде
теми, кого кормили его прежние щедроты";

но он довел себя до такой крайности, пренебрегая их советами; и даже в последний час его гордое сердце не помышляло о том, чтобы вернуть доверие, признав ошибку.

26 марта на бульварах Парижа время от времени раздавался отдаленный грохот артиллерии, и тревога стала неистовой. 27-го (воскресенье) Жозеф Бонапарт устроил смотр на площади Карусель; и поскольку день был погожий, а форма почти новая, уверенность зрителей возросла, и газеты выразили пожелание, чтобы враг мог только увидеть, какие силы готовы встретить его и уничтожить. В тот же вечер союзники перешли Марну в разных местах; в три часа утра 28-го они взяли Мо; а на рассвете "перепуганное население местности между Мо и Парижем хлынуло в столицу, - говорит очевидец, - со своими престарелыми, немощными детьми, кошками, собаками, домашним скотом, зерном, сеном и всевозможными предметами домашнего обихода". Бульвары были запружены повозками, повозками и экипажами, нагруженными таким образом, к которому был привязан скот, и все это было окружено женщинами". Регулярные войска вышли из города, оставив все заслоны Национальной гвардии. Царившая повсюду неразбериха была неопиcуемой.

29—го числа императрица, ее сын и большинство членов Государственного совета отправились в сопровождении 700 солдат в Рамбуйе, откуда они продолжили свой путь в Блуа, и в их обозе ехали пятнадцать повозок, груженных посудой и монетами из хранилищ Тюильри. Зрители смотрели на их отъезд в мрачном молчании, а король Жозеф опубликовал следующее воззвание: "Граждане Парижа! Вражеская колонна двинулась на Мо. Он продвигается; но император следует вплотную за ним во главе победоносной армии. Регентский совет позаботился о безопасности императрицы и короля Рима. Я остаюсь с вами. Давайте вооружимся, чтобы защитить этот город, его памятники, его богатства, наших жен, наших детей - все, что нам дорого. Пусть эта огромная столица на несколько мгновений превратится в лагерь; и пусть враг найдет свой позор под стенами, которые он надеется с триумфом перепрыгнуть. Император идет к нам на помощь. Поддержите его коротким и энергичным сопротивлением и сохраните честь Франции". Этот призыв не вызвал никаких благоприятных для Наполеона чувств. Бульвары по-прежнему были запружены множеством людей, но большая их часть восприняла воззвание с безразличием, а некоторые и с ропотом. Некоторые офицеры убеждали Савари немощить улицы и убедить людей вооружиться камнями и приготовиться к обороне, подобной обороне Сарагосы. Он ответил, качая головой: "Это невозможно сделать".

Весь день по городу катились повозки с сухарями и боеприпасами; раненые солдаты, прихрамывая, подходили к барьерам; Сена все гуще и гуще вздымалась от трупов лошадей и людей. В тот вечер, на этот раз, театры были пусты.

30-го числа союзники вступили в бой и выиграли последнюю битву. Французы заняли весь диапазон высот от Марны у Шарантона до Сены за Сен-Дени; и австрийцы начали атаку около одиннадцати часов по направлению к первому из этих пунктов, в то время как почти посередине между ними русские атаквали Пантен и Бельвиль. Пруссаки, расположившиеся напротив высот Монмартра, не вступили в бой так рано в тот день. Французские линейные войска были расквартированы повсюду на фронте, и ими командовали Мармон и Мортье. Те батальоны Национальной гвардии, чьему духу можно было доверять и которые были должным образом вооружены, выполнили приказ Монси и образовали вторую линию обороны. Студенты Политехнической школы вызвались служить при больших орудиях, и артиллерия была хоть и немногочисленной, но хорошо подготовленной и в доблестных руках.

Оборона французов, несмотря на все предыдущие неудачи и огромное численное превосходство противника, была очень храброй; но к двум часам дня союзники полностью разгромили их на всех участках, за исключением только Монмартра, где они быстро продвигались вперед. Затем Мармон послал нескольких адъютантов с просьбой о перемирии и предложением капитуляции. Похоже, что только один из его посланцев достиг штаб-квартиры монархов - и царь, и король Пруссии немедленно заявили о своей готовности пощадить город при условии, что регулярные войска покинут его. Блюхер, тем временем, продолжал наступление на Монмартр, и вскоре после четырех, когда победа на этом направлении была завершена, французские пушки были направлены на город, и выстрелы и снаряды начали сеять разрушения внутри его стен. Капитуляция была оформлена в пять часов, недалеко от барьера Сен-Дени.

Король Жозеф появился верхом среди войск ранним утром; но его не было видно после начала атаки. В час дня он получил сообщение от Мармона с просьбой прислать подкрепление. "Где

мне их найти?" — ответил он. "Хороша ли ваша лошадь?" Адъютант ответил утвердительно. "Тогда следуйте за мной", - сказал Жозеф и без дальнейших церемоний отправился в Блуа.^[66]

Теперь мы должны обратиться к Наполеону. Только 27-го числа он отчетливо удостоверился в том, что обе союзные армии двинулись маршем непосредственно на Париж. Он немедленно решил поспешить за ними в надежде зайти им в тыл, прежде чем они овладеют высотами Монмартра; и его войска не отказались еще раз броситься вперед по его приказу. Ему пришлось идти в обход, через Дулеван и Труа, потому что прямой путь был совершенно бесполезен и не мог обеспечить продовольствием его людей. В Дулеване он получил записку от Ла Валлетта, своего генерального постмейстера, в следующих выражениях: "Сторонники незнакомца набирают силу, поддерживаемые тайными интригами. Присутствие императора необходимо, если он желает предотвратить передачу своей столицы врагу. Нельзя терять ни минуты." Соответственно, с удвоенным рвением продвигаясь вперед, Бонапарт достиг Труа ночью 29—го - его люди прошли пятнадцать лье с рассвета. 30-го числа Макдональд тщетно пытался убедить его, что судьба Парижа, должно быть, была решена еще до того, как он смог туда добраться, и посоветовал ему выступить без дальнейших промедлений, чтобы соединиться с Ожеро. "В таком случае, - сказал маршал, - мы можем объединить и дать отдых нашим войскам и все же дать врагу сражение на выбранном поле. Если Провидение определило наш последний час, мы, по крайней мере, умрем с честью, вместо того, чтобы быть рассеянными, разграбленными и убитыми казаками ". Наполеон был глух ко всем таким советам. Он продолжал наступать. Убедившись, что дорога за Труа совершенно свободна, он бросился в почтовую карету и на полной скорости поехал впереди своей армии, почти без сопровождения. В Вильнев-Л'Аршевеке он вскочил на коня и, не останавливаясь, галопом добрался до Фонтенбло поздно ночью. Там он заказал экипаж и, посадив в него Коленкура и Бертье, поехал по направлению к Парижу. Ничто не могло поколебать его уверенности в том, что он еще не опоздал, — до тех пор, пока, когда он менял лошадей в Ла—Кур-де-Франс, всего в нескольких милях от Парижа, не появился генерал Бельяр во главе колонны усталых и удрученных кавалерией людей, маршировавших в Фонтенбло в соответствии с условиями капитуляции Мармона с рокового поля Монмартра.

Даже тогда Наполеон отказался остановиться. Выпрыгнув из кареты, он начал: "Что это значит? Почему вы здесь со своей кавалерией, Бельяр? И где враг? Где моя жена и мой сын? Где Мармон? Где Мортье? Бельяр, шедший рядом с ним, рассказал ему о событиях дня. Он вызвал свой экипаж - и настоял на продолжении своего путешествия. Генерал напрасно сообщал ему, что в Париже больше нет армии; что все регулярные войска отстают и что ни они, ни он сам, покинув город в результате соглашения, не могут вернуться в него. Император все еще требовал свою карету и приказал Бельяру развернуться с кавалерией и следовать за ним. "Поехали, — сказал он, — нам нужно в Париж - в мое отсутствие всеидет не так, как надо, - они только и делают, что совершают ошибки". Он зашагал дальше, крича: "Вам следовало продержаться подольше — вам следовало поднять Париж — Они не могут любить казаков — они наверняка защитили бы свои стены — Вперед! вперед! Я вижу, все лишились рассудка. Это происходит из-за того, что мы нанимаем дураков и трусов ". С такими восклицаниями Бонапарт поспешил вперед, таща за собой Бельяра, пока в миле от Ла-Кур-де-Франс их не встретила первая из отступающих пехотинцев. Их командующий, генерал Куриал, дал те же ответы, что и Бельяр. "Направляясь в Париж, - сказал он, - вы мчитесь навстречу смерти или плену". Поняв, наконец, что на нем лежит рука необходимости, император отказался от своего замысла. Он сразу же обрел совершенное самообладание; отдал приказ, чтобы войска по мере их прибытия

располагались за небольшой рекой Эссон; отправил Коленкура в Париж с полномочиями принять любые условия, которые будут рады предложить союзные монархии; и снова повернул к Фонтенбло.

Было еще темно, когда Наполеон снова добрался до этого почтенного замка. Он немедленно удалился отдыхать; однако не в одну из парадных комнат, которые он привык занимать, а в квартиру поменьше, в другой, более уединенной части здания.

Герцог Виченцкий добрался до покоев царя в Пантене ранним утром 31-го, когда тот еще спал, и узнал в толпе в передней депутацию парижского муниципалитета, ожидавшую его, чтобы вручить ключи от города и призвать на помощь завоевателя. Как только Александр проснулся, эти чиновники были допущены к нему, и им был оказан самый вежливый прием. Царь повторил свое любимое выражение о том, что у него есть только один враг во Франции, и пообещал, что со столицей и со всем, что в ней находится, следует обращаться с величайшим уважением. Затем Коленкур нашел дорогу к Александру, но его немедленно уволили. Выражение лица посланника, когда он выходил, говорило о том, что он считает судьбу своего господина решенной; и если бы он сохранил хоть какую-то надежду, она не могла бы не угаснуть, когда он узнал, что Александр уже отправил Талейрану письмо с просьбой ни в коем случае не покидать столицу и предложением поселиться в его отеле. Русский министр Нессельроде, принявший муниципальную депутацию до того, как проснулся царь, непринужденно вступил в беседу с джентльменом, стоявшим во главе ее, г-ном Лабордом. Этот человек, когда его спросили о состоянии общественных настроений, ответил, что есть три партии: армия, которая все еще придерживается Бонапарта; республиканцы, которые желают его низложения, но не будут возражать против признания римского короля императором при условии установления либеральной конституции и передачи регентства в надежные руки; и, наконец, старая знать и парижские салуны, которые едины в желании реставрации бурбонов. "Но у принца Беневенто, - сказал Лаборде, - императору лучше всего узнать обо всем этом - именно там обычно собираются наши главные государственные деятели". Предполагается, что этот разговор определил выбор Александром места жительства; и поскольку мы уже видели, что Талейран ранее был предан делу Людовика, результат этого выбора можно предвидеть.

История того, что Ла Валетт назвал "тайными интригами с незнакомцем", до сих пор не прояснена — и вряд ли прояснится в ближайшее время. Если и был кто-то из союзных государей, на чью готовность пощадить себя или, по крайней мере, свою семью Наполеон мог бы рассчитывать, то это, должно быть, был император Австрии; и все же сегодня на рассвете тысячами людей через стены Парижа было переброшено воззвание, в котором встречалось несколько фраз, не согласующихся ни с каким другим представлением, кроме того, что он и все союзники согласились в пользу реставрации бурбонов, прежде чем какая-либо часть их войск войдет в столицу. В этом документе говорилось о стремлении "государей" увидеть установление "спасительной власти во Франции"; об открывшейся парижанам возможности "ускорить установление мира во всем мире"; о "поведении Бордо" как о "примере метода, с помощью которого внешняя война и гражданские раздоры могут найти общее завершение"; в заключение говорилось следующее: "Именно с этими чувствами к вам обращается *вооруженная Европа* перед вашими стенами". Поспешите же ответить на доверие, которое она возлагает на вашу любовь к вашей стране и на вашу мудрость"; и была подписана "Шварценберг, *Главнокомандующий союзными армиями*".

Было обстоятельство другого рода, которое способствовало пробуждению надежд и воодушевлению приверженцев королевского дела. В начале кампании союзники испытали на себе зло из-за разнообразия униформы, которую носили войска стольких наций и языков, а также из-за сходства некоторых видов одежды, особенно немецкой, с французской. Вторгшиеся солдаты в последнее время переняли практику обвязывать свои левые руки кусками белого полотна; и этот знак, хотя, возможно, предназначавшийся только для того, чтобы незнакомцы могли узнавать друг друга, вряд ли был воспринят равнодушно парижанами, среди которых бурбонисты уже начали открыто носить белую кокарду.

Наконец, яркую сенсацию вызвала в Париже в этот критический момент публикация знаменитого трактата Шатобриана, озаглавленного "О Бонапарте и бурбонах". Первый признак свободы в давно поработанной парижской прессе, каким бы он ни был, вряд ли встретил недружелюбный прием; но это излияние одного из самых популярных писателей того времени (хотя и написанное в стиле, не подходящем для трезвых английских вкусов) было превосходно приспособлено для того, чтобы в такой момент сомнений и нерешительности произвести сильное впечатление на людей, которым оно было адресовано.

Агенты Бонапарта не сидели сложа руки в течение 30-го: они взывали к страстям тех несчастных классов общества, которые были добровольными орудиями всего ужасного насилия революции и среди которых имя Бурбонов все еще вызывало отвращение; и не без значительного эффекта. Толпы грязных изгоев, вышедших из своих переулков и подвалов и заполнивших некоторые общественные места во время битвы, были восприняты с равной тревогой всей порядочной частью населения, как бы ни разделялись их политические настроения. Но битва закончилась прежде, чем их удалось заставить предпринять какое-либо совместное движение; и когда побежденные солдаты начали в молчании и унынии расходиться по улицам, толпа потеряла мужество и также в смятении отступила в темные обители своего горя и порока.

Роялисты с ликованием приветствовали рассвет 31-го. Вместе с воззванием Шварценберга они распространили одно воззвание месье, а другое - Людовика XVIII. он сам и несколько ведущих джентльменов партии, Монморанси, Ноайи, Роганы, Рошфукальды, Полиньяки, Шатобрианы, рано выехали верхом на улицы, по которым они проследовали без помех ни со стороны гражданских властей, ни со стороны Национальной гвардии, украшенные символами своего дела и красноречиво взывающие к чувствам зрителей. Однако пока к ним только прислушивались. Масса людей была совершенно не уверена, каким должен быть конец, и, говоря языком самого главного оратора, г-на Сосфена де Рошфукальда, "тишина была самой мрачной". В полдень первые войска союзников начали преодолевать заграждение и входить в город. Кавалеры-роялисты встретили их; но хотя многие офицеры, увидев белую кокарду, воскликнули "Прекрасное украшение!" генералы отказались сказать что-либо, что могло бы обесчестить их монархов. Однако теперь некоторые знатные дамы, казалось, приняли участие в этой сцене; и когда было видно, как эти прекрасные руки разрывают свои платья, чтобы сделать белые кокарды, пламя их энтузиазма начало разгораться. Различные пикетчики Национальной гвардии сняли со своих фуражек трехцветные значки и надели белые, прежде чем многие союзники прошли через ворота.

В полдень, как уже упоминалось, началось это триумфальное шествие, которое продолжалось несколько часов. Зрелище было великолепным; 50 000 солдат, конница, пехота и артиллерия, все в высочайшем порядке и кондиции, промаршировали по бульварам; и посреди них

появились юный царь и король Пруссии, сопровождаемые ослепительной свитой принцев, послов и генералов. Толпа была так велика, что их движение, всегда медленное, иногда приостанавливалось. Вежливые взгляды и манеры всех незнакомцев, но особенно приветливый и снисходительный вид Александра, поначалу вызывали удивление; по мере того как кавалькада проезжала дальше, а толпа густела, чувства толпы переросли из удивления в восторг и закончились заразительным и непреодолимым восторгом. Ни один монарх, въезжающий в свои родные столицы, никогда не был встречен более восторженными аплодисментами; и все же на каждом шагу раздавались крики: *Да здравствует император Александр!—Vive le Roi de Prusse!* к ним все громче примешивались давно забытые отголоски *Да здравствует король!—Да здравствует Людовик XVIII.—Да здравствуют бурбоны!*

Монархи, наконец, остановились, распустили своих солдат по городским квартирам, увидели, как Платов и его казаки разбили свой бивуак на *Елисейских полях*, и удалились в приготовленные для них резиденции; резиденция Александра находилась, как мы упоминали выше, в отеле Талейрана.

Пока царь обсуждал с этим хитрым ветераном и несколькими другими французскими государственными деятелями первого класса, вызванными по его просьбе, состояние общественного мнения и силу противоборствующих сторон, население Парижа по—прежнему пребывало в изумлении и восхищении внезапным ходом событий, совершенно неожиданным количеством войск союзников (поскольку те, кто участвовал в триумфальном шествии, были, как теперь выяснилось, результатом оккупации всех окрестностей, но лишь фрагментом целого) — и, возможно, прежде всего — таков театральный вкус этого народа. — бесчисленное разнообразие черт лица и костюмов, наблюдаемое среди воинственных банд, бездельничающих и разгуливающих парадом по своим улицам и садам. Столица напоминала какой-то грандиозный маскарад. Там были черкесские дворяне в полных кольчугах и дикие башкиры с луками и стрелами. Всех возрастов, а также стран, казалось, послали своих представителей, чтобы преследовать в качестве победителей среди нации, которая только вчера заявила, славы над мечтами древности, и бесспорное мастерство европейского мира.

Совет в отеле Талейран не стал затягивать свое заседание. Александр и Фридрих Вильгельм, которых все их заседатели убеждали восстановить Династию Бурбонов, все еще колебались. "Всего несколько дней назад, - сказал царь, - колонна из 5 или 6000 новых солдат была разрезана на куски на моих глазах, когда единственный крик "*Да здравствует король*" спас бы их". Де Прадт ответил: "Такие вещи будут продолжаться до тех пор, пока вы продолжаете вести переговоры с Бонапарте, даже несмотря на то, что в данный момент у него на шее петля". Царь не понял этой последней иллюзии; ему объяснили, что парижане были заняты снятием статуи Наполеона с вершины большой колонны на Вандомской площади. Теперь Талейран предложил созвать Консервативный сенат и потребовать назначить временное правительство, члены которого должны иметь право разрабатывать конституцию. И на это монархи согласились. Александр немедленно подписал прокламацию, подтверждающую решимость союзников "больше не иметь дел ни с Наполеоном Бонапартом, ни с кем-либо из его семьи". Талейрана ждал печатник, и документ был немедленно опубликован с многозначительной *припиской*: "Мишо, печатник короля". Если после этого и оставались какие-либо сомнения, то, надо полагать, они рассеялись в девять часов того же вечера, когда дворянство-роялист еще раз собралось, отправило вторую депутацию к Александру и было (сам царь удалился на покой) принято своим министром Нессельроде и ответило ему в следующих словах: "Я только что

покинул императора, и я говорю от его имени. Возвращайтесь в свое собрание и объявите всем французам, что, тронутый криками, которые он услышал сегодня утром, и пожеланиями, с тех пор столь искренне высказанными в его адрес, его Величество собирается вернуть корону тому, кому она принадлежит. Louis XVIII. немедленно взойдет на свой трон".

И все же отнюдь не очевидно, что даже в то время, когда было произнесено это, по-видимому, самое торжественное заявление, решение союзников было неизменным. Нессельроде лично склонялся к регентству и сохранению короны за римским королем; не подлежит сомнению, что этот план, если бы он вообще был осуществим, был бы одобрен императором Австрии. Но французов, некогда выступивших против Наполеона, нельзя было убедить иначе, как в том, что его влияние возродится, к их собственному разорению, при любом правлении Бонапарта; и события двух последующих дней оказались решающими. Муниципальный совет собрался и объявил, что трон пуст. Предполагается, что этот смелый поступок определил консервативный сенат. 1 апреля этот орган также собрался и назначил временное правительство во главе с Талейраном. Низложение Наполеона было немедленно поставлено на голосование и прошло без единого несогласного голоса. 2-го числа подобным же образом был созван Законодательный сенат, гневно разогнанный в январе; и они тоже ратифицировали декреты, предложенные Консерваторами. 3-го числа был опубликован *senatus-consultum*, и мириады рук были заняты в каждом уголке города демонтажем статуй и картин, стиранием герба и инициалов Наполеона. Тем временем союзные принцы, назначенные военными губернаторами Парижа, ежедневно присутствовали на процессиях и празднествах и каждый вечер встречали в театрах бурные аплодисменты самых непостоянных людей.

Это было в ночь со 2-го на 3-е, когда Коленкур вернулся из своей миссии в Фонтенбло и сообщил Наполеону о событиях, свидетелем которых он был; он добавил, что союзники еще, по его мнению, не решили сопротивляться плану регентства, но что ему было поручено сказать, что ничего нельзя уладить относительно скрытых вопросов, пока он, император, официально не отречется от престола. Маршалы, собравшиеся в Фонтенбло, по-видимому, услышав это известие, единодушно решили, что они больше не будут принимать участия в войне; но сам Наполеон еще не был готов сдаться без борьбы. На следующий день, 4 апреля, он произвел смотр некоторым своим войскам, обратился к ним с речью по поводу "изменнических действий в столице", объявил о своем намерении немедленно выступить туда, и в ответ раздались восторженные крики "Париж! Париж!" После этого он, считая себя уверенным в преданности своих солдат, отдал приказ о выдвижении штаба в Эссон. С войсками, которые прошли через Париж в соответствии с конвентом Мармона, и теми, которые последовали за ним из Труа, около 50 000 человек были снова собраны вокруг Фонтенбло; и с такой поддержкой Наполеон еще не был настолько унижен, чтобы опасаться рискованного удара, несмотря на все численное превосходство союзников.

Однако, когда после смотра он удалился в замок, за ним последовали его маршалы и почтительно, но твердо сообщили, что, если он откажется вести переговоры на основании своего личного отречения и будет упорствовать в риске нападения на Париж, они не будут сопровождать его. Он на мгновение замолчал - и последовал долгий спор. Заявления и аргументы, которые он услышал, в конце концов возобладали; и Наполеон составил и подписал в выражениях, достойных торжественного случая, этот акт:

Союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, он, верный своей клятве, заявляет, что готов сойти с престола, покинуть Францию и даже расстаться с жизнью ради блага своей страны, что неотделимо от прав его Сына, от прав Регентства в лице императрицы и от поддержания законов Империи. Совершено в нашем дворце Фонтенбло 4 апреля 1814 года. НАПОЛЕОН.

Бонапарт поручил Коленкуру доставить этот документ в Париж от его имени, а маршалы предложили, чтобы Ней сопровождал его в качестве их представителя. Было предложено, чтобы Мармон также вошел в состав делегации; но он командовал передовой дивизией в Эссоне, и вместо него был назначен Макдональд. Теперь эти офицеры желали знать, на каких условиях, касающихся лично императора, они должны настаивать. "Ни на каких, — ответил он. — добейтесь для Франции наилучших условий, какие только сможете, — для себя я ничего не прошу".

До сих пор ничто не могло быть более сдержанным и достойным, чем его поведение. Теперь он бросился на диван, на несколько минут спрятал лицо, а затем встрепенулся с той улыбкой, которая так часто разжигала в каждом сердце вокруг него пламя наступления, воскликнул: "Выступим, товарищи мои, еще раз выйдем на поле боя".

Ответом было молчание и немного слез; и он, также молча, отпустил посланцев и собрание.

Коленкур, Ней и Макдональд немедленно отправились в путь; достигнув Эссона, они получили сведения, которые ускорили их продвижение. Виктор и многие другие офицеры первого ранга, не допущенные на совет в Фонтенбло и рассматривавшие события двух предыдущих дней в столице как решающие, уже заявили о своем присоединении к временному правительству; а Мармон, командовавший дивизией Наполеона, не только предпринял тот же шаг в отношении себя лично, но и заключил накануне вечером отдельное соглашение, в соответствии с которым было решено, что он немедленно проведет свои войска в тылу союзных армий. Маршалы миссии умоляли Мармона отложить свое намерение и отправиться с ними в Париж. Он подчинился; и по прибытии в столицу они оказались окруженными со всех сторон криками: *Да здравствует король!* Эти звуки сопровождали их до отеля "Талейран", где они были немедленно допущены к царю. Был составлен акт об отречении, и Александр выразил свое удивление по поводу того, что в нем не содержалось никаких условий, касающихся лично Наполеона; "но я был его другом, — сказал он, — и я охотно буду его защитником. Я предлагаю, чтобы он сохранил свой императорский титул с суверенитетом над Эльбой или каким-нибудь другим островом".

Когда посланцы Бонапарта удалились из присутствия самодержца, все еще оставалось сомнительным, будет ли принято отречение в его нынешнем виде или союзники будут настаивать на безоговорочной капитуляции. Почти в тот же миг пришло известие, которое решило этот вопрос. Вскоре после того, как миссия покинула его, Наполеон отправил приказ генералу Сухаму, который командовал в Эссоне в отсутствие Мармона, вернуться в Фонтенбло. Сухам, который, как и все высшие офицеры корпуса Мармона (за двумя исключениями), одобрял конвенцию 3-го числа, был встревожен, получив это сообщение. Его собратья, созванные на совет, разделили его опасения, и было принято решение немедленно привести конвенцию в исполнение. Войска были в полном неведении о том, что было задумано, когда они начали свой марш в пять часов утра 5-го; и впервые заподозрили тайные замыслы своих

командиров, когда они оказались посреди линий союзников, окруженные со всех сторон превосходящими силами противника, в окрестностях Версаля. Последовало сильное волнение; пролилось немного крови; но необходимость подчинения была настолько очевидна, что вскоре они восстановили видимость порядка и спокойно расположились среди чужаков.

За этим сообщением последовало еще больше подобных сообщений. Офицеры всех рангов начали покидать лагерь в Фонтенбло, чтобы присягнуть на верность новому правительству. Талейран остроумно заметил, когда кто-то назвал Мармона предателем: "его часы шли лишь немного быстрее, чем у других".

Наконец союзные князья заявили о своей решимости не принимать ничего, кроме безоговорочного отречения, сделав маршалов, однако, носителями своего единодушного присоединения к предложениям Александра в пользу Наполеона и его Дома, которые в окончательном виде сводились к следующему:

во-первых, императорский титул, который должен быть сохранен Наполеоном, со свободным суверенитетом Эльбы, гвардией и военно-морским флотом, соответствующим размерам этого острова, пенсия от Франции в размере шести миллионов франков ежегодно; во-вторых, герцогства Парма, Плацентия и Гуасталла должны быть предоставлены в качестве суверенных Марии Луизе и ее наследникам; и в-третьих, французское правительство должно ежегодно выплачивать два с половиной миллиона франков в качестве пенсий Жозефине и другим членам семьи Буонапарте.

Наполеон, услышав о последствиях бегства Мармона, воскликнул: "Неблагодарный человек! но я жалею его больше, чем себя". С тех пор каждый час ему было суждено сталкиваться с подобными унижениями. Бертье, его избранный и верный друг, попросил разрешения съездить по частным делам в Париж, добавив, что вернется через несколько часов. Император согласился и, выходя из покоев, прошептал с улыбкой: "Он больше не вернется". Что Наполеон переживал еще более болезненно, так это бесцеремонный уход его любимого мамелюка Рустана.

Прежде чем маршалы вернулись из Парижа, он снова произвел смотр своей гвардии; и тем, кто его окружал, было очевидно, что он все еще жаждет получить шанс на другом поприще. Мы можем себе представить, что его мысли были похожи на мысли шотландского узурпатора:

"Я прожил достаточно долго: май моей жизни
Превратился в иссохший, желтый лист..."
Подойди, надень мои доспехи; дай мне мой посох.
... Таны бегут от меня".

Иногда он обдумывал поход на юг, собирая по пути армии Ожеро и Сульта и возобновляя кампанию, как того потребуют обстоятельства, либо за Луарой, либо за Альпами. В другое время в его воображении появлялась возможность все же разбудить население Парижа. Среди этих мечтаний, тщета которых с каждой минутой становилась все более очевидной, Наполеон получил ультиматум держав-захватчиков. Он долго колебался и раздумывал, прежде чем подписать свое согласие на это. Группа его личных сторонников сильно поредела; и армии союзников, постепенно продвигаясь из Парижа, почти окружили Фонтенбло, когда он, наконец

(11 апреля), оставил всякую надежду и привел в исполнение документ, формально "отрекающийся для себя и своих наследников от тронов Франции и Италии".

Даже после подписания этого документа и передачи его Коленкуру он предпринял последнюю попытку приободрить старших офицеров, все еще находившихся рядом с ним. Они, как и маршалы 4-го числа, выслушали его призывы молча; и герцог Виченца, хотя ему неоднократно приказывали вернуть акт об отречении, отказался это сделать. Принято считать, что в течение последовавшей ночи размышления Наполеона снова были подобны размышлениям о падающем Макбете:

"Отсюда не улететь, здесь не задержаться.
Я, кажется, устал от солнца". —

Правдива ли история, рассказанная очень подробно, о том, что в ту ночь он проглотил яд, у нас нет возможности решить. Несомненно, что он пережил сильный пароксизм болезни, впал в оцепенение, подобное смерти, и проснулся в крайней слабости, вялости и унынии; в таком состоянии прошло несколько дней.

Наполеон оставался в Фонтенбло достаточно долго, чтобы услышать о восстановлении монархии Бурбонов и триумфальном въезде графа д'Артуа (ныне Карла X.) в Париж в качестве наместника своего брата Людовика XVIII; и о другом событии, которое должно было бы огорчить его еще больше. Сразу же после формирования временного правительства из Парижа были отправлены гонцы, чтобы пресечь ход военных действий между Сультом и Веллингтоном. Но, где бы ни лежала вина за перехват и утаивание этих новостей, английский генерал не получал никаких сведений подобного рода до тех пор, пока, продолжая свою успешную карьеру, он не участвовал в еще одном великом и кровопролитном сражении и не одержал еще одну славную победу под стенами Тулузы. Это прискорбное, потому что совершенно ненужное сражение произошло 11 апреля. 14-го числа весть о падении Парижа достигла лорда Веллингтона; и, поскольку Сульт вскоре после этого заявил о своей приверженности новому правительству, его победитель продолжил принимать участие в заключительных переговорах союзников в Париже.

20 апреля Наполеон еще раз созвал своих офицеров и дал понять, что они вызваны для его последнего прощания. Присутствовали несколько маршалов и другие лица, которые некоторое время назад присягнули на верность королю. "У Людовика, - сказал он, - есть таланты и средства; он стар и немощен и, я думаю, не захочет опорочить свое правление. Если он проявит мудрость, то займет мою кровать и только поменяет простыни. Но он должен хорошо относиться к армии и стараться не оглядываться на прошлое, иначе его время будет недолгим. Что касается вас, джентльмены, то я больше не буду с вами; у вас другое правительство; и вам подобает искренне примкнуть к нему и служить ему так же верно, как вы служили мне".

Теперь он пожелал, чтобы остатки его императорской гвардии были выставлены во дворе замка. Он подъехал к ним верхом, и слезы полились из его глаз, когда он спешил среди толпы. "Вся Европа, - сказал Наполеон, - вооружилась против меня. Франция сама бросила меня и выбрала другую династию. Я мог бы со своими солдатами годами поддерживать гражданскую войну, но это сделало бы Францию несчастной. Будьте верны новому суверену, которого выбрала ваша страна. Не оплакивай мою судьбу: я всегда буду счастлив, пока знаю, что ты

такой. Я мог умереть — нет ничего легче, — но я всегда буду следовать путем чести. Я запишу своим пером дела, которые мы совершили вместе. Я не могу обнять вас всех, — продолжал он, обнимая командующего офицера, — но я обнимаю вашего генерала. Принесите сюда орла. Любимый орел! пусть поцелуи, которыми я вас одариваю, долго звучат в сердцах храбрецов; прощайте, мои дети, прощайте, мои храбрые товарищи, окружите меня еще раз, прощайте!"

Среди безмолвной, но глубокой скорби этих храбрых людей, подчинявшихся, как и он сам, непреодолимой силе событий, Наполеон сел в свою карету и быстро выехал из Фонтенбло.

Из всех, кто оплакивал падение этого выдающегося человека, никто не проливал более горьких слез, чем забытая жена его юности. Жозефина бежала из Парижа при приближении союзников, но, уверенная в дружеской защите Александра, вернулась в Мальмезон еще до того, как Наполеон покинул Фонтенбло. Царь часто навещал ее и старался облегчить ее страдания. Но гибель "ее Ахиллеса", "ее Сида" (как она теперь, в день несчастья, называла Буонапарте) глубоко запала ей в сердце. Она заболела и умерла еще до того, как союзники покинули Францию.

Тем временем Мария Луиза и ее сын были взяты под личную защиту императора Австрии и отправились в Вену незадолго до того, как павшее "Дитя Судьбы" достигло Эльбы.

ГЛАВА XXXVII

Путешествие Наполеона во Фрежюс—Путешествие на Эльбу—его поведение и занятия там—Недовольство во Франции—Возвращение военнопленных—Ревность армии—Союз якобинцев и бонапартистов—Их интриги—Наполеон сбегает с Эльбы.

Четыре комиссара, по одному от каждой из великих союзных держав — Австрии, России, Пруссии и Англии, сопровождали Бонапарта в его путешествии. Его сопровождал Бертран, великий магистр Дворца, и некоторые другие приближенные друзья и слуги; и пока четырнадцать экипажей везли его и его ближайшую свиту к Эльбе, 700 пехотинцев и около 150 кавалеристов императорской гвардии (все отборные люди и все добровольцы) двинулись в том же направлении, чтобы возложить на них военные обязанности изгнанного двора.

На начальном этапе своего продвижения Наполеон продолжал пользоваться уважением гражданских чиновников различных городов и департаментов и многими знаками сочувствия со стороны народа; и его личное поведение было таким, каким оно имело обыкновение казаться в его лучшие дни. В Валансе он встретился с Ожеро, чье поведение во время кампании вызвало его самое горькое неудовольствие; беседа была короткой — взаимные обвинения, и, возможно, впервые павший император услышал, как к нему обращаются таким ровным и безразличным тоном, к которому он столько лет был незнаком. С тех пор его путешествие все больше и больше уводило его в глубь провинций, где его имя никогда не было популярным, и презрительное улюлюканье начало постепенно сменяться криками яростного негодования. Не раз толпа угрожала личной расправой, когда меняли лошадей, и он, по-видимому, выказывал такую тревогу, какой вряд ли можно было ожидать от человека, столь знакомого со всеми опасностями войны. Но гражданские волнения, как мы видели на примере революции

Брюмера, не воспринимались Наполеоном так спокойно, как беспорядки на поле боя. К тому же в это время он страдал от телесной болезни, плод распутства, которое сильно действует на самые крепкие нервы. Все признают, что он проявлял больше беспокойства, чем соответствует понятию героического персонажа. Наконец он переоделся и, иногда появляясь в австрийской форме, а иногда верхом перед экипажами в одежде курьера, благополучно добрался до места посадки.

Французское судно было отправлено из Тулона в Канны, чтобы доставить его на Эльбу; но на рейде случайно оказался английский фрегат, и он предпочел плавать под любым флагом, только не под Бурбонским. Его невозмутимость, казалось, полностью восстановилась с того момента, как он ступил на британскую палубу. Он дружелюбно беседовал с капитаном Ашером и офицерами; и благодаря непринужденности и незамысловатости его манер, его интеллигентному любопытству относительно устройства корабля и теплым похвалам, которые он продолжал произносить в их адрес и о характере английской нации в целом, ему удалось произвести очень благоприятное впечатление на всю команду - за исключением Хинтона, проницательного старого боцмана, который, равнодушный ко всем императорским любезностям, в конце каждой прекрасной речи ворчал одно и то же невзрачное замечание: "вздор". За исключением этого сурового ветерана, на кубрике обычно говорили, что "Буонапарте все-таки был очень хорошим парнем"; и когда, наконец, покинув *"Неустрашимый"*, он распорядился раздать матросам около 200 *Наполеонов*, они "пожелали его чести долгих лет жизни и большей удачи в следующий раз".

Он оказался в пределах видимости своих новых владений днем 4 мая и в тот же вечер переоделся и сошел на берег, чтобы лично убедиться, похожи ли чувства эльбезийцев на чувства провансальцев. Обнаружив, что, напротив, люди считают, что его пребывание на острове может всячески способствовать росту влияния и процветания их острова, он вернулся на борт корабля и в полдень следующего дня совершил свой публичный въезд в город Порто-Феррайо, сопровождаемый всевозможными демонстрациями приветствия и уважения.

Русские и прусские уполномоченные не сопровождали его дальше побережья Прованса: австрийский барон Холер и английский сэр Нил Кэмпбелл высадились вместе с Наполеоном и поселились в Феррайо. В течение некоторого времени он продолжал относиться к обоим этим джентльменам со всеми знаками отличия и даже сердечности: сделал их своими компаньонами за столом и на экскурсиях; и беседовал с очевидной открытостью и прямоотой о прошлом, настоящем и будущем. "В мире есть только один народ, — сказал он полковнику Кэмпбеллу, — англичане, остальные — всего лишь несколько народностей. Я пытался поднять французов до вашего уровня чувств, и, не сумев этого сделать, естественно, пал. Теперь я политически мертв для Европы. Позвольте мне сделать для Эльбы все, что в моих силах.... Следует признать, — сказал он, взобравшись на холм над Феррайо, откуда он мог обозревать всю свою территорию, как на карте, — следует признать, — сказал император, улыбаясь, — что мой остров очень мал.

Остров, однако, принадлежал ему; и, как с точки зрения самого глаза очень маленький объект, находящийся под рукой, занимает гораздо большее пространство, чем самый большой, находящийся вдали, так и в сознании Наполеона то, что всегда имело наибольшее значение, в чем его личные интересы в то время были больше всего заинтересованы. Остров — гористый и скалистый, по большей части бесплодный и имеющий в окружности не более шестидесяти миль — принадлежал ему; и император немедленно посвятил Эльбе ту же заботу и усердие,

которых было достаточно для ведения всех дел Франции и, кроме того, для наблюдения и контроля над половиной Европы. Менее чем за три недели он исследовал каждый уголок острова и спроектировал больше всевозможных улучшений, на завершение которых потребовалась бы долгая жизнь. Он даже расширил свою империю, отправив дюжину или две своих солдат завладеть небольшим соседним островком, до сих пор остававшимся незанятым из-за страха перед корсарами. Он основал четыре разные резиденции в разных уголках Эльбы и постоянно переезжал из одной в другую. Где бы он ни находился, в домах, не таких больших и не так хорошо обставленных, как те, в которых привыкли жить многие английские джентльмены, насколько это было возможно, соблюдались все этикеты Тюильри, и восемьсот или девятьсот ветеранов Наполеона устраивались смотры так часто и официально, как если бы они были армией Аустерлица или Москвы. Его присутствие дало новый толчок торговле и промышленности островитян; маленький порт Феррайо был переполнен судами с противоположных берегов Италии; и сила его имени все еще была такова, что новый флаг Эльбы (покрытый пчелами Наполеона) безнаказанно пересекал моря, наиболее кишасшие мавританскими пиратами.

Однако рвение Бонапарта к архитектурным и другим усовершенствованиям вскоре было сдержано достаточно новым для него способом, а именно нехваткой денег. Налоги на острове были в срочном порядке увеличены, но это вызвало недовольство среди эльбийцев, совершенно не пополнив должным образом императорскую казну. Если бы французское правительство выплачивало ему пенсию авансом или, по крайней мере, ежеквартально, по мере поступления, даже это было бы ничтожно мало по сравнению с требованиями его великолепного воображения. Но Наполеон вообще не получал денег от бурбонского двора, и его жалобы на этот счет были несправедливо и неразумно проигнорированы. Эти новые неприятности ожесточили дух поверженного Вождя, и, когда первое возбуждение от новизны прошло, он впал в состояние сравнительной лености и, по-видимому, апатичного уныния, от которого, однако, вскоре его окончательно вывел ход событий в этом великом королевстве, почти в виду берегов которого ему самым опрометчивым образом позволили сохранить тень суверенного государства.

Людовик XVIII, преклонный в годах, грубый и немощный лично, преданный роскоши застолья, был, несмотря на значительные таланты и достижения, а также искреннее желание примирить чувства, продвигая интересы всех слоев своего народа, но плохо приспособленный для занятия в такие трудные времена трона, который, даже при всем блеске гения и побед, Наполеон в лучшем случае находил неудобным и ненадежным.^[67] Сам король был, возможно, менее непопулярен, чем почти любой другой член его семьи; но его фатальное несчастье заключалось в том, что, хотя в целом с каждым днем усиливалось ожесточение тех, кто никогда не был искренними его друзьями, это имело тенденцию охлаждать чувства роялистов, которые участвовали в его изгнании или трудились, прежде чем успех стал вероятен, за его возвращение.

Людовик был призван на престол французским сенатом декретом, который в то же время объявлял законодательную конституцию, состоящую из наследственного монарха и двух палат собрания, незыблемой; который подтверждал права всех, кто приобрел собственность вследствие событий Революции, а также титулы и ордена, пожалованные Бонапартом; одним словом, который призывал Бурбонов взойти на трон Наполеона — при условии, что он сохранит ту политическую систему, которую нарушил Наполеон. Людовик, однако, хотя и прибыл во

Францию по этому приглашению, без колебаний датировал свой первый акт двадцатым годом своего правления; и хотя он издал хартию, предоставляющую, как по собственной воле, все привилегии, которые сенат требовал для себя и нации, такой способ начала не мог не нанести глубокого оскорбления тем, кто изначально не принадлежал к его партии, кто согласился на его отзыв. Эти люди увидели в таких предположениях следы тех старых доктрин о *божественном праве*, которые они всю жизнь ненавидели и с которыми боролись; и спросили, почему, если все их привилегии были всего лишь подарками Короля, они не могли при любой соблазнительной возможности быть лишены той же власти? Они, все владения и титулы которых были завоеваны после смерти Людовика XVI, были поражены, когда обнаружили, что, согласно королевской доктрине, все это время во Франции не было законного правительства. Между тем изгнанные дворяне, естественно, были личными друзьями и компаньонами восстановленных принцев: их прославленные имена и, мы должны добавить, их превосходные манеры не могли не вызывать неприятных чувств у новоиспеченных герцогов и графов Бонапарте. Неудивительно, что в их среде лелеялись и даже признавались надежды на постепенное, если не быстрое, восстановление поместий, которых их лишила Революция. Церковники, которые никогда искренне не поддерживали церковные порядки Наполеона, разумеется, встали на сторону этих обедневших и надменных лордов; и, одним словом, когда первая суматоха реставрации закончилась, войска союзников были выведены, а память о недавних страданиях и катастрофах начала тускнеть среди самых тщеславных и изменчивых наций, среди всех тех классов, которые первоначально одобрили революцию 1792 года или извлекли из нее выгоду, появилось множество элементов недовольства.

Из них следует обратить внимание на наиболее могущественные и опасные; и действительно, если бы бурбоны приняли разумные меры в отношении *армии*, весьма вероятно, что тревоги других классов, о которых сейчас идет речь, могли бы утихнуть. Союзники в момент всеобщего восторга и примирения немедленно и без каких-либо условий вернули всех пленных, попавших к ним в руки во время войны. Таким образом, по меньшей мере 150 000 солдат-ветеранов Бонапарта были переброшены во Францию еще до того, как Людовик прочно занял трон; люди, большая часть которых ничего не видела в последних катастрофических кампаниях; которые поддерживали себя в изгнании, размышляя о прежних победах, в которых они сами принимали участие; и которые теперь, возвращаясь свежими и энергичными на родную землю, имели только один ответ на каждый рассказ о постигшем их несчастье: "Этого никогда бы не случилось, если бы мы были здесь".

Завоеватели, в свою тревожность закупки для Людовика XVIII. теплый прием среди французов, привел в другой ошибок, которые все, как правило, тот же вопрос. Они (за некоторыми исключениями со стороны Пруссии) оставили нетронутыми картины и статуи, трофеи сражений Наполеона в Лувре — они даже не потревожили памятники, воздвигнутые в память об их собственном позоре. Свирепые и надменные солдаты Бонапарта теперь приписывали эти примеры снисхождения злостному влиянию того ужаса, который привыкли внушать их собственные войска под его руководством. Наконец, уступки самому Наполеону его императорского титула и независимого суверенитета почти в пределах видимости Франции были истолкованы таким же образом этими закоренелыми почитателями его славы. Восстановленный на престоле король, со своей стороны, ни о чем так не заботился, как о том, чтобы успокоить расположение армии. С этой целью он держал вместе отряды, которые, давно привыкшие ко всякой вседозволенности в ведении войны, вряд ли согласились бы на мир даже при самом Наполеоне. Даже императорская гвардия, эти избранные и преданные дети

императора, была сохранена в полном составе на своем старом посту; орден Почетного легиона был сохранен по-прежнему; военное министерство было передано Сульту, самому способному, по общему мнению, из оставшихся в живых маршалов Бонапарта; и другие офицеры этого высокого ранга были удостоены всех знаков королевского уважения. Но эти меры только усилили самонадеянность тех, чью привязанность они должны были обеспечить. Едва ли было возможно, чтобы король Франции не назначал военных среди знати, участвовавшей в его изгнании. Он дал им так мало, что все они начали роптать еще до того, как исполнился месяц правления; но он дал достаточно, чтобы вызвать дерзкие возгласы среди этих гордых легионеров, которые в каждом роялисте видели символ временного унижения своей собственной касты. Когда, не распуская и не ослабляя Имперскую (ныне *Королевскую*) Гвардию, он сформировал отряд придворных войск, состоящий из *джентльменов*, и поручил им непосредственное сопровождение своей особы и двора, что было расценено как гнусное оскорбление; и когда король пожаловал крест Почетного легиона лицам, которые предпочли бы крест Людовика Святого, единственным комментарием, полученным среди воинов при Аустерлице и Фридланде, было то, что бурбоном приписывали решительный замысел унижить награду, которую они приобрели своей кровью.

Одним словом, французские солдаты оставались расквартированными в стране с характером суровым, мрачным и угрюмым; они завидовали принцу, хлеб которого они ели; стремились стереть память о недавних бедствиях ради новых побед; и все глубже и глубже лелеяли мысль (возможно, небезосновательную), что, если бы Наполеона не предали дома, никакие иностранцы никогда не смогли бы свергнуть его с трона. Подобные чувства не могли не разделяться, в большей или меньшей степени, офицерами всех рангов, служившими под началом Бонапарта. Почти повсеместно они считали, что политика бурбонов должна заключаться в том, чтобы продвигать, насколько это возможно, других, а не самих себя. И даже что касается представителей самого высшего сословия, могли ли какие—либо мирные почести компенсировать таким умам, как Ней и Сульт, революцию, навсегда окутавшую мраком блестящие награды, на которые Наполеон поощрял их спекулировать? Должны ли были товарищи Мюрата и Бернадотта довольствоваться тем, что они пэры Франции, среди Монморанси и Роганов, которые считали их в лучшем случае незванными гостями низкого происхождения и презирали в частном обществе признание их членами своего ордена? Если мы примем во внимание многочисленных личных сторонников, которыми, должно было обладать имперское правительство со всеми недостатками его главы, — и политическое унижение Франции в глазах всей Европы, а также самого французского народа, непосредственно связанное с исчезновением Наполеона, — мы получим некоторое смутное представление о той массе разнообразных горестей и негодований, среди которых неповоротливый и бездеятельный Людовик вскоре занял самый незавидный трон — и на который орлиный взор Изгнанника с Эльбы взирал с возрождающейся надеждой еще до летнего солнцестояния. 1814 год подошел к своему завершению.

К тому времени, как мы видели, поведение Наполеона сильно отличалось от того, какими они были, когда он впервые вступил во владение своей империей-имитацией. К тому времени его мать, его сестра Полина (женщина, чьи таланты к интриганству равнялись ее личному обаянию) и немало древних и преданных слуг, как из его гражданского правительства, так и из его армии, добрались до Эльбы и вошли в состав "его маленького сената". Полина неоднократно совершала путешествия в Италию и снова возвращалась. Новые и деятельные лица появлялись в кругу Порто Феррайо - и тут же исчезали - никто не знал, откуда они пришли и куда

направились; атмосфера суеты и таинственности царила в этом месте. Сэру Нилу Кэмпбеллу становилось все труднее получить доступ к присутствию Буонапарте, что из—за отказа английского правительства признать императорский титул и вытекающего из этого отсутствия у этого офицера какого-либо определенного характера на Эльбе не оставляло ему лучшего средства преодолеть, чем предпринимать поездки, получая таким образом предлог для выражения своего почтения при каждом отъезде и возвращении. Сэр Нил Эрли подозревал, что вынашивается какое-то зло, и неоднократно отмечал абсурдность удержания пенсии Наполеону, тем самым как бы подталкивая его к насилию. Но ни отчеты, ни заявления этого джентльмена, по-видимому, не получили того внимания, которого они заслуживали.

Какие лица во Франции на самом деле общались на политические темы с беспокойным двором Эльбы в течение той осени и следующей зимы, вероятно, останется тайной: то, что они не были ни малочисленными, ни бездеятельными, ни неискушенными, в достаточной степени докажет событие. Начальники полиции и почты были смещены Людовиком; но весь низший механизм этих учреждений остался нетронутым; и обычно считается, что оба были рано и усердно задействованы на службе нового заговора. Мы видели, что Сульт был главнокомандующим армией; и очень трудно, рассматривая последующий ход событий, усомниться в том, что он также систематически использовал свою власть с теми же целями, распределяя и расстановляя войска в соответствии с правилами, совершенно отличными от интересов его королевского повелителя.

Перед концом осени Бонапарт под различными предложениями предоставил отпуск примерно 200 своим гвардейцам; и они немедленно были рассеяны по Франции, активно распространяя похвалы своему командиру и, хотя, вероятно, не знали, как скоро была задумана такая попытка, подготавливая умы своих старых товарищей к тому, что он ни в коем случае не исключал, что он еще раз появится среди них. Несомненно, вскоре возобладало мнение, что Наполеон вновь ступит на землю Франции весной следующего года. За него поднимали тосты среди солдат, а также в других местах, подсубрике капрала Вайолет. Этот ранний цветок или лента такого же цвета была символом восстания, и ее носили открыто, на виду у ничего не подозревающих бурбонов.

Их безопасность была столь же глубокой, сколь и пустой; и она не ограничивалась ими самими. Представители всех европейских князей встретились в Вене, чтобы окончательно решить ряд вопросов, оставшихся нерешенными по окончании войны. Талейран был там ради Франции, а Веллингтон - ради Англии; и все же все признают, что никогда не было более внезапного, полного и всеобщего сюрприза, чем у них, когда 11 марта 1815 года к ним прибыл курьер с известием, что Наполеон Бонапарт водрузил свое знамя в Провансе.^[68]

ГЛАВА XXXVIII

Наполеон высаживается в Каннах - его продвижение к Греноблю—Лиону—Фонтенбло-Измена Лабедуайера и Нейи—Людовик XVIII. удаляется в Гент, а Наполеон прибывает в Париж.

Вечером накануне отплытия Наполеона (26 февраля) его сестра Полина давала бал, на который были приглашены все офицеры эльбийской армии. Бриг ("Непостоянный") и шесть небольших

судов тем временем были подготовлены к отплытию, и глубокой ночью, по-видимому, без каких-либо предварительных указаний, солдаты были собраны под барабанный бой и оказались на борту прежде, чем смогли спросить, с какой целью. Когда рассвело, они увидели, что все офицеры и сам император были с ними и что они держали курс к берегам Франции; и больше не могло быть сомнений в том, что план, который в течение нескольких месяцев был любимым объектом всех их надежд и мечтаний, вот-вот осуществится.

Сэр Нил Кэмпбелл, отсутствовавший во время экскурсии в Ливорно, вернулся в Порто-Феррайо почти сразу после того, как флотилия покинула его. Мать и сестра Бонапарта тщетно пытались убедить английского офицера, что он направился к побережью Берберии. Он немедленно пустился в погоню по направлению к Провансу на "*Партридже*", который выполнял его приказы, и увидел вооружение беглецов как раз тогда, когда было уже слишком поздно. До этого Наполеон столкнулся почти с такой же опасностью. Французский военный корабль пересек его путь; но император приказал всем своим солдатам лечь плашмя на палубу, и рулевой "*Непостоянного*", который был хорошо знаком с командиром, принял обычный вызов и ответил на него, не вызвав никаких подозрений. Таким образом, он чудом избежал гибели флотилии, которая везла "*Цезаря и его состояние*".

1 марта он снова был у Канн - того самого места, которое приняло его из Египта и откуда он десять месяцев назад отплыл на Эльбу. Не было никаких сил, способных воспрепятствовать его высадке; и горстка его людей — 500 гвардейских гренадер, 200 драгун и 100 польских улан, эти последние были без лошадей и несли седла на спине — немедленно двинулась по дороге на Париж. Двадцать пять гренадеров, которых он отрядил, чтобы вызвать Антиб, были немедленно арестованы тамошним губернатором; но он пренебрег этим предзнаменованием и двинулся дальше без промедления. В ту ночь он разбил лагерь на оливковой плантации, окруженный всеми своими людьми. Как только взошла луна, зазвучал ревель. Рабочий, отправившийся так рано в поле, узнал императора и с радостным криком сказал, что служил в итальянской армии и присоединится к маршу. "Вот уже и подкрепление", - сказал Наполеон, и марш возобновился. Ранним утром они проехали через город Грасс и остановились на возвышенности за ним, где все население этого места немедленно окружило их, некоторые приветствовали, подавляющее большинство наблюдало за происходящим в полном молчании, но никто не выказывал никакого сопротивления. Дороги в этой местности были так плохи, что имевшиеся при себе орудия пришлось бросить в течение дня, но они прошли целых двадцать лиг, прежде чем остановились на ночлег в Сереноне. 5-го числа Наполеон достиг Гэпа. Теперь он был в Дофини, называемом "колыбелью революции", и угрюмое молчание провансальцев сменилось одобрительными возгласами народа; но к нему по-прежнему не присоединилось ни одного войска, и его тревога была велика.

Именно в Гэпе он опубликовал свои первые воззвания; одно "К армии", другое "К французскому народу", оба, без сомнения, подготовлены на Эльбе, хотя и датированы "1 марта, залив Хуан". Первое, и более важное из двух, заключалось в таких словах— "Солдаты! нас не победили. Двое мужчин, вышедших из наших рядов, [69] предали наши лавры, свою страну, своего принца, своего благодетеля. В своем изгнании я слышал твой голос. Я снова оказался среди вас, несмотря на все препятствия и все опасности. Мы должны забыть, что мы были хозяевами мира; но мы никогда не должны терпеть иностранного вмешательства в наши дела. Кто смеет притворяться хозяином над нами? Возьмите снова орлов, за которыми вы следовали при Ульме, при Аустерлице, при Йене, при Монмирайле. Приходите и становитесь под знамена вашего

старого вождя. Победа будет маршировать в атакующем шаге. Орел в национальных цветах будет перелетать со шпилья на шпиль — к башням Нотр-Дама! В старости, окруженный и почитаемый своими согражданами, ты будешь услышан с уважением, когда будешь рассказывать о своих высоких деяниях. Тогда вы с гордостью скажете — я тоже был одним из той великой армии, которая дважды входила в стены Вены, которая брала Рим, и Берлин, и Мадрид, и Москву — и которая избавила Париж от пятна, нанесенного на него внутренней изменой и оккупацией чужаков".

Именно между Мюре и Визеле Камбронн, командовавший своим передовым отрядом из сорока гренадер, неожиданно встретил батальон, высланный вперед из Гренобля, чтобы остановить марш. Полковник отказался вести переговоры с Камброном; обе стороны остановились, пока не подошел сам Наполеон. Он не колебался ни минуты. Он спешил и двинулся вперед один; в нескольких шагах позади него следовала сотня его гвардейцев, державших оружие наперехват. Со всех сторон царила полная тишина, пока он не оказался в нескольких ярдах от людей. Затем он остановился, распахнул свой сюртук так, чтобы была видна звезда Почетного легиона, и воскликнул: "Если среди вас есть солдат, который желает убить своего генерала — своего Императора, — пусть он сделает это сейчас. Я здесь". — Старый клич *"Да здравствует Имперец"* мгновенно сорвался с губ каждого. Наполеон бросился к ним и, схватив рядового-ветерана, увешанного шевронами и медалями, за усы, сказал: "Скажи честно, старый Усач, хватило бы у тебя духу убить своего императора?" Мужчина опустил свой шомпол в ружье, чтобы показать, что оно не заряжено, и ответил: "Посуди сам, мог ли я причинить тебе много вреда — все остальное то же самое". Наполеон дал слово, и старые приверженцы и новые вместе двинулись на Гренобль.

Незадолго до того, как они добрались до этого города, на дороге перед ними появился полковник Лабедуайер, офицер благородного происхождения, получивший повышение от Людовика XVIII во главе своего полка, седьмого в линейном строю. Эти люди и небольшая колонна императора, оказавшись в пределах видимости друг друга, одновременно бросились врассыпную и обнялись с обоюдными криками *Да здравствует Наполеон! Да здравствует гвардия! Живи Седьмым!* Лабедойер достал орла, которого он прятал при себе, и разломал барабан, в котором, как оказалось, были трехцветные кокарды; эти старинные знаки отличия были приняты с удвоенным энтузиазмом. Это был первый случай, когда офицер высшего ранга добровольно перешел на сторону захватчика. Полученный таким образом импульс был решающим; несмотря на все усилия генерала Маршана, коменданта Гренобля, весь этот гарнизон, когда он приблизился к стенам, воскликнул *Да здравствует Император!* Их поведение, однако, являло собой необычное зрелище. Хотя они и приветствовали Наполеона своими голосами, они не настолько ослушались губернатора, чтобы распахнуть ворота. С другой стороны, никакие доводы не могли убедить их открыть огонь по наступающей стороне. Под огнем всех батарей Бонапарте спокойно установил одну-две гаубицы и распахнул ворота, а затем, словно чары дисциплины разом рассеялись, гарнизон покинул свои позиции, и в одно мгновение он обнаружил, что его стащили лошади и понесли на плечах этих людей к главной гостинице города, среди криков восторга и безумной радости. Маршан остался верен своей присяге и был уволен без повреждений. На следующее утро власти Гренобля нанесли визит Наполеону и засвидетельствовали свое почтение. Он произвел смотр своим войскам, насчитывавшим теперь около 7000 человек, и 9-го числа возобновил свой марш.

10-го числа Бонапарт оказался в пределах видимости Лиона, и ему сообщили, что месье и маршал Макдональд прибыли, чтобы принять командование, забаррикадировали мост Гиллотьер и встали во главе большого отряда, чтобы помешать входу в город. Ничуть не обескураженная этим известием, колонна двинулась дальше, и у Лионского моста, как и у ворот Гренобля, всякое сопротивление исчезло, когда солдаты узнали его. Принц и Макдональд были вынуждены отступить, и Наполеон с триумфом вступил во второй город Франции. Из горожан была сформирована гвардия кавалеристов для сопровождения месье. Они были одними из первых, кто предложил свои услуги императору, когда он добрался до своего отеля. Окруженный своей собственной солдатней и промышленным населением, которое сравнительно свободный доступ английских товаров после заключения Парижского мира наполнил страхом и недовольством и которое теперь приветствовало великого врага Англии восторженными возгласами, Наполеон мог позволить себе отвергнуть помощь этих вероломных кавалеристов. Он с презрением отмахнулся от них, но, обнаружив, что *один* из их числа следовал за месье до тех пор, пока его персона не оказалась вне всякой опасности, немедленно наградил этого человека крестом Почетного легиона.

Эта революция продолжалась более недели, прежде чем парижские газеты осмелились сделать какой-либо намек на ее существование. Затем появился королевский ордонанс, объявлявший Наполеона Бонапарта *вне закона* и немедленно созывавший обе палаты. На следующий день *Moniteur* объявил, что, окруженный со всех сторон верными гарнизонами и лояльным населением, этот разбойник уже лишился большей части своих сторонников, в отчаянии бродит среди холмов и наверняка станет пленником самое большое через два-три дня. *Moniteur*, однако, в 1815 году был не таким уж решающим авторитетом, как и в 1814 году; и общественное мнение по-прежнему было полно неуверенности относительно мотивов и всех обстоятельств этого беспрецедентного приключения. Месье тем временем, как мы видели, с большим успехом отбыл в Лион; герцог Ангулемский был уже в Марселе, организуя верных провансальцев и готовясь броситься на Гренобль и отрезать отступление Бонапарту; а Людовик продолжал получать обращения, полные лояльности и преданности, от общественных организаций Парижа, из городов и департаментов, и, прежде всего, от маршалов, генералов и полков, которые случайно оказались поблизости от столицы.

Однако в то время сторонники Наполеона в Париже были гораздо активнее, чем роялисты. Они выдавали везде, что, как провозглашение от залива Хуан заявил, Буонапарте был вернуться полностью излечился от этой амбиции, которые оказали вооруженное Европы против трона; что он считал, что его акт отречения ничтожным, потому что Бурбоны не принял корону на тех условиях, на которых оно было предложено, и использовал свои полномочия в духе, и в целях, противоречащих чувства и интересы французского народа; что он пришел, чтобы стать не диктатором военный деспотизм, но первый гражданин страны, который он решил принять свободнейший из свободных; что царское правительство хотело бы гасить постепенно все воспоминания о революции—то он возвращался, чтобы освятить еще раз принципах свободы и равенства, когда-либо ненавистен в глазах старого дворянства Франции, и, чтобы обезопасить владельцев конфискованных имений от всех козней что доминирующей фракции; одним словом, что он был полностью разумным, в меру своих прошлых ошибок, как отечественных, администрации и военных амбиций, и желая ничего а возможность посвятить, к истинному благополучию мирных Франции, эти непревзойденные таланты и энергию, которая у него была сыпь достаточно, чтобы насилие в прежние дни. К этим предположениям они примешивали заявления, возможно, еще более смелые. Согласно им, Наполеон высадился при сердечном

одобрении австрийского двора и к нему немедленно присоединятся императрица и его сын. Царь также был настроен дружелюбно; даже Англия была предупреждена еще до начала авантюры и не выказывала ни малейшего желания рисковать новой войной ради бурбонов. Король Пруссии, действительно, оставался враждебным, но Франция не пала так низко, чтобы бояться этого государства в одиночку. До этого времени ни для кого не было секретом, что между великими державами, представители которых собрались в Вене, возникли споры значительной важности; и такова была опрометчивая доверчивость парижан, что самые экстравагантные преувеличения и выдумки, исходившие из салона герцогини де Сен—Ле (под этим именем Гортензия Богарнуа, жена Луи Бонапарта, продолжала проживать в Париже) - и из других кругов того же характера, - находили в известной степени подтверждение. Была одна история, которая все громче и громче срывалась с языка каждого бонапартиста и в которую роялисты и республиканцы день за днем находили новые основания верить, а именно, что армия, от верхов до низов, на стороне Наполеона; что каждый отряд, посланный ему на перехват, только увеличит его силы; одним словом, что — если только народ не поднимется массово — ничто не сможет помешать преступнику завладеть Тюильри раньше, чем над головой Людовика пройдет еще две недели.

Именно в Лионе, где Наполеон оставался с 10-го по 13-е, он официально возобновил функции гражданского правительства. Он опубликовал в этом месте различные указы; один, предписывающий повсюду отправлять правосудие от его имени после 15-го; другой, упраздняющий Палаты пэров и депутатов и созывающий все коллегии выборщиков собраться в Париже на *ПолеМай*, [70] там, чтобы засвидетельствовать коронацию Марии Луизы и ее сына и окончательно решить конституция государства; третий, предписывающий высылать всех, чьи имена не были вычеркнуты из списка эмигрантов до отречения Фонтенбло; четвертый, лишаящий всех иностранцев и эмигрантов их должностей в армии; пятый, упраздняющий орден Святого Людовика и передающий все его доходы ордену Почетного легиона; и шестой, восстанавливающий их власть всем магистратам, которые были смещены правительством Бурбонов. Этим воззваниям нельзя было помешать достичь Парижа, и Двор, отказавшись от своей системы отрицания или преуменьшения масштабов надвигающейся опасности, начал применять более энергичные средства для ее подавления.

Именно сейчас маршал Ней вызвался принять командование большим отрядом войск, в верности которого никто не сомневался и который вот-вот должен был быть отправлен в Лон-ле-Сонье, чтобы перехватить и арестовать захватчика. Хорошо зная о влиянии этого великого офицера в армии, Людовик без колебаний принял предложенную им помощь; и Ней, целуя ему руку на прощание, поклялся, что в течение недели он приведет Бонапарта к ногам его величества в клетке, как дикого зверя.

Добравшись до Лон-ле-Сонье, Ней получил письмо от Наполеона, призывавшее его присоединиться к его штандарту как "храбрейшего из храбрых". Насколько он руководствовался чувствами своих солдат, мы не знаем, но факт несомненен, что он и онинемедленно пришли в движение и присоединились к маршу Бонапарта 17-го числа в Осере. Ней, в дальнейшем, без колебаний признал, что выбрал роль Наполеона задолго до того, как принес присягу Людовику; добавив, что большинство маршалов, как и он сам, были первоначальными участниками эльбийского заговора. В отношении последнего из этих утверждений до сих пор не было представлено никаких других доказательств; а первое продолжает оставаться в целом столь же милосердно дискредитированным.

В столице и ее окрестностях все еще оставались войска, которых было более чем достаточно, чтобы сокрушить наступающую колонну и повалить ее командира к ногам Людовика. Он доверил командование этими батальонами человеку, чья личная честь была столь же чиста, сколь блистательна его военная репутация, — маршалу Макдональду; и этот джентльмен занял пост в Мелене в доброй надежде, несмотря на все случившееся, получить надлежащую поддержку при исполнении своих обязанностей.

19-го числа Наполеон снова переночевал в замке Фонтенбло; утром 20-го он двинулся через лес, прекрасно зная о планах Макдональда, — и двинулся в одиночку. Было около полудня, когда войска маршала, которые некоторое время стояли с оружием в руках на возвышенности за лесом, слушая, по-видимому, с наслаждением, верноподданнические звуки *"Да здравствует Генрих Четвертый"* и *"Прекрасной Габриэль"*, внезапно заметили одинокую открытую карету, на полной скорости приближавшуюся к ним из-за деревьев. Горстка польских всадников с копьями наперевес следовала за экипажем. Наполеона узнали по маленькой плоской треуголке — серому сюртуку. В одно мгновение солдаты вырвались из своих рядов, окружили его с криками *"Да здравствует Император"* и втоптали свои белые кокарды в пыль.

Макдональд бежал в Париж; но его хозяин не стал дожидаться исхода последней битвы при Мелене. Среди слез и причитаний верноподданных столичных горожан и почтительного молчания тех, кто действительно желал успеха своему сопернику, Людовик покинул Тюильри прошлой ночью. Макдональд догнал его и сопровождал до границы с Нидерландами, которой он благополучно достиг. Генералы Лальман и Лефевр разработали план захвата дорог между Парижем и Бельгией и перехвата бегства короля; но маршалу Мортье удалось обнаружить и подавить это движение.

Вечером 20 марта Наполеон снова вступил в Париж. Его опережали и сопровождали солдаты, на которых он полагался и которые, какими бы жертвами они ни были, оправдали его доверие. Улицы были безмолвны, когда проезжала измученная кавалькада; но все, кому нравилось имя или дело Наполеона, были готовы принять его в Тюильри; и он был почти задушен напором этих восторженных приверженцев, которые, как только он остановился, посадили его себе на плечи и с триумфом понесли по главной лестнице дворца. В покоях, которые только что освободил король, он обнаружил блестящее собрание тех, кто в прежние времена занимал самые видные места в его собственных советах и при дворе: среди прочих был Фуше. Этот персонаж был не единственным из присутствующих, кто недавно интриговал с бурбонами против Бонапарта — с таким же очевидным рвением и, возможно, примерно с такой же честностью, как в другие времена, когда он поступал на службу императору. "Господа, - сказал Наполеон, обходя круг, - именно бескорыстные люди вернули меня в мою столицу. Все это сделали младшие офицеры и солдаты. Я всем обязан народу и армии".

ГЛАВА XXXIX

Сто дней—Декларация Венского конгресса—Наполеон готовится к войне—Капитуляция герцога Ангулемского—Восстание в Вандее—Мюрат выступает из Неаполя—Терпит поражение—И укрывается во Франции—Майское поле-Недовольство конституционалистов.

Сообщения, столь усердно распространяемые бонапартистами, о том, что по крайней мере некоторые из великих европейских держав знали и одобряли запланированную высадку в Каннах - и надежды, таким образом питаемые среди французского народа, что новая революция не нарушит мира во всем мире, — очень быстро подошли к концу. В тот момент, когда весть о дерзком движении Наполеона достигла Вены, Конгресс опубликовал прокламацию в следующих словах: "Нарушая конвенцию, которая установила его на Эльбе, Бонапарт уничтожает единственный законный титул, от которого зависело его существование. Снова появившись во Франции с проектами замешательства и беспорядка, он лишил себя защиты закона и показал вселенной, что с ним не может быть ни мира, ни перемирия. Следовательно, державы заявляют, что Наполеон Бонапарт поставил себя вне рамок гражданских и общественных отношений и что, как враг и возмутитель спокойствия во всем мире, он сделал себя объектом общественного возмездия". Эти настроения не претерпели никаких изменений вследствие явно победоносного хода авантюры Наполеона. Вся Европа снова приготовилась к войне. Было очевидно, что узурпатор всем обязан французской армии — тому органу, которому Парижский мирный договор сразу восстановил 150 000 ветеранов, праздных и неприспособленных к обычному труду, — и что до тех пор, пока эти свирепые вооруженные силы не будут окончательно усмирены, миру на земле быть не может.

Немедленно был заключен официальный договор, по которому четыре великие державы обязались содержать каждая из них по меньшей мере 150 000 вооруженных человек до тех пор, пока Бонапарт не будет либо свергнут с престола, либо унижен настолько, чтобы не подвергать опасности мир в Европе. Другие государства континента должны были быть приглашены присоединиться к североатлантическому союзу, предоставив контингенты, достаточные для их соответствующих ресурсов. От короля Франции также требовалось подписать договор; но со ссылкой на эту статью представители принца-регента Англии приложили пояснительную записку, в которой отрицалось со стороны его королевского высочества любое желание навязать определенное правительство народу Франции: и далее было оговорено, что в случае, если Британия не предоставит всех оговоренных людей, она должна компенсировать это, выплачивая по 30 фунтов стерлингов в год за каждого кавалерийского солдата и по 20 фунтов стерлингов в год за каждого пехотинца неполной численности. Таков был Венский мирный договор; но рвение договаривающихся сторон выходило далеко за рамки приготовлений, указанных в его условиях. Едва Наполеон вновь воссел на свой трон, как узнал, что ему, по всей вероятности, придется удерживать его против 300 000 австрийцев, 225 000 русских, 236 000 пруссаков, армии в 150 000 человек, предоставленной второстепенными государствами Германии, 50 000 человек, предоставленных правительством Нидерландов, и 50 000 англичан под командованием герцога Веллингтона; всего один миллион одиннадцать тысяч солдат.

Его подготовка к встрече с этой гигантской конфедерацией началась с того момента, как он вновь обосновался в Тюильри. Карно снова стал военным министром; и то, чего могли добиться Наполеон и он, работая вместе над реорганизацией армии, в изобилии проявилось в начале

консульства. Армия, расквартированная во Франции, когда Бонапарт высадился в Каннах, насчитывала 175 000 человек; кавалерия была значительно сокращена, а бедствия 1812, 1813 и 1814 годов проявились в жалком недостатке военных припасов и вооружения, особенно артиллерии. Невероятными усилиями, несмотря на давление бесчисленных забот и тревог всех видов, и хотя настроение нации не позволяло ему прибегнуть к старому методу воинской повинности, император к концу мая имел 375 000 вооруженных человек, включая императорскую гвардию из 40 000 отборных ветеранов, в самом великолепном состоянии снаряжения и дисциплины, многочисленную и блестящую кавалерию и обоз артиллерии соответствующего размера и превосходства.

Наполеон, однако, предпринимал различные попытки начать переговоры с союзниками — и не хотел, чтобы тамошние государственные деятели, даже в Англии, всячески поддерживали его призывы. Он привел три аргумента в защиту своего нарушения конвенции, согласно которой он стал сувереном Эльбы: 1. задержание его жены и сына австрийским судом — дело, к которому король, во владения которого он вторгся, не мог иметь никакого отношения; 2. невыплата его пенсии — жалоба, которая могла бы послужить законным основанием для подачи жалобы державам, гарантировавшим ее своевременное выплату, и которая, если бы на нее подали жалобу на Венском конгрессе, нет причин сомневаться, была бы рассмотрена; и 3. голос французской нации, который он, по его собственному утверждению, всего лишь услышал и подчинился. Но состояние общественных настроений во Франции теперь нельзя было представить в ложном свете, и ответ, который он получал со всех сторон, был один и тот же, а именно, что он вззошел на трон Людовика в результате измены армии и интриг фракции, в прямом противоречии с желаниями почти всех высших классов общества по всей Франции и, по мнению основной массы нации, в условиях глубокого безразличия.

Тем временем роялисты дома потерпели неудачу во всех своих попытках помешать признанию его власти по всей Франции. Герцог Ангулемский вскоре был окружен превосходящими силами генерала Гилли и капитулировал — при условии, что ему будет разрешено распустить своих сторонников и отправиться в Сетте в Испанию — соглашение, которое Наполеон без колебаний ратифицировал. Герцогиня Ангулемская, дочь Людовика XVI, проявила при Бурдо такой героизм, что вызвала саркастический панегирик у самого Наполеона: "Она единственный мужчина своей расы"; но, несмотря на лояльность жителей, все ее усилия были тщетны. Гарнизон был силен; они охватили всеобщее пламя, и принцесса в конце концов была вынуждена укрыться на английском фрегате. Герцог Беррийский по первой тревоге отправился в Вандею; но регулярные войска в этой преданной провинции были, благодаря предварительной заботе военного министра короля Людовика, так многочисленны и так хорошо размещены, что и эта попытка провалилась, и герцог бежал в Англию. Еще до окончания марта трехцветный флаг был развешан на каждой башне Франции.

Обнаружив, что нет никакого шанса — если он вообще когда-либо рассматривал такой шанс — убедить императора Австрии вернуть ему жену и сына, Наполеон, не пробыв и нескольких дней в Тюильри, разработал план их вывоза из Вены с помощью хитрости и силы. В свите Марии Луизы были французы, которые легко включились в этот заговор; и поддельные паспорта, передача лошадей и все другие приспособления были так хорошо обеспечены, что, если бы не один человек, предавший замысел, похоже, существовала значительная вероятность его успеха. Узнав об этом деле, император Австрии уволил французских слуг своей дочери и заставил ее прекратить использование герба и ливреи Наполеона, которые она до сих пор

сохраняла, — более того, даже самого императорского титула, вернув себе гербы ее собственной семьи и первоначальный ранг эрцгерцогини. Эта процедура не могла быть скрыта в Париже и окончательно убедила всех людей в том, что нет никакой надежды избежать новой европейской войны; и почти в то же время опрометчивая экспедиция Мюрата, которая, в случае успеха, могла бы существенно повлиять на поведение Австрии, подошла к концу.

Наполеон, находясь на острове Святой Елены, всегда упорно отрицал какое-либо участие в этом замысле своего шурина; но, как бы то ни было, несомненно, что во время его пребывания на Эльбе между королевой Неаполя и женскими ветвями семьи в Порто-Феррайо поддерживались тесные контакты; и никто не может сомневаться ни в том, что Мюрат получил довольно отчетливый намек на предполагаемый приход Наполеона во Францию, ни в том, что он отважился на свое перемещение в уверенности, что она и Шурин императора окажут друг другу большую моральную поддержку, ни в том, что, если бы Иоахим узнал о предполагаемом прибытии Наполеона во Францию, преуспевший Наполеон счел бы то, что он сделал, лучшей услугой, которую мог бы оказать себе.

Среди тем, которые до повторного появления Бонапарта занимали Венский конгресс, одной из главных было поведение Мюрата во время кампании 1814 года. Талейран обвинил его в том, что он все это время был предателем дела союзников, и в доказательство этого предъявил серию перехваченных писем от него к Наполеону. Герцог Веллингтон, с другой стороны, считал эти документы не более чем доказательством того, что Мюрат неохотно поднял свое знамя против автора своего состояния. Талейран всегда ненавидел Мюрата и презирал его (отец неаполитанского короля первоначально был управляющим в доме Перигоров) - и упорно убеждал Конгресс в опасности допустить, чтобы суверен из семьи Бонапарта и его творение воссели на трон, который по праву принадлежал королю Сицилии. Это дело все еще обсуждалось, к смертельному раздражению человека, чьи интересы были поставлены на карту, когда Наполеон высадился в Каннах. Мюрат решил соперничать в смелости со своим братом и, не мешкая более, двинулся во главе 50 000 человек на Рим, из которого папа и кардиналы поспешно бежали при его приближении. Затем неаполитанцы продвинулись на Север Италии, распространяя прокламации, в которых Иоахим призывал всех истинных итальянцев сплотиться вокруг него и помочь в превращении их страны в единое свободное и независимое государство с ним во главе. Австрийский командующий в Ломбардии немедленно двинул свои войска навстречу Мюрату. Встреча состоялась в Оккиобелло. Неаполитанцы бежали в замешательстве почти при виде врага, и Мюрат, не сумев сплотить их, искал личной безопасности на рыболовецком судне, которое высадило его недалеко от Тулона примерно в конце мая. Наполеона тщетно умоляли принять его в Париже. Он отказался, спросив с горьким презрением, была ли война между Францией и Неаполем, продолжавшаяся с 1814 года, когда-либо прекращена международным договором? Мюрат некоторое время пребывал в неизвестности близ Тулона; и, высадившись на побережье Неаполя после того, как король Обеих Сицилий был восстановлен на этом троне, в тщетной надежде поднять восстание и вернуть то, что он потерял, был схвачен, предан суду и казнен. Этот тщеславный, но энергичный человек встретил свою судьбу с героической стойкостью; и Наполеон на острове Святой Елены часто говорил, что судьба мира могла бы измениться, если бы при Ватерлоо французскую кавалерию возглавил Мюрат.

Результат этой опрометчивой экспедиции позволил Австрии сосредоточить все свои итальянские силы также для планируемого повторного вторжения во Францию. Испанская

армия начала собираться к перевалам Пиренеев: русские, шведы и датчане уже наступали с севера: основные армии Австрии, Баварии и рейнских князей быстро консолидировались вдоль Верхнего Рейна. Блюхер был однажды в команду пруссов, в Нидерландах; и Веллингтон, командир главнокомандующий англичан, ганноверцев, и бельгийцы, также создала свою штаб-квартиру в Брюсселе в конце мая. С каждым часом тучи быстро сгущались, и становилось очевидно, что, если Наполеон еще немного задержится в Париже, война разразится одновременно на всех границах его империи.

У него не было намерения оставаться дома при наступлении своих врагов; но ситуация с гражданскими делами была такова, что в перспективе отъезда он столкнулся с трудностями, которые в прежние дни не использовались для того, чтобы затруднять начало его кампаний.

Действительно, трудной была его задача с самого начала — искренне расположить к себе политическую фракцию, которая ненавидела правительство бурбонов и способствовала его свержению, и это без ослабления привязанности военных, которые презирали этих помощников, как теоретиков, так и гражданских лиц, и приветствовали Наполеона только как верного предвестника войны, мести и грабежа. То, насколько мало его солдаты были склонны считать, что он чем-то обязан гражданской революции, проявилось почти с самого начала его марша из Канн. Было замечено, что эти надменные банды двигались дальше в презрительном молчании всякий раз, когда население приветствовало его приближение, и кричали *Да здравствует Император* только тогда, когда не было *пекина*^[71] голоса сливались с шумом. Каждое действие Наполеона после того, как он достиг Парижа, которое должно было умиротворить простых людей столицы, было предметом гневных комментариев в этих воинственных кругах. О таких мерах, которые он принял из уважения к предрассудкам старой республиканской партии, отзывались с таким же презрением. Мирный язык его первых воззваний считался изощренной военной уловкой — и не более того. Для них этот человек был всего лишь прообразом системы: они не желали слышать ни о чем во Франции, кроме великого цезаря и легионов, которым он был обязан своим величием и которые имели такое же право на новую боевую карьеру, как он на свою императорскую корону, одновременно и награду прошлого, и залог будущих побед.

Разделяя взгляды этих духов, жаждущих крови и грабежа и презирающих любую свободу, кроме лагерной распущенности, Наполеон был занят попытками примирить принципы и предрассудки людей, которые помогали восстановить его трон только потому, что они верили утверждениям его самого и его друзей, что он полностью раскаялся в деспотической системе, по которой он раньше правил Францией, — что десять месяцев изгнания и размышлений убедили его, насколько лучше быть первым гражданином свободного государства, чем бесспорным тираном половины мира, — в том, что он был первым гражданином свободного государства. словом, его единственным оставшимся честолюбием было искупить жестокость своего первого правления мягкостью своего второго. В качестве первого шага к укреплению доброй воли этих легковерных верующих он сразу же по прибытии в Париж провозгласил свободу печати; но вскоре раскаялся в этой уступке. Несмотря на всю бдительность и подкупы своей полиции, он никогда не смог бы поставить себе на службу всю эту власть. Чистокровные республиканцы — даже чистокровные роялисты — продолжали иметь свои органы; и ежедневные обращения любого из них к разуму и страстям народа, столь долго непривычного к проявлению такого влияния, иначе как в угодничестве правительству того времени, каким бы оно ни было, производили такой эффект, что почти с того момента, как он даровал милость, он был занят изобретением предлогов для ее

отзыва. Вскоре он вызвал, возможно, больше негодования некоторыми попытками воспрепятствовать поведению прессы, чем это могло бы произойти в результате абсолютного продления ее рабства. Некоторые даже лионские декреты было трудно согласовать с заявлениями того, кто отрицал любое желание вмешиваться в священное право нации самой создавать свою конституцию. Но почти в каждом акте своего правительства после того, как он прибыл в Париж, он представлял дополнительные доказательства того, насколько несовершенно его сознание отказалось от древних принципов. Даже эдикт, освобождающий прессу от всякого контроля, был допущением с его стороны всей полноты законодательной власти. То же самое можно было бы сказать и о другом указе, отменяющем негритянское рабство и работорговлю, который он опубликовал вскоре после этого, но эта вторая мера вызвала у него другие комментарии. Кто мог всерьез поверить, что в тот смутный момент, когда Франция еще даже не казалась полностью его, и когда вся Европа открыто вооружалась против него, у него было свободное время для занятий неграми? Это проявление филантропии повсеместно рассматривалось как сценический трюк, и люди напрягали зрение, опасаясь, что столь незначительные представления на далеком горизонте могут быть рассчитаны на то, чтобы отвлечь их внимание от переднего плана.

Первоначально было объявлено о проведении 10 мая великого собрания на *Майском* поле, и его основной задачей было формирование новой конституции. Встреча состоялась не так рано, и задача предложить конституционную схему для ее рассмотрения оказалась гораздо более сложной, чем предполагал император. В этом ему помогали Карно и Сийес, чьи имена имели бы большой вес в республиканской партии, если бы оба этих старых якобинца и цареубийцы, поступив на службу к императору, не получили высокого звания в его системе пэров, что было прямым нарушением всех профессий, которыми они занимались. Далее он был благодетельствован помощью своего брата Люсьена, который, несмотря на все предыдущие недоразумения, вернулся по этому случаю в Париж; вероятно, под влиянием того же вопиющего тщеславия, которое заставляло его воображать себя поэтом, и надеясь при существующих обстоятельствах произвести на Наполеона такое впечатление о своей ценности, которое могло бы обеспечить ему отныне главенствующее влияние в правительстве Франции. Аббат Сийес, а также Люсьен уже имели некоторый опыт общения с Наполеоном в качестве создателя конституции. Он уже не был так силен, как раньше, когда они вместе трудились над подобной задачей: возникли споры; и император, чтобы положить им конец и дать решительное доказательство своего уважения к свободе дебатов, вскоре прекратил дискуссию, удалился из Тюильри в малый дворец, называемый Елисейским, и там составил план, который пришелся ему по вкусу и который был немедленно опубликован под названием "Дополнительный акт к конституциям Империи".

Это название сильно оскорбляло, поскольку, по-видимому, признавало многие предшествующие акты, совершенно несовместимые с содержанием самого документа; а способ его обнародования представлял собой еще более серьезное основание для возражений. Эта конституция была, на первый взгляд, не соглашением между принцем и народом, а списком благ, предоставленных первым последнему. Одним словом, все те, кто осудил Людовика XVIII. согласно его королевской *хартии*, были вынуждены признать, что их собственный имперский поборник свободы начинал свою новую карьеру с точно такого же проявления самонадеянности.

Содержание "дополнительного закона" разочаровало всех, кто жаждал официального изложения основных принципов; но следует признать, что его положения, по-видимому, включают все необходимое для установления свободной представительной конституции; наследственную монархию; наследственное звание пэра; палату представителей, избираемую народом не реже одного раза в пять лет; ежегодные налоги, взимаемые только всем законодательным органом; ответственных министров; несменяемых судей; и, независимо от того, по каким уголовным делам суд присяжных. Закон, однако, был опубликован; коллегии выборщиков приняли его, как они принимали всех его предшественников; и постепенно выяснилось, что задачей *Champ-de-Mai* должно было быть даже не обсуждение имперского плана, а только клятвенное подчинение его правилам и торжественное вручение орлов тем надменным бандам, которые не признают никаких законов, кроме закона меча.

Этому обещанному собранию предшествовала толпа парижан, собравшаяся перед зданием Тюильри 17 мая, и там Наполеон устроил пир и произнес речь — снисходительность, вызвавшая живое неудовольствие среди его солдат. Сам он выглядел и говорил так, словно ему было очень стыдно за то, что он сделал и продолжает делать. Его желанием было пробудить в этих людях что-то от былого рвения революционного периода на случай, если Парижу снова будет угрожать иностранный враг; но он испытал двойное унижение, обнаружив, что армия считала их прикосновение осквернением и что среди них самих имя Людовика было почти так же популярно, как его собственное. Даже *дамы де Халль*, столь заметные в революционных беспорядках, выкрикивали ему на ухо роялистские песенки, попивая его вино; и единственными сердечными возгласами были возгласы поденщиков, которые извлекли выгоду из возобновления им некоторых крупных общественных работ, приостановленных королевским правительством.

Само *Майское поле*, которое, несмотря на свое название, пришлось на 1 июня, вряд ли оказалось более успешной выставкой. Наполеон, его братья и крупные гражданские чиновники появились в театральных костюмах посреди огромного амфитеатра, где депутаты, присланные из департаментов для присяги императору и "дополнительного акта", почти затерялись среди военных, среди которых должны были быть розданы орлы. Энтузиазм ограничивался этим. Среди народа сохранялось то же зловещее молчание, которое царило на коронации 1804 года. Ярко светило солнце, и грохот пушек заполнял каждую паузу военной музыки. Это было блестящее зрелище; но Наполеон удалился с ним в видимом унынии.

Три дня спустя обе палаты встретились; и в то время как палата пэров, состоящая из лиц, которые все были обязаны своим положением, а большинством и многим другим, Наполеону, проявляли всяческую склонность регулировать свое поведение по его усмотрению, в значительной части представительного органа с самого начала проявился заметный дух независимости. Обращение императора к обоим было сдержанным и мужественным. Он обратился к ним за поддержкой в войне, которую обстоятельства сделали неизбежной, и выразил свое желание, чтобы они рассмотрели "дополнительный акт" и все другие вопросы, представляющие национальный интерес, и предложили любые изменения, которые могли бы показаться им улучшениями. Последовали некоторые дебаты, отнюдь не доставлявшие удовольствия Наполеону, но у него не было времени наблюдать за большей частью их хода. Теперь было необходимо, чтобы он снова оказался в своей стихии.

ГЛАВА XL

Наполеон ведет свою армию к бельгийской границе—Проходит Самбр у Шарлеруа—Побеждает Блюхера при Линьи—Битва при Катр-Бра—Англичане отступают на позиции, ранее выбранные Веллингтоном—Битва при Ватерлоо—Наполеон возвращается в Париж.

Теперь Наполеон, помимо прочих приготовлений, сильно укрепил Париж и все позиции перед ним на Сене, Марне и Обе, а также среди перевалов Вогезских холмов. Лайонс также охранялся очень мощными внешними сооружениями. Массена в Меце и Сюше на швейцарской границе командовали дивизиями, которые император считал достаточными, чтобы на некоторое время сдерживать Шварценберга на Верхнем Рейне: если бы он загнал их внутрь, крепости позади вряд ли смогли бы задержать его гораздо дольше. Тем временем сам император решил атаковать самых бдительных из своих врагов, пруссаков и англичан, за Самброй, пока австрийцы были таким образом сдержаны на Верхнем Рейне и прежде чем армии Севера смогли бы двинуться на Мангейм, чтобы действовать правым флангом совместно с Веллингтоном и Блюхером, а левым - со Шварценбергом. Он верил, что обладает тайной доброй волей бельгийской армии и даже бельгийского народа и что одна победа приведет союзников во враждебную страну. Каким-нибудь дерзким сражением и каким-нибудь таким блестящим успехом он все же надеялся поколебать доверие европейской конфедерации; и при этом — даже если он и питал слабую надежду такого рода — положение дел в Париже было не таким, чтобы рекомендовать еще одну затяжную оборонительную войну внутри Франции. Роковой пример 1814 года был слишком близок: Наполеону надлежало возобновить операции в стиле, который характеризовал его более счастливые кампании.

Он покинул Париж вечером 11 июня, воскликнув, садясь в свой экипаж: "Я еду померяться силами с Веллингтоном". Он прибыл в Вервин 12-го, а 14-го собрал в Бомоне и произвел смотр всей армии, которая была готова немедленно выступить по его собственному приказу. Они были тщательно отобраны и сформировали, возможно, самое совершенное войско, хотя и далеко не самое многочисленное, с которым он когда-либо выходил на поле боя. Бонапарт видел перед собой 25 000 человек своей императорской гвардии, 25 000 кавалеристов в высочайшей форме, 300 превосходно отлаженных артиллерийских орудий и линейную пехоту, почти сплошь ветеранов, достаточных, чтобы увеличить его численность по меньшей мере до 135 000 человек. Он напомнил им, что сегодня годовщина Маренго и Фридланда, и спросил: "Разве они и мы больше не те же люди? Безумцы!" он продолжил: "Момент процветания ослепил их. Угнетение и унижение французского народа выше их сил. Если они войдут во Францию, то найдут там свою могилу. Солдаты! впереди у нас форсированные марши, сражения и опасности. Для каждого француза, у которого есть сердце, настал момент победить или погибнуть!" Такова была его речь: "и никогда армия не была так глубоко проникнута духом своего вождя".

Армия Блюхера насчитывала в то время около 100 000 человек и, простираясь вдоль линии рек Самбр и Маас, заняла Шарлеруа, Намюр, Живе и Льеж. Справа от себя они сообщались с левыми частями англо-бельгийской армии под командованием Веллингтона, штаб-квартира которой находилась в Брюсселе. Эта армия не состояла, как у Блюхера или Наполеона, из войск той же страны. У герцога было менее 35 000 англичан; и из них лишь немногие были ветеранами

— цвет его армии на полуострове был отправлен в Америку, чтобы завершить войну, к которой Соединенные Штаты принудили Англию под весьма тривиальными предлогами в период ее величайших трудностей и опасностей в 1812 году. Королевский германский легион численностью в 8000 человек, однако, был равен лучшим британским силам такой же численности; и там было 5000 брауншвейгцев, возглавляемых их доблестным герцогом и достойных его руководства. Ганноверцы, не считая Легиона, насчитывали 15 000 человек; в войсках Нассау, голландских и бельгийских, которыми командовал принц Оранский, сын суверена Нидерландов, их могло быть 17 000; но дух бельгийской части этой армии вызывал не без оснований подозрения у всех сторон. Таким образом, пестрое войско герцога Веллингтона насчитывало в общей сложности 75 000 человек. Его первая дивизия заняла Энгиен, Брен-ле-Конт и Нивель, связавшись с правым флангом пруссии у Шарлеруа. Вторая дивизия (лорда Хилла) была расквартирована в Галле, Ауденаре и Грамоне, где находилась большая часть кавалерии. Резерв (сэра Томаса Пиктона) находился в Брюсселе и Генте. Английское и прусское командование расположили свои войска таким образом, чтобы иметь возможность поддерживать друг друга, где бы французы ни рискнули напасть. Нельзя было заранее установить, была ли целью Наполеона Гент или Брюссель; даже если бы союзные генералы знали, что это был последний город, кто мог бы сообщить им, по какому из трех великих маршрутов - через Намюр, Шарлеруа или Монс - он намеревался прорваться туда? Фуше, действительно, вдвойне и втройне запятнанный изменой, при вступлении в должность при Наполеоне продолжал поддерживать переписку с Людовиком в Генте и обещал предоставить союзникам наброски плана императорской кампании до ее начала. Но министр полиции позаботился о том, чтобы этот документ не поступал до тех пор, пока не будет принято решение о проведении кампании.

На рассвете в четверг, 15-го, французы атаковали все аванпосты на западном берегу Самбры и, наконец, атаковали Шарлеруа; таким образом, открылась цель императора, а именно: сокрушить Блюхера прежде, чем он сможет сосредоточить все свои силы, не говоря уже о поддержке наступления Веллингтона, а затем сразу же броситься на Брюссель. Зитен, однако, держался, хотя и с большими потерями, у Шарлеруа так долго, что тревога распространилась по всей прусской линии; а затем в полном порядке отступил на позицию между Линьи и Арманом; где Блюхер теперь ожидал атаки Наполеона — во главе всей своей армии, за исключением дивизии Бюлова, которая еще не подошла из Льежа. План разгрома прусских дивизий в деталях, таким образом, провалился; но вторая часть плана, а именно полное отделение их от Веллингтона, все еще могла увенчаться успехом. С этой целью, пока Блюхер сосредоточивал свои силы около Линьи, французы удерживали главную дорогу на Брюссель из Шарлеруа; разбили часть войск Нассау у Фрэсна и преследовали их до *Камп-Бра*, фермерского дома, названного так потому, что именно там пересекаются дороги из Шарлеруа в Брюссель и из Нивеля в Намюр.

В половине второго пополудни того же дня (четверг, 15-го) прусский офицер^[72] высокого ранга прибыл в штаб Веллингтона в Брюсселе с разведанными о решающих операциях Наполеона. К двум часам дня во все пункты расквартирования армии герцога был разослан приказ дивизиям разделиться и сосредоточиться на левом фланге у Катр-Бра; по замыслу его светлости, все его силы должны были быть собраны там к одиннадцати часам следующей ночи, в пятницу 16-го.

Сначала предполагалось отложить бал, назначенный на вечер четверга в отеле герцогини Ричмонд в Брюсселе; но, поразмыслив, показалось чрезвычайно важным, чтобы население

этого города оставалось, насколько это возможно, в неведении относительно хода событий, и герцог Веллингтон пожелал, чтобы бал проходил соответствующим образом; более того, генералы получили его приказ явиться в бальный зал - каждый позаботился о том, чтобы покинуть апартаменты как можно тише, в десять часов, и продолжить путь, чтобы присоединиться к своему соответствующему подразделению *в пути*. Это соглашение было приведено в исполнение. Сам герцог удалился к себе в двенадцать часов и в шесть часов утра следующего дня выехал из Брюсселя в Катр-Бра. Резерв покинул Брюссель ночью в полной тишине и размеренности, незамеченный жителями; и о происшедших событиях в этом городе почти ничего не знали, за исключением военных властей, до следующего дня.

Герцог Веллингтон беседовал на балу с разными лицами о происшедших передвижениях; изложил свои расчеты французских сил, направленных против его левого фланга, и выразил уверенность, что вся его армия будет в Катр-Бра к одиннадцати часам следующей ночи. Было произведено это необычайное и быстрое сосредоточение сил; различные дивизии армии, ранее расквартированные на расстоянии пятидесяти миль, были собраны в Катр-Бра в течение короткого промежутка в двадцать четыре часа.

Наполеон, выступив из Шарлеруа около полудня 16-го, некоторое время колебался, кто должен стать главным объектом его атаки - Блюхер в Линьи или англичане в Катр-Бра. Англо-бельгийская армия еще не была сосредоточена — прусская, за исключением одной дивизии, была сосредоточена; и он, наконец, решил уделить последнему свое личное внимание. Поэтому он атаковал Блюхера главными силами своей армии в три часа пополудни; и примерно в то же время Ней с 45 000 человек начал серьезно (поскольку с рассвета шли перестрелки) второстепенную атаку на позиции Веллингтона.

Английский генерал провел совещание с Блюхером этим утром в Бри; и согласовал с ним окончательные меры, которые должны быть приняты при любом развитии событий этого дня; и теперь он ожидал штурма Нея, находясь в невыгодных условиях. Его войска значительно уступали по численности, и все, за исключением нескольких бельгийцев, которые сейчас находились на поле боя, выступили с полуночи. Противник был сравнительно свеж; и они расположились среди зарослей кукурузы высотой по плечи самому высокому человеку, что при неравенстве местности позволило им подтянуть сильный отряд кирасир вплотную к англичанам, но при этом совершенно вне поля их зрения. Таким образом, 79-й и 42-й полки были захвачены врасплох, и первый был бы уничтожен, если бы не подошедший второй. 42-й полк, выстроенный в каре, неоднократно разбивался и так же часто восстанавливался — хотя и с ужасными человеческими жертвами: из 800 человек, участвовавших в бою, только девяносто шесть рядовых и четыре офицера вернулись невредимыми. Дивизии Альтена, Хэлкета, Кука, Мейтленда и Бинга последовательно прибыли; и ночь застала английского генерала после тяжелого и кровопролитного дня во владении Катр-Бра. Доблестный герцог Брауншвейгский, сражавшийся в первых рядах, пал почти в самом начале сражения. Убитыми и ранеными на стороне союзников было 5000 человек, и потери французов не могли быть меньше.

Блюхер вел столь же суровую битву, но с худшей удачей. С 80 000 человек ему пришлось выдержать атаку 90 000 человек во главе с Наполеоном; и деревни Аман и Линьи были много раз взяты и отвоєваны в течение дня. Говорят, что два французских корпуса подняли черный флаг: несомненно, что о небольшой пощаде либо попросили, либо дали ее. Ненависть французов и пруссаков разгорелась с одинаковой смертельной силой. Говорят, что потери со стороны

Блюхера составили 20 000 человек, а с другой — 15 000 - цифры, если учесть количество задействованных войск, практически беспрецедентные. Однако неприбытие Бюлова и последовательные атаки свежих дивизий противника в конце концов вынудили Блюхера отступить. В течение дня под храбрым стариком была подстрелена лошадь, когда он возглавлял атаку кавалерии, и на него незамеченными наехали как его собственные люди, так и французы. Теперь он отступал по реке Дайл в направлении Вавра, но ухитрился так искусно замаскировать свои передвижения, что Наполеон до полудня 17-го не знал, каким путем он двинулся.

В бюллетенях императора сообщалось о двух победах самого ослепительного характера, о которых говорилось как о работе 16-го. Они сказали, что о Блюхере больше никто не услышит, а Веллингтон, сбитый с толку и пораженный, уже был на волосок от гибели.

Наполеон, убедившись в отступлении пруссаков, теперь поручил преследование их маршалу Груши и корпусу численностью 32 000 человек - и лично повернул к Катр-Бра в надежде направить свои главные силы, а также силы Нея на Веллингтона в ситуации, когда было совершенно маловероятно, что он получит какую-либо помощь от Блюхера. Но как только герцог узнал о походе Блюхера на Вавр, он, следуя общему плану кампании, отдал приказ об отступлении из Катр-Бра. До сих пор от него слышали, как он говорил, что, если бы когда-нибудь его делом было защищать Брюссель, он предпочел бы дать сражение на поле Ватерлоо, перед Суаньским лесом; и теперь он удалился туда — в уверенности, что утром, до начала решающего сражения, к нему присоединится Блюхер. День был дождливый, дороги были покрыты глубокой грязью, и английские солдаты больше всех других были обескуражены приказом отступить. Однако их боевой дух храбро воспрянул, когда, достигнув предназначенного поля боя, они узнали о намерениях своего предводителя; и, заняв отведенные им места, они расположились бивуаками под бурей в твердой надежде на битву.

Когда все его приготовления были выполнены ранним вечером 17-го, герцог Веллингтон поехал через всю страну к Блюхеру, чтобы лично сообщить ему, что к настоящему времени он осуществил план, согласованный в Бри, и выразить надежду на поддержку завтра двумя прусскими дивизиями. Ветеран ответил, что он оставит один корпус, чтобы сдерживать Граучи, насколько это возможно, а сам пойдет с остальной армией на Ватерлоо; и Веллингтон немедленно вернулся на свой пост.^[73] Перекрестки дорог между Вавром и Мон-Сен-Жаном были в ужасном состоянии; лил проливной дождь, и у Груши было 32 000 человек, чтобы атаковать единственную дивизию Тилмана, оставленную в Вавре. Марш Блюхера, однако, начался; и если это заняло больше времени, чем ожидалось, то не его вина.

Позиция герцога Веллингтонского находилась перед деревней Мон-Сен-Жан, примерно в полутора милях впереди маленького городка Ватерлоо, на возвышенности, имеющей перед собой пологий и правильный спуск — за ним равнина шириной около мили — и затем противоположные высоты Бель-Альянс, на которых противник, конечно же, сформирует свою линию. Теперь с герцогом было всего около 75 000 человек, из которых около 30 000 были англичанами. Он сформировал свою первую линию войск, на которую он мог наиболее уверенно положиться, — большую часть британской пехоты - солдат Брауншвейга и Нассау и три корпуса ганноверцев и бельгийцев. За этим земля опускается, а затем снова поднимается. Вторая линия, сформированная в тылу первой, состояла из войск, чей дух и дисциплина были более сомнительными - или которые больше всего пострадали в битве при Катр-Бра; а за ними стояла вся кавалерия. Позиция пересекает две шоссейные дороги из Нивеля и Шарлеруа в

Брюссель, почти там, где они соединяются: эти дороги давали все возможности для передвижения с фронта в тыл во время боевых действий; а две проселочные дороги, идущие позади первой и второй линий и параллельные им, в равной степени способствовали перемещениям с фланга на фланг. Линия была сформирована выпукло, отступая к лесам обеих сторон; справа - к Марк-Брейн, недалеко от Брейн-ла-Леуд; слева - к Тер-ла-Хей. Замок и сады Гугомона, а также фермерский дом и ограды Ла-Э-Сент, расположенные примерно в 1500 ярдах друг от друга, на склоне холма, были сильно заняты и образовывали важные оборонительные сооружения. Выход на проселочные дороги, ведущие непосредственно из Вавра в Мон-Сен-Жан через лес Охен, охранялся британскими левыми частями; в то время как можно было ожидать, что те, кто шли через Сухен и Фришемон, продвинувшись дальше в продвижении, приведут первых пруссаков на правый фланг французов во время их ожидаемой атаки.

Поле боя было открытым и справедливым; и на случай, если враг вынудит герцога покинуть его позицию, деревня Мон-Сен-Жан позади, еще дальше город Ватерлоо и, наконец, большой лес Суаньи последовательно предоставляли ему средства для возобновления обороны и прикрытия его отступления.— Британский фронт простирался в общей сложности примерно на милю. Делом Веллингтона было сдерживать врага до тех пор, пока наступление пруссии не позволит ему атаковать их численным превосходством; делом Наполеона было разбить англичан до того, как Блюхер сможет оторваться от Груши и выйти из лесов Охайна; после выполнения этого он сомневался, что ему будет нелегко иметь дело с пруссаками в этой труднопроходимой местности. У него на поле боя было 75 000 человек; все французские ветераны, каждый из которых, по его собственным оценкам, стоил одного англичанина и двух пруссаков, голландцев или бельгийцев. Но, с другой стороны, люди Веллингтона, все находившиеся на позициях в течение ночи, имели, несмотря на суровую погоду, несколько часов, чтобы отдохнуть и подкрепиться; в то время как армия Наполеона была на марше все часы штормовой темноты, и большая ее часть не достигла высот Бель-Альянс до утра 18-го, значительно продвинувшись вперед. Сам император, однако, ничего так не боялся, как того, что Веллингтон продолжит свое отступление на Брюссель и Антверпен, откладывая таким образом великое сражение до подхода русских к долине Рейна; и когда, достигнув возвышенности Ла-Бель-Альянс, он увидел армию, выстроенную на противоположном берегу, его радость была велика. "Наконец-то, - воскликнул он, - наконец-то, я овладел этим английским языком".

Утром буря утихла, но погода весь день была порывистой, а небо хмурым. Около полудня французы открыли канонаду, и Жером Бонапарт под прикрытием их огня стремительно атаковал Гугомона. Люди из Нассау, укрывшиеся в лесу вокруг дома, были отброшены французами; но отряд английских гвардейцев удержался в замке и саду, несмотря на отчаянную стремительность многих повторяющихся атак. Джером, маскируя укрепленный таким образом пост, двинул свою кавалерию и артиллерию справа от Веллингтона. Англичане построились в каре и не поддавались всем их усилиям. В течение некоторого времени обе стороны противостояли здесь друг другу, не завоевав и не потеряв ни пяди земли. Наконец английский огонь отбросил французов назад, и гарнизон Гугомона был освобожден и усилен.

Следующая попытка была предпринята в центре британской линии большими силами кирасир и четырьмя колоннами пехоты. Конница, смело шедшая по дамбе Генаппе, была встречена на пути английской тяжелой кавалерией, там, где дорога была глубоко вырублена, оставляя высокие насыпи по обе стороны. Встреча их была суровой: некоторое время они сражались на расстоянии вытянутой руки; наконец кирасиры уступили и бежали под защиту своей

артиллерии. Англичане зашли за ними слишком далеко, наткнулись на французскую пехоту, были атакованы свежей кавалерией и отброшены с большими потерями.—Именно здесь погиб Пиктон. Тем временем пехота этого движения продвинулась за Ла-Э-Сент и рассеяла несколько бельгийских полков; но, будучи затем по очереди атакованы пехотной бригадой Пака спереди, а с фланга бригадой тяжелой английской кавалерии, были полностью разбиты, потеряв, помимо убитых и раненых, 2000 человек пленными и двух орлов. Единственным благоприятным результатом этой второй грандиозной попытки стало занятие фермы Ла-Эй-Сент, в которой находился гарнизон ганноверцев. И едва атака вьючных отрядов увенчалась успехом, как французы снова были вынуждены под обстрелом снарядов и пушек эвакуировать этот трофей.

Третья атака снова была предпринята справа от британцев, где ее ожидала пехота, выстроенная в двойную линию квадратов, расположенных в шахматном порядке, и защищенная спереди батареей из тридцати полевых орудий. Французские кирасиры атаковали артиллеристов и отогнали их от их орудий, а затем яростно атаковали каре позади. Они оставались непоколебимыми до тех пор, пока враг не оказался в десяти ярдах от них, а затем открыли смертоносный огонь. Кавалерия отступила — снова сплотилась и возобновила атаку: так они делали несколько раз — и всегда с таким же результатом. Иногда они даже проезжали между каре и атаковали тех, кто находился во второй линии. В конце концов длительное пребывание под таким перекрестным огнем довершило гибель этих бесстрашных кавалеров. Гораздо большая часть этого великолепного войска была уничтожена в этой части сражения.

Когда остатки кирасир отступили, французская канонада снова стала яростной по всей линии фронта; и англичанам было приказано на некоторое время лечь плашмя на землю, чтобы уменьшить ее эффект. Лорд Веллингтон к этому времени потерял 10 000 человек, Бонапарт по меньшей мере 15 000 человек. Сейчас была половина седьмого. Головы прусских колонн начали различаться среди леса справа от французов. Было очевидно, что если последнее и решительное наступление не заставит Веллингтона покинуть пост, который он продолжал удерживать в течение почти семи часов непрекращающегося сражения, его союзники полностью выйдут на поле боя и предоставят ему огромное численное превосходство, с которым можно будет завершить работу дня. Поэтому Наполеон готовился к своей последней битве. До сих пор он держал свою гвардию, цвет своей прекрасной армии, в стороне от боя. Теперь он построил их в две колонны — желал, чтобы они смело атаковали, ибо пруссаки, которых они видели в лесу, бежали перед Груши, — и они не сомневались, что император собирается лично атаковать их во главе. Он, однако, наблюдал, как они пришли в движение, и вверил их руководству Нея, "храбрейшего из храбрых", чье сознание недавней измены, должно быть, подготовило его, даже если бы его характер был менее галантным, натравить всех на труппу. Четыре батальона Старой гвардии остались только в качестве резерва и были выстроены в каре для защиты марширующих колонн.

Английский фронт к этому времени представлял собой не выпуклую линию, а вогнутую, причем оба крыла постепенно немного продвинулись вперед вследствие неоднократных отражений противника. Теперь они выстроились в непрерывный строй, в четыре ряда, и обрушивали на приближающиеся колонны (каждый стрелял так часто, как мог перезаряжать оружие) ливень, который никогда не прекращался. Фланги все это время продолжали двигаться; и когда головы французских колонн приблизились, они оказались под таким шквалом ружейного огня спереди и с обоих флангов, что тщетно пытались развернуться в линию для атаки. Они остановились,

чтобы предпринять эту попытку, пошатнулись, потеряли строй и, наконец, обратились в бегство в едином беспорядке.

Герцог Веллингтон спешил, поставил себя во главе своего отряда и повел их, больше не вынужденных к обороне, против четырех батальонов Старой гвардии — единственных оставшихся несломленных войск, — за которыми Ней пытался собрать своих беглецов.

Маршал при приближении Веллингтона снова занял пост в авангарде с мечом в руке и пеший. Но ничто не могло противостоять стремительному натиску победоносных британцев. Старая гвардия также была поколеблена. Наполеон до сих пор сохранял свое обычное спокойствие на высотах Прекрасного Альянса. Он наблюдал за наступлением англичан в подзорную трубу, внезапно побледнел как смерть, воскликнул: "Они смешались - пока что все потеряно", — и ускорился с поля боя, ни на минуту не останавливаясь, пока не добрался до Шарлеруа.

Едва англичане двинулись в эту роковую атаку, как колонны Блюхера, вышедшие из леса, были, наконец, замечены строящимися справа от французов и готовящимися принять участие в сражении. Их канонада разыгрывалась на фланге Старой гвардии, в то время как атака британцев спереди ошеломяла их. Роковой крик *saute qui peut* был слышен повсюду: французы теперь обращались в бегство в самом прискорбном замешательстве. Блюхер и Веллингтон наконец встретились на ферме "Ла Бель Альянс", и пруссак с готовностью взялся продолжать преследование ночью, в то время как английский генерал остановился, чтобы подкрепить своих усталых людей.

Потери армии Веллингтона в этот великий день были ужасны: 100 офицеров убитыми (многие из первых отличий) и 500 ранеными, очень многие смертельно; а из рядовых убитыми и ранеными - 15 000. Сам герцог в течение всего дня находился там, где опасность была наибольшей; и только он и еще один джентльмен из всего очень многочисленного персонала поднялись с земли невредимыми.

Из 75 000 человек, которых Наполеон повел на это последнее и самое суровое из своих сражений, вместе с убитыми и ранеными, а также с теми, кто, потеряв мужество и надежду, дезертировал и бежал поодиночке в свои дома, не более 30 000 были когда-либо снова собраны с оружием в руках. Пруссаки упорно преследовали несчастных беглецов и в каждой деревушке на много миль за пределами Ла-Бель-Альянс безжалостно вырезали задержавшихся.

Наполеон, наконец, остановился в Филиппвиле: с этого момента он намеревался повернуть к Груши и принять лично командование этой оставшейся дивизией, оставив Сульта вновь собираться и собирать в Авенне остатки Ватерлоо. Но, услышав, что Блюхер уже в Шарлеруа (что было правдой), и что Груши был схвачен и взят в плен (что было ложью), император отказался от своей цели и продолжил свое путешествие с почтовыми отправлениями в Париж.

19-го числа столицу встретили известием о трех великих победах: при Шарлеруа, при Линьи и при Катр-Бра - 100 пушечных залпов в честь успехов императора — его сторонники провозгласили, что слава Франции обеспечена, - и уныние наполнило сердца роялистов. Утром 21-го выяснилось, что Наполеон прибыл накануне вечером в Елисейский дворец один. Секрет больше нельзя было хранить. Было разыграно великое, решающее сражение, и французской армии больше не было.

ГЛАВА ХLI

Наполеон тщетно апеллирует к Палате представителей — Отрекается во второй раз - Отправляется в Мальмезон, А затем в Рошфор — Ведет переговоры с капитаном . Мейтленд —Садится на "Беллерофонт"—Прибывает в Торбей—Решение английского правительства—Интервью с лордом Китом и т. Д.—Наполеон на борту "Нортумберленда" —Отплывает на остров Святой Елены.

Нескольких часов невзгод было более чем достаточно, чтобы показать, на каком песчаном фундаменте изгнанник Эльбы восстановил подобие своей древней власти. Утром 21—го он все еще совещался со своими министрами (даже не все они были его друзьями) о том, каким образом ему следует сообщить Палатам о своем великом несчастье и о том, какой помощи ему следует потребовать, когда до *Елисейского дворца* дошла весть о том, что обе ассамблеи собрались сразу после того, как стала известна история Ватерлоо, и приняли ряд резолюций, одна из которых объявляла государство в опасности, а другая - что *их* заседания являются постоянными, то есть объявляла его правление подошедшим к концу. Если и можно было чего-то желать, чтобы дополнить убежденность Наполеона в том, что армия возвысила его в противовес нации, то это должно было заключаться в том факте, что средства быстро увеличились с того момента, как в Париже стало известно, что армия разорена. Далее они сообщили ему, что Палаты обсуждают средства защиты Парижа. "Ах, — сказал он, глубоко переживая, какая потеря постигла его, — ах, могли бы они защитить их, как моя Старая гвардия!"

Если бы Наполеон прислушался к совету своего брата Люсьена и тех немногих, кто действительно считал свою судьбу неразрывно связанной с его собственной, он немедленно встал бы во главе 6000 солдат императорской гвардии, находившихся тогда в столице, и распустил недружественный сенат Парижа 21 июня так же бесцеремонно, как он распустил сенат Сен-Клу 19 Брюмера. Люсьен впоследствии говорил, что "дым Мон-Сен-Жан вскружил ему голову". Остаток дня он, конечно, посвятил колебаниям. Поздно вечером он провел совет, на который были допущены президенты и вице-президенты обеих палат. В их присутствии Лафайет дал понять, что ничего нельзя сделать, пока не будет принесена *великая жертва*. Марет ответила яростно; призвала к суровым мерам против роялистов и недовольных. "Если бы к этому прибегли раньше, - воскликнул он, - тот, кто слышит меня, не улыбался бы несчастьем Франции, а Веллингтон не шел бы маршем на Париж". Этот сильный намек на Фуше не соответствовал настроению момента. Марет была утихомирена; а сам Карно, как говорят, прослезился, когда понял, что отречение было признано необходимым. Этот древний демократ действительно только что согласился стать графом; но ему, по-видимому, принадлежит заслуга в том, что он поступил в этом случае как хороший француз. Он видел, говорят даже историки, выступающие против бонапартизма, что Франция подверглась вторжению, и те же чувства, которые заставили его предложить свой собственный меч в декабре 1813 года, побуждали его теперь выступить против любой меры, которая должна лишить его страну военных талантов Наполеона. Император выслушал все молча - и разогнал собрание, не придя ни к какому решению.

Рано утром следующего дня Палаты снова собрались, и вопрос об отречении императора уже готов был быть поставлен на голосование, когда появился Фуше и избавил их от этой проблемы, представив следующее воззвание. "За французский народ ":

Французы! Начиная войну за сохранение национальной независимости, я полагался на объединение всех усилий, всей воли и всех авторитетов. У меня были основания надеяться на успех, и я не обращал внимания на все заявления властей против меня. Обстоятельства, похоже, изменились. Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Пусть они окажутся искренними в своих заявлениях и будут нацелены только на меня! Моя политическая жизнь окончена; и я провозглашаю моего сына, Наполеона II., императором Франции. Объединяйтесь ради общественной безопасности, если вы хотите остаться независимой нацией. Совершено в Елисейском дворце 22 июня 1815 года.

НАПОЛЕОН.

Дебаты, последовавшие за принятием этого закона в обеих палатах, но особенно в палате пэров, были ожесточенными. В последнем случае Карно, получив несколько сильно преувеличенных отчетов о силе и успехах Груши, попытался убедить ассамблею, что этот маршал, должно быть, к тому времени добавил 60 000 человек в Лаоне к Сульту и остаткам Ватерлоо и, таким образом, сформировал армию, способную под надлежащим руководством даже сейчас эффективно восстановить дела Франции. Но Ней прибыл в Париж тем же утром, и эта речь вызвала человека, который, если бы кто-то из нас мог это сделать, спас бы положение при Ватерлоо. "У Груши, — сказал он, — не может быть больше 20 — самое большее 25 000 человек; а что касается Сульта — я сам командовал гвардией во время последнего штурма - я не покидал поля боя, пока они не были истреблены. Будьте уверены, есть только один путь — вести переговоры и отозвать бурбонов. В их возвращении я не вижу ничего, кроме неизбежности быть расстрелянным как дезертир. Отныне я буду искать все, на что у меня есть надежда, в Америке. Направлю вас единственным путем, который остается для Франции ".

Наполеон в своих бюллетенях не постеснялся возложить вину за свое поражение на проступки своих старших офицеров — особенно Груши - и даже на самого Ней; и при этом не хотел, чтобы преданные люди, такие как Лабедойер, поддерживали эти самые необоснованные обвинения и все другие аргументы, так или иначе свидетельствующие в пользу дела императора, в любом зале. Но истина была велика и восторжествовала. Сенат теперь можно было обмануть не больше, чем народ; и хотя депутация встретила его в Елисейском дворце и в самых почтительных выражениях поблагодарила за принесенную им жертву, он тщетно пытался добиться какого-либо прямого признания в том, что, принимая его отречение, они считали, что этот акт обязательно сопровождается немедленным провозглашением Наполеона II. Император, в последний раз облаченный в императорское одеяние и окруженный своими высшими государственными чиновниками, принял депутацию спокойно и с достоинством и вежливо отпустил их. Он ясно понимал, что для его сына нет никакой надежды.

Так закончилось второе царствование —сто дней Наполеона.

Однако к этому времени яростные высказывания Лабедойера в Сенате -его неоднократные заявления о том, что если только Наполеон II. было признано, что отречение его отца недействительно, и что страна, которая могла колебаться по поводу такого акта правосудия, не достойна ничего, кроме рабства, — это начало производить сильное впечатление на регулярных солдат Парижа. Сенат призвал самого Наполеона дать понять армии, что он больше не претендует на какую-либо власть над ней; и он подчинился, хотя и не без того, чтобы примешать множество выражений, крайне оскорбительных для тех, чьему приказу он подчинялся. Однако временное правительство, состоящее из Фуше, Карно и еще троих, было

немедленно провозглашено; и когда первый из этих лиц понял, что дальнейшее присутствие Наполеона в столице может вызвать беспорядки, и соответственно попросил его удалиться в Мальмезон, он оказался вынужден это сделать. Это было 24-го; и как только он обосновался на этой вилле, ему самому стало очевидно, что на самом деле он пленник. Полиция Фуше окружала его со всех сторон; а военные обязанности в Мальмезоне исполнял отряд национальной гвардии, приданный Людовику XVIII, которым командовал генерал Бекер, офицер, хорошо известный своей личной враждебностью к павшему монарху. Мы видели, как парижане метались из стороны в сторону во время каждого предыдущего кризиса в своей истории, в зависимости от того, подувал ветер удачи. В завершение картины остается сказать, что, не пробыв в Мальмезоне и двух дней, Наполеон, по всей видимости, был так же забыт в соседней столице, как если бы он никогда не возвращался с Эльбы.

Остатки Ватерлоо и дивизия Груши, наконец собранные воедино под командованием Сульта в Лаоне, теперь маршировали к Парижу, а за ними неотступно следовали Веллингтон и Блюхер. Временное правительство начало всерьез опасаться, что Бонапарте каким-нибудь отчаянным усилием вырвется из Мальмезона и снова встанет во главе значительных вооруженных сил. Он сам, действительно, постоянно посылал к ним письма с просьбой разрешить ему выступить в качестве генерала Наполеона II; и один из членов правительства, Карно, искренне желал, чтобы эта просьба была удовлетворена. При таких обстоятельствах Фуше, который на протяжении всего времени переписывался со всеми партиями и строил заговоры против них, теперь применил все искусство, чтобы убедить поверженного вождя, что единственный путь, будь то для обеспечения безопасности или достоинства, который ему оставался, - это немедленно бежать в Соединенные Штаты Америки; и поскольку ничто не может быть лишним, чтобы показать, как великие и малые постоянно влияли на судьбу Бонапарта, одним из средств, принятых этим интриганом, и не в последнюю очередь эффективным, было стимулирование личных кредиторов свергнутого императора и его семья постоянно ездила в Мальмезон и изводила его требованиями оплаты. Тем временем Фуше отправил письмо герцогу Веллингтону, объявив, что Наполеон принял решение отправиться в Америку, и запросив для него безопасный пропуск через Атлантику. Герцог ответил, что у него нет полномочий выдавать какие-либо паспорта Наполеону Бонапарту; и единственным следствием (как, возможно, предвидел Фуше) было то, что английское адмиралтейство активизировало свои усилия и разместило не менее тридцати крейсеров вдоль западных берегов Франции с целью перехватить возмутителя спокойствия во время его задуманного полета.

Фуше, сообщая Наполеону об отказе Веллингтона, позаботился выразить настоятельные опасения, что английское правительство может принять подобные меры, и построить на этом новый аргумент в пользу ускорения своего отъезда из окрестностей Парижа. Он сообщил ему, что два фрегата и несколько судов поменьше ожидают его приказаний в Рошфоре, и заверил его, что если он отправится туда немедленно, то все равно успеет вовремя.

Наполеон колебался в Мальмезоне, как он делал это раньше в Кремле— в Дрездене и в Фонтенбло. Крик приближающихся солдат Сульта уже звучал у него в ушах, приглашая его снова стать их Императором. С другой стороны, теперь было слишком очевидно, что только армия сохранила к нему какое-то почтение; и, наконец, на что, в конце концов, он мог надеяться, имея самое большее 60 000 человек, против победоносных войск Веллингтона и Блюхера, подкрепленных, как это было почти сделано, большими подкреплениями из Англии и Пруссии, а также всеми армиями Испании, Италии, Германии, Австрии и царя? — Наполеон

хорошо знал, что не пройдет и шести недель, как 800 000 иностранцев будут расквартированы в границах Франции. В конце концов он уступил и 29 июня покинул Мальмезон в сопровождении Савари, Бертрана, Лас Касеса и других своих приближенных слуг в сопровождении многочисленной охраны.

Наполеон достиг Рошфора 3 июля; и поселился в доме префекта с намерением немедленно отправиться в путь; но ему немедленно сообщили, что британский линейный корабль ("*Беллерофонт*", капитан Мейтленд) и несколько военных судов меньшего размера находятся вне рейда, и дали понять, что командиры эскадры, находящейся в его собственном распоряжении, не выказали ни малейшего желания предпринимать попытку выхода перед лицом этих наблюдателей. Затем было нанято датское торговое судно, и император занялся различными приспособлениями для сокрытия своей персоны в трюме этого судна. Но датский капитан вскоре убедил его, что британские поисковики вряд ли пройдут мимо него незамеченными, и от этого плана тоже пришлось отказаться. Затем несколько молодых французских гардемарин галантно предложили стать командой небольшого каботажного судна "*шоссе-марри*" и попытаться таким образом спастись под покровом ночи. Но все опытные моряки сходились во мнении о неминуемой опасности выхода такого судна в Атлантику, а также о бесчисленных шансах того, что оно также будет обнаружено английскими крейсерами. "Где бы дерево ни плавало, - сказал Наполеон, - я обязательно найду этот флаг Англии".

Между тем время шло; и стало известно, что французская армия в очередной раз отступила от стен Парижа в соответствии с конвенцией; что Веллингтон и Блюхер вот-вот войдут в город и вновь посадят Людовика на его трон; что роялисты повсюду пользуются решающим преимуществом — что белый флаг уже поднят в соседнем городе Рошель - и что то же самое было бы в самом Рошфоре в тот же миг, если бы его личность была устранена. При таких обстоятельствах попытка путешествия в глубь Франции с целью воссоединения с Сультом, который в настоящее время маршировал по Луаре, или с какой-либо другой целью должна была подвергнуть Наполеона всем шансам попасть в руки бурбонов; и, наконец, поскольку отплыть из Рошфора без согласия англичан было невозможно, было решено начать переговоры с их командующим.

19 июля Савари и граф Лас Касес вышли с флагом перемирия и начали свой разговор с заявления, что императору была обещана охранная грамота для Америки, и спросили, был ли документ в руках капитана Мейтленда? Никакие английские власти не обещали и не рассматривали никаких гарантий безопасности любого рода; и капитан мог только ответить, что, что касается его самого, то ему приказано приложить все усилия, чтобы помешать побегу Бонапарте, и, если так повезет, что удастся завладеть его личностью, немедленно отплыть с ним в Англию. Савари и Лас Касес приложили немало усилий, чтобы убедить Мейтленда в том, что изгнание Наполеона из Франции было делом чисто добровольного выбора; но британский офицер рассматривал этот вопрос как вопрос, к которому он не имел никакого отношения. Максимум, что французы смогли вытянуть из него, - это то, что у него, как у частного лица, не было причин сомневаться в том, что Бонапарте, если он отплывет в Англию на "*Беллерофонте*", там будут хорошо обращаться.

Те же лица вернулись 14-го, и еще один разговор, более продолжительный, но с той же целью, состоялся у них с Мейтландом в присутствии капитана Сарториуса и капитана Гамбье, обоих из королевского военно-морского флота. Эти джентльмены полностью подтвердили заявление

Мейтленда о том, что он во время второго, как и при первом свидании, продолжал оберегать французов от малейшего представления о том, что он имеет право давать какие-либо обещания Наполеону, за исключением того, что он доставит его в безопасности к английскому побережью, где он подчинится решению английского правительства. Савари и Лас Касес, напротив, настаивали на том, что Мейтленд 14 июля дал обещание, что Наполеон, если он поднимется на борт "Беллерофонта", будет принят там не как военнопленный, а как добровольный гость, и что только вследствие этого обещания Наполеон в конце концов решил отправиться на борт. Но есть одно свидетельство, противоречащее этой истории, весомость которого даже они сами вряд ли могли бы оспорить, а именно, дата следующего письма принцу—регенту Англии, которое генерал Гурго передал тем же вечером в "Беллерофонт", и которое ясно доказывает, что то, что Наполеон в конечном итоге сделал 15—го, никоим образом не зависело от того, что сказал Мейтленд 14-го.

Рошфор, 13 июля 1815 г.

"Королевское Высочество,

"Став жертвой фракций, разделяющих мою страну, и враждебности величайших держав Европы, я завершил свою политическую карьеру и пришел, подобно Фемистоклу, занять место у очага британского народа. Я отдаю себя под защиту их законов, которых я требую от вашего королевского высочества как самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов.

НАПОЛЕОН".

Мейтленд отправил Гурго на "Слэни" с этим письмом; и, еще раз обратившись к Лас Касесу со следующими словами: "Вы помните, что я не уполномочен оговаривать прием Бонапарта в Англии, но что он должен считать себя полностью в распоряжении Его Королевского Высочества принца—регента", - подготовил свой корабль к приему павшего императора.

15-го бриг "Эпервье" увез его с дорог Экса; но ветер и прилив были неблагоприятными, и Мейтленд послал баржу с "Беллерофонта", чтобы перевезти его на корабль. Офицеры и большая часть экипажа "Эпервье" наблюдали за его отъездом со слезами на глазах и продолжали подбадривать его, пока были слышны их голоса. Капитан Мейтленд принял его почтительно, но без какого-либо приветствия или выдающихся почестей. Поднявшись на шканцы, Наполеон обнажился и сказал твердым тоном: "Я пришел, чтобы отдать себя под защиту вашего принца и законов".

На борту "Беллерофонта", как и ранее на "Неустрасимом", Буонапарте пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди экипажа. Он все осмотрел— все похвалил, превознес английскую нацию - прежде всего английский военно—морской флот - и даже признал, что герцог Веллингтон, "равный ему самому во всех других военных качествах, превосходил его в благоразумии". 23-го они миновали Ушан, и Наполеон долго и печально — и в последний раз — смотрел на побережье Франции. 24-го "Беллерофонт" вошел в Торбей, и Мейтланду немедленно было сделано предупреждение не допускать никакого сообщения между его кораблем и побережьем. 26-го Мейтланду было приказано повернуть к Плимутскому проливу, и когда к этому времени стало известно о прибытии Буонапарте, корабль был

немедленно окружен толпами лодок, наполненных людьми, чье любопытство ничто не могло подавить. Было довольно трудно удержать сам корабль подальше от этих нетерпеливых толп. Наполеон появился на палубе, был встречен возгласами "ура", поклонился и улыбнулся в ответ.

31 июля сэр Х. Банбери, заместитель государственного секретаря, и лорд Кейт, адмирал флота Ла-Манша, прибыли на борт "*Беллерофонта*" и объявили окончательное решение британского правительства, а именно, 1-е, что *генерала Буонапарте* не следует высаживать в Англии, а немедленно перевезти на остров Святой Елены, поскольку ситуация, в которой правительство больше, чем в какой-либо другой, находящейся в их распоряжении, полагало, что безопасность от повторного побега и предоставление ему личной свободы и физических упражнений могут быть согласованы; 2. чтобы, за исключением Савари и Л'Алемана, он мог взять с собой любых трех офицеров по своему выбору, а также своего врача и двенадцать слуг.

Это письмо было зачитано по-французски сэром Генри Банбери. Наполеон выслушал его без выражения нетерпения или удивления. Затем его спросили, хочет ли он что-нибудь ответить, и он совершенно спокойным голосом и манерами запротестовал против приказов, которые он выслушивал, и против права, на которое претендовало английское правительство, распоряжаться им как военнопленным. "Я вошел на ваш корабль, - сказал он, - как вошел бы в одну из ваших деревень. Если бы мне сказали, что я буду пленником, я бы не пришел". Затем он пространно рассказал о присвоенном ему титуле — генерал Буонапарте - и о праве, по которому он должен был считаться суверенным принцем; по его словам, три месяца назад он был таким же императором Эльбы, каким Людовик был королем Франции, и, вторгшись во владения другого монарха, не мог лишиться своего собственного монаршего звания. Затем он упомянул о позорном отношении, в которое Англия поставила бы себя в глазах мира, злоупотребив его доверием, — намекнул, что либо его тесть, либо царь отнеслись бы к нему совсем по-другому, - и в заключение выразил свое убеждение, что климат и заточение на острове Святой Елены убьют его, и поэтому принял решение не ехать на остров Святой Елены. Какими средствами он намеревался воспротивиться приказу английского правительства, Наполеон не сказал: не может быть сомнения, что он имел в виду, чтобы лорд Кейт и сэр Х. Банбери поняли, что вместо того, чтобы подчиниться данному путешествию, он совершит самоубийство; и то, на что он таким образом намекнул, вскоре было ясно выражено, со всеми сопровождающими слезами и страстью, двумя французскими дамами на борту "*Беллерофонта*" — мадам Бертран и мадам Монтолон. Но все это, похоже, было заложено с самого начала именно для того, чего это стоило. Тот, кто предпочел пережить Красный, и Лейпциг, и Монмартр, и Ватерлоо, вряд ли погибнет от собственной руки в *Беллерофонте*. Мы не хотим, чтобы нас сочли намекающими, согласно обычаю многих, на то, что Наполеону следовало бы добровольно броситься на какой-нибудь английский штык, когда судьба 18 июня уже не могла вызывать сомнений. Отбросив все религиозные и моральные обязательства (что, вероятно, он и сделал), сам Наполеон справедливо сказал, что "если бы Мариус пал от меча на марше при Минтурне, он никогда бы не наслаждался своим 7-м консульством". Никто никогда так искренне, как Наполеон, не одобрял старую максиму о том, что пока есть жизнь, есть надежда; и, будучи далеки от того, чтобы когда-либо всерьез думать о том, чтобы положить конец своим собственным дням, мы должны сомневаться, что между его отречением в Елисейском дворце и моментом, когда он почувствовал непосредственное приближение смерти, был один день или даже один час, в течение которого какая-то надежда или план восстановления своего состояния не волновали его разум.

Что касается протестов Наполеона против решения английского правительства, то, вероятно, *сейчас* может быть достаточно заметить, что, во—первых, это правительство никогда, ни в какой период, не признавало его императором Франции и что оно отказалось быть участником договора, по которому он удалился на Эльбу, просто потому, что было решено не признавать его императором Эльбы. Все это Наполеон хорошо знал; а что касается его недавнего восстановления императорских функций во Франции, он хорошо знал, что английское правительство продолжало признавать Людовика XVIII *королем* на протяжении всех "ста дней". Следовательно, ни по каким принципам он не мог заранее ожидать, что министры принца-регента будут обращаться с ним как с *императором*; и даже если бы он родился законным принцем, для него было бы обычным делом при существующих обстоятельствах упорствовать в открытом сохранении своего имперского стиля. Приняв некоторое *инкогнито*, как привыкли делать монархи, выезжающие за пределы своих собственных владений, Наполеон, возможно, положил конец длинной серии своих последующих споров с английским правительством и авторитетами. Но поступая так, он руководствовался расчетом. Он никогда не оставлял надежд на побег и на империю. Это было его дело - получать жалобы. Если бы все вокруг него шло спокойно и гладко, что могло бы гарантировать поддержание живого интереса к его судьбе среди фракции, к которой он по-прежнему был склонен относиться дружески, и, прежде всего, среди солдат, в личной преданности которых даже после роковой катастрофы при Ватерлоо у него не было причин сомневаться? Бонапарте в дни своего успеха всегда придавал этикету большее значение, чем это, вероятно, сделал бы принц, рожденный под венцом, и не совсем дурак; но в том упрямстве, с которым после своего полного падения он цеплялся за воздушный звук величия и за те жалкие игрушки соблюдения приличий, которые могли быть получены при его обстоятельствах, мы не можем убедить себя видеть не более чем болезненное тщеславие *парвеню*. Английское правительство признало его высшим военным званием, которое он имел в то время, когда был заключен Амьенский мирный договор с его назначением первым консулом; и звук *генерала Бонапарта*, теперь столь ненавистный для его ушей, который в таком стиле распоряжался судьбами мира, мог быть утрачен, если бы сам Наполеон захотел, в каком-нибудь искусственном стиле.

Перейдем к более серьезным обвинениям. Наполеон, доведенный до крайности в 1814 году объединенными армиями Европы, отрекся от своего трона, поскольку это отречение было ценой мира для Франции, и, чтобы облегчить свои личные страдания, получил суверенитет над Эльбой. Когда он нарушил договор, вернувшись с оружием в руках в Прованс, другие положения, которые дали мир Франции и Эльбу ему, были, конечно, аннулированы. Когда судьба при Ватерлоо вынудила его укрыться в *Беллерофонте*- что было делать? О замене на Эльбе или в любой подобной ситуации в соответствии с каким-либо новым договором человека, который только что нарушил самый важный из них, не могло быть и речи. Позволить ему оставаться на свободе в стране, близкой к Франции, где пресса свободна от распушенности, а народные умы подвержены экстравагантным волнениям, значило бы поставить под угрозу внутреннее спокойствие Англии и создать тысячу новых трудностей на пути каждой попытки укрепить социальную и политическую систему французской монархии. В большинстве других случаев пуля или топор были бы самым мягким обращением, которого можно было ожидать от того, кто поднялся так высоко и пал так фатально. О том, чтобы он сдался капитану Мейтленду, не могло быть и речи — не говоря уже о духе времени. Оставалось поместить его в ситуацию, при которой его личный комфорт мог бы, насколько это возможно, сочетаться с безопасностью для мира во всем мире; и никто пока не претендовал на то, чтобы указать на ситуацию,

предпочтительную с этой точки зрения по сравнению с тем отдаленным и скалистым островом в Атлантике, на котором великому Наполеону посчастливилось завершить свою земную карьеру. Читателю не нужно напоминать, что персонаж, отправление которого на остров Святой Елены послужило темой стольких возмущенных обращений и презрительных комментариев, был, в конце концов, тем же человеком, который актом совершенно бессмысленного насилия захватил Пия VII. и держали его в плену почти четыре года, и который, заманив в ловушку Фердинанда VII. в Байонну и вынудил его отречься от престола, угрожая убийством, в заключение заключив его на пять лет в тюрьму Валансэ.

Намеки и угрозы самоубийства не возымели желаемого эффекта — и самая нелепая попытка некоторых сумасшедших в Англии завладеть личностью Наполеона, сославшись на то, что он явился свидетелем по делу о клевете, будучи сбит с толку, более формально, чем было необходимо, быстрым отплытием *"Беллерофонта"* для начала — павший император, наконец, спокойно воспринял намек, что адмирал сэр Джордж Кокберн готов принять его на борту *"Нортумберленда"* и доставить на остров Святой Елены. Савари и Л'Алеман были одними из немногих лиц, имена которых были опущены при объявлении амнистии королем Людовиком после его второй реставрации, и они были чрезвычайно встревожены, когда обнаружили, что английское правительство запретило им въезд на остров Святой Елены. Они даже угрожали насилием, но, посоветовавшись с сэром Сэмюэлем Ромилли и, таким образом, убедившись, что правительство и не помышляет о передаче их Людовику XVIII, в конце концов с благосклонностью смирились с неизбежным разделением. Свита Наполеона, как было окончательно решено, состояла из графа Бертрана (великого магистра дворца), графа Монтолона (члена его государственного совета), графа Лас Касеса, генерала Гурго (его адъютанта) и доктора О'Мира, ирландского военно-морского хирурга, которого он нашел на *Беллерофонте*, и который теперь по его желанию был переведен на *Нортумберленд*. Бертрана и Монтолона сопровождали их графини и несколько детей, а двенадцать высших слуг императорского двора последовали примеру своего господина. Деньгами, которые были у Наполеона с собой, на сумму около 4000 фунтов стерлингов, временно завладело британское правительство, объявив, что они обязуются регулярно покрывать все расходы его заведения; но его посуда, в основном золотой и представляющей большую ценность, было позволено оставаться нетронутой.

8 августа *"Нортумберленд"* отплыл на остров Святой Елены, и изгнанник впервые увидел свое обреченное убежище 15 октября 1815 года. Во время плавания сэр Джордж Кокберн отступил от некоторых правил уважения, которые капитан Мейтленд вполне естественно соблюдал при совершенно иных обстоятельствах. Одним словом, адмирал не позволил Наполеону занять первое место на борту *"Нортумберленда"*. Он сам отдавал почести за столом; при этом он не считал необходимым разлучать свою компанию сразу после обеда, потому что экс-император предпочел встать именно тогда — в соответствии с обычаем французского общества: он ни разу не расставался со своими реями и не отдавал салюта по любому поводу, как это делается в случае с коронованными особами, и не следовал примеру французской свиты, оставаясь всегда непокрытым в присутствии Наполеона. За этими исключениями, к генералу Бонапарту относились со всем уважением, которого великий гений и великие несчастья могли требовать от великодушного ума; в целом он не был равнодушен к прекрасному поведению ни Мейтленда, ни Кокберна. Жестоко и несправедливо атакованный, как и первый, Лас Касесом и Савари — а также Наполеоном, — когда капитан *"Беллерофонта"* излагает свои последние чувства по отношению к своему пленнику, это выражается в таких трогательных словах: "Может показаться

удивительным, что могла существовать вероятность того, что британский офицер был предубежден в пользу того, кто причинил столько бедствий своей стране; но он до такой степени обладал способностью нравиться, что мало кто мог сидеть с ним за одним столом почти месяц, как я". поступил, не испытывая чувства жалости, возможно, родственного сожалению, что человек, обладавший столькими очаровательными качествами и занимавший столь высокое положение в жизни, оказался в той ситуации, в которой я его увидел".

О необычайной силе обаяния, которой командовал Наполеон, еще более поразительное свидетельство содержится в анекдоте, по-видимому, хорошо достоверном, о лорде Кейте. Когда кто-то упомянул на слушаниях этого старого адмирала о неоднократной просьбе Бонапарта о личной беседе с принцем-регентом, "По моей совести, - сказал лорд Кит, - я полагаю, что, если вы согласитесь на это, они станут отличными друзьями в течение полчаса".

ГЛАВА XLII

Наполеон на острове Святой Елены—Брайарз—Лонгвуд—Обвинения против английского правительства в отношении его проживания и лечения на острове Святой Елены—Обвинения против губернатора сэра Хадсона Лоу—Образ жизни Наполеона в Лонгвуде—Его здоровье ухудшается—Его смерть и похороны—Заключение.

Наполеон устал находиться на борту корабля и поэтому немедленно высадился на берег. Сочтя любопытство местных жителей досадным, он поселился в *Брайарз*, небольшом коттедже примерно в полумиле от Джеймс-Тауна, на время, которое должно было пройти, прежде чем адмирал сможет предоставить подходящее помещение для своего постоянного проживания. Для этой цели был выбран Лонгвуд, вилла примерно в шести милях от Джеймс-Тауна, после осмотра всего, что предлагал остров; кроме Плантейшн-Хауса, загородной резиденции губернатора, на острове Святой Елены не было дома лучше; и, потратив два месяца на некоторые пристройки и ремонт, павший император вступил во владение назначенным ему жилищем 10 декабря. Очень ограниченное размещение в Брайарах (где, действительно, Наполеон занимал всего лишь павильон из двух комнат в саду мистера Балькомба) до сих пор не позволяло ему разместить всю свою маленькую свиту слуг под одной крышей с ним. Теперь они снова собрались в Лонгвуде, за исключением М. и мадам. Монтолон, которые занимали отдельный дом на некотором расстоянии от него. Находясь в Брайаре, Наполеон проявил себя в высшей степени любезным с семейством Балькомб, особенно с молодыми леди и детьми, и в целом с самообладанием и изяществом мирился с неудобствами тесного проживания внутри дома и почти полного отсутствия прогулок за границей — это последнее зло было полностью вызвано его собственным нежеланием выезжать верхом в окрестности города. Он также продолжал жить в условиях совершенной вежливости с сэром Джорджем Кокберном; и, несмотря на некоторые случайные вспышки насилия, казалось, не было причин сомневаться в том, что, когда он по-настоящему освоится со своей свитой, он постепенно смирится с ситуацией, в которой ему, вероятно, предстояло остаться, и направит свои могучие способности на какое-нибудь изучение или занятие, достойное их энергии и способное хотя бы наполовину смягчить горечь плена. Эти ожидания не оправдались.

На обвинения, выдвинутые заключенным и его пособниками против правительства Англии в связи с размещением в Лонгвуде, мерами, касающимися домашнего устройства, и правилами, принятыми с целью обеспечения безопасности его личности, так часто давались подробные ответы, что мы можем избавить себя от необходимости подробно останавливаться на сделках, мало достойных того, чтобы заполнить большой пробел в истории Наполеона. Допуская, что было необходимо принять меры против уклонения Бонапарта; что длительная разлука с ним его жены и сына (во всяком случае, не акт Англии, а Австрии) сама по себе была оправдана очевидными политическими соображениями; и что Англия дала бы веские основания оскорбить короля Франции, если бы она подчинилась неоднократным требованиям Наполеона, чтобы его величали императором и обращались с ним как с императором, — если признать это, мы невидим, как даже тень вины может быть возложена на подвергшихся жестокому обращению министров, на которых судьба бросила одно из самых деликатных и опасных дел. самая неблагодарная из всех контор. Его дом, за исключением одного (дома губернатора), был лучшим на острове: с самого начала было заявлено, что любые изменения или пристройки, предложенные Наполеоном, будут немедленно выполнены; и каркас многих квартир был фактически подготовлен в Англии для отправки и распределения по его усмотрению. Как бы то ни было, Наполеон располагал для своего непосредственного личного проживания анфиладой комнат, состоящей из салона, столовой, библиотеки, бильярдной, небольшого кабинета, спальни и ванной комнаты; и различные английские джентльмены, привыкшие ко всем приборам современной роскоши, посетившие изгнанника Лонгвуда, сходятся во мнении, что обстановка вокруг него казалась им во всех отношениях законченной и не вызывающей возражений. У него была хорошая коллекция книг и возможность пополнять их по своему усмотрению. Всего его свита состояла из пяти джентльменов и двух леди: превосходных французских и итальянских слуг при его особе никогда не было меньше одиннадцати; а сумма, разрешенная для его домашних расходов, составляла 12 000 фунтов стерлингов в год — более того, губернатор острова Святой Елены имел право использовать из казны любую большую сумму, если сочтет 12 000 фунтов недостаточными. Если учесть, что вина и большинство других товаров, облагаемых в Англии высокими налогами, беспошлинно отправляются на остров Святой Елены, то действительно невыносимо слышать, что этот доход был недостаточным — более того, что он не был щедрым — для человека в положении Наполеона. Это был большой доход, чем полагается губернатору любой английской колонии, за исключением генерал-губернатора Индии. Это было в два раза больше, чем когда-либо был официальный доход британского государственного секретаря. Мы вообще отказываемся вдаваться в мелкие обвинения, связанные с этой унижительной темой: может послужить хотя бы один пример. Одна из самых громких жалоб касалась дефицита и низкого качества вина: при проверке выяснилось, что высшей прислуге Наполеона разрешалось каждый день на человека по бутылке кларета стоимостью 6 фунтов стерлингов за дюжину (без пошлины), а самому низкому слуге, нанятому в Лонгвуде, — по бутылке хорошего tenerifского вина в день. — То, что стол самого павшего императора всегда сервировался в стиле, по крайней мере, соответствующем достоинству генерала британской службы, — этого даже никто не отрицал. Переходя от интерьера — мы понимаем, что не можем придумать ничего лучшего, чем процитировать высказывания одного из его случайных и беспристрастных посетителей, мистера Эллиса. "Возможно, никогда еще, — говорит этот джентльмен, — не было заключенного, за которым так сильно требовался бы присмотр и охрана, которому было бы предоставлено столько свободы и простора для физических упражнений. С офицером он может осмотреть любую часть острова: совершенно незамеченный, его границы простираются на четыре мили, частично наблюдаемый — на

восемь, а незамеченный - на двенадцать. Ночью часовые наверняка смыкаются вокруг самого Лонгвуда. Действительно, представляется невозможным представить себе, чтобы с *заклоченным* обращались более либерально во всех этих отношениях. Сохраняется постоянно повторяющаяся брань по поводу климата острова Святой Елены. Однако из таблиц, составленных и опубликованных доктором Арноттом, следует, что список больных полка, расквартированного недалеко от резиденции Бонапарта во время его пребывания там, редко содержал более одного имени из сорока пяти — доля, которая, следует признать, поразительно мала. По сути, дом Лонгвуда возвышается на 2000 футов над уровнем моря; океанские бризы постоянно очищают воздух; и в тропиках, вероятно, вообще нет более здоровой обстановки. Если скажут, что Наполеона вообще не следовало ограничивать пределами тропиков, то ответят, что было *необходимо* удалить его из окрестностей стран, в которых его имя было лозунгом восстания и раздора, и что, в конце концов, Наполеон был уроженцем Корсики, одного из самых жарких регионов Европы, и во все времена, согласно конституции, мог переносить экстремальную жару гораздо лучше, чем холод, — об этом свидетельствуют Египет и Россия.

Существовало правило, согласно которому вся корреспонденция Наполеона должна проходить через руки губернатора острова Святой Елены - и это сэр Вальтер Скотт осуждает. Если бы английское правительство действовало по образцу Буонапарта, оно не издавало бы таких постановлений, но взяло бы на себя смелость частным образом просматривать его письма и запечатывать их заново по обычаю почтового отделения при Лавалете. Наше сожаление уменьшается, когда мы узнаем из следующей страницы сэра Вальтера Скотта, что, несмотря на все законы и строгости на этот счет, Наполеон и его товарищи по изгнанию ухитрились от начала и до конца общаться со своими друзьями в Европе без какого бы то ни было надзора английских властей.

Последний штрих к картине недостойного двулчия вносит один из последователей самого Наполеона и его самых шумных поборников, генерал Гурго. Этот джентльмен сам сообщил английскому правительству, что в то время, когда Наполеон, чтобы создать впечатление, что его запасы были безгранично ограничены, отправил какую-то посуду в Джеймс-Таун для разборки и продажи, у него, Наполеона, в сейфе в Лонгвуде было по меньшей мере 10 000 фунтов стерлингов золотыми монетами.

Есть одно имя, которое дойдет до потомков, отягощенное десятикратной долей оскорблений, которые Наполеон и его сподвижники расточали всем лицам, так или иначе связанным с надзором и контролем за его состоянием в плену, — это имя сэра Хадсона Лоу, генерала английской армии, который стал губернатором острова Святой Елены в мае 1816 года и продолжал сохранять это положение вплоть до смерти бывшего императора в 1821 году. Тщеславие Наполеона, по-видимому, с самого начала было уязвлено этим назначением. По его словам, ни одному человеку из соображений приличия не следовало бы поручать постоянную заботу о его содержании под стражей, кроме какого-нибудь английского дворянина самого высокого ранга. Ответ очень прост, что ситуация вряд ли могла снискать благосклонность в глазах любого такого человека; и если учесть происхождение и манеры гораздо большего числа придворных Буонапарте, включая пэров и принцев, трудно подавить удивление, слушая этот конкретный предмет жалобы. Оставляя в стороне эту первоначальную ссору, выясняется, что, по собственному признанию Бонапарта, сэр Х. Лоу, когда возложил на него свою неблагодарную обязанность, постарался поставить общение между собой и своим пленником

на настолько благожелательную почву, на какую только можно было рассчитывать при всех обстоятельствах дела; и что он, бывший император, прежде чем губернатор пробыл неделю на острове Святой Елены, снизошел до того, чтобы оскорбить его в лицо словами столь экстравагантными, невыносимыми и вульгарно оскорбительными, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не должны были запятнать его репутацию. устами человека, который хоть сколько—нибудь претендовал на звание джентльмена. Допуская, что сэр Хадсон Лоу не был офицером первой степени отличия, следует признать, что он не сделал ничего плохого, приняв долг, предложенный ему своим правительством; и что Наполеон был виновен не только в неприличии, но и в подлости, поставив человека в такое положение, как он сделал почти при их первой встрече, в упрек обстоятельствам — о которых в худшем случае можно было бы сказать, что они не были блестящими — его предыдущей жизни. Но этого слишком мало. Допуская, что сэр Хадсон Лоу был в истории и в поведении, как до того, как он прибыл на остров Святой Елены, так и во время своего пребывания там, все, что когда—либо осмеливались говорить или намекать самые яростные клеветники Бонапартистов, все равно оставалось бы предметом искреннего удивления и сожаления, что Наполеон Бонапарте снизошел до того, чтобы возложить на его голову зло, которое, если это было зло, исходило не от губернатора острова Святой Елены, а от английского министерства, слугой которого он был. "Я могу объяснить его раздражительность и необоснованные жалобы только одним из двух мотивов, — говорит мистер Эллис. - либо он хочет этими средствами поддержать живой интерес в Европе, и особенно в Англии, где, как он льстит себе, у него есть партия; либо его беспокойный ум находит занятие в расследованиях, которые его нынешнее поведение доставляет губернатору. Если это так, то напрасно какой-либо губернатор, находящийся с ним в хороших отношениях, присоединяется к исполнению своего долга".

Наполеон делал все, что мог, чтобы разозлить этого неподходящего правителя. Он называл его *писакой, ловеласом, лжецом, палачом*; отвергал все его любезности как оскорбления; поощрял своих слуг соперничать в этих деталях с дерзостью его собственного языка и поведения; постепенно отказывался совершать физические упражнения, которых требовало его здоровье, под предлогом того, что это приносило ему больше вреда, чем пользы, когда он знал, что едет верхом в поле зрения английских часовых (что вообще не было необходимости в радиусе четырех миль от Лонгвуда) или в сопровождении английского офицера, что было необходимо только на расстоянии двенадцати миль от Лонгвуда: прежде всего, выступал против любых препятствий на пути исполнения этого самого надлежащего постановления, которое требовало, чтобы его персона раз в двадцать четыре часа появлялась на виду у какого—нибудь британского офицера. Одним словом, Наполеон Бонапарт направил всю энергию своего могучего интеллекта на постыдную задачу мучения сэра Хадсона Лоу; и крайности унижения, до которых эти усилия иногда доводили его самого в глазах его собственных приближенных, таковы, что мы не осмеливаемся описывать подробно, и о чем не догадается никто, кто не читал мемуары его итальянского врача Антоммарчи.

Тем временем великая цель была успешно достигнута. Злодеяния Наполеона, холодная жестокость английского правительства и пагубная мелочная тирания сэра Хадсона Лоу были постоянными темами застольных разговоров по всей Европе. В обеих палатах британского парламента были государственные деятели высокого ранга, которые периодически высказывались на эти темы — и ответы, которые часто добивались от министров короны, лишь на время заглушали подобные заявления, чтобы они могли возобновиться с еще большей яростью по прошествии времени, достаточного для того, чтобы новости вернулись в Англию с

комментариями Лонгвуда. Во всех подобных случаях предполагалась полная невозможность побега с острова Святой Елены с очевидным выводом, что от часовых и посещений по месту жительства в Лонгвуде не могло быть никакой пользы, кроме как для удовлетворения злонамеренных желаний. Но теперь установлено, что на протяжении всего периода содержания под стражей на острове Святой Елены разрабатывались планы побега и что агенты были заняты, иногда в Лондоне, чаще в Северной Америке, приготовлениями, которые не преследовали никакой другой цели. Пароход, стоящий прямо за пределами прямой видимости, несомненно, мог бы без труда принять Наполеона в определенное время года, если бы он только ухитрился ускользнуть от ночной бдительности часовых, окружавших дом Лонгвудов; а то, что это было невозможно или даже трудно, сам генерал Гурго не колеблясь отрицает. Слухи об этих заговорах время от времени доходили до сэра Хадсона Лоу и, конечно, усиливая его страхи и осмотрительность, постоянно бередили раны ревности и недоверия.

Однако были моменты, когда Наполеон предстал перед лицами, способными повлиять на общественное мнение в Европе своими репортажами, в совершенно ином обличье. Когда высокопоставленные иностранцы (обычно офицеры, направлявшиеся в Индию или из Индии), останавливаясь на острове Святой Елены, просили и получали разрешение засвидетельствовать свое почтение в Лонгвуде, Наполеон принимал их, по большей части, с непринужденностью и достоинством человека, превосходящего невзгоды. Именно этими достойными выставками павший император заслужил возвышенный панегирик Байрона:

— Что ж, твоя душа выдержала переломный момент,
С той необученной врожденной философией,
Которая, будь то мудрость, холодность или глубокая гордыня,
Является желчью и полынью для врага.
Когда все воинство ненависти стояло рядом,
Наблюдая за тем, как ты сжимаешься, и насмехаясь над тобой, ты улыбался
спокойным и всепроникающим взглядом;
Когда Фортуна покинула свое избалованное и любимое дитя,
Он остался непокорным под навалившимися на него бедами".

Среди посетителей, о которых сейчас идет речь, был капитан Бэзил Холл: и он, пожалуй, подарил миру самый наглядный портрет Наполеона, когда тот появлялся на подобных мероприятиях в Лонгвуде. "Буонапарте, - говорит этот путешественник, - поразил меня (13 августа 1817 г.) тем, что он значительно отличался от всех его изображений и бюстов, которые я видел. Его лицо и фигура выглядели гораздо шире и квадратнее - действительно, крупнее во всех отношениях, чем любое изображение, с которым я встречался. Его полнота, о которой в то время говорили как о чрезмерной, никоим образом не была примечательной. Напротив, его плоть выглядела упругой и мускулистой. На его щеках не было ни малейшего следа румянца; фактически, его кожа больше походила на мрамор, чем на обычную плоть. На его лбу не было заметно ни малейшей морщинки, ни малейшего намека на морщину в какой-либо части его лица. Его здоровье и бодрость духа, судя по внешнему виду, были превосходными; хотя в тот период в Англии обычно считалось, что он быстро слабеет из-за осложнения болезней и что его настроение совершенно испортилось. Его манера говорить была скорее медленной, чем

обычной, и совершенно внятной: и он с большим терпением и добротой ждал моих ответов на свои вопросы. Нельзя было не заметить блестящего, а иногда и ослепляющего выражения его глаз. Однако это не было постоянным блеском, потому что он был замечателен только тогда, когда его возбуждал какой-то предмет, представляющий особый интерес. Невозможно представить себе выражение большей кротости, я бы даже сказал, благожелательности и радушия, чем то, которое играло на его лице в течение всего интервью. Следовательно, если в то время он был нездоров и пребывал в подавленном настроении, его способность владеть собой, должно быть, была еще более экстраординарной, чем принято считать; ибо все его поведение, разговор и выражение лица указывали на совершенное здоровье и душевное равновесие".

Эти благоприятные отчеты, казалось бы, беспристрастных свидетелей, придали новые крылья рассказу о притеснениях сэра Хадсона Лоу; и, возможно, изгнание с острова Святой Елены продолжало занимать большее место в глазах всего мира, чем когда-либо прежде, выпавшее на долю человека, по всей видимости, навсегда удаленного от великого театра человеческих страстей. Именно тогда лорд Байрон обратился к нему с таким обращением:

"Ты - Победитель и Пленник Земли!

Она все еще трепещет перед тобою — и твое дикое имя

Никогда еще не было так сильно оскорблено в умах людей, как теперь, когда ты ничто, кроме шутовской Славы,

Который когда—то ухаживал за тобой, твоим вассалом, и стал

льстить твоей свирепости, пока ты не стал

самим собой богом - и не стал таким же

Для изумленных королевств, все инертные,

Которые какое-то время считали тебя тем, что ты утверждал".

И именно тогда английский аристократ высокого ранга, который повсюду проявлял особый интерес к судьбе Наполеона, начертал на его статуе (в садах Холланд-Хауса) строки Гомера:

Οὐ γὰρ πῶ τεθνήκεν ἐπὶ χθονὶ δῖος Ὀδυσσεύς,

Ἀλλ' ἐτι πῶ ζωὸς κατερύκεται εὐρεῖ ποντῷ

Νηυσὲν ἀμφιρῦτῃ· χαλεποὶ δὲ μιν ἄνδρες ἔχουσιν.[74]

В обычное время течение жизни Наполеона в Лонгвуде, по-видимому, было следующим. Он вставал рано и, как только вставал с постели, либо садился верхом, либо начинал диктовать Монтолону или Гурго какую-нибудь часть истории своей жизни. Он завтракал *на фуршете*, иногда в одиночестве, иногда со своей свитой, между 10 и 11 часами; читал или диктовал до 2 и 3 часов, когда принимал тех посетителей, которых решал впустить. Затем он выезжал верхом или в своем экипаже на пару часов в сопровождении, как правило, всей своей свиты; затем снова читал или диктовал почти до восьми, когда подавался ужин. Он предпочитал простую пищу и ел в изобилии. За ужином было выпито несколько бокалов кларета, меньше английской пинты, а чашечка кофе завершила второй и последний прием пищи за день, как и первый. Одного бокала шампанского или любого другого вина покрепче было достаточно, чтобы кровь прилила к его щекам. Действительно, говорят, что его врожденная деликатность желудка была такова, что для него во все времена было фактически невозможно чрезмерно потакать какому-

либо из самых грубых appetитов нашей природы. Однако он взял большое количество нюхательного табака. Вечер завершался игрой в шахматы, чтением вслух французской трагедии или беседой. Привычки его жизни научили его почти не нуждаться во сне и принимать его по утрам; и обычно у него был кто-нибудь, кто читал ему вслух после того, как он ложился спать, как это обычно бывает с теми, чьи подушки прижаты встревоженными головами.

Наполеон тщательно следил за своей персоной. Он любил ванну и принимал ее по крайней мере один раз в день. Его одежда на острове Святой Елены была, как правило, той же, которую он носил в Тюильри в качестве императора, а именно. зеленая форма гвардейских егерей с красной каймой, со звездой и нашивкой ордена Почетного легиона. Его свита до последнего продолжала поддерживать вокруг него, насколько это было возможно, стиль и обстановку его двора.

Еще до битвы при Ватерлоо во Франции ходили слухи о том, что здоровье Наполеона ухудшается; однако мы уже видели, что по состоянию на апрель 1817 года в его внешнем облике не было заметно никаких симптомов телесной болезни. С этого времени, однако, его приближенные продолжали настаивать, со все возрастающей яростью, на необходимости предоставления большего снисхождения вследствие пошатнувшегося состояния его организма: и, хотя к таким предложениям по очевидным причинам поначалу относились с большим подозрением, теперь мало кто сомневается, что в этом вопросе слава Лонгвуда говорила правду.

Доктор Арнотт, английский врач, о котором уже упоминалось, который присутствовал у смертного одра Наполеона, сообщил нам, что он сам часто возвращался к тому факту, что его отец умер от скирруса привратника. "У нас есть высокий авторитет, - говорит этот автор, - что это поражение желудка не может быть вызвано без значительной предрасположенности органов к заболеванию. Если, таким образом, следует признать, что предшествующая предрасположенность частей тела к этому заболеванию действительно существовала, то не могут ли угнетающие страсти ума действовать как возбуждающая причина? Более чем вероятно, что душевные страдания Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены были очень острыми. Человек с такими безграничными амбициями, который когда-то стремился к вселенскому владычеству, должно быть, тяжело переживал неволю. Я могу с уверенностью утверждать, что любой человек умеренного нрава, не подверженный большим физическим нагрузкам, ночному воздуху и атмосферным изменениям, может иметь такой же иммунитет от болезней на острове Святой Елены, как и в Европе; и я могу, следовательно, далее утверждать, что болезнь, от которой умер Бонапарт, была не следствием климата". — Добавляется, что из всей семьи Наполеона, которая, включая английских и китайских слуг, насчитывала пятьдесят человек, только один человек умер за пять лет их пребывания на острове Святой Елены, и этот человек, итальянский майор - домо привез с собой семена чахотки из Европы.

В марте 1817 года лорд Холланд обратился с торжественным обращением к британскому парламенту по поводу обращения с Наполеоном, и получил ответ от лорда Батерста — в такой манере, что не нашлось никого, кто поддержал бы его. Известие об этом, по-видимому, оказало мощное влияние на дух пленника. Примерно 25 сентября 1818 года состояние его здоровья начало ухудшаться в достаточной степени, чтобы вызвать тревогу у доктора О'Мира, который сообщил ему, что, если он не будет регулярно заниматься физическими упражнениями на свежем воздухе (что в последнее время он делал редко), прогрессирование болезни будет

быстрым. В ответ Наполеон заявил, что никогда больше не будет заниматься физическими упражнениями, подвергаясь вызову часовых. Врач заявил, что если он будет упорствовать, конец будет фатальным. "По крайней мере, у меня будет одно утешение, - ответил он, - что моя смерть будет вечным позором для английской нации, которая послала меня в этот климат умирать от рук..." О'Мира снова представил последствия своего упрямства. "Что предначертано, то предначертано, - сказал Наполеон, поднимая глаза, - наши дни сочтены".

Вскоре после этого О'Мира, уличенный в подозрительной переписке с неким Холмсом, финансовым агентом Наполеона в Лондоне, был отправлен домой сэром Хадсоном Лоу; а поскольку Наполеон отказался принять какого-либо врача, назначенного губернатором, вместо него его сестра Полина отправила итальянца по имени Антоммарчи. С этим врачом приехали также два итальянских священника, присутствия которых добивался сам Наполеон и которых выбрал его дядя, кардинал Феш.

Его упорный отказ от физических упражнений, возможно, в какой-то мере был вызван внутренними и неопишуемыми ощущениями. Всем медицинским предписаниям Антоммарчи он противопоставлял подобную решимость. "Доктор, - сказал он (14 октября 1820 г.), - никаких лекарств; мы - машина, созданная для жизни; мы организованы для этой цели, и такова наша природа; не противодействуйте жизненному принципу — оставьте его в покое - предоставьте ему свободу самозащиты — это подействует лучше, чем ваши лекарства. Наш организм - это часы, предназначенные для того, чтобы идти определенное время. Часовщик не может открыть их и должен работать наугад. За тот раз, когда он облегчал ее или помогал ей своими кривыми инструментами, он повредил ее десять раз и, наконец, уничтожил".

Вместе со здоровьем Наполеона ухудшился и его рассудок. Его внимание привлекли несколько рыбок в пруду в саду в Лонгвуде; случайно в воду попало вредное вещество — они заболели и умерли. "Все, что я люблю, - сказал Наполеон, - все, что принадлежит мне, поражено. Небеса и человечество объединяются, чтобы сокрушить меня". Приступы долгого молчания и глубокой меланхолии стали теперь частыми. "В те дни, - однажды сказал он вслух в задумчивости, - в тедни я был Наполеоном. Теперь я ничто — моя сила, мои способности покидают меня — я больше не живу, я только существую".

Когда сэру Хадсону Лоу стало известно о состоянии пленного, он проинформировал правительство на родине; и по желанию его Величества было немедленно дано разрешение на отправку на остров Святой Елены с мыса любой офицер-медик, на которого мог пасть выбор Наполеона. Это despatch, однако, не достичь Святой Елены, пока Наполеон испустил дух.

Примерно в середине апреля 1821 года болезнь приняла такие формы, что доктор Антоммарчи очень захотел посоветоваться с каким-нибудь английским врачом, и пациентка, наконец, согласилась на визиты доктора Арнотта, о котором уже упоминалось. Но этот джентльмен также был услышан напрасно настаивающим на необходимости медицинского применения. "Квод скрипtum скрипtum", - еще раз ответил Наполеон. - "Наш час пробил, и никто не может претендовать на мгновение жизни сверх того, что предопределено судьбой".

С 15 по 25 апреля Наполеон занимался составлением своего последнего завещания, в котором он завещал сыну свои приказы и по образцу каждой вещи из своего гардероба. 18-го числа он дал указания вскрыть свое тело после смерти, выразив особое желание, чтобы его желудок был тщательно осмотрен, а о его внешнем виде сообщили его сыну. "Рвотные позывы, - сказал он, -

которые следуют один за другим без перерыва, по-видимому, показывают, что из всех моих органов желудок наиболее болен. Я склонен полагать, что это заболевание, от которого умер мой отец, — скиррус в привратнике — врачи Монпелье предсказали, что это будет передаваться по наследству в нашей семье ". Он также дал указания священнику Виньяли относительно того, каким образом он хотел бы, чтобы его тело было помещено в *chambre ardente* (парадная комната, освещенная факелами). "Я не атеист, - сказал Наполеон, - и не рационалист; я верю в Бога и придерживаюсь религии моего отца. Я родился католиком и буду выполнять все обязанности этой церкви и получать помощь, которой она управляет".

3 мая стало очевидно, что сцена близка к завершению. Санитары охотно вызвали бы еще врачей, но они не осмелились, зная его чувства по этому поводу: "Даже если бы он потерял дар речи, - сказал один из них, - мы не смогли бы вынести его взгляда". Последние таинства церкви теперь совершал Виньяли. С тех пор он пребывал в бредовом оцепенении. 4-го числа на остров обрушился сильнейший шторм, который с корнем вырвал почти все деревья в окрестностях Лонгвуда. 5-го был еще один день бурь; и около шести часов вечера Наполеон, произнеся слова "tête d'armée", навсегда расстался с мечтами о битве.

6 мая, когда АнтомМарчи вскрыл тело в присутствии пяти британских медиков и нескольких офицеров гарнизона, а также Бертрана и Монтолона, причина смерти была достаточно очевидна. Раковая язва занимала почти весь желудок.

Наполеон пожелал в своем завещании, чтобы его тело было похоронено "на берегах Сены, среди французского народа, который он так сильно любил". Сэр Хадсон Лоу, конечно, не мог ожидать, что король Франции разрешит это сделать, и была приготовлена могила среди плачущих ив рядом с фонтаном в маленькой долине под названием *Слэйнс*, совсем недалеко от Лонгвуда. Именно в тени этих ив Изгнанник занимал свое любимое вечернее место; и было слышно, как он говорил, что, если ему суждено быть похороненным на острове Святой Елены, он предпочел бы лежать именно там.

Тело императора, одетое в его обычную униформу, теперь было выставлено на всеобщее обозрение, и, соответственно, его посетило все население острова. Солдаты гарнизона медленно, гуськом проходили мимо кушетки; каждый офицер, в свою очередь, останавливался, чтобы почтительно пожать замерзшую руку мертвеца. 8-го числа его домочадцы, губернатор, адмирал и все гражданские и военные власти этого места сопровождали его к могиле - покрывалом, накинутым на его гроб, был военный плащ, который он носил в Маренго. Дорога была непроходима для экипажей, и отряд английских гренадеров проводил Наполеона к его могиле. Адмиральский корабль стрелял из миниатюрных пушек, пока Виньяли читал службу в своей церкви. Затем гроб опустили под три залпа из пятнадцати пушек, и над останками того, кто не нуждается в эпитафии, опустили огромный камень.

Наполеон не раз признавался в Лонгвуде, что своим падением он обязан исключительно своим собственным ошибкам. "Следует признать, - сказал он, - что судьба избаловала меня. Не дожив до тридцати лет, я обнаружил, что облечен огромной властью и являюсь движущей силой великих событий". В самом деле, никто не может надеяться судить о нем справедливо, ни в блеске его дня, ни в тревожной темноте его вечера, кто не напрягает воображение, чтобы представить себе естественное воздействие на темперамент и гений, столь пламенный и

отважный, этого почти мгновенного перехода от бедности и безвестности к вершинам славы, богатства и власти. Пламя, ослеплявшее глаза других людей, оказывало роковое влияние на него самого. Он начал верить, что в его собственных способностях есть что-то сверхчеловеческое и что у него была привилегия отрицать, что какие-либо законы были созданы для него. Обязательства, которыми, как он ожидал, будут скованы все остальные, он считал себя вправе срывать и топтать. Он стал божеством для самого себя; и ожидал, что человечество не просто подчинится действиям демона, но будет восхищаться ими и благоговеть перед ними. Хорошо говорит Поэт,

"О! больше или меньше, чем человек — высоко или низко,
Сражаясь с нациями, убегая с поля боя;
То подставляя шею монархов под ноги, то
Уступая Даже самому ничтожному солдату;
Империю, которую ты мог бы сокрушить, командовать, восстановить,
Но не управляй своими самыми мелкими страстями и,
Каким бы глубоким ни был человеческий дух, искусный,
Смотри сквозь свой собственный — ни обуздывая жажду войны,
Ни учись, что искушенная судьба оставит самую высокую звезду".

Его сердце от природы было холодным. Его школьный товарищ, который впоследствии стал его секретарем, признается, что даже весной юности он был очень не расположен заводить дружеские отношения.^[75] Сказать, что он был неспособен на такие чувства или что у него действительно никогда не было друга, значило бы отказать ему в какой-либо роли в природе и судьбе его вида.— Никто никогда не осмеливался быть совершенно одиноким в этом мире.— Но мы сомневаемся, что когда-либо в жизни был человек, который хоть немного сочувствовал бы человечеству; и самая замечательная часть его истории - это сила влияния, которое он оказывал на умы тех, в ком он так редко позволял себе видеть что-то большее, чем орудия своих собственных амбиций. Столь великий дух, должно быть, имел представление о том, что украшает и облагораживает характер человека. Но у него чувства, которые связывают любовь, играли только на поверхности, оставляя нетронутой бездну эгоизма. Его единственным инструментом власти был гений; следовательно, его влияние было наибольшим среди тех, кто имел ограниченный доступ внимательно и неторопливо наблюдать за мелочами его личного характера и манеры поведения. Исключений из этого правила было очень мало.

Гордость и тщеславие странным образом смешивались в его облике. Кому не жаль благородного камергера, который признается, что у него кровь застыла в жилах, когда он услышал, как Наполеон, сидя за обедом в Дрездене в кругу коронованных особ, начинает рассказ словами *"Когда я был лейтенантом полка Ла Фер"*? Кто не испытывает жалости к Наполеону, когда слышат, как он говорит о некоторых украшениях Тюильри, которые были сделаны *"во времена короля, моего дяди"*?^[76]

Эта последняя слабость была главным двигателем его свержения. Когда он снизошел до подражания всем установившимся этикетам феодальной монархии — когда он придумал титулы и щедро наградил свою семью звездами и попытался свести ее к небольшому кругу наследственных принцев, — он воспользовался самым надежным средством, которое только можно было придумать, чтобы оттолкнуть от себя чувства всех участников революции, за

исключением одной армии, и возродить надежды и усилия бурбонистов. Ясно, что с тех пор он почти полностью полагался на солдат. После этого никакие гражданские перемены не могли повлиять на его реальное положение. Клятвы и обеты, хартии и уступки - все было одинаково напрасно. Когда армия была унижена и ослаблена в 1814 году, он пал со своего трона, и ни один голос не вознесся в его пользу. Армия не успела укрепиться и вновь воодушевиться, как она отозвала его. Он вновь взошел на головокружительную высоту смелым шагом героя и заявил о своем желании не сеять с нее ничего, кроме справедливости и милосердия. Но никто не поверил его словам. Его армия была разгромлена при Ватерлоо, и краткий день второго царствования без сумерек перешел в полночь.

Мы еще недостаточно далеки от Бонапарта, чтобы оценить последствия его карьеры. Он переделал военное искусство; и в конце концов был побежден людьми, которые черпали мудрость и вдохновение из его собственных кампаний. Он придал постоянство и широту влиянию Французской революции. Его правления, каким бы коротким оно ни было, было достаточно, чтобы сделать невозможным когда-либо возрождение во Франции оскорбительных привилегий *касты*; и, когда это беззаконие будет однажды устранено, не могло быть никаких сомнений в том, что такая нация постепенно приобретет систему институтов, достойных ее интеллекта. Наполеон был таким же по сути и безвозвратным деспотом, как и воин; но его преемник, будь то Бурбон или Бонапарт, скорее всего, был конституционным сувереном. После этого прецедента никто не потерпел бы тирании более подлой руки.

В Европе в целом он оставил следы своей империи, не менее заметные и важные. Он повсюду разрушал барьеры обычаев и предрассудков и произвел революцию в духе Континента. Его успехи и двойное падение показали абсолютным монархам их слабость, а раненым нациям - их силу. Такие ураганы страстей, как Французская революция, такие сокрушительные бедствия человечества, как Наполеон Бонапарт, допускаются только как мстители за великое зло и предвестники великого добра. О влиянии того и другого на континент можно с уверенностью сказать, что даже сейчас мы видели только "начало конца". Правящие монархи Европы, за редкими исключениями, доброжелательные и гуманные люди; и их подданные не в меньшей степени, чем они сами, должны помнить урок всей истории — что никогда еще не происходили насильственные и внезапные изменения в структуре социального и политического порядка, не причинившие крайних страданий по крайней мере одному поколению.

Именно Англия вела великую битву по одному и тому же принципу, не дрогнув; и, если бы не ее упорство, все остальные сражались бы напрасно. Следует надеяться, что британская нация продолжит видеть и уважать в этом соревновании и в его результате неизмеримые преимущества, которыми обладает трезвая сила свободной, но незыблемой конституции перед безумной энергией анархии, с одной стороны, и, с другой, перед всем тем, к чему может привести деспотический эгоизм, даже под руководством самого непревзойденного гения.

КОНЕЦ

ТЕМПЛ ПРЕСС

ЛЕТЧВОРТ, АНГЛИЯ

СНОСКИ:

[1] Родольф Габсбург был основателем австрийской семьи.

[2] Его первая битва.

[3] Наполеон в чулках до пят занимается любовью с Джакоминеттой.

[4] Корсика стала по закону французским департаментом всего за два месяца до рождения Наполеона.

[5] Отчет, в результате которого Буонапарте получил это отличие, заключается в следующих словах: "Мсье де Буонапарт (Наполеон), родился 15 августа 1769 года, рост четыре фута десять дюймов, десять линий; хорошее телосложение; здоровье превосходное; характер послушный, прямой, благодарный; поведение очень правильное: всегда отличался своим пристрастием к математике. Он сносно знаком с историей и географией; достаточно слаб в латинской дикции и других изящных способностях; мог бы стать отличным морским офицером; заслуживает перевода в Военную школу в Париже".

[6] Де Бурьен.

[7] По некоторым данным, последнее предложение гласило "умереть в больнице", и в дальнейшем это было истолковано как означающее Мальмезон — дворец, который (как и наш собственный Сент-Джеймс) когда-то был больницей.

[8] У Бертье в качестве курьежа хранился общий приказ, по которому каждому дивизионному генералу выдавалось по три луидора в качестве большого довольствия, датированный тем самым днем победы при Альбени.

[9] Тот самый, кто впоследствии стал Людовиком XVIII. Франции.

[10] Валлетт был уволен. Впоследствии Ожеро был назначен герцогом Кастильоне в память об этом подвиге.

[11] Буонапарте, чтобы восполнить все свои потери в двух последних кампаниях, получил всего 7000 рекрутов.

[12] Он нашел среди них богатого старого каноника своего имени, который гордился тем, что приветствовал корсиканца как истинного потомка тосканского Бонапарта; который с большим блеском принимал его и весь его персонал; позабавил генерала своим беспокойством о том, что к папе должны быть применены какие-то проценты, чтобы добиться канонизации некоего давно умершего человека, достойного святого престола. простого происхождения, по имени Буонвентара Буонапарте; и, умерев вскоре после этого, завещал все свое состояние своему новообретенному родственнику.

[13] Отсюда в дальнейшем титул Массены "Герцог Риволи".

[14] Ужас был таков, что один отряд из 6000 человек под командованием Рене сдался французскому офицеру, с которым было едва ли 500 человек.

[15] У священников в этом месте было изображение Девы Марии, которое они показывали людям во время пролития слез, чтобы еще больше стимулировать их против нечестивых республиканцев. Войдя в это место, французы были удивлены, обнаружив механизм, с помощью которого был исполнен этот трюк; слезы Мадонны представляли собой нитку стеклянных бус, струящихся по часовому механизму внутри святилища, к которому верующие были слишком почтительны, чтобы приближаться. Маленькие фонтанчики ормолу, которые работают по тому же принципу, в настоящее время являются обычным украшением каминов в Париже.

[16] *Санта-Каса*, или *святой дом* в Лоретто, представляет собой небольшое кирпичное здание, вокруг которого была возведена великолепная церковь, и которое, согласно римскому календарю, было первоначальным жилищем Девы Марии в Назарете, чудом перенесенным по воздуху в Италию. На протяжении веков это было главное пристанище римских паломников, и богатства этого места *когда-то* огромными.

[17] Герб Венеции.

[18] Моро знал об этом несколькими месяцами раньше и сказал об этом *после того*, как Наполеон сообщил об этом Директории. Это подозрительное обстоятельство, если рассматривать его наряду с продолжением истории Моро.

[19] Мантуя, как будет показано ниже, отошла Франции по заключительному договору Наполеона с Австрией; но события, которые сделали это возможным, были пока неизвестны и неожиданны.

[20] Было бы неприятно показать, как это легко можно было бы сделать из этой переписки, изначальный недостаток деликатности в сознании Наполеона. Многие из его писем такие, какие ни один английский джентльмен не стал бы адресовать *любовнице*. В других текстах язык достоин страсти героя. "Вурмзер, - говорит он, - дорого заплатит за слезы, которые он заставляет вас проливать".

[21] Серебряных дел мастер, оказавший ему доверие, когда он отправился в Италию за туалетным столиком стоимостью 50 фунтов стерлингов, был вознагражден всеми делами, которые могла принести ему рекомендация его ныне прославленного должника; и, будучи искусным в своем ремесле, в конечном итоге стал, под покровительством императорского дома, одним из богатейших граждан Парижа. Маленький шляпник и сапожник, служившие Бонапарту в чине младшего офицера, могли бы подняться таким же образом, если бы их мастерство сравнялось с мастерством серебряника. Даже пример Наполеона не смог убедить парижан носить шляпы некрасивой формы и неуклюжие сапоги; но он сам до последнего придерживался своей первоначальной связи с этими бедными ремесленниками.

[22] Директория прервала переговоры самым наглым образом, приказав лорду Малмсбери покинуть Францию в течение двадцати четырех часов: это они сделали в своем ликовании после 18 Фруктидора.

[23] Перед отъездом из Парижа Бонапарт приказал своему секретарю подготовить лагерную библиотеку из небольших томов, распределенных по различным разделам науки, географии и путешествий, истории, поэзии, романтики, политики. "Работ по политике" насчитывается шесть, а именно: "*Дух законов*" Монтескье, сборник мифологии, Вед, Корана, Ветхого и Нового Заветов — все на французском.

[24] В этот период Египет, хотя и номинально управлялся пашой, назначенным Великим сеньором, на самом деле находился в руках мамлюков; особой группы людей, которые почти не уважали никакую власть, кроме власти своих собственных вождей. Этих вождей, или беев, было двадцать четыре; каждый из них правил отдельным округом; они часто воевали друг с другом и так же часто поднимали восстания против своего номинального правителя. Согласно установлениям мамлюков, их отряд набирался исключительно из мальчиков, в основном европейского происхождения, взятых в плен и с самых ранних дней приучавшихся ко всем военным упражнениям. Их повышали в звании в соответствии с их заслугами; по обычаю, когда бей умирал, ему наследовал самый храбрый из его отряда. Мамлюки, таким образом, образовали отдельную *касту*; и они самым жестоким образом угнетали население страны, попавшей в их распоряжение. *Феллахи*, или бедные арабы, обрабатывающие землю, будучи вынуждены непомерно платить за разрешение делать это, испытывали крайнюю нищету посреди огромных природных богатств. *Кофты*, предположительно происходившие от древнеегипетской нации, выполняли большинство гражданских функций при мамлюках и имели в своих руках ремесла, но они также были невыносимо притесняемы этими надменными и свирепыми солдатами.

Наполеон считал мамлюков по отдельности лучшей кавалерией в мире. Они скакали на самых благородных лошадях Аравии и были вооружены лучшим оружием, какое только мог произвести мир: карабинами, пистолетами и т. Д. Из Англии и саблями из дамасской стали. Их мастерство верховой езды было равно их пламенной доблести. С такой кавалерией и французской пехотой, по словам Бонапарта, было бы легко завоевать мир.

[25] Этот маневр был впервые применен 12 августа 1782 года флотом лорда Родни; и, как, кажется, теперь установлено, по предложению капитана флота того адмирала, покойного сэра Чарльза Дугласа, Барта.

[26] Смотрите замечательную "*Жизнь Нельсона*" Саути; которая составит один из томов этой библиотеки.

[27] Джеззар означает *мясник*: он заслужил это звание беспощадностью своей администрации.

[28] Сэр Сидней Смит, попавший в плен и самым неоправданным образом заключенный французским правительством в темницы Тампля, совершил побег благодаря усердию некоторых членов партии роялистов, и главным образом Филиппо.

[29] Красивый фехтовальщик — *то есть* Мурат.

[30] Де Бурьен, любопытная работа которого появилась после публикации первого издания этого повествования, подтверждает это утверждение Наполеона: но Наполеон, очевидно, мог получать письма, которые он не пожелал сообщать своему секретарю.

[31] Крэбб.

[32] На следующее утро после объявления конституции улицы Парижа были увешаны плакатами со следующим пасквилем:—

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫЧИТАНИЕ.

От 5 Директоров

Дубль 2

Остаются 3 консула

Из них возьмите 2

И остается 1 Буонапарте.

Это в достаточной степени выражает то, что считалось сутью новой конституции.

[33] Когда он писал из Клагенфурта эрцгерцогу Карлу.

[34] "Манфред" Байрона.

[35] Достойные госпитальеры Святого Бернара расположились на этом диком возвышении с целью облегчить страдания путешественников, заблудившихся в соседних ущельях. У них есть свора необычайно сообразительных собак, которые днем и ночью бродят по холмам и часто вытаскивают на свет божий паломников, погребенных под снегом.

[36] Дюма приводит следующий анекдот: "В одном из таких случаев, когда Сульт предпринял отчаянную атаку, произошло обстоятельство, столь же почетное, сколь и характерное для духа, одушевлявшего французов. Солдаты двух полубригад итальянской армии, а именно 25-го легкого и 24-го Линейного, поклялись в вечной вражде друг против друга, потому что до начала кампании, когда дезертирство и все пороки неподчинения преобладали в этой армии, дезорганизованной страданиями, первый, в котором поддерживалась дисциплина, был использован для разоружения второго. Были приняты все меры, чтобы держать их порознь; но случилось так, что эти два корпуса в один прекрасный день оказались как бы соперниками в доблести, причем один на глазах у другого. Те же опасности, та же жажда славы, то же стремление сохранить себя сразу же возродили во всех сердцах благородные чувства; солдаты мгновенно смешались; они обнялись посреди пожара, и половина одного корпуса переходила в ряды другого, они возобновляли бой после обмена ударами с удвоенным пылом".

[37] 5 сентября 1800г.

[38] Мужчина принял этот звук за приветствие.

[39] "Наполеон отказался от *и* в своей фамилии *после* своей первой кампании в Италии".— Бурьен.

[40] Поэт Кэмпбелл ярко описал начало последовавшей за этим великой битвы.

"На Линдене, когда солнце стояло низко,
Весь бескровный лежал нехоженный снег,

И темным, как зима, был поток
быстро катящегося Изера:

Но Линден увидела другое зрелище,
Когда глубокой ночью забили барабаны,
Приказывая кострам смерти осветить
темноту ее пейзажа" и т.д.

[41] Подробности битвы при Копенгагене см. в книге Саути *"Жизнь Нельсона"*. Этот конфликт был воспет в благородной лирике Кэмпбелла —

"О Нельсоне и Севере
Воспевают славу славного дня,
Когда в жестокой битве проявилась
Вся мощь датской короны" и т.д.

[42] Смотрите стихи Вордсворта "написано в Кале 15 августа 1802 года", в которых безразличие людей противопоставляется их энтузиазму в первые дни революции.

Видел ли я праздники, которые не имели названий:
Это день рождения юного Буонапарте;
И отныне он — признанная власть,
пожизненный консул. С благоговением Франция провозглашает
Свое одобрение, с помпой и играми,
дай бог, чтобы другие города были веселыми!
Кале - нет, и я проложил свой путь
К морскому побережью, отметив, что каждый человек строит
Свой бизнес так, как ему нравится. В другой раз,
это было, когда я был здесь много лет назад,
бессмысленность радости была тогда возвышенной!" и т. Д.

[43] Свидетельство, среди прочих свидетельств, благородного сонета Вордсворта:—

"Туссен, несчастнейший Человек из Людей!
Будет ли всемогущее солнце свободно проливать
Свои лучи вокруг тебя, или ты положишь свою голову
на подушку в зловонном логове какой-нибудь темной темницы,
О, несчастный вождь! где и когда
ты найдешь терпение! Но все же не умирай; лучше
носи в своих узах веселое чело:
Хотя сам Ты и пал, чтобы никогда больше не подняться,
Живи и утешайся. Ты оставил позади
Силы, которые будут работать на тебя — Воздух, Землю и Небеса;
Ни одно дуновение обычного Ветра
Не забудет тебя; у тебя есть великие Союзники;

Твои друзья - Ликование, Муки,
И Любовь, и непобедимый Разум Человека".

[44] Смотрите сонет Вордсворта "22 сентября 1802 года".

С нами была попутчица, которая приехала
из Кале в ярком наряде, -
Негритянка, похожая на леди гей,
Но молчаливая, как женщина, боящаяся обвинений;
Удрученная, кроткая, но жалко ручная,
Она сидела, не отворачиваясь от посторонних взглядов,
Но на нашей предложенной доброте все еще лежал
груз вялых речей, или в то же время
Была молчаливой, с неподвижными глазами и лицом,
Она была негритянкой, изгнанной из Франции —
Отвергнутой, как и все остальные представители этой расы,
Ни один из них теперь не может найти там опоры;
Так бедный изгой заявил нам,
И не роптал на это бесчувственное Постановление".

[45] Впоследствии сэр Джеймс.

[46] Именно благодаря этой книге "Две мрачные истории Яффы" впервые были обнародованы в Европе; и уместно добавить, что сэр Р. Уилсон публично подарил экземпляр Георгу III. на своей дамбе.

[47] К этому периоду относится песня сэра У. Скотта, обращенная к эдинбургским волонтерам:—

"Если когда—нибудь дыхание британского шторма
развеет триколор,
Или поступь грубого захватчика,
С грязным грабежом и красным от крови,
Осквернит наш счастливый берег -
Тогда прощай, дом! и прощайте, друзья!
Прощайте, каждый нежный галстук!
Преисполненные решимости, мы смешиваемся с течением,
Куда мчится яростная атакующая эскадрилья,
Чтобы победить или умереть" и т. Д.

И различные сонеты мистера Вордсворта; такие как...

"Не следует думать о том, что поток
британской свободы" и т. Д.

"Авангард свободы! вы, мужчины Кента,
вы, дети земли, которая поднимает
Свое надменное чело к берегам Франции,
Настало время доказать свою стойкость!" и т. Д.

[48] Этот отчет был опубликован *более двадцати лет спустя* после публикации брошюры Савари (герцога Ровиго).

[49] Примерно год спустя капитан Райт был найден мертвым в своей темнице в Темпле с перерезанным от уха до уха горлом. Эта тайна до сих пор оставалась в таком же мраке; но Буонапарте в момент смерти Райта находился далеко от Парижа, и, учитывая все обстоятельства дела, кажется, нет никаких оснований предполагать, что он мог иметь какое-либо отношение к этой трагедии.

[50] *то есть* Убить короля.

[51]

"Оплакиваемый герой! когда до берегов Британии с
Ликующей Славой донеслись эти ужасные вести,
пронзительный крик Джой, полный всепоглощающего горя, был заглушен
И невольные слушатели Виктори нашлись;
На каждом челе повисло облако печали;
Звуки триумфа замерли на каждом языке.
Но не клятвы, которые платит твоя плачущая страна;
Не этот высокий уровень, не хвала твоему скорбящему монарху,
Не то, что великие, прекрасные и храбрые
Склоняются в немом почтении перед твоей закрывающейся могилой;
Что с такой скорбью, какой омываются родственные гробницы,
Коллективные нации оплакивают столь дорогую смерть;
Не только это успокоит твою святую тень,
И освятит место, где ты похоронен —
Не только это! — но, прорываясь сквозь мрак,
С сияющая слава из твоей драгоценной могилы,
Священное великолепие твоего бессмертного имени
Будет украшать и охранять боевую славу твоей страны;
Вдали будет сиять неугасимый луч,
Могучий маяк, освещающий путь славы —
Живым блеском эта гордая земля украшает,
И сияет, и спасает сквозь века, еще не рожденные".[52]

[52] "Ульм и Трафальгар", стихотворение Rt. Достопочтенный Джордж Каннинг.

[53] Опубликовано 27 июля 1806 г.

[54] Впоследствии третий маркиз Хартфорд.

[55] Впоследствии шестой граф Карлайл.

[56] Сам Костюшко впоследствии опроверг какие-либо сведения о постановке.

[57] Впоследствии первый граф Грэнвилл.

[58] Полковник Нейпир, стр. 25.

[59] Кол. Нейпир, глава первая.

[60] Леопарды на английском гербе были превращены во львов за пятьсот лет до этого! Злоба Бонапарта могла опуститься до таких мелочей.

[61] Этот офицер родился и получил образование в Германии. Он происходил из старинного шотландского рода, сосланного за приверженность к Стюартам в 1715 году.

[62] Он был спасен в Польше отрядом казаков.

[63] Рассказ Хоффмана о его собственной жизни.

[64] Блюхер был создан принцем Вальштадтским.

[65] Теперь лорд Линедок.

[66] Английский *дебошир*, находившийся тогда в Париже, рассказывает: "Во время сражения итальянский бульвар и кафе "Тортони" были заполнены модными зеваками обоего пола, которые, как обычно, сидели на расставленных там стульях и казались почти незаинтересованными зрителями количества доставленных раненых французов. Офицеров несли на матрасах. Около двух часов на бульварах, от ворот Сен-Мартен до Итальянского леса, слышался общий крик "*Да здравствует народ*"; это вызвало всеобщее и беспорядочное бегство, которое распространилось, подобно колебаниям волны, даже за Новый мост.... В течение всего боя раненые солдаты выползали на улицы и ложились умирать на мостовую.... "*Монитор*" того дня занимал целую полосу, но ни о войне, ни об армии не было обращено никакого внимания. Четыре колонки были заняты статьей о драматических произведениях Дени, а три — диссертацией о существовании Трои". - *Памятные события в Париже в 1814 году*, стр. 93.

[67] Когда король впервые прибыл в Париж, появилась карикатура, изображающая орла, улетающего из Тюильри, и выводок свиней, въезжающих в ворота; и чернь обычно называла Его Величество не *Louis dix huit*, а *Louis Cochon* (свинья), или *Louis des huîtres* (об устрицах).

[68] Один император Александр сохранил полное самообладание и, повернувшись к герцогу Веллингтону, воскликнул: "Эй, Веллингтон, ты выходишь на бис, чтобы защитить весь мир".

[69] Это намек на поведение Мармона при Эссоне и поспешное оставление Ожеро Лиона, когда австрийцы приблизились к нему в марте 1814 года.

[70] Идею и название этого собрания Наполеон позаимствовал из истории ранних галлов.

[71] Этим презрительным именем его солдаты называли всех, кто никогда не носил оружия. Однажды это слово слетело с уст одного из маршалов Наполеона в присутствии Талейрана, который поинтересовался его значением. "Обычный *requin*, — ответил грубый солдат, — tout se

qui n'est pas militaire". - "Ах! - сказал хладнокровный Талейран. - "Обычный *военный*, - ответил грубый солдат, - tout ce qui n'est pas civil".

[72] Вымысел о герцоге Веллингтоне, который был *удивлен* этим великим событием, сохранял свое место почти во всех повествованиях о войне в течение пятнадцати лет. Великодушное молчание герцога при таком обращении в течение столь длительного периода будет по достоинству оценено потомками. Факты по этому делу теперь излагаются с точки зрения самого непререкаемого авторитета.

[73] Факт встречи Веллингтона и Блюхера между битвами при Линьи и Ватерлоо хорошо известен многим высшим офицерам, находившимся в то время в Нидерландах; но автору этого сборника никогда не доводилось видеть упоминания об этом в печати. Лошадь, которая несла герцога Веллингтона в этом долгом ночном путешествии, столь важном для решающей битвы 18-го августа, оставалась до недавнего времени, понятно, если до сих пор не осталась, бесплатной пенсионеркой в лучшем загоне Стратфилдсея.

[74]

"Богородный Улисс еще не умер на земле;
Он все еще остается живым пленником на просторах океана,
на каком-нибудь неприступном острове, где его удерживают дикари".

Одиссея. книга первая. версия. 195.

[75] Важная информация.

[76] *Людовик XVI.*!—женат на тете Марии Луизы —см. Бурьен.